

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ФИННО-УГРЫ

БАЛТЫ И СЛАВЯНЕ

на Днепре и Волге

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ФИННО-УГРЫ,
БАЛТЫ
И СЛАВЯНЕ
на Днепре и Волге

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1966 · ЛЕНИНГРАД

Петр Николаевич Третьяков

ФИННО-УГРЫ, БАЛТЫ И СЛАВЯНЕ НА ДНЕПРЕ И ВОЛГЕ

Утверждено к печати

Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*. Художник *Д. А. Андреев*

Технический редактор *Н. А. Кругликова*

Корректоры *А. А. Гинзбург* и *Н. М. Шилова*

Сдано в набор 5 XI 1965 г. Подписано к печати 19/I 1966 г. РИСО АН СССР
№ 5-143В. Формат бумаги 70×108 1/16. Бум. л. 9^{5/8}. Печ. л. 19^{1/4} = 26.95 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 27.1. Изд. № 2722. Тип. зак. № 575. М-27519. Тираж 1300.
Бумага типографская № 1.

Цена 1 р. 71 к., переплет 20 коп.

1-6-2
183-66

Лен. отд. издательства «Наука». Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1
1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ВВЕДЕНИЕ

ЭТНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И АРХЕОЛОГИЯ

1

Свыше тысячи лет прошло с того отдаленного времени, когда на широких пространствах Поднепровья и смежных с ним областей Восточно-Европейской равнины в обстановке больших исторических изменений складывалась древнерусская народность, общий предок современных славянских национальностей нашей страны — русских, украинцев и белорусов. Возникновение народности — это закономерный процесс, следствие распада первобытного строя жизни с его племенами и племенными объединениями, один из неизбежных результатов формирования классового общества и государственности. Древнерусская народность была одной из крупнейших народностей европейского средневековья. Она сыграла огромную роль в исторических судьбах нашей страны и Европы в целом.

Процесс образования народности, как и путь перерастания доклассового общества в классовое, был весьма продолжительным, протекавшим в течение нескольких столетий. Народность, особенно такая обширная, как древнерусская, не могла возникнуть сразу, непосредственно вслед за распадом племен и первобытных племенных объединений. Между первобытными племенами и древнерусской народностью лежали промежуточные звенья. Есть все основания считать, что известные по летописи восточнославянские группировки — поляне, древляне, вятичи, кривичи и др., — обычно без каких-либо серьезных оснований называемые племенами, накануне объединения их в границах Киевской державы были далеко не первобытными образованиями. Они являлись примитивными государствами — «племенными княжествами», в рамках которых шел процесс перехода от «военной демократии», характерной для завершающего этапа в истории первобытного общества, к феодальным порядкам. Они имели своих князей и свои «стольные» города, известные по летописи. Вместе с тем поляне, вятичи, кривичи и другие древнерусские «племена» являлись, если можно так выразиться, примитивными народами; они стояли на промежуточных ступенях того процесса, в начале которого лежали первобытные племена или союзы таких племен, а в конце — раннеклассовая народность.

Являясь процессом закономерным, свойственным определенной ступени в развитии общества, сложение народности во многом зависело и от конкретных исторических условий, которыми определялись не только быстрый или медленный ход ее формирования, не только размеры ее территории, но и то, складывалась ли народность из этнически однородных родственных групп населения или же включала в свой состав различные,

некогда чуждые друг другу племена. Обычно границы народностей не совпадали с рубежами владений предшествующих им племен и племенных объединений. Древние племена жили нередко чересполосно. Новые же экономические и политические связи вели к созданию компактных объединений, имевших более определенные и четкие границы. Политика нарождающихся государств, их стремление к завоеванию и подчинению более слабых соседей также вели к объединению территорий различных ранее племен. Древнерусские «племенные княжества», а затем и Киевское государство не являлись в этом отношении каким-либо исключением: они росли вширь, захватывая земли соседей, различных по культуре и этническому составу. «Строителями» древнерусской народности являлись не только восточнославянские племена, но и ряд восточнобалтийских, а также финно-угорских племенных групп на севере, а на юге — остатки древнего скифо-сарматского и дакийского населения, отдельные группировки тюркского происхождения и др.

Процесс образования древнерусской народности во всем его конкретном своеобразии еще далеко не исследован. Остается дискуссионным вопрос о времени и обстоятельствах появления на Восточно-Европейской равнине славянских племен, сыгравших в этом процессе центральную роль. Нет общепринятой оценки форм и путей распада первобытных отношений и возникновения классового общества у славян. Отнюдь не выяснена картина взаимоотношений между славянами и другими восточноевропейскими этническими группировками, исчезнувшими в ходе образования древнерусской народности, но так или иначе оставившими в последующей истории свои следы. Жизнь и культура этих неславянских племен накануне возникновения древнерусской народности очень плохо известны. Словом, вопрос «откуда есть пошла русская земля» еще не получил окончательного ответа.

Вместе с тем этот вопрос, все перечисленные выше и многие другие связанные с ним сюжеты, относящиеся к «предыстории» и истории формирования древнерусской народности, представляют первостепенный интерес и не только как важнейшие темы истории далекого прошлого. Их освещение насущно необходимо для объективной оценки многих сторон жизни и культуры Руси последующего времени. Вопросы формирования древнерусской народности представляют большой теоретический интерес: их исследование проливает свет на общие закономерности процесса формирования народностей и национальностей — того процесса, который во всемирном масштабе еще далеко не завершился.

Настоящая книга, как следует из ее заглавия, отнюдь не ставит перед собой задачи освещения вопросов «предыстории» и истории образования древнерусской народности в целом. Она посвящена судьбам древних племен, некогда обитавших преимущественно в области верхнего течения Днепра и Волги, ставших создателями северной ветви древнерусской народности. При этом нельзя было не касаться и проблемы в целом, тем более что на определенном историческом этапе племена Верхнего Поднепровья сыграли значительную роль в образовании также и южной среднеднепровской ветви восточного славянства. Книга является результатом археологических разысканий, но вместе с тем на ее страницах учтены и в той или иной степени использованы данные и других дисциплин.

История формирования древнерусского населения в области верхнего течения Днепра и Волги имела ряд существенных особенностей. Эта обширная область лежала вне пределов той (более южной) территории, которую возможно рассматривать в качестве древнейшей славянской «родины». Следовательно, славянское население в области верхнего течения Днепра и Волги было пришлым, оно наслоилось некогда на местный этнический субстрат. По данным летописи и других источников, на

землях, лежащих за северными и восточными пределами Верхнего Поднепровья, до появления славян обитали финно-угорские племена. «Первыми насельниками» были здесь чудь и весь на севере, мерянские, муромские и мордовские племена в пределах Волго-Окского междуречья. О древнем населении Верхнего Поднепровья летопись не сообщает никаких сведений. Но на основании лингвистических данных, прежде всего материалов гидронимии, уже давно установлено, что в древности здесь жили балтийские племена, родственные далеким предкам современных национальностей балтийской группы — литовцев и латышей.

Вопрос о балто-славянских отношениях и роли днепровских балтов в формировании северной ветви древнерусской народности является чрезвычайно интересным. В отличие от финно-угорских племен, чуждых славянам по языку и культуре, балты являлись близко родственной славянам индоевропейской этнической группировкой. Если в финно-угорские области Поволжья и Севера славяне проникли лишь во второй половине I тыс. н. э., уже в ходе образования древнерусской народности, то с поднепровскими балтами они встретились значительно раньше, а истоки славяно-балтийских отношений восходят к отдаленным временам генезиса той или другой этнической группы.

Большой интерес представляют балтийско-финно-угорские отношения, восходящие к глубокой древности, но особенно тесные в I тыс. н. э. Оказалось, что этническая целостность финно-угорских племен на значительной части Волго-Окского междуречья и на Севере еще до появления в этих местах славян была нарушена днепровскими балтами, что не могло не сказаться в ходе последующей истории.

Стремление отыскать посильные ответы на все эти вопросы и дать характеристику культуры и племенной специфики древних финно-угорских, балтийских и славянских племен привели к необходимости значительно раздвинуть вглубь хронологические рамки книги. Она посвящена не только истории образования северной ветви древнерусской народности в период, предшествующий возникновению Киевского государства, но, как уже сказано выше, также и «предыстории» этого процесса, т. е. вопросам первобытной истории и этногонии восточноевропейских финно-угров, балтов и славян. В этих частях книги нередко нельзя было ограничиться пределами области верхнего течения Днепра и Волги; было необходимо привлечь материалы более широких территорий Восточной и Центральной Европы.

Верхней хронологической границей рассмотренных в книге археологических данных является каун Киевского государства — IX—X вв. Необходимо иметь в виду, что процесс образования древнерусской народности в эти столетия достиг лишь первых своих ступеней. Он продолжался и в последующие столетия, когда центр русской государственности переместился из Среднего Поднепровья на северо-восток и когда появились первые признаки тех грядущих перемен в исторической обстановке, которые предопределили современную этническую картину восточного славянства.

2

Среди исторических наук, занимающихся далеким прошлым, археология является, пожалуй, наиболее молодой. Речь здесь идет отнюдь не об абсолютном ее возрасте (археологические исследования начались давно), а о том, что накопление археологических фактов, происходящее в силу их специфики очень медленно, к настоящему времени сделало лишь начальные шаги. Археология еще далеко не выявила своих богатых возможностей, она не вышла из «эпохи великих открытий». Эта отрасль исторического

знания, если взять ее в целом, еще далека от того, чтобы взять на себя задачу нарисовать законченную картину конкретной истории далекого прошлого.

Центральные области европейской части СССР, к которым относятся Верхнее Поднепровье и Верхнее Поволжье, принадлежат к числу наиболее исследованных в археологическом отношении. Советская археология получила здесь сравнительно богатое дореволюционное наследие. Особенно большие археологические исследования производились в Верхнем Поднепровье и Верхнем Поволжье за последние десятилетия — в 30—60-х годах. В итоге здесь почти не осталось «белых пятен», изобилующих на археологических картах многих других местностей; каждый период древней истории представлен соответствующим археологическим материалом, сравнительно полно разработаны вопросы территориальной и хронологической классификации древних культур. Однако и здесь, в археологии Верхнего Поднепровья и Верхнего Поволжья, многое остается далеко не ясным. Если в трудах советских археологов достигнуты некоторые результаты в области экономической истории древних племен, то значительно более трудной задачей оказалось изучение истории социальных отношений. Особенно же сложными для исследования являются вопросы этногенетического процесса. Сюда относятся в первую очередь вопросы генезиса древних этнокультурных групп, их отношение друг к другу, история передвижений древнего населения, процессы дифференциации, интеграции и ассимиляции этнокультурных образований и др. Все это очень сложно; многое остается спорным. Обрисованная здесь историческая и этногенетическая картина представляет собой не более чем связанные друг с другом археологические гипотезы, отвечающие современному состоянию наших знаний.

Исследование этногенетического процесса на основании археологических данных является весьма трудной задачей не только потому, что для этого еще не создана полноценная фактологическая база, но и вследствие неразработанности методики исследования. Археологами изучаются древние культуры по сохранившимся в земле их материальным остаткам. Но до сих пор нет единого мнения о том, во всех ли случаях и в какой мере культура соответствует этнической общности. Критерии, на основании которых определяется культура, не всегда представляются бесспорными. Нет общей точки зрения на характер и число признаков, необходимых для установления степени родства или различия культур. В итоге — труды археологов не свободны от субъективных оценок. Все это питает нигилистическое отношение к археологическим данным как источнику изучения этногенетического процесса.

Культура — совокупность всех материальных и духовных ценностей, созданных обществом, — представляет собой явление чрезвычайно сложное. Основные ее элементы непосредственно связаны с уровнем развития производства и общественных отношений. Их развитие отражает общие закономерности; эти элементы меняются на каждом новом этапе развития общества. Другие элементы культуры (речь идет о первобытном и раннеклассовом обществе) отражают характер естественных условий жизни и хозяйствования. Культура обитателей тайги отличалась от культуры жителей степи или морского побережья и т. д. Различные климатические зоны также накладывали на облик культуры заметный и при этом весьма устойчивый отпечаток. Естественные условия могли использоваться при этом по-разному. В одинаковых местностях могли обитать племена с различным хозяйством, — например, преимущественно земледельцы или преимущественно скотоводы, — что неизбежно отражалось на облике культуры. Наконец, культура включала в свои рамки богатый комплекс таких материальных и духовных элементов, в которых сказывались этнические

особенности. Археологи и этнографы, изучающие этногенические явления, обращаются к своеобразным приемам домостроительства, к формам одежды и украшений, к специфике культа и погребальной обрядности, к мотивам орнамента, — словом, ко всему тому, что, помимо языка, отличало друг от друга племена и народности, в том числе и стоящие на одной и той же ступени социально-экономического развития и живущие в одинаковых естественных условиях. Эти этнические особенности культуры, подчиняясь общим закономерностям, так же как и культура в целом, не были неизменными. Они также изменялись во времени. Однако это происходило иначе, чем с элементами культуры, непосредственно отражающими социально-экономический процесс. Этнические особенности в культуре нередко сохранялись очень долго, здесь были сильны традиции. «Жизнь» этих особенностей по своему характеру приближалась нередко к «жизни» слов или других особенностей в языке, которые меняются во времени очень медленно и в силу этого являются главным этническим признаком.

Конечно, в реальной жизни все эти различные элементы культуры были теснейшим образом друг с другом связаны. В облике жилища или одежды сказывались как общий уровень развития производства, так и характер естественных условий, формы хозяйства, этнические традиции. И отделить одни элементы от других — совсем не простое дело, особенно если учесть, что некоторые элементы или особенности культуры, возникшие, например, в силу своеобразия естественных условий жизни или хозяйствования, в дальнейшем могли сохраняться по традиции уже в качестве этнических признаков. Поэтому, во избежание ошибок при определении этнокультурных общностей, следует исходить не из отдельных признаков, а учитывать комплекс признаков, взаимно корректирующих друг друга. Это необходимо и потому, что отдельные признаки могли быть общими у соседних этнокультурных групп. Мобилизация возможно большего числа признаков, характеризующих этнические общности, особенно важна в тех случаях, когда речь идет о близких культурах или локальных вариантах культуры.

Наконец, нужно иметь в виду, что на разных ступенях социально-экономического развития «удельный вес» различных элементов в культуре не был одинаковым. Вместе с ростом уровня производства неизбежно сужалось воздействие на культуру естественных условий. Этнические особенности, как правило, сохраняли наибольшую отчетливость в условиях целостности первобытных отношений, а в период их распада и формирования классового общества, вследствие развития экономических и иных связей, этнические особенности становились менее яркими.

В статье «Археологические культуры и этнические общности», опубликованной несколько лет тому назад,¹ А. Я. Брюсов убедительно показал, что культуры далекого первобытного времени — каменного века и раннего металла, — как правило, соответствовали этническим общностям: племенам или группам родственных племен. Это было обусловлено самой родо-племенной организацией общества того времени: эндогамными порядками, замкнутой жизнью общин, нераздельным владением натурального домашнего производства, неразвитостью межплеменных связей. В этих условиях культура каждой родственной группы создавалась почти исключительно на основе опыта предыдущих поколений, на основе местных традиций, нередко строго охраняемых обычным правом и культурой.

В эпоху металла древняя замкнутость племен стала все более и более разрушаться. Возникли разнообразные формы межплеменных связей. Укрепление патриархальных порядков, в частности патрилокальность,

¹ А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности. СА, в. XXVI, 1956.

не могло не нарушить былую прочность традиций в области быта и домашнего производства. В своей статье А. Я. Брюсов специально оговорился, что этой, более поздней эпохи он не касается, так как проблема совпадения и несовпадения археологических культур и этнических общностей для разных эпох решается по-разному.

Как же должна решаться эта проблема для этих более поздних эпох — времени распада первобытного строя и возникновения классового общества? Это вопрос очень важный, так как именно с материалами данного времени больше всего приходится иметь дело при исследовании этногенетического процесса, ведущего к образованию народностей, в частности древнерусской народности.

Прежде всего следует указать, что и в железном веке в отдельных областях сохранялись культуры, в отношении которых можно сказать почти то же самое, что и в отношении культур времени неолита и бронзы. Это были культуры племен, живших в отдалении от передовых исторических центров древности и долго сохранявших вследствие этого свою самобытность. Таковыми были культуры лесной полосы европейской части СССР, относящиеся к середине и второй половине I тыс. до н. э. и началу нашей эры, в частности и те из них, которые принадлежали древним финно-угорским и балтийским племенам, жившим в области верхнего течения Днепра и Волги. В продолжение длительного времени здесь не было ни значительных переселений племен, ни вторжений извне. Столетиями люди жили на одних и тех же местах. Господствовало домашнее производство. Железо добывалось повсеместно из болотных руд. Лишь бронза, изделия из нее и, вероятно, соль служили предметом обмена. В этих условиях не могли не оформиться этнически специфические особенности культуры, характеризующие как большие массивы родственного населения, так и его локальные группы, в настоящее время еще далеко не изученные.

С несравненно более сложными явлениями в области культуры «раннего железного века» мы встречаемся в южных областях европейской части СССР, например в пределах скифского мира. Здесь обитали скифские племена, скотоводческие и земледельческие, создавшие своеобразную культуру. Местные «дедовские» традиции сыграли при этом относительно скромную роль. Скифская культура впитала в себя целый комплекс особенностей, родиной которых был древний Восток и Средиземноморье. Материальная культура скифов была продуктом не столько домашнего производства, сколько возникающего ремесла и торговли, нивелирующих местные особенности. Кочевой быт господствующей части населения также в немалой мере способствовал культурной инфильтрации. Поэтому локальные культурно-этнические подразделения в скифской среде являются археологами не по вещам, а главным образом по особенностям культа, представленным в погребальной обрядности.

В границы скифского мира входили не только собственно скифские племена, но и ряд других, нескифских племенных групп, названных Геродотом. Каждая из них имела свои специфические особенности в культуре. Но и они не были отчетливыми, так как их покрывала как бы «вуаль» скифской культуры, нередко очень плотная, затемняющая эти местные культурные элементы. Термин «скифская культура», таким образом, может иметь два значения. Речь может идти либо о культуре собственно скифских племен, либо о комплексе культурных элементов значительно большего территориального охвата, свидетельствующих о мощном экономическом, культурном и политическом влиянии скифов на соседние племена.

Не приходится говорить о том, насколько все это сложно, особенно если принять во внимание, что мы располагаем крайне фрагментарным

фактическим материалом, полученным в результате исследований, проведенных в разное время. Понятно поэтому, что этнокультурная карта древней Скифии, которая увязала бы археологические данные с указаниями Геродота, представляет собой одну из наиболее острых дискуссионных тем нашей археологии. И она останется таковой до того времени, пока не будет накоплен большой фактический материал, всесторонне освещающий особенности культуры в разных частях Скифии.

К исходу I тыс. до н. э. в Средней Европе широко распространилось влияние культуры кельтских племен, достигших порога классового общества и государственности, имевших большие торгово-ремесленные города, развитую металлургию и сельское хозяйство. «Вуаль» кельтской (латенской) культуры большей или меньшей плотности придала известное однообразие культуре различных племен. В их числе оказались племена зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья II—I вв. до н. э. и начала нашей эры, по-видимому, принадлежавшие к славянскому миру, составившие основу восточнославянских племен. Находясь на восточной окраине ареала латенского влияния, они оказались им сравнительно мало задеты. Их культура, весьма однообразная на всей территории, хотя и имеющая заметные латенские черты, в целом являлась самобытной, этнически определенной. Иначе обстоит дело с культурой средневропейских племен, живших бок о бок с кельтами. «Провинциально-кельтские» элементы приобрели здесь несравненно большую плотность за счет ослабления местных элементов. Культурной инфильтрации способствовали начавшиеся вскоре передвижения европейских племен. Картина, с которой приходится иметь дело археологу, здесь оказалась еще более сложной, чем картина древней Скифии. До сих пор в Средней Европе мы не имеем бесспорной дифференциации древностей — славянских и германских.

Картина еще более усложнилась в начале нашей эры, когда на сохраняющуюся по традиции латенскую «вуаль» наслоилося мощное влияние провинциально-римской культуры, распространившееся в Средней Европе вплоть до Южной Прибалтики. Римские провинции оказались опоясанными широкой каймой культур, явившихся продуктом ремесла, торговли и всей той обстановки, которая сложилась здесь в римское время. Во многих местах этнические особенности культуры в этих условиях оказались почти полностью стертymi. Вследствие этого изучение этногенетических процессов в областях, затронутых некогда римским влиянием, является более чем трудным. Исследователь встречается здесь при настоящем состоянии знаний с рядом непреодолимых препятствий.

Влияние римской культуры на соседние племена представляет собой все же совершенно особое, неповторимое в истории древней европейской культуры явление, отнюдь не характеризующее всякую культуру периода распада первобытного и формирования раннеклассового общества. И в более позднее время этнические общности — племенные группы и народности, как правило, обладали определенными этническими признаками в материальной и духовной культуре, нередко очень яркими. Это относится и к тем племенным группам Европы, которые долго жили под латенской и римской «вуалью». С середины I тыс. н. э. многие из них возродили свою культурную независимость — на новой, конечно, основе. Такова славянская культура VI—VIII вв., известная во всех старославянских землях, начиная от Повисленья и кончая Поднепровьем, а также в областях ранней славянской колонизации на территории Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Прямоугольные, углубленные в землю жилища с печами в углу, лепная глиняная посуда, могильники с трупосожжением, вскоре сменившиеся курганами, — вот основные этнические особенности этой культуры, заметно отличающие ее от синхронных древностей балтов, финно-угров, аваров, гунно-болгарских племен и др. Древности всех

этих племен, особенно северных, балтов и финно-угров, также весьма специфичны в этническом отношении. На основе славянской культуры VI—VIII вв. в последующие столетия возникают культуры средневековых славянских народностей, в том числе в высшей степени самобытная древнерусская культура.

Являясь культурой общества с классовым строем, древнерусская культура создавалась в городе и деревне в условиях складывающегося ремесленного производства и растущих экономических связей. Общедревнерусские элементы преобладали здесь над локальными, пережиточно отражавшими традиции древних группировок восточного славянства. Носителем этнических своеобразных особенностей, как общерусских, так и локальных, являлись прежде всего широкие массы населения, тогда как господствующие слои общества тянулись ко всему иноземному: скандинавскому, византийскому, восточному. Подобно кельтской (латенской) или провинциально-римской культурам, общедревнерусская культура также покрывала своей «вуалью» соседние племена и народности в Прибалтике и Поволжье.

3

Наиболее неразработанным вопросом, который приходится решать в ходе этногенетических разысканий, является вопрос о формах этногенетического процесса, о том, что он представлял собой в различные периоды истории первобытного и раннеклассового общества и в той или иной исторической обстановке. В нашей литературе и практической археологической деятельности этому вопросу уделяется непростительно мало внимания. То же самое, к сожалению, необходимо сказать о лингвистической литературе. Пожалуй, здесь можно назвать лишь небольшую статью, принадлежащую Т. С. Шарадзенидзе, где на основе данных о дифференциации и интеграции языков сделана попытка обрисовать характер глоттогонического процесса в различные исторические эпохи, и ряд замечаний по этому поводу в статьях Р. И. Аванесова по диалектологии. Основные положения этих статей, опубликованных в 1951—1952 гг. как отклики на лингвистическую дискуссию, представляются совершенно правильными. Они перекликаются с тем, что писали по этому поводу археологи — М. И. Артамонов, С. П. Толстов, автор этих строк и др.²

Речь идет о том, что основные формы этногенетического процесса — дифференциация, разные формы интеграции, процессы полной или частичной ассимиляции — не были одинаково представлены и протекали различными путями на разных этапах истории древних обществ. Для ранних периодов, когда первобытный строй развивался, так сказать, по восходящей линии, особенно характерны были процессы дифференциации. В период распада первобытного строя и в эпоху раннеклассового общества эти процессы значительно ослабли, уступив главенствующую роль процессам объединения — интеграции и ассимиляции. Этнические единицы укрупнялись, число их уменьшалось, шел процесс формирования народностей.

Господство процессов дифференциации на ранних этапах соответствовало строю жизни того времени. Низкий уровень развития производительных сил лимитировал размеры общин и плотность населения. Племена и племенные группы, достигшие «потолка» по численности и плотности населения, неизбежно должны были дробиться и расселяться. Классики марксизма не раз характеризовали этот процесс, указывая, что он вел

² Т. С. Шарадзенидзе. Процессы дифференциации и интеграции языков. ВЯ, 1952, № 1; М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе в советской археологии. КС, в. XXIX, 1949; П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М., 1953, стр. 17—19.

к возникновению различий в области языка, к образованию диалектов, к образованию новых языков.³

Особенно энергично шел этот процесс в самое раннее время, когда население было редким, междуобщинные экономические связи отсутствовали и когда отпочковавшаяся община через два-три поколения могла полностью оторваться от материнской. В этих условиях через несколько десятков поколений могли возникнуть новый язык и новая культура. Процессы интеграции и ассимиляции в тот период, соответствующий в основном времени палеолита и мезолита, составляли, очевидно, редкое исключение.

В последующее время, но также при господстве еще вполне целостных первобытных отношений, процесс дифференциации по-прежнему господствовал. Но его результаты стали несколько иными. Вместе с общим ростом производства, появлением экономических связей, увеличением общей плотности населения создались такие условия, при которых новые общины, как правило, уже не теряли связей со старыми. В итоге возникали группы родственных племен, объединенных близостью культуры и диалектов. Последние, вероятно, были связаны между собой той самой «лингвистической непрерывностью», о которой несколько лет тому назад было столько горячих споров. Процессы объединения, особенно ассимиляции, на данном этапе стали играть значительно большую роль хотя бы потому, что расширение территории одной группы племен нередко происходило за счет земель других групп, путем борьбы между ними. Такие черты характеризуют основное содержание этногенетического процесса на территории Европы в эпоху неолита и бронзы, т. е. в период развитого родового строя.

Особенно энергично протекали такие процессы там, где наблюдалась неравномерность исторического развития и где расселяющиеся племена являлись носителями культуры более высокого уровня. В этом отношении особенно интересны судьбы наиболее передовых в первобытной Европе неолитических и энеолитических племен Балканского полуострова и сопредельных с ними причерноморских и дунайских территорий, — племен, в которых следует видеть, вероятно, древнейших индоевропейцев. Из этой части Европы на север, запад и восток шли могучие для своего времени потоки скотоводческого и скотоводческо-земледельческого населения, заметно обогнавшего в области экономики и культуры многих своих соседей. Большие успехи в области археологии Балканского полуострова и сопредельных областей, достигнутые за последнее десятилетие, позволяют надеяться, что археология в недалеком будущем внесет серьезный вклад в решение индоевропейской проблемы.

II тыс. до н. э. было временем, когда культурно-этническая пестрота на территории Европы достигла своего максимума. В археологии к этому времени относится множество культур и их локальных вариантов. Ниже речь пойдет о том, что в пределах Волго-Окской области, принадлежавшей когда-то однородной группе неолитических племен, во II тыс. появились многочисленные племена с разными культурами. В последующее время ничего подобного здесь не наблюдалось, — с конца эпохи бронзы, в начале I тыс. до н. э. начался энергичный процесс культурно-этнической интеграции. Еще большей пестротой отличалось в конце III и во II тыс. до н. э. Среднее Поднепровье, чего опять-таки нельзя сказать о последующем времени. Если обратиться к обзору археологических культур территории Польши, принадлежащему Ю. Косшевскому, то там очень наглядно показано, как из периода в период нарастала численность культур, достигшая

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, М., 1961, стр. 93—97; К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, 1941, стр. 79.

наивысшего развития во второй половине II тыс. до н. э., после чего она и здесь пошла на убыль.⁴ Такая же картина наблюдалась и в других областях первобытной Европы.

Если процессы дифференциации, ведущие нередко к образованию обширных групп в той или иной мере родственных племен, уже сейчас во многих случаях доступны изучению по археологическим данным, то процессы интеграции и ассимиляции (неполной и полной), особенно характерные для времени распада первобытного строя и образования классового общества, остаются почти не исследованными на основании археологических материалов. В нашей литературе мы почти не найдем случаев, когда образование новой культурно-этнической общности обоснованно рассматривалось бы как результат интеграции двух либо большего числа родственных общностей или процесса ассимиляции одних племен другими с сохранением субстратных элементов.

Конечно, процессы интеграции и ассимиляции весьма сложны. Сложной была в большинстве случаев, как мы видели, и конкретная историческая обстановка, в условиях которой они протекали. Выше уже шла речь о том, что в период «железного века» этнические особенности в культуре нередко значительно ослабевали за счет культурных влияний извне. Но дело не только в этом, а чаще всего в определенных взглядах на этногенетический процесс, которые прочно укоренились в умах исследователей. Взгляды эти восходят к примитивным глоттогоническим представлениям XIX в. типа «родословного дерева» А. Шлейхера, от которых уже давно отказалось языкознание. В соответствии с ними главным направлением глоттогонического процесса и для поздних эпох считается дифференциация. Каждая археологическая культурная общность в соответствии с этими взглядами рассматривается как результат распространения из единого центра. Мысль, что из двух или нескольких культур может развиваться новая единая культура, воспринимается как проявление «марризма». Исследователи занимаются поисками центров происхождения культур, ожесточенно полемизируют друг с другом по вопросу об этих центрах и. . . не находят их.

Ниже, в соответствующей части настоящей книги, речь пойдет о взглядах некоторых исследователей, которые полагают, что общность культуры славянских племен второй половины I тыс. н. э., занимавших обширные пространства в Центральной и Восточной Европе, якобы свидетельствует не о чем ином, как о расселении их в это время из пределов небольшой территории — мифического центра, где славяне пережили будто бы всю свою первобытную историю. Но ведь известно, что еще в I тыс. до н. э. каждая из индоевропейских групп — фракийцы, кельты, германцы, иранцы — была представлена не одной, а несколькими племенными группами. Каждая из них имела свои особенности в культуре и языке, часто весьма существенные. Балтийские племена, близко родственные славянам, также оставили после себя не одну, а несколько культур «железного века». В дальнейшем, при образовании народностей, численность этих локальных подразделений, как правило, уменьшалась. А вот славяне составляли якобы исключение!

Эти примитивные представления о древних славянах, конечно, не соответствуют фактическим данным — ни историческим, ни лингвистическим, ни гидронимическим, ни археологическим. Уже в эпоху бронзы, на рубеже II и I тыс. до н. э., славяне, как и другие индоевропейцы, представляли собой обширную и далеко не однородную группу племен. Их последующее этническое развитие шло по пути главным образом интеграции,

⁴ J. Kostrzewski. *Od mezolitu do okresu wędrówek ludów*. Encyklopedia Polska, IV, 1, 5, Kraków, 1939—1948.

достигшей своего максимума к исходу «великого переселения народов», в V—VII вв. н. э., а затем прерванной в результате славянского расселения.

Другое дело, что в процессе интеграции культура одних племен могла оказаться более сильной, внесшей основной вклад. Такое же явление могло наблюдаться и в области языка. Процессам интеграции сопутствовала ассимиляция. Однако это не меняло основных черт процесса.

Процессы этнической дифференциации, происходившие в период распада первобытного строя и возникновения классового общества, не только занимали второстепенное место в этногенезе этого периода, но — самое главное — в большинстве случаев качественно отличались от тех явлений, которые характеризовали этногенетический процесс в далеком прошлом. Тогда это был преимущественно естественный процесс этнического отпочкования, дробления и обособления. Дифференциация в период образования народностей в значительной степени происходила за счет ассимиляции чуждых этнических групп, за счет различных субстратных элементов.

Так, древнерусская народность, в отличие от многих других народностей Европы, сложилась преимущественно из родственного этнического материала в условиях господства славянского элемента. Но и здесь ассимиляция чуждых этнических групп — балтов, финно-угров и других племен — сыграла весьма серьезную роль. Она, конечно, не определила хода дальнейшего процесса, обусловленного определенной исторической обстановкой, но в значительной степени подготовила почву для последующей дифференциации древнерусской народности. Достаточно взглянуть на этнографическую и диалектологическую карты русских, украинцев и белорусов и сравнить их с археологической картой древних племенных групп, чтобы увидеть существующую между ними хотя и опосредованную, но бесспорную связь.

Но всем затронутым здесь темам я не раз еще возвращусь в дальнейшем изложении, привлекая соответствующий фактический материал. Здесь, во «Введении», они обрисованы лишь в самых общих чертах, для того чтобы предварительно ориентировать читателя в тех взглядах на процессы этногенеза и пути образования народностей, которые сложились у автора в ходе многолетних исследований.⁵

---

⁵ В значительно расширенном виде вторая и третья части настоящего «Введения» опубликованы автором в виде статьи «Этногенетический процесс и археология» (СА, 1962, № 4).

У ИСТОКОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ФИННО-УГОРСКИХ ПЛЕМЕН

К постановке вопроса

1

Происхождение древних финно-угорских племен — предков современных народов финно-угорской группы — остается еще далеко не выясненным. По данным языкознания, занимающегося этим вопросом свыше 150 лет, начала финно-угорских языков восходят к отдаленному первобытному прошлому, а связи их с самодийскими и некоторыми другими языками Азиатского материка позволяют предполагать, что родина финно-угров лежала где-то в области пограничья Европы и Азии — скорее всего в Приуралье и Зауралье. Также весьма сложным оказался вопрос о времени расселения и обстоятельствах обособления отдельных групп этих племен — угорской, пермской, волго-окской, прибалтийской. И поныне среди языковедов он вызывает оживленные дискуссии.

Попытка освещения древних судеб финно-угорских племен на основании археологических данных впервые была предпринята в 60—70-х годах XIX в. финским археологом И. Р. Аспелином.¹ Сравнивая друг с другом отдельные восточноевропейские и сибирские древности, он нашел между ними некоторые черты сходства и на этом основании поддержал соображения М. А. Кастрена о западносибирской, приалтайской родине финно-угров. Более определенных заключений о времени и месте образования этой группы племен И. Р. Аспелин сделать не смог, так как археологическая наука в России делала в те годы лишь самые начальные шаги. Только много позднее, с первых десятилетий XX в., археология, накопившая некоторый фактический материал, смогла начать более или менее систематические поиски таких древностей, которые связывали бы между собой старые исторические финно-угорские земли — Зауралье и Приуралье, Волго-Окскую область, Восточную Прибалтику. В итоге возникло предположение, что начала этнической истории финно-угорских племен следует искать в среде неолитического населения лесной полосы Восточной Европы и Западной Азии III—начала II тыс. до н. э., принадлежащего к культуре ямочно-гребенчатой керамики. Последнее рассматривалось при этом как более или менее однородный этнокультурный массив, объединяющий охотничье-рыболовецкие племена на огромных пространствах от Зауралья на востоке и до Балтийского моря на западе.

¹ I. R. Aspelin. 1) Muinaisäännöksiä suomen suvun asumusaloilta. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1877—1884; 2) Suomalais-ugrilaisen muinaistutkiminnon alkeita. Helsinki, 1875.

Соображения археологов о важной роли неолитического населения лесной полосы Восточной Европы и Зауралья в начальной этнической истории финно-угров как будто бы основывались на фактах, заслуживающих всяческого внимания и доверия. Ни одна из культур последующего времени в лесной полосе Восточной Европы не имела такого широкого территориального охвата, как культура ямочно-гребенчатой керамики. Ни одна из более поздних культур не объединяла в своих границах всей той обширной территории, в пределах которой впоследствии протекала жизнь как уральских и прикамских, так и поволжских, прибалтийских и северных финно-угорских народов. Вместе с тем в распоряжении археологии не имелось никаких данных, свидетельствующих о том, что более поздние археологические культуры, в частности культуры периода железа, с которыми генетически связываются бесспорные финно-угорские раннесредневековые древности, появились в лесной полосе Восточной Европы и Зауралье откуда-то извне. Напротив, очень многое говорило об их местном автохтонном развитии. В различных областях эти культуры имели при этом свои локальные особенности. На основании всего этого представлялось возможным думать, что основы этнической общности финно-угров на обширных пространствах от Зауралья до Балтийского моря были заложены пришедшими с востока неолитическими племенами, а в последующее время развернулся процесс обособления и формирования отдельных групп финно-угорского населения, положивших начало средневековым народностям.

Не останавливаясь на историографии данного вопроса, назову имена лишь двух исследователей начала XX в., пытавшихся обосновать мысль о неолитических племенах лесной полосы Восточной Европы и Зауралья как о предках племен финно-угорской группы. Оба они были представителями финской археологии, что и понятно, так как общественность Финляндии всегда проявляла особенный интерес к вопросу о происхождении финно-угров.

К мысли, что далекие предки финно-угров скрываются в неолитических племенах ямочно-гребенчатой керамики, одним из первых пришел финский археолог Ю. Айлио, занимавшийся изучением неолитических памятников Финляндии и Европейской России.² В частности, он обратил внимание на близкое сходство неолитической керамики Волго-Окской области с керамикой Восточной Прибалтики и высказал предположение об общности происхождения неолитических племен этих территорий — предков финно-угров, — впоследствии поддержанное другими исследователями. Вслед за И. Р. Аспелином Ю. Айлио полагал, что древнейшая территория финно-угорских племен или их предков находилась к востоку от Урала.

Несколько иначе подходил к проблеме археологических исследований в области этногенеза финно-угорских племен крупнейший финский археолог того времени А. М. Тальгрэн. Он попытался сопоставить археологические данные с гипотезой возникновения и обособления отдельных групп финно-угров, выдвинутой языковедом Э. Н. Сетеля. Особое внимание А. М. Тальгрэн уделял памятникам эпохи бронзы и раннего железа, стремясь связать их в единую генетическую цепь с бесспорными финно-угорскими древностями средневековой поры. Древнейшей культурой финно-угров, возникшей «между Камой, Окой и Валдаем, а может быть, простиравшейся до Балтийского моря», он также считал неолитическую культуру

---

² J. Ailio. 1) Fragen der russischen Steinzeit. SMYA, XXIX, 1, 1922; 2) Onko suomalais-ugrilainen alkukoti ollut Skandinaviassa vaiko Venäjällä? In: Historiallinen Aikakauskirja, 1923.

ямочно-гребенчатой керамики, противопоставляя ее в своих работах «арийской» (т. е. индоевропейской), фатьяновской культуре.³

Против соображений финских археологов, представившихся вполне обоснованными, не возражали крупнейшие русские специалисты по восточно-европейским древностям — В. А. Городцов, А. А. Спицын и др., — хотя каких-либо специальных исследований по данному вопросу они не проводили.

В советской археологической литературе 20—30-х годов также не появлялось исследований, посвященных этногенезу угро-финских племен. В то время специалисты по первобытной археологии занимались преимущественно вопросами социально-экономической истории. Большое распространение имели взгляды акад. Н. Я. Марра на современные этнические группы, в том числе на финно-угорские народы, как на образования сравнительно позднего времени. С этой точки зрения поиски следов финно-угров в неолитических древностях рассматривались как глубоко ошибочные, беспочвенные. Тем не менее многие исследователи придерживались мысли, что неолитические племена ямочно-гребенчатой керамики являлись если не финно-уграми или прафинно-уграми, то во всяком случае их ближайшими предками. Очевидно, именно так представлял себе этот вопрос известный исследователь Прикамья и Приуралья А. В. Шмидт.⁴ Так же рассуждал, по-видимому, Б. С. Жуков, которого очень привлекали, однако, взгляды Д. Коссины и С. Нордмана о происхождении культуры ямочно-гребенчатой керамики не в Зауралье или центре Европейской России, а в области Юго-Западной Прибалтики с последующим распространением ее к востоку.⁵ На ошибочность этих взглядов указывал в то время Ю. Айлио.⁶

В 1940 г. А. Я. Брюсов, отметив, в соответствии с распространенными тогда взглядами, что неолитические культуры предшествовали сложению современных этнических общностей, вместе с тем считал возможным, вслед за А. М. Линевским, использовать руны Калевалы, а также финскую и карельскую мифологию, для интерпретации карельских неолитических наскальных изображений.

Таким образом, оба исследователя — А. Я. Брюсов и А. М. Линевский — рассматривали неолитические племена Восточной Прибалтики в качестве предков финно-угров. Позднее А. Я. Брюсов высказывался по этому поводу уже с полной определенностью. Он сопоставлял ареал культур ямочно-гребенчатой керамики с «позднейшим распределением финских языков на севере».⁷

Нет необходимости приводить подобные же мнения других исследователей. В свете всего того, что было известно археологам о неолите лесной полосы Восточной Европы, трудно было допустить, чтобы первобытные

³ А. М. Tallgren. 1) L'Orient et l'Occident dans l'âge du fer finno-ougrien. SMuA, XXXV, 3, 1924, стр. 3; 2) L'âge du cuivre dans la Russie centrale. SMuA, XXXII, 2, 1920; 3) Suomalais-ugrilainen muinaistiede. In: Suomen suku, I. Helsinki, 1926.

⁴ А. В. Ш м и д т. 1) Археологическое изучение древностей Севера СССР. Финно-угорский сборник. Л., 1928, стр. 135 и сл.; 2) Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества. ИГАИМК, в. 106, 1935, стр. 15 и др.

⁵ Б. С. Ж у к о в. 1) К вопросу о древнейших насельниках Прибалтики в связи с некоторыми проблемами неолита Восточной Европы. РАЖ, т. XIII, в. 1—2, 1924; 2) Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. Этнография, № 1, М., 1929.

⁶ J. A i l i o. Onko suomalais-ugrilainen alkukotti ollut Skandinaaviassa vaiko Venäjällä? стр. 78.

⁷ А. Я. Б р ю с о в. 1) История древней Карелии. ТрГИМ, в. IX, 1940, стр. 101; 2) Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 254; А. М. Л и н е в с к и й. Карельские петроглифы. Петрозаводск, 1939.

хозяева восточноевропейских лесов — неолитические племена ямочно-гребенчатой керамики — не имели отношения к древним племенам и народностям финно-угорской семьи.

2

В 40—60-х годах в изучении неолитических культур на территории СССР и Финляндии были достигнуты особенно большие успехи. Работами А. Я. Брюсова и М. Е. Фосс на Севере европейской части СССР, Н. Н. Гурьиной и Г. А. Панкрушева в Карелии, Л. Ю. Янитса в Эстонии, А. Европеуса, К. Ф. Мейнандера и В. Лухо в Финляндии, Н. К. Цветковой в поречье Оки, О. Н. Бадера на Каме, В. Н. Чернецова в Зауралье, А. П. Окладникова в Сибири, Д. Я. Телегина на Украине и многих других был собран и исследован огромный материал. Новые исследования показали, что этногенетические процессы, протекавшие в далеком неолитическом прошлом в лесной полосе Восточной Европы, были значительно более сложными, чем это представлялось ранее. Они далеко не всегда были прямолинейными и протекавшими автохтонно. Стало очевидным, в частности, что представление о неолитическом населении с ямочно-гребенчатой керамикой как об исконно едином этнокультурном массиве отнюдь не соответствует фактическим данным. Общие черты этой культуры являлись прежде всего следствием однообразия жизни и быта таежных охотников и рыболовов неолитической эпохи. Именно поэтому охотничье-рыболовческая культура лесного восточноевропейского неолита была близка культурам таежного охотничье-рыболовческого неолита Сибири. Что касается специфических особенностей этнокультурного характера, присущих неолитическим племенам, то они оказались различными у населения отдельных областей лесной полосы Восточной Европы и Зауралья.

Конечно, о локальных особенностях неолитических культур было известно и раньше. Но отдельные наблюдения еще не составляли определенной картины. К тому же локальные особенности далеко не всегда могли быть отделены от хронологических. Новые исследования шаг за шагом раскрыли картину неолитических культур в ее динамике, точнее сказать — основные контуры этой картины, так как еще очень многие вопросы, относящиеся к истории отдельных групп неолитического населения лесных областей, ожидают своего разъяснения.

Первая попытка составить карту неолитических культур лесной полосы Восточной Европы была предпринята А. П. Окладниковым. Он дал территориальную классификацию сибирского неолита, попутно указав, что волго-окская культура ямочно-гребенчатой керамики, камско-уральский неолит и обский неолит должны рассматриваться как различные этнокультурные образования.⁸

В работах М. Е. Фосс и других исследователей территория восточноевропейских неолитических племен лесной зоны была подразделена на три самостоятельных культурно-этнических области.⁹ Центральная или Волго-Окская область включала в свои пределы бассейн Оки и Верхней Волги, захватывая на юге верховья Дона с притоками, на севере простираясь до Белого моря, а на западе до поречья Верхней Десны. Другая область, известная за последнее время главным образом по работам О. Н. Бадера,

⁸ А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники по этнографии Сибири и Дальнего Востока. КС, в. IX, 1941.

⁹ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 153—193; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен. . . , стр. 254; Х. А. Морав. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. ВЭИЭН, 1956, стр. 61; А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 97—106.

А. Х. Халикова и В. Н. Чернецова, может быть названа Уральско-Камской.¹⁰ В пределы третьей — западной области — М. Е. Фосс включала неолитические и энеолитические памятники, расположенные западнее линии Ладожское озеро—верховья Волги—верховья Десны. Ниже речь пойдет о том, что западную область, в границах лесной полосы, в свете последних наблюдений Н. Н. Гуриной, Д. Я. Телегина, Л. Ю. Янитса, А. Европеуса и др., необходимо разделить на несколько частей, в пределах которых неолитические племена имели свои специфические особенности, свидетельствующие не только о культурно-этнических отличиях, но и о различном происхождении.¹¹ На попытках А. Я. Брюсова и М. Е. Фосс дать еще более дробную территориальную классификацию восточноевропейского лесного неолита я остановлюсь ниже.

Означало ли все это, однако, что многолетние попытки археологов отыскать истоки уральско-камских, северных, поволжских и прибалтийских финно-угорских племен в среде неолитического населения лесной полосы Восточной Европы и Зауралья оказались полностью ошибочными? Ведь общность неолитических племен от Зауралья до Балтийского моря, в которых хотели видеть единых предков восточных, западных и северных финно-угров, оказалась эфемерной — и, следовательно, теперь нужно прокладывать какие-то новые пути изучения этнической истории древних финно-угров по археологическому материалу?

Такой вывод был бы, однако, неправильным. Дело в том, что вместе с накоплением археологических данных, показавших, что неолитический мир лесной полосы Восточной Европы состоял из нескольких различных этнокультурных общностей, были получены в высшей степени важные и, на мой взгляд, убедительные материалы, позволяющие сделать заключение о том, что границы этих древних общностей далеко не всегда и не везде были стабильными и, самое главное, что в течение длительного времени, начиная с эпохи мезолита или раннего неолита и главным образом во II тыс. до н. э., неоднократно происходили значительные передвижения населения с Урала и Прикамья в западном направлении вплоть до Восточной Прибалтики. В результате этих вековых передвижений обрисованная выше карта неолитических этнокультурных общностей лесной полосы Восточной Европы в течение II тыс. до н. э. подверглась коренной перестройке. Население обширных территорий Зауралья и Приуралья, центральных и западных областей лесной полосы оказалось в это время тесно связанным между собой.

В свете новых данных, прежде всего обширных материалов, полученных в результате исследований В. Н. Чернецова в Зауралье и О. Н. Бадера в Прикамье, неолитические Зауралье, Урал и Прикамье вырисовываются как основная база этнической истории протофинно-угров, связанная в культурно-этническом отношении с неолитом Западной Азии.¹²

¹⁰ О. Н. Бадер. 1) Стоянки Нижнеадигееская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951; 2) Археологические памятники Прикамья. Молотов, 1950, стр. 39—46; А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Казанском Поволжье. МИА, № 61, 1958; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953.

¹¹ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, стр. 45—80; Д. Я. Телегин. Неолітичні поселення лісостепового Лівобережжя і Полісся України. Археологія, XI, 1957; Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, 1961, № 4; Б. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959, стр. 325 и сл.; А. Европеус - Äuräpää. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland. AA, I, 2—3, 1930.

¹² В. Н. Чернецов. 1) К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951, стр. 24; 2) Древняя история Нижнего Приобья, стр. 7.

О древнейшем населении лесной полосы Восточной Европы и Зауралья

1

История первоначального заселения лесной полосы Восточной Европы и Зауралья может быть обрисована лишь в самых общих чертах.

Еще совсем недавно господствовало представление о том, что в палеолитическое время территория лесной зоны Восточной Европы, занятая льдами, моренными нагромождениями и обширными заболоченными пространствами, оставалась необитаемой. Карачаровская стоянка на Оке около Муромы и группа местонахождений в поречье Средней Десны рассматривались как окраинные северные пункты пребывания палеолитических охотников. Но в конце 30-х годов была открыта верхнепалеолитическая стоянка Талицкого, расположенная много севернее — на р. Чусовой, недалеко от Перми. В последние годы богатейшее мустьерское местонахождение было найдено на Десне, выше Брянска, у с. Хотылева; верхний палеолит был обнаружен на Клязьме, около с. Сунгирь Владимирской области, и на Верхней Волге, у с. Золоторучья вблизи Углича. И уже совсем неожиданной явилась находка остатков стойбища охотников на мамонта и носорога на западных склонах Северного Урала — в Медвежьей пещере на берегу Печоры.¹³

Очевидно, условия ледникового времени далеко не всегда и не везде были настолько суровыми, чтобы воспрепятствовать продвижению палеолитических людей далеко на север.

Нам ничего не известно, однако, о дальнейшей судьбе палеолитических охотников, оставивших перечисленные выше стойбища. Людьями, положившими начало населению восточноевропейской лесной зоны в послеледниковое время, были, по-видимому, не столько их возможные потомки, сколько многочисленные мезолитические племена, постепенно продвигавшиеся сюда из более южных областей — Южной Прибалтики, Повисленья, Среднего Поднепровья, из бассейна Донца и Дона, из области Нижнего Поволжья и Заволжья. В течение тысячелетий в послеледниковое время они шаг за шагом продвигались в глубь лесных пространств — в Восточную Прибалтику, Верхнее Поднепровье, Волго-Окскую область и Прикамье (рис. 1). В настоящее время в этих областях обнаружено несколько сот местонахождений, относящихся к мезолитическому времени. За редким исключением, все они являются «дюнными стоянками», т. е. находятся в верхних горизонтах песчаных дюнных всхолмлений, лежащих по берегам рек или озер. Эти сухие возвышенные места были, очевидно, наиболее удобными в то время для устройства поселений. Но в песке, в условиях бедной гумусом почвы, покрывающей дюны, до нашего времени могли сохраниться лишь кремневые изделия. Богатый ассортимент костяных и роговых предметов, свойственный мезолиту, известен лишь в нескольких пунктах, расположенных в иных геолого-почвенных условиях. Следовательно, мы имеем очень неполное и одностороннее представление о материальной культуре мезолита.

Но и на основании форм кремневых изделий представляется бесспорным, что мезолитическая культура в различных частях лесной зоны была неодинаковой. В более южных частях лесной полосы она распадалась

¹³ Ф. М. Заверняев. Хотылевское нижнепалеолитическое местонахождение. Брянск, 1961; О. Н. Бадер. Палеолитическая стоянка Сунгирь на р. Клязьме. СА, 1959, № 1; В. И. Коневец. Исследования Печорского археологического отряда. В сб.: Вопросы археологии Урала, в. 2, Свердловск, 1962.

не менее чем на три обширных провинции.¹⁴ Мезолитические культуры в более северных областях также имели свои особенности.

В области Юго-Восточной Прибалтики и Верхнего Поднепровья, где встречаются как более ранние, так и поздние мезолитические местонахождения, общий облик их кремневого инвентаря близко напоминает мезолитические материалы Повисленья и некоторых других областей Средней Европы, относящиеся к свидерской мезолитической культуре и сменяв-

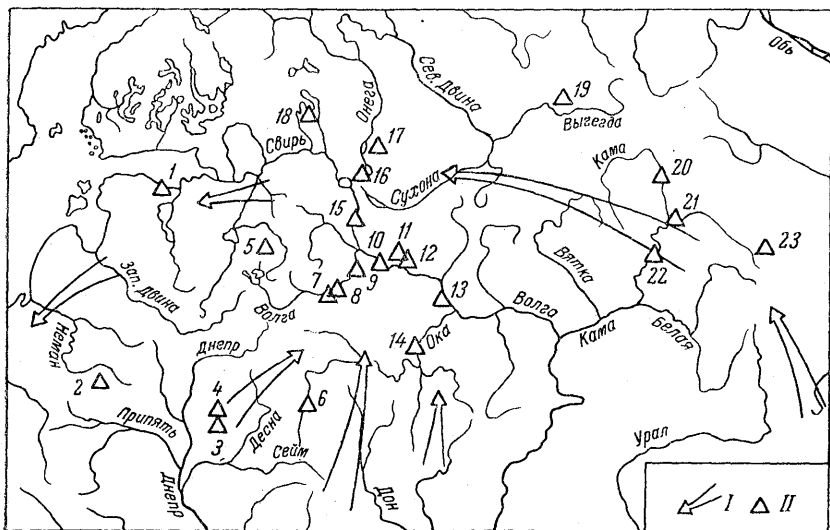

Рис. 1. Схема заселения северной и средней полосы Восточной Европы в период мезолита и раннего неолита.

I — основные направления расселения древних племен (по А. Я. Брюсову). II — мезолитические и ранненеолитические местонахождения, упомянутые в тексте: 1 — Кунда, 2 — оз. Свиязь, 3 — Бары, 4 — Гренск, 5 — Вологое (нижний слой), 6 — Гремячее, 7 — Соболево, 8 — Скнятино, 9 — Золоторучье, 10 — Устье, 11 — Некрасово, 12 — Гоманиха, 13 — Горшиха, 14 — Елин Бор, 15 — Ягорба, 16 — Погостице, 17 — Нижнее Веретье, 18 — Олений остров, 19 — Курьядор и Пеэмог, 20 — Огурдино, 21 — Нижнее Адицево, 22 — Камо-Жулановская, 23 — Шигирский торфяник (нижний слой).

шей ее средневропейской тарденуазской культуре. Наиболее ранними являются такие верхнеднепровские местонахождения, как Гренск и Бары, относящиеся к рубежу палеолита и мезолита. Затем следует большая серия мезолитических стоянок в долине р. Сож, в верховьях Десны, стоянка на оз. Свиязь в Западной Белоруссии, многочисленные местонахождения на территории Литовской ССР и др.¹⁵ Стоянки с изделиями тарденуазских форм распространены преимущественно в западной части Верхнего Поднепровья и бассейне р. Неман. По мнению Р. К. Яблонските, тарденуазские формы изделий и техники сохраняются на территории Литвы и в неолитическое время.¹⁶ Некоторые черты сближают верхнеднепровский мезолит с среднеднепровским.

¹⁴ А. А. Формозов. Этнокультурные области. . . , стр. 75—81.

¹⁵ К. М. П а л і к а р п о в і ч. 1) Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажы. Працы, т. I, 1928, стр. 179, 220—222; 2) Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажы. Працы, т. II, 1930, стр. 463—472; М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный Ров на р. Десне. КС, в. XXXV, 1950; В. П. Левенюк. Работы Деснинского отряда 1956 г. КС, в. 74, 1959; Н. Н. Гурина. Новые мезолитические памятники лесной полосы европейской части СССР. СА, 1960, № 1.

¹⁶ Р. Яблонските. Мезолит Литвы. КС, в. XLII, 1952.

Местонахождения Волго-Окской области, относящиеся, судя по палеолитическим и геологическим наблюдениям, к позднемезолитическому времени (VII—IV тыс. до н. э.), также отдаленно напоминают свидерские. Наиболее характерными изделиями, как и в Днепровско-Прибалтийской области, здесь являются близкие свидерским кремневые наконечники стрел с черешком, изготовленные из пожевидных пластин, а также резцы и скребки разных форм. Такие находки сделаны в Гремячем, Елином Бору и на других стоянках в поречье Оки, в Соболеве и Скнятине на Верхней Волге, в Бологое (нижний слой) на Валдайской возвышенности и мн. др.¹⁷ Обычно считают, что наиболее ранней стоянкой является здесь Гремячее, выделяющееся крупными пластинами и орудиями, что характерно в свидерской культуре для более ранних памятников. Но это, может быть, и ошибочное впечатление. Дело в том, что в Гремячем материалом для изготовления орудий служили крупные глыбы прекрасного мелового кремня, тогда как в других пунктах Волго-Окской области люди обходились преимущественно валунным кремнем сравнительно плохого качества, из которого трудно было готовить крупные пожевидные пластины.¹⁸

Стоянок с инвентарем характерного тарденуазского облика на Оке и Верхней Волге не обнаружено. Наиболее поздние мезолитические местонахождения, по-видимому непосредственно предшествующие местной неолитической культуре, сохраняют здесь в ассортименте кремневых изделий традиции предыдущего времени, наряду с которыми появляются орудия неолитического облика. В качестве примера поздних мезолитических памятников назову Горшиху в низовьях Оки, Гоманиху, Некрасово, Устье и Золоторучье в Верхнем Поволжье.¹⁹

Таким образом, по морфологическим признакам мезолит Юго-Восточной Прибалтики, Верхнего Поднепровья и Волго-Окской области связывается как будто бы с мезолитом Средней Европы. К таким же выводам привел В. П. Якимов анализ двух длинноголовых мезолитических черепов, происходящих из Литвы. Они оказались близкими к мезолитическим черепам из Германии.²⁰

В последние годы большее число мезолитических местонахождений обнаружено на берегах рек Камы и Чусовой, а также далеко на севере — на р. Вычегде. Судя по материалам Нижнеадищевской, Огурдинской и Кама-Жулановской стоянок, опубликованным О. Н. Бадером, они отличаются от балтийско-днепровских и волго-окских отсутствием свидерских форм орудий. О. Н. Бадер допускает, что прикамский мезолит восходит к мезолиту Нижнего Поволжья и Прикаспия. Последний, правда, очень плохо известен, но несомненно, что он составлял особую провинцию,

---

¹⁷ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КС, XXXI, 1950; М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор. СА, в. III, 1937; П. Н. Третьяков. 1) Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, 1950; 2) Позднемезолитические местонахождения Ярославского и Костромского Поволжья. МИА, № 110, 1963.

¹⁸ В работах А. Я. Брюсова (Очерки по истории племен. . . , стр. 44—45, 72—73, и др.) волго-окские мезолитические стоянки отнесены к раннему («докерамическому») неолиту на том основании, что они принадлежат к VI—IV тыс. до н. э., т. е. к тому времени, когда в странах Юга уже существовал развитый неолит. По моему мнению, классификация А. Я. Брюсова является неудачной, мешающей правильному представлению о культурно-историческом процессе.

¹⁹ П. Н. Третьяков. Позднемезолитические местонахождения. . . , стр. 15 и сл. — Недавно В. М. Раушенбах были опубликованы материалы Сузевской стоянки Московской области, на которой каменные изделия позднемезолитического характера оказались вместе с керамикой льяловского типа (СА, 1964, № 2, стр. 188—191). Нельзя, однако, быть уверенным, что эти находки действительно одновременны, пока не будут выявлены другие стоянки с таким же составом находок.

²⁰ В. П. Якимов. Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики. ТриЭ, т. XXXII, 1956.

отличающуюся не только от средневропейской, но и от северопрichernоморской.²¹

На Огурдинской стоянке были обнаружены следы жилищ — небольших четырехугольных землянок. Это одна из первых в лесной полосе Восточной Европы находок остатков мезолитических построек.

Хронологическое определение прикамских мезолитических стоянок еще не произведено. Но несомненно, что большинство из них, как и на Верхней Волге, непосредственно предшествует керамическому неолиту. Кремневые изделия этих стоянок очень близки некоторым сериям кремневых изделий из ранних неолитических стоянок бассейна р. Камы и Зауралья, таких, как Усть-Юрюзанская, Боровое озеро I, Полуденка. Речь идет о кремневых орудиях, сделанных «мезолитической техникой» из пожевидных пластин.²²

2

Таким образом, лесные пространства Восточной Европы в эпоху мезолита, т. е. в VII—IV тыс. до н. э., были заняты выходцами из более южных областей. Но наряду с движением населения с юга на север происходило расселение древних племен и с востока на запад, охватившее более северные области лесной полосы Восточной Европы. Оно началось в более позднее время — накануне неолита и в раннем неолите. Это была первая волна того движения первобытных племен, которое в последующее время легло в основу формирования восточноевропейских финноугорских группировок.

А. Я. Брюсов обратил внимание на близкое сходство некоторых элементов прибалтийской позднемезолитической культуры Кунда и ряда находок приблизительно того же времени, сделанных в лесных областях, лежащих к северу от Верхнего Поволжья, с наиболее архаическими находками из Шигирского торфяника на Урале. На этом основании он высказал мысль о восточном происхождении племен, создавших культуру Кунда и оставивших свои следы к северу от Верхней Волги — на р. Ягорбе, притоке р. Шексны; в Погостище — на р. Модлоне; в Нижнем Веретье — на р. Кинеме, впадающей в оз. Лача (рис. 1).²³ Мнение А. Я. Брюсова было поддержано рядом археологов, в том числе крупнейшим знатоком археологии Прибалтики Х. А. Моора.²⁴

Слабой стороной этого предположения является, во-первых, отсутствие точных хронологических данных о всех перечисленных находках. В распоряжении археологии в настоящее время нет бесспорного доказательства более древнего возраста шигирских находок по сравнению с северными среднерусскими и прибалтийскими. Во-вторых, следует указать, что некоторые из форм костяных изделий, указанных А. Я. Брюсовым, — массивные острия из трубчатых костей, игловидные наконечники — известны не только в Прибалтике, на европейском Севере и на Урале, но и в других местах, в частности в лесостепном Поднепровье, где они также датируются весьма ранним временем. И, наконец, самые большие сомнения вызывает то, что при настоящем состоянии знаний нельзя определить,

²¹ О. Н. Б а д е р. 1) Палеолитическая стоянка. . . , стр. 96—98; 2) Стоянки. . . , стр. 7—14.

²² Л. Я. К р и ж е в с к а я. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская на северо-востоке Башкирии. МИА, № 79, 1960; О. Н. Б а д е р. Стоянки. . . , стр. 26—31.

²³ А. Я. Б р ю с о в. 1) Очерки по истории племен. . . , стр. 25—41; 2) К вопросу о заселении Севера европейской части СССР в неолитическую эпоху. РС, в. XLIX, 1953.

²⁴ Х. А. М о о р а. Вопросы сложения эстонского народа. . . , стр. 59.

в каком отношении находится культура Кунда к другим восточноевропейским мезолитическим культурам.

Выше уже шла речь о том, что восточноевропейский мезолит известен по донным стоянкам, на которых сохраняются лишь каменные орудия. Культура Кунда, распространенная в Юго-Восточной Прибалтике, представлена находками, сделанными в иных почвенно-геологических условиях, главным образом в торфяниках, где хорошо сохраняются изделия из рога и кости. Вместе с тем в этих местах почти нет кремня, вследствие чего для изготовления каменных орудий употреблялись кварцит и другие породы камня, изделия из которых отличались от кремневых. Следова-

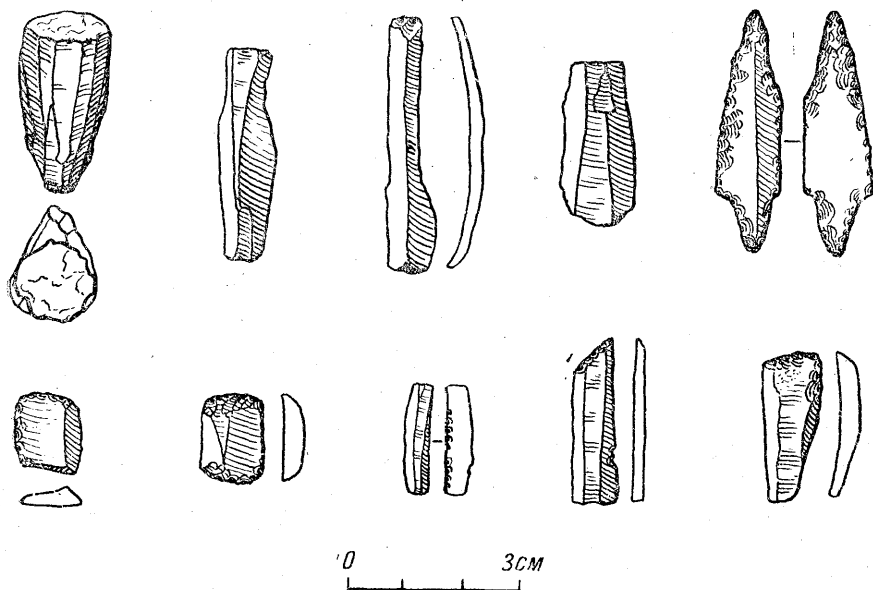

Рис. 2. Кремневые изделия со стоянки Кунда. Материалы Археологического музея Института истории Академии наук ЭССР.

тельно, находки типа Кунда выделены в особую позднемезолитическую культуру в значительной мере искусственно. Возможно, что почти не известные ныне костяные и роговые орудия мезолитического времени на территории Литвы, в Верхнем Поднепровье, Верхнем Поволжье были точно такими же, как в культуре Кунда. И поэтому их истоки не надо искать на Урале.

Нельзя не отметить, что немногочисленные кремневые изделия, происходящие со стоянки Кунда (нижний слой), не отличаются от обычных позднемезолитических (рис. 2). Это призматические ножевидные пластины, из которых большинство могло служить вкладышами, концевые скребки, двойной скребок, наконечник стрелы с черешком позднесвидерского типа. В коллекции из Кунды имеется прекрасный призматический нуклеус.²⁵ Кварцитовые орудия из стоянки Кунда, особенно своеобразные резцы и скребки концевого типа, близко напоминают кварцитовые изделия, характеризующие так называемый арктический палеолит (культура Комса), распространенный в Норвегии, на Кольском полуострове и на территории Карелии, который датируется приблизительно тем же временем, что и

²⁵ R. Yndreko. Vorläufige Bemerkungen über die Kunda-Fund. In: *Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat* 1934. Tartu, 1936. — Нижний слой стоянки Кунда по C^{14} датируется второй половиной VII тыс. до н. э. (8340 ± 285 лет).

культура Кунда (VII—V тыс. до н. э.).²⁶ Эта своеобразная северная мезолитическая культура еще очень плохо исследована.

Кремневые изделия, найденные в нижнем слое Ягорбы, Погостица и Нижнего Веретья, в общем не отличаются от верхневожжских поздне-мезолитических. Это призматический нуклеус, ножевидные пластины, наконечники стрел из ножевидных пластин. Наиболее ранней среди этих местонахождений является, кажется, стоянка Ягорба; А. Я. Брюсов относит ее к бореальному времени. Судя по данным пыльцевого анализа, Погостице относится к концу атлантического периода, Нижнее Веретье — к началу суббореального. Другими словами, их дата — IV и, может быть, самое начало III тыс. до н. э. Как и на стоянке Кунда, в этих двух пунктах имеются каменные шлифованные орудия, а также палицы с выдолбленными сквозными отверстиями.²⁷ Люди, оставившие эти находки, находились на грани мезолита и неолита.

Таким образом, мысль об уральском происхождении людей, оставивших следы своего пребывания в Ягорбе, Погостице, Нижнем Веретье, в свете имеющихся сейчас данных является еще отнюдь не доказанной. Эти люди могли иметь и местное происхождение в кругу верхневожжских и верхнеднепровских мезолитических племен. Это относится в полной мере к людям культуры Кунда, которые по своим кремневым орудиям связываются не с Уралом, а с соседними мезолитическими культурами.

Несколько лучше аргументированной представляется мысль о восточном — уральском и зауральском — происхождении ранне-неолитического населения, оставившего известный Оленеостровский могильник на Онежском озере, относящийся, по заключению Н. Н. Гуриной, к III тыс. до н. э., а по мысли Г. А. Панкрушева — к концу IV тыс. до н. э.²⁸

Некоторые костяные изделия, происходящие из могильника, в частности игловидные наконечники стрел, наконечники шигирского типа, наконечники с вкладышами и др. — это те самые предметы, которые сближали культуру Кунда, Ягорбу, Погостице и Нижнее Веретье с находками из Шигирского торфяника. Еще более интересны в этом отношении произведения искусства — костяные скульптуры животных и человека из Оленеостровского могильника. По своей тематике и формам они имеют ряд аналогий в искусстве Прикамья и Приуралья эпохи неолита и бронзы. Имеются все основания думать, что население, оставившее Оленеостровский могильник, пришло на берега Онежского озера из более восточных областей. Несколько погребений в вертикальном положении, открытых в Оленеостровском могильнике, находят ближайшую аналогию опять-таки за Уралом, где у с. Пеган известно вертикальное неолитическое погребение, сопровождаемое костяным вкладышевым кинжалом, очень похожим на оленеостровские изделия.²⁹

Население, оставившее Оленеостровский могильник, кажется, уже было знакомо с керамическим делом. На это указывают костяные пластинки с зубчатым краем, служившие, по-видимому, штампами для нанесения орнамента на глиняную посуду. Если это так, то Оленеостровский могильник следует связать с древнейшей культурой керамического неолита Восточной Прибалтики — с культурой Сперрингс, известной по

²⁶ J. Вое et A. Nummedal. La Finnmarkien. Oslo, 1936; Б. Ф. Земляков. Арктический палеолит на Севере СССР. СА, в. V, 1940; Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада. . . , стр. 26—44.

²⁷ М. Е. Фосс. Древнейшая история. . . , стр. 40—63.

²⁸ Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1956, стр. 258; Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964, стр. 39—40.

²⁹ К. В. Сальников. К вопросу о неолите стенного Зауралья. КС, в. XLVII, 1952.

многочисленным находкам мест древних поселений на территории Финляндии, Приладожья и Западного Прионежья.³⁰

Гребенчатая керамика типа Сперрингс (рис. 3), по наблюдениям ряда исследователей, находит ближайшие аналогии в неолитических культурах Прикамья, Приуралья и Зауралья, и с этим трудно не согласиться. Во всяком случае бесспорно, что многочисленные уральские и прикамские аналогии к керамике типа Сперрингс, выявившиеся за последние годы, являются несравненно более убедительными, чем среднеднепровские,

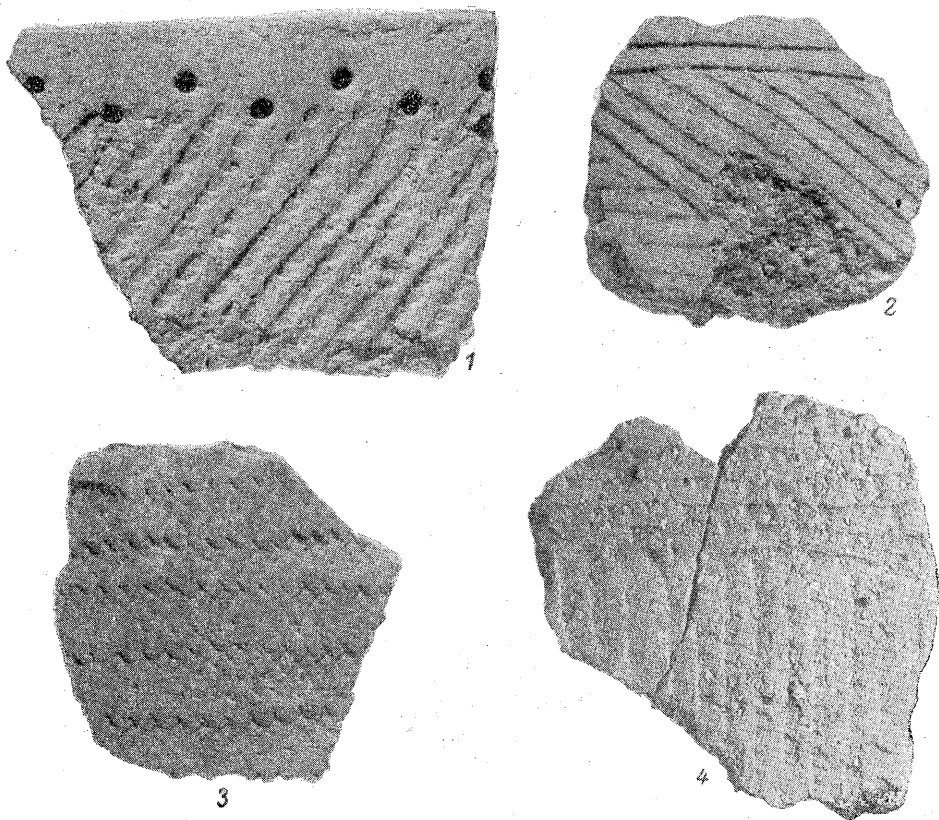

Рис. 3. Обломки керамики типа Сперрингс. Стоянки Курмойла, нижний слой (1—2, 4) и Челмужи (3). Раскопки Н. Н. Гуриной.

которыми А. Европеус пытался обосновать свое предположение о происхождении культуры Сперрингс из области Среднего Поднепровья. Последние работы Д. Я. Телегина, суммирующие большой фактический материал, свидетельствуют о значительном отличии днепро-донецкой керамики от керамики типа Сперрингс.³¹ Совсем не убедительным представляется

³⁰ А. Е u r o p a e u s - Ä y r ä r ä ä. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland; Н. Н. Г у р и н а. 1) Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, стр. 94; 2) Древняя история Северо-Запада. . . , стр. 45—80; Л. О. Я н и т с. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР. ВЭИЭН, 1956, стр. 150—152.

³¹ А. Ä y r ä r ä ä. Den yngre stenålderns kronologi in Finland aus Sverige. FM, LXII, 1956, стр. 28 и сл.

мнение Г. А. Панкрушева о местном происхождении керамики Сперрингс. Она отнюдь не архаична по своему облику.³²

К сожалению, пока еще нельзя доказать, что уральско-камская керамика (рис. 4), в частности керамика, открытая в Приобье,³³ наиболее близкая керамике Сперрингс, является по сравнению с ней более ранней. Другим слабым местом в гипотезе о восточном происхождении культуры Сперрингс является отсутствие связующих звеньев — бесспорных следов подобной же неолитической культуры между Приуральем и Восточной Прибалтикой, которые определили бы пути переселения древних племен с востока на запад. Но кое-какие факты этого рода все же имеются. Весьма возможно, что следами движения уральско-камских племен, принесших в Прибалтику культуру Сперрингс, являются находки «доямочно-

Рис. 4. Обломки керамики со стоянок Приобья (стоянки на Андреевском и Аятском озерах). Второй этап зауральского неолита (по В. Н. Чернецову).

гребенчатой» керамики, сделанные Б. С. Жуковым, а в последние годы В. М. Раушенбах на стоянках у дер. Языково и Никола Перевоз в Верхнем Поволжье (рис. 5). Попытка М. Е. Фосс отнести эту керамику к волосовскому комплексу эпохи бронзы и объяснить ее нахождение в основании культурных наслоений обеих стоянок простой случайностью не представляется убедительной. Прочерченный орнамент из комбинаций прямых линий, характеризующий эту керамику, находящий себе аналогии в камско-уральском неолите и в культуре Сперрингс, действительно можно сравнить с орнаментацией некоторых сосудов из волосовских стоянок (и из дальнейшего будет ясно, что это не случайное совпадение), но древнейшая языковская керамика, как и камско-уральская, и керамика Спер-

³² Д. Я. Телегин. 1) К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре; 2) Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола. МИА, № 79, 1960; Д. Я. Телегин. Племена каменного века на Украине. Київ, 1962; Г. А. Панкрушев. Племена Карелии. . . , стр. 83.

³³ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, стр. 10—35.

рингс, в отличие от волосовской, не имеет в глине ни раковинной, ни растительной примесей. Б. С. Жуков очень тщательно производил раскопки и хорошо знал волосовскую керамику. Он, конечно, не мог допустить здесь ошибки.³⁴ Раскопки В. М. Раушенбах подтвердили его наблюдения.

Соображения археологов о раннем проникновении населения из восточных областей в Прибалтику, как видим, в общем еще весьма слабо аргументированы археологическим материалом. Но они приобретают значительное правдоподобие и поднимаются до уровня научной гипотезы в свете антропологических данных. Как известно, теперь уже далеко не единичные палеоантропологические находки свидетельствуют о том, что в период неолита одним из существенных компонентов населения

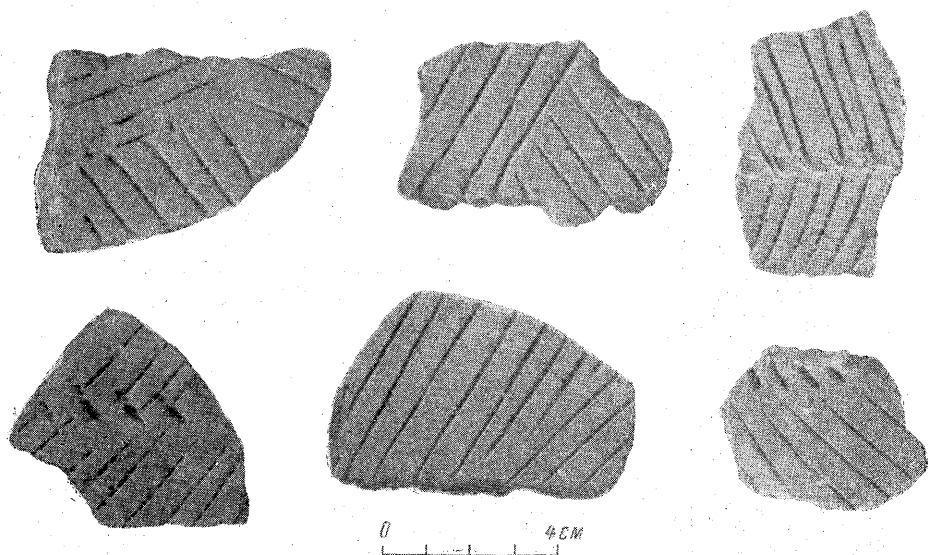

Рис. 5. Керамика с прочерченным орнаментом из нижнего слоя стоянки Никола Перевоз. Раскопки В. М. Раушенбах. ГИМ.

лесной полосы Восточной Европы, в том числе населения Восточной Прибалтики, наряду с европеоидными, были племена с монголоидными или лапонскими чертами. Мысль об их восточном — уральском и зауральском — происхождении поддерживается большинством антропологов.³⁵ Такие монголоиды оказались, в частности, среди людей, оставивших Оленеостровский могильник. Из трех десятков черепов, пригодных для изучения, большинство принадлежало европеоидам кроманьонского типа, но ряд черепов имел бесспорные монголоидные особенности. По мнению М. М. Герасимова, здесь запечатлелся «древний палеосибирский вариант юкагирского антропологического типа. . . Видимо, правы Е. В. Жиров и Г. Ф. Дебец, говоря о проникновении древних монголоидов с севера Сибири на северо-запад» (рис. 6).³⁶

³⁴ Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы. Этнография, № 1, М., 1929; М. Е. Фосс. Древнейшая история. . . , стр. 154—156.

³⁵ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. ТриЭ, т. IV, 1948; К. Ю. Марк. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. ВЭИЭН, 1956.

³⁶ Е. В. Жиров. Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова. КС, в. VI, 1940; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 92—95; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. ТриЭ т. XXVIII, 1955, стр. 319.

Убедительным свидетельством существования прямых связей между Зауральем и Восточной Прибалтикой являются также известные финские находки деревянных предметов, изготовленных, как полагают, из сибирской сосны (сибирский кедр), — полоза саней и ложек с рукоятками в виде головок птиц, очень похожих на такие же предметы, происходящие из неолитических торфяников Зауралья. По ряду данных финские находки связываются с ранним неолитическим временем.³⁷

Мне представляется, что задача дальнейших археологических исследований в данном направлении заключается уже не столько в том, чтобы

доказать факт проникновения в раннее время в северные области лесной полосы Восточной Европы, в частности в Прибалтику, выходцев из Зауралья и Приуралья, а в том, чтобы обрисовать конкретную сторону этого исторического явления, уточнить его хронологию и выяснить его роль в этнической истории.

Рис. 6. Монголоид с Оленьего острова на Онежском озере. Реконструкция М. М. Герасимова.

Неолитические культуры лесной полосы Восточной Европы и Зауралья

1

Неолитические культуры, о которых ниже пойдет речь, принадлежали охотничье-рыболовецким племенам с более или менее однородным хозяйством и бытом, что было обусловлено одинаковым уровнем развития производства и общественных отношений, а также схожими естественными условиями. Это были охотники и рыболовы развитого каменного века, жившие в лесных и лесостепных областях, богатых водой — с многочисленными реками, протоками

и озерами, — с одинаковым животным миром.

Временем сложения неолитической культуры в лесной полосе Восточной Европы и Зауралья был конец IV и начало III тыс. до н. э. Просуществовала она без значительных изменений в течение более тысячи лет, вплоть до середины II тыс. до н. э. Установленные первоначально на основе археологических данных (несколько предметов южного и средневропейского происхождения, время которых более или менее точно определяется), эти даты впоследствии были подтверждены анализами палеоботанических остатков, относящихся к концу атлантического и суббореального климатического периоду. В последнее время было сделано несколько радиоуглеродных анализов (C^{14}), которые дали в основном те же самые или несколько более ранние даты. Анализы показали, что предпринятые А. Я. Брюсовым попытки значительного «омоложения» неолитических памятников, в частности его стремление датировать Льяловскую стоянку началом II тыс. до н. э., являются беспорно ошибочными.³⁸

³⁷ A. E u r o p a e u s. Unsia Kivikauden [Taidelöytöjä. SM, XXXVI, стр. 83 и сл.

³⁸ Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963.

Уточнение хронологии отдельных групп неолитических памятников, отдельных стоянок, разных типов изделий и т. д. является ныне первостепенной задачей. Без ее решения история неолитических племен не может выйти за рамки гипотез и дискуссий.

Лесные пространства Восточной Европы и Зауралья были заселены в то время крайне неравномерно. Сравнительно густо населенные места, лежащие вдоль рек и по берегам озер, чередовались с необозримыми девственными лесами, нередко заболоченными, лишенными постоянных обитателей. Неолитические поселки, долговременные и сезонные, были сравнительно небольшими; размеры общин ограничивались скромными возможностями охотничье-рыболовческого хозяйства. Поселки состояли из нескольких жилищ, обычно немного углубленных в землю. Высокое мастерство обработки камня и кости, изготовление глиняной посуды с богатой орнаментацией, употребление лука и стрел, охота на лося, оленя, кабана, развитое рыболовство с помощью лодок-однодеревков, сетей и различных сооружений типа «заколов» — вот основные черты материальной жизни, общие для неолитического населения лесной полосы. Им соответствовали древние формы родового строя и присущая этому строю идеология, нашедшая отражение в произведениях своеобразного искусства. Социально-экономическим строем неолитической эпохи советские археологи много занимались в 30-х годах. Из исследований последнего времени, касающихся этого вопроса, можно указать работы Н. Н. Гуриной.³⁹

Наряду с общими чертами хозяйства и быта, объединяющими охотничье-рыболовческие племена лесной зоны, в их культуре имелись отчетливые локальные особенности, характеризующие отдельные племенные группы — этнические родственные массивы неолитического населения. Их своеобразие проявлялось в различных элементах культуры, представленных в археологическом материале, прежде всего в наиболее массовых находках — керамике, с ее технологией и орнаментацией. Особенности в керамике соответствовало своеобразие форм жилищ, погребальной обрядности, произведений искусства. В меньшей степени этническое своеобразие обнаруживалось в орудиях труда из камня, кости и рога, т. е. в той области материальной культуры, которая отражает прежде всего уровень развития производства. Но и в формах и приемах изготовления орудий имелись некоторые различия, связанные с традициями отдельных племенных групп.

Выше уже шла речь о том, что таких неолитических групп или общностей на территории Восточной Европы и Зауралья в III тыс. до н. э. было несколько. Мной будет дана их краткая характеристика. Но до этого необходимо остановиться на одной дискуссионной теме — на классификации древних культур лесной полосы, предложенной в 40-х—начале 50-х годов А. Я. Брюсовым. В свое время эта классификация сыграла положительную роль. Она направляла внимание исследователей на изучение особенностей неолитических памятников в различных областях. Но в настоящее время, в свете новых исследований, эта классификация нуждается в серьезных коррективах.

В бассейне р. Оки А. Я. Брюсовым было «выделено» пять неолитических культур — белевская, рязанская, волоховская, балахнинская (по данным О. Н. Бадера и М. В. Воеводского), льяловская — и предположительно шестая, тульская. На севере определены карельская культура и — вместе с Е. М. Фосс — каргопольская и беломорская культуры. Все они, по мысли А. Я. Брюсова, «отражают в своем единстве своеобразие техники, хозяйства, быта и других сторон жизни определен-

³⁹ Н. Н. Г у р и н а. Древняя история Северо-Запада. . . , стр. 120—137.

ной этнической группы, обычно группы родственных племен».⁴⁰ Неолитические культуры А. Я. Брюсова широко вошли в археологическую литературу. Многие дальнейшие исследования в этой области в той или другой степени исходили из предложенной им культурно-территориальной классификации.

Классификация А. Я. Брюсова в значительной мере являлась детищем того «гипертрофированного автохронизма», который был широко распространен в советской археологии в 30—40-х годах. Его «культуры», объединяющие материалы мезолита (по А. Я. Брюсову — раннего неолита), неолита и эпохи бронзы, в ряде случаев представляли собою результат творчества не одного и того же населения, развивающего свою культуру, а на разных этапах принадлежали различным племенным группам, сменявшим друг друга и имеющим неодинаковое происхождение и не одинаковые в разное время территории. А некоторые культуры были «выделены» А. Я. Брюсовым на основании таких локальных признаков, которые не могут быть связаны с этнической спецификой.

Первой обратила на это внимание М. Е. Фосс. В итоге изучения так называемой каргопольской культуры, локализуемой в районе озер Белого, Воже и Лача, она пришла к выводу, «что население каргопольской культуры, на различных этапах ее развития, характеризуется, судя по орнаментике, различным этническим составом». «Мы приходим к заключению, — писала она, — что каргопольская культура не выражает собой этнического единства населения, обитавшего в этой области». К подобному же выводу М. Е. Фосс пришла в отношении беломорской культуры, а карельскую культуру она признала смешанной, — о чем писал, впрочем, и А. Я. Брюсов.⁴¹ В настоящее время, после работ Н. Н. Гуриной, вопрос о карельской культуре полностью разрешился. Стало очевидным, что А. Я. Брюсов при «выделении» этой культуры располагал материалом из области пограничья двух различных племенных групп — одной, характеризующейся керамикой типа Сперрингс, которую он ошибочно датировал поздним временем, и другой племенной группы с ямочно-гребенчатой керамикой, появившейся позднее и мало-помалу вытеснившей первую.⁴²

В области нижнего течения р. Оки исследования неолитических памятников в последние годы вела И. К. Цветкова. В своих работах в рамки волосовской, рязанской и балахнинской культур она справедливо включала не все археологические памятники, начиная с мезолита и кончая эпохой бронзы, как это делал А. Я. Брюсов, а лишь их строго определенные культурно-хронологические группы, указывая, что территории этих групп не были стабильными, а значительно изменялись во времени.⁴³ В результате оказалось, что классификация А. Я. Брюсова в поречье Оки приложима, собственно говоря, лишь к древностям конца III и II тыс. до н. э. В то время реально существовали балахнинская, волосовская и рязанская группировки племен. Но раньше и позже этого времени таких группировок не было. Историческая жизнь неолитических племен была значительно сложнее, чем это представлялось А. Я. Брюсову. Их территории не были постоянными, этногенетический процесс в их среде протекал далеко не всегда автохтонно.

⁴⁰ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен. . . , стр. 20 и др.

⁴¹ М. Е. Фосс. Древнейшая история. . . , стр. 81, 119, 135, 147, 151; А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 34.

⁴² Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада. . . , стр. 45—80.

⁴³ И. К. Цветкова. 1) Волосовские неолитические племена. ТрГИМ, в. XXII, 1953; 2) Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки. МИА, № 110, 1963.

Основным признаком так называемой белевской культуры, локализуемой в верхнем течении р. Оки, А. Я. Брюсов считал «широкое использование в технике изготовления кремневых орудий длинных и крупных ножевидных пластин», указывая, что этот признак характерен как для стоянок с керамикой, так и для такой ранней «докерамической» стоянки, как Гремячее.⁴⁴ Но нельзя не согласиться с И. Г. Розенфельд, обратившей внимание на то, что район белевской культуры, в отличие от других частей бассейна р. Оки, богат выходами мелового кремня. Из него получались крупные пластины, тогда как в других местах, где пользовались валунным кремнем значительно худшего качества, таких пластин получить было нельзя.⁴⁵ Как показали исследования В. П. Любина, в области верхнего течения р. Оки, в местах, богатых меловым кремнем, имеются многочисленные «мастерские» по первичной обработке кремня, принадлежащие к разным периодам «каменного века» и эпохи бронзы.⁴⁶ Следовательно, при определении белевской культуры были учтены признаки отнюдь не этнического характера, а связанные с наличием определенных природных ресурсов.

М. Е. Фосс привела другие подобные же примеры и сделала вывод, что «культура», если ее определять таким образом, представляет собой «общность, которая возникает в материальной культуре в силу самых различных причин и которая наблюдается в археологических памятниках, бытовавших на определенном отрезке времени и объединенных общей территорией».⁴⁷ В своем капитальном исследовании северного неолита М. Е. Фосс следовала за классификацией А. Я. Брюсова по сути дела лишь при описании материалов по территориям. Когда же она переходила к историческим и этногенетическим вопросам, рамки этой классификации оказывались явно непригодными.⁴⁸ В итоге в работе М. Е. Фосс появилась упомянутая выше (стр. 17) карта «основных этнических общностей на территории Восточной Европы в эпоху неолита», впоследствии значительно уточненная Н. Н. Гуриной, О. Н. Бадером, Д. Я. Телегиным, Л. Ю. Янитсом и др. Из этой карты, очевидно, и следует исходить, обращаясь к составу населения лесной полосы Восточной Европы в неолитическую эпоху. Оно было представлено тогда четырьмя основными этнокультурными общностями: уральско-камской, волгоокской, восточно-балтийской (Сперрингс) и днепровско-балтийской, которую, вероятно, в дальнейшем будет необходимо разделить на две — на неманскую и верхнеднепровскую неолитические общности (рис. 7).

2

Вплоть до начала II тыс. до н. э. границы этих неолитических областей в основном сохраняли стабильность. В пределах Уральско-Камской области — по Каме с ее притоками, в лесном Приуралье и Зауралье — была распространена более или менее однородная охотничье-рыболовецкая неолитическая культура, характеризующаяся остродонной керамикой со своеобразным орнаментом, состоявшим из гребенчатых оттисков и прочерченных линий, образующих широкие горизонтальные зоны (рис. 8). На Каме эта культура стала известна совсем недавно, после исследований О. Н. Бадера в верхнем и среднем течении реки и работ

⁴⁴ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен. . . , стр. 51—62.

⁴⁵ И. Г. Розенфельд. К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III—начале II тыс. до н. э. КС, в. 75, 1959, стр. 95.

⁴⁶ Материалы ЛОИА АН СССР.

⁴⁷ М. Е. Фосс. Древнейшая история. . . , стр. 19.

⁴⁸ Там же, стр. 153—193 и др.

н. э., характерно наличие среди кремневого инвентаря, в целом вполне типичного для лесного неолита, значительного числа кремневых ножевидных пластин и сделанных из них орудий. В них нельзя не видеть архаическую черту культуры, связывающую прикамский неолит с предшествующей ему местной позднемезолитической культурой.

На Хуторской стоянке были исследованы остатки большой прямоугольной землянки (14×4.5 м, глубина 1 м) с двумя очагами. Прямоугольное жилище, размером 5.5×4.70 м, также с двумя очагами, открыто на стоянке Обсерватория III. Прямоугольные по форме, несколько углубленные в землю жилища с очагами на полу представляли собой характерную особенность камско-уральского неолита.

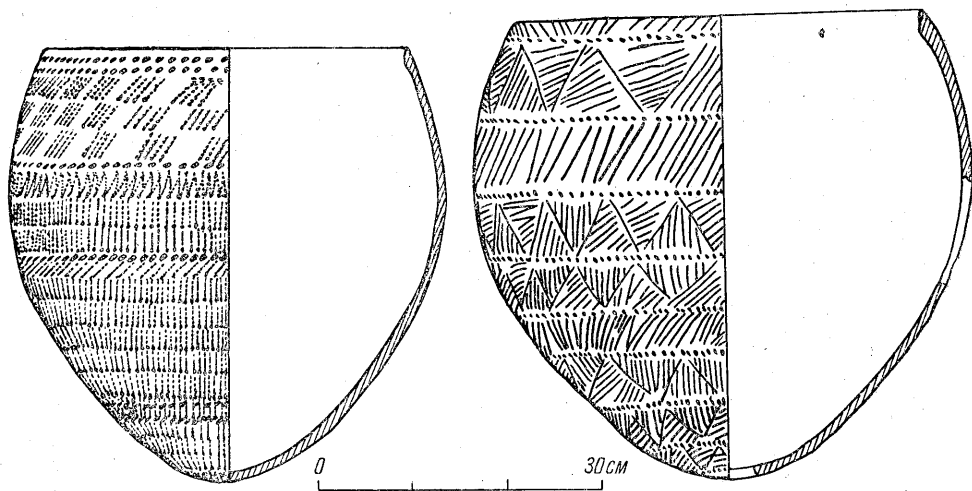

Рис. 8. Глиняные сосуды из Прикамья. Боровое озеро I (по О. Н. Бадеру).

В начале II тыс. до н. э. камская неолитическая культура сменилась культурой бронзового века, сохранявшей многие неолитические традиции вплоть до конца II тыс. до н. э. Это объясняется тем, что экономическая жизнь местного населения, несмотря на широкое распространение металлических орудий, продолжала основываться преимущественно на древних формах хозяйства — охоте и рыболовстве, хотя скотоводство, а по-видимому и земледелие, уже были известны. В Среднем Прикамье культура бронзового века получила название турбинской по имени известного могильника у д. Турбино. О. Н. Бадером — автором большого исследования, посвященного этой культуре, — она подразделена на два основных последовательных этапа: ранний — гаринский и поздний — борский. Известно много десятков поселений турбинской культуры. Начало их изучению было положено раскопками Н. А. Прокошева на стоянке у Гремячего ручья и на оз. Грязном вблизи устья р. Чусовой, где были обнаружены остатки прямоугольных жилищ-землянок, соединенных друг с другом крытыми переходами.⁵¹

В 1947—1959 гг. О. Н. Бадером и его сотрудниками по Камской археологической экспедиции было выявлено и изучено (вместе с известными ранее) 76 мест поселений турбинской культуры эпохи бронзы (трех последних четвертей II тыс. до н. э.). При этом были произведены

Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, в. 2, М., 1961; Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская. . .

⁵¹ Н. А. Прокошев. 1) Камская экспедиция. СА, в. I, 1936; 2) Жилища эпохи бронзы в Пермском Прикамье. КС, в. II, 1939.

раскопки 176 жилищ-землянок прямоугольной формы, нередко соединенных переходами между собой, и получен огромный вещественный материал. Ни в одной из областей нашей страны остатки поселений эпохи бронзы не изучены в таком числе и с такой полнотой. В Казанском Поволжье стоянки эпохи ранней бронзы изучались А. Х. Халиковым и А. В. Збруевой. Они являются в какой-то мере вариантом турбинских и точно так же дали несколько прямоугольных жилищ-землянок.⁵²

К сожалению, до сих пор не получен окончательного решения вопрос о связи камских поселений и могильников турбинского типа, что очень важно для всестороннего представления о культуре. Вопрос этот очень труден потому, что в могильниках, являвшихся характерными для некоторых прикамских племен, в соответствии с распространенным в их среде погребальным ритуалом, никогда не бывает керамики, составляющей основной материал поселений. Обильные же в могильниках бронзовые орудия и украшения на поселениях, как правило, не встречаются. Поэтому до сих пор не установлено, каким именно прикамским племенам и на каком этапе их развития принадлежали могильники.

Специфической чертой культуры камских племен является их своеобразное искусство, представленное скульптурами животных и человека из кости и камня. По мнению О. Н. Бадера, с поздним неолитом или эпохой ранней бронзы может быть связан древнейший комплекс наскальных изображений Писаного Камня в среднем течении Вишеры, по своему содержанию и формам напоминающий петроглифы Карелии.⁵³

В настоящее время еще трудно определить, как далеко к северу вдоль западных склонов Урала распространялась неолитическая культура камско-уральского характера. От верховьев Камы и ее притоков очень недалеко до верховьев Вычегды и Печоры. Вплоть до XIX в. сохранялись волоки, соединяющие бассейн Камы с реками, несущими свои воды в северные моря. Но известные сейчас на Вычегде и Печоре неолитические местонахождения относятся, по-видимому, главным образом к позднему времени. М. Е. Фосс, во многом справедливо сблизившая печорский неолит с зауральским, полагала, что древностей старше II тыс. до н. э. на этих реках не известно.

За последние годы были сделаны, однако, находки, свидетельствующие о заселении берегов Вычегды в позднем мезолите. Имеется также неолитическое поселение, относящееся, кажется, к III тыс. до н. э. и принадлежащее к культуре, близкой камско-уральской. Это стоянка Вис I на р. Вис, близ оз. Сандорского, найденная и исследованная Г. М. Буровым. На стоянке были открыты характерная керамика и основания прямоугольных жилищ-полужемлянок с очагами, похожих на землянки Хуторской стоянки на Каме. Из этого района имеются сведения о других стоянках как будто бы такого же типа. Очевидно, камско-уральские племена туда проникали. Но вместе с тем на Вычегде найдены поздненеолитические поселения и другого облика — с ямочно-гребенчатой керамикой.⁵⁴

⁵² О. Н. Б а д е р. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99, 1961; А. В. З б р у е в а. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, № 80, 1960 (Гулькинская стоянка — нижний слой: стр. 45 и сл.); А. Х. Х а л и к о в. 1) Неолитические памятники в Казанском Поволжье, стр. 22—34, 40—44; 2) Материалы к изучению истории. . . , стр. 49—64.

⁵³ О. Н. Б а д е р. 1) Очерк шестилетних работ. . . , стр. 44—57; 2) Стоянка Бор II на Чусовой и предананьинское время в Прикамье. СА, в. XX, 1954; 3) Камская археологическая экспедиция. КС, в. 70, 1957; О. Н. Б а д е р и В. А. О б о р и н. На заре истории Прикамья, стр. 39, 45, 49 и сл.

⁵⁴ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история. . . , стр. 138—145; Г. М. Б у р о в. 1) Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке. Автореферат дисс. Сыктывкар, 1963; 2) Долговременные поселения на р. Вис. Матер. по археологии европ. северо-востока, в. 1, Сыктывкар, 1962.

В области Среднего Зауралья, откуда происходят большие археологические собрания, сделанные во второй половине XIX и в начале XX в. на Шигирском и Горбуновском торфяниках, за последние десятилетия были исследованы такие неолитические стоянки, как Стрелка и Полуденка, а также ряд поселений разных периодов эпохи бронзы, которые, как и в Прикамье, генетически связаны с местной неолитической культурой. При наличии бесспорных общих черт с прикамскими, зауральские памятники неолита и бронзы имеют некоторые особенности — наличие «струйчатого» орнамента на глиняной посуде, наличие не только поселений с жилищами-землянками, но и святилищ в виде свайных построек. Жилище, открытое на Полуденке, оказалось прямоугольной полуземлянкой, близкой прикамским неолитическим жилищам.

В районе Шигирского озера известны случаи находок неолитических погребений, сопровождавшихся костяными кинжалами с кремневыми лезвиями. Одно подобное же погребение, найденное близ с. Пеган за Средним Тоболом (Курганская область), было вертикальным. К. В. Сальников, обобщивший данные о неолитических погребениях Зауралья, справедливо сравнивает пеганское погребение с вертикальными погребениями Оленеостровского могильника на Онежском озере.

Наличие большого числа торфяных местонахождений, в условиях которых хорошо сохранились деревянные и костяные (и роговые) изделия, значительно обогащает представления о материальной и духовной культуре зауральских племен. Особенно интересны предметы искусства (фигурки животных и птиц) из кости и дерева, остатки деревянных лодок и весел, обломки лыж и саней, части луков, знаменитый шигирский идол, описанный В. Я. Толмачевым, и мн. др.⁵⁵

В области Северного Зауралья в бассейне нижнего течения р. Оби исследования неолитических и более поздних поселений были осуществлены В. Н. Чернецовым.⁵⁶ Культура оставивших эти поселения охотничье-рыболовецких племен, судя по керамике и другим находкам, оказалась очень близкой к прикамской, отличаясь от нее лишь деталями. В. Н. Чернецов полагает, что кроме прикамской, уральской и нижнеобской провинций в составе уральско-камской неолитической культуры имела еще и четвертая — западно-сибирская провинция, раскинувшаяся по бассейнам Тобола и Иртыша.⁵⁷ Неолит этой обширной области, однако, еще очень плохо известен. Исследованные там несколько древних стоянок — Омская, Липчинская, Андреевская II, Исетские стоянки — относятся, кажется, в основном к позднему неолиту.⁵⁸ По заключению П. А. Дмитриева, они несколько отличаются по своему материалу от синхроничных уральских (шигирских) поселений.⁵⁹ Мне представляется, что вопрос о провинциях или локальных ва-

⁵⁵ О. Н. Бадер. Новые раскопки близ г. Нижнего Тагила. КС, в. XVI, 1947; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен. . . , стр. 146—163; П. А. Дмитриев.

1) Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы. МИА, № 21, 1951; 2) Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 21, 1951; В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. ТрИИМ, в. 29, 1956; В. Я. Толмачев. 1) Древности Восточного Урала. Записки Уральск. общ. любителей естествозн., т. XXXII, 1913 и т. XXXIV, 1914; 2) Деревянный идол из Шигирского торфяника. ИАК, в. 60, 1916; Д. Н. Эдинг. Новые находки на Горбуновском торфянике. МИА, № 1, 1940; К. В. Сальников. К вопросу о неолите степного Зауралья.

⁵⁶ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья.

⁵⁷ В. Н. Чернецов. 1) Древняя история Нижнего Приобья, стр. 7; 2) К вопросу о месте и времени. . .

⁵⁸ П. А. Дмитриев. Землянки на Зауральских стоянках. МИА, № 2, 1941, стр. 240—244; Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, в. XXIII, 1955; В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской обл. КС, в. XVII, 1947; К. В. Сальников. Исетские древние поселения. СА, в. XXV, 1956.

⁵⁹ П. А. Дмитриев. Землянки на Зауральских стоянках, стр. 240.

риантах древней уральско-камской культуры еще далек от своего решения. Таких провинций, — иначе говоря, областей отдельных племен, — было, вероятно, значительно больше, чем четыре. В одном Прикамье, судя по имеющимся сейчас данным, их было не меньше трех или четырех. Строй жизни того времени предопределял значительную дробность племенных культур в рамках этнокультурной общности. Изучение племенных вариантов неолитической культуры является, однако, делом будущего. Оно потребует несравненно более полной, чем сейчас, мобилизации фактических данных.

Восточная граница зауральских неолитических культур может быть проведена лишь в самых общих чертах по водоразделу Оби и Енисея, за пределами которого лежала обширная область своеобразной байкальской неолитической культуры, известной по работам А. П. Окладникова. Южная граница совпадала, очевидно, с границей леса и степи. Более точно ее провести крайне затруднительно, так как глиняная посуда уральских племен — ее орнаментация — обнаруживает черты значительного сходства с керамикой неолитического Приаралья, известного под наименованием кельтеминарской культуры. В Зауралье и Приуралье на некоторых неолитических стоянках найдены кремневые наконечники стрел кельтеминарского типа. На этом основании С. П. Толстовым была высказана мысль о тесных связях уральско-камских племен с кельтеминарскими и через их посредство с культурами доарийской Индии. Он сопоставил свою мысль с заключениями лингвистов о следах контактов с языками древней Индии, обнаруженных в финно-угорских языках. Наиболее правдоподобным местом таких контактов могло быть только Приаралье, а временем — эпоха, предшествующая распространению в Азии индоевропейской речи, т. е. III тыс. до н. э.⁶⁰ Тем самым взгляд на уральско-камские племена как на древних финно-угров получил как будто бы еще одно подтверждение.

Значительно дальше пошел в своих предположениях В. Н. Чернецов, поместивший в кельтеминарском Приаралье исходную протофинно-угорскую территорию. При продвижении на север, по его мнению, кельтеминарские племена смешались с сибирскими монголоидами, что привело к возникновению финно-угров.⁶¹

Но это не больше чем предположение. Не могу не присоединиться к критическим замечаниям, высказанным по этому поводу А. П. Смирновым и В. М. Раушенбах, защищающим мысль о местной мезолитической основе уральско-камского неолита, а также не отметить, что на основе сходства керамики далеко не всегда можно делать выводы о генетических связях населения.⁶² В данном случае сходство керамики может говорить лишь о том, что население уральско-камской области заимствовало у своих южных соседей не известное ему ранее искусство выделки глиняной посуды, в том числе и мотивы орнаментации. О том, что это искусство не зародилось на месте, а было принесено извне, свидетельствует относительное совершенство наиболее ранней уральско-камской керамики и ее орнаментации.

Связи уральско-камских племен с культурами Средней Азии несомненно сыграли в их жизни большую роль. Эти связи, а также наличие местных источников металлургического сырья способствовали тому, что племена Уральско-Камской области в начале II тыс. до н. э. в культурно-экономическом отношении выдвинулись вперед по сравнению со своими

⁶⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 63—66.

⁶¹ В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени. . . , стр. 24—27.

⁶² А. П. Смирнов. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии. СА, 1957, № 3, стр. 24—23; В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, стр. 147—149.

соседями, в частности с племенами Волго-Окской области. При настоящем состоянии знаний трудно определить, насколько велика была разница в уровне развития производительных сил в этих двух смежных областях. Но очень вероятно, что более высокий уровень развития уральско-камских племен — предков финно-угров — послужил одной из причин тех крупных событий в этнической истории лесной полосы Восточной Европы, речь о которых пойдет ниже и активной силой которых были уральско-камские племена.

3

В пределах другой неолитической области, по Оке, Верхней Волге и в верховьях Десны, была распространена неолитическая культура, называемая ниже волго-окской. Она характеризуется керамикой с преобладанием ямочного орнамента, совсем не похожего на орнаментацию уральско-камских неолитических племен (рис. 9).

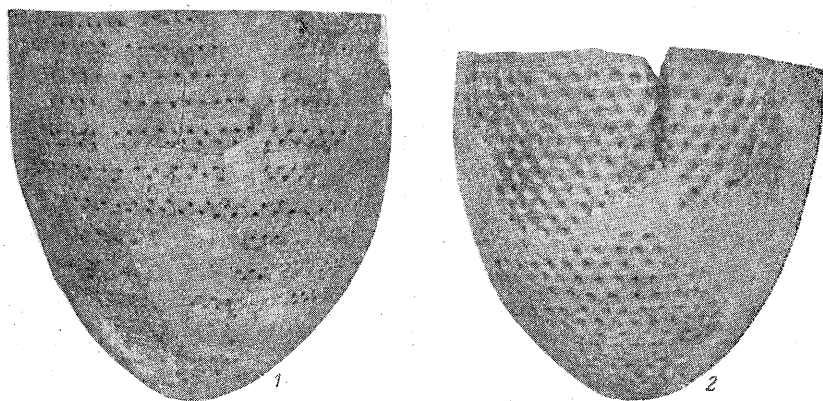

Рис. 9. Неолитические глиняные сосуды волго-окского характера со стоянок Вологодской (1) и Костромской (2) областей. Раскопки А. Я. Брюсова. ГИМ.

1 — Караваиха, 2 — Федоровское.

Ярким признаком этнического характера, свойственным этой культуре, были небольшие жилища-землянки, круглые в плане, с коническими крышами. Они служили жилищами, вероятно, в зимнее время. Наряду с ними имелись жилища и другого характера, у которых углубленной в землю была лишь средняя часть с очагом в центре. Летние постройки были, очевидно, наземными, в виде шалашей. Несмотря на некоторые территориальные и хронологические различия, культура волго-окского неолитического населения может рассматриваться как более или менее единая, принадлежавшая одной этнокультурной группе. Имеется предположение, разделяемое многими исследователями, что волго-окский неолит сложился на основе культуры позднемезолитических племен, некогда продвинувшихся на Оку и Верхнюю Волгу из Верхнего Поднепровья и более западных областей. По-видимому, из Среднего Поднепровья, от племен днепровско-донецкой неолитической культуры IV—III тыс. до н. э., волго-окские племена получили искусство изготовления глиняной посуды.

После работ Б. С. Жукова наиболее ранней стоянкой волго-окской культуры долгое время считалась Льяловская, расположенная в верхнем течении р. Клязьмы. Там были найдены относительно грубые кремневые

изделия (остроконечники). Культурный слой был перекрыт торфом с пылью суббореального времени. Это привело Б. С. Жукова к мысли о раннеолитическом возрасте стоянки. Ее культура стала рассматриваться в качестве как бы родоначальницы неолита Волго-Окского междуречья. В соответствии со взглядами Г. Коссины и С. Нордмана, Б. С. Жуков ошибочно связывал происхождение льяловской культуры с мезолитом Прибалтики. Другую точку зрения отстаивал Б. А. Куфтин, считавший, что Льяловская стоянка не является особенно ранней и не может быть выделена из круга других неолитических памятников Волго-Окской области. Недавно мысли Б. А. Куфтина несколько в ином плане были заново обоснованы и дополнены А. Я. Брюсовым.⁶³ С его соображениями бесспорно следует согласиться. Нельзя лишь принять предложенную им излишне заниженную дату стоянки — начало II тыс. до н. э. Подобно многим другим неолитическим стоянкам с ямочной керамикой, Льяловская стоянка не может быть выведена за рамки III тыс. до н. э. Она является одной из ранних стоянок волго-окского неолита. В свое время А. Я. Брюсов правильно датировал ее серединой III тыс. до н. э.⁶⁴

Кроме Льяловской стоянки, в бассейне верхнего течения р. Клязьмы в настоящее время известно более десяти аналогичных или несколько более поздних стоянок, некогда выделенных А. Я. Брюсовым в особую «льяловскую культуру».⁶⁵ Его попытка ограничить территорию льяловской культуры бассейном Верхней Клязьмы является, однако, ничем не аргументированной. Остатки материальной культуры такого же облика характерны для всей обширной области Волго-Окского междуречья, Верхнего Поволжья и бассейна р. Оки, причем повсюду они залегают в нижних горизонтах многослойных стоянок.

В области Волго-Окского междуречья сюда относятся древние неолитические стоянки побережья Плесецева озера, в частности нижние горизонты богатейшей стоянки Польцо на р. Вексе, нижний слой Уницы на оз. Неро и стоянки на Москва-реке.⁶⁶ К этой же культуре принадлежат наиболее древние стоянки Балахнинской низины, представленные прежде всего нижними слоями Панских Бугров у Балахны, Гавриловской II, стоянок I и IV у д. Большое Козино и др.⁶⁷ Для керамики этих стоянок характерна яйцевидно-коническая форма сосудов и ямочный узор, сплошь покрывающий их поверхность. Другие элементы орнамента встречаются относительно редко. Какие кремневые орудия сопровождали эту керамику, выделенную в качестве древнейшей в этих случаях не столько по данным стратиграфии, сколько типологически, точно установить невозможно, так как стоянки имеют и более поздние слои, не отделяющиеся от нижних. Но нельзя не обратить внимание на происходящие со стоянок кремневые пожевидные пластины и сделанные из них

⁶³ Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялова. Тр. Антропологического института. Приложение к РАЖ, т. XIV, в. 1—2, 1925; Б. А. Куфтин. Льяловская неолитическая культура на реке Клязьме в Московском уезде и ее отношение к окскому неолиту Рязанской губернии и раннеолитическим культурам Северной Европы. Тр. Общ. исслед. Рязанского края, в. V, Рязань, 1925; А. Я. Брюсов. Льяловская стоянка на р. Клязьме в Московской обл. СА, 1960, № 3.

⁶⁴ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен. . . , стр. 47.

⁶⁵ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен. . . , стр. 46—49; В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы. ТрГИМ, в. XXII, 1953.

⁶⁶ А. В. Успенская и Ю. А. Краснов. Новая неолитическая стоянка в Подмосковье. КС, в. 75, 1959. — Стоянка Польцо была исследована автором в 1937 г.; тогда же была найдена неолитическая стоянка на северо-восточном берегу Плесецева озера у с. Городище. В последние годы Польцо исследовалось А. Л. Никитиным.

⁶⁷ А. А. Спицын и В. И. Каменский. Стоянка каменного века близ г. Балахны. ЗОРСА, т. VII, в. 1, 1905; О. Н. Бадер и М. В. Воєводский. Стоянки Балахнинской низины. В сб.: Из истории родового общества на территории СССР, ИГАИМК, в. 106, 1935; Н. К. Цветкова. Стоянки балахнинской культуры. . . , стр. 57—59 (первый и второй этап балахнинской культуры).

орудия. Они имеют весьма архаический, но отнюдь не мезолитический облик. Их следует, вероятно, связывать с наиболее ранней в этих местах ямочной керамикой.

На Балахнинской стоянке были обнаружены округлые котлообразные ямы диаметром более 2 м со следами очагов в центре.

Наиболее древние стоянки муромского течения р. Оки принадлежат к той же волго-окской культуре. Это Мало-Окуловская стоянка, Садовый Бор (нижний слой), Легалин Бор и др. Здесь же обнаружены остатки жилищ. На правом притоке р. Оки — р. Теше, — в ее среднем течении, расположена Саконовская стоянка. Она находится на юго-восточной окраине волго-окской неолитической области, на пограничье с камско-уральскими племенами, занимавшими участок Среднего Поволжья, лежащий около впадения Камы. Этим, вероятно, объясняется, что на Саконовской стоянке оказалось жилище не волго-окского, а камского типа — большая прямоугольная землянка с несколькими очагами. В этой же пограничной области, в верхнем течении р. Мокши, расположена неолитическая стоянка Озименки.⁶⁸

В Рязанской области к стоянкам волго-окской культуры относятся Красные Кусты и Шумашская, в инвентаре которой, кроме типичной ямочной керамики, как и на указанных выше балахнинских стоянках, имеется значительное число ножевидных пластин и изготовленных из них орудий.⁶⁹ В верхнем течении Оки назovem стоянки Воронежскую и Жабынскую. Для них характерны ямочные вдавления на керамике как обычной конической формы, так и ромбические. Последние очень редко встречаются среди неолитической керамики среднего течения Оки, Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья, но обычны для ямочной керамики стоянок Верхней Десны, таких, как Бельнец и Черепеньки около Брянска.⁷⁰

К верхнему и среднему течению р. Оки близко подходят верховья Дона и его притока — р. Воронеж, также принадлежавшие, как теперь выяснилось, племенам волго-окской неолитической культуры. На р. Воронеж, на окраинах г. Воронежа, уже давно была известна Острожковская неолитическая стоянка. Ряд стоянок был обследован М. Е. Фосс в верхнем течении р. Воронеж. Она указывает, что здесь, на южной окраине волго-окской неолитической области, среди керамического материала оказались элементы, характерные для украинского неолита днепровско-донецкого типа.

В последние годы на Верхнем Дону была сделана находка исключительной важности. На берегу Дона, около с. Долгое, В. П. Левенком были найдены и исследованы остатки неолитического становища с несколькими глиняными сосудами и большим набором орудий из кости и рога, очень архаического облика, напоминающего изделия культуры Кунда. Кремневые изделия также весьма архаичны. По мнению В. П. Левенка, стоянка относится к концу IV тыс. до н. э., с чем, как мне кажется, следует согласиться. Глиняные сосуды покрыты здесь мелкоямочным

⁶⁸ Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций. . . ; М. В. Воеводский и А. В. Збруева. Мало-Окуловская неолитическая стоянка. КС, в. XXXI, 1950; А. Е. Алихова. Жилище на Саконовской неолитической стоянке. КС, в. 75, 1959; М. Е. Фосс. Поселения на доне Озименки. КС, в. 75, 1959; В. В. Федоров. Плехановская неолитическая стоянка. МИА, № 39, 1953; Ф. Я. Селезнев. Приокские древнейшие поселения. Тр. Владимирск. обл. музеев, в. 3, 1928; И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена.

⁶⁹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен. . . , стр. 58—59, 69.

⁷⁰ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен. . . , стр. 52—53; Н. Г. Розенфельд. К вопросу о связях. . . ; В. В. Кропоткин. Бельнецкие курганы и стоянка. КС, в. XLVII, 1952; Ф. М. Заверняев. Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском. КС, в. 67, 1957.

орнаментом. Они как бы связывают волго-окскую неолитическую посуду с более южной. Можно думать, что подобно тому, как уральско-камские племена научились гончарному делу у кельтеминарцев, волго-окские неолитические племена овладели этим искусством не без участия днепровско-донецких племен, на что я уже указывал выше. В бассейне р. Сейма и на Осколе имеются неолитические поселения, еще далеко не достаточно исследованные, сочетающие в себе черты волго-окской и днепро-донецкой неолитических культур.⁷¹

На Волге, выше устья р. Оки, к волго-окской неолитической культуре принадлежат Половчинская стоянка на Игодовских озерах, Серковская стоянка, Сокольское I (нижний слой) и далее вверх по Волге — большая группа неолитических стоянок в низовьях р. Костромы, обнаруженная В. И. Смирновым. Это знаменитая Борань (нижний слой), Волоцкое озеро, Станок (нижний слой), Туровые Колеса и др.⁷² Верховья р. Костромы с озерами Чухломским и Галичским также принадлежали племенам с волго-окской культурой. Древними неолитическими стоянками на Галичском озере являются стоянки на п-ове Фрола и Лавра и у истоков р. Вексы, а на Чухломском озере — Федоровская и Святица, на которых открыты остатки круглых жилищ-землянок. Дальше к востоку, за водоразделом рек Волги и Вятки, лежали области уральско-камских племен.

В области Молого-Шекснинской низины, составляющей ныне дно Рыбинского моря, укажу неолитические стоянки волго-окского типа — на р. Яне (с остатками небольшой круглой землянки), а также стоянки Сенцы и Воятицы (нижний слой). Наконец, еще выше по Волге расположены Языково (нижний слой) и Никола Перевоз (нижний слой).⁷³

Из Волго-Окской области, где известно в настоящее время в общей сложности свыше 300 мест неолитических поселений, охотничье-рыболовецкие племена еще в III тыс. до н. э. двигались на север, постепенно расширяя свою территорию. Главным путем их движения были левые притоки Волги, прежде всего Шексна. Высказанная впервые И. Айлио мысль о том, что волго-окские неолитические племена сыграли большую роль в формировании неолитической культуры на территории юго-восточной Финляндии и Карелии, впоследствии была подтверждена работами А. Я. Брюсова.⁷⁴ Им же и М. Е. Фосс было установлено, что выходцы из волго-окской неолитической области проникли вплоть до берегов Белого моря.⁷⁵

А. Я. Брюсов, очевидно, прав, полагая, что движение волго-окского неолитического населения в северном и северо-западном направлениях являлось, так сказать, естественным процессом: древние охотники и рыболовы постепенно, в ходе сегментации родовых общин, осваивали

⁷¹ М. Е. Ф о с с. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 г. КС, в. 75, 1959; В. П. Л е в е н о к. Ранненеолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону. КС, в. 92, 1962; Д. Я. Т е л е г и н. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре.

⁷² Н. Н. Г у р и н а. 1) Половчинская неолитическая стоянка. КС, в. 75, 1959; 2) Неолитическое поселение Борань. МИА, № 79, 1960; Л. Я. К р и ж е в с к а я. Неолитическая стоянка Сокольское I на Волге. МИА, № 110, 1963; И. В. Г а в р и л о в а. Неолитическая стоянка у д. Серкова. МИА, № 110, 1963; А. Я. Б р ю с о в. Федоровская стоянка. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV, 1929.

⁷³ Археологические работы Академии на новостройках в 1932—33 гг. ИГАИМК, в. 109, 1935, стр. 120—142; П. Н. Т р е т ь я к о в. Неолитические памятники Молого-Шекснинской низменности. Тр. Советской секции Междунар. ассоц по изуч. четвертичного периода, т. 5, 1941.

⁷⁴ J. Ailio. Onko suomalais-ugrilainen alkukoti ollut Skandinawiassa vaiko Venäjällä? стр. 78 и сл.; А. Я. Б р ю с о в. 1) История древней Карелии, стр. 9—10; 2) Очерки по истории племен. . . , стр. 96 и сл.

⁷⁵ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история. . . , стр. 153 и сл.

новые незаселенные или малозаселенные пространства, богатые рыбой и зверем.⁷⁶ Возможно, впрочем, что в более поздний период, на рубеже III и II тыс. до н. э., их движение на север в какой-то мере было обусловлено вторжением в волго-окское междуречье пастушеских племен, носителей фатьяновской культуры, продвинувшихся сюда, по-видимому, из Среднего Поднепровья.⁷⁷

Дальнейшие археологические исследования, произведенные в Восточной Прибалтике Н. Н. Гуриной, подтвердили мысль о расселении на север и северо-запад волго-окских неолитических племен.⁷⁸

Продвигаясь вверх по Шексне, неолитические охотники проникли сначала в область озер — Белого, Кубенского, Воже и Лача, где в результате исследований А. Я. Брюсова и М. Е. Фосс, произведенных в 30—40-х годах, обнаружено несколько десятков мест древних поселений. Во всех случаях древнейшей глиняной посудой, встреченной здесь при раскопках, оказалась характерная посуда волго-окского типа с ямочной орнаментацией. На основании находок некоторого количества керамики с ямочными вдавлениями ромбической формы А. Я. Брюсов и М. Е. Фосс сделали справедливое заключение, что сюда проникло население не из восточной части Волго-Окской неолитической области, где такая орнаментация не встречается, и не из бассейна Десны или Верхней Оки, где она преобладает, а главным образом из центральной части — из бассейна среднего течения р. Оки, с Москва-реки, с верховьев р. Клязьмы. Такая керамика представлена на стоянках Верхнее Веретье (нижний слой), Кубенино (нижний слой), Васькин Бор, Каргопольская (нижний слой), Попово и многих других, давших находки, относящиеся к древнему этапу так называемой каргопольской культуры.⁷⁹

В течение III тыс. до н. э. волго-окские племена проникли и дальше на северо-запад — на Онежское озеро, в поречье р. Свирь, на берега Ладожского озера, на Финский залив и озера Южной Финляндии. Здесь они встали с древним местным населением, оставившим неолитические стоянки с керамикой типа Сперрингс. Об этом охотничье-рыболовческом населении, создавшем своеобразную культуру, и о взаимоотношениях его с пришельцами речь пойдет ниже.

В своей работе, посвященной неолитическим культурам Северо-Запада СССР, Н. Н. Гурина лишь для территории Южной Карелии указывает более 50 стоянок с керамикой волго-окского характера. Почти столько же их известно на территории Ленинградской области. Очевидно, изобилующая водой — реками, озерами, протоками — и отличающаяся сравнительно мягким климатом Восточная Прибалтика была очень благоприятным краем для охотничье-рыболовческого неолитического хозяйства. Единственной неудобной для неолитических людей местной особенностью было отсутствие месторождений кремня. Каменные орудия изготовлялись в Карелии преимущественно из сланца; широко использовались костяные и роговые изделия. Преобладание сланцевых орудий послужило в свое время для А. Я. Брюсова одним из главных оснований для выделения особой карельской неолитической культуры, в рамках которой им были искусственно объединены как стоянки с кера-

⁷⁶ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен. . . , стр. 9—11.

⁷⁷ М. Е. Фосс. Древнейшая история. . . , стр. 182.

⁷⁸ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада. . . , стр. 57.

⁷⁹ М. Е. Фосс. Древнейшая история. . . , стр. 81—85, 173—180; А. Я. Брюсов. 1) Очерки по истории племен. . . , стр. 121; 2) Караваевская стоянка. Сб. по археологии Вологодской обл., Вологда, 1961; И. К. Цветкова. Неолитические поселения в районе Белого озера. Там же.

микой типа Сперрингс, так и стоянки волго-окских племен — переселенцев.⁸⁰

В последующее время, — как полагает М. Е. Фосс, уже в начале II тыс. до н. э., — племена волго-окского происхождения вышли к Белому морю. Культура наиболее древних беломорских стоянок, таких, как Галдарая I, не оставляет сомнений в ее происхождении из Волго-Окской области. Но уже вскоре здесь появились свои культурные особенности, связанные с тем, что населению пришлось приспособиться к новым для него условиям морского побережья и морского промысла. Особенно характерны для беломорского неолита наконечники стрел и копий с пильчатым краем, приспособленные для охоты на морского зверя.⁸¹ Очень вероятно, что на побережье Белого моря имелось и более древнее население, близкое племенам культуры «арктического палеолита». Но этот вопрос остался не исследованным.

Восточнее бассейна Белого моря — в бассейн Северной Двины и Печоры — волго-окские племена в большом количестве не проникали. «Для тех мест, — пишет М. Е. Фосс, — необходимо отметить как общее явление отсутствие ямочно-гребенчатой керамики типа, распространенного в волго-окском бассейне». В настоящее время получены новые данные о камско-уральских элементах в культуре вычегодского неолита. Но вместе с тем в бассейне Вычегды и Печоры имеются поздненеолитические местонахождения, в материалах которых видны такие черты, которые скорее всего являются по происхождению волго-окскими, хотя и сильно измененными. Например, на стоянке Вис II имеется керамика, несколько напоминающая костромской неолит (Борань, Федоровское).⁸²

4

Обратимся теперь к неолитическим культурам западных областей европейской части СССР, в целом пока что очень плохо изученным, но бесспорно отличающимся от волго-окской.

Западная граница волго-окской неолитической области может быть определена в настоящее время лишь приблизительно. М. Е. Фосс проводила ее от Ладожского озера к верховьям Волги и далее на юг по водоразделу Десны и Днепра. Культуру неолитических племен, обитавших западнее этой линии на территории СССР и Финляндии, М. Е. Фосс в своих работах специально не рассматривала, указывая лишь на то, что для неолита западной области характерно преобладание «гребенчатых» отпечатков на керамике.⁸³

Мне представляется, что западную неолитическую область в пределах лесной полосы следует разделить на три части: восточнобалтийскую, хорошо обрисованную в работах финских и эстонских археологов, неманскую и верхнеднепровскую. Две последние области пока еще очень плохо изучены.

Восточнобалтийская неолитическая культура была распространена по побережью Онежского и Ладожского озер и далее на запад по южным областям Финляндии вплоть до Ботнического залива. Она характеризу-

⁸⁰ Н. Н. Г у р и н а. Древняя история Северо-Запада. . . , стр. 46—80, 514—534; Л. Ю. Я н и т с. Поселения эпохи неолита. . . , стр. 85 и сл.; М. Е. Ф о с с. Древнейшая история. . . , стр. 146—152; А. Я. Б р ю с о в. 1) Очерки по истории племен. . . , стр. 96—113; 2) История древней Карелии.

⁸¹ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история. . . , стр. 120—137.

⁸² М. Е. Ф о с с. Древнейшая история. . . , стр. 139; Г. М. Б у р о в. 1) Вычегодский край. . . , стр. 6—7; 2) Долговременные поселения на р. Вис.

⁸³ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история. . . , стр. 168—173.

ется керамикой типа Сперрингс, которую А. Европеус разделяет на две последовательные культурно-хронологические группы — более древнюю (стиль I), относящуюся к первой половине III тыс. до н. э., и позднюю (стиль II), датируемую второй половиной III тыс. до н. э.⁸⁴ Эта керамика имеет обычные для лесного неолита формы. Изготавливалась она из глины с примесью дресвы (стиль I) или растительной трухи (стиль II) и украшалась несложными геометрическими фигурами из ложногребенчатых отпечатков («отступающий» штамп, «перевитой шнур», «колючая проволока») или прочерченных линий, составляющих горизонтальные зоны или вертикальные полосы. По мнению ряда исследователей — В. Н. Чернецова, Л. Ю. Янитса, Н. Н. Гуриной и др. — эта керамика, как уже указывалось, во многом чрезвычайно близка уральско-камской, в частности северной зауральской. Каменные орудия на стоянках культуры Сперрингс мало выразительны — они изготавливались преимущественно из кварцита и различных сланцев.

Восточная граница культуры Сперрингс не была постоянной. Мало-помалу она отодвигалась на запад под давлением племен волго-окской неолитической культуры, речь о которых шла выше. В Приладожье и Прионежье, по наблюдениям Н. Н. Гуриной, встречается только ранняя керамика типа Сперрингс, тогда как западнее, на территории Финляндии, наряду с поселениями раннего времени имеются многочисленные поселения с поздней керамикой типа Сперрингс. Очевидно, в период позднего Сперрингса, т. е. во второй половине III тыс. до н. э., Приладожье и Прионежье уже были заняты главным образом волго-окскими племенами.

Особым вариантом неолитической культуры является, по-видимому, культура территории Эстонии с керамикой так называемого нарвского типа и костяными изделиями, сохраняющими в своих формах некоторые традиции культуры Кунда. Керамика нарвского типа имеет зональную гребенчатую и ложногребенчатую орнаментацию. Впервые на территории Эстонии такая керамика была открыта на стоянках около г. Нарвы, исследованных Н. Н. Гуриной, отметившей, что такая или сходная по составу глины керамика с южного побережья Ладожского озера есть в коллекции А. А. Иностранцева. В последнее время Н. Н. Гурина стала склоняться к предположению, что неорнаментированная керамика из коллекции А. А. Иностранцева могла иметь южное происхождение, хотя ее сходство со среднеднепровской (сурской) неолитической посудой, также мало орнаментированной, по сути дела ничем не доказывается.

Волго-окские племена в III тыс. до н. э. на территорию Эстонии, по-видимому, не проникали — их керамика к западу от Чудского озера не встречается. Более поздняя керамика Эстонии, сменяющая нарвскую, принадлежит к так называемой типичной прибалтийской ямочно-гребенчатой керамике, относящейся уже к началу II тыс. до н. э.⁸⁵

Л. Ю. Янитсом керамика нарвского типа открыта в нижнем слое стоянки Акали, что доказало ее древность, а совсем недавно им была исследована неолитическая стоянка нарвского типа — Кяапа, давшая, помимо керамики, характерный комплекс костяных и роговых орудий ранне-неолитических форм, а также маловыразительные кремневые и каменные изделия.

Неолитические поселения более южных областей Прибалтики — территории Понеманья и примыкающих к нему местностей — остаются

⁸⁴ A. Europeus - Äyräpää. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland, стр. 171—178.

⁸⁵ Н. Н. Гурина. 1) Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии. МАЛ, I, 1955; 2) Древняя история Северо-Запада. . . , стр. 78—79; Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита. . . ; L. Jaanit. Neolitiilised asulad Eesti NSV territooriumil. МАЛ, I, 1955.

почти не исследованными. Бесспорно лишь, что культура оставившего их населения заметно отличалась как от волго-окской, так и от восточнобалтийской неолитических культур. Польский археолог А. Гардавский включает неолит этих областей вместе с неолитом Верхнего Поднепровья в границы намеченной им днепровско-эльбской культуры, распространенной якобы от Эльбы на западе до устья Десны на юго-востоке.⁸⁶ Думаю, что с таким обобщением согласиться нельзя. Мне представляется, что на территории северной Польши охотничье-рыболовецкая неолитическая культура имела свои специфические особенности. То же самое следует сказать о неолите Понеманья и Верхнего Поднепровья.

Для неолита Понеманья, как это показала Р. Яблонските-Римантене, характерно переживание мезолитических форм кремневых орудий и почти полное отсутствие керамики. Первоначально предполагалось, что керамика здесь плохо сохранилась в условиях дюнных стоянок. Но в настоящее время, когда количество неолитических местонахождений измеряется уже многими десятками, стало очевидным, что в этом следует видеть определенную бытовую особенность культуры. На стоянках, в том числе исследованных путем раскопок, встречаются в небольшом числе лишь мелкие обломки слабообожженной глиняной посуды с примитивными узорами. Возможно, что керамика из Серова (Zedmar) принадлежит к этой же культуре. Такая же картина наблюдается в Белорусском Понеманье и некоторых других областях Белоруссии.

На основании этих незначительных данных трудно, конечно, делать какие-либо выводы, — в частности, о существовании здесь особой неолитической провинции. Но нельзя не обратить внимание на то, что во второй половине II тыс. до н. э., а может быть, и несколько раньше, культура территории Литвы и северо-западной Белоруссии перерастает в своеобразную культуру ранней штрихованной керамики, которая уже более четко позволяет обрисовать область неманской провинции. Ее основную часть составляет бассейн Немана; на Западной Двине и к северу от нее ранняя штрихованная керамика встречается вместе с керамикой другого характера. Ранняя штрихованная керамика имеется также в бассейне правых притоков верхнего Днепра. На Днепре и на небольшом пространстве к востоку от него, в частности в поречье Сожа, она встречается редко и уже в качестве «примеси» к другому керамическому материалу.⁸⁷ К племенам со штрихованной керамикой мне еще не раз придется вернуться в последующих очерках.

Некоторые лучше известные неолитические памятники в области Верхнего Поднепровья. По мнению Д. Я. Телегина, здесь лежала как бы северная провинция днепро-донецкой неолитической культуры, за последние годы исследованной в ряде пунктов Северной Украины. К этому мнению следует присоединиться. Неолитическая керамика Верхнего Поднепровья действительно во многом близка днепро-донецкой гребенчато-накольчатой керамике с ее геометрическими орнаментальными мотивами. Но степень близости днепро-донецких и верхнеднепровских поселений, их отношение друг к другу еще предстоит выяснить.

В верховьях Западной Двины и по левобережью Верхнего Днепра лежала полоса пограничья верхнеднепровской и волго-окской неолитических культур. Керамика имеет здесь смешанные черты — встречается

⁸⁶ A. Gardawski. Zagadnienie kultury «ceramiki grzebykowej» w Polsce. WA, XXVI, 4, 1958.

⁸⁷ A. Bernotaitė. Versminio upelio I (Varenos raj.) akmens amžiaus stovykla. ILKI, 1, 1958; Р. Яблонските-Римантене. Стоянки каменного века Эйгуляй. ВЭИП, т. 1, 1959; Р. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, стр. 53—64; Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962, стр. 14—19; W. Garte. Zedmar. Reallexicon, XIV, стр. 518.

ямочная орнаментация, главным образом деснинского типа, и гребенчато-накольчатые узоры. Такова, например, керамика стоянок бассейна р. Сож, на которых К. М. Поликарповичем были собраны большие коллекции подъемного материала. Совершенно произвольно он разделил этот материал на две части: на неолитический, куда им была отнесена керамика с ямочной орнаментацией, и относящийся якобы к эпохе бронзы, керамика которого характеризуется гребенчато-накольчатыми узорами и примесью растительной трухи в глине. Несомненно, что в коллекции К. М. Поликарповича имеется керамика эпохи бронзы, например со стоянок Замостье, Гарбиха или Сосновая Грива. Но нет решительно никаких оснований всю гребенчато-накольчатую керамику стоянок Посожья считать поздней. Наоборот, керамика, близкая днепровско-донецкой со стоянок Городок, Цыганский Бугор, Романовичи и некоторых других, может оказаться более ранней, чем ямочно-гребенчатая. По-видимому, именно с ней связываются найденные на берегах Сожа архаичные каменные орудия — топоры, у которых наточено лезвие. Словом, К. М. Поликарпович сделал, по-видимому, такую же ошибку, какую в свое время допустил в Карелии А. Я. Брюсов, отнесший керамику типа Сперрингс к бронзовому веку на том, очевидно, основании, что орнамент у нее гребенчатый.

Смешанный характер с преобладанием волго-окских элементов имеет материал на стоянках Мыс Очкинский на Средней Десне, Погореловка на Десне, вблизи устья Сейма; Скуново на Сейме, около Путивля. Два последних пункта Д. Я. Телегин датирует очень ранним временем — концом IV—началом III тыс. до н. э.⁸⁸ И, вероятно, это справедливо. Ямочная керамика из этих пунктов несколько напоминает керамику из раннеолитической стоянки у с. Долгое в верховьях Дона, исследованной В. П. Левенком, речь о которой шла выше.

Верховья Днепра окружены реками бассейна Оки и Волги. Оттуда, из района Дорогобужа, происходит неолитическая керамика, близкая волго-окской. Но ниже по Днепру, на стоянках близ Копринского озера и у с. Гнездова в районе Смоленска, преобладает глиняная посуда другого облика, с орнаментом из гребенчатых отпечатков и прочерченных линий (рис. 10). Такая же в общих чертах неолитическая керамика происходит из Могилевщины и Гомельского Поднепровья. На неолитической стоянке у д. Нижние Немыкари около Смоленска А. Н. Лявданским были открыты основания двух жилищ в виде округлых глинобитных площадок с углублениями для очагов в центральной части.⁸⁹

Керамика, близкая верхнеднепровской, не раз была находима на стоянках Валдайской возвышенности. Особенно отчетливые верхнеднепровские элементы представлены на стоянках Щепочник и Кошице из района оз. Селигер, материалы которых были опубликованы недавно И. В. Гавриловой и Н. Н. Гуриной. Нужно отметить, однако, что кремневые изделия, происходящие с этих стоянок, особенно из Щепочника, не отличаются от обычных северных. Здесь найдена даже кремневая фигурка, для

⁸⁸ К. М. П о л и к а р п о в и ч. 1) Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа (Замостье: стр. 180—181; Гарбиха: стр. 246—247; Городок: стр. 150—152; Цыганский Бугор: стр. 188); 2) Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа (Сосновая Грива: стр. 399—402); К. М. П о л и к а р п о в и ч. Стоянкі средняга Посожья. МАБ, т. I, 1957; И. Г. Р о з е н ф е л ь д т. Стоянка Мыс Очкинский. КС, в. XXXI, 1950; Д. Я. Т е л е г и н. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины. СА, 1962, № 4; И. И. А р т е м е н к о. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья. КС, в. 78, 1960 (Романовичи, стр. 34—38).

⁸⁹ А. Н. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Научные изв. Смоленск. гос. ун-в., т. IV, в. 3, 1927; А. Н. Л я в д а н с к и й. Неолітычная стаянка ў Гнездаве пад Смаленскам. Працы, т. II, 1930, стр. 518.

верхнеднепровского неолита отнюдь не характерная. Время Щепочника, судя по развитым типам орудий, — начало II тыс. до н. э.

Неолитические поселения в области правобережья Верхнего Днепра стали известны лишь в самые последние годы. На оз. Вейна в бассейне р. Друть обнаружено нечто вроде свайных построек. Другие пункты

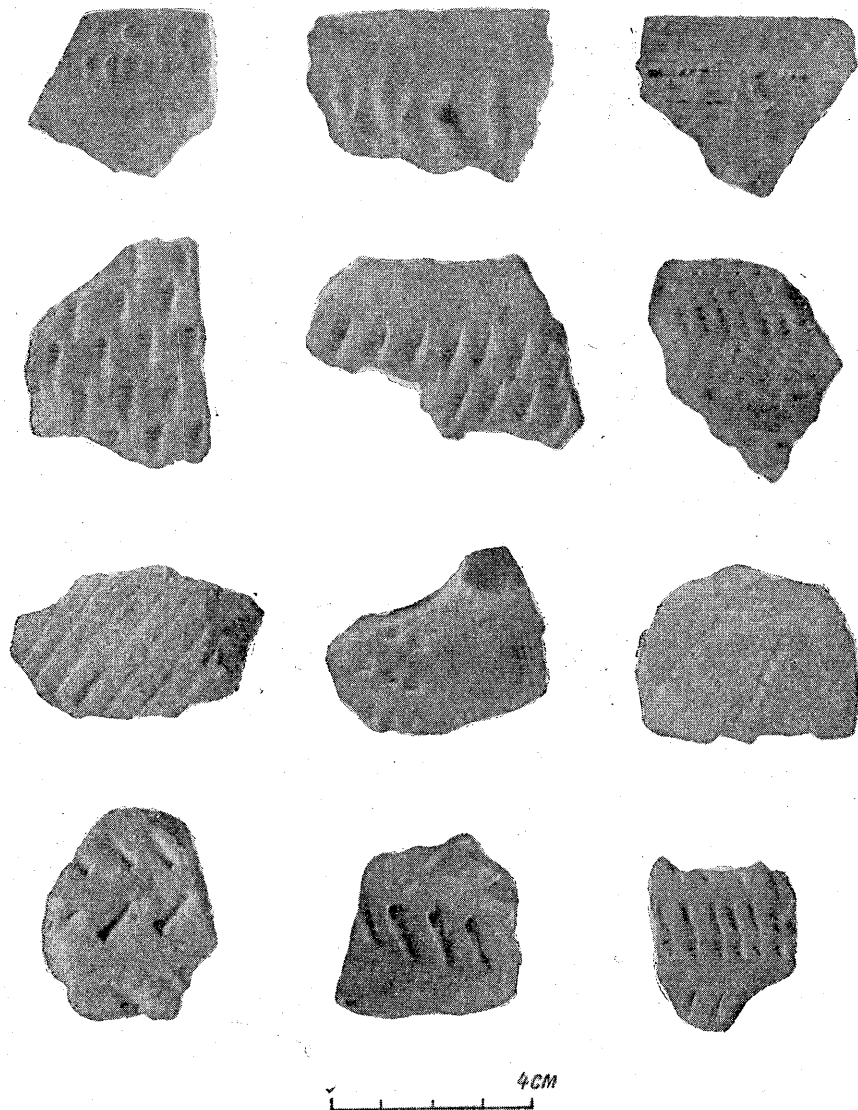

Рис. 10. Обломки глиняной посуды с Копринской стоянки в районе г. Смоленска. Сборы Е. А. Шмидта. Смоленский областной музей.

с остатками такого же рода оказались на оз. Ула в среднем течении р. Нароч, притока Вилии, и на р. Кривине — левом притоке Западной Двины. Подобная же керамика была найдена Я. В. Станкевич на некоторых неолитических стоянках в верховьях Западной Двины и на ее правом притоке — р. Торопе (стоянка Жерносеки и др.).⁹⁰ Кажется, куль-

⁹⁰ И. В. Гаврилова. Неолитическая стоянка Кошнице на оз. Селигер. КС, в. 92, 1962; Н. Н. Гуркина. Неолитическая стоянка Щепочник. КС, в. 82, 1961;

тура всех этих стоянок близка культуре верхнеднепровских стоянок у Катыни и Гнездова.

Недавно Н. Н. Гурина в работе, посвященной неолиту Северо-Запада европейской части СССР, дала карту неолитических культур лесной полосы Восточной Европы по данным керамики,⁹¹ — по моему мнению, с большим числом недостатков. Наименее существенным среди них, но вводящим в заблуждение читателя, является одинаковое изображение всех неолитических культур с гребенчатой керамикой, тогда как очевидно, что уральско-камскую культуру нельзя объединять с верхнеднепровской и тем более с днепровско-донецкой. Лишь для восточнобалтийской культуры (Сперрингс) можно сделать исключение, исходя из предположения об ее уральско-камском происхождении. Южная граница уральско-камской культуры в области Зауралья неправильно проведена на карте Н. Н. Гуриной через устье Тобола. В результате такие стоянки, как Андреевское озеро, Екатерининка и ряд других, оказались вне пределов уральско-камской культуры. Совершенно непонятной и ничему не соответствующей является нанесенная на карту узкая полоса, идущая южнее Волго-Окской области от Среднего Поволжья на северо-запад, к верховьям Дона, Оки и Днепра, занятая якобы культурой с гребенчатой керамикой. Такой полосы поселений с гребенчатой керамикой в действительности здесь нет. На юго-запад от волго-окского неолита лежит обширная область днепро-донецкой неолитической культуры, также оговоренной на карте Н. Н. Гуриной с большими отклонениями от истины. Керамика деснинского типа (с ромбическими ямками) выделена на карте особо и не только резко отграничена от волго-окской, но и отделена от нее только что упомянутой узкой полосой с культурой гребенчатой керамики. Это совсем неверно. Неолитическая культура деснинского типа всегда справедливо рассматривалась как локальный вариант волго-окской культуры; никакой резкой границы между ними не имеется, тем более нет никакой полосы, занятой поселениями с чуждой культурой, отделяющей волго-окский неолитический массив от верховьев Оки и поречья Десны. Кроме того, в верховьях Дона и на р. Воронеж распространена керамика не столько деснинского типа, как указано у Н. Н. Гуриной, сколько обычная волго-окская. Нельзя также доводить западную границу деснинского варианта до Днепра. Она проходила восточнее, по водоразделу Верхнего Днепра и Верхней Десны. А по Верхнему Днепру и по бассейну нижнего течения Десны, в частности по Сейму, обитали племена верхнеднепровской неолитической культуры. Наконец, нет никаких оснований для того, чтобы доводить западные пределы культуры с керамикой волго-окского характера до Рижского залива и тем более Курземского п-ова. Известные там древние поселения с ямочной керамикой принадлежат не к III, а к II тыс. до н. э. и относятся к восточнобалтийской культуре этого времени («глиняная ямочно-гребенчатая керамика»), речь о которой будет идти ниже.

То представление о распространении неолитических культур III тыс. до н. э. в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы, которое дано в настоящей книге (рис. 7), также, вероятно, еще далеко не совершенно и потребует в дальнейшем некоторых уточнений. Но мне представляется, что они будут касаться лишь отдельных деталей.

К. М. Поликарпович. 1) Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг. МАБ, т. 1, 1957, стр. 13—14; 2) Торфяниковые стоянки Кривина и Осовец. БКИЧП, № 6—7, 1940; Я. В. Станкевич. 1) Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины. МАЛ, I, 1955; 2) К истории населения Верхнего Подвизья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, № 76, 1960, стр. 12—17.

⁹¹ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада. . . , стр. 59.

**Расселение уральско-камских племен в бассейне
р. Оки, Верхнем Поволжье и северных областях
европейской части СССР**

1

Как видно на прилагаемой карте (рис. 7), в III тыс. до н. э. границей между уральско-камскими и волго-окскими неолитическими племенами служили широкие лесные пространства междуречья Волги и Вятки; лишь на берегах Волги между устьями Оки и Камы эти племена могли близко соприкасаться друг с другом. В конце III и в начале II тыс. до н. э. эта граница была, однако, нарушена. В это время в восточной и северной частях Волго-Окской неолитической области — в нижнем течении Оки, во многих районах Верхнего Поволжья, на Клязьме, в ряде пунктов Валдайской возвышенности и на севере — появилось новое население, культура которого была очень близка культуре уральско-камских племен. Лучше всего эта культура исследована на Нижней Оке, в районе Муроме, где она получила наименование волосовской по имени знаменитой Волосовской стоянки.

Если А. Я. Брюсов в свое время пытался представить дело так, будто бы волосовская культура возникла еще в «докерамический период» и просуществовала, пройдя несколько этапов развития, вплоть до начала I тыс. до н. э., то другие исследователи убедительно показали, что эта культура генетически не восходит к волго-окской. Она появилась здесь лишь на рубеже III и II тыс. до н. э. и сохранялась до третьей четверти этого тысячелетия, до появления поздняяковской культуры эпохи бронзы.

Волосовская культура принадлежала охотничье-рыболовческим племенам, также уже начавшим знакомиться с употреблением металла, но сохранявшим неолитические технику и быт. Ее характеризует богатый ассортимент кремневых и каменных орудий, несравненно более разнообразный, чем у волго-окских неолитических племен. Его составляют искусно сделанные наконечники стрел и копий, разных форм и назначения кремневые ножи и скребки, каменные топоры, долота различных форм и размеров, украшения из камня, изделия из кости и рога. Далеко не все эти признаки в каменных изделиях следует отнести за счет этнического своеобразия волосовских племен. Это была наиболее развитая каменная индустрия в лесной полосе Восточной Европы; ее элементы были свойственны и другим племенам первой половины II тыс. до н. э., но у волосовских племен обработка камня достигла особенно высокого уровня.

Керамика волосовских племен — круглодонная или с уплощенным дном, — сделанная из глины с примесью битой раковины или растительной трухи, отличалась толстостенностью. Она украшалась богатой орнаментацией из отпечатков разнообразных гребенчатых штампов, составляющих зональные вертикальные или диагональные комбинации (рис. 11). Характерен волосовский двойной (рамчатый) штамп, а из узоров — «шагающая гребенка».

О своеобразии волосовской культуры и отсутствии каких-либо ощутимых генетических связей между ней и волго-окской неолитической культурой было известно уже давно. Но лишь в последние годы, в свете новых археологических данных, полученных в Прикамье, стало возможным высказать и обосновать мысль о передвижении волосовских племен на Оку из области бассейна Камы. Волосовские племена, по мысли О. Н. Бадера, — это одна из групп камских племен, близких племенам гаринского этапа турбинской культуры.

А. Х. Халиков сближает волосовскую культуру с неолитом низовьев Камы и Казанского Поволжья. По наблюдениям И. В. Цветковой, такое сближение справедливо, но она указывает, что к казанским стоянкам

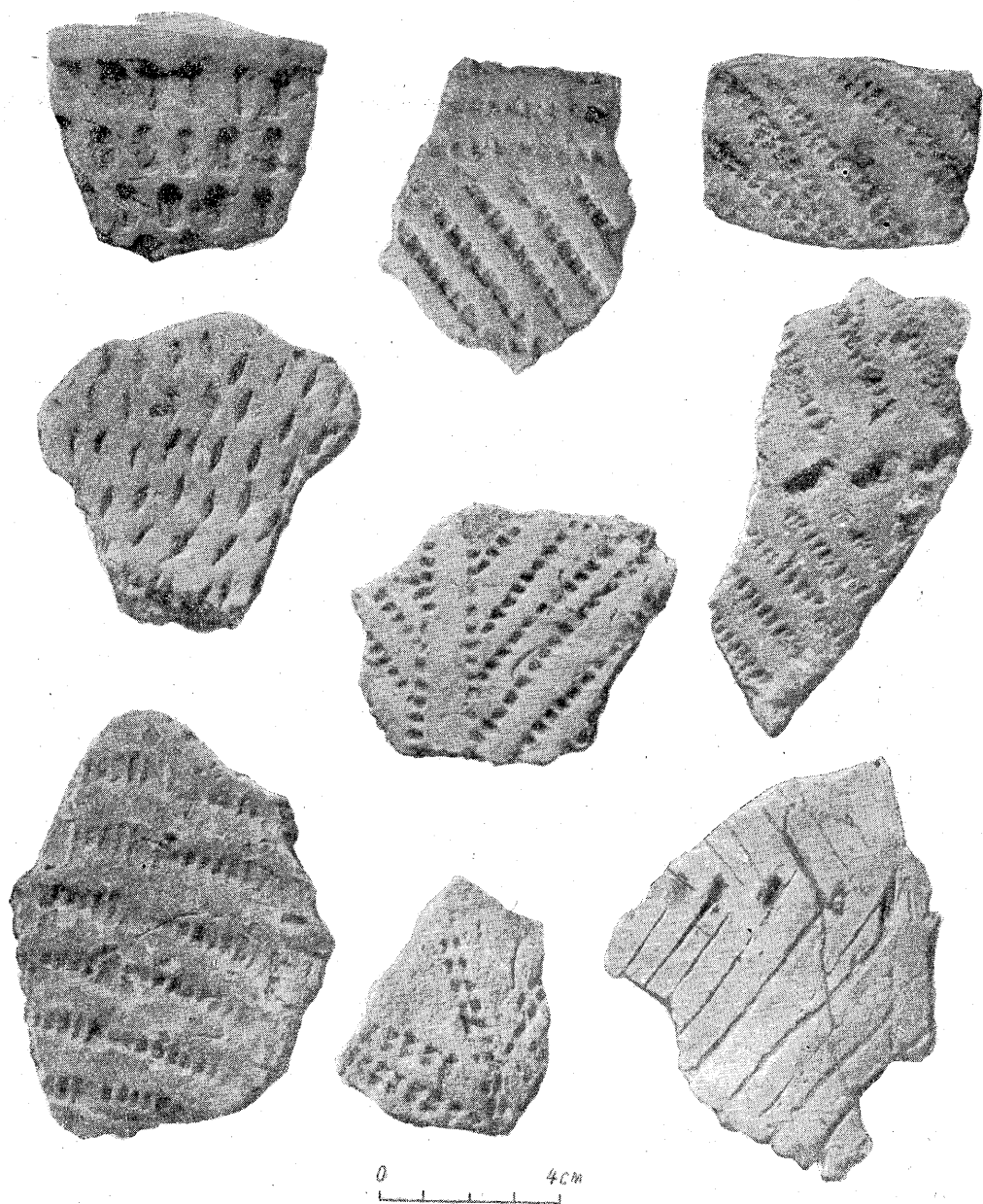

Рис. 11. Обломки керамики с Волосовской стоянки. ГИМ.

близки не столько ранние, сколько более поздние волосовские памятники. Однако за последние годы А. Х. Халиковым найдены новые неолитические стоянки, бесспорно ранние, очень похожие на наиболее архаичные волосовские.⁹²

⁹² О. А. Бадер. Очерк шестилетних работ. . . , стр. 56—57; А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Казанском Поволжье, стр. 43; И. К. Цветкова.

Волосовские племена принесли с собой на Оку не только специфическую керамику, в общих чертах точно такую же, какая бытовала в этот период на Каме, не только некоторые своеобразные формы каменных орудий, но и характерное для камских племен домостроительство — прямоугольные дома-полужемлянки с длинными канавообразными выходами, нередко соединенные друг с другом специальными переходами. Дома имели значительные размеры — до 100 м², были опущены в землю на глубину до 1 м, крыши поддерживались вкопанными в пол столбами,

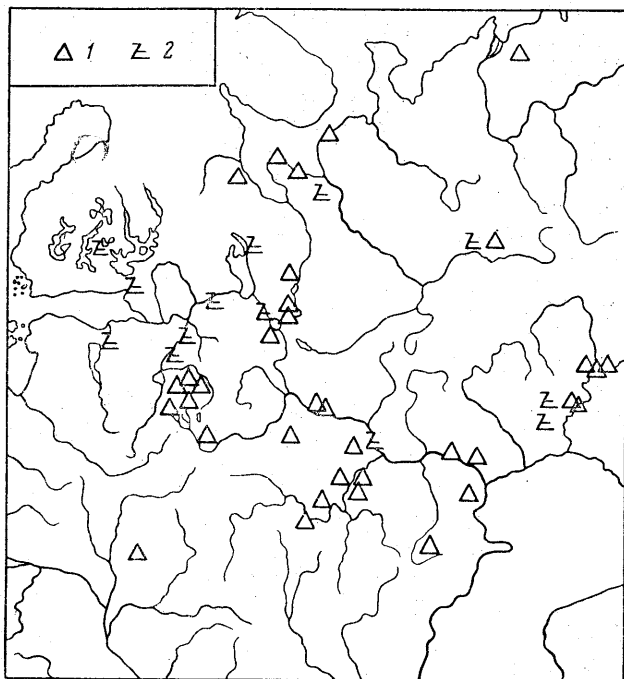

Рис. 12. Схема распространения находок.

1 — «фигурные кремни» (по С. Н. Замятину, с учетом последних данных); 2 — изображения водоплавающих птиц на сосудах (по Н. Н. Гуриной).

на полу были очаги из камней или следы кострищ. Утверждение В. А. Городцова, что землянки волосовских племен имели также и округлую форму (Панфиловская стоянка), оказалось ошибочным. Прямоугольные волосовские жилища, обычные для племен Прикамья, резко отличались от традиционных волго-окских круглых землянок небольшого диаметра. Волосовские племена имели также и свои особые идеологические представления, не свойственные волго-окскому населению, получившие отражение в многочисленных фигурках из кремня, изображающих людей, животных и водоплавающих птиц. А. А. Формозов допустил ошибку, связывая эти кремневые фигурки с волго-окскими племенами.⁹³ Они сопутствовали не столько волго-окской культуре, сколько культурам волосовского или близкого им типа, точно так же как и изображения водоплавающих птиц на глиняных сосудах (рис. 12). Наконец, для волосовских племен, как и для какой-то части турбинского населения Прикамья, характерны могильники, состоящие из захоронений преимущественно

Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля Залесского. ТрГИМ, в. 37, 1960, стр. 54.

⁹³ А. А. Ф о р м о з о в. Этнокультурные области. . . , стр. 102—103.

в вытянутом положении, а также отдельные захоронения, сделанные внутри жилищ. Подобно погребениям, известным в Прикамье, волосовские погребения никогда не сопровождаются керамикой. У племени волго-окской неолитической культуры в пределах Волго-Окского междуречья никаких могильников, как известно, до сих пор не обнаружено. Здесь господствовал какой-то иной погребальный обряд, остающийся пока не разгаданным.

По антропологическому составу люди волосовской культуры оказались чрезвычайно пестрыми, сочетавшими как господствующие европеоидные, так и некоторые монголоидные или лапоноидные признаки.

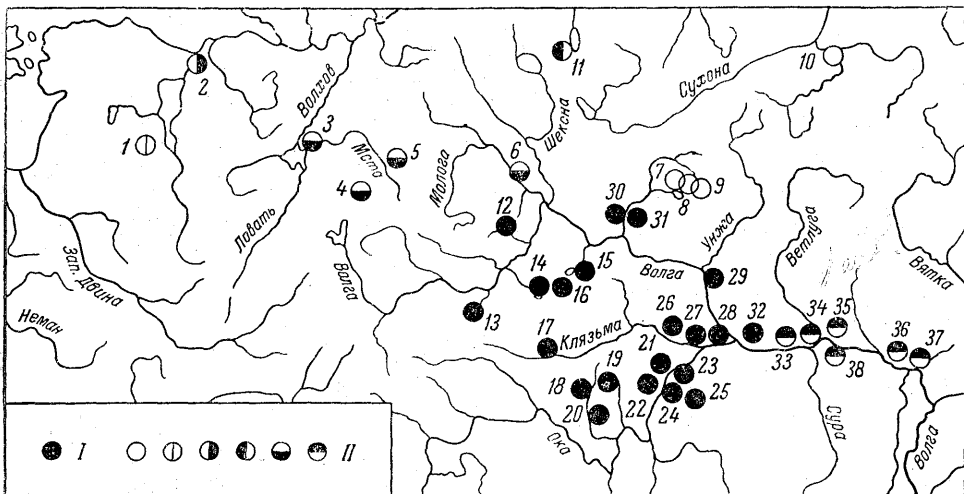

Рис. 13. Схема расположения поселений волосовских (I) и близких им (II) племен (начало и середина II тыс. до н. э.).

1 — Тамула, 2 — Нарва-Рийгиюля, 3 — Коломцы (Троица), 4 — Бологое, 5 — Кончанское, 6 — стоянка у устья р. Лоши, 7 — Пески (Умиление), 8 — Гашлыкская (Туровское), 9 — стоянка на р. Юг, 10 — Мармылино, 11 — Модлона, 12 — Языково, 13 — Никола Перевоз, 14 — Пальцо, 15 — Уница, 16 — Ванутино, 17 — Буньково, 18 — Коренец, 19 — Ушмар, 20 — Владычьино, 21 — Нормы, 22 — Панфилово, 23 — Волосово, 24 — Легалин Бор, 25 — Садовый Бор, 26 — Халамониха, 27 — Володары, 28 — Гавриловка, 29 — Сокольское, 30 — Борань, 31 — Станок, 32 — Безводное, 33 — Удельно-Шумецкая I, III, 34 — Майданская, 35 — Руткинская, 36 — Сумская, 37 — Обсерватория III (верхний горизонт), 38 — Токаревская.

Если расселение волго-окских неолитических племен в северном направлении, как уже было указано, представляло собой медленный процесс, связанный с сегментацией общин охотников и рыболовов и с передвижением новых общин в малонаселенные пространства, то появление на Оке волосовских племен в такую картину вряд ли укладывается. Здесь происходило, по-видимому, переселение значительных и компактных групп, вторгнувшихся на чужую территорию и изгнавших или покоривших жившее здесь старое население.

Первоначально область волосовской культуры в представлении археологов ограничивалась сравнительно узкими границами. Волосовская стоянка находится вблизи г. Муром, в нижнем течении р. Тешы — правого притока Оки. Несколько выше Мурома на Оке расположены Панфиловская стоянка и Легалин Бор, а на Теше — Садовый Бор. Группа поселений расположена на р. Пре — левом притоке Оки. Это стоянки Владычненская, Ушмар, Коренец и др. В низовьях Клязьмы расположена стоянка Халамониха; в самых низовьях Оки — Володары и Гавриловка; на Волге, несколько ниже устья Оки, — Безводное.⁹⁴

⁹⁴ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена.

Исследователь волосовской культуры И. К. Цветкова установила, что наиболее ранние волосовские поселения находятся преимущественно в районе г. Муром, а поселения более поздние, относящиеся ко второй четверти и середине II тыс. до н. э., известны на значительно более широкой территории — не только на Нижней Оке, но и в области верхнего течения р. Клязьмы, в Волго-Клязьминском междуречье и на Верхней Волге (рис. 13). Таким образом, волосовские племена, пришедшие на Оку, в дальнейшем мало-помалу расширяли свою территорию в северном направлении.

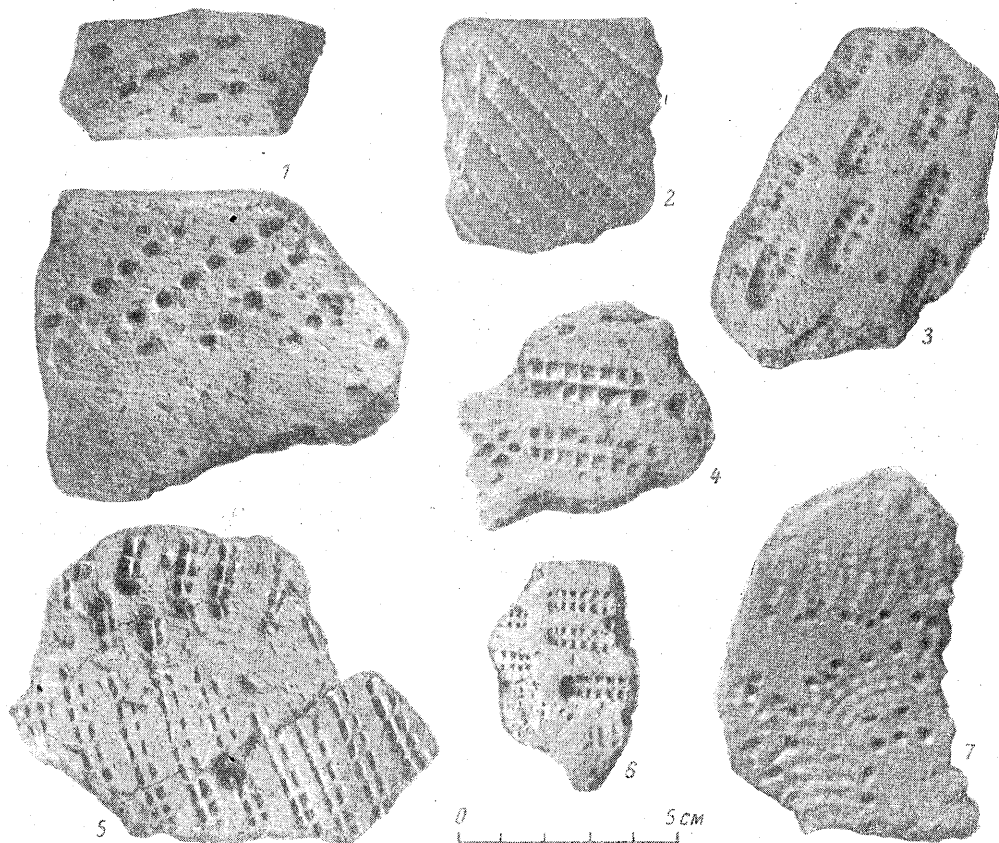

Рис. 14. Обломки глиняных сосудов волосовского типа из Костромского Поволжья.

1, 3, 5, 6 — Борань; 2, 4, 7 — Станок I.

Если раньше р. Волга выше устья Оки была, так сказать, внутренней рекой волго-окских неолитических племен, то теперь, около середины II тыс. до н. э., этот участок течения Волги превратился в водную дорогу камских племен, по которой они двигались на северо-запад, основывая вдоль этого пути свои поселения. Волосовская керамика найдена на Волге около Юрьевца в верхнем слое стоянки Сокольское I. В пределах Костромской низины находятся открытые В. И. Смирновым стоянки Борань и Станок I, материалы верхнего слоя которых (рис. 14), резко отличающиеся от древностей местной неолитической культуры, являются ближайшими аналогиями к материалам одной из волосовских стоянок — Халамонихи. В Костромской низине имеется еще несколько стоянок с гребенчатой керамикой, близко напоминающей волосовскую и камскую. Такая же керамика известна в пределах Молого-Шекснинской низины, а также на озерах Неро и Плещеево. Около последнего, на Вапугин-

ском озере, на стоянке с волосовской керамикой И. К. Цветковой были открыты остатки прямоугольного в плане полуземляного жилища На оз. Сахтыш были открыты два поселения волосовского типа с остатками овальных и прямоугольных в плане жилищ и с погребениями. Выше по Волге керамика волосовского облика характеризует верхний культурный слой Языковской стоянки на р. Яхроме и стоянки у д. Никола Перевоз в низовьях р. Дубны, что было отмечено еще Б. С. Жуковым.⁹⁵

Как и на Оке, стоянки с волосовской культурой бывают здесь как однослойными, так и многослойными. Нижний, подстилающий слой принад-

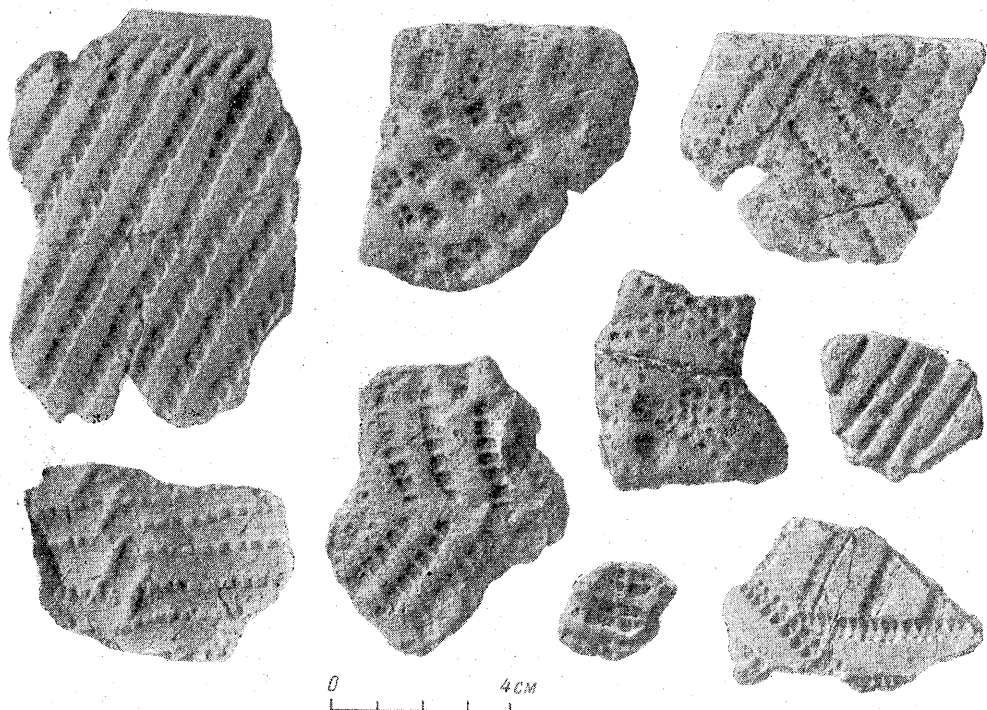

Рис. 15. Обломки глиняных сосудов из нижних слоев Бологовской стоянки. Из коллекции П. А. Путьягина.

лежит культуре волго-окского типа, с которой волосовская культура не имела никаких переходных звеньев.

На стоянке у д. Языково обнаружен древний могильник, пока что единственный в области Верхнего Поволжья. Скелеты людей лапоноидного облика, лежащие в вытянутом положении, находились в толще культурного слоя, на 0.30 м ниже его поверхности.⁹⁶ Это обстоятельство указывает, что могильник следует связать не с нижним культурным слоем стоянки, содержащим ямочно-гребенчатую керамику, а с верхним горизонтом культурного слоя, включающим остатки культуры волосовского типа.

⁹⁵ Н. Н. Гурина. 1) Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, № 110, 1963; А. Л. Никитин. Рождественская стоянка на озере Неро. СА, 1965, № 4; И. К. Цветкова. Новый памятник волосовской культуры . . .; О. С. Гадзяцкая и Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. КС, в. 100, 1965; Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций. . .

⁹⁶ О. Н. Бадер. Археологические работы у д. Языково. Антропологический журнал, 1936, № 1.

Недалеко от верховьев Волги находится известная Бологовская стоянка, древнейший керамический материал которой еще А. А. Спицын справедливо сравнивал с волосовским (рис. 15). Такое же мнение о бологовской керамике было высказано М. Е. Фосс. Действительно, керамика из нижних слоев Бологовской стоянки сделана из глины с растительной и раковинной примесью; орнамент посуды — преимущественно разнообразный гребенчатый, с прочерченными линиями и веревочными отпечатками. По общему облику посуда близко напоминает и волосовскую и камскую. То же самое следует сказать о керамике, происходящей из некоторых пунктов на оз. Пирос и из раскопок Н. К. Рериха у с. Кончанского. В последнем пункте было обнаружено большое количество изделий из прибалтийского янтаря, свидетельствующих о существовании связей между Валдайской возвышенностью и побережьем Балтийского моря.⁹⁷

Расселение уральско-камских племен по Нижней Оке и Верхней Волге было, очевидно, отнюдь не единичным явлением, не одной волной, а многоактным процессом. К середине II тыс. до н. э. в области Балахнинской низины, примыкающей к устью Оки с севера, появилось как будто бы еще одно новое население, также, по-видимому, прикамское, но отличающееся от волосовского. По предположению О. Н. Бадера, сюда проникла еще одна группа камских племен с керамикой, похожей на посуду борского этапа турбинской культуры. И. К. Цветкова, занимавшаяся нижнеокским неолитом в самое последнее время, соглашается с тем, что керамика позднебалахнинских стоянок близка позднетурбинской, но она полагает, что сюда проникли лишь отдельные прикамские племена; основной же слой населения был местным. Кроме серии поселений, этой группе племен принадлежал, по-видимому, знаменитый Сейминский могильник, откуда происходят многочисленные бронзовые изделия, характерные для прикамских могильников турбинской культуры.⁹⁸ Если прикамское происхождение балахнинских стоянок позднего этапа еще далеко не доказано, то близость Сейминского могильника с турбинскими могильниками Прикамья является вполне бесспорной, не вызывающей никаких сомнений.

При настоящем состоянии знаний невозможно, конечно, обрисовать все стороны процесса изменения состава и культуры населения в восточной части Волго-Окской неолитической области. Лишь с большим трудом и далеко не во всех случаях можно различить стоянки II тыс. до н. э. с более или менее «чистой» керамикой уральско-камского (или волосовского) типа и стоянки со смешанным материалом, где наряду с волосовской имеется поздняя волго-окская керамика. Ямочные углубления на ней носились с интервалами; иногда они составляли несложные геометрические узоры или же располагались без всякого порядка. Такая посуда имеется в ряде пунктов на Клязьме, на озерах Неро и Плещеево, в Костромской низине, на Бологовской стоянке. Имеются отдельные пункты, где такая керамика численно преобладает над волосовской или является единственной. В 1936 г. на берегу Волги, в устье р. Кукусы около г. Калязина, мной были произведены раскопки поздненеолитического поселения с керамикой, покрытой редко расположенными округлыми ямками, вместе с которой встречена архаическая «текстильная» керамика.

Таким образом, процесс изменения состава и культуры населения в Волго-Окской области был, по-видимому, весьма сложным и несомненно

⁹⁷ А. А. Спицын. Бологовская стоянка каменного века. ЗОРСА, т. V, в. 1, 1903, стр. 252—253, табл. XXXIV—XLII; Н. К. Рерих. Некоторые древности пяти Деревской и Бежецкой. Там же, стр. 22—26, 34—37; М. Е. Фосс. Древнейшая история . . . , стр. 165. — Коллекция с озера Пирос хранится в Государственном Эрмитаже.

⁹⁸ О. Н. Бадер. Стоянка Бор II. . . , стр. 211—212; И. К. Цветкова. Стоянки балахнинской культуры. . . , стр. 63, 70.

длительным. Местные племена отнюдь не исчезли при этом без следа. Их следует рассматривать как субстрат, сыгравший хотя и подчиненную, но все же очень значительную роль в дальнейшей этнической истории Волго-Окской области. Процесс изменения состава и культуры населения вряд ли завершился в рамках II тыс. до н. э. Здесь следует иметь в виду, что ассимиляция в области культуры могла быть лишь первой ступенью на путях этнической ассимиляции. Поэтому население восточных и центральных частей Волго-Окской области во II тыс. до н. э. правильнее охарактеризовать как в значительной мере смешанное, состоящее из местных и более сильных пришлых с востока элементов — прафинно-угров. Этническая пестрота усугублялась вторжением в Волго-Окскую область скотоводческо-земледельческих племен из Среднего Поднепровья. Впрочем, их роль в этнической истории лесной полосы Поволжья была, по-видимому, не очень значительной. Этот вопрос будет освещен подробнее в следующем очерке этой книги.

В западной части Волго-Окской области — в ряде районов верховьев Волги, на Верхней Оке с притоками и на Десне — материальная культура уральско-камского, или волосовского, характера не найдена. Во II тыс. до н. э. там бытовали старые местные традиции, усложненные усиливающимся влиянием со стороны культур Поднепровья. Это обстоятельство является чрезвычайно важным для обоснования гипотезы о расселении на запад уральско-камских племен. Если бы культура волосовского типа со всеми складывающимися ее элементами была не пришлой, а местной культурой, то она появилась бы не только в восточной, но и в западной части Волго-Окской неолитической области. Этого, однако, не наблюдалось.

На стоянках Петровских озер на Верхней Волге среди поздней ямочной керамики встречены лишь единичные черепки волосовского облика.⁹⁹ В области Валдайской возвышенности за редкими исключениями господствовала глиняная посуда смешанного характера, в состав которой входила, во-первых, поздняя керамика волго-окского типа, покрытая геометрическими узорами из редко расположенных ямочных и других отпечатков; во-вторых, в небольшом числе уральско-камская, или волосовская, керамика с орнаментацией из тонких прочерченных линий и расположением узора по диагонали; и наконец, как полагает Н. Н. Гурина, здесь имеются кое-какие элементы, идущие со стороны Поднепровья, речь о чем уже шла выше. Своеобразие керамики стоянок II тыс. до н. э., сложившейся на этой смешанной основе в области Валдайской возвышенности, явилось для Н. Н. Гуриной одним из оснований для выделения особой валдайской поздне-неолитической культуры.¹⁰⁰ Далее на запад, в бассейне Западной Двины, на поздне-неолитических стоянках не встречается ни волго-окской, ни волосовской керамики. Там господствует посуда, характерная для днепровской этнокультурной области.¹⁰¹

В области среднего течения р. Оки в начале и середине II тыс. до н. э. появилась так называемая рязанская культура, сложившаяся, по-видимому, на местном волго-окском субстрате, но испытывавшая при этом сильное влияние со стороны соседей — волосовских племен, а также племен более южных областей. Провести четкую границу между волосовской и рязанской культурами по сути дела невозможно. Если И. К. Цветкова рассматривает Владычино, Ушмар и другие стоянки бассейна р. Пры как волосовские, то А. Я. Брюсов склонен отнести их скорее к рязанской культуре. В западных рязанских стоянках волосовские элементы в кера-

⁹⁹ О. Н. Б а д е р. Неолитические поселения Петровских озер. МИА, № 13, 1950, стр. 50.

¹⁰⁰ Н. Н. Г у р и н а. 1) Валдайская неолитическая культура. СА, 1958, № 3: 2) Неолитическая стоянка Щепочник.

¹⁰¹ Я. В. С т а н к е в и ч. Древнейшие укрепленные поселения. . .

мике представлены слабее за счет юго-западных элементов. К рязанской культуре мне еще придется вернуться, когда речь пойдет о связях племен лесной полосы со степными земледельческо-скотоводческими племенами. Укажу лишь, что на одной из наиболее характерных рязанских стоянок — Черепках у с. Дубровичи, исследованных В. А. Городцовым, — были открыты остатки круглых волго-окских землянок.¹⁰²

На Верхней Оке волосовское влияние совсем не ощущалось. Здесь, как справедливо отмечает А. Я. Брюсов, для позднего времени характерна керамика, украшенная поверху беспорядочно разбросанными мелкими неправильными ямками. Такова, например, керамика со стоянок, открытых в районе Серпухова или в нижнем течении р. Угры.¹⁰³ Что же касается бассейна Десны, составлявшего раньше западную окраину Волго-Окской неолитической области, то во II тыс. до н. э. там наряду с местной все больше распространяется культура верхнеднепровского типа, совсем не похожая на волосовскую.

Граница между культурой волосовского типа (или культурами, испытавшими на себе волосовское влияние) и сохранившей свои традиции местной волго-окской культурой во II тыс. до н. э. была, естественно, очень нечеткой. Но важно отметить, что эта установившаяся во II тыс. до н. э. граница — западный рубеж древних финно-угорских племен в поречье Оки — просуществовала, почти не изменяясь, очень долго, вплоть до второй половины I тыс. н. э., когда она была сметена славянской колонизацией.

2

Путь с востока на запад, по которому продвигались уральско-камские племена, шел, вероятно, не только по Волге и ее притокам. Был, очевидно, и другой, более северный и, возможно, более древний путь, соединявший верховья Камы и Вятки и Северное Приуралье в целом с верхними притоками Северной Двины и далее — с краем больших озер Северо-Запада. К сожалению, на Сухоне, которая должна была составлять одно из важнейших звеньев северного пути, неолитические памятники остаются почти не исследованными. Но известно, что здесь, как и на соседней Вытегре, имеется гребенчатая керамика, часть которой (более поздняя) близка, по моему мнению, к посуде стоянок побережья Галичского озера — Туровской (Галичской) и Умиления (Пески), принадлежавших, вместе с известным Галичским кладом бронзовых предметов, к одному из вариантов уральско-камских культур эпохи бронзы. То же самое следует сказать о стоянке в устье р. Юг на Чухломском озере.¹⁰⁴

В восточной части озерного края, в районе озер Белого, Кубенского, Воже и Лача, оба древние пути уральско-камских племен — волжский (волжско-шекснинский) и северный — сливались воедино и в то же время расчленились на множество мелких дорог, которые по озерам, протокам и

¹⁰² В. А. Г о р о д ц о в. Материалы к археологической карте долины и берегов Оки. Тр. XII АС, т. I, 1905.

¹⁰³ А. Я. Б р ю с о в. Очерки по истории племен. . . , стр. 51—55; В. А. Г о р о д ц о в. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности, т. XVII, 1901, стр. 20 и сл. — Стоянки нижнего течения р. Угры были обследованы автором в 1936 г.

¹⁰⁴ Н. А. Ч е р н и ц ы н. Черняковская стоянка. Доклады Научного общ. по изуч. местного края при Тотемском музее, в. VI, Тотьма, 1928; В. А. Г о р о д ц о в. Галичские клад и стоянка. Тр. секции археологии РАНИОН, т. III, М., 1928; М. Е. Ф о с с. 1) Итоги Галичской экспедиции. КС, в. XXVI, 1949; 2) Результаты Галичской экспедиции 1946 г. КС, в. XX, 1948; А. В. З б р у е в а. Стоянка на р. Юг. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1929. — На стоянках Галичского озера ряд лет вел раскопки В. И. Смирнов, материалы которого хранятся в Костромском музее.

рекам вели дальше на север и на запад. В этой части озерного края в течение многих лет производили раскопки А. Я. Брюсов и М. Е. Фосс. Как уже указывалось, их исследования показали, что в III тыс. до н. э. здесь существовала культура волго-окского происхождения, с типичной ямочной керамикой. Несколько позже здесь появляются отдельные поселения, принадлежавшие племенам совсем иного облика. Одно такое поселение, состоящее из построек на сваях, было исследовано А. Я. Брюсовым на р. Модлоне. Автор раскопок, указав на своеобразие культуры модлонского поселения, высказал предположение, что оно составляло реликт материальной культуры древнейшего населения севера. Вслед за О. Н. Бадером мне представляется, что это определение не соответствует истине. Модлонская керамика нижнего слоя с примесью битой раковины в тесте и зубчатыми вдавлениями в виде вертикальных зигзагов и горизонтальных полос, иногда напоминающих «пагающую гребенку», несомненно принадлежит к кругу уральско-камских культур конца III—начала II тыс. до н. э. Этому выводу не противоречат ни костяные, ни деревянные изделия Модлоны, ни ее свайные постройки. На Модлоне поселилась пришедшая издалека община. Ее враждебные отношения с жившим здесь ранее населением, которые так колоритно рисует А. Я. Брюсов (если это отвечает истине), объяснялись именно этим обстоятельством.

Как и в Кончанском, на Модлоне найдены в значительном количестве янтарные украшения, говорящие о связях расселяющихся уральско-камских племен с Юго-Восточной Прибалтикой.

На Модлоне был найден женский череп, несомненно относящийся ко времени стоянки, принадлежавший либо одной из ее обитательниц, либо представительнице какого-то враждебного племени. Он оказался по антропологическим данным не европеоидным или лапоноидным, как большинство неолитических черепов лесной полосы Восточной Европы, а, как утверждает М. М. Герасимов, «шалеосибирским».¹⁰⁵

В более позднее время, приблизительно около середины II тыс. до н. э., в восточной части озерного края культура уральско-камского происхождения явно побеждает волго-окскую. По справедливому заключению М. Е. Фосс, керамика этого времени заметно отличается от более древней. На ней отсутствует традиционный волго-окский ямочно-гребенчатый орнамент; узоры состоят из неопределенных вдавлений и нарезок, расположенных в виде широких зон, соединенных одна с другой косыми полосами. М. Е. Фосс не сомневалась в том, что в середине II тыс. до н. э. на озерах Воже и Лача произошла смена населения. Правильными являются сделанные ею сопоставления охарактеризованной выше керамики с посудой из Галичской стоянки (Туровское) и с керамикой, найденной на р. Юг, у с. Мармылина близ г. Великий Устюг. А. Я. Брюсов также считал, что новое население пришло сюда откуда-то с востока.¹⁰⁶ Я полагаю, что распространение на севере культуры нового типа было связано как с развитием племен типа Модлоны, появившихся здесь на рубеже III и II тыс. до н. э., так и с притоком во II тыс. до н. э. новых племен, культура которых действительно напоминала галичскую, а также в какой-то мере культуру турбинских поселений борского этапа на Каме. Кроме характерной керамики, новые племена принесли сюда, как и в нижнее течение Оки, свои специфические культовые предметы: вырезанные из кости и высеченные из кремня фигурки животных, человека и птиц,

¹⁰⁵ А. Я. Брюсов. 1) Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, № 20, 1951; 2) Очерки по истории племен. . . , стр. 130; О. Н. Бадер. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMuA, 59, 1, 1957, стр. 37; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу, стр. 336—345.

¹⁰⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история. . . , стр. 89—90, 116—119; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен. . . , стр. 122.

в том числе изображения водоплавающих птиц, а также схематические воспроизведения этих птиц на глиняных сосудах. Отныне и вплоть до средневековья связанное с культом изображение водоплавающей птицы в лесной полосе Восточной Европы будет служить одним из характерных элементов древней финно-угорской культуры.

В восточной части озерного края найдены два древних могильника. Время одного из них — трех погребений из Кубенина, лежащих ниже культурного слоя неолитической стоянки, — является спорным. А. Я. Брюсов относит его ко времени, предшествующему возникновению стоянки. Автор раскопок М. Е. Фосс считает погребения синхроничными стоянке, датированной второй четвертью II тыс. до н. э., указывая, что они были совершены вблизи очага. Мне кажется, что данное определение ближе к истине. Другой могильник, на Караваихе, исследованный А. Я. Брюсовым, относится к широкому промежутку времени, укладываемому в рамки III—II тыс. до н. э., и территориально связан со стоянкой, которая характеризуется, правда, главным образом ямочно-гребенчатой керамикой волго-окского типа. Антропологический состав погребенных, по наблюдениям М. М. Герасимова, оказался здесь очень интересным. Древнейшие из них, относимые А. Я. Брюсовым к концу III тыс. до н. э., принадлежали людям в основном европеоидного типа, с некоторыми лапоноидными чертами, тогда как более поздние оказались метисами с более выраженной монголоидной примесью. Один из черепов оказался похожим на модлонский. М. М. Герасимов пишет, что материал из Караваихи «иллюстрирует всю сложность процесса формирования древнего населения лесной полосы в конце неолита», большую смешанность его физического типа за счет метисации европеоидов и проникающих с востока монголоидов.¹⁰⁷

Подобные же процессы несколько позднее наблюдались и далее к северу — в Беломорье. Первоначально, как уже указывалось, туда проникли племена волго-окского происхождения. В конце II тыс. до н. э., по наблюдениям М. Е. Фосс, в Беломорье появилось население с иной культурой,¹⁰⁸ связи которого с Приуральем и Прикамьем, как мне представляется, не вызывают никаких сомнений.

3

Самым сложным вопросом, с которым здесь приходится столкнуться, хотя он и выходит за рамки основной темы этой книги, является определение обстоятельств и времени появления протофиннов на территории Восточной Прибалтики. Вопрос этот труден потому, что культурная стратиграфия III—II тыс. до н. э. складывалась в Прибалтике совсем иначе, чем на центральной и северной территории лесной полосы Восточной Европы, где расселяющиеся из Прикамья и Приуралья племена наслаивались на волго-окский неолитический субстрат.

Северо-западной окраиной области распространения волго-окских племен являлось побережье Онежского и Ладожского озер. Ко второй половине III тыс. до н. э. здесь относятся такие стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой, как Вознесенская у истока Свири, Вой-Наволоок V, Курмойла II, Муромское II и мн. др. На этих поселениях, в их более поздних слоях, элементы керамики камских или волосовских типов или

¹⁰⁷ М. Е. Ф о с с. 1) Погребения на стоянке Кубенино. ТрГИМ, в. VIII, 1938; 2) Стоянка Кубенино. СА, в. V, 1940, стр. 38—41; А. Я. Б р ю с о в. 1) Очерки по истории племен. . . , стр. 120; 2) Караваевская стоянка, стр. 72—162; М. М. Г е р а с и м о в. Восстановление лица по черепу, стр. 345—365.

¹⁰⁸ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история. . . , стр. 135.

совсем не встречаются, или представлены очень слабо. Это говорит о том, что переселенцы из восточных областей, проникшие на Оку, Волгу и в северные области в конце III и в начале II тыс. до н. э., либо не достигли берегов Ладожского и Онежского озер, либо же их культура в этих местах настолько видоизменилась и слилась с волго-окской, что появление здесь новых племен при настоящем уровне знания отчетливо не может быть отмечено.

Но следует все же указать некоторые пункты, где были найдены керамика и другие остатки культуры, напоминающие волосовские или бологовские.

Так, на ряде стоянок Прионежья и Приладожья в составе керамики имеются отдельные группы сосудов по орнаменту бесспорно камско-уральских или волосовских типов; такая группа отчетливо выделяется, в частности, на стоянке Усть-Рыбежна, исследованной Н. Н. Гуриной. Керамика, напоминающая волосовскую или бологовскую, происходит из Коломцов и других пунктов, расположенных на оз. Ильмень у истоков Волхова. К ней относится, в частности, знаменитый сосуд с орнаментальным фризом в верхней части, найденный в 1901 г. На Коломцах, быть может, имелся древний могильник. В. С. Передольский писал о находке костей 42 скелетов. К сожалению, раскопки, произведенные там в конце XIX в., были очень неудовлетворительными и от них не сохранилось никакой документации. Керамика, близкая волосовской, имеется на стоянке Нарва-Рийгикюля I в северо-восточной Эстонии. Из публикации Н. Н. Гуриной следует, что эта керамика, украшенная нередко волосовским рамчатым штампом и разнообразными комбинациями из гребенчатых отпечатков, залегала выше посуды волго-окского типа с орнаментом из глубоких ямок. Очевидно, именно с «волосовской» керамикой здесь должны быть связаны остатки открытых на стоянке жилищ-землянок, овальных в плане, с выходами, таких же, какие известны в волосовской культуре на Нижней Оке. Сходство нарвских жилищ с волосовскими подчеркивается погребениями, сделанными в пределах жилищ. Следует вспомнить еще стоянку Тамула второй половины II тыс. до н. э., находящуюся в юго-восточной Эстонии. Ее керамика, по мнению Л. Ю. Янитса, напоминает бологовскую. Здесь найдено 7 погребений, состав инвентаря которых близок находкам из Кубенина.¹⁰⁹

Очевидно, именно в результате появления в Прибалтике нового населения, принесшего с собой перечисленные и им подобные восточные элементы культуры, в конце III и начале II тыс. до н. э. на Онежском и Ладожском озерах и далее на запад вплоть до балтийского побережья распространяется культура с прибалтийской (типичной) ямочно-гребенчатой керамикой (или «керамикой лучшего стиля»), украшенной нарядными геометрическими узорами из гребенчатых и ямочных вдавлений. Эта керамика, во многом отличающаяся от керамики типа Сперрингс, по мнению А. Европеуса, Л. Ю. Янитса и некоторых других исследователей, не может быть поставлена с последней в прямую генетическую связь. Ее появление, как полагают, свидетельствует о распространении в области племен культуры Сперрингс новых культурно-этнических элементов, связанных, вероятнее всего, с неолитом Приладожья и Прионежья, где культура Сперрингс в предыдущие столетия столкнулась с волго-окской неолитической культурой. При этом предполагается, — и это очень интересно, — что распространение прибалтийской ямочно-

¹⁰⁹ Н. Н. Г у р и н а. 1) Древняя история Северо-Запада. . . , рис. 134, 135, 137, 140, 142 и др.; 2) Новые неолитические памятники. *.; Л. Ю. Я н и т с. Новые данные по неолиту Прибалтики. СА, в. XIX, 1954.

гребенчатой керамики знаменовало собой не что иное, как расселение в Восточной Прибалтике протофинно-угорских племен.¹¹⁰

Думаю, что к этому мнению нельзя не прислушаться, хотя оно, конечно, не выходит за рамки предположения. Очень вероятно, что в богатой орнаментации прибалтийской типичной ямочно-гребенчатой керамики отразилось смешение уральско-камских и волго-окских элементов. Интересно, что именно с этой культурой связаны в Восточной Прибалтике изображения водоплавающих птиц на керамике, а это рассматривалось выше в качестве одного из возможных признаков древнейшей финно-угорской культуры.

При этом я не исключаю возможности и того, что древнейшими протофиннами были в Прибалтике неолитические племена культуры Сперрингс, с ее камско-уральскими связями в керамике, с полозом от саней, изготовленных из сибирской сосны, с европеоидно-монголоидным антропологическим обликом населения, оставившего могильник на Оленьем острове. Эта культура появилась здесь вместе с одной из ранних волн переселения древних племен с востока на запад, предшествующей по времени расселению волго-окских племен в северном направлении.

Культуру с типичной прибалтийской ямочно-гребенчатой керамикой в этом случае нужно рассматривать как весьма сложное явление, отразившее процессы консолидации разных этнических групп, в том числе и племен с керамикой Сперрингс. Следует также иметь в виду, что типичная прибалтийская керамика запечатлела в своей орнаментации все то новое, что принесла с собой в Восточную Прибалтику культурная жизнь II тыс. до н. э. Носители культуры типичной прибалтийской керамики, с этой точки зрения, не столько протофинны, сколько уже обособившиеся предки прибалтийской группы финских племен.

Если же в ходе дальнейших исследований обрисованные выше предположения не подтвердятся, то истоки этнической истории финнов в Восточной Прибалтике будет необходимо вынести за хронологические рамки неолита и бронзы и отнести к началу I тыс. до н. э., ко времени распространения текстильной керамики, свидетельствующей о тесных связях, установившихся у населения Прибалтики с населением Волго-Окской области. Мне представляется, однако, что два первых варианта решения вопроса — наиболее вероятные. Они согласуются, в частности, с наблюдениями над ранними балтийскими (индоевропейскими) элементами в прибалтийско-финских языках. Языковеды полагают, что появление этих элементов может быть связано с распространением в Прибалтике пастушеских племен с культурой боевых топоров, которое произошло в начале II тыс. до н. э.,¹¹¹ т. е. почти за 1000 лет до появления текстильной керамики.

* *
*

Итак, возвращаясь к вопросам, поставленным вначале, я склонен думать, что в среде древних охотничье-рыболовецких племен лесной полосы Восточной Европы во II тыс. до н. э. складывалась обширная культурно-этническая общность, простиравшаяся от Урала до Восточной Прибалтики по всем тем землям, которые впоследствии выступят как финно-угорские. Общность эта не была исконной, связанной с первоначальным заселением лесной полосы накануне неолитической эпохи, как

¹¹⁰ Л. Ю. Я н и т с. Поселения эпохи неолита. . . , стр. 122—127, 339; A. E. u r o r a e u s - A u g ä r ä ä. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland, стр. 171—178.

¹¹¹ П. А. А р и с т э. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. ВЭИЭН, 1956.

это казалось раньше. Она объединяла далеко не все племена, входившие в восточноевропейскую культуру ямочно-гребенчатой керамики в старом, традиционном понимании этого термина, а возникла в результате вековых передвижений уральско-камских племен в западном направлении. Эта культурно-этническая общность не была также вполне синхронной. Возможно, уже в раннем неолите протофинно-угорские элементы из Зауралья и Приуралья продвинулись в северные области, достигнув Восточной Прибалтики. Затем наступил период, когда на север двинулись волго-окские неолитические племена и древние протофинны в Прибалтике оказались изолированными. В конце III и главным образом во II тыс. до н. э. уральско-камские протофинно-угорские племена и их культура широко распространились в области нижнего течения Оки, Верхнем Поволжье и на значительных территориях севера лесной полосы европейской части СССР, подчиняя и ассимилируя значительную часть местного населения. Так были заложены первые основы этнической карты финно-угорского мира в лесной полосе европейской части СССР.

ПРОТОИНДООЕВРОПЕЙЦЫ В ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. О ВОЗНИКНОВЕНИИ БАЛТИЙСКОЙ ГРУППЫ ПЛЕМЕН

К вопросу о древних индоевропейцах

1

Распространение уральско-камских племен в западном направлении, сыгравшее, как мне представляется, крупнейшую роль в истории формирования протофинно-угорского населения Поволжья, Севера и Прибалтики, не было единственным изменением этнического характера, протекавшим в период неолита и бронзы в лесной полосе Восточной Европы. В течение этого продолжительного периода — в IV—II тыс. до н. э. — во многих областях Европы, особенно в пределах ее южной зоны, совершались неоднократные передвижения племен, часто весьма значительные. Из южных областей люди проникали при этом далеко на север, в лесную зону. Можно думать, что переселениями периода неолита и бронзы, идущими из южных областей, в значительной мере была подготовлена та этническая картина, которая спустя полтора-два тысячелетия наблюдалась в Европе древними географами и историками. Другими словами, эти переселения были, по-видимому, фактами начальной этнической истории индоевропейских племен Европы.

Нельзя согласиться с теми многочисленными исследователями, преимущественно зарубежными, которые пытаются утверждать, что причиной этих древних переселений являлось прежде всего изменение климата, а именно наступление теплого и сухого суббореального времени, в условиях которого население южных областей, спасаясь от засухи, якобы было вынуждено переселяться в поисках более благоприятных для жизни местностей. Археологические данные не подтверждают реальность такой картины. Нигде в южных областях Европы в суббореальное время, в частности в его наиболее засушливый ксеротермический период, падающий на II тыс. до н. э., не было местностей, покинутых населением или заметно обезлюдивших. Напротив, древнее население Южной Европы, обитавшее в степной полосе и лесостепи по долинам рек, во II тыс. до н. э. благодаря некоторому снижению уровня вод оказалось в ряде случаев в более благоприятных для жизни условиях. Что же касается открытых степей в области водоразделов, наиболее подверженных засухе, то они, как известно, не имели в древности постоянных обитателей. Мысли о климатических колебаниях как первопричине переселений древних племен противоречит и то обстоятельство, что многие значительные передвижения южноевропейского населения начались еще задолго до ксеротермического периода.

Климатические колебания III—II тыс. до н. э. должны приниматься археологами во внимание, собственно говоря, лишь в одном случае — когда речь идет о границе между лесом и степью, с которой в древности обычно совпадали рубежи племен с разным хозяйственным укладом. Как показал еще Г. И. Танфильев, в ксеротермический период пределы степей несколько отодвинулась на север, о чем говорит зона деградированных черноземов.¹ Но передвижения древних племен отнюдь не ограничивались пределами этой зоны. Они далеко выходили за ее границы. Кроме того, следует иметь в виду, что основными районами в южной части Восточной Европы, откуда расселялись древние племена, были отнюдь не степные пространства, а области лесостепи и леса в Северном Причерноморье, в Нижнем и Среднем Поднепровье, Поднестровье и Прикарпатье, особенно области Балканского п-ова и поречья Дуная, т. е. местности с пестрым ландшафтом, в пределах которых древнему населению сравнительно легко было приспособиться к изменению климата.

Главной причиной передвижений первобытного населения в южных областях послужила несомненно не перемена климатического режима, а та общая историческая обстановка, которая сложилась там после распространения скотоводческого и земледельческого хозяйства. Племена южной зоны Европы, жившие в более благоприятных условиях и связанные с миром древних цивилизаций Востока и Средиземноморья, в IV—III тыс. до н. э. (а некоторые племена и раньше) превратились в скотоводов и земледельцев. Они ушли далеко вперед по уровню экономического и культурного развития по сравнению со своими северными соседями, сохранявшими охотничье-рыболовецкий быт или лишь начавшими знакомиться с более прогрессивными формами хозяйства. Неравномерность социально-экономического развития племен Севера и Юга, в предыдущий период относительно незначительная и практически незаметная, стала отныне фактом большого исторического значения. В среде южных племен происходил сравнительно быстрый рост численности населения, их первобытная, хотя и относительно развитая экономика не допускала увеличения плотности населения: она настойчиво требовала новых пространств. В среде южных племен развивались тенденции к завоеваниям и расширению территории, свойственные «эпохе варварства». «Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные приключения великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы».² Вместе с этим, распространение на север нового для того времени скотоводческого и земледельческого хозяйства послужило материальной основой для культурной, а также и этнической ассимиляции одних племен другими, хозяйственно и культурно более сильными.

В Восточной Европе разница в уровне культуры племен Севера и Юга была особенно значительной. Это были два мира, различные по образу жизни, уровню хозяйства и общественных отношений. В этих условиях движение южного населения в северном направлении, в сравнительно мало населенные области с охотничье-рыболовецкими племенами, было вполне закономерным и неизбежным для того времени процессом.

Теперь все более и более выясняется, что наряду с Балканским п-овом, в южных и центральных частях которого земледельческо-скотоводческая культура сложилась еще в V—IV тыс. до н. э., важные европейские культурные центры лежали в области Северного Причерноморья, где тоже

¹ Г. И. Т а н ф и л ь е в. Доисторические степи Европейской России. Землеведение, 1896, № 2.

² К. М а р к с. Вынужденная эмиграция. В кн.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Об Англии. М., 1952, стр. 333.

очень рано, в конце IV—начале III тыс. до н. э., распространился скотоводческий и земледельческий быт.

Одним из таких центров древней культуры было Северо-Восточное Причерноморье. Расположенные там большие кубанские курганы с их замечательными находками уже давно привлекали к себе внимание, но определение их места среди древностей юга европейской части СССР до недавнего прошлого было дискуссионным вопросом. В 30—40-х годах некоторыми исследователями была предпринята попытка рассматривать большие кубанские курганы в качестве памятников культуры рубежа II и I тыс. до н. э.³ По их мнению, богатые погребения этих курганов с их высокой материальной культурой, а с предметами роскоши, свидетельствующими о значительном имущественном и социальном неравенстве населения, являлись своего рода предшественниками курганов скифских царей. Отнесение кубанских курганов к более раннему времени — к началу бронзового века, — как им казалось, противоречило бы всему ходу исторического процесса на юге Восточной Европы.

Как бы ни была привлекательна эта точка зрения, как бы, на первый взгляд, ни соответствовала она основным линиям культурно-исторического развития древних племен восточноевропейского Юга, она несомненно противоречит объективным данным о хронологии больших кубанских курганов. Как убедительно показал А. А. Иессен, вставший на защиту ранней даты кубанских курганов, их древнейшая майкопская группа не может быть моложе второй половины III тыс. до н. э.⁴ Очевидно, исторический процесс в области Северо-Восточного Причерноморья шел особым путем. Он соответствовал не столько истории степных областей Восточной Европы, в пределах которых сложилась впоследствии скифская культура, сколько древней истории более передовых областей того времени — Закавказья и Южного Причерноморья, связанных с цивилизациями Передней Азии. Население, оставившее большие кубанские курганы, было на голову выше своих северных соседей. Оно опередило их в области социально-экономического развития на многие столетия и приближалось к порогу примитивного классового общества восточного типа в то время, когда в области степных пространств у раннескотоводческих племен еще нераздельно господствовал родовой строй, не говоря уже о зоне лесов, где жили первобытные охотничье-рыболовецкие племена.

Последние работы целиком подтвердили все эти соображения. Есть основания думать, что начальная дата курганов майкопского типа должна быть отодвинута к середине и началу III тыс. до н. э. Такую дату для Майкопского кургана в конце 20-х годов защищал А. В. Шмидт. На основании аналогий с древностями Ура, еще к более раннему времени он относил курганы около станицы Новособольской (бывшей Царской).⁵ Раскопки поселений майкопских племен, произведенные за последние годы А. Д. Столяром и А. А. Формозовым, показали, насколько высокого уровня достигла экономика этих племен. В III тыс. до н. э. в Прикубанье процветало развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство.⁶

Я вспомнил здесь дискуссию о дате больших кубанских курганов отнюдь не для возобновления этого старого спора, а лишь для того, чтобы

³ Б. Е. Деген - К о в а л е в с к и й. Проблема датировки «больших кубанских курганов». КС, в. II, 1939, стр. 14—17; М. И. А р т а м о н о в. Третий Разменный курган у ст. Костромской. СА, в. X, 1948, стр. 161—182.

⁴ А. А. И е с с е н. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, в. XII, 1950, стр. 157—200.

⁵ А. В. Ш м и д т. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV, 1929.

⁶ А. А. Ф о р м о з о в. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 85—124.

отчетливее подчеркнуть высоту уровня культуры и общественного развития обитателей Прикубанья в III тыс. до н. э.

В последние годы выяснилось, что в это же время высокий уровень культуры был свойствен и другим частям Северного Причерноморья. На нижнем Днепре, Южном Буге и Днестре в хронологических границах IV—III тыс. до н. э. также жили племена с высокой культурой, хорошо знакомые с земледелием и скотоводством. Очень важным археологическим открытием, позволившим прийти к такому выводу, является энеолитическое Михайловское поселение на Нижнем Днепре, древнейший слой которого относится к концу IV—началу III тыс. до н. э., а второй и третий слои, близкие к древнейшей культуре восточноевропейских степей, — к середине второй половины III тыс.

Памятники типа Михайловского поселения имеются в ряде пунктов в области нижнего течения Днепра.

Материал из нижнего слоя Михайловского поселения, заметно отличающийся от нижнеднепровского неолита, принадлежит к культуре, вероятно, иноземного происхождения. Для этой культуры характерна своеобразная — с примесью битой раковины в глине — лощеная керамика черного цвета в виде шаровидных сосудов и чаш, иногда украшенная в верхней части геометрическим орнаментом из отпечатков шнура и гребенчатого штампа (рис. 16). На Михайловском поселении открыты остатки больших, слегка углубленных в землю жилищ.

Рис. 16. Сосуд из Михайловского поселения. Нижний культурный слой.

Известны погребения этой культуры, помещенные под каменными кладками или курганами. Судя по костным остаткам, найденным в Михайловке, в хозяйстве ее обитателей большую роль играло скотоводство, оттеснившее охоту на второй план.

Место нижнего слоя Михайловского поселения в истории культуры энеолита южных областей Восточной Европы еще далеко не выяснено. Бесспорно лишь, что это памятник, синхроничный раннему триполью, находящий себе некоторые аналогии как на востоке — в культуре больших кубанских курганов, — так и на западе и юго-западе, в круге древних культур Балканского полуострова. Древнейшая Михайловка оказала, вероятно, большое влияние на другие синхроничные ей культуры Нижнего Поднепровья, в частности на культуру неолитических племен порожистой части Днепра.

Находки из среднего и верхнего слоев Михайловского поселения, принадлежащие к нижнеднепровскому варианту ямной культуры, также свидетельствуют о развитом для того времени строе жизни. Здесь было не только земледельческое и скотоводческое хозяйство, уже знакомое с употреблением металлических орудий, но и такие элементы культуры, как наземные глинобитные дома с каменными фундаментами и каменные оборонительные стены вокруг поселения.⁷

⁷ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962. — Даты слоев Михайловского поселения, при-

Как известно, обнесение поселений оборонительными сооружениями знаменует собой обычно определенный этап в развитии культуры и общественных отношений, связанный, как правило, с развитым земледельческо-скотоводческим хозяйством и патриархально-родовым строем. Верхний слой Михайловки — это древнейшее городище на территории европейской части СССР. В Нижнем Поднепровье оно было отнюдь не единственным. Уже давно отмечено, что поселения с древнеямной культурой, известные в порожистой части Днепра, располагаются на высоких, труднодоступных местах, а на некоторых из них (Скела-Каменоломна) отмечены и остатки строительства из камня.

Что касается Северо-Западного Причерноморья, то высокоразвитая культура этой области конца IV и III тыс. до н. э. — трипольская культура — является общеизвестной.⁸ Если вопрос о ее происхождении в настоящее время еще нельзя считать окончательно решенным, прежде всего ввиду слабой изученности ее предшественников — также весьма развитых для своего времени южнобугской и дунайской (имеются в виду древности Поднестровья) неолитических культур, — то в целом принадлежность трипольских племен к балканской группе передового в то время неолитического населения является бесспорной. Это было отмечено археологами еще в начале нашего века и подтверждено всеми последними исследованиями. Южнобугские племена, остатки культуры которых выявлены совсем недавно, также принадлежат несомненно к балканской группе.

Яркая и богатая культура трипольских племен изучена более полно, чем какая-либо другая синхроничная ей культура на территории СССР. В частности, установлено, что в ранний период, в конце IV тыс. до н. э., трипольские поселения не выходили за пределы бассейна Среднего Днестра и верхнего течения Южного Буга. Племена же более поздние продвинулись компактной массой в Среднее и Нижнее Поднепровье, вытеснив оттуда местное население.

Аналогичные процессы происходили и в Центральной Европе. Древнейшие среднеевропейские племена с линейно-ленточной керамикой имели несомненно южное — вероятно, дунайское — происхождение.

В конце IV и в III тыс. до н. э. поречье Среднего Дуная и некоторые более северные области, в частности верховья бассейна Вислы, оказались в сфере активного воздействия южных племен, напоминающих трипольские. Для них была характерна, в частности, крашеная керамика.

Распространение южноевропейских племен в северном направлении, в частности движение трипольских племен к Днепру, и аналогичные процессы в Средней Европе привели к смене населения на широких пространствах. Это не могло не вызвать своего рода «цепных реакций» во многих соседних областях. В итоге, в III—начале II тыс. до н. э. в этнической карте Европы, особенно в ее центральных областях, произошли коренные изменения. Предполагается, что среди южных племен, расселившихся в это время по Европе, наиболее сильную группу составляли носители древней индоевропейской речи и что именно с этого периода, в одних местах раньше, в других — позже, они стали господствующей этнической силой.

веденные в тексте, даны в соответствии с последними исследованиями по неолиту и энеолиту юго-запада европейской части СССР (см.: Т. С. П а с с е к. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale à l'époque néolithique. VI Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapports et les informations des archéologues de l'URSS. М., 1962).

⁸ Т. С. П а с с е к. 1) Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949; 2) Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, № 84, 1961; Т. С. П а с с е к, Relations. . . ; С. Н. Б и б и к о в. Поселение Лука-Врублевская. МИА, № 38, 1953, и др.

Соображения археологов о «родине» индоевропейцев в южных частях Центральной и Восточной Европы и о том, что они сыграли решающую роль в европейских расселениях эпохи неолита и раннего металла, представляют собой, конечно, лишь гипотезу. Она еще далеко не достаточно подтверждена фактическими данными. Остается не выясненным, в какой именно части Юго-Восточной Европы лежала древнейшая индоевропейская «родина», какие именно древние племена входили в ее пределы. По-видимому, это были племена преимущественно Западного и Северо-Западного Причерноморья и Балканского п-ова, тогда как Северо-Восточное Причерноморье составляло северную периферию кавказско-малозападной культурной области.⁹

Но нельзя не отметить, что в целом, в своей пока что общей форме, мысли археологов о древних индоевропейцах отнюдь не противоречат тем представлениям по данному вопросу, которые складываются в лингвистической науке. Успехи сравнительно-исторического языкознания, достигнутые за последние десятилетия, и новые открытия в области древних индоевропейских языков Восточного Средиземноморья вызывают среди лингвистов, во-первых, усиливающуюся тенденцию датировать возникновение индоевропейцев более ранним временем, чем это делалось раньше. Истоки этой группы племен отодвигаются за нижнюю границу III тыс. до н. э., в IV и даже V тыс. до н. э. Расселение индоевропейских племен, лежащее в основе их последующей дифференциации, относится, судя по лексике различных индоевропейских языков, к такому периоду их истории, когда в среде индоевропейцев повсеместно распространилось скотоводство, металлы же еще не получили широкого употребления. Другими словами, это было неолитическое время, его вторая половина. Попытки датировать расселение индоевропейцев иным временем не имеют под собой никаких серьезных оснований. Это относится, в частности, к попыткам некоторых исследователей рассматривать в качестве индоевропейцев ранние неолитические охотничье-рыболовецкие племена северных областей Средней Европы, предшествующие расселению в этих местах южных пастушеских племен. Если встать на эту точку зрения, придется признать, что временем расселения индоевропейцев в Европе был мезолит, с чем, конечно, уже никак нельзя согласиться.

Во-вторых, многие исследователи индоевропейских языков, как и археологи, склонны в настоящее время думать, что первичная территория индоевропейцев лежала не на севере или в центре Европы и тем более не в Азии, как представлялось раньше, а в юго-восточных областях Европы и что именно отсюда первобытные индоевропейцы совершили свое историческое расселение по Европе и странам Востока. Все иные предположения о «родине» индоевропейцев сталкиваются с непреодолимыми трудностями, когда речь идет о расселении этих племен и об образовании известных науке древних и современных индоевропейских группировок.

И наконец, что также очень важно, в среде лингвистов налицо стремление реконструировать древнейшее состояние индоевропейских племен не в виде монолитного «индоевропейского народа», существование которого, вообще говоря, исключено в условиях первобытного общества и решительно отрицается археологическими данными, а как пеструю совокупность племен, длительное время связанных между собой и объединенных вследствие этого общностью языкового процесса. Всем этим вопросам

---

⁹ Б. А. Л а т ы н и н. Вопросы изучения майкопской культуры. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1959 г. Л., 1960; Е. И. К р у п н о в. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, № 1.

посвящена обширная литература, рассмотрение и оценка которой не могут быть даны на страницах археологического исследования.¹⁰

Можно лишь повторить еще раз, что тенденции, наблюдающиеся в современном языкознании, вполне соответствуют или, во всяком случае, не противоречат обрисованной выше археологической картине. Представляется бесспорным, что индоевропейские языки смогли широко распространиться по первобытной Европе и совершить свое победоносное шествие далеко на Восток лишь в том случае, если их носители являлись многочисленной группой экономически и социально передовых для своего времени племен. Если представить себе карту распространения известных науке древних индоевропейских языков, то станет очевидным, что такой группой как раз и должны были являться племена Балканского полуострова, Северного Причерноморья и придунайских частей Европы. Отсюда шли потоки древнего населения и распространялись достижения культуры в Центральную и Восточную Европу, в Малую Азию и далее на Восток, в среднеазиатские степи, мимо северных берегов Каспийского моря. Какой-либо другой области, древнее население которой сыграло бы такую же роль в этнической и культурной истории Европы и Юго-Западной Азии, указать, как мне кажется, нельзя.

2

Наиболее значительное изменение в составе древнего населения Центральной и Восточной Европы было вызвано расселением многочисленных пастушеских племен конца III—начала II тыс. до н. э., обычно называемых племенами шнуровой керамики или же племенами боевых топоров. В течение относительно непродолжительного времени, за несколько столетий, они распространились повсюду в Средней Европе вплоть до Рейна на западе, достигли Ютландии и Южной Скандинавии на севере, заняли южное и восточное побережье Балтийского моря, появились в бассейне Днепра, на Верхней и Средней Волге (рис. 17). В занятых ими областях повсеместно, за исключением Поволжья и Восточной Прибалтики, пастушеские племена взяли верх над местным населением и определили характер и пути последующего исторического и этногенетического процесса. По мнению большинства археологов, племена шнуровой керамики составляли одну из групп древних индоевропейцев — были предками германцев, балтов и славян.

В большинстве областей, где появились племена шнуровой керамики, в частности повсюду в более северной зоне, между их культурой и культурой местного населения не обнаруживается ничего общего, никаких ощутимых следов генетических и иных связей. Попытки рассматривать появление племен шнуровой керамики как результат своего рода культурной мутации, связанной с возникновением и обособлением пастушеского хозяйства, предпринятые в 30-х годах Г. Чайльдом и некоторыми советскими археологами, не получили подтверждения в дальнейших исследованиях и в настоящее время полностью оставлены. Расселение племен шнуровой керамики — это бесспорный факт, одно из крупнейших событий в истории и этногении первобытной Европы.

В материальной культуре племен шнуровой керамики в большинстве местностей, где они расселились, можно отметить одну в высшей степени существенную закономерность. Оказалось, что наиболее древние памят-

¹⁰ В. П и з а н и. Общее и индоевропейское языкознание. В сб.: Общее и индоевропейское языкознание, М., 1956, стр. 165—199; Т. А. Д е г т е р е в а. Пути развития современной лингвистики. М., 1961; A. S c h e r e r. Kratylos. Kritisches Bericht- und Rezentionsorgan für indogermanische allgemeine Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1956, 1.

ники их культуры обнаруживают значительное количество общих черт как в соседних, так и в отдаленных друг от друга областях. Одинаковые или близкие формы глиняных сосудов и их орнаментации, однородные каменные орудия, близкие формы погребальной обрядности можно встретить в Прибалтике и на Верхнем Днепре, на Висле и на Волге. Сходство отдельных предметов, происходящих из местностей, отдаленных друг от друга на многие сотни километров, нередко бывает паразитическим. Все это не оставляет никаких сомнений в том, что племена шнуровой керамики имели общего предка или, что более вероятно, группу родственных предков, тесно друг с другом связанных. В последующее время, в рамках первой половины II тыс. до н. э., картина мало-помалу меняется. На основе

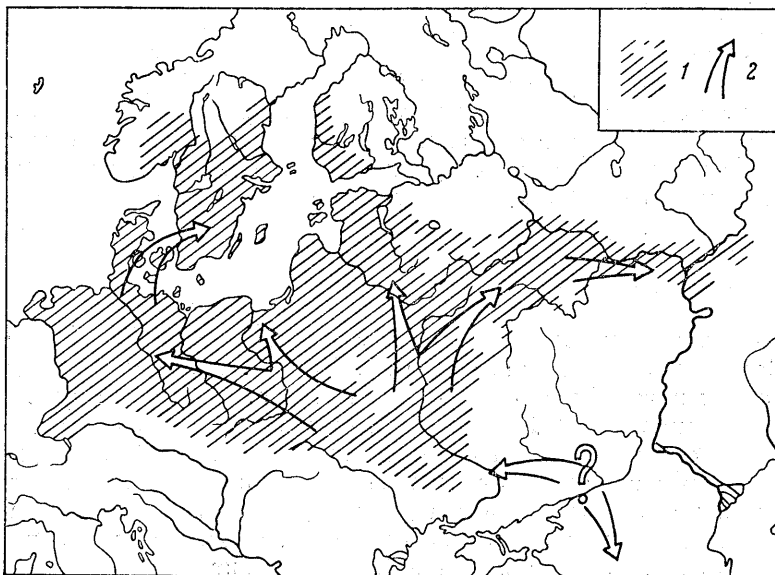

Рис. 17. Схема расселения племен шнуровой керамики в конце III—начале II тыс. до н. э.

1 — области расселения; 2 — предполагаемые направления передвижения.

древней культуры шнуровой керамики в Европе возникает ряд родственных культур с многочисленными локальными особенностями. Иначе и не могло случиться: племена расселились по широким пространствам, оторвались друг от друга, попали в различную обстановку.

Если бы повсеместно удалось выделить наиболее архаические памятники племен шнуровой керамики и уточнить их хронологию, вопрос о происхождении, исходной территории и путях расселения этой обширной группы племен был бы разрешен. В настоящее время здесь еще очень много спорного и не выясненного. Этот вопрос не выходит за пределы гипотез. Но постепенно одна из них все же побеждает. В археологической литературе последнего времени все чаще и чаще встречаются попытки обосновать мысль, что истоки племен шнуровой керамики следует искать не на севере или в центре Европы, как предполагали раньше некоторые археологи, а в ее юго-восточных областях, примыкающих к северному побережью Черного моря и Поднепровью. Именно в этих областях в культуре местных позднелеолитических племен, перешедших от охотничье-рыболовческого быта к пастушескому образу жизни, обнаруживаются истоки культуры, характеризующей племена шнуровой керамики. Это были племена, занимавшие, следовательно, северную окраину древнего

индоевропейского ареала. Продвижение на их территорию более сильных южных соседей — трипольских, племен крашеной керамики и других — было, вероятно, одной из причин, способствовавших их расселению по широким пространствам Центральной и Восточной Европы.

Кажется, одним из первых пришел к такой мысли чехословацкий археолог И. И. Борковский, сравнивший материалы, относящиеся к средневропейским культурам шнуровой керамики, с украинскими находками.¹¹ Убедительные свидетельства в пользу того, что Причерноморье и окружавшие его области являлись древнейшей территорией племен шнуровой керамики, привели в своих работах Г. Розенберг, П. Глоб, К. В. Струве, М. Гимбутас, А. Я. Брюсов и другие археологи. Они показали, что не только общие представления об исторических судьбах племен шнуровой керамики, но и основной их «этнографический» признак — узор из отпечатков шнура на глиняной посуде, — а также формы их керамики и других изделий, их погребальные обряды, — все это ведет нас в среду древних племен Нижнего и Среднего Поднепровья, к ямным погребениям южнорусских степей и даже к большим кубанским курганам.¹² Справедливость требует напомнить, что первыми исследователями, заметившими черты сходства между культурой кубанских курганов и культурой шнуровой керамики, в частности ее северо-восточного ответвления — фатьяновской культурой, были крупнейшие русские археологи начала нашего века — А. А. Спицын и В. А. Городцов.

Соображения археологов о территории Украины как исходной области племен шнуровой керамики еще не решают, конечно, всех вопросов. Здесь многое предстоит выяснить и конкретизировать. В изучении украинского дотрипольского неолита, по сути дела, сделаны сейчас лишь первые шаги. В археологической литературе последнего времени, в трудах П. В. Глоба, М. Гимбутас, А. Я. Брюсова и других, обнаруживается тенденция при освещении вопроса о генезисе культуры шнуровой керамики особенно большое значение придавать племенам ямной культуры западной части степной полосы.¹³ Это вряд ли справедливо. По отношению к культуре шнуровой керамики ямная культура являлась скорее всего не источником, а родственным, по соседству развивающимся явлением. Ее формирование было связано по преимуществу со степной полосой, тогда как культура шнуровой керамики складывалась в лесостепи — и не только в поднепровских, но и в более западных областях.

Если генезис племен шнуровой керамики еще не получил надлежащего освещения, то естественно, что неясным остается и картина их расселения. Большим препятствием на путях исследования является здесь отсутствие точной хронологии археологических памятников. В настоящее время сделано несколько определений их времени по С¹⁴. Они оказались преимущественно конца III тыс. до н. э. Но этого еще далеко не достаточно для восстановления хотя бы приблизительной картины распространения этих племен по Центральной и Восточной Европе.

Процесс этот был несомненно очень сложным, он длился в течение десятилетий и столетий, несколько не напоминая те передвижения чело-

¹¹ I. B o r k o v s k ý. Šnúrova keramika na Ukrajině. Obzor praehistorický, IX, Praha, 1936.

¹² G. R o s e n b e r g. Kulturströmungen in Europa zur Steinzeit. Kopenhagen, 1934; P. V. G l o b. Studier over den jyske Enkeltgravskultur. In: Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. København, 1945; K. W. S t r u v e. Die Einzelgrabkultur in Schleswig-Holstein. Neumünster, 1955; M. G i m b u t a s. The prehistory of Eastern Europe. Cambridge, Massachusetts, 1956; А. Я. Б р ю с о в. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э. СА, 1961, № 3; J. K o s t r z e w s k i, W. C h m i e l e w s k i, K. J a ź d z e w s k i. Pradzieje Polski. Wrocław, 1965, стр. 98—99.

¹³ P. V. G l o b. Studier. . . , стр. 241; M. G i m b u t a s. The prehistory of Eastern Europe, стр. 140—169; А. Я. Б р ю с о в. Об экспансии. . . , стр. 22 и сл.

веческих масс, которые происходили тысячелетия спустя в ранние исторические времена. Племена каменного века, лишь начавшие знакомиться с металлом, передвигались со своими стадами постепенно, сравнительно небольшими группами, шаг за шагом осваивая новые, слабо заселенные территории. Общий темп их движения, вероятно, лишь немного превосходил быстроту освоения новых местностей группами рыболовов-охотников в лесной полосе Восточной Европы. Потому мне кажется во многом ошибочной статья о племенах шнуrowой керамики, опубликованная недавно А. Я. Брюсовым, где речь идет об экспансии этих племен, о военных походах, об особых средствах передвижения, обеспечивающих эти походы, и т. д. На словах А. Я. Брюсов полемизирует со старыми средневропейскими археологами, модернизировавшими картину исторического процесса, на деле же изображенная им картина переселений мало отличается от их представлений, если не говорить о направлении движения племен шнуrowой керамики и их исходной территории.¹⁴ Это были, конечно, отнюдь не грандиозные походы завоевателей, объединяющие большие группы людей, и не столько переселения, сколько расселения, хотя и охватившие очень большие пространства в Европе.

Гипотеза о племенах шнуrowой керамики как предках германцев, балтов и славян разделяется в настоящее время большинством археологов и находит положительную оценку в среде лингвистов. В современной литературе можно указать, пожалуй, лишь единственную попытку иной этнической интерпретации этих племен, принадлежащую Т. Сулимирскому, который высказал, на мой взгляд, совершенно безосновательную мысль о том, что это были предки якобы финно-угров.¹⁵ Его, однако, никто не поддержал. Вопрос о происхождении финно-угров, речь о котором шла выше, решается совсем иначе и на другом фактическом материале.

Как известно по материалам языкознания, германцы, балты и славяне составляют особую, родственную индоевропейскую группировку. Предположение, что истоки этой северной группы индоевропейцев восходят к племенам шнуrowой керамики, основывается прежде всего на сопоставлении археологических материалов с лингвистическими, историческими и иными данными. Не все они равноценны; многие являются дискуссионными. Но основная аргументация, вытекающая из сопоставления различных видов источников, представляется все же достаточно убедительной.

Прежде всего, территория, где некогда расселились племена шнуrowой керамики и где они, судя по археологическим данным, сыграли решающую роль в последующем этнокультурном процессе, в основных контурах полностью совпадает со старыми областями германцев, славян и балтов, обрисованными по историческим свидетельствам, материалам топонимии (гидронимии) и заключениям «лингвистической географии». Это была Средняя Европа вплоть до Рейна на западе и днепровско-волжского водораздела на востоке, в том числе области, лежащие вокруг южной части Балтийского моря. На прилагаемой карте (рис. 17) в пределы ареала племен шнуrowой керамики включены также и обширные пространства в бассейне Волги. Там эти племена действительно тоже расселились. Но в этих местах, как и по восточному побережью Балтики, племена шнуrowой керамики в ходе этногенического процесса оказались не победителями, а побежденными. В дальнейшем они исчезли здесь почти бесследно, речь об этом будет идти ниже.

¹⁴ А. Я. Брюсов. Об экспансии. . . , стр. 20—22 и сл.

¹⁵ T. Sulim irski. Polska prehistoryczna. London, 1955, стр. 156.

Историческая обстановка и хронологические рамки расселения племен шнуровой керамики (конец III—начало II тыс. до н. э.) отнюдь не противоречат имеющимся в лингвистике представлениям о времени «распада» индоевропейской общности. Как уже указывалось, судя по данным сравнительного языкознания, древние индоевропейцы расселялись в условиях пастушеского быта, но еще до широкого распространения металлов. Именно такими были условия жизни племен шнуровой керамики в период их расселения. Есть основания думать, что в результате их расселения скотоводство распространилось в среде некоторых местных племен, до этого времени живших в условиях охотничье-рыболовческого быта. Ими были, в частности, поздненеолитические племена Восточной Прибалтики, которые рассматривались выше в качестве древних прибалтийских финнов. В связи с этим всяческого внимания заслуживают лингвистические данные, указывающие, что в прибалтийских и некоторых других финно-угорских языках древнейшая лексика, связанная со скотоводческим хозяйством, оказалась по преимуществу индоевропейской — балтийской. «По своему содержанию балтийские заимствования (в прибалтийско-финских языках, — П. Т.) поразительно точно соответствуют культурным условиям периода проникновения в Прибалтику шнуровой керамики и ладьевидных топоров. Лишь в редких случаях наблюдается такое полное совпадение лингвистических и археологических данных», — писал по этому поводу Х. А. Моора.¹⁶

В последующем изложении будут обрисованы судьбы племен шнуровой керамики, расселившихся в лесных областях по верхнему течению Днепра и Волги, а также в Восточной и Юго-Восточной Прибалтике.

Среднеднепровские племена

1

В лесной полосе Восточной Европы, занятой охотничье-рыболовческим населением, племена шнуровой керамики появились в то же самое время, что и повсюду в Европе, — в конце III—начале II тыс. до н. э. Они распространились по Верхнему Поднепровью, в Верхнем Поволжье вплоть до Нижней Камы и в прибрежных местностях Южной и Восточной Прибалтики. В бассейне Днепра их культура известна в археологической литературе под наименованием среднеднепровской, в Поволжье — фатьяновской и балановской, в Прибалтике археологические памятники древних пастушеских племен объединяются обычно в культуру боевых или ладьевидных топоров. Разделение пастушеских племен на указанные группы является в известной мере условным. Их культура, особенно в более позднее время — со второй четверти II тыс. до н. э., — имела свои отличительные черты. Но границы этих племенных групп были очень неотчетливыми. Бросаются в глаза устойчивые общие элементы культуры (особенно наиболее раннего времени), объединяющие эти пастушеские племена как между собой, так и со всем обширным миром племен шнуровой керамики.

Археологическими памятниками пастушеских племен — среднеднепровских, фатьяновских, балановских и прибалтийских — являются преимущественно курганные или плоские могильники, содержащие погребения в скорченном положении, иногда трупосожжения, сопровождаемые каменными орудиями, в том числе боевыми и рабочими топорами, украшениями из зубов животных или отрезков трубчатых костей и глиняной

¹⁶ Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. ВЭИЭН, 1956, стр. 70.

посудой шаровидных или близких к ней форм с геометрической орнаментацией, нередко выполненной отпечатками шнура. В более поздних погребениях (середина II тыс. до н. э.) встречаются изделия из меди и бронзы, главным образом мелкие украшения. Остатки положенной в могилы пищи — кости животных — свидетельствуют о том, что эти племена владели стадами домашних животных: свиней, мелкого и крупного рогатого скота, табунами лошадей. Судя по некоторым данным, им было знакомо и земледелие. Обнаружены каменные зернотерки и мотыги; найдены отпечатки зерен пшеницы на глиняных сосудах. Однако роль земледелия в хозяйстве этих племен по сравнению со скотоводством была второстепенной. Места поселений пастушеских племен известны сравнительно в небольшом числе, не на всей территории их распространения, и пока что очень мало исследованы.

Культура пастушеских племен во всех ее элементах, доступных для археологического исследования, не имела ничего общего с неолитическими культурами Волго-Окской области, Верхнего Поднепровья и Восточной Прибалтики. Пастушеские племена имели значительно более развитую материальную культуру. Это сказывалось не только в их скотоводческом и земледельческом хозяйстве. Они изготовляли совершенные каменные изделия — шлифованные топоры из кремня и каменные боевые топоры-молоты, не известные местным рыболовам-охотникам. Кремневые орудия выделывались из крупных ножевидных пластин, что также было почти не свойственно лесному неолиту. Глиняная посуда своими шаровидными формами, составом глины (чистая отмученная глина, иногда с примесью мелко толченой раковины), характером орнаментации резко отличалась от керамики охотничье-рыболовческих племен лесной полосы. На этом основании еще исследователи начала XX в. — А. А. Спицын, В. А. Городцов и А. М. Тальгрэн — рассматривали пастушеские племена лесной зоны Восточной Европы как пришлые с юга или запада.

В 20-х—начале 30-х годов, как уже указывалось, были сделаны попытки объяснить появление фатьяновской и других аналогичных культур как автохтонный процесс, как один из результатов перехода местных племен от охотничье-рыболовческого быта к скотоводству и земледелию. Ошибочность этих попыток, для своего времени закономерных, стала очевидной в свете многочисленных новых данных, рисующих жизнь населения лесной полосы в конце III—II тыс. до н. э. Оказалось, что пастушеские племена были распространены в лесной полосе далеко не повсеместно. Например, в поречье Оки, особенно густо заселенное в то время охотничье-рыболовческими племенами, они не проникли, хотя здесь лежали местности, весьма пригодные для скотоводства. И самое главное — в последующий период распространение скотоводческого и земледельческого быта среди местного населения лесной полосы Восточной Европы (конец II тыс. до н. э.) ознаменовалось формированием совсем другой культуры, несколько не похожей на культуру боевых топоров или фатьяновскую культуру. Наконец, следует отметить, что физический тип пастушеских племен оказался совсем иным, чем облик местного охотничье-рыболовческого населения. Местные племена сочетали европеоидные особенности с монголоидными или лапоноидными чертами; пришлые племена оказались характерными длинноголовыми европеоидами (рис. 18). «Фатьяновские черепа относятся к длинноголовому европеоидному типу и резко отличаются от неолитических из той же области», — писал по этому поводу Г. Ф. Дебец. К таким же выводам пришли М. С. Акимова, М. М. Герасимов и др. В Восточной Прибалтике отмечена та же картина: физический тип пастушеских племен оказался чуждым местному населению.¹⁷

¹⁷ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. ТриЭ, т. IV, 1948, стр. 86 и сл.; М. С. Акимова. Антропологический тип населения фатьяновской культуры. ТриЭ,

В настоящее время собраны значительные материалы, указывающие, что пастушеские племена пришли в лесную зону из южных восточноевропейских областей и важнейшим путем их движения с юга на север являлся, по-видимому, бассейн Днепра. Все характерные элементы материальной культуры пастушеских племен Верхнего Поднепровья и Поволжья находят себе истоки прежде всего в области лесостепного Нижнего и Среднего Поднепровья и по его периферии. Могут быть составлены убедительные типологические ряды, особенно по керамическому материалу и по формам боевых топоров-молотов, связывающие фатьяновскую, балановскую и среднеднепровскую культуры на ранних этапах их развития как между собой, так и с древностями нашего восточноевропейского юга. Также достаточно убедительными являются связи прибалтийской культуры боевых топоров и культур Среднего Поднепровья, намеченные в работе Х. А. Моора. Но прибалтийские пастушеские племена все же несколько отличались от днепровских и волжских. Это объясняется, по-видимому, тем, что среди племен, проникших в Восточную Прибалтику, были не только выходцы из Поднепровья, но и отдельные группы пастушеского населения, расселявшегося на север вдоль бассейна Вислы.¹⁸

Рис. 18. Фатьяновец из Кузьминского могильника. Реконструкция М. М. Герасимова.

Наиболее значительную роль в судьбах населения лесной полосы сыграли племена среднеднепровской культуры, главные центры которых, как показывает их наименование, данное В. А. Городцовым, лежали в области Среднего Поднепровья, на Киевщине и к югу от нее. Там известны многочисленные курганы этих племен, содержащие захоронения в скорченном положении, с характерной керамикой, каменными боевыми топорами, рабочими клиновидными топорами и другим инвентарем, а также места поселений с остатками небольших жилищ — наземных или полужемлянок. В настоящее время на Днестре ниже Киева, по р. Роси и в других местах обнаружены места нескольких таких поселений, но раскопки на них еще не производились.

Вопрос о происхождении среднеднепровских племен является дискуссионным. В 30-х годах Е. Ю. Кричевским была высказана мысль, основанная на его общих представлениях об истории центральноевропейского неолита, что среднеднепровские племена были прямыми потомками позднетрипольского населения. Он указывал, что в материалах наиболее поздних трипольских поселений Среднего Поднепровья, таких, как Городск, Райки, Колодяжное и др., можно проследить процесс перехода от трипольской культуры к культуре шнуrowой керамики. Позднее взгляды Е. Ю. Кричевского были поддержаны Т. С. Пассек. Материалы из курганов среднеднепровской культуры она подразделяла на две хронологи-

т. 1, 1947; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. ТриЭ, т. XXVIII, 1955; К. Ю. Марк. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. ВЭИЭН, 1956, стр. 229—232.

¹⁸ Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1963, № 2.

ческие группы: более раннюю — стретовскую, относящуюся, по ее мнению, к концу III—началу II тыс. до н. э., представленную находками из Стретовки, Шанде, Софиевцев, и более позднюю — гатнинскую, второй четверти II тыс. до н. э., объединяющую материалы из Иванковичей (Янковичей), Ясковиц, Гатного, Нетеребок и других пунктов.¹⁹

Другие соображения о происхождении среднеднепровской культуры были высказаны А. Я. Брюсовым. Рассматривая аргументацию Е. Ю. Кричевского и Т. С. Пассек, он, во-первых, указал на явную, по его мнению, искусственность реконструируемой ими картины превращения трипольской культуры, с ее большими глинобитными домами, старой земледельческо-скотоводческой традицией и другими характерными чертами, в скотоводческую культуру, с домами-землянками и иным обликом всего бытового инвентаря. Во-вторых, А. Я. Брюсов не согласился с датами среднеднепровской культуры, предложенными Е. Ю. Кричевским и Т. С. Пассек, указав, что она старше, чем они думали, на четверть или половину тысячелетия. Наконец, что особенно существенно, он обратил внимание на то, что все наиболее поздние трипольские поселения, по материалам которых якобы можно проследить перерастание трипольской культуры в среднеднепровскую культуру, расположены не на основной трипольской территории между Днестром и Средним Днепром, а по ее северной и северо-восточной окраине, по пограничью с другими культурами. Памятники среднеднепровской культуры также расположены на северной окраине максимального ареала трипольских поселений.

Из всего этого было сделано предположение, что поселения городского типа принадлежали не позднетрипольским, а местным племенам, которые являлись не потомками трипольцев, а их младшими современниками, усвоившими некоторые элементы позднетрипольской культуры. Соображения примерно такого же характера по поводу соотношения среднеднепровских племен и поселений городского типа были высказаны Т. Сулимирским и М. Гимбутас. Истоки среднеднепровской культуры А. Я. Брюсов искал среди местных дотрипольских неолитических культур Нижнего и Среднего Поднепровья.²⁰

Продолжая полемику, специалисты в области трипольской культуры подвергли тщательному анализу материалы поселений городского типа и, как мне кажется, сумели доказать их принадлежность к трипольской культуре. Выяснилось, что на позднем этапе своего развития, распространяясь на большую территорию между Днестром и Днепром и вступив в контакт с многочисленными соседями, трипольские племена образовали несколько локальных групп, кое в чем отличающихся друг от друга в области культуры. На северной окраине трипольского ареала такими группами были софиевская на Левобережье и городско-волинская на Правобережье.²¹ Что же касается вопроса об отношении среднеднепровской и позднетрипольской культур, то здесь одержала решительную победу точка зрения А. Я. Брюсова и его единомышленников. Это были культуры различные, генетически между собой не связанные, но находящиеся в контакте. Этим объясняется наличие некоторых общих черт

¹⁹ Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2, 1944; Т. С. Пассек. 1) К вопросу о среднеднепровской культуре. КС, в. XVI, 1947; 2) Периодизация трипольских поселений, стр. 157—189.

²⁰ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 210—211, 215—220, 230—243, 248—250; T. Sulimirski. The problem of the Tripolye culture. Proceeding of the Prehistoric society for 1950, news series, XLI, Cambridge, стр. 42—50; M. Gimbutas. The prehistory of Eastern Europe, стр. 105—110.

²¹ М. М. Шмаглей. Керамика поселень городского типу. Археологія, XIII, 1961; Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья, стр. 140—142.

у среднеднепровской культуры с софиевской и городско-волынской. С этим теперь согласна и Т. С. Пассек. «В лесостепной части правобережья Днепра позднетрипольские племена соседнили с племенами ранней бронзы так называемой среднеднепровской культуры. . .», — пишет она в 1961 г.²²

В последние годы среднеднепровской культурой и, в частности, вопросом о ее происхождении успешно занимался И. И. Артеменко. Его хронологические изыскания подтвердили соображения, высказанные по этому поводу А. Я. Брюсовым. И. И. Артеменко полагает, что сложение среднеднепровской культуры относится к третьей четверти III тыс. до н. э. и что просуществовала она в общей сложности около тысячи лет. В поисках предков среднеднепровских племен И. И. Артеменко пошел по пути тех исследователей (В. Н. Даниленко, М. Гимбутас), которые пытаются «выводить» среднеднепровские племена не из трипольской культуры и не из местного неолита, а из среднеднепровского варианта ямной культуры середины III тыс. до н. э., представленного на Киевщине погребениями в курганах. И. И. Артеменко вместе с тем указал, что формирование среднеднепровской культуры «происходило, вероятно, под непосредственным воздействием племен волынской мегалитической и катакомбной культур, а также населения киево-софийской группы памятников позднего триполья».²³ Все это, следовательно, похоже пока что на нерешенное уравнение с многими неизвестными. Ведь происхождение всех этих культур — волынской мегалитической, ямной, катакомбной — и их отношение друг к другу, к трипольской культуре и к более древней местной неолитической культуре составляет в настоящее время еще загадку! Можно лишь предполагать, что среднеднепровская культура действительно сложилась в местной среде. Здесь нетрудно отыскать истоки всех составляющих ее элементов. Но конкретную картину этногенетических процессов, протекавших в Нижнем и Среднем Поднепровье в III тыс. до н. э., еще предстоит исследовать.

Особое внимание необходимо обратить при этом на судьбу местных неолитических племен. После исследований Д. Я. Телегина, обобщившего впервые обширные материалы так называемой днепро-донецкой неолитической культуры — предшественницы и в какой-то мере современницы трипольской культуры, — можно высказать предположение, что эта культура также должна быть принята во внимание при решении вопроса о генезисе среднеднепровских племен. Днепро-донецкие племена, как и другие местные неолитические племена, рано познакомились со скотоводством. В начале III тыс. до н. э. в их среде должен был складываться пастушеский быт, а следовательно, и соответствующая материальная культура.

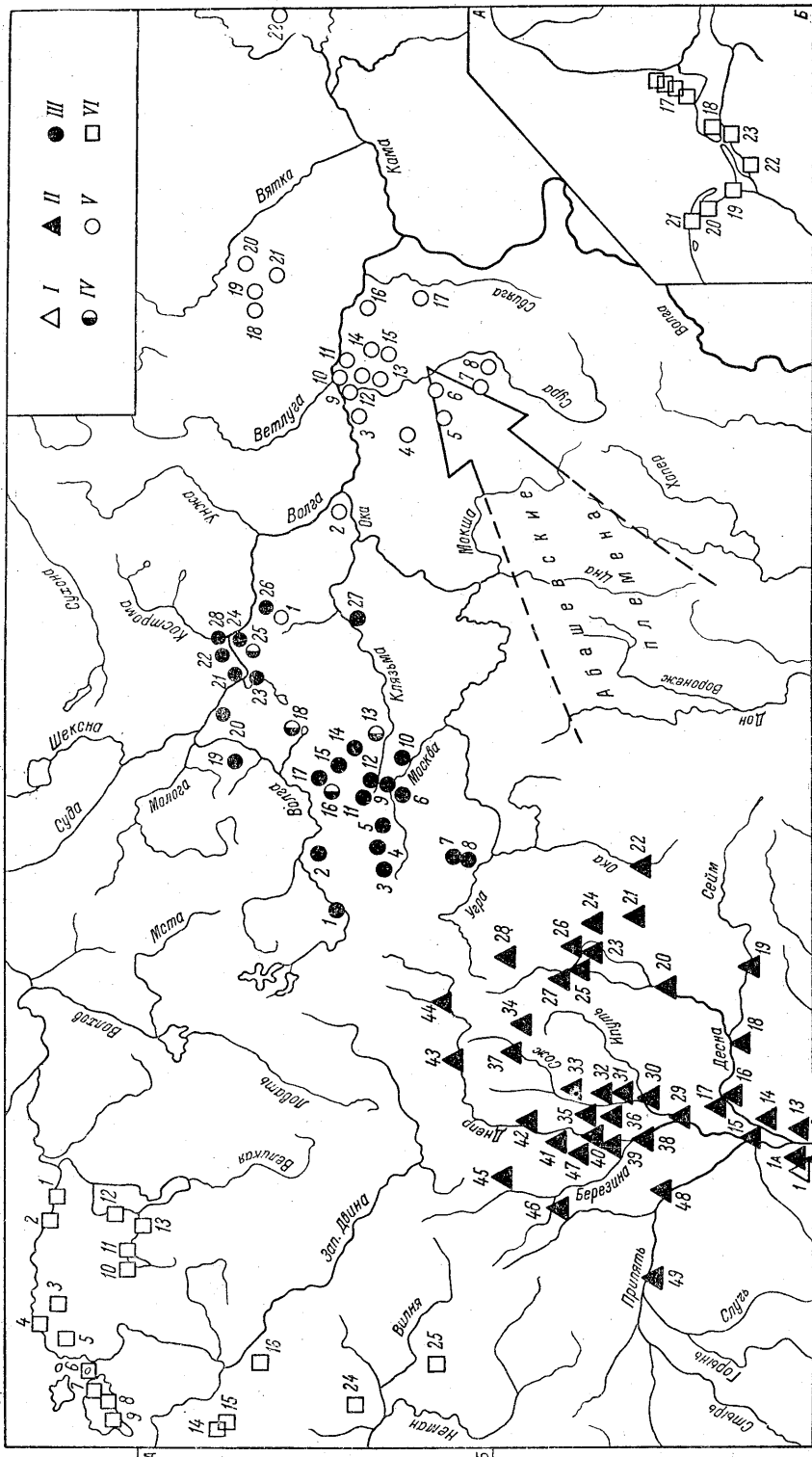
На керамике днепро-донецких племен можно проследить предысторию многих основных мотивов орнамента, характерного для среднеднепровской культуры (вертикальные полосы, заштрихованные треугольники, елочка, зигзаг и др.). Только участием этих племен в формировании среднеднепровской культуры можно объяснить разнообразие форм ее керамики и орнаментации. Ямная, катакомбная и волынская культуры не содержали, как мне кажется, достаточных предпосылок этого разнообразия.

Д. Я. Телегину удалось доказать, что традиционные формы днепро-донецкой культуры сохранялись в Поднепровье до середины III тыс. до н. э.²⁴ Именно в это время и складывалась среднеднепровская культура.

²² Т. С. П а с с е к. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. МИА, № 84, 1961, стр. 177.

²³ И. И. А р т е м е н к о. Среднеднепровская культура. СА, 1963, № 2, стр. 35.

²⁴ Д. Я. Т е л е г и н. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, 1961, № 4.

- I $\triangle$
- II $\blacktriangle$
- III $\bullet$
- IV $\circ$
- V $\circ$
- VI $\square$

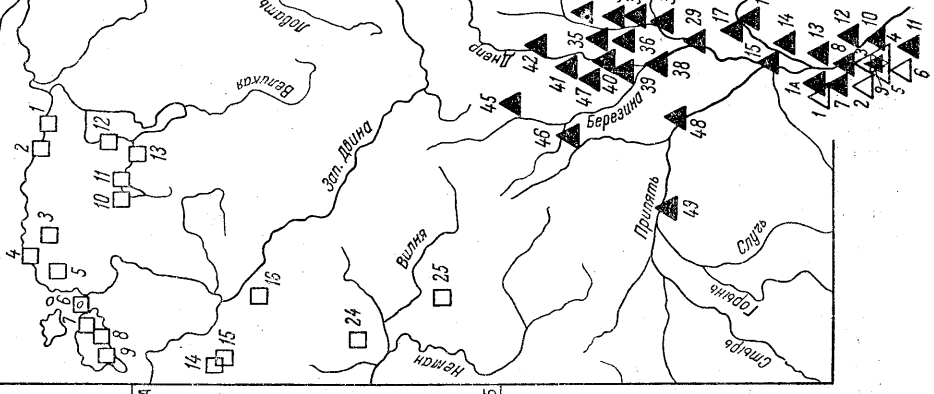

Рис. 19. Схема расположения поселений и могильников среднеднепровских, фатьяновских, балановских и прибалтийских па-
стухских племен конца III—первой половины II тыс. до н. э. (указаны наиболее известные памятники).

I — среднеднепровские курганы ранней группы (по П. П. Артеменко): 1 — Гатное, 2 — Гороховатка, 3 — Кагарлык, 4 — Шандра, 5 — Зеленьки, 6 — Яновка, 11 — среднеднепровские курганы, могильники и поселения поздней группы; 7 — Иванковичи, 8 — Стреловка, 9 — Маслова, 10 — Грешинки, 11 — Натеробки, 12 — Грешинки, 13 — хутор Красный, 14 — Емшинки, 15 — Черныи, 16 — Злотыцки, 17 — Белоус, 18 — Бахмач, 19 — Волыцьево, 20 — Мыс Очакинский, 21 — Брасово, 22 — Луцки, 23 — Черенцовы, 24 — Береза Береза, 25 — Речица, 26 — Бельнет, 27 — Владимировка, 28 — Шаврин, 29 — Суслова, 30 — Веселки, 31 — Стрелица, 32 — Городовка, 33 — Соснова Грива, 34 — Печуры, 35 — Греник, 36 — Липовый Брод, 37 — Мстиславль, 38 — Речица, 39 — Проскурин, 40 — Холосовичи, 41 — Ксендзова Гора, 42 — Могилев, 43 — Катынь, 44 — Нежвасино, 45 — Велечичи, 46 — Голожа и Ставице, 47 — Завалье, 48 — Юровичи, 49 — Казаргак, III — фатьяновские, IV — фатьяновско-балаоновские могильники и поселения: 1 — Дыхаевский, 2 — Опурковский, 3 — Явановгородский, 4 — Булановский, 5 — Мстуринский, 6 — Давыдовский, 7 — Михевский, 8 — Дедичинский, 9 — Туршинский, 10 — Верейский, 11 — Икшанский, 12 — Протасовский, 13 — Бузьковский, 14 — Вагилдовский, 15 — Супеевский, 16 — Никола Перевоз, 17 — Кузьминский, 24 — Говядиновский, 25 — Чижовский, 26 — Горынический, 27 — Ковровский, 28 — поселения Борань и Станок, V — балаоновские поселения, могильники и курганы: 1 — Скотаровский, 2 — Чуркинский, 3 — Сомовское поселение, 4 — Сергачский, 5 — Чукалы, 6 — Старо-Ардатовское поселение, 7 — поселение Ош-Пандо, 8 — поселение Аппа-Пандо, 9 — Васильевское поселение, 10 — Писарьское поселение, 11 — Якимовиче поселение и могильник, 12 — Чебаконское поселение, 13 — Агли-Касинские курганы, 14 — поселение Хула-Сюч, 15 — Раскильдинский могильник, 16 — Балаоновский могильник, 17 — Козловский могильник, 18 — Соза-Курбаровский могильник, 19 — Павлушадский могильник, 20 — Свицковский курган, 21 — Новоселовское поселение, 22 — Верх-Савинское погребение, VI — могильники и поселения прибалтийской культуры: 1 — Сопе, 2 — Рисувере, 3 — Арду, 4 — Ямари, 5 — Ядуче, 6 — Кюласема, 7 — Тика, 8 — Кылъяла, 9 — Коки, 10 — Кяо, 11 — Кивсаре, 12 — Хаапси, 13 — Кардла, 14 — Тояти, 15 — Тома, 16 — Рутеники, 17 — группа поселений в Курльской косе, 18 — Взморье, 19 — группа поселений в устье р. Вислы, 20 — Ражичево, 21 — Острово, 22 — Морже-вина, 23 — Святой Камень, 24 — Калейный, 25 — Нака (ранняя группа).

Первоначально среднеднепровские пастухские племена обитали на сравнительно небольшой территории Киевского Поднепровья, рядом с софиевскими и городско-волинскими позднетрипольскими племенами. Их старшими современниками и западными соседями были волинские мегалитические племена — своеобразная группа лесостепного населения, связывающая культуры Среднего Поднепровья с культурами Средней Европы (рис. 19).

По данным И. И. Артеменко, памятниками ранней группы среднеднепровских племен, как уже указано, являются погребения в курганах, причем многие из них были «впущены» в курганные насыпи древней ямной культуры. Погребения среднеднепровской культуры, лежащие в вытянутом положении на спине, с различной ориентировкой, сопровождалась каменными сверленными топорами и глиняными сосудами шаровидной формы с вертикальным горлом, украшенным отпечатками шнура. Такие погребения найдены в 17 пунктах, главным образом по правобережью Днепра между Киевом и устьем р. Роси. Наиболее известными являются погребения, раскопанные еще Д. Я. Самоквасовым и Н. Е. Бранденбургом у Гатного, Рыжановки, Яновки, Шандор и др. Керамика этих погребений — шаровидная по форме, с простейшим шнуровым орнаментом по шейке сосудов — несколько напоминает ямную. То же самое можно сказать и о каменных орудиях (рис. 20).

Здесь же, на территории Киевского Поднепровья, известны среднеднепровские погребения и позднего этапа — начала II тыс. до н. э. Это основная группа погребений у Гатного с их глиняными сосудами-кубками, курганы у Стретовки, Иванковичей (Янковичей), Зеленок, Новоселок и других — всего около 20 пунктов. Погребения находились под курганными насыпями в ямах; скелеты лежали обычно на правом или левом боку, головой на запад, с подогнутыми ногами. В отдельных случаях в могилах встречены остатки трупосожжений, что было обычно для соседних волинской мегалитической и софиевской позднетрипольской культур. Инвентарь погребений этой группы значительно богаче и разнообразнее, чем в ранних погребениях. Кроме боевых топоров,

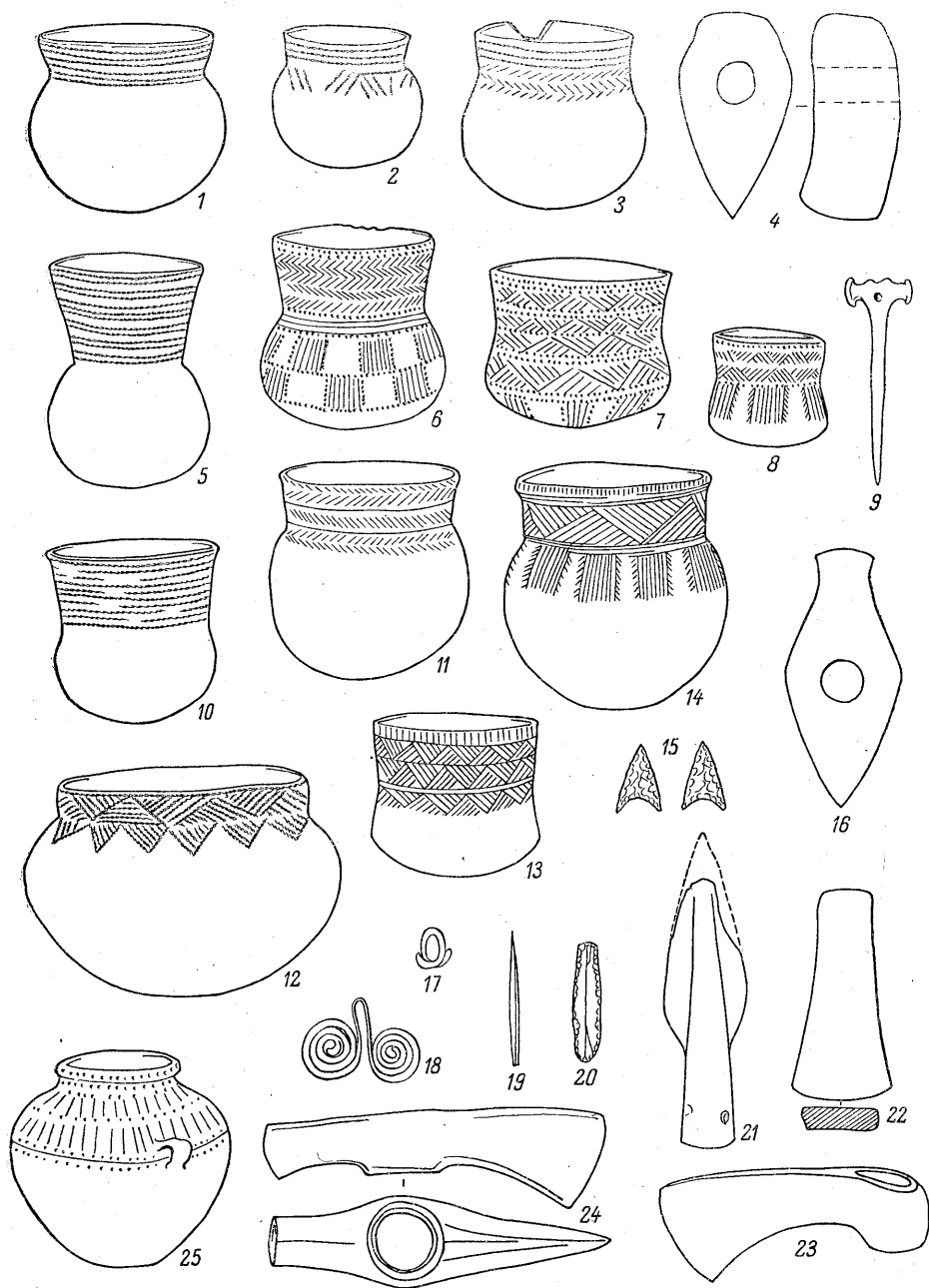

Рис. 20. Находки из погребений среднеднепровских племен.

Древняя группа в Среднем Поднепровье: 1 — Зеленики, 2 — Беркозовка, 3 — Шандра, 4 — каменный топор-молот древнего типа; поздняя группа в Среднем Поднепровье: 5 — Стретовка, 6 — Дубровка, 7 — Ясковицы, 8 — Иванковичи, 9 — Новоселки; в Верхнем Поднепровье: 10—12 — Бельнец, 13—24 — Ходосовичи, 25 — Речница.

здесь встречены клиновидные рабочие топоры, костяные украшения (в том числе «молоточковая» булавка), отдельные предметы из меди и бронзы — височные кольца. Керамика отличается значительным разнообразием форм и орнаментации. Кроме шаровидных сосудов старых форм, появляются кубки. Орнаментация охватывает нередко все тело сосуда сверху донизу. Как правило, это зональный геометрический узор: «елочка» или заштрихованные треугольники. Очень характерен узор в виде спускающихся на стенки сосудов прямоугольников, обрамленных по бокам «бахромой» (рис. 20).

И. И. Артеменко показал, что между ранним и поздним этапами среднеднепровской культуры имелась несомненная генетическая связь. Можно указать ряд погребений, в которых представлен материал, характерный как для раннего, так и для позднего этапов. Эволюция керамики от ранних форм и орнаментов к более поздним также представляется бесспорной.

Начиная с рубежа раннего и позднего этапов в развитии среднеднепровских племен, т. е. с конца III тыс. до н. э., они стали значительно расширять область своего обитания в северном направлении, продвинувшись в Верхнее Поднепровье. Карта древности двух этапов в истории среднеднепровских племен, раннего и позднего, составленная И. И. Артеменко, является вполне убедительной. В последующее время в результате культурной дифференциации эти племена составляли две группы: южную — киевскую и северную — днепровско-деснинскую. Значительное усложнение их культуры на втором этапе за счет появления ряда новых элементов нельзя не поставить в связь с фактом их расселения, в ходе которого они столкнулись с другими племенами: с софиевскими на Левобережье, с волынскими мегалитическими, с близкими днепродонецким неолитическими племенами в Верхнем Поднепровье. Элементы культуры всех этих племен в среднеднепровской культуре (обряд трупосожжения, формы и орнаменты керамики) появляются на втором этапе.

В области Верхнего Поднепровья в настоящее время известно свыше 100 пунктов с находками, относящимися к среднеднепровским племенам. Это, во-первых, курганные могильники, в основном такие же, как на Киевщине. Содержащие под насыпями скорченные захоронения в могильных ямах или, значительно реже, остатки трупосожжений. Больше всего известно таких курганов на Верхней Десне, где они были исследованы около д. Речицы, у д. Бельнец, у Дядьковичей и др. Еще более характерны для Верхнего Поднепровья грунтовые могильники среднеднепровской культуры, на Киевщине пока не отмеченные. Они имеются на берегах Днепра, на Десне, по Сожу и в бассейне Березины, всего в 12 пунктах. Здесь также встречаются различные погребальные обряды: погребения в скорченном положении и сожжения. Судя по находкам вещей и керамики, курганы и грунтовые могильники, погребения и сожжения бытовали у среднеднепровских племен одновременно. Пестрота погребального ритуала — это явление для той эпохи относительно редкое, связанное чаще всего со смешанным составом населения.

В погребениях позднего этапа в Верхнем Поднепровье имеется керамика, аналогичная киевской, но она составляет меньшинство. Здесь были особенно распространены сосуды древних шаровидных форм с высокой шейкой. Но основной мотив орнамента на них был таким же, как на керамике Киевщины, относящейся, по И. И. Артеменко, к позднему этапу в развитии среднеднепровской культуры. Это ряды заштрихованных треугольников из прочерченных линий или оттисков шнура. Такие сосуды найдены в Брасове, Бердыже, Беседках, Сосновой Гриве, на Мысе Очкинском, в Бельнецких курганах и в других могильниках.²⁵ Они являются

²⁵ Т. С. П а с с е к. К вопросу о среднеднепровской культуре; В. В. К р о п о т к и н. 1) Бельнецкие курганы и стоянка. КС, в. XLVII, 1952; 2) Новые исследова-

наиболее характерными для днепровско-деснинского варианта среднеднепровской культуры, особенно же для древностей из поречья Десны (рис. 20).

На Десне, в кургане с сожжением около с. Речица, был найден сосуд, похожий на керамику вольтинской мегалитической культуры.²⁶ И это не единичная находка, свидетельствующая о связях с этой культурой или о ее участии в формировании среднеднепровских племен. В могильнике у д. Печкуры на Смоленщине найден обломок сосуда с веревочным орнаментом, образующим дуги или подковки,²⁷ что также очень характерно для мегалитов Волыни.

Другой инвентарь среднеднепровских погребений днепровско-деснинской группы по своему составу в основном повторяет находки, сделанные на Киевщине. Здесь встречены каменные сверленные боевые топоры-молоты и клиновидные рабочие топоры, кремневые наконечники стрел, в том числе треугольные с вогнутым основанием (такие же, как в ямной культуре), несколько медных предметов: очковидная подвеска, браслет, вислобушной топор, наконечники копья и топор, по форме такой же, как каменные боевые топоры. Судя по анализам металла и формам медных предметов, они происходят из двух областей: из Средней Европы и с Северного Кавказа. Эти вещи помогли отодвинуть верхнюю хронологическую границу среднеднепровской культуры к середине II тыс. до н. э.

Более чем в 50 пунктах известны в области Верхнего Поднепровья места поселений среднеднепровских племен. В большинстве случаев они расположены на возвышенных местах в пределах речных поим. Особенно много их известно по среднему течению Сожа, где в 20—30-х годах производил археологические исследования К. М. Поликарпович. Большая группа среднеднепровских поселений обнаружена И. И. Артеменко на Днестре в районе впадения Друти и Березины. Есть все основания думать, что в Верхнем Поднепровье в конце III—середине II тыс. до н. э. среднеднепровские племена являлись основной, а может быть и единственной группой населения. Лишь по северным окраинам, в верховьях Днестра и его притоков, сохранялись, по-видимому, потомки местного неолитического населения. Очень может быть, что элементы днепровской неолитической культуры, отмечаемые археологами на Верхней и Средней Оке, а также в области Валдайской возвышенности, следует рассматривать в связи с продвижением среднеднепровских племен в область Верхнего Поднепровья, в результате чего местные обитатели отошли оттуда на север.

В 1959 г. И. И. Артеменко исследовал поселение племен шнуровой керамики Ксендзова Гора на правом берегу Днестра, около г. Быхова. Там были открыты следы наземных жилищ столбовой конструкции с каменными очагами, обломки керамики и многочисленные изделия из кремня, в том числе треугольные с выемкой наконечники стрел, известные по ямным погребениям степной полосы. Глиняная посуда — круглодонная и плоскодонная, орнаментированная главным образом отпечатками шнура, — судя по мотивам орнамента, бесспорно принадлежала населению среднеднепровской культуры. Но это были крупные сосуды — так сказать, кухонный инвентарь, в погребениях не встречающийся. В этой керамике налицо и такие орнаментальные элементы, которые на

ния Бельнецких курганов. КС, в. 75, 1959; И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский. КС, в. XXXI, 1950.

²⁶ Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Разведки в районе Брянска. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1928.

²⁷ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губ. Научные изв. Смоленск. гос. унив., т. IV, в. 3, 1927, стр. 235, табл. XVI.

сосудах из погребений отмечены не были, в частности полосы орнамента, идущие по телу сосуда диагонально. Возможно, это наследие местной неолитической культуры.

Другое поселение было раскопано в урочище Завалье около с. Лучин, также на Днестре. Оно относится к более позднему времени, чем предыдущее, о чем свидетельствует более «обедненная» керамика. Здесь также были открыты следы наземной постройки столбовой конструкции.²⁸

Значение среднеднепровских племен в этногении лесной полосы Восточной Европы заключается не только в том, что в течение ряда столетий они владели обширными пространствами Верхнего и отчасти Среднего Поднепровья, но и в том, что последующая история этой области — это история прежде всего их прямых потомков.

Фатьяновские и балановские племена

1

В области Верхнего Поднепровья пастушеские среднеднепровские племена обитали не только там, где в предыдущий период были распространены неолитические поселения, по культуре близкие днепро-донецким, но и в местностях, которые в неолитическое время были пограничными с волго-окскими племенами. Бельянецкие курганы, например, расположенные на Десне выше Брянска, находятся в местности, где неолитические стоянки принадлежат преимущественно к волго-окской культуре, ее западному варианту. В бассейне Верхнего Сожа, на р. Остре около д. Печуры, располагался огромный грунтовый могильник среднеднепровской культуры, разрушенный еще до Октябрьской революции при земляных работах. По рассказам местных жителей, здесь было найдено около сотни глиняных сосудов и каменные топоры. Из них сохранились лишь упомянутый выше обломок одного сосуда со шнуровым орнаментом и несколько топоров — клиновидных и сверленных. Там же, в бассейне р. Остра, расположен Столпницкий могильник, откуда происходят два глиняных сосуда с характерным среднеднепровским орнаментом и каменные топоры. Недавно получены сведения о могильнике у д. Мирониной в бассейне Днестра, к востоку от Смоленска, где найдены топоры и обломки сосуда, близкого столпниковским.²⁹ Все эти пункты лежат в полосе днепровско-волго-окского неолитического пограничья.

К востоку от этих местностей, в бассейне Верхней Волги, лежала область, в пределах которой на рубеже III и II тыс. до н. э. расселились другие группы пастушеских племен, известные по археологическим памятникам фатьяновского и балановского типа (рис. 19).

Территорией фатьяновских племен, названных так по имени могильника у д. Фатьяново около Ярославля, была центральная и восточная часть Волго-Окского междуречья. Большая группа их могильников расположена к северу и западу от Москвы по верхнему течению Москва-реки и Клязьмы, а также по Дубне. На Волге они известны главным образом ниже устья Шексны. Ниже Костромы фатьяновские могильники имеются, за некоторыми исключениями, лишь на правом волжском бе-

²⁸ И. И. Артеменко. 1) Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья. КС, в. 88, 1962; 2) Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской области БССР. ПРБВ.

²⁹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзово-эпохи в Смоленской губ., стр. 235—236; А. Н. Лявданский. Археологические доследы ў Смаленшчыне. Працы, т. III, стр. 10, 50. — Сведения о находках у д. Мирониной получены от Е. А. Шмидта, за что приношу ему свою благодарность.

реку. По Верхней Оке могильники не обнаружены. В целом создается впечатление, что фатьяновские племена владели в Верхнем Поволжье не столько основными речными артериями края, сколько долинами мелких рек междуречья, лишь местами выходя на Волгу.

Сплошным массивом расселились пастушеские племена в лесостепных областях Среднего Поволжья южнее Оки, по Суре и другим рекам на территории современных Чувашской и Марийской республик. Здесь они получили наименование балановских по имени Балановского могильника, расположенного на правом берегу Волги, вблизи устья р. Аниш. Отсюда отдельные группы балановцев распространялись на север, в пределы фатьяновской территории, а также в Заволжье — на Каму и Вятку.

Памятниками фатьяновских племен Волго-Окского междуречья являются могильники без курганных насыпей, обычно очень небольшие, содержащие по 3—5 могил. Нередко встречаются одиночные захоронения. Самыми крупными являются Вауловский, Горкинский и Тимофеевский могильники, содержащие по 15 захоронений, и Фатьяновский могильник, в котором было, по-видимому, не менее 30 могил. Могильники и отдельные захоронения располагались обычно на возвышенных песчаных местах, на берегах рек или в глубине водоразделов. Скорченные погребения помещались в могилы чаще всего головой на запад или юго-запад (имеются и другие ориентировки), мужчины обычно на правом боку, женщины — на левом. Обряд трупосожжения, встречающийся нередко у среднеднепровских племен в области Верхнего Поднепровья, в фатьяновской культуре встречен только один раз — в Истринском могильнике. Состав могильного инвентаря фатьяновцев в целом такой же, как и у других племен шнуровой керамики, — глиняная посуда шаровидных форм, но с другими; чем на Днестре, орнаментами, сверленные топоры-молоты, прекрасные шлифованные кремневые клиновидные топоры, наконечники стрел и ножи из кремня, костяные орудия и украшения. В единичных случаях в могилах обнаружены металлические изделия, медные проволочные подвески, вислобушные топоры.³⁰

Первоначально считалось, что пастушеские племена Верхнего Поднепровья и Верхнего Поволжья составляли единую группу. Белорусские археологи не раз называли среднеднепровскую культуру «днепровским Фатьяном». При этом имелись в виду общие черты сходства, присущие, собственно говоря, всем племенам шнуровой керамики. С накоплением фактического материала — и среднеднепровской культуры на Днестре и фатьяновской в Верхнем Поволжье — исследователи стали обращать внимание главным образом на черты различия, и в настоящее время в литературе господствует представление о фатьяновской и среднеднепровской культурах как о явлениях совсем различных. Эту мысль высказывала О. А. Гракова в своей работе о фатьяновской культуре, таковы представления И. И. Артеменко и мн. др.

Мне представляется, однако, что такое решение вопроса отнюдь нельзя считать окончательным. Оно основывается на сравнении среднеднепровской и фатьяновской культур, так сказать, в целом, без учета хронологии или на основе ошибочных представлений о хронологии тех и других древностей. В последнее время в области хронологии фатьяновских могильников достигнут ряд успехов. И, мне кажется, есть основания снова вернуться к вопросу о среднеднепровско-фатьяновских отношениях.

³⁰ А. А. Спицын. 1) Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, т. V, в. 1, 1903; 2) Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России. ЗОРСА, т. VII, в. 1, 1905; В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российского истор. музея за 1914 г. М., 1915; А. М. Tallgren. 1) Die Kupfer- und Bronzezeit im Nord- und Ostrussland. SMYA, XXV, 1911; 2) Fatianovkulturen im Centralrussland. FM, I, 1924; О. Н. Вад'деп'. Фатьяновские могильники Северного Подмосковья. МИА, № 13, 1950.

В конце 40-х годов О. А. Гракова разделила материалы фатьяновской культуры на три локальные и хронологические группы.³¹ Московскую западную группу она датировала концом III—началом II тыс. до н. э., ярославскую — второй четвертью II тыс. до н. э. и чувашскую (бала-

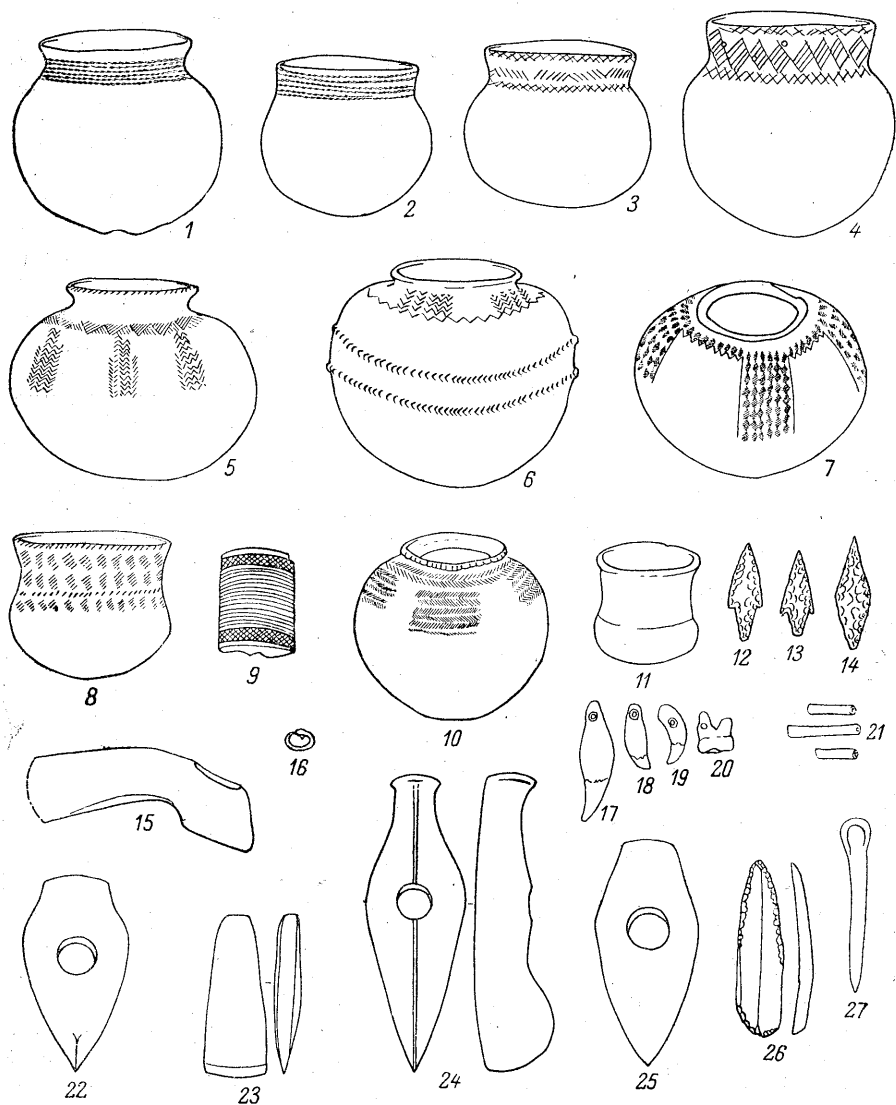

Рис. 21. Находки из могильников фатьяновских племен

1, 5, 16—21, 26, 27 — Кузьминский, 2—4 — Протасовский, 6, 15 — Горкинский, 7 — Велюкосельский, 8, 9 — Мытищинский, 10, 11 — Фатьяновский, 12, 13 — Истринский, 14 — Дедчинский, 22—25 — Говядиновский.

новскую) — третьей четвертью II тыс. до н. э. В настоящее время, особенно после работ О. Н. Бадера и А. Х. Халикова по балановским древностям и Д. А. Крайнова по фатьяновской культуре, ошибочность этой хронологической классификации уже не вызывает сомнений.³² В составе

³¹ О. А. Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КС, в. XVI, 1947.

³² О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963; А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья

московской группы имеются не только ранние — рубежа III и II тыс. до н. э., но и отдельные поздние фатьяновские памятники, относящиеся к первой половине II тыс. до н. э. Балановские древности, как выяснилось, охватывают большой промежуток времени: от рубежа III и II тыс. до начала I тыс. до н. э. Выяснилось при этом, что они отнюдь не являются дериватом фатьяновских, а принадлежат своеобразной группе племен. Ярославскую фатьяновскую группу, действительно несколько более позднюю, следует рассматривать, по-видимому, не как прямое продолжение московской, а как результат смешения элементов культуры московского фатьяновского типа с балановскими элементами. Такого взгляда придерживается, по-видимому, Д. А. Крайнов — автор большого исследования, посвященного фатьяновской культуре.³³

Древности среднеднепровской культуры также получили ныне новую классификацию. И. И. Артеменко выделил среди них древнейшую группу, еще не обладающую всеми теми чертами, которые характеризуют среднеднепровскую культуру в период ее расцвета (рис. 20). И мне представляется, что есть все основания связывать эту группу среднеднепровских древностей с древнейшими фатьяновскими. Более того, это сближение следует распространить в некоторых отношениях и на балановскую культуру (рис. 21).

Древнейшая группа среднеднепровской керамики отличается простой форм и орнаментации. Шаровидные сосуды с вертикальными шейками имели орнамент лишь в верхней части. Он состоял из опоясывающих шейку сосуда параллельных отпечатков шнура, или рядов косо поставленных нарезок, или отпечатков штампа, образующих «елочки». Иногда на шейку сосуда нанесли оба эти несложные узора. В отдельных случаях вместо «елочки» выступал зигзаг. На плечиках нескольких сосудов ниже орнамента, украшавшего шейку, имеются треугольные фестоны или обращенные друг к другу косые параллелограммы. Все эти мотивы налицо на сосудах древнейших могильников московской фатьяновской группы, таких, как Кузьминский, Ивановгородский, Икшинский, Протасовский, Истринский. Для могильников, среди керамического материала которых представлены такие сосуды, характерны простейшие формы топоров-молотов. Именно в Истринском могильнике встречен обряд трупосожжения, неоднократно отмеченный на Днестре.

Лишь в более позднее время, в первой половине II тыс. до н. э., когда складываются характерные черты той и другой культуры — среднеднепровской и фатьяновской, — их орнаментация начинает заметно различаться. На Днестре преобладает мотив заштрихованных треугольников, в фатьяновской культуре — мотив ромба, исполненного гребенчатым штампом. Наряду с шаровидными сосудами, по форме такими же, как в среднеднепровской культуре, в фатьяновских погребениях в это время появляются сосуды «реновидные» — с низкой, отогнутой наружу шейкой и вертикальными полосами орнамента, — на Верхнем Днестре не встречающиеся. Развивается характерная фатьяновская форма топоров-молотов с расширенной полукруглой лопастью. Все эти новые элементы особенно выразительны в фатьяновских могильниках Ярославского Поволжья (рис. 21). Словом, близкие вначале культуры — фатьяновская и среднеднепровская — с течением времени заметно дифференцировались.

в эпоху неолита и бронзы. ТрМарАЭ, т. I, 1960, стр. 76—80; А. Х. Халиков и Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, № 110, 1963, стр. 262—266; Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. САИ, в. В1-19, 1963 и В1-20, 1964.

³³ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. САИ, в. В1-19, стр. 10—11.

Все это, конечно, отнюдь не доказывает, что фатьяновские племена произошли из среднеднепровских. Но представляется бесспорным, что они имели или общего предка, или предков, между собой очень близких.

Говоря об обособлении среднеднепровских и фатьяновских племен, нельзя не обратить внимание на то, что судьбы их были, по-видимому, далеко не одинаковыми. И если среднеднепровские племена сыграли крупнейшую роль в истории населения Верхнего Поднепровья, то появление фатьяновских племен в Верхнем Поволжье было не более чем эпизодом, не оставившим в дальнейшей истории заметных следов, хотя этот эпизод и длился в течение нескольких столетий.

Заметной особенностью, отличающей фатьяновские древности от среднеднепровских, является отсутствие каких-либо достоверных данных о фатьяновских поселениях на большей части их территории. Предполагать, что они еще будут найдены, очевидно, не приходится. Область фатьяновских племен в Верхнем Поволжье изучена в археологическом отношении значительно полнее, чем Верхнее Поднепровье. Только этим объясняется, почему среднеднепровские могильники известны лишь в 20 пунктах, а фатьяновские (на такой же приблизительно площади) — более чем в 50. Вместе с тем мест поселений среднеднепровской культуры обнаружено уже много десятков. Они свидетельствуют о прочной, устойчивой оседлости. А бесспорных фатьяновских поселений на основной территории расселения этих племен не известно ни одного. Очевидно, их поселения имели такой характер, что от них почти ничего не осталось на долю археологов. Это говорит несомненно о каких-то существенных особенностях жизни и быта фатьяновского населения, прежде всего о специфической межплеменной обстановке, в которой здесь оказались эти чуждые местному населению пришлые группы древних скотоводов.

Археологи уже давно обратили внимание на то, что местности, где располагались поселения аборигенов Верхнего Поволжья — племен волго-окской культуры, — и места фатьяновских могильников нередко не совпадали.³⁴ Например, долина р. Оки в ее среднем и нижнем течении фатьяновским племенам не принадлежала. Не было их в Молого-Шекснинской низине, на Петровских озерах и в ряде других мест. Д. А. Крайнов совершенно напрасно сомневается в справедливости этих наблюдений.³⁵ Но, по-видимому, какая-то — и при этом значительная — часть местного населения отступила перед фатьяновцами на север или восток. Распространение фатьяновцев в Волго-Окском междуречье, по-видимому, несколько предшествовало тому времени, когда здесь появились поздневолосовские протофинно-угорские племена. Но на последних этапах своей жизни, как показало погребение на стоянке Никола Перевоз, речь о котором пойдет ниже, фатьяновцы были современниками расселения волосовцев, которое еще более усложнило межплеменные отношения в Верхнем Поволжье.

Отличаясь от охотничье-рыболовческих племен по культуре, бытовому укладу и несомненно по языку, группы фатьяновцев не смешивались с местным населением и не оказали на его жизнь заметного влияния, как это предполагали некоторые исследователи. А. Я. Брюсов правильно указал, что местные племена, по-видимому, не заимствовали у фатьяновцев скотоводства и не производили с ними обмена. Он обратил внимание на «отсутствие на фатьяновских памятниках всяких следов связи с окружающими их неолитическими племенами и почти полное отсутствие

³⁴ О. А. Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 23; О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники Северного Подмосковья, стр. 87—88.

³⁵ Д. А. Крайнов. 1) Памятники фатьяновской культуры, в. В1-19, стр. 10; 2) Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КС, в. 97, 1964, стр. 13 и сл.

у последних следов связи с фатьяновцами». По мнению А. Я. Брюсова, следует говорить о враждебном отношении местных охотничье-рыболовецких племен к пришлым фатьяновцам, «о чем красноречиво свидетельствует отсутствие признаков какой-либо культурной связи между теми и другими на протяжении более 500 лет».³⁶

Эти отношения, возможно, и послужили причиной того, что не сохранилось никаких определенных следов фатьяновских поселений. Поселения были, очевидно, относительно кратковременными; культурный слой в этих условиях не успевал накапливаться. По этой же причине от фатьяновцев остались одиночные захоронения или совсем небольшие могильники. В середине II тыс. до н. э. группы фатьяновцев в Верхнем Поволжье мало-помалу исчезли. Они были уничтожены и изгнаны. Здесь разыгралась, очевидно, одна из тех многочисленных трагедий, которыми было так богато первобытное прошлое. Победителями фатьяновцев были не волго-окские племена, утратившие свои позиции в Волго-Окском междуречье на рубеже III и II тыс. до н. э., а волосовские финно-угорские племена. На их поселениях постоянно встречаются свидетельства контактов с фатьяновцами. К волосовскому времени относятся несколько поселений, называемых обычно фатьяновскими. Все они расположены по восточной окраине фатьяновского ареала и являются (речь об этом пойдет ниже) не столько фатьяновскими, сколько балановскими, принадлежавшими племенам, проникшим в Верхнее Поволжье не с запада, а со Средней Волги, из области, лежащей между устьями Оки и Камы, где историческая обстановка была иной, чем в Верхнем Поволжье.

2

В 40-х годах О. А. Граковой была высказана мысль, что история фатьяновских племен отнюдь не завершилась в Верхнем Поволжье, а они передвинулись оттуда ниже по течению Волги, перешли Оку и поселились в области Среднего Поволжья между Окой и Камой. Известные в этих местах остатки культуры, близкой фатьяновской, О. А. Гракова рассматривала в качестве третьей, наиболее поздней локально-хронологической группы фатьяновских древностей. На тех же позициях стоял первоначально О. Н. Бадер, исследовавший богатейший могильник около д. Баланово в Чувашской АССР. Он писал, что «ближайшие аналогии Балановскому могильнику представляют могильники фатьяновского типа в Верхнем Поволжье. По всему характеру могильника — по ритуалу погребений и по материальной культуре, не считая некоторых отклонений, неизбежно встречающихся в каждом новом памятнике недостаточно изученной культуры, — материал из Балановского могильника совпадает с фатьяновской культурой».³⁷

В дальнейшем вопрос об отношении Балановского могильника к фатьяновской культуре был решен, однако, совсем иначе. Поводом для этого послужили наблюдения антропологов, выяснивших, что физический тип людей из Балановского могильника заметно отличается от фатьяновского. Если фатьяновцы были представителями древнего европейского (палеоевропейского) типа, широко известного в Средней Европе, то люди из Баланова принадлежали к восточносредиземноморскому типу, в глубокой древности проникшему в южные области Восточно-Европейской равнины. Особенно ярко этот антропологический тип представлен во всех наиболее

³⁶ А. Я. Брюсов. 1) Очерки по истории племен. . . , стр. 94; 2) Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э., стр. 33.

³⁷ О. А. Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 23—33; О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии. СА, в. VI, 1940, стр. 86.

богатых погребениях, мужских и женских. В погребениях с бедным инвентарем встречены субъекты с некоторой примесью монголоидных признаков.³⁸

В 50-х годах было найдено и исследовано множество новых памятников балановского типа или, как их теперь стали нередко определять, балановской культуры. Они располагаются на обширной территории от низовьев Оки и поречья р. Мокши на западе до бассейна р. Вятки и среднего течения Камы на востоке, не выходя за южные пределы лесных и лесостепных пространств. Кроме памятников ранних, синхроничных Балановскому могильнику, датированному началом II тыс. до н. э., обнаружены и более поздние, относящиеся к середине и второй половине II тыс. до н. э., когда в балановской среде распространился курганный обряд погребения. Кроме могильников, найдены места многочисленных поселений, расположенных обычно на высоких, удобных для обороны отрогах речных террас. Таковы исследованные А. Х. Халиковым Васильсурское городище в низовьях р. Суры, Кубапевское поселение на р. Большой Кокшаге, Галанкина Гора на Волге, около устья Ветлуги, и др. Впервые балановские поселения были открыты и исследованы П. Д. Степановым. Эти долговременные поселения с прямоугольными жилищами-полужилыми-ками, а также обнаруженные в некоторых местностях, например в низовьях р. Суры и на Средней Вятке, особенно тесные группы балановских поселений и могильников, свидетельствуют, что балановские племена, в отличие от фатьяновцев, являлись полновластными хозяевами если не всей обрисованной выше территории, то во всяком случае ее значительных частей. Об этом же говорят большие размеры балановских могильников. В Балановском могильнике было раскопано 75 могил с 117 погребениями, т. е. значительно больше, чем во всех фатьяновских могильниках вместе взятых. Свыше 10 могил открыто в Таутовском могильнике, исследованном не полностью. В более позднее время балановцы хоронили своих мертвых под значительными по размерам курганными насыпями, расположенными по 2, 3 или 4 обычно в глубине водоразделов.

Имеются многочисленные данные о скотоводстве балановцев, знакомых, по-видимому, и с земледелием, об их медно-бронзовой металлургии, сношениях с другими племенами и мн. др.

О. Н. Бадером и А. Х. Халиковым, широко использовавшим данные П. Д. Степанова, дана убедительная хронологическая классификация балановских древностей. Она показывает, как изменялся погребальный обряд, формы и орнаментация керамики и другого бытового инвентаря. Необходимо отметить при этом, что древнейшая балановская керамика тоже несколько походит на среднеднепровскую, чего нельзя сказать о более поздней, отличающейся своими богатейшими геометрическими узорами, не известными ни фатьяновским, ни среднеднепровским племенам. Древним типом балановской посуды являются также и «реповидные» формы сосудов с вертикальными полосами орнамента (рис. 22).

Балановские племена во II тыс. до н. э. были богаты металлом. Они имели медные топоры, наконечники копий, ножи, разнообразные украшения. Именно поэтому их каменные орудия в своем развитии как бы остановились на древних формах и не достигли такого совершенства, как в фатьяновской культуре. Период металла наступил здесь раньше, чем в Верхнем Поволжье. Возможно, что эти племена плавил медь из местных поволжских медистых песчаников.³⁹

³⁸ М. С. Акимова. Антропологический тип населения фатьяновской культуры; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу, стр. 477—519.

³⁹ О. Н. Бадер. 1) Балановский могильник; 2) Чебаковское поселение эпохи бронзы на р. Суре. УЗЧувНИИ, в. XIX, 1960; 3) Балановская культура. СА, 1961, № 4; П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях. СА, 1958, № 2; А. Х. Ха-

Исследователи балановской культуры, прежде всего О. Н. Бадер и А. Х. Халиков, обратили особое внимание на те ее элементы, которые соответствовали бы заключениям антропологов о южном происхождении балановцев и отличали бы их культуру от фатьяновской. Такие элементы нашлись в изобилии в формах топоров-молотов, в мотивах орнамента на сосудах, в изделиях из металла и др. Они указывают на связи с Северным Кавказом, степными пространствами Северного Причерноморья, Средним Поднепровьем. Однако до сих пор не удалось выяснить, какие из этих связей были генетическими, определяющими область первоначаль-

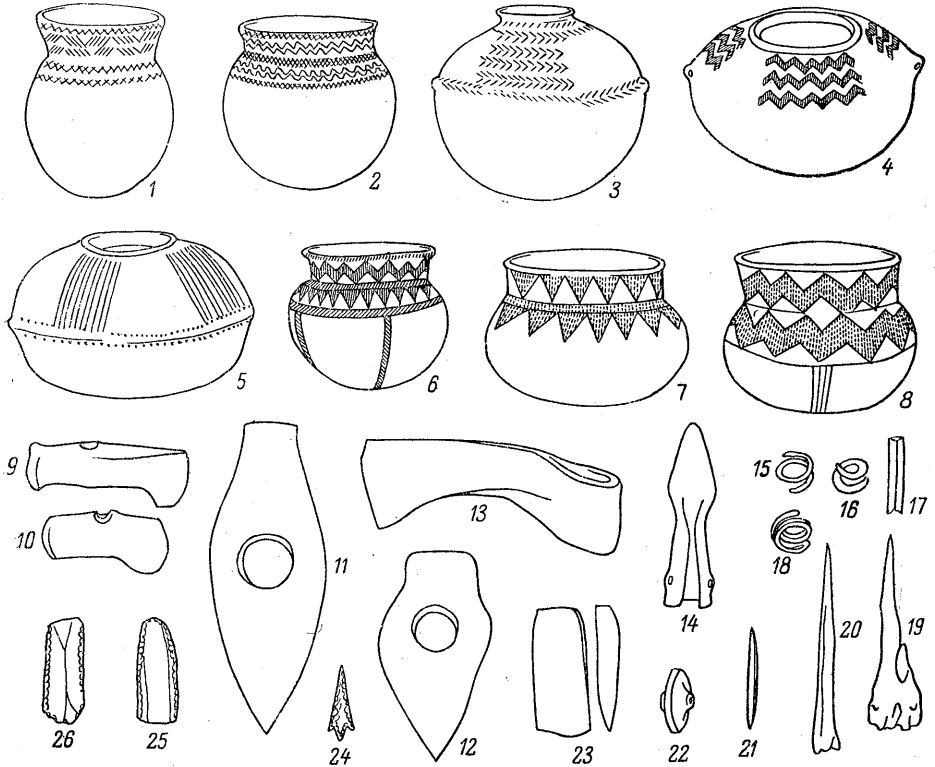

Рис. 22. Находки из могильников и курганов балановских племен начала и середины II тыс. до н. э.

1 — Козловский могильник (по А. Х. Халикову), 2—6, 9—23, 25, 26 — Балановский могильник, 7 — Синцовский курган, 8 — Атли-Касинский курган, 24 — Васильсурское городище.

ных поселений балановских племен и пути их передвижения. «Представляется наиболее вероятным, — заключает свое исследование этого вопроса О. Н. Бадер, — что исходная область балановского населения находилась в пределах территории, которая, с одной стороны, входила в ареал древнего распространения средиземноморского антропологического типа, с другой стороны — в историко-культурную область с боевыми топорами и шаровидной шнуровой керамикой. Эта территория локализуется в Северном Причерноморье между Поднепровьем и Волгой».⁴⁰

Мне представляется, что эту территорию возможно значительно сузить за счет исключения восточных областей, примыкающих к степному

ликов и Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы; А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии. КС, в. 97, 1964.

⁴⁰ О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 65.

Поволжью. Ведь балановская культура, относящаяся вместе с фатьяновской и другими им подобными к типу культур шнуровой керамики, сложилась, очевидно, не в степных местностях, где развивался в то время иной тип культуры, а в лесных или лесостепных областях, примыкающих к Причерноморью и Поднепровью. Здесь издавна обитали племена как с протоевропейским, так и с средиземноморским антропологическим типом. Отсюда же, как справедливо указал О. Н. Бадер, ведут свое начало отдельные элементы балановской культуры. Если предков фатьяновцев следует искать среди племен, связанных, по-видимому, не столько с Нижним, сколько со Средним Поднепровьем, то исходная территория балановцев должна была лежать южнее, а путь их на Волгу проходил через лесостепные пространства днепровского Левобережья, по верховьям Дона, минуя поречье Оки, относительно густо заселенное охотничье-рыболовческими племенами. В этих местах, еще недостаточно исследованных в археологическом отношении, при случайных обстоятельствах в разных пунктах в большом количестве найдены каменные боевые топоры, в том числе и таких типов, которые имеются среди балановских древностей.

Как же в таком случае следует рассматривать отмеченные выше и как будто бы бесспорные фатьяновско-балановские параллели? Трудно допустить, чтобы балановцы могли создаться из слияния двух групп племен — южной и северной, фатьяновской. Во всяком случае, известные ныне антропологические данные исключают такое решение вопроса. Очевидно, необходимо признать, что фатьяновско-балановские параллели в материальной культуре получили в свое время неправильное истолкование. Здесь была допущена такая же ошибка, как в вопросе об отношениях среднеднепровской и позднетрипольской культур, — близкие элементы, появившиеся вследствие межплеменных связей, были приняты за доказательство связей генетических. Между балановскими и фатьяновскими племенами, сходными по образу жизни (а может быть и по языку), несомненно имелись тесные контакты. Вследствие этого отдельные особенности культуры, свойственные ярославской фатьяновской группе, сложились под влиянием балановской культуры, более передовой и богатой, — в частности, в большей мере обеспеченной металлом.

Возьмем, например, встречающиеся среди фатьяновских древностей шаровидно-уплощенные «реповидные» глиняные сосуды с низким, отогнутым наружу горлом, опоясывающим тулово сосуда выпуклым валиком и метоповидным орнаментом. В соответствии с прежними представлениями, этот тип сосудов, не известный в могильниках московской группы и на Верхнем Днепре, возник впервые у фатьяновцев ярославской группы (Фатьяновский, Вауловский, Горкинский и другие могильники) и оттуда перешел к балановцам. Но ведь этот тип посуды в разных вариантах хорошо известен на юге, в Поднепровье и смежных областях, причем балановские формы с ручками-ушками по бокам несравненно ближе к южным, чем фатьяновские. Бесспорно, что они распространились от балановцев к фатьяновским племенам, а не наоборот. Металлические изделия, происходящие из фатьяновских могильников, в подавляющем большинстве также были получены от балановцев. К ним относятся вислобушные топоры из меди со следами фосфора и мелкие украшения.

Более того, имеются бесспорные данные, указывающие, что значительные группы балановского населения нередко проникали на территорию Волго-Окского междуречья. При раскопках Буньковского фатьяновского могильника под Москвой был найден характерный балановский сосуд. Могильник относится к сравнительно раннему времени, — вероятно началу II тыч. до н. э. Около г. Иванова, в бассейне северных притоков Средней Клязьмы, у д. Скоморохово было открыто несколько погребений с характерным инвентарем балановской культуры. Обломки балановских

сосудов найдены на неолитической стоянке Коренец на р. Пре, на стоянке Борок, в Алеканове, на стоянке Пальцо на р. Веске, недалеко от ее истока из Плещеева озера. А на северо-восточном берегу Плещеева озера, в местности Дикариха, А. Л. Никитиным было обнаружено место поселения с культурным слоем и обломками керамики преимущественно балановского характера (рис. 23). Отдельные обломки такой керамики были найдены и в других пунктах при раскопках позднеолитических поселений. Ярким примером являются коллекции керамики фатьяновско-балановского типа со стоянок Борань и Станок в низовьях р. Костромы. Раньше их называли фатьяновскими или «фатьяновидными».⁴¹ А. М. Таль-

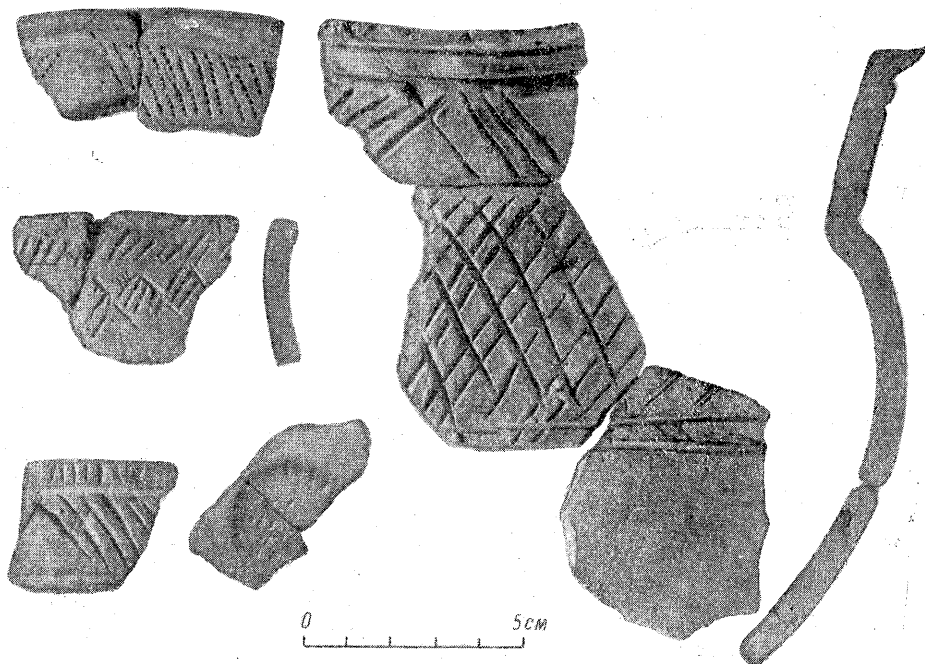

Рис. 23. Фатьяновско-балановская керамика из селища Дикариха на Плещеевом озере. Раскопки А. Л. Никитина.

грэн, познакомившийся в 1925 г. с керамикой со стоянки Борань, определил ее как «à la фатьян». В настоящее время стало очевидным, что эта керамика является преимущественно балановской и относится в большинстве случаев ко времени не раньше середины II тыс. до н. э. (рис. 24). Она происходит из культурных наслоений с посудой поздневолосовского облика. Балановским является, вероятно, курган у д. Чижево вблизи Костромы, откуда происходит круглодонный сосуд с нехарактерным орнаментом.⁴²

В 1958 г. В. М. Раушенбах, исследовавшая известную верхневолжскую многослойную стоянку у д. Никола Перевоз, обнаружила в ее пределах погребение, отнесенное ею к фатьяновской культуре. В большой яме

⁴¹ А. И. В р ј u s o v. Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie. AA, 1954; О. С. Г а д з я ц к а я. Фатьяновский могильник балановского типа в Ивановской области. СА, 1963, № 1; М. Е. Ф о с с. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 185—186, 190; А. Л. Н и к и т и н. Дикариха. МИА, № 110, 1963, стр. 208, 222—223; Н. Н. Г у р и н а. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, № 110, 1963, стр. 92—94, 129.

⁴² А. А. С п и ц и н. Медный век в Верхнем Поволжье, стр. 89.

тесно лежали 9 скорченных скелетов, сопровождаемых несколькими глиняными сосудами, двумя боевыми топорами и наконечниками стрел из кремня, сделанными из ножевидных пластин. Они лежали вместе, очевидно, в колчане. Весь этот инвентарь оказался балановским. Лишь один сосуд можно признать за фатьяновский. На костях некоторых скелетов были найдены наконечники стрел, которыми, вероятно, были убиты эти люди. Все они относились к иному типу, чем лежащие в колчане, —

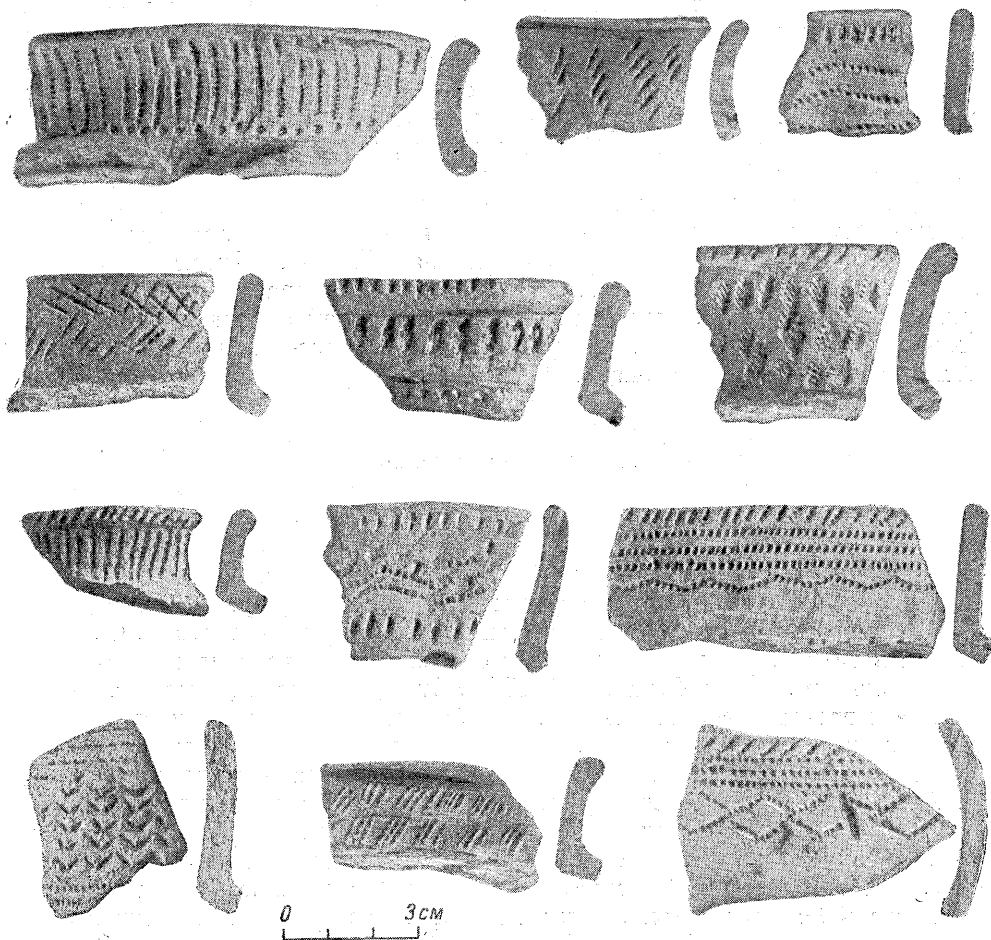

Рис. 24. Фатьяновско-балановская керамика из селища Борань (верхний слой). Костромская обл. Раскопки Н. Н. Гуриной.

к типу, обычному для волосовской культуры. Изучение стратиграфии позволило сделать вывод, что могила соответствует среднему горизонту волосовского слоя стоянки. В этом горизонте было найдено много обломков балановской и фатьяновской керамики. В. М. Раушенбах полагает, что в середине II тыс. до н. э. это верхневолжское волосовское поселение было занято группой балановцев (она называет их фатьяновцами, указывая на балановские черты их культуры). Они похоронили здесь в братской могиле своих мертвых, возможно погибших в борьбе с волосовцами — хозяевами поселения. Вскоре балановцы покинули это место, и оно вновь было занято прежними обитателями.⁴³ В археологии очень редко встре-

⁴³ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо Перевоз. ТрГИМ, в. 37, 1960.

чаются подобные открытия, рисующие конкретные события из жизни далекого прошлого! А. Я. Брюсов привел эти данные в качестве иллюстрации своей мысли о враждебных отношениях между фатьяновскими и охотничье-рыболовческими племенами. Как видим, здесь необходимо внести некоторую поправку: похороненные в могиле люди принадлежали к племенам балановской культуры или же составляли смешанную балановско-фатьяновскую группировку.

Таким образом, балановские племена, бывшие большой и компактной группой, нераздельно владевшей участком Поволжья между Окой и Камой, имели значительные связи как с фатьяновскими племенами, так и с охотничье-рыболовческим населением Волго-Окского междуречья. Особенно тесно они были связаны со своими ближайшими заволжскими соседями. А. Х. Халиковым на территории Марийской ССР обнаружены поселения со «смешанной» материальной культурой, названной им чирково-сейминской.⁴⁴

Очевидно, балановские племена — одна из индоевропейских группировок — могли бы сыграть значительную роль в истории хозяйства и культуры Верхнего и Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Этого, однако, не получилось. Их основная территория сразу же после середины II тыс. до н. э. была занята новой группой скотоводческо-земледельческих племен, новыми пришельцами с юго-запада, носителями абашевской культуры бронзового века.

Абашевские племена

1

Абашевская культура — одна из наиболее ярких и богатых культур бронзового века в лесостепной полосе Восточной Европы — получила свое наименование от курганного могильника, исследованного В. Ф. Смоленским в 1924 г. около с. Абашева в бассейне правого притока Волги — р. Цивиль в пределах Чувашской АССР. Эта культура, относящаяся к середине и третьей четверти II тыс. до н. э., уже не принадлежит к культурам со шнуровой керамикой. Но она генетически с ними связана; абашевские племена были современниками позднебалановского населения.

Абашевскими древностями являются курганные могильники, клады бронзовых изделий и места поселений, пока еще очень мало исследованные. В их распространении обнаруживается весьма интересное обстоятельство. В Поволжье между устьями рек Суры и Камы абашевские памятники известны в большем числе, тогда как на более широкой территории — в междуречье Оки и Верхней Волги, в Южном Прикамье и на Южном Урале — обнаружены лишь единичные абашевские клады, курганы и места поселений. В пределах Волго-Окского междуречья в настоящее время известны лишь три абашевских могильника, отдаленных друг от друга на многие сотни километров. Это курган у с. Огуби на р. Протве, Земский курганный могильник на Оке около г. Касимова и группа курганов на Плещеевом озере. А. П. Смирнов и другие археологи, писавшие, что абашевская культура «охватывает огромную территорию»,⁴⁵ несомненно ошибались. Нет никакого сомнения в том, что на Оку, в Верхнее Поволжье, на Каму и в Приуралье, где в середине II тыс. до н. э. обитали другие племена, проникали лишь отдельные группы абашевского

⁴⁴ А. Х. Х а л и к о в. Материалы к изучению истории. . . , стр. 74—137.

⁴⁵ А. П. С м и р н о в. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95, 1961, стр. 40.

населения, тогда как в Поволжье, между Сурой и Камой, абашевцы составляли основное и при этом весьма многочисленное население (рис. 25).

О том, что в Поволжье между Сурой и Камой имеется богатая культура бронзового века, можно было догадываться уже давно. При земляных и сельскохозяйственных работах здесь постоянно находили различные древние бронзовые орудия. Их большие собрания хранятся в Казанском и Чебоксарском музеях, а также в Национальном музее в Хельсинки (Финляндия), куда в начале нашего века поступила коллекция поволжских древностей, собранная В. И. Заусайловым. Эти древности были опубликованы А. М. Тальгреном,⁴⁶ для которого, однако, они во многом остались загадкой, так как в то время об абашевских памятниках (курганах, поселениях) и о культуре в целом ничего не было известно.

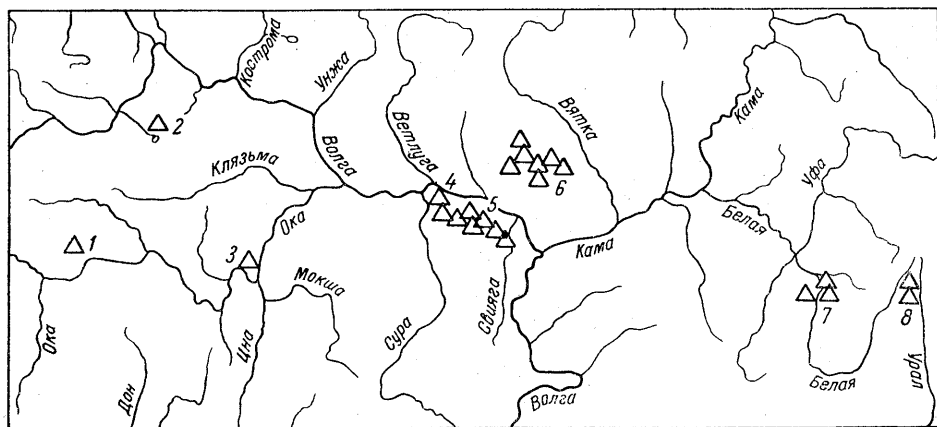

Рис. 25. Схема расположения важнейших памятников абашевских племен.

1 — курган у с. Огубь, 2 — курганный могильник на Плещеевом озере, 3 — Земский курганный могильник, 4 — курганный могильник Алгаша, 5 — курганные могильники у деревень Абашево, Тохмеи, Теби-Касы, Тауш-Касы, Катергиной и др., 6 — курганные могильники у Виловатого, Миняшкина, Нартас, Мари-Кугунур, Сретенки и др., 7 — поселения Баламбаш, Урняк и Ахмарово, 8 — клад и поселение на р. Малый Кизил, поселение Кусеево.

Металлические орудия абашевских типов, изготовленные из низкопроцентной бронзы или из чистой меди, отличаются значительным своеобразием. Процесс их изготовления в большинстве случаев складывался из двух последовательных операций. Сначала путем отливки в форму приготавлился полуфабрикат изделия; окончательный вид придавался ему путемковки. Так изготавливались прежде всего все орудия, имеющие втулку, — наконечники копий, долота и тесла. По форме они напоминают кованые железные изделия. В свое время сходство абашевских орудий с железными ввело в заблуждение А. М. Тальгрена, который ошибочно отнес орудия абашевских типов к рубежу бронзовой и железной эпох. В действительности же приемы изготовления этих орудий и материал, из которого они делались, свидетельствуют об архаичности абашевской металлургии. Об этом же говорит облик таких орудий, как пластинчатые клиновидные топоры и слабо изогнутые примитивные серпы. Топоры с вислым обухом также относятся отнюдь не к позднему периоду эпохи бронзы. Примененный здесь термин — абашевская металлургия — является, конечно, условным. Изделия такого же облика широко известны в Восточной Европе — на Северном Кавказе, в Поднепровье и в Камско-Уральской области. Они относятся к раннему периоду эпохи бронзы.

⁴⁶ А. М. T a l l g r e n. Collection Zaoussailov au Musée Historique de Finland, I. Helsingfors, 1916.

На основной абашевской территории в Поволжье известно в настоящее время до 50 курганных могильников. Многие из них были исследованы. Могильники рассеяны по волжским притокам — Малой Кокшаге, Цивилю, Суре и другим более мелким, а также по правым притокам нижнего течения Вятки. Курганы расположены обычно на возвышенных местах, на берегах рек или по водоразделам, и составляют группы самой различной численности — от 2—3 до 50 и более курганных насыпей. Иногда встречаются одиночные курганы. В большом кургане у с. Абашева было обнаружено 15 погребений; в курганах средней величины их бывает по 2—4; в маленьких — по одному. Погребения в скорченном положении помещались в неглубоких прямоугольных ямах, вырытых в материке. Ямы нередко обкладывались деревом и перекрывались сверху деревянным настилом. В некоторых случаях в курганных насыпях были отмечены остатки деревянных сооружений. Имеются наблюдения, свидетельствующие о том, что иногда курганные насыпи возводились не во время погребения, а по истечении некоторого срока, сразу над несколькими могилами.⁴⁷

Несмотря на почти полное отсутствие в абашевских курганах орудий труда и предметов вооружения, — что объясняется, вероятно, какими-то особенностями ритуала, — погребения абашевской культуры являются по инвентарю более богатыми, чем погребения всех других культур эпохи бронзы на Восточно-Европейской равнине. Кроме керамики, инвентарь погребений составляют различные украшения костюма из бронзы и низкопробного серебра, особенно обильные в женских погребениях. Изредка встречаются отдельные вещи бытового назначения. Особо богатыми оказались женские погребения, открытые П. П. Ефименко в курганах у д. Алгаши в северо-западной части Чувашской республики (рис. 26).

В нескольких женских погребениях из Алгашей и в отдельных погребениях из других пунктов были обнаружены остатки богатых головных уборов из кожи или меха, украшенных узорами из напшитых на кожу мелких бронзовых или медных бляшек, бисера и пронизок. Сзади к головному убору прикреплялся шнур с напущенными на него пронизками и очковидной подвеской на конце. Около висков к головному убору прикреплялись маленькие височные колечки из серебра. Они составляли обычную находку и в тех женских погребениях, где богатых головных уборов встречено не было. Украшениями рук служили браслеты и перстни. П. П. Ефименко было высказано соображение, представляющееся очень интересным, о том, что абашевский головной убор и украшения одежды близко напоминают украшения древнего национального костюма народов Поволжья, известные по этнографическим материалам и по археологическим данным начиная с I тыс. до н. э. Очень вероятно, что сходство между ними не является случайным. Вопрос этот требует, однако, специального исследования.

В мужских погребениях найдены бронзовые обоймицы и костяная пряжка от пояса, маленькие бронзовые ножички, кремневые наконечники стрел, бронзовые рыболовные крючки. В двух мужских погребениях найдены наборы игральных костей — астрагалы свиньи и цилиндрические отрезки трубчатых костей. Как в мужских, так и в женских погребениях часто встречаются четырехгранные бронзовые шилья, обычные для погребений

⁴⁷ В. Ф. С мо л и н. Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары, 1928; О. А. К р и в ц о в а - Г р а к о в а. Абашевский могильник. КС, в. XVII, 1947; К. В. С а л ь н и к о в. Абашевская культура на Южном Урале. СА, в. XXI, 1954; А. Х. Х а л и к о в. 1) Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском междуречье. СА, 1959, № 2; 2) Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА, № 97, 1961; Е. Н. Ч е р н ы х. О металле абашевской культуры. ПКБВ.

степной полосы Восточной Европы и ряда других областей. Обычно они рассматриваются как остря, служившие для татуировки. Если это так, то, следовательно, люди абашевской культуры ходили не только в нарядных одеждах, но и с узорами на лицах.

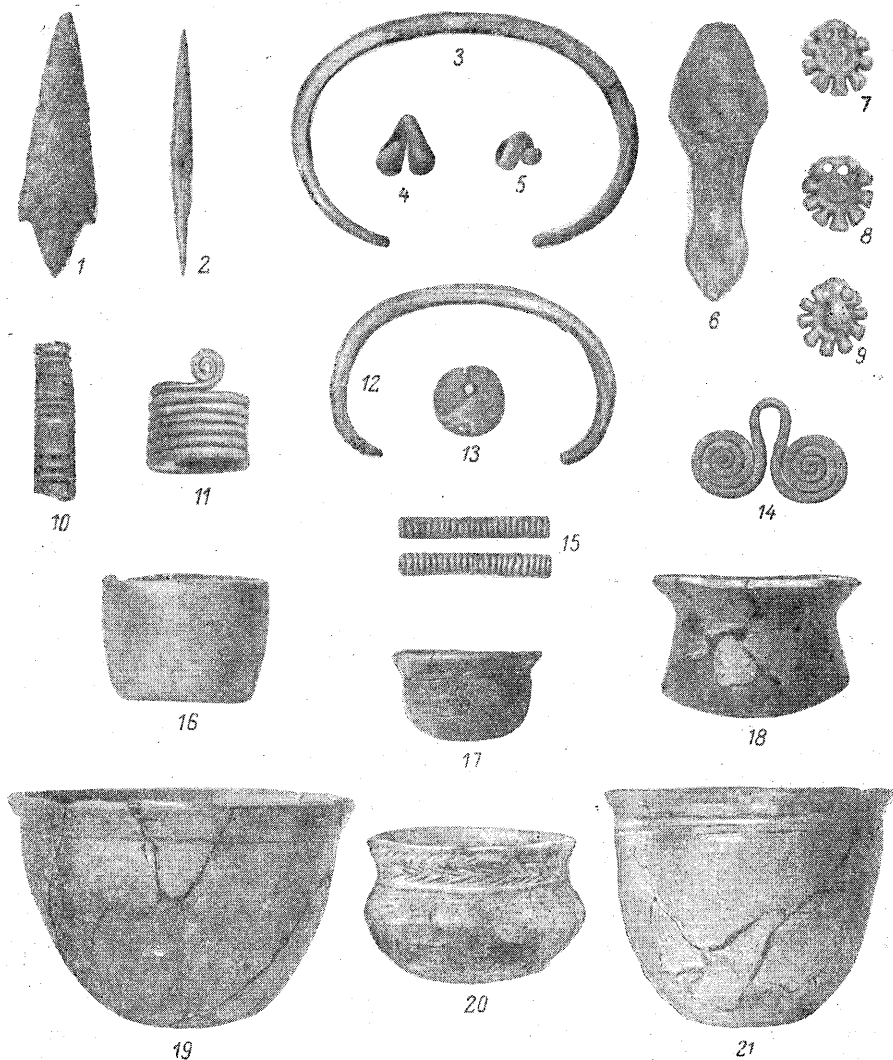

Рис. 26. Находки из могильников абашевских племен. Раскопки П. П. Ефименко 1926—1927 гг. в Чувашской АССР.

1, 2, 4, 21 — курганный могильник Тауш-Касы; 3, 5—20 — курганный могильник Алгаши.

Почти во всех абашевских погребениях, мужских и женских, были встречены глиняные сосуды — по одному, по два, иногда по три.

Более крупные из них, стоящие обычно в ногах погребенных, по форме более или менее однообразны. Они имеют округлое или несколько уплощенное дно, выпуклые стенки и невысокую, резко отогнутую наружу шейку. В целом форма сосудов может быть охарактеризована как колоколо-видная. Они обычно не имеют орнаментации, за исключением желобков или линий, опоясывающих тело сосуда у шейки. Маленькие сосуды отличаются большим разнообразием форм. Здесь имеются невысокие цилиндрические сосудики, различные реберчатые, биконические, бомбовидные,

колоколовидные. За редкими исключениями, все маленькие сосуды орнаментированы, а их поверхность вылощена. Орнаментация абашевской керамики состоит из тонких нарезных линий, отпечатков гребенчатого штампа и неглубоких округлых ямок. Узоры наносились чрезвычайно тщательно. Орнаменты большинства сосудов могут быть охарактеризованы как геометрические и зональные. Их элементами являются прямые линии, зигзаги, «елочка», ромбы, квадраты, «шахматная доска», треугольники, метопы и др. Такого богатого орнамента не имела ни одна культура эпохи бронзы, известная в пределах европейской части СССР. Особенно нарядной является керамика, происходящая из поселения Баланбаш на р. Белой, в орнаментации которой чувствуется влияние со стороны андроновской культуры эпохи бронзы, распространенной на территории Казахстана и Южного Приуралья. Сюда относится, в частности, узор в виде меандров.

В абашевских погребениях постоянно встречаются кости домашних животных: лошади, коровы, свиньи и мелкого рогатого скота. Это свидетельствует о скотоводческом хозяйстве населения, знакомого несомненно также и с земледелием, о чем говорят упомянутые выше бронзовые серпы.

2

Первоначально, в 30—40-х годах, культуру абашевских племен рассматривали в качестве дальнейшего развития балановской культуры (считавшейся тогда позднефатьяновской). Эта мысль, впервые высказанная О. А. Граковой, получила широкую поддержку. В наиболее законченном виде ее сформулировал К. В. Сальников, который сделал попытку построить генетический ряд, связывающий фатьяновские древности с абашевскими древностями Чувашского Поволжья, а последние с абашевскими памятниками на Урале. Была высказана мысль, — идущая, правда, не из среды археологов и не иллюстрированная археологическими данными, — что странствования группы древних индоевропейцев—фатьяновцев—балановцев—абашевцев, может быть, и не завершились на Урале, а продолжались далее на восток, в глубину Азии, куда они якобы принесли с собой индоевропейскую тохарскую речь.⁴⁸

А. П. Смирнов, также считающий, что абашевские племена произошли из фатьяновцев—балановцев, был склонен привлечь к этому процессу еще и степные срубные племена, от которых абашевцы будто бы получили некоторые детали своего погребального обряда и реберчатые формы керамики.⁴⁹

Судя по антропологическим данным, пока что численно очень небольшим, абашевские племена несомненно были европеоидами. Они несколько отличались от балановского населения, выделяющегося своим средиземноморским обликом. Но отрицать возможность родства между ними, по видимому, также нельзя.⁵⁰

Дальнейшее накопление фактических данных, относящихся к балановской и абашевской культурам, показало, однако, что предположение о существовании генетической связи между этими культурами было

⁴⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник; Ф. Ф. Куховский. Памятники материальной культуры ЧАССР. Чебоксары, 1957, стр. 40; К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале, стр. 81—94; Б. В. Горнунг. Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические времена. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук АН СССР и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М., 1956, стр. 37.

⁴⁹ А. П. Смирнов. К вопросу о формировании абашевской культуры. МИА, № 97, 1961.

⁵⁰ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу, стр. 519—528.

ошибочным. Среди обильных новых находок не обнаружилось никаких переходных звеньев, неизбежных при перерастании одной культуры в другую. Абашевские формы керамики ни в каком случае не могут быть выведены из балановских. То же самое следует сказать об абашевской орнаментации, в которой, помимо элементов, широко распространенных в Восточной Европе в эпоху бронзы, имеется ряд весьма специфических черт, в балановской культуре не представленных. Далее, оказалось, что племена абашевской культуры сменили балановцев далеко не на всей территории их обитания. Балановское население было не только предшественником, но и современником абашевских племен. Именно поэтому на определенном этапе у тех и других были распространены одни и те же металлические орудия. Более того, имеются данные, свидетельствующие о том, что балановская культура в ряде районов Среднего Поволжья сохранялась вплоть до начала I тыс. до н. э., когда абашевских племен уже не было. О. Н. Бадер и А. Х. Халиков полагают, что к концу II и началу I тыс. до н. э. относится особый этап в истории балановской культуры — хула-сючский, названный так по имени городища Хула-Сюч в Чувашской республике, открытого и исследованного П. Д. Степановым. В хула-сючской керамике заметно некоторое влияние степной срубной культуры эпохи поздней бронзы. И наоборот, на керамике поселения позднесрубной культуры, находящегося около с. Комаровки на р. Усе, обнаружены позднебалановские, хула-сючские мотивы.⁵¹

Все это убедительно свидетельствует против генетического родства балановских и абашевских племен.

Не находит подтверждения также и мысль А. П. Смирнова о происхождении абашевской культуры в результате синтеза балановских элементов с элементами степной срубной культуры. Балановские племена не были тесно связаны с населением степей. Археологам не известны факты, указывающие на процессы смешения балановского и срубного населения в период, предшествующий появлению абашевской культуры. Более того, как выяснилось, абашевская культура возникла отнюдь не позже срубной, а вместе с ней или, что еще более вероятно, несколько раньше. Металлические изделия, известные по абашевским древностям, — плоские и вислообушные топоры, наконечники копий со свернутой втулкой — в степном Поволжье встречаются не столько в погребениях срубной культуры, сколько в более ранних, так называемых полтавкинских погребениях. В Южной Башкирии К. В. Сальниковым было исследовано место древнего поселения с двумя культурными наслоениями: нижним абашевским и верхним, относящимся к срубной культуре. По-видимому, лишь в течение непродолжительного времени, в третьей четверти II тыс. до н. э., абашевская и срубная культуры существовали одновременно. Об этом говорят одинаковые формы бронзовых кинжалов и некоторых других металлических изделий. В пограничных районах, в курганах срубной культуры раннего типа, иногда встречаются глиняные сосуды, напоминающие абашевские.

А. Х. Халиковым была высказана мысль о решающей роли в формировании абашевской культуры древнего населения восточноевропейских степей — племен ямной культуры, той их группы, которая обитала в области Окско-Донского междуречья. В этих местах известна керамика, близкая абашевской, курганы раннего времени с обрядом погребения, приближающимся к абашевскому, а также бронзовые предметы соответствующих форм. Эта мысль в общих чертах совпадает с соображениями, изложенными по этому поводу П. П. Ефименко и мной. Нам лишь пред-

⁵¹ О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 61; П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях; А. Х. Халиков и Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы, стр. 265—268.

ставляется, что древний центр абашевских племен следует отодвинуть несколько дальше на запад, ближе к Среднему Поднепровью, о чем говорят некоторые элементы их культуры, находящие аналогии в среднеднепровской культуре гатинского типа.

На Среднем Днепре в глубокой древности был известен обряд погребения на спине, с подогнутыми ногами, под курганной насыпью. Среди среднеднепровской керамики имеются формы, которые могли послужить прототипами как для реберчатых, так и для колоколовидных абашевских сосудов. Здесь применялось лощение керамики; древней традицией была примесь к глине мелко толченой раковины, что характерно для абашевского гончарства. В среднеднепровской культуре распространены хорошо знакомые абашевцам метопический и шахматный узоры, а также такой характерный мотив орнамента, как окаймление геометрического узора рядами неглубоких ямок. Ни в одной другой восточноевропейской культуре, предшествовавшей абашевской, не встречалось такого сочетания элементов орнамента. Я не предполагаю, конечно, что абашевская культура находилась в прямой генетической связи со среднеднепровской. Но она развивалась в условиях контакта с ней в области, лежащей на восток от Среднего Днепра.⁵²

Итак, появление абашевской культуры в лесостепном Поволжье не было автохтонным процессом. Ее носители пришли в Поволжье извне, причем не с юга или востока, а с юго-запада. Их движение было как бы последней волной тех больших переселений, исходной областью которых являлись области Северного Причерноморья и Поднепровья. Абашевские племена уже не относятся к племенам шнуровой керамики. Их культура — культура эпохи бронзы — сложилась в последующий исторический период, в иной культурно-исторической обстановке. Но генетически они восходят именно к этой группе племен.

В Поволжье абашевские племена вытеснили балановцев из междуречья правых притоков Волги — Суры и Свияги, затем распространились в области Левобережья, и наконец их группы продвинулись по полосе лесостепи вплоть до Урала. А. Х. Халиков, изучавший абашевские курганы в Левобережье, справедливо датировал их более поздним временем, чем правобережные. О более молодом возрасте приуральских памятников по сравнению с поволжскими писал К. В. Сальников.⁵³

Мне представляется, что причиной передвижения абашевских племен в Поволжье было их стремление овладеть источниками металла — меди. Как известно, Казанское Поволжье богато пермскими медистыми песчаниками. Вероятно, именно этим объясняется концентрация здесь как балановского, так впоследствии и абашевского населения. Рядом лежали земли так называемых приказанских племен — одной из групп местного населения, речь о которой пойдет в следующей главе. Сюда стремились и соседние степные племена. В течение бронзового века здесь господствовали напряженные отношения между племенами. Об этом свидетельствуют найденные в Поволжье между Сурой и Камой многочисленные клады медных и бронзовых изделий. В часы военной опасности люди прятали свое имущество, которое зачастую оставалось лежать в земле. Археологи хорошо знают, что в древности обилие кладов являлось постоянным спутником военной обстановки.

⁵² А. Х. Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА, № 97, 1961, стр. 225; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, 1961, стр. 86—89.

⁵³ А. Х. Халиков. Памятники абашевской культуры. . . , стр. 218—219; К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале, стр. 85 и сл.

Нельзя не обратить внимание и на то, что в Поволжье абашевские племена, в отличие от балановцев, не оставили после себя ясных следов долговременных поселений. Здесь наблюдалась, вероятно, такая же картина своеобразной непрочной оседлости, какая полтысячелетием раньше сложилась в Верхнем Поволжье в среде фатьяновских племен, оказавшихся в окружении чуждого и враждебного ему охотничье-рыболовческого населения.

А. Х. Халиков предполагает, что «документом» враждебных балановско-абашевских отношений является исследованный им Пепкинский курган, находящийся около г. Васильсурска. Под насыпью оказалась братская могила 28 абашевских воинов, погибших во время сражения. В их костях торчали кремневые наконечники стрел, бывшие в употреблении у балановских племен. Следует лишь отметить, что такими же наконечниками (треугольниками с жальцами) пользовались и сами абашевцы. Поэтому Пепкинский курган правильнее рассматривать лишь как «документ» напряженной межплеменной обстановки, существовавшей в то время в данной области Поволжья.⁵⁴

Проникновение абашевцев на Урал преследовало, вероятно, те же самые цели — овладения месторождениями меди. Интересно, что на территории Башкирии, в местах, которые в эпоху бронзы по сравнению с Поволжьем были относительно слабо заселены, имеются остатки долговременных абашевских поселений — селища Баланбаш, Урняк, Ахмерово и др., свидетельствующие о прочном оседлом скотоводческо-земледельческом быте.⁵⁵

В последующие периоды первобытной истории, в эпоху поздней бронзы и раннего железа, в Среднем Поволжье и Приуралье не известно ни одной археологической культуры, носителей которой можно было бы считать бесспорными потомками абашевских племен. По-видимому, они рассеялись среди более многочисленного местного населения — турбинского, приказанского, срубного, в Южном Приуралье андроновского — и были мало-помалу ассимилированы. Таков был итог их беспокойной и полной опасностей жизни. То, что в данном случае нужно говорить именно о процессе ассимиляции, а не об исчезновении или уничтожении этих племен, доказывается тем наследием, которое они после себя оставили. Абашевские формы металлических украшений, обильно покрывавшие женскую одежду, получили дальнейшее развитие в ананьинской культуре, а позднее у племен Прикамья и Поволжья в I—II тыс. н. э. Их элементы, как указывалось выше, дожили до современности в национальной одежде марийского, чувашского и мордовского народов.

Абашевские элементы в ананьинской культуре привели А. П. Смирнова к мысли, что абашевские племена были предками ананьинцев, обитавших в Прикамье в раннем «железном веке». Связующим звеном между древностями тех и других, по его мнению, являются Маклашевские курганы. К. В. Сальников также писал об абашевско-ананьинских генетических связях.

Следует, однако, иметь в виду, что среди ананьинцев были ярко выраженные монголоиды. В их культуре налицо многочисленные зауральские элементы — каменные стелы, звериный стиль, некоторые формы орудий. Важнейшим компонентом ананьинского населения послужил массив местных приказанских и турбинских племен. Абашевское население

⁵⁴ А. Х. Халиков и Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы, стр. 265.

⁵⁵ К. В. Сальников. 1) Абашевская культура на Южном Урале; 2) Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии. КС, в. 67, 1957.

ние в процессе формирования финно-угорской культуры могло сыграть лишь третестепенную, явно подчиненную роль, постепенно растворившись в местной среде.⁵⁶

Племена боевых топоров в Восточной Прибалтике

К северу и северо-западу от верховьев Днепра и Волги — по верхнему и среднему течению Западной Двины, на Валдайской возвышенности, в бассейне оз. Ильмень и по восточному побережью Чудского озера — могильники типа среднелепельских или фатьяновских пока не обнаружены. Но здесь неоднократно делались находки каменных боевых топоров, свидетельствующие о том, что пастушеские племена шнуровой керамики посещали и эти местности. Находки каменных топоров как бы соединяют Поднепровье и Поволжье еще с одной областью Восточной Европы, куда на рубеже III и II тыс. до н. э. в значительном количестве проникли племена шнуровой керамики, — с Юго-Восточной и Восточной Прибалтикой. Древности этих племен обычно называются здесь культурой ладьевидных или боевых топоров.

Следы пребывания пастушеских племен шнуровой керамики известны в Прибалтике преимущественно в прибрежных областях — на побережье Гданской бухты, на полуострове Неринга (Куршская коса), вокруг Куршского залива, по юго-западному и южному побережью Рижского залива, на островах Саарема и Муху, в Центральной и Северной Эстонии. Чем дальше от побережья Балтийского моря, тем число находок, относящихся к культуре боевых топоров, все более уменьшается. На территории Финляндии, судя по карте, составленной А. Европеусом, наблюдается такая же точно картина. Памятники культуры боевых топоров сосредоточиваются в областях, примыкающих к северному побережью Финского залива и к южной части восточного берега Ботнического залива. Следовательно, в Прибалтике пастушеские племена проникали далеко не во все области, занятые ранее местными охотничье-рыболовческими племенами. Более того, районы их обитания в некоторых местностях не совпадали с местами сосредоточения охотничье-рыболовческих поселений. Такие факты были отмечены и в Эстонии, и в Финляндии. Словом, здесь наблюдалась примерно такая же картина, как и во многих других областях лесной полосы Восточной Европы, где местные рыболовы-охотники и пришлые пастушеские племена обитали преимущественно в разных, хотя и смежных районах.

Культура прибалтийских племен шнуровой керамики полнее всего изучена в юго-восточной части Прибалтики. Здесь исследованы несколько могильников, бескурганых и курганых, найдено множество боевых топоров. Особый интерес представляют остатки многочисленных (несколько десятков) долговременных поселений со следами обширных наземных домов столбовой конструкции. Их обитатели владели стадами домашнего скота и занимались рыболовством и охотой на морского зверя. Они изготовляли орудия труда из камня и кости и украшали свою одежду подвесками из зубов животных и янтарными бляхами. Глиняная посуда имела вид кубков преимущественно с зональной геометрической орнаментацией в верхней части, состоящей из отпечатков шнура или прочерченных линий, и шаровидных амфор разных форм, нередко с ушками около шейки или по бокам. В орнаментации были известны также методические мотивы, «шахматная доска», «елочка», треугольные фестоны.

⁵⁶ А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья, стр. 95; К. В. Сальников. К вопросу о происхождении ананьинской культуры. СЭ, 1954, № 4; А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. ТрМарАЭ, т. II, 1962, стр. 9.

В более позднее время, в первой половине II тыс. до н. э., в Прибалтике появились другие формы керамики, относящиеся к эпохе бронзы.⁵⁷

Племена шнуровой керамики в Юго-Восточной Прибалтике составляли особую локальную группу. Их культура в польской археологической литературе называется ржучевской по имени большого селища вблизи Ржучева на западном побережье Гданской бухты. Х. А. Моора склонен называть эту культуру висло-неманской. Как и большинство культур шнуровой керамики, известных в Средней Европе, ржучевская или висло-неманская культура не отличалась «этнической чистотой». В ней налицо многие элементы, представленные как в Центральной Европе по Одере и Эльбе, так и в Верхнем Повисленье и в области Поднепровья (рис. 27).

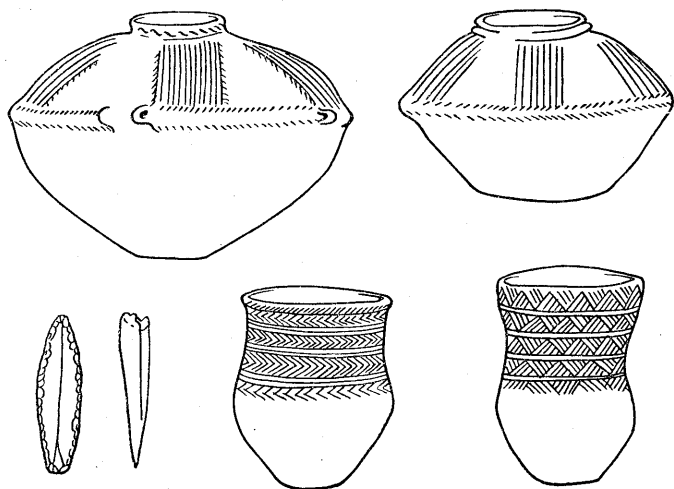

Рис. 27. Находки из селища у Ржучева (по Ю. Косшевскому и И. Зуреку).

Л. Килиан, тщательно исследовавший культуру шнуровой керамики в Юго-Восточной Прибалтике, указывает, что вследствие такого взаимопроникновения культурных элементов трудно — а может быть, и невозможно — определить границы этой культуры. Он полагает, что она вела свое начало с запада, из Центральной Европы, а появление поднепровских элементов объясняет торговыми сношениями. Последнее представляется весьма сомнительным. Х. А. Моора, вероятно, прав, полагая, что значение поднепровских элементов в висло-неманской культуре было значительно большим, чем это обычно принято считать, и что их следует объяснять не торговыми, а скорее всего генетическими связями.⁵⁸

Первоначально предполагалось, что культура боевых топоров на восточном побережье Балтийского моря, т. е. на территории Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, является ответвлением висло-неманской, что пастушеские племена двигались на север вдоль морского побережья. Х. А. Моора показал, что это далеко не так. По его мнению, к висло-неманской группе должны быть присоединены лишь древности территории Литвы, примыкающей к Куршскому заливу. Севернее же лежала область другой группы пастушеских племен, разделенной на две части Финским заливом.

⁵⁷ I. Żurek. Osada neolityczna w Rżucewie w pow. wejherowokim i kultura rżucewska. In: *Fontes archaeologici posnanienses*, IV. Pośnań, 1954; Z. Kilian. *Haffküstenkultur und ursprung der Balten*. Bonn, 1955.

⁵⁸ L. Kilian. *Haffküstenkultur*... , стр. 108, 112—113; Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен, стр. 16.

Граница между племенами Юго-Восточной (висло-неманская группа) и Восточной Прибалтики являлась, вероятно, также весьма неопределенной. Ее трудно провести и потому, что в пределах Литовской и Латвийской ССР, где эта граница должна проходить, известно очень мало древностей, принадлежавших племенам боевых топоров. На своей карте А. Я. Брюсов провел эту границу по течению Немана, справедливо присоединив древности полуострова Неринга к висло-неманской группе. Х. А. Моора наметил пределы висло-неманской группы значительно севернее, почти у Рижского залива. Кроме того, на карте Х. А. Моора имеется еще одна граница, охватывающая территорию Эстонии, в рамках которой, по его мнению, находилась особая эстонская группа племен боевых топоров.⁵⁹ Но такая дробность вряд ли отвечала действительности. Если Х. А. Моора прав, думая, что эстонская группа генетически была связана с Поднепрорьем, то ее территория не могла не распространяться на поречье Западной Двины, которое было наиболее вероятным путем, связывающим Поднепрорье и Верхнее Поволжье с Восточной Прибалтикой.

В настоящее время на территории Латвии и Эстонии известно до 30 могильников, принадлежавших племенам боевых топоров. В большинстве случаев они были обнаружены случайно, при земляных работах, и раскапывались без участия археологов. Лишь некоторые из них подверглись научному исследованию. Это могильник около д. Сопе на южном побережье Финского залива, могильники у деревень Арду и Кунила в Средней Эстонии и др. Во всех случаях могильники не имели курганных насыпей. Они располагались на песчаных всхолмлениях и содержали небольшое количество погребений, обычно до пяти, часто меньше и лишь в единичных случаях больше. Погребенные лежали в неглубоких ямах, на боку, в скорченном положении. В могилы клались плоские каменные топоры, боевые топоры, другие каменные орудия, украшения из зубов животных, подвески из шифера или янтаря и глиняные сосуды. Были встречены также кости животных; они принадлежали домашнему скоту — свиньям, козам, овцам и, кажется, крупному рогатому скоту.⁶⁰

Керамика в эстонских могильниках встречается относительно в небольшом количестве. Характерными являются колоколовидно-грушевидные сосуды с уплощенным дном и плавно отогнутым венчиком, украшенные в верхней части несложным зональным орнаментом из нарезок или ямок. Такие же сосуды происходят с Карельского перешейка и из Финляндии. Многие из них орнаментированы по шейке многократными отпечатками шнура (рис. 28).

Можно предполагать, что эта форма сосудов является одной из древнейших в культурах шнуровой керамики, хотя и бытовала она очень долго, особенно на окраинах ареала племен шнуровой керамики, где древние элементы лучше сохранялись. Такая форма сосудов не была характерна для висло-неманской группы, но хорошо известна в Среднем и Верхнем Поднепрорье, а также в фатьяновской культуре — как в ее московском, так и в ярославском вариантах. Это обстоятельство послужило для Х. А. Моора одним из аргументов в пользу его предположения о поднепрорвском происхождении культуры боевых топоров в Восточной Прибалтике.⁶¹

⁵⁹ А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами». . . , стр. 18; Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен, стр. 12.

⁶⁰ Х. А. Моора. 1) Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КС, в. XLVIII, 1952; 2) Вопросы сложения эстонского народа. . . , стр. 65—75; Л. Ю. Янитс. Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР. КС, в. XLII, 1952.

⁶¹ Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен, стр. 16—17.

Другим аргументом в пользу этой мысли является близкое сходство восточнобалтийских и поднепровских форм боевых топоров. Правда, такие же топоры в небольшом количестве найдены и в Южной Прибалтике у висло-неманских племен, но, кажется, никто не сомневался в их поднепровском (и фатьяновском) происхождении. Предполагать, что эти топоры попали в Восточную Прибалтику через посредство висло-неманских племен, как будто бы не приходится, так как в этом случае здесь неизбежно распространились бы и другие формы топоров, известные в висло-неманской области. Этого, однако, не наблюдалось.

Небольшой антропологический материал, происходящий из могильников (три черепа), характеризует людей культуры боевых топоров как

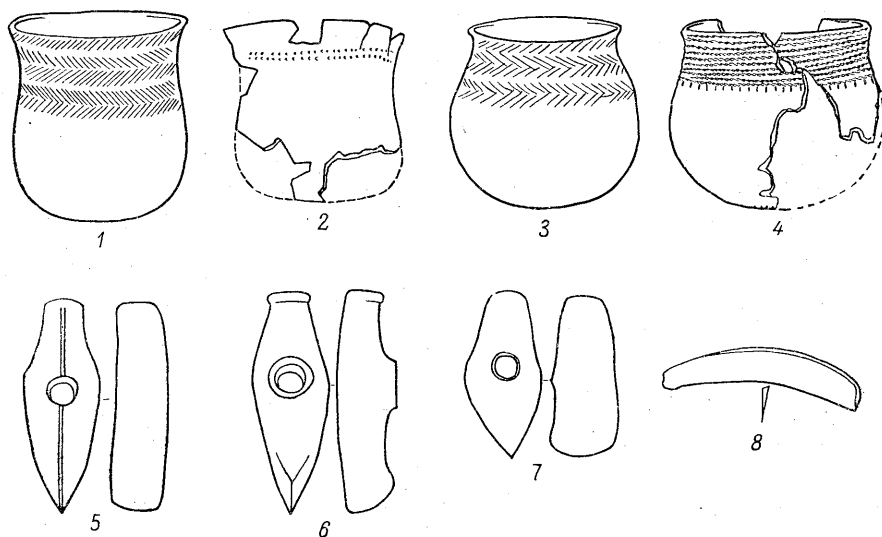

Рис. 28. Находки из могильников культуры ладьевидных топоров в Эстонии и Южной Финляндии.

1 — Тика, 2 — Сопе, 3, 4 — Южная Финляндия, 5—7 — основные типы топоров-молотов, 8 — бронзовый серп из Кивисааре.

длинноголовых проевропейцев. Они явно отличались от местного неолитического населения, были близки и фатьяновцам и среднеднепровцам, общие черты имелись у них с людьми культуры боевых топоров из Южной Прибалтики. Антропологический материал свидетельствует, что племена боевых топоров были в Прибалтике пришельцами, но исходной их территории он пока что не определяет.⁶²

Кроме могильников и многочисленных отдельно найденных боевых топоров, происходящих, вероятно, в большинстве случаев из разрушенных погребений, на территории Латвии и Эстонии известны и остатки поселений. Одно из них находится в Латвии, на Курземском п-ове, другое — в юго-восточной части республики. На территории Эстонии, судя по карте, составленной Л. Ю. Янитсом, поселения со шнуровой керамикой имеются около устья р. Нарвы и в центральной части около северного побережья оз. Выртсыярв. Кроме того, в пределах Латвии и Эстонии шнуровая керамика, принадлежащая племенам боевых топоров, несколько раз была встречена при изучении стоянок местного неолитического поселения. Перечень этих стоянок дан Л. Ю. Янитсом, а карта — Х. А. Моора. Условия залегания шнуровой керамики на некоторых

⁶² К. Ю. Марк. Вопросы этнической истории эстонского народа. . . , стр. 229—231; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу, стр. 393—407.

стоянках, к сожалению, не позволяют решить вопрос: составляла ли она содержание отдельного слоя или же была вкраплена в наслоение неолитической культуры. Этим, очевидно, объясняются расхождения в определении некоторых стоянок, имеющиеся в работах Х. А. Моора и Л. Ю. Янитса.⁶³

Наличие остатков поселений, принадлежавших племенам боевых топоров, говорит о том, что в Прибалтике они завоевали относительно прочное положение. В более южных районах, в Юго-Восточной Прибалтике, они несомненно превратились в господствующую силу, стали хозяевами морского побережья и прилегающих к нему областей. Частая цепочка их поселков на берегу Гданской бухты и на полуострове Неринга показывает, что они освоились с местными условиями и, кроме скотоводства, занялись рыболовством и морским промыслом. Охотничье-рыболовческая культура, распространенная ранее в Юго-Восточной Прибалтике, с появлением племен шнуровой керамики навсегда исчезла. Племена последующего времени, эпохи бронзы — гробские, ивиенские и др., — по справедливому заключению Ю. Косшевского,⁶⁴ сложились на основе племен шнуровой керамики, сохраняя многие характерные элементы их культуры.

В более северных областях, на восточном побережье Балтийского моря, положение было иным. Здесь племена боевых топоров обитали бок о бок с местным охотничье-рыболовческим населением, так же как это было в Верхнем Поволжье, но, судя по находкам шнуровой керамики в культурных слоях поздненеолитических стоянок Эстонии и Финляндии, не находились в состоянии такой изоляции от местного населения, в какой пребывали в Поволжье фатьяновские племена. Каким образом складывались отношения между пастушескими и охотничье-рыболовческими племенами, остается пока неизвестным. Прибалтийские археологи утверждают, что находки шнуровой керамики известны в культурных слоях стоянок лишь с поздней ямочно-гребенчатой керамикой.⁶⁵ Это создает некоторые трудности с хронологией, так как такие стоянки вряд ли можно датировать раньше второй четверти II тыс. до н. э., тогда как появление племен шнуровой керамики в Прибалтике, по совокупности всех данных, относится к началу II тыс. до н. э. Следует, вероятно, допустить, что в ранний период контакт племен шнуровой керамики с местным охотничье-рыболовческим населением был сравнительно слабым и его следы не отразились на материале неолитических стоянок того времени (с типичной ямочно-гребенчатой керамикой). В последующем же отношения между теми и другими племенами (мирные или враждебные?) привели к обмену элементами материальной культуры. Окончательные итоги этих отношений уже достаточно прояснились. Пастушеские племена шнуровой керамики в пределах территории Эстонии и Финляндии не сумели сохранить свои культурные традиции и через несколько столетий, к концу II тыс. до н. э., растворились среди местного населения. Особенно хорошо этот вопрос прослежен А. Европеусом и С. Ф. Мейнандером в Финляндии. Сначала культура боевых топоров вследствие контакта с местным населением и приспособления к условиям севера приобрела там своеобразные черты, а затем как бы слилась с местной культурой при явном превосходстве ее охотничье-рыболовческих культурных элементов. С. Ф. Мейнандер обобщил материалы большой группы стоянок середины и второй половины II тыс. до н. э., получивших наименование

⁶³ Л. Ю. Я н и т с. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустьях р. Эмайыги. Таллин, 1959, стр. 162, 344; Х. А. М о о р а. Вопросы сложения эстонского народа. . . , стр. 66.

⁶⁴ J. K o s z t r z e w s k i. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Encyklopedia Polska, IV, 1, 5, Kraków, 1939—1948, стр. 198—201.

⁶⁵ Л. Ю. Я н и т с. Поселения эпохи неолита и раннего металла. . . , стр. 299.

культуры Киукайнен. Она была распространена в южных и юго-западных областях Финляндии, там, где в предыдущий период расселились племена боевых топоров. Керамический материал и каменные изделия культуры Киукайнен как бы отражают процесс поглощения культуры боевых топоров местной поздненеолитической культурой.⁶⁶

Очевидно, такая же картина наблюдалась и на территории Эстонии, Л. Ю. Янитс указывает, что в нескольких пунктах Эстонии имеется керамика типа Киукайнен.⁶⁷ Два известных в Эстонии могильника середины и второй половины II тыс. до н. э. и один подобный им могильник в Латвии также могут служить доказательством протекавшего здесь процесса смещения двух групп населения. Могильник на оз. Тамула, относящийся скорее всего к третьей четверти II тыс. до н. э., содержал погребения двух типов — лежащие на спине в вытянутом положении, по общему облику и инвентарю сохраняющие неолитические традиции лесной полосы Восточной Европы, и скорченные, лежащие на боку, похожие на погребения с боевыми топорами. Могильник Тамула расположен на площади стоянки с поздней ямочно-гребенчатой керамикой. В верхнем слое стоянки найдена керамика, по мнению Л. Ю. Янитса, напоминающая бологовскую и керамику типа Киукайнен, вместе с которой встречены обломки шнуровой керамики. Именно с этим верхним слоем должен быть связан и могильник, погребения которого, лежащие сравнительно неглубоко, находились в культурном слое, в его нижних и средних горизонтах.⁶⁸ Другой могильник расположен на северном побережье оз. Выртсьярв около Кивисааре. Судя по найденному в одном из его погребений бронзовому серпу, он относится к последней четверти II тыс. до н. э. В могильнике открыты 24 погребения в вытянутом положении, на спине. С ними найдены просверленные зубы животных, кремневые скребки, обломки глиняных сосудов. По общему облику могильник приближается к поздненеолитическим. Но обломки глиняной посуды, найденные при раскопках, принадлежат к поздней шнуровой керамике. Здесь, следовательно, были погребены люди из племени боевых топоров, усвоившие местный погребальный обряд. Над могилами встречены остатки какой-то кладки (?) из валунов разной величины. Возможно, в этом следует видеть древнейшее проявление прибалтийско-финской традиции окружать захоронения кладками или оградами из валунов. На территории Латвии подобного же рода могильник с элементами культуры местных и пришлых племен исследован около Крейчи в районе Лудзенского озера.⁶⁹

В дальнейшем развитие культуры в Восточной Прибалтике пойдет в основном теми же путями, что и в соседних восточных областях, в частности в Верхнем Поволжье, где традиции племен шнуровой керамики также оказались прерванными. Разница заключалась лишь в том, что в Восточной Прибалтике племена боевых топоров сделали крупный вклад в экономическое развитие страны, положив начало скотоводческому, а может быть, и земледельческому хозяйству, тогда как в Верхнем Поволжье фатьяновское скотоводство, по-видимому, не было усвоено местным населением и исчезло вместе с фатьяновскими племенами.

⁶⁶ С. F. Meinander. Die Kiukaiskultur. SMuA, 53, 1954.

⁶⁷ Л. Ю. Я н и т с. 1) Поселения эпохи неолита и раннего металла. . . , стр. 107; 2) Новые данные по неолиту Прибалтики. СА, в. XIX, 1954, стр. 202 и сл.

⁶⁸ Л. Ю. Я н и т с. Новые данные по неолиту Прибалтики, стр. 177, 202—204.

⁶⁹ M. Volz. Neolithische Gräberfeld von Kiwisaa in Livland. Балтийский сборник исследований по археологии и истории. Труды Предварительного комитета по устройству XVI АС в Пскове 1914 г. Рига, 1914, стр. 15—32; F. Zagorskiš. Kreišu neolīta kapulauks. АЕ, III, 1961; Р. Д е н и с о в а. Палеоантропологический материал из неолитического могильника Крейчи. СЭ, 1960, № 3.

Итак, в результате сделанного выше краткого обзора археологических данных становится очевидным, что судьбы пастушеских племен шнуровой керамики в разных частях лесной полосы Восточной Европы оказались неодинаковыми. В одних областях пастушеские племена, пришедшие из южных областей, прочно утвердились на новых местах. Они сумели одержать верх над местным населением, хорошо приспособились к новым условиям жизни и в итоге определили пути дальнейшего культурно-этнического процесса. Так было в области Верхнего Поднепровья и в Юго-Восточной Прибалтике. К таким же итогам, как известно, привело расселение пастушеских племен в ряде областей Центральной и Северной Европы. В других восточноевропейских областях племена шнуровой керамики просуществовали сравнительно недолго. Они не смогли сохранить свою культуру и этнические особенности, рано или поздно подверглись ассимиляции или же были уничтожены местными племенами. Так закончилась попытка пастушеских племен утвердиться в Верхнем и Среднем Поволжье и продвинуться еще дальше на восток по направлению к Уралу, вероятно для овладения месторождениями меди. Не сохранились пастушеские племена также и в Восточной Прибалтике. Здесь, как и в Поволжье, более жизнеспособным оказалось предшествующее им охотничье-рыболовческое население.

В результате всех этих процессов, во второй половине II тыс. до н. э. восточные пределы территории племен шнуровой керамики (точнее — их потомков) значительно сузились. Они уже не захватывали обширных пространств в Поволжье, их не было на побережье Финского залива. Их восточные границы проходили от Рижского залива к верховьям Днепра и далее на юг, сначала по междуречью Днепра и Оки, а затем, в полосе лесостепи, по днепровско-донскому водоразделу. Границы эти были, конечно, очень неотчетливыми. Более того, вне их, в области Среднего Поволжья, вплоть до начала I тыс. до н. э. сохранялись отдельные группы балановских племен. А внутри области, занятой потомками племен шнуровой керамики, были местности, где продолжало обитать старое неолитическое население, сохранившее свою культуру. Такие местности лежали в лесных и болотистых областях правобережья Верхнего Днепра, в верхнем течении Немана, по левым притокам Припяти и по правым притокам Западной Двины. Здесь не обнаружено каких-либо отчетливых следов культуры бронзового века, подобной культурам Верхнего Поднепровья, Повисленья или Юго-Восточной Прибалтики. Но эти отдельные группы населения, этническая судьба которых уже была предрешена, не меняли основной картины. Если раньше, до появления пастушеских племен, вся лесная полоса Восточной Европы была занята населением с охотничье-рыболовческой культурой, хотя и различным по происхождению и этническим особенностям, но объединенным многими общими чертами, то теперь юго-западная и северо-восточная части лесной полосы резко размежевались по составу населения. Отныне решающей силой в историческом и этногенетическом процессе в юго-западной части лесной полосы стали пастушеские племена шнуровой керамики и их прямые потомки, а в северо-восточной части — продвигнувшиеся на запад охотничье-рыболовческие племена уральско-камской группы, речь о которых шла в предыдущем очерке. Западные пределы их расселения, вероятно, не случайно достигали примерно только что обрисованной восточной границы потомков племен шнуровой керамики, окончательно установившейся во второй половине II тыс. до н. э. В основных своих чертах эта граница, разделяющая две этнокультурные груп-

ны населения лесной полосы Восточной Европы, просуществовала в дальнейшем почти 2000 лет.

Выше уже шла речь о том, что племена шнуровой керамики нередко рассматриваются в археологии в качестве предков трех родственных индоевропейских группировок — славянской, балтийской и германской. При этом естественнее всего предполагать, что в северной и западной части ареала племен шнуровой керамики расселились предки германцев, в южной и центральной — предки славян, а северо-восточную, включающую в свои пределы Юго-Восточную Прибалтику и Верхнее Поднепровье, заняли предки племен балтийской группы. Разумеется, это предположение отнюдь не касается вопроса о степени лингвистической дифференциации и составе предков славян, германцев и балтов во II тыс. до н. э. Слово «предки» употребляется мной весьма в условном значении. Кроме этих племен, среди носителей культуры шнуровой керамики и их потомков имелись несомненно и другие индоевропейские группировки, позднее исчезнувшие в ходе этнической интеграции.

Наиболее спорным вопросом, с которым здесь приходится сталкиваться, является вопрос о характере балто-славянских отношений и связей. Как известно, многие авторитетные исследователи, например польский славист Т. Лер-Сплавинский и болгарский лингвист В. Георгиев, до последнего времени продолжали защищать уж давно высказанную лингвистами мысль о существовании в далеком прошлом единой, недифференцированной балто-славянской группировки индоевропейских племен, лишь впоследствии распавшейся на славян и балтов. По мысли Т. Лер-Сплавинского, носителями балто-славянского единства как раз и являлись племена шнуровой керамики. Таких же или близких взглядов придерживаются и некоторые археологи, в частности В. Хенсель.⁷⁰

Но подавляющее большинство лингвистов, в том числе советские исследователи, отвергают гипотезу балто-славянской общности, как несостоятельную и с фактической, и с методологической стороны. Многочисленные соответствия в славянских и балтийских языках, никем не отрицаемые, рассматриваются при этом как итог длительного соседского развития этих индоевропейских языков, как следствие длительных и тесных контактов между ними. Впервые соображения такого рода были высказаны в начале 20-х годов известным французским языковедом А. Мейе. В последнее время, в результате значительного уточнения методики лингвистических исследований, позиции противников балто-славянского единства еще более укрепились.⁷¹

В настоящее время археологи еще не могут вмешиваться в эту лингвистическую дискуссию без риска усложнить и запутать вопрос. Археологические данные позволяют рассматривать племена шнуровой керамики в качестве обширной родственной группы, заметно отличающейся по особенностям культуры от старого населения Центральной и Северной Европы и тем более от старых обитателей лесной полосы Восточной Европы. Но пока что археологические материалы очень мало говорят о составе этих племен и о происходящих в их среде этногенетических переменах. Археологические данные трудно сопоставить с лингвистическими еще

⁷⁰ Т. L e h r - S p l a w i ń s k i. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946, стр. 135—136; В. Г е о р г и е в. Балто-славянский, германский и индо-иранский. СФ, I, 1958; W. H e n s e l. Etude sur la communauté culturelle archéologique balto-slave. In: Rivista di Scienze Preistoriche, XIII, 1—4, 1958.

⁷¹ А. M e i l l e t. Les dialectes indo-européens. Paris, 1922; С. Б. Б е р н ш т е й н. Балто-славянская языковая общность. СФ, I, 1958; В. В. И в а н о в и В. Н. Т о п о р о в. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. IV Международный съезд славистов. Доклады, М., 1958; Б. В. Г о р н у н г. К дискуссии о балто-славянском языковом и этническом единстве. ВЯ, 1958, № 4.

и потому, что хронологические рамки спорной балто-славянской общности определяются ее защитниками весьма по-разному.

Большинство археологов исходят ныне из предположения, что племена шнуровой керамики в период, последующий за их расселением, уже являлись отнюдь не аморфной группой первобытных предшественников славян, германцев и балтов, а вполне определившимися предками этих этнических групп. В частности, их северо-восточная группировка рассматривается как протобалтийская. Такую мысль высказывали многие археологи. Среди них назову Ю. Коспевского, И. Зурека (исследователя селища у Ржучева), Л. Килиана, М. Гимбутас, работы которых упоминались выше, и др. Все они исходили главным образом из того, что в последующие периоды на территории Юго-Восточной Прибалтики, судя по археологическим данным, как будто бы не наблюдалось никаких существенных передвижений населения, способных нарушить преемственность в развитии культуры. Наиболее всесторонние исследования, посвященные вопросу о северо-восточной группе племен шнуровой керамики как предках балтов, принадлежат Х. А. Моора, который не только мобилизовал разнообразный археологический материал, но и сопоставил его с некоторыми данными языкознания.⁷²

Прежде всего Х. А. Моора обратил внимание на близкое соответствие территории северо-восточной группы племен шнуровой керамики и их непосредственных, а также и более отдаленных потомков — племен эпохи бронзы и раннего железа — с областью распространения балтийской топонимики (гидронимии). Последняя, как известно, лежит плотным слоем в пределах бассейна Немана, в поречье Западной Двины, в Верхнем Поднепровье, в области верхнего течения р. Оки и заходит в западные пределы Волго-Окского междуречья. Северо-восточная и восточная границы балтийской топонимики в основных чертах проходят по тем местностям, что и обрисованные выше границы северо-восточных групп племен шнуровой керамики, окончательно установившиеся во второй половине II тыс. до н. э. В тех же местах, где племена шнуровой керамики по тем или иным причинам не сохранили своей культуры и этнической традиции (фатьяновская и балановская культура, культура боевых топоров в Эстонии и Финляндии), балтийской топонимики не имеется.

Другим аргументом в пользу того, что эта группа племен шнуровой керамики являлась древнебалтийской или протобалтийской, служит заметное соответствие археологических данных, характеризующих культуру этих племен и сопутствующую им общую обстановку в Восточной Прибалтике, с лексикой балтийских заимствований в прибалтийско-финских языках — финском, эстонском, карельском, ливском и др., — о чем уже коротко упоминалось выше. Во всех этих языках имеется мощный пласт балтийской лексики, очень разнообразной по своему составу, относящейся, по мнению лингвистов, к глубокой древности — к каменному или бронзовому периодам. Значительная численность и состав балтийской лексики свидетельствуют о том, что в период ее проникновения в финские языки между балтами и прибалтийско-финскими племенами существовали несравненно более тесные связи, чем связи, обычные для соседних племен. Наконец, что особенно интересно, большое место среди балтийских заимствований занимает лексика, связанная со скотоводческим хозяйством и отчасти с земледелием. В эстонском и финском языках наименования большинства домашних животных и многие другие термины, связанные со скотоводством, имеют древнебалтийское происхождение. Балтийским является и слова «пастух» (paimen, финск.),

⁷² Х. А. Моора. 1) Вопросы сложения эстонского народа. . . , стр. 67—75; 2) О древней территории балтийских племен.

«пасти скот» (raimendama, эст.), «пастуший рожок» (tori, эст.).⁷³ Создается впечатление, что древние прибалтийско-финские племена познакомились со скотоводством — а может быть, и с земледелием — у древних балтов.

В то же время археологические данные свидетельствуют, что обитатели Восточной Прибалтики — предки прибалтийско-финских племен — впервые познакомились со скотоводством именно у племен шнуровой керамики. Произошло это во II тыс. до н. э., на грани каменного и бронзового периодов, в обстановке тесных (мирных и враждебных) взаимоотношений между местными и пришлыми племенами, а затем и ассимиляции одних племен другими. Отсюда следует, что расселившиеся в Восточной Прибалтике племена шнуровой керамики принадлежали к предкам древних балтов. И с этим предположением трудно не согласиться.

По мнению Х. А. Моора, древними балтами или прабалтами являлись не только племена шнуровой керамики в Юго-Восточной Прибалтике и Поднепровье, но и родственное им пастушеское население, проникшее в свое время в область Верхнего и Среднего Поволжья, — фатьяновские и балазовские племена. При этом Х. А. Моора и здесь обращает внимание на их возможные следы в языке, а именно — на древние балтийские заимствования в поволжско-финских языках, ссылаясь при этом на мнение крупнейшего специалиста по балто-финским языковым отношениям В. Кипарского и на недавно опубликованную работу Б. А. Серебrenникова.⁷⁴ Здесь можно вспомнить также о каких-то древних, как будто бы индоевропейских, элементах в чувашском языке. На них в свое время обратил внимание Н. И. Ашмарин, а Н. Я. Марр рассматривал эти элементы в качестве одного из аргументов своей гипотезы о «чуваших-яфетидах на Волге».⁷⁵ Быть может, и здесь в языке сохранились отзвуки очень отдаленного времени, связанные с пребыванием в Поволжье балановских племен?

Вопрос о западной и юго-западной границах древних балтов во II тыс. до н. э. является далеко не решенным. Я уже упоминал о том, что в Средней Европе, в центральных частях ареала племен шнуровой керамики, их локальные группы отделяются друг от друга весьма неточно, благодаря перекрестному смешению культурных элементов. Древние балты на западе и юго-западе граничили с родственными им по культуре и языку племенами — германскими и славянскими, — что, очевидно, также не способствовало установлению более определенных границ. Исходя из топонимики и размещений археологических культур середины и второй половины II тыс. до н. э., можно предполагать, что бассейн Вислы, за исключением низовьев этой реки, находился за пределами древнебалтийского ареала. В середине II тыс. до н. э. Среднее и Верхнее Повисленье с бассейном Западного Буга принадлежало племенам тшинецкой культуры, генетически связанным с племенами шнуровой керамики и принадлежащим, по мнению большинства археологов, к древним славянам или праславянам. Места поселений этой культуры известны и по правым притокам Припяти вплоть до поречья Среднего Днестра.

В итоге, обращаясь к археологическим признакам племен шнуровой керамики — древних балтов, — можно полагать, что такими признаками будут прежде всего элементы культуры днепровского происхождения. Среднее Поднепровье, лежащее в полосе лесостепи, вырисовывается, сле-

⁷³ Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа. . . , стр. 74; П. А. Аристе. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. ВЭИЭН, 1956, стр. 12—15.

⁷⁴ Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен, стр. 21; Б. А. Серебrenников. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР, близкого к балтийским языкам. Тр. АН Литовской ССР, серия А, в. 1 (2), Вильнюс, 1957.

⁷⁵ Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Избранные работы, т. 5, Л., 1935.

довательно, в качестве территории, где сложились основы балтийской группы племен.

Предположение о древней территории балтов в области Среднего Поднепровья, на первый взгляд, находится в противоречии с некоторыми данными сравнительного языкознания. На их основании принято считать, что балтийские языки развивались в условиях тесного контакта с германскими и славянскими языками, по соседству с финно-угорским миром, но без сколько-нибудь ощутимого соприкосновения с языками иранской группы. При этом предполагается, что балты были отделены от восточных иранцев мощным славянским заслоном. Если же балты сложились в Среднем Поднепровье, то их контакт с восточными иранцами или их предками, казалось бы, был неизбежным. Следует, однако, иметь в виду, что речь идет сейчас о таком отдаленном прошлом, когда размещение древних индоевропейских группировок, из которого обычно исходит сравнительное языкознание, еще не сложилось. Здесь уместно вспомнить об отдельных элементах в балтийских языках, связывающих их с некоторыми индоевропейскими языками Южной Европы. Этих элементов не было бы, если бы балтийские языки как особое явление оформились на севере уже после расселения племен шнуровой керамики.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что археологические данные вполне допускают мысль о генетической преемственности в развитии культуры, начиная от племен шнуровой керамики и кончая историческими балтами. В течение I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. в среде населения Верхнего Поднепровья и Юго-Восточной Прибалтики не наблюдалось крупных передвижений, которые могли бы коренным образом повлиять на этнический облик населения. Исключение составляло лишь распространение славянских племен, затронувшее южную и восточную окраины балтийского ареала.

Вопросу о преемственности в развитии культуры балтов с древнейших времен и до исторического времени много внимания уделили в своих работах Х. А. Моора и М. Гимбутас. В настоящей книге применительно к Верхнему Поднепровью эта тема будет освещена в последующих очерках.

ПЛЕМЕНА ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ В РАННЕМ «ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ»

«Железный век» в лесной полосе Восточной Европы

1

Во II тыс. до н. э. в результате неоднократных передвижений древних племен состав населения лесной зоны Восточной Европы значительно изменился. Повсеместно были нарушены древние границы, существовавшие в эпоху неолита, и племена различного происхождения и с разной культурой во многих местах оказались близкими соседями. Особенно пестрым в культурно-этническом отношении стало население Волго-Окского междуречья. Когда-то эта обширная область принадлежала однородным по культуре волго-окским неолитическим племенам. Теперь наряду с их потомками здесь обитали значительные группы камско-уральских протофинно-угорских племен и остатки чуждого местным традициям фатьяновского населения. Сюда же проникали отдельные балановские, а позднее абашевские племена, основная область расселения которых лежала в Среднем Поволжье, на границе леса и степи. На западе, в области Верхнего Поднепровья, обстановка была несколько проще. Но и там в смежных местностях жили различные племена — потомки туземного неолитического населения и пришлые скотоводческие племена, предки восточных балтов.

Несмотря на то что население лесных пространств продолжало оставаться очень редким, такое положение не было устойчивым и не могло сохраняться продолжительное время. Между чуждыми племенами, вероятно, не прекращались столкновения, ведущие к уничтожению отдельных групп населения и ассимиляции одних племен другими. Первыми жертвами межплеменной борьбы в Верхнем Поволжье оказались фатьяновские племена. Такая же судьба постигла в дальнейшем и другие группы населения. В результате культурно-этническая пестрота стала мало-помалу изживаться. Этому способствовали новые культурно-исторические условия, сложившиеся в конце II тыс. до н. э. Речь идет о распространении в среде охотничье-рыболовческих племен лесной полосы новых для них скотоводческого и земледельческого хозяйства, быта и культуры.

До того времени прогрессивные формы хозяйства — скотоводство и земледелие, — давно знакомые обитателям более южных частей Восточной Европы, распространялись среди охотничье-рыболовческого населения лесной полосы очень медленно. В течение многих веков они играли в экономической жизни лишь подсобную роль или же являлись достоянием отдельных общин. Даже такое крупное событие в первобытной истории,

как расселение в пределах лесной полосы пастушеских племен — среднеднепровских, фатьяновских, балановских, — овладевших значительными пространствами, не привело к существенным изменениям в культуре охотничье-рыболовческого населения. Очевидно, в то время, в первой половине и середине II тыс. до н. э., в среде охотничье-рыболовческих племен лесной полосы еще не сложились экономические и технические предпосылки, необходимые для усвоения новых форм хозяйства. Стада домашних животных, принадлежащих пришлым племенам, являлись тогда для местных обитателей лишь новым объектом охоты, что только усиливало напряженность межплеменных отношений.

В среде охотничье-рыболовческих племен лесной полосы скотоводческо-земледельческое хозяйство распространилось лишь в конце II тыс. до н. э., когда они со значительным опозданием вступили в развитый «бронзовый век». Прямым свидетельством этого является постоянное преобладание костных остатков домашнего скота над костями диких животных среди кухонных отходов, находимых при раскопках на поселениях этого времени. Существенно также, что, начиная с конца II тыс. до н. э., обитатели лесной полосы стали постепенно переносить свои поселения на новые места. Из богатых водой низменностей, удобных для охоты и рыболовства, люди переходили на сухие и ровные участки речных берегов, обычно прилегающие к поймам, более отвечающие потребностям их нового хозяйства. Такое явление отмечено археологами повсеместно — от Приуралья на востоке до Балтийского побережья на западе.

Значительные изменения претерпела к этому времени также и жизнь пастушеских племен, расселившихся в пределах лесной полосы, в области верхнего течения Днепра и в Юго-Восточной Прибалтике. Они были вынуждены приспособиться к новым условиям. В Прибалтике большую роль в их хозяйстве стали играть рыболовство и морской промысел, особенно охота на тюленей. На некоторых поселениях при раскопках было встречено множество костей этих животных. В отдаленных от моря областях потомки пришлых племен также усиленно занимались охотой и рыболовством. Но это отнюдь не значит, что развитие их экономики и культуры сделало шаг назад. Они лишь использовали открывшиеся перед ними новые возможности. Основой хозяйства продолжало оставаться скотоводство. Во второй половине II тыс. до н. э., в эпоху бронзы, потомки древних пастушеских племен несомненно широко занимались и земледелием. Об этом свидетельствуют мотыги, зернотерки и бронзовые серпы, найденные на их поселениях на территории Белоруссии и в Прибалтике.

На основе прогрессивных форм хозяйства — скотоводства и земледелия — в среде населения лесной полосы повсеместно, за исключением окраинных северных областей, сложилась новая культура. Процесс этот занял несколько столетий. Сначала им было охвачено местное население южной зоны лесной полосы и лишь затем более северные части страны. В области верхнего течения Днепра и Волги процесс сложения новой культуры, существенно отличающейся от охотничье-рыболовческой, окончательно завершился лишь ко второй четверти I тыс. до н. э., в раннем «железном веке».

Железо и железная металлургия, появление которых сыграло огромную роль в истории древней культуры, распространились среди населения лесных областей Восточной Европы примерно в те же сроки, что и в более южных областях, а не со значительным запозданием, как нередко предполагалось раньше. Отдельные находки железных изделий и первые следы изготовления железа относятся здесь к рубежу II и I тыс. до н. э. В Волго-Окской области они связываются повсеместно с древней текстильной керамикой. Таковы находки М. Е. Фосс на Галичском озере на стоянке Умиленье, где в слое с древней текстильной керамикой были найдены

в большом числе железные шлаки.¹ Я не сомневаюсь, что шлаки и железные изделия, найденные В. А. Городцовым на стоянке у с. Туровского (Галичская стоянка), тоже связываются с ранней текстильной керамикой, а не с комплексом основного культурного слоя этой стоянки, относящимся к более раннему времени. Много железных шлаков было найдено вместе с древней текстильной керамикой в верхнем слое известной Бологовской стоянки.² В 1935 г. во время моих обследований на Бологовском озере железные шлаки и древняя текстильная керамика были обнаружены на северном берегу озера, напротив Бологовской стоянки, через пролив. К культуре древней текстильной керамики относится, по-видимому, и Младший Волосовский могильник, где найдены бронзовые изделия сред-

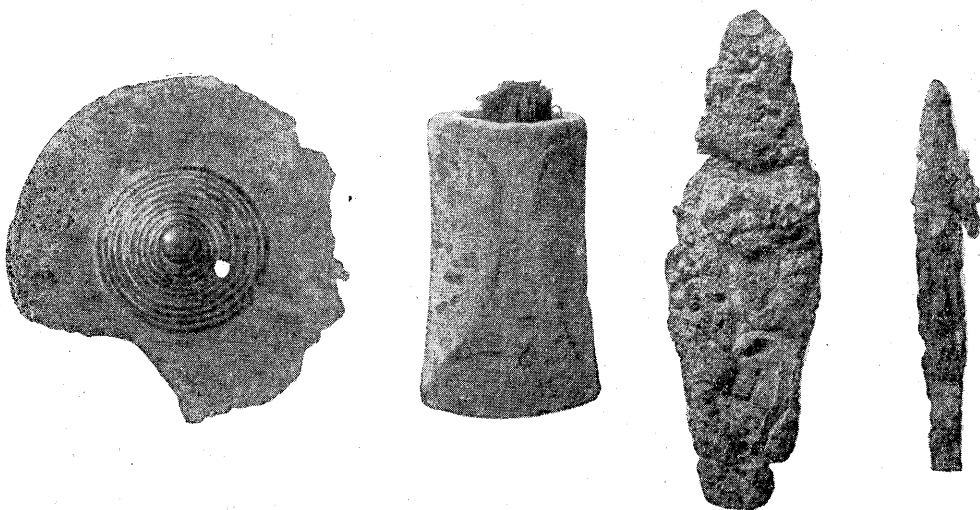

Рис. 29. Находки из Младшего Волосовского могильника (погребение 9). Раскопки В. А. Городцова. ГИМ.

неевропейских типов IX—VIII вв. до н. э. и вместе с ними — железное острие и нож (рис. 29).³

Наряду с этим в Волго-Окской области имеется ряд поселений с древней текстильной керамикой, где никаких следов железа не обнаружено. Очевидно, тогда, на рубеже II и I тыс. до н. э., железо еще не получило общего распространения. Но вскоре, ко второй четверти I тыс. до н. э., его изготовление из местных железных руд в лесной полосе Восточной Европы было освоено уже повсеместно. Железные изделия широко вошли в быт, вытесняя из обихода своих предшественников — каменные, костяные и бронзовые орудия.

Можно предполагать, что значительную роль в деле распространения здесь железной металлургии сыграли обитатели более южных пространств — лесостепные и степные племена, вошедшие позднее в состав Скифии или тесно с ней связанные. Их роль совершенно очевидна в распространении железной металлургии на территории Прикамья, где ананьинская культура раннего «железного века» несет на себе яркие следы свя-

¹ Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР. СА, 1958, № 4; М. Е. Фосс. Результаты Галичской экспедиции 1946 г. КС, в. XX, 1948.

² А. А. Спицын. Бологовская стоянка каменного века. ЗОРСА, т. V, в. 1, 1903, стр. 254—156.

³ В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. Древности, т. XXIV, 1914, стр. 47—51.

зей со скифским миром.⁴ Меньше следов таких связей обнаруживается в более западных частях лесной полосы — в Верхнем Поволжье и Верхнем Поднепровье. Вещи бесспорно скифского происхождения встречаются там относительно редко. Но сновные формы железных орудий, бытовавших в Верхнем Поднепровье и Верхнем Поволжье в раннем «железном веке», — проушные топоры, пластинчатые топоры с боковыми выступами, серпы, ножи с горбатой спинкой — все они близко напоминают такие же изделия, происходящие из южной части Восточной Европы. Правда, многие из форм этих изделий были известны также и в Средней Европе — в галлштатско-латенских культурах. Но Средняя Европа была далеко, а Скифия находилась рядом. С лесными областями Восточной Европы ее соединяли многочисленные речные пути, уже имевшие свою длительную историю.

В пределах лесной полосы культура раннего «железного века» у различных племен имела очень много общего. Их объединяли друг с другом одинаковые формы хозяйства, сложившиеся в однородных естественных условиях, один и тот же бытовой уклад, однородное общественное устройство. Существенная разница в области культуры, разделяющая ранее друг с другом местные охотничье-рыболовецкие и пришлые скотоводческие племена, теперь настолько сгладились, что далеко не всегда без специальных исследований можно решить вопрос, кому принадлежал тот или другой памятник древней культуры — бывшим охотникам-рыболовам или потомкам пришлых пастушеских племен.

Вопрос о характере хозяйства племен раннего «железного века» нельзя считать окончательно решенным. Не подлежит сомнению, что основой экономики являлось животноводство. Даже на наиболее древних поселениях-городищах, таких, как Старшее Каширское на Оке (нижний слой) и Городищенское на Верхней Волге (нижний слой), кости домашних животных среди кухонных отходов составляют не менее 75%. В пищу шел крупный рогатый скот, свиньи и лошади, в меньшем числе — мелкий рогатый скот. Охота велась преимущественно на мясных животных — лося, оленя, кабана, медведя, зайца, а также на пушных зверей, особенно на бобра.⁵ Труднее оценить значение рыбной ловли, орудия которой постоянно встречается на городищах. Кости рыб сохраняются лишь в исключительных случаях, и здесь невозможны какие-либо подсчеты. Дискуссионным остается вопрос о значении земледелия и уровне его развития. Находки примитивных каменных зернотерок, небольшие железные серпы и мотыги из железа и кости говорят о повсеместном его распространении, о зерновых хлебах, но оставляют без ответа вопрос об его удельном весе в экономике того времени. Большинство исследователей склоняется к мысли, что значение земледелия в рамках раннего «железного века» в пределах лесной полосы было сравнительно скромным.

Несмотря на распространение железа, добываемого из местных болотных руд и, следовательно, всем доступного, многие орудия (особенно орудия охоты и рыбной ловли) изготавливались из кости и рога, по традиции сохраняя старые неолитические формы. Но основные орудия труда — топор и нож — были железными. Они открыли широкие возможности в области обработки дерева, в домостроительстве, без них в условиях лесной полосы не могло развиваться земледелие. К началу нашей эры значение железа в хозяйстве и быту племен лесной полосы еще более возросло. В культурных наслоениях этого времени железные изделия и их обломки

⁴ А. В. Збруева. История населения Прикамья в анаваньскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 168, 170—172.

⁵ В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. МИА, № 107, 1962.

встречаются постоянно, тогда как количество изделий из кости заметно снижается.

Из бронзы изготавливались разнообразны украшения и предметы убора. Большинство изделий, найденных в Поволжье, принадлежит к камским или волго-камским типам, а на Днестре встречаются изделия, напоминающие скифские и среднеевропейские. Законодателями моды в области украшений являлись, очевидно, племена тех местностей, где добывался цветной металл и откуда он распространялся путем торговли.

Почти ничего не известно об идеологии того времени. На городищах встречаются небольшие (до 1 м в поперечнике) глиняные сооружения, круглые или овальные, в виде площадок, окруженных невысокими бортиками. Обычно, — но без какой-либо аргументации, — их называют «жертвенниками». На верхневолжском городище Топорок на «жертвеннике» было найдено несколько орнаментированных глиняных поделок в виде бус, подвесок, колокольчиков и вместе с ними глиняное изображение птицы (?). Подобные бусы и глиняные фигуры найдены и на других городищах, но без какой-либо связи с «жертвенниками». Изредка встречаются изображения животных: свиньи, лошади или фантастического зверя. В отдельных случаях такие изображения украшают костяные рукоятки ножей или кинжалов. Круглые металлические бляхи рассматриваются обычно как изображения солнца. Они свидетельствуют о существовании солнечного культа. Но это не более чем предположение.

Обряд погребения умерших в землю, занесенный в Поволжье камско-уральскими неолитическими племенами, а в Верхнее Поднепровье — среднеднепровскими скотоводческими племенами, в раннем «железном веке» не практиковался. Он исчез еще в эпоху бронзы, — очевидно, взяли верх древние местные погребальные обряды или же погребальная обрядность изменилась в новых социально-экономических условиях. Никаких погребений I тыс. до н. э. и начала нашей эры в Верхнем Поволжье не известно, если не считать одного случая — Младшего Волосовского могильника на Средней Оке, содержащего текстильную керамику (?) и относящегося к началу I тыс. до н. э. А. П. Смирнов высказал предположение, что городецким племенам принадлежал Аккозинский могильник, открытый на территории Чувашской республики. Но это несомненно ошибка. Аккозинский могильник, судя по его керамике, является ананьинским. В. В. Гольмстен высказала в свое время интересную мысль о том, что у древних племен Поволжья существовал обряд погребения на деревьях. Она собрала яркий фольклорный материал и некоторые археологические факты, допускающие такое предположение. Погребения на деревьях или столбах некогда практиковались, как известно, многими народами Сибири.⁶

В Верхнем Поднепровье захоронения раннего «железного века» также не известны. Исключение составляет лишь милоградская культура с ее многочисленными могильниками, содержащими остатки трупосожжений.

Вместо открытых поселков, свойственных эпохе неолита и бронзы, в «железном веке» распространились поселения с оборонительными сооружениями, расположенные на труднодоступных местах — обычно на отрогах высоких и крутых речных берегов — и окруженные деревянными изгородями, земляными валами и рвами (рис. 30). Появление укрепленных поселений, остатки которых археологи называют городищами, свидетельствовало о глубоких переменах не только в области экономики, но и в отношениях между первобытными общинами, об изменении внутрен-

⁶ А. П. Смирнов, Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95, 1961, стр. 83—85; А. Х. Халиков, Железный век Марийского края. ТрМарАЭ, т. II, 1961, стр. 25—91; В. В. Гольмстен, Наземные погребения в Среднем Поволжье. КС, в. V, 1940.

ней примитивной политической обстановки. Такие поселения были закономерным явлением, свойственным определенной ступени развития древнего общества. Они были необходимым в тех условиях средством защиты возникших ценностей — стад домашнего скота и запасов хлеба.

В южных областях Восточной Европы укрепленные поселения появились значительно раньше, чем на севере, но опять-таки в связи с распространением скотоводства и земледелия. В лесной полосе первые городища были сооружены потомками пришлых пастушеских племен еще в конце II тыс. до н. э. В области Верхнего Поднепровья их следы нередко встре-

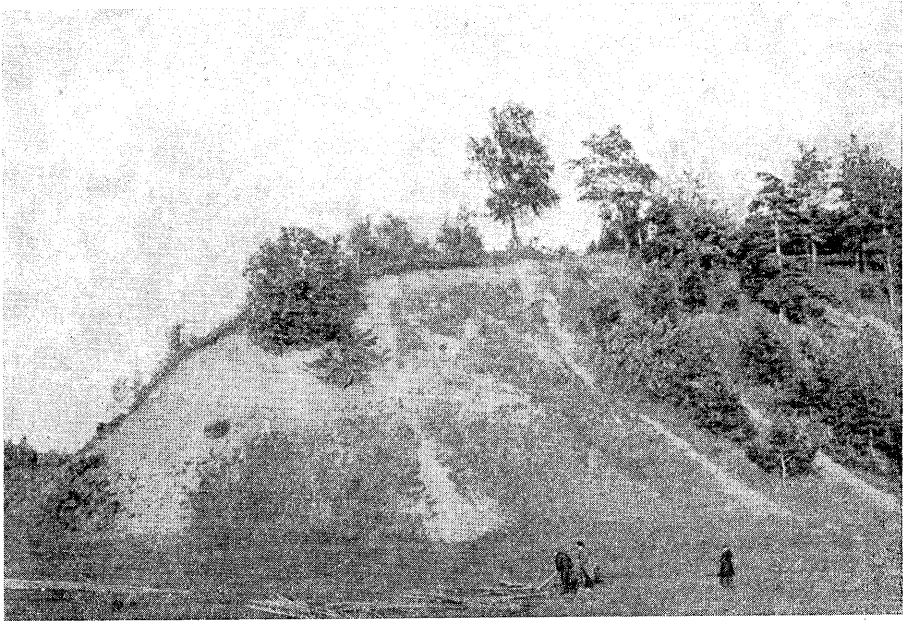

Рис. 30. Городище у с. Минского Костромской обл.

чаются на отрогах высоких и крутых речных берегов. Такая же картина наблюдается в области балановских племен в Поволжье. Там известны характерные городища с земляными валами. Укрепленные поселения конца II—начала I тыс. до н. э. имелись, по-видимому, и в Юго-Восточной Прибалтике, в частности в низовьях Западной Двины, где на городищах нередко встречаются сверленные каменные топоры, по времени бесспорно предшествовавшие «железному веку». Но господствующей формой поселений в лесной полосе, присущей всем племенам — и угро-финским, и балтийским, — укрепленные поселки стали после появления железа. Ранний «железный век» может быть назван здесь «периодом городищ». Таких поселений не было лишь в северной зоне лесной полосы. Там еще долгое время переживали старые формы хозяйства и быта.

Есть все основания думать, что в раннем «железном веке» в лесной полосе вместе с развитием новых отраслей экономики древние формы родовой организации сменились другим общественным устройством, при котором первичной ячейкой общества стала патриархальная большесемейная община. Существование таких общин в последующее время — в середине I тыс. н. э. — убедительно доказано материалами верхневолжского городища Березняки. Постройки этого небольшого городища, погибшие от пожара, сохранили следы многочисленных деталей внутреннего устройства обычно ускользающих от археологов. Они не оставляют сомнений в том,

что обитатели Березняков вели нераздельное хозяйство, что наряду с домами, принадлежащими отдельным семьям, имелись постройки, обслуживающие всех членов общины, численность которой не превышала 40—50 человек обоего пола, взрослых и детей. Картина, раскрытая раскопками в Березняках, была сопоставлена с этнографическими данными, рисующими старинный большесемейный быт угро-финских народов Поволжья. Выявившиеся при этом многочисленные параллели нельзя не признать бесспорными.⁷

Остатки древних поселений, сохранившиеся так же хорошо, как городище Березняки, встречаются чрезвычайно редко, и пока что никому не удалось исследовать аналогичный памятник, относящийся к более раннему времени — к I тыс. до н. э. Но отдельные факты, открытые во время раскопок, указывают, что и более ранние городища являлись поселками большесемейных общин, «патриархальными гнездами». Размеры их, как правило, не превышали площади Березняков (2300 м²), а нередко достигали лишь ее половины.

При раскопках В. А. Городцова на Городецком городище в среднем течении р. Оки, относящемся к последним векам до н. э. и первым векам н. э., была обнаружена такая же точно планировка построек, как в Березняках, — они располагались вокруг центрального дома, имевшего большие размеры. Следы такой планировки обнаруживались и в других местах в области Поволжья. А в Верхнем Поднепровье и на его периферии на древних городищах были найдены следы больших длинных домов, разделенных на отдельные однотишные секции. Такого рода постройки, известные и в Средней Европе, точно так же обычно связываются с патриархально-общинным строем.

Еще А. А. Спицыным было отмечено, что древние городища встречаются преимущественно не по одному, а небольшими группами — по 2, 3 или 4. В справедливости этого наблюдения я убедился трижды: во время археологических исследований 1928 г. в области среднего течения р. Оки, в ходе больших археологических работ в Верхнем Поволжье в 1933—1937 гг. и, наконец, в последние годы в Верхнем Поднепровье. При этом выяснилось, что в состав групп поселений, кроме городищ, входили и неукрепленные поселки, также очень небольшие и обычно малоинтересные для археолога. Группы поселений, располагавшиеся на пространстве в 2—3 км в поперечнике, обычно отстояли одна от другой на 10—20 км и более. Не раз отмечали такую группировку и другие исследователи. Если отдельные поселения принадлежали патриархальным большесемейным общинам, то группы их объединяли людей, принадлежащих, по-видимому, к одному роду. Этнографические данные, подтверждающие это предположение, уже не раз приводились в печати.⁸

2

В культуре раннего «железного века», сложившейся в среде населения лесной полосы Восточной Европы в начале I тыс. до н. э., наряду с обрисованными выше общими чертами имелись и специфические особенности, присущие различным этнокультурным группам. Состав и локализация этих групп обнаруживают генетическую зависимость от этнокультурной картины предшествующего времени. Вместе с тем в этнокультурных группах I тыс. до н. э. и начала нашей эры видны и некоторые новые явления, которые в полной мере определяются лишь в последующий исторический

⁷ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 51—68.

⁸ П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМР, в. 106, 1935, стр. 154—157.

период, когда будут формироваться племенные группы, известные по письменным источникам, положившие начало многим из современных народностей.

Культурно-этническая неоднородность населения, известного по материалам древних городищ лесной полосы, была отмечена еще в начале нашего века в работах А. А. Спицына, В. А. Городцова, А. М. Тальгрена и др. А. А. Спицыным была высказана мысль, что городища поволжских областей принадлежали угро-финским племенам, а верхнеднепровские — «литве», т. е. племенам балтийской группы. Основанием для этого послужили неоднократные находки на городищах таких предметов, которые были хорошо известны по материалам древних могильников Поволжья и Юго-Восточной Прибалтики и отнесение которых к угро-финским и балтийским древностям представлялось бесспорным.⁹

В начале нашего века культура городищ лесной полосы Восточной Европы была известна, однако, еще очень плохо: не были решены вопросы периодизации и хронологии, в результате чего друг с другом нередко сравнивались памятники разного времени; не были установлены признаки, характеризующие особенности культуры отдельных групп древних городищ. Являлся дискуссионным вопрос о назначении древних городищ. Некоторые исследователи, в частности А. А. Спицын, видели в них не остатки поселений, а места, связанные с древними культами. Все эти вопросы более или менее разъяснились лишь в течение последующих десятилетий, после раскопок В. А. Городцова на окских городищах, исследований А. Н. Лявданского на Смоленщине, М. В. Воеводского на Десне, О. Н. Бадера и автора этих строк на Верхней Волге. Большие работы были произведены в Прикамье и Поволжье, в лесостепном Поволжье ниже устья р. Оки, в Белоруссии, в Восточной Прибалтике.¹⁰ В последние годы значительные раскопки древних городищ производились в Верхнем Поднепровье, преимущественно в пределах Гомельской и Смоленской областей.¹¹ В итоге

⁹ А. А. Спицын. 1) Городища дьякова типа. ЗОРСА, т. V, в. 1, 1903, стр. 111—142; 2) Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, в. 1, 1905, стр. 83—93; В. А. Городцов. 1) Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности, т. XVII, 1900; 2) Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г. Древности, т. XVIII, 1901; 3) Результаты археологических исследований 1898 г. Археологические известия и заметки, т. VII, СПб., 1899; А. М. Тальгрена. L'Orient et l'Occident dans l'age du fer finno-ougrien. SMYA, XXXV, 3, 1924.

¹⁰ В. А. Городцов. 1) Старшее Каширское городище. ИГАИМК, в. 85, 1934; 2) Болотное Огубское городище. ТрГИМ, в. I, 1926; 3) Результаты исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища. Рязань, 1930; А. Н. Лявданский. 1) Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Тр. Смоленских гос. музеев, в. 1, Смоленск, 1924; 2) Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные изв. Смоленск. гос. унив., т. III, в. 3, 1926; А. Н. Лявданский. Археологические доследы ў вадазборах рр. Сажы, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губерніі. Працы, т. II, 1930; М. В. Воеводский. 1) Городища Верхней Десны. КС, в. XXIV, 1949; 2) Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи. МИА, № 22, 1951; О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950; П. Н. Третьяков. 1) К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.; 2) Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА, в. IX, 1947; А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху; Н. В. Трубинова. Племена городецкой культуры. ТрГИМ, в. 22, 1953; А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Автореф. дисс. Л., 1955; Я. Я. Граудонис. Поздний бронзовый и ранний железный века на территории Латвийской ССР. Автореф. дисс. Л., 1962; Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. ВЭИЭН, 1956, стр. 79—107; Р. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, стр. 113—138, и другие исследования.

¹¹ П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, № 1; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963; О. Н. Мельниковская. Памятники раннего железного века юго-восточной Белоруссии. КС, в. 94, 1963.

всех этих работ стало возможно разобраться в хронологии городищ и обрисовать основные контуры этнокультурной карты лесной полосы Восточной Европы в раннем «железном веке».

Первая попытка составить общую карту локальных групп древних городищ лесной полосы Восточной Европы была предпринята мной еще в 1940—1941 гг. В области Верхнего Поднепровья были намечены четыре группы: первая — юго-западная по Припяти, вторая — юхновская по Десне, третья — в области Смоленщины и четвертая, представленная городищами со штрихованной керамикой, — в области Правобережья Верхнего Днепра, в бассейне Немана и нижнем и среднем течении Западной Двины. В Волго-Окской области намечалось пять локальных групп: городищ — между Нижней Окой, Сурой и Волгой — и четыре локальных группы дьяковских городищ, а именно волго-клязьминская (в пределах современных Владимирской, Ивановской, Костромской и отчасти Московской областей), верхневолжская, верхнеокская и валдайская.¹² Состав городищ Восточной Прибалтики и Прикамья на карте отражен не был.

Как выяснилось в ходе дальнейших исследований, локальные группы верхнеднепровских и верхневолжских городищ были определены в основном правильно, но их ареалы потребовали значительного уточнения. Ошибочным было отнесение верхнеокских городищ к волго-окской угрофинской (дьяковской) культуре, тогда как в действительности они принадлежали населению с культурой верхнеднепровского характера. Не были до конца выяснены в 1940—1941 гг. вопросы хронологии различных групп городищ, в результате чего также был допущен ряд значительных неточностей. Так, например, лишь позднее выяснилось, что значительная разница в культуре волго-клязьминских (восточнодьяковских) и верхневолжских (западнодьяковских) городищ возникла лишь в начале нашей эры за счет проникновения в западные части Волго-Окского междуречья поднепровских этнических элементов. В раннем «железном веке» в обеих частях междуречья обитали племена в основном с одной и той же культурой.

Этнокультурная граница, разделявшая в раннем «железном веке» поволжских угрофиннов и поднепровских балтов, в основном совпадала с рубежами этих племен, установившимися в предыдущий период. Очень важно, что эта граница определяется не только по археологическим, но и по топонимическим (гидронимическим) данным. Она восстанавливается по историческим сведениям, этнографическим материалам и данным диалектологии. Здесь уже не остается более места для сомнений по поводу этнической интерпретации как поволжских, так и верхнеднепровских древностей (за исключением отдельных случаев). Область гипотез, не выпускавшая археологов за свои пределы, когда речь шла о «каменном веке» и эпохе бронзы, наконец осталась позади.

В раннем «железном веке» места поселений угрофиннов на р. Оке охватывали ее нижнее и среднее течение, приблизительно до впадения Москва-реки или Осетра. Здесь известно несколько десятков городищ, таких же, какие имеются на Цне, Мокше, Суре и в прилегающих районах Среднего Поволжья. В археологической литературе они известны под наименованием городищ или городищ городищевой культуры (рис. 31).

Верхнее Поволжье и Волго-Окское междуречье — это область дьяковских городищ, названных по имени городища у с. Дьякова под Москвой, очень близких предыдущим по облику культуры, но имеющих и некоторые свои особенности. Для тех и других характерны текстильные орнаменты

¹² П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 13—19.

Рис. 34. Схема расположения основных групп городищ раннего «железного века» в лесной полосе Восточной Европы (указаны наиболее известные пункты).

1 — городища со штрихованной керамикой в бассейне р. Немана и его притоков: 1 — Баклинский, 2 — Нименское, 3 — Островляны, 4 — Орпа, 5 — Миколы, 6 — Малаши, 7 — Коняка, 8 — Вязанковское, 9 — Гродно, 10 — селище Омичи, 11 — селище Ковали (нижний слой), 12 — Городище, 13 — Онежки, 14 — Старая Рудца, 15 — Вандровское (нижний слой), 16 — Городище у г. Делья, 17 — Азыруты, 18 — Воробьи-Черпурчы, 19 — Сакаймо, 20 — Чираво, 21 — Цалля, 22 — Заграва, 23 — Белые Поля, 24 — селище Казаткова, 25 — милоградские городища: 1 — Большая Слива, 2 — Красная Горка, 3 — Белое Поле, 4 — Хильчицы, 5 — Ясенец, 6 — Моисеевское, 7 — Митрава, 8 — Горшюковское, 9 — Чаплинское (нижний слой), 10 — Асаревичи, 11 — Неланди, 12 — Гора Лисца в Любече, 13 — Литвалское, 14 — Смычок, 15 — Присно, 16 — Выдавское, 17 — Смоленские (верхнеднепровские) городища: 1 — Акатовское (нижний слой), 2 — Старый Двор, 3 — Лукава, 4 — Невасино, 5 — Харламовское, 6 — Новые Бачки, 7 — Демидовское (нижний слой), 8 — Лахтеево (нижний слой), 9 — Тушемя (нижний слой) и Мокрядиновское, 10 — Вошанское (нижний слой), 11 — Дубровка, 12 — Жараны, 13 — Троицкая, 14 — Гобичи, 15 — Холмец, 16 — Владимирское (нижний слой), 17 — Хотылевское, 18 — Делехи, 19 — Фелотовское, 20 — Никола Лепивец (нижний слой), 21 — Юхновские городища в бассейне р. Десны: 1 — Бобовицкое, 2 — Городище у д. Ушерье, 3 — Жовнец, 4 — Малинское, 5 — Благовещенская Гора, 6 — Городище у д. Торфель, 8 — Залужье на р. Нерусе, 9 — Кветуно, 10 — Посудица I, II, 11 — Пушкари I—III, 12 — Юхновское, 13 — Песочный Ров, 14 — Шабалиновское, 15 — Тимохинское, 16 — Кузина Гора, 17 — Плянское, 18 — Шулжинское, 19 — Ивановское. У городища со Смоленским (нижним) слоем: 1 — Жилинское, в притоке р. Вояж; 2 — Мухоморское, 3 — Надежда, 4 — Жилинское, в притоке р. Мсты, на Верхней Волге; 5 — Себежское, 6 — Девички, 7 — Дьяковские городища в верховьях р. Мсты, на Верхней Волге; 8 — Духачевское, 9 — Юрьевское, 6 — Горки, 7 — Черная Гора, 8 — Корчевское и Санниковское, 2 — Кафтинское, 3 — Пулковское, 4 — Дихачевское, 11 — Пекуновское, 12 — Присло, 13 — Старое Городище, 14 — Городище, 15 — Снятинское I, II, 16 — Грегорученское, 17 — Городок, 18 — Александра Гора, 19 — Агуловское, 20 — Медвежий овраг в Ярославле, 21 — Черная Заводь, 22 — Городищенское (Каримовское), 23 — Минское, 24 — Брюховское, 25 — Быки на Галицком озере, 26 — Плес, 27 — Серопитинское, 28 — Юрьевское, 29 — Попельковское I, II, 30 — Сильновское, 31 — Пирожная Гора, 32 — Петровское, 33 — Барвихинское, 34 — Кунцевское, 35 — Дьяково, 36 — Мячково, 37 — Красно, 38 — Коробцево; на Средней Волге: 39 — Малахай. VII — городища со штрихованной и дьяковской (текстильной) керамикой в верховьях западной Двины и на Валдайской возвышенности: 1 — Подгай, 2 — Шведская Горка на Болотовском озере. VIII — городища со штрихованной текстильной и Смоленским керамикой в верховьях Западн. Двины: 1 — Старое Село, 2 — Загорцы. IX — городища со Смоленским керамикой в верховьях среднего течения р. Оки и Среднем Поволжье: 1 — Бастанова Гора, 2 — Новоселовское I—III, 3 — Недоселовское I, II, 4 — Вышгородское, 5 — Подовское I—III, 6 — Спасское, 7 — Никитинское, 8 — Тярнанская слобода, 9 — Чертово, 10 — Вакулов Бурор, 11 — Денисовское селище, 12 — Крюковское селище, 13 — селище Красная Поляна, 14 — Елизавет-Михайловское селище, 15 — Черневское, 16 — Нароватовское, 17 — Теньгушевское, 18 — Осинское, 19 — Морванское, 20, 21 — Хвальское городище у с. Ахмат, 22 — Вольское, 23 — Пимкова Гора, 24 — Чардымское I, II, 25 — Танаповское, 26 — Алексеевское, 27 — городище у с. Ахмат, 28 — Дьяковское городище в области верхнего течения р. Оки: 1 — Кропотковское, 2 — Высокордское, 3 — Овоншинское и Карповское, 4 — Дмитриевская слобода, 5 — Якимановское, 6 — Кондратьевское, 7 — городища дьяковско-городецкого характера с верхнеокскими элементами: 1 — Старшее Каширское, 2 — Гремячее.

на керамике, состоящие из отпечатков грубых тканей или их имитации. В городецкой культуре особенно часто встречаются на посуде отпечатки ткани в виде рогожи (рогожный орнамент).

В пределах Верхнего Поднепровья и на его периферии имеются пять групп городищ I тыс. до н. э. и начала нашей эры. Наиболее значительную среди них составляет литовско-белорусская или, как ее часто называют, группа городищ со штрихованной керамикой. Она занимает обширные области, лежащие в Понеманье, в нижнем и среднем течении Западной Двины и в Правобережье Верхнего Днепра. На северо-востоке Верхнего Поднепровья известна другая культура древних городищ, названная мною смоленской. Ближайшим ее вариантом являлась культура древних городищ бассейна Верхней Оки. Поречье Десны, приблизительно от Брянска и до ее низовьев, принадлежало еще одной локальной группе. Городища этой области носят наименование юхновских по имени городища у д. Юхново на Десне, около Новгорода-Северского. В их культуре имеются некоторые черты, свидетельствующие о контактах с населением Левобережья Среднего Днепра, относящимся к скифскому миру. Последняя группа верхнеднепровских городищ, так называемая милоградская, расположена в области нижнего течения Припяти и на Днепре между Припятью и Березиной. Эта же культура известна, по-видимому, и в восточных областях Волыни по правым притокам Припяти. Из всех верхнеднепровских городищенских культур, в общих чертах схожих между собой, милоградская культура является наиболее своеобразной. Обширные городища, могильники с трупосожжением, богатая металлургия, круглодонная керамика и ряд других черт говорят об относительно высоком уровне развития этой культуры и ее тесных связях с областями Юга и Запада.

Перечисленные выше локальные группы древнего угро-финского и балтийского населения просуществовали почти без изменений в течение 1000 лет, вплоть до первых веков н. э. Если предыдущее тысячелетие в лесной полосе Восточной Европы ознаменовалось значительными передвижениями племен, коренным образом перестроившими этнокультурную картину, то тысячелетие раннего «железного века» не знало никаких существенных перемещений населения и вторжений извне. Сложившийся повсюду скотоводческо-земледельческий быт прочно привязал людей к своим территориям. Там, где рыболовам и охотникам становилось тесно, для скотоводов и земледельцев открылись широкие возможности «внутренней колонизации». Границы расселения различных племен в этих условиях надолго стабилизировались. Облик быта и культуры за тысячелетие также особенно не изменился, хотя и наблюдалось дальнейшее развитие железной металлургии и других отраслей производства.

В результате устойчивости локальных групп населения и их территорий и в результате того, что люди, относящиеся к разным племенам, в пограничных местностях столетиями жили рядом, нередко чересполосно, культура пограничных районов неизбежно приобретала смешанный, переходный характер. Поэтому невозможно провести четкую границу, скажем, между городецкими и дьяковскими племенами в Волго-Окском междуречье, между юхновскими, смоленскими и верхнеокскими племенами в области верховьев Днепра, Десны и Угры, между милоградскими племенами и племенами культуры штрихованной керамики к северу от поречья Припяти. Правильнее говорить не о границах, разделяющих племенные группы раннего «железного века», а о широких пограничных полосах с более или менее смешанной культурой. Это относится к границам культур не только родственных, но и этнически чуждых племен. В области водораздела Днепра и Волги и в верхнем течении Западной Двины лежала широкая полоса, в пределах которой на городищах встречаются

остатки культуры как угро-финского (дьяковского), так и восточнобалтийского характера.

Лишь в тех местах, где происходили некоторые перемещения племен, стиравшие полосы с переходной культурой, границы локальных групп оказывались более определенными. Такой была граница между ананьинскими и городецкими племенами в Поволжье, установившаяся после некоторого продвижения камских ананьинских племен в западном направлении, в поречье Средней Волги и на Ветлугу.

О возникновении культуры текстильной керамики в Поволжье

1

В среде древних финно-угорских племен Поволжья процесс возникновения новых форм быта и культуры наметился вначале в южных частях лесной полосы, примыкающих к старым скотоводческо-земледельческим областям. К концу II тыс. до н. э. здесь сложилась новая культура, уже не охотничье-рыболовецкая, а скотоводческая и земледельческая. В Нижнем Прикамье и смежных участках Поволжья новая культура получила наименование приказанской, а на р. Оке, где она имела свои особенности, — поздняяковской, по имени селища у с. Позднякова около г. Муром.

Остатки поселений и могильники приказанской культуры, известные в числе более 100, расположены на обоих берегах Волги, приблизительно от устья р. Ветлуги до впадения р. Утки (рис. 32). Они имеются вдоль всего нижнего течения р. Камы и на р. Вятке. Отдельные поселения и могильники приказанской культуры были известны уже давно, но как особая группа они определены лишь в 50-х годах, после работ Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова в Казанском Поволжье и на территории Марийской АССР. Позднее значительные исследования мест поселений и могильников приказанской культуры были осуществлены А. В. Збруевой и Н. В. Трубниковой.¹³

В имеющихся публикациях приказанская культура получила, на мой взгляд, совершенно правильную интерпретацию как культура перешедших к скотоводству и земледелию волго-камских племен эпохи бронзы, усложненная тесными связями с соседними южными племенами. А. П. Смирнов отмечал, что в приказанской культуре «четко выступают элементы срубной культуры и соседней абашевской». А. В. Збруева различала в приказанской культуре андроновские, срубные и дьяковские черты. Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков убедительно показали, что в основе этой культуры лежит местная культура эпохи бронзы, напоминающая позднебалахнинскую и волосовскую, подвергшаяся влияниям со стороны южных и западных соседей — скотоводческо-земледельческих племен. От всех этих различных по культуре племен местное население приобрело навыки ведения скотоводческого и земледельческого хозяйства,

¹³ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, № 42, 1954; Г. А. Архипов и А. Х. Халиков. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1960; А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. ТрМарАЭ, т. I, 1960, стр. 142 и сл.; А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, № 80, 1960; А. П. Смирнов. Введение к Трудам Куйбышевской археологической экспедиции, т. III. МИА, № 80, 1960, стр. 5; Н. В. Трубникова. 1) Отчет о разведочных работах, проведенных в 1955 г. у д. Криуши Чувашской АССР. УзЧувНИИ в. XIV, 1956; 2) Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 г. УзЧувНИИ, в. XIX, 1960, стр. 76—79.

а вместе с этим и отдельные элементы бытового инвентаря, соответствующего потребностям этого хозяйства. На приказанских поселениях находят мотыги — каменные и костяные (были, несомненно, и бронзовые), зернотерки. Встречаются кости всех основных видов домашнего скота. Вместо круглодонной глиняной посуды больших размеров, обычной для охотничье-рыболовческого быта, теперь распространилась преимущественно плоскодонная посуда, часто небольших размеров. Влияние соседних племен особенно заметно сказалось на ее орнаментации (рис. 33).

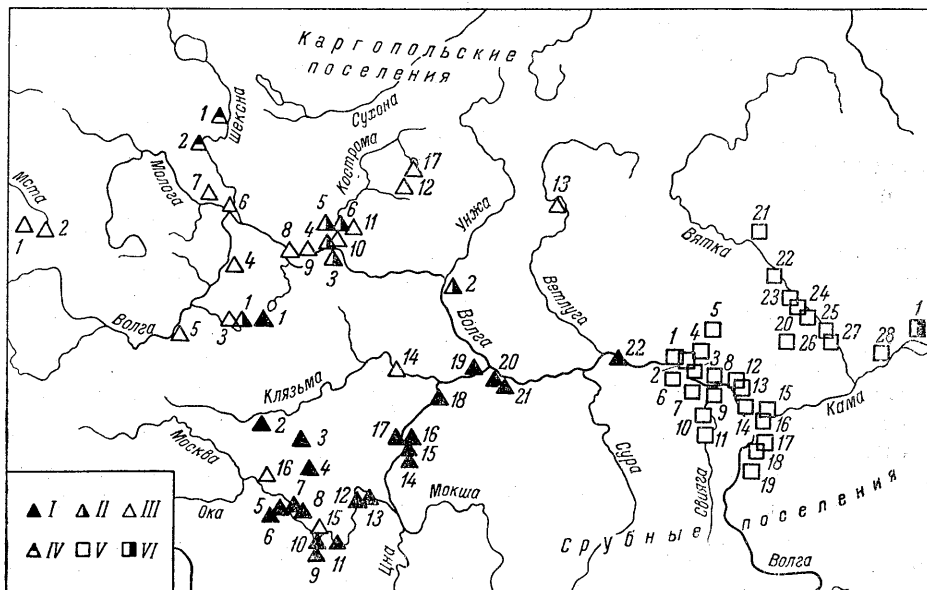

Рис. 32. Схема распространения поселений и могильников поздняяковской и приказанской культур. Поселения с ранней текстильной керамикой (конец II—начало I тыс. до н. э.).

I — поселения и могильники поздняяковской культуры: 1 — Вашутинское, 2 — Богдария, 3 — Коренецкие поселения и курганы, 4 — Погостище, 5 — Фафеловское, 6 — Логинов хутор, 7 — Дубровичи, 8 — Алканово, 9 — Засеченское, 10 — Подборновское, 11 — Тырнова слобода, 12 — Добрынин остров, 13 — Малоокуюльские курганы, 14 — Волосовский могильник, 15 — Поздняковское, 16 — Битюковские курганы, 17 — Сокурка, 18 — Гавриловское, 19 — Безводническое, 20 — Шавское, 21 — Аккозинское. II — «поздняковские» поселения Верхнего Поволжья: 1 — селище и могильник Дикариха, 2 — Сокольское, 3 — Говядиновское, 4 — урочище Стойка у с. Самять, 5 — Овинцы, 6 — Станок I—II. III — поселения с ранней текстильной керамикой: 1 — Бологовское (верхний слой), 2 — Тубос, 3 — Торговище на Сомино озере, 4 — Кукса, 5 — Никола Перевоз (верхний слой), 6 — Бутырки, 7 — селище в устье р. Лоши, 8 — селище у с. Устье, 9 — Ворокса, 10 — Шунга, 11 — Ватажка, 12 — Пески у с. Умилени, 13 — Паново городище, 14 — Липки, 15 — селище против с. Климентов (обследовано П. П. Ефименко в 1928 г.), 16 — Ловецкое, 17 — селище на р. Юга на Чухломском озере. IV — поселения с позднекаргопольской и текстильной керамикой: 1 — Ягорба, 2 — Борочек. V — приказанские поселения: 1 — Копшайское, 2 — Мари-Луговское I, II, 3 — Волжское, 4 — Алексеевское, 5 — Чедраюльское, 6 — Яндашевское I, II, 7 — Криушинское, 8 — Займищенское I—V, 9 — Свияжское, 10 — Атишевское, 11 — Кокузинское, 12 — Старо-Победилевское I, II, 13 — Больше-Отарское I—IV, 14 — Карташихинское I—VI, 15 — Епанчинское I, II, 16 — Атабаевское I—IV, 17 — Ново-Мордовское I—III, 18 — Волгарское I—III, 19 — Гулькинское (верхний слой), 20 — Нурминское, 21 — Буйское, 22 — Тюм-Тюмское, I, II, 23 — Хлопническое, 24 — Малмыжское, 25 — Бурецкое I, II, 26 — Калигинское, 27 — Нижне-Шульское, 28 — Ныргинское. VI — поселения Средней Камы: 1 — Луговское поселение и Луговские курганы.

Не исключено, что, кроме внешних влияний, в приказанской культуре отразились процессы ассимиляции отдельных племен и смешения племен друг с другом. Ведь именно на этой территории располагались поволжские междуречные месторождения, эксплуатируемые в эпоху бронзы, к овладению которыми не могли не стремиться все жившие здесь племена. Борьба племен, напряженные отношения между ними создавали благоприятные условия для ассимиляции. Таким образом, возникновение при-

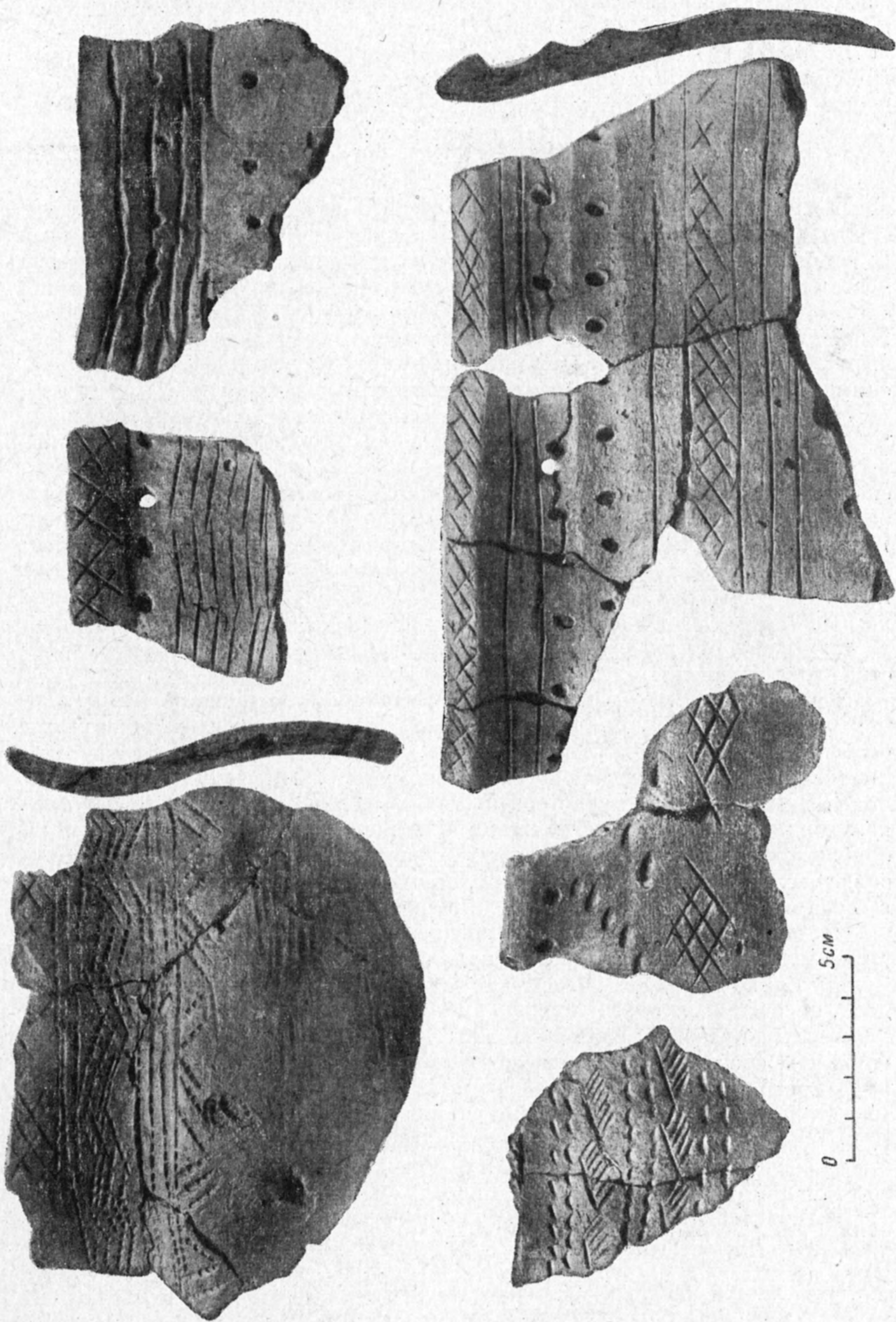

Рис. 33. Керамика приказанской культуры. Криюши Чувашской АССР. Раскопки автора, 1930 г.

казанской культуры было следствием не только распространения скотоводческо-земледельческого быта в среде местных нижекамских и поволжских племен, но и всей той исторической обстановки, которая сложилась в Приказанском Поволжье в эпоху бронзы.

Впервые со скотоводческо-земледельческим хозяйством отдельные группы местного населения познакомились у балановских племен. В итоге возникла смешанная культура, представленная остатками поселений на Волге вблизи устья Суры, а так же на рр. Большой и Малой Кокшагах. А. Х. Халиков, исследовавший эти поселения и назвавший их чирковско-сейминскими, полагает, что одним из условий возникновения этой смешанной культуры было движение балановского населения на левый берег Волги в середине II тыс. до н. э. под давлением абашевских племен. В чирковско-сейминском керамическом материале ясно различаются местные элементы, восходящие к культуре позднебалахнинского (сейминского) и волосовского типов, и отчетливые элементы балановского происхождения. Судя по материалам Васильсурского городища и других поселений, чирковско-сейминские племена были скотоводческо-земледельческими, хорошо знакомыми с медно-бронзовой металлургией.¹⁴

Несколько ниже по Волге, на территории современных Марийской, Чувашской и Татарской республик, лежала область наиболее характерных приказанских поселений конца II—начала I тыс. до н. э. В керамическом материале тут представлены, кроме балановских, еще и абашевские, и срубные элементы. Здесь расположены такие поселения, как Кокшайское, Криушинское, Займищенское I—V, Старо-Победиловское, Бельмское, Карташихинские, Атабаевское I и десятки других. По наблюдениям Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова, поселения располагались вдоль Волги не равномерно, а образуя компактные группы, отстоящие одна от другой на 10—20 км, отражающие, по-видимому, родовое или племенное устройство того времени.

Еще ниже по Волге, около устья и по нижнему течению р. Камы, элементы срубной культуры в керамике приказанских поселений проявляются особенно заметно. А. В. Збруевой здесь исследованы Гулькинское поселение (верхний слой) и поселение на Степном озере. Относительно некоторых находящихся здесь поселений очень трудно решить, являлись ли они приказанскими или же принадлежали к степной срубной культуре эпохи бронзы. Таким является, например, Зеленовское II поселение. А. В. Збруева отнесла его к срубной культуре, но вместе с тем справедливо отметила в керамическом материале ряд приказанских особенностей.

Наконец, на Каме, ближе к ее среднему течению, в керамическом материале поселений поздней бронзы наряду с элементами местной и срубной культур ярко представлены андроновские элементы. По мнению О. Н. Бадера, поселения конца II—начала I тыс. до н. э. в области Среднего Прикамья (выше устья р. Вятки) должны быть выделены в несколько особую группу — ерзовскую, непосредственно предшествующую ананьинской культуре.¹⁵ С этим следует, очевидно, согласиться, указав на трудность территориального разграничения приказанской и ерзовской культур. Кроме территориальных различий, материалы приказанской культуры имеют различия хронологические. И те и другие изучены еще далеко не достаточно.

Наличие различных влияний придало керамическому материалу приказанской культуры, так сказать, эклектический характер, что привело

¹⁴ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории... стр. 74—131; А. Х. Халиков и Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, № 110.

¹⁵ О. Н. Бадер. Поселение турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99, 1961, стр. 185 и др.

в смятение А. П. Смирнова, который хотел бы отыскать в этой культуре особые, только ей присущие специфические черты и четко ограничить ее ареал. Ни того, ни другого сделать, однако, нельзя, потому что приказанская культура представляла собой не совсем обычную общность; качественно она отличалась от таких самобытных культур эпохи бронзы, как, скажем, андроновская, абашевская, турбинская, срубная и др.

Но влияние соседних племен, каким бы значительным оно ни было, должно рассматриваться в приказанской культуре не более как в качестве суперстрата. При наличии разносторонних влияний (и, в частности, потому, что они такими являлись) приказанские племена сохранили, по видимому, свою культурно-этническую основу, оставаясь одной из групп древних волго-окских финно-угорских племен. Это следует из анализа керамики, особенно ее орнаментации, в которой налицо геометрические узоры, нанесенные коротким гребенчатым штампом, характерные для более ранних местных поселений эпохи бронзы. Нельзя не обратить внимание на жилища приказанских племен — прямоугольные землянки, с выходами в виде узких коридоров, нередко соединенные в группы, такие же точно, какие были у турбинских племен. Умершие погребались, как правило, в вытянутом положении, в бескурганых могильниках, иногда в пределах поселений, т. е. и здесь налицо местная традиция, не свойственная ни балановским, ни абашевским, ни срубным племенам. Имеются лишь отдельные курганы, напоминающие срубные или абашевские (Маклашеевка I и II и Луговские), но их отношение к приказанской культуре остается не выясненным.

Но главным аргументом в пользу того, что приказанские племена сохранили свое финно-угорское этническое лицо, является дальнейшая история их культуры. После того как их быт при новом скотоводческо-земледельческом хозяйстве окончательно консолидировался, в приказанской культуре мало-помалу возобладали элементы, тесно связывающие ее со всем обширным миром прикамских и верхневолжских финно-угорских племен и не имеющие ничего общего с культурой других племен, в частности степных, периода поздней бронзы. Речь об этом еще будет идти ниже.

2

Поздняковская культура, синхроничная приказанской, представляла собой явление в основных чертах такого же точно характера. Она была распространена в области среднего и нижнего течения р. Оки, по ее притокам и в восточной части Волго-Окского междуречья. Здесь известно до 50 пунктов с остатками поселений конца II—начала I тыс. до н. э. и несколько могильников курганных и бескурганых (рис. 32). При исследовании поселений обнаружены остатки жилищ прямоугольной формы, основания которых были углублены в землю. Кости домашних животных — лошади, коровы и свиньи, — остатки зерен пшеницы и ячменя, сохранившиеся в глине сосудов из могильника Дикариха, бытовой и производственный инвентарь, — все это вместе взятое не оставляет никаких сомнений, что поздняковские племена уже распространились с охотничье-рыболовецким бытом. Судя по находкам литейных форм, они хорошо знали бронзовую металлургию, хотя и продолжали употреблять каменные орудия. Как и приказанские племена, они пользовались преимущественно плоскодонной глиняной посудой, относительно скупо орнаментированной (рис. 34).

Изучены поздняковские памятники, к сожалению, далеко не достаточно, а имеющиеся материалы, за редким исключением, остаются не опубликованными. На р. Оке еще в 20-х годах были осуществлены раскопки на Поздняковском поселении около г. Муром и на Подборновском посе-

лении около г. Касимова (отсюда происходит употребляемое иногда наименование — подборновская культура). Исследованы Мало-Окуловский курганный могильник и курганы около Волосова и Битюгова: все три пункта расположены вблизи г. Муром. В верховьях р. Пры, левого притока р. Оки, раскопкам подверглись поселение и курганы у д. Коренец. На Волге, несколько ниже устья р. Унжи, расположено поселение Сокольское II. Севернее, на берегу Плещеева озера, недавно были исследованы близкие к поздняяковской культуре поселение (?) и могильник Дикариха. Остальные пункты известны лишь по материалам предварительных обследований.¹⁶

В 20-х—начале 30-х годов Б. С. Жуковым и его сотрудниками, впервые определившими характерные черты поздняяковских древностей, была

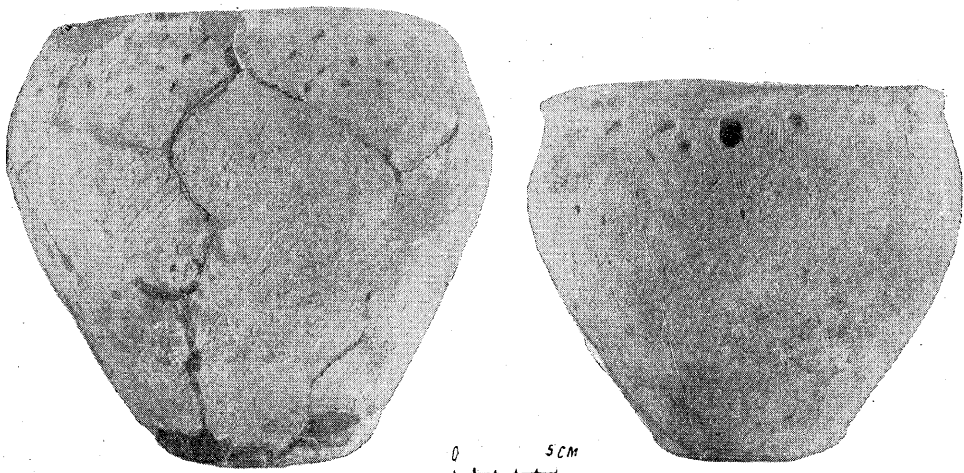

Рис. 34. Сосуды поздняяковской культуры. Волосовский могильник. Раскопки И. С. Абрамова, 1908 г. Государственный Эрмитаж.

высказана мысль, что представленная ими культура не являлась автохтонной, а была генетически связана с культурой срубных племен степных областей Восточной Европы. При этом указывалось на сходство поздняяковской и срубной керамики и на близость поздняяковских курганов к курганам степных племен срубной культуры. Такой взгляд на поздняяковскую культуру распространен до сегодняшнего дня. О. Н. Бадер и А. В. Збруева полагали, что поздняяковская культура появилась на берегах р. Оки в результате смещения к северу ландшафтных зон в засушливый ксеротермический период.¹⁷ Т. Б. Попова в работе 1960 г., специально посвященной происхождению поздняяковской культуры, склонна утверждать, что эта культура была создана срубными племенами, продвинувшимися на Оку с юга по рр. Цне и Мокше. На Оке они якобы ассимилировали местные племена рязанской культуры, а волосовские племена были ими будто бы уничтожены и вытеснены. Словом, речь идет о коренной смене

¹⁶ О. Н. Бадер. Первобытное хозяйство на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла. ВДИ, № 3, 1939, стр. 111—120; О. Н. Вахтер. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMuA, 59, 1, 1957, стр. 34; А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории. ., стр. 167—178.

¹⁷ Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. Этнография, № 1, 1929, стр. 68 и сл.; О. Н. Бадер. Из последних наблюдений над стратиграфией окских стоянок в связи с палеоклиматической схемой Блитта-Сернандера. БКИЧП, № 6—7, 1940; А. В. Збруева. Мало-Окуловские курганы. СА, в. IX, 1947, стр. 200.

населения на широких пространствах окского бассейна. «Чем дальше отрывались успешные на север группы племен срубной культуры, — пишет далее Т. Б. Попова, — чем больше они ассимилировали местное неолитическое население окского бассейна, тем больше в их культуре проявлялось отличий от основной срубной культуры. Так, совершенно несомненно, что курганный погребальный обряд в окском бассейне был принесен с юга, но известно и то, что в этом погребальном обряде имеется ряд специфических особенностей, отличных от погребального обряда, распространенного у племен срубной культуры».¹⁸ Местные элементы в поздняяковской культуре, в частности в керамике, еще и другими исследователями.

Имеется, однако, еще и другой взгляд на происхождение поздняяковской культуры, совсем иначе оценивающий роль местных и пришлых элементов в ее составе. Культура эта рассматривается как местная, генетически связанная с волосовской, рязанской и балахнинской культурами начала и середины II тыс. до н. э., возникшая в результате распространения скотоводческого земледельческого хозяйства и в условиях тесных контактов с более южными племенами. Потребности нового хозяйства, писал по этому поводу А. Я. Брюсов, не могли не повлечь за собой «усиление обмена с южными скотоводческими племенами». В керамике поздняяковской культуры А. Я. Брюсов видел прежде всего развитие местных элементов, особенно рязанских. «Если даже подборновская (поздняяковская) керамика и возникла под влиянием юга, она создалась все же на подготовленной ранее основе, — писал он. — . . . Тип „подборновской“ культуры. . . не является неожиданным или целиком и сразу принесенным извне». Другими словами, по мысли А. Я. Брюсова, поздняяковская культура имела местную основу, срубные же элементы играли роль суперстрата, так же как в приказанской культуре.

Нужно отметить, впрочем, что позднее А. Я. Брюсов несколько изменил свой взгляд на поздняяковскую культуру, приблизившись к мнению О. Н. Бадера и Т. Б. Поповой.¹⁹

Какой же точке зрения на поздняяковскую культуру следует отдать предпочтение? По моему глубокому убеждению, единственно правильной из них является вторая, обоснованная ранее А. Я. Брюсовым. Вполне соглашаясь с его аргументацией, в частности с тем, что в поздняяковской керамике, несмотря на ее сходство со срубной, имеются отчетливые элементы окского характера, я приведу еще некоторые соображения, касающиеся поздняяковской культуры и ее происхождения.

Уже не раз обращалось внимание на то, что в поздняяковской культуре имелся богатый ассортимент кремневых орудий, что совсем не было свойственно срубным племенам. Т. Б. Попова, стоящая на позициях южного происхождения поздняяковцев, говорит о возрождении у них техники обработки кремня. Мне этот тезис представляется крайне сомнительным. Обилие кремневых изделий у поздняяковцев свидетельствует об их генетических связях с окскими поздненеолитическими племенами.

Следует отметить, что далеко не все заимствованные элементы в поздняяковской культуре имели южное (срубное) происхождение; некоторые из них восходили к племенам абашевской культуры, основная территория которых находилась совсем недалеко от поречья Оки, а отдельные абашевские группы жили на берегах этой реки как раз накануне возникновения поздняяковской культуры.

¹⁸ Т. Б. Попова. Происхождение поздняяковской культуры. ТрГИМ, № 37, 1960, стр. 46 и сл.

¹⁹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 67—68, 70; А. I. B r j u s s o v. Geschichte der neolithischen Stämme im Europäischen Teil der USSR. Berlin, 1957, стр. 80—99.

Таким элементом в поздняковской культуре являются прежде всего небольшие реберчатые сосуды с округло-уплощенным дном, нередко богато орнаментированные. Обычно они считаются срубными, но достаточно сравнить их с соответствующими абашевскими, чтобы убедиться, что они несравненно ближе к последним, чем к срубным. Отдельные обломки абашевской керамики были встречены в поздняковских поселениях, в частности в Сокольском II.²⁰

Но если абашевско-поздняковские связи являются фактом, не отмеченным ранее лишь потому, что абашевская культура была почти не известна, то законно поставить вопрос о происхождении поздняковского курганного обряда погребения от абашевских, а не от срубных племен. Ведь на берегах Оки около с. Земского (район г. Касимова) известен курганный могильник, оставленный абашевской общиной, жившей, очевидно, среди местных племен, тогда как бесспорных археологических памятников, принадлежащих срубным племенам, нельзя указать здесь ни одного. К сожалению, сохранность поздняковских курганов оказалась очень невысокой; детали их устройства остались не выясненными. Но то, что известно, отнюдь не противоречит моей мысли. Во всяком случае, никак нельзя утверждать, что эти курганы стоят ближе к срубным, чем к абашевским.

Очень интересный могильник конца II—начала I тыс. до н. э. с абашевскими элементами был исследован А. Л. Никитиным на Плещеевом озере в урочище Дикариха. Наряду с плоскодонной посудой баночной формы и поздняковского облика там встречено несколько реберчатых сосудов с округло-уплощенным дном и богатой зональной орнаментацией, напоминающих абашевские (рис. 35). Некоторые детали устройства этого бескурганного могильника (группировка погребений, деревянные сооружения в могильных ямах) также отдаленно напоминают абашевские. Здесь нужно принять во внимание, что курганы над абашевскими погребениями нередко насыпались не сразу. Общая картина могильника Дикариха очень напоминает реконструкцию абашевского кладбища до сооружения курганных насыпей. К материалам Дикарихи я еще возвращусь несколько ниже. Напомню лишь, что вблизи Дикарихи, на том же северо-восточном берегу Плещеева озера, находится большой абашевский курганный могильник, обнаруженный мною и Я. В. Станкевич в 1939 г. Его раскопки в последнее время производились Д. А. Крайновым.²¹

Выше, при характеристике приказанской культуры, я высказал соображения, что одним из главных аргументов в пользу автохтонности приказанских племен является вся последующая история их культуры, связывающая эти племена с окружающим волго-камским финно-угорским миром. То же самое следует сказать и о поздняковской культуре. Ее дальнейшая история протекала в основном точно так же, как история населения других частей Верхнего Поволжья, и совсем иначе, чем история срубных племен в степных областях. На мой взгляд, это очень важное обстоятельство.

В настоящее время археологи, занимающиеся древностями степных областей европейской части нашей страны, пришли к выводу, что племена срубной культуры были не кем иным, как предками кочевнических скифских племен. Впервые эта мысль была высказана, кажется, Б. Н. Граковым

²⁰ Т. Б. П о п о в а. Коренецкие стоянка и могильник. СА, 1965, № 1, стр. 165; Абашевская культура в Среднем Поволжье, МИА, № 97, 1961, стр. 44, рис. 2; стр. 70, рис. 18, 5; стр. 71, рис. 19, 4; табл. II, рис. 2; табл. VI, рис. 11 и др.; Н. Н. Г у р и н а. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, № 110, 1963, стр. 190; А. Е. А л и х о в а. Абашевские курганы близ с. Земского Рязанской обл. КС, в. 64, 1956.

²¹ А. Л. Н и к и т и н. Дикариха. МИА, № 110, 1963; Н. Я. М е р п е р т. Абашевские курганы Северной Чувашии. МИА, № 97, 1961, стр. 143—151, рис. 19; Д. А. К р а й н о в. Кухмарский курганный могильник. КС, в. 88, 1962.

и затем М. И. Артамоновым. Позднее, с привлечением большого фактического материала, она была обстоятельно обоснована О. А. Граковой.²² Если встать на позиции Т. Б. Поповой, отсюда следует, что поречье Сред-

Рис. 35. Сосуды из могильника Дикариха на Плещеевом озере. Раскопки А. Л. Никитина.

ней и Нижней Оки в конце II тыс. до н. э. было занято ираноязычными племенами, ассимилировавшими и уничтожившими предшествующее им

²² М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 151—162.

местное население. Но это явно противоречит всему дальнейшему ходу культурно-исторического процесса, который шел здесь по пути формирования древней мордовской культуры, близкой культуре других финно-угорских племен Среднего и Верхнего Поволжья. Это не подтверждается и данными топонимики; на р. Оке в топонимике отсутствуют древние иранские элементы. К этому вопросу я возвращусь еще ниже, когда речь пойдет о городецкой культуре раннего «железного века».

Широко распространенный неверный взгляд на поздняяковскую культуру как на северный вариант срубной культуры появился вследствие того, что исследователи допускали обычную для археологов ошибку. Они ставили знак равенства между культурой и керамикой, не учитывая других культурных элементов и общей культурно-исторической обстановки. Они не считались с перспективой развития поздняяковских племен.

3

Обратимся к археологическим данным, отразившим дальнейшее развитие культуры приказанских, поздняяковских и других племен финно-угорского Поволжья.

При исследовании приказанских поселений неоднократно отмечалось, что керамика их позднего этапа характеризуется появлением текстильного орнамента, состоявшего из отпечатков ткани или их имитации. Обычно текстильные отпечатки сочетались с другими узорами; они усилились преимущественно на нижние части сосудов, которые на ранней приказанской и поздняяковской керамике часто оставались без орнамента. Появление текстильного орнамента отмечается повсюду — на Нижней Каме, на Волге в устье р. Утки (Гулькинское селище и др.), в районе Казани, в Чувашской и Марийской АССР.²³ На рис. 36 помещена фотография найденного мной в 1932 г. фрагмента керамики с текстильными отпечатками с поселения Криуши в Чувашской АССР. Отмечу, что текстильные отпечатки чаще встречаются на сосудах не плоскостонных, а круглодонных, т. е. на керамике, связанной с древними местными традициями.

Такая же точно картина наблюдается на поздняяковских поселениях в поречье Средней и Нижней Оки. Повсюду в верхних слоях этих поселений в том или ином количестве появляется керамика с текстильной орнаментацией. По мнению О. Н. Бадера, относительная численность текстильной керамики на поздняяковских поселениях является надежным мерилем их возраста. Чем ее больше, тем поселение моложе.²⁴ На поселениях Коренец II и в Коренецких курганах текстильные отпечатки покрывают большую часть сосудов. Т. Б. Попова также рассматривает этот признак в качестве одного из показателей относительно поздней даты коренецких памятников. То же самое следует сказать о поселении Сокольское II, расположенном на берегу Волги, вблизи г. Юрьевца.²⁵

Появление текстильных узоров на керамике конца II тыс. до н. э. отмечено и в других областях, лежащих в пределах Волго-Окского междуречья, Верхнего Поволжья и далее на северо-запад вплоть до территории Эстонии и Южной Финляндии. При этом повсюду текстильные отпечатки первоначально занимали в орнаментации третьестепенное место —

²³ А. В. З б р у е в а. Памятники эпохи поздней бронзы. . . , стр. 45, 66; Н. Ф. К а л и н и н и А. Х. Х а л и к о в. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье, стр. 183—184, 213, 215, 232—233, 243; А. Х. Х а л и к о в. Материалы к изучению истории. . . , стр. 159, 165—166.

²⁴ О. Н. Б а д е р. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland, стр. 34—35.

²⁵ Т. П. П о п о в а. Коренецкие стоянка и могильник, стр. 163; Н. Н. Г у р и н а. Поселения эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье, стр. 182 и сл.

ими покрывались лишь некоторые сосуды или нижние части отдельных сосудов. Встречалась также легкая штриховка, игравшая, по-видимому, ту же роль, что и текстильные отпечатки. Позднее, — вероятно, на рубеже II и I тыс. до н. э. или в самом начале I тыс. до н. э., — текстильный узор мало-помалу превратился в господствующий способ украшения керамики. И в таком качестве он оставался на территории волго-окских и прибалтийских финно-угорских племен в течение более тысячелетия, вплоть до первых веков н. э., являясь, таким образом, устойчивым этнокультурным признаком.

Этим объясняется, почему вопрос о появлении этой невзрачной на вид орнаментации, точнее сказать — своеобразного способа обработки поверхности глиняных сосудов, представляет для финно-угорской археологии очень большой интерес. На мой взгляд, распространение текстильной керамики следует рассматривать как один из показателей культурно-этнической интеграции, основной силой которой являлись финно-угорские племена Поволжья и Прибалтики. Если наследием эпохи бронзы была значительная пестрота населения в этих областях, то в процессе сложения культуры текстильной керамики картина заметно изменилась. Исчезло различие между

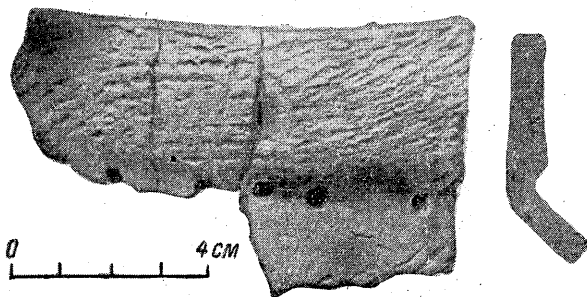

Рис. 36. Обломок шейки сосуда с текстильным орнаментом. Приказанская культура. Круши Чувашской АССР.

потомками местных волго-окских и пришлых финно-угорских камско-уральских племен, утратились последние следы фатьяновских, балановских и абашевских традиций. Поздняковские племена вошли в рамки той же культуры. Этим процессом были затронуты и приказанские племена.

Могильник Дикариха на Плещеевом озере и связанные с ним следы поселения (верхний слой) были мной охарактеризованы как поздняковско-абашевские. В керамическом материале Дикарихи богато представлена также и текстильная орнаментация. Эта же орнаментация имеется на керамике нескольких десятков верхневолжских поселений конца II—начала I тыс. до н. э., не без основания сближаемых Т. Б. Поповой с поздняковскими, но имевших все же несколько иной характер. В их керамике, в частности, представлены элементы, быть может, позднефатьяновского или балановского происхождения. Я имею здесь в виду прежде всего места древних поселений в Ярославской и Костромской областях — Устье, Вороксу, Говядиновское, Овинцы, поселение на оз. Стойка у с. Саметь и мн. др. (рис. 37).

Д. А. Крайновым было высказано недавно предположение, что позднефатьяновские племена, слившиеся с волосовцами, сыграли особенно большую роль в формировании культуры текстильной керамики.²⁶

Наряду с этими стоянками в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье можно указать множество древних поселений, текстильная керамика которых, по-видимому, также очень ранняя, имеет другой характер. Она непосредственно увязывается с керамикой охотничье-рыболовецких культур как волго-окского, так и камско-уральского (волосовского)

²⁶ А. Л. Никитин. Дикариха, стр. 208 и сл.; В. И. Смирнов. Говядиновский могильник. СА, в. IX, 1947, стр. 217—248; П. Н. Третьяков. Истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э., стр. 18; Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. САИ, в. В1-20, 1964, стр. 41—42.

облика. Керамика этих поселений представлена малыми и большими сосудами с округлым, яйцевидным или слегка уплощенным дном. Их поверхность целиком покрывалась текстильными отпечатками, иногда весьма грубыми, в верхней части располагался несложный узор из ямочных вдавлений или отпечатков гребенчатого штампа. Таковы материалы поселений Липки на р. Клязьме, Ловецкого и Клементовского на Оке, Никола Перевоз на р. Дубне (самый верхний слой), Куксы на Верхней Волге, верхнего

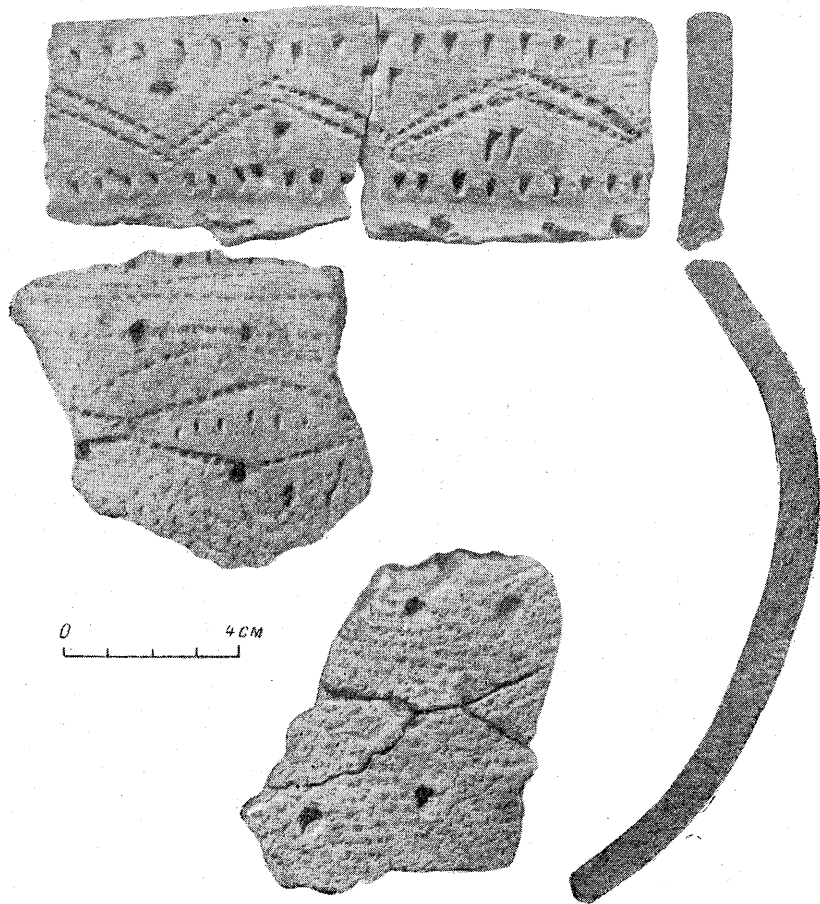

Рис. 37. Ранняя текстильная керамика. Ворокса Ярославской обл. Сборы автора, 1937 г.

слоя Бологовской стоянки, верхних наслоений Борани и Станка около Костромы, Шунги в том же районе, Торговища в районе Плещеева озера (верхний слой) и мн. др. (рис. 38).²⁷

К их числу относятся также поселение на р. Юг, на южном берегу Чухломского озера, принадлежавшее к галичской культуре, верхний слой галичской стоянки Умиление и селище Быки (Пуп). М. Е. Фосс, которая производила раскопки в Умилении и Быках, расположенных на северном берегу Галичского озера, не сомневалась, что культура с текстильной ке-

²⁷ А. В. Збруева. Der Wohnplatz von Lipki im Gouv. Wladimir. ESA, IV, 1929; Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций. . . ; Н. Н. Гурьина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье, стр. 101—106, 112, 122, 141—144. — Селище Торговище было обследовано мной в 1937 г.

рамикой возникла здесь на основе галичской культуры II тыс. до н. э. В Умилении были найдены следы древнейшего в лесной полосе европейской части СССР железоплавильного дела.²⁸

Очень архаическая текстильная и штрихованная керамика была найдена мной в 1930 г. на оз. Тубос в области верхнего течения р. Мсты. Для нее характерно не только обилие разнообразных ямочных и гребенчатых вдавлений, но и наличие отпечатков «рамчатого» штампа волосовского типа (рис. 39).

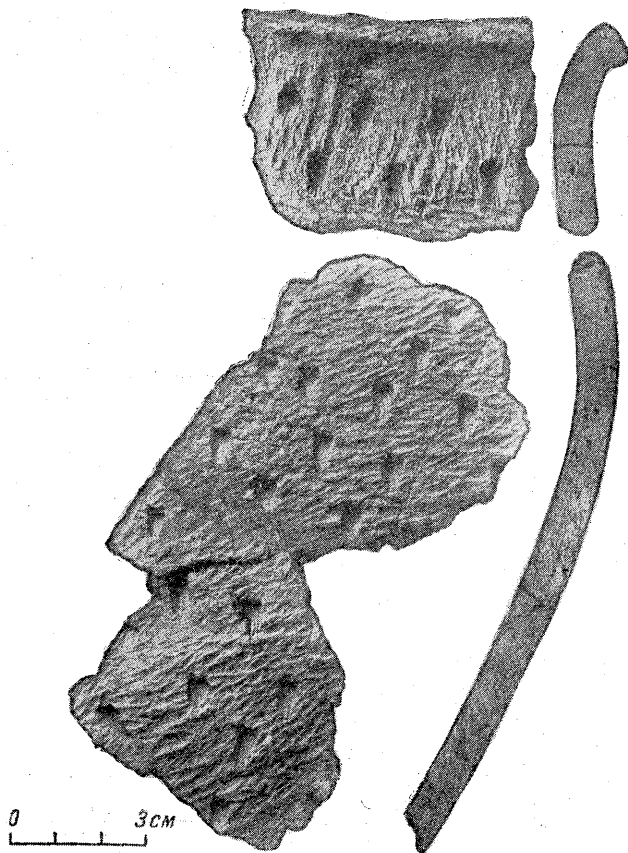

Рис. 38. Ранняя текстильная керамика. Селище на левом берегу р. Оки против с. Климентов около г. Спаска. Сборы П. П. Ефименко, 1928 г.

Наконец, в Верхнем Поволжье и областях, лежащих несколько северовосточнее, можно указать еще одну группу древних поселений, на которых распространилась текстильная керамика. Речь идет о поселениях позднего этапа так называемой каргопольской культуры, которых я коснусь несколько ниже. Примером может служить стоянка Борочек на Шексне, где среди позднекаргопольской керамики с характерной гребенчато-веревочной орнаментацией имеется несколько фрагментов с текстильными отпечатками. Подобная же керамика происходит с шекснинской стоянки

²⁸ М. Е. Фосс. 1) Новые памятники в районе галичской культуры. КС, в. XVII, 1947; 2) Результаты Галичской экспедиции 1946 г.; 3) Итоги Галичской экспедиции. КС, в. XXVI, 1949.

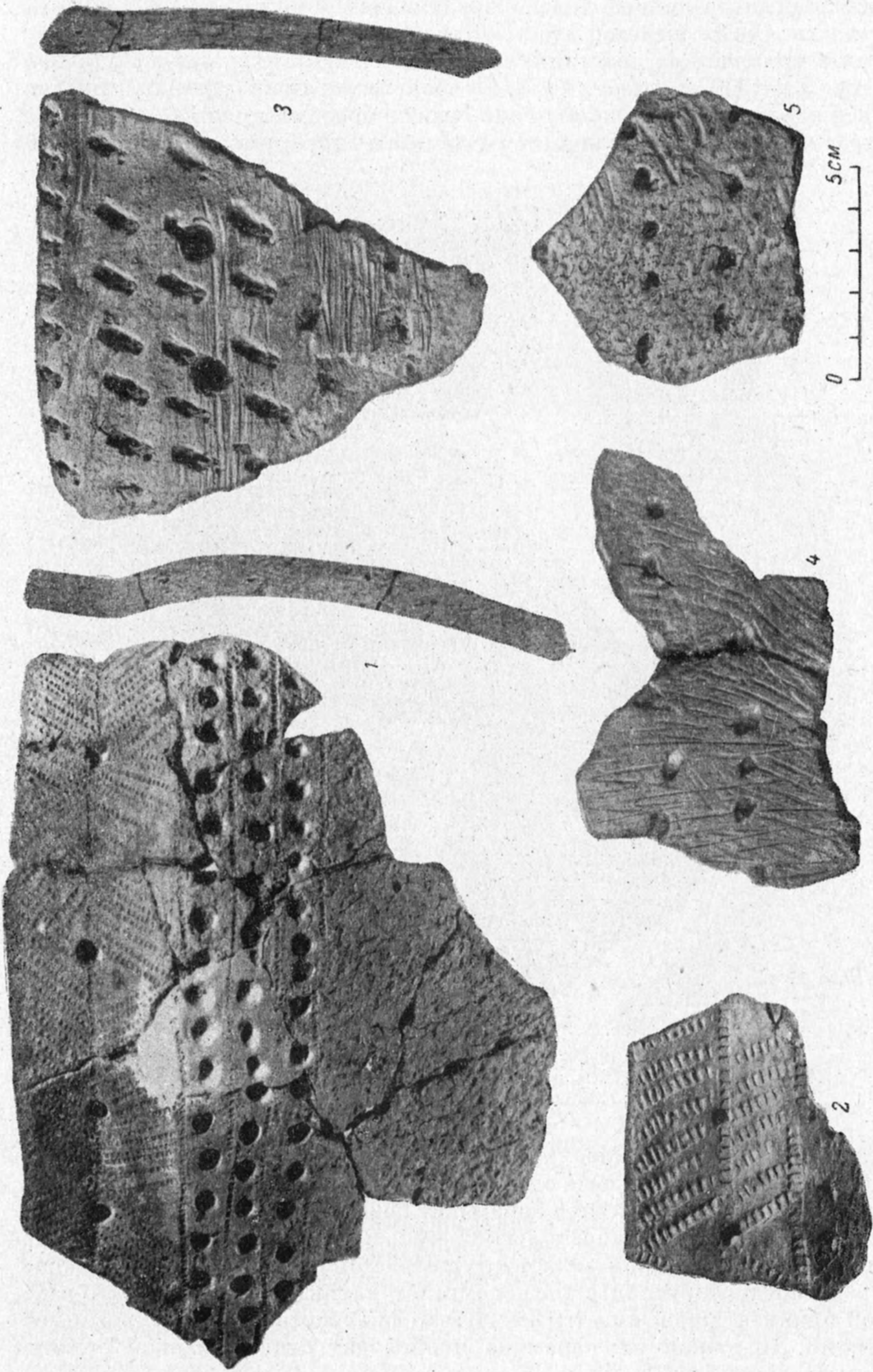

Рис. 39. Ранняя текстильная керамика из северо-западных областей РСФСР.

1, 2 — стоянка Изсады в нижнем течении р. Волхова, раскопки Н. Н. Гуриной, 1950—1952 гг., 3—5 — «городище» на оз. Тубос в верхнем течении р. Мсты, сборы Н. И. Гумилевского в 20-х годах.

у с. Ягорба и со стоянки в устье р. Лоши — притока р. Мологи (верхний слой).²⁹

Каргопольские элементы богато представлены в керамическом материале поселения Ватажка на Борисовом озере в низовьях р. Костромы, исследованного Н. Н. Гуриной.³⁰ Это поселение существовало сравнительно долго — три-четыре столетия, начиная с рубежа II и I тыс. до н. э. Наряду с ранней текстильной керамикой с круглыми днищами там встречена и более поздняя, синхроничная ранним верхневолжским городищам. На Ватажке найдены обломки глиняных литейных форм, служивших для изготовления бронзовых предметов, в том числе кельта начала I тыс. до н. э. (рис. 40, 41).

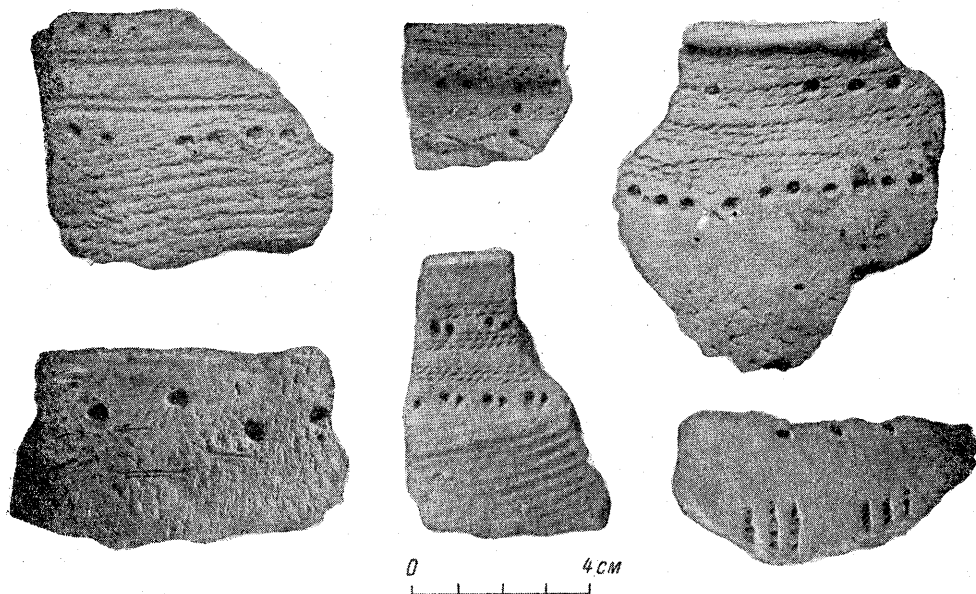

Рис. 40. Ранняя текстильная керамика с позднекаргопольскими элементами. Ватажка Костромской обл. Раскопки Н. Н. Гуриной.

Таким образом, текстильная керамика в Верхнем Поволжье появилась у племен, имевших первоначально разную культуру. Это был один из элементов, нивелирующих облик культуры. Ее распространение и вытеснение ею керамики иных типов отражало процесс культурной, а вероятно — и этнической интеграции древних племен.

В области Восточной Прибалтики ранняя текстильная керамика, как и в Поволжье, появилась впервые на поселениях конца II тыс. до н. э. Типологически она была близка верхневолжской; ямочный и гребенчатый орнамент в верхней части сосудов сохранял древние местные традиции; отдельные элементы орнамента напоминали узоры фатьяновской или поздней пнуровой керамики. Характеристика ранней текстильной керамики из Приладожья и Прионежья дана Н. Н. Гуриной, полагающей, что эта керамика «выросла на местной основе и потому так органически связана с элементами предшествующей эпохи» (рис. 39). На поселениях Акали и Кулламяги в Эстонии, как сообщает Л. Ю. Янитс, ранняя тек-

²⁹ Археологические работы Академии на новостройках в 1932—33 гг. ИГАИМК, в. 109, 1935, стр. 124—131, 143.

³⁰ Н. Н. Гуриной. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье, стр. 160—163.

стильная керамика лежала в культурном слое вместе с поздней ямочно-гребенчатой, несколько выше шнуровой керамики. Такая же картина наблюдается и в других пунктах на территории Эстонии. В Южной Финляндии наиболее ранняя текстильная керамика представлена в культуре Киукайнен, относящейся ко второй половине II тыс. до н. э. В последующее время в Восточной Прибалтике текстильные отпечатки стали господствующей формой орнамента. Я не называю здесь отдельных памятников, отсылая читателей к работам Н. Н. Гуриной, С. Ф. Мейндера и Л. Ю. Янितса.³¹

Итак, на огромных пространствах от низовьев Камы на востоке и до Балтийского моря на западе приблизительно в одно и то же время — на рубеже II и I тыс. до н. э. — возникла новая культура, обычно называемая культурой текстильной керамики. Она появилась не сразу, а сложилась постепенно, по-видимому в течение двух-трех столетий. Ее главный признак — текстильная керамика — повсюду обнаруживает приемственную связь с местной керамикой предшествующего времени. Отсюда следует, что появление этой культуры не было следствием каких-либо передвижений в среде населения лесной полосы или тем более вторжений извне. За пределами обрисованной выше территории нельзя назвать ни одной древней культуры, которая могла бы послужить основой для развития культуры текстильной керамики. Эта культура возникла в пределах лесной полосы. В археологической литературе по этому поводу никогда не появлялось другого мнения.

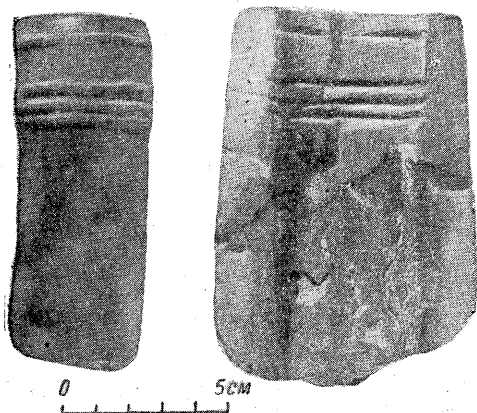

Рис. 41. Литейная формочка для бронзового кельта. Ватажка Костромской обл. Раскопки Н. Н. Гуриной. Слева помещена фотография отливки, полученной в этой формочке.

Нет также никаких сомнений в том, что культура текстильной керамики возникла в обстановке распространения скотоводческо-земледельческого быта среди основных групп волго-окского и восточноприбалтийского населения, до этого времени занимавшегося преимущественно охотой и рыболовством. Если в южной части лесной полосы распространение новых форм хозяйства и быта привело сначала к возникновению приказанской и поздняяковской культур, отразивших в своем материале тесные связи с южными скотоводческо-земледельческими племенами, то севернее, — там, где связи с южными соседями уже не ощущались, — в обстановке распространения скотоводческо-земледельческого быта мало-помалу возникла культура текстильной керамики. В последующем, очевидно после того, как новые формы быта в лесной полосе достаточно окрепли, эта культура распространилась также и среди поздняяковских племен, а в какой-то мере и среди приказанских племен, родственных другим племенам финно-угорского Поволжья.

Конечно, здесь еще очень много невыясненного. Трудно допустить, в частности, чтобы однородная культура совершенно самостоятельно и одновременно развивалась на пространстве протяженностью более тысячи

³¹ Н. Н. Гуриной. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, стр. 83—84 и сл.; Л. Ю. Янитса. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайгги. Таллин, 1959, стр. 173; С. Ф. Мейндер. Die Kiukaiskultur. SMYA, 53, 1954.

километров. В пределах лесной полосы была, очевидно, какая-то более узкая территория, откуда распространялись новые культурные элементы. Н. Н. Гурина предполагает, что такой территорией было Верхнее Поволжье. Прибалтийские археологи также думают, что текстильная керамика пришла в Прибалтику с востока.³² Но эту мысль, по моему мнению очень правдоподобную, пока что нельзя подтвердить бесспорными хронологическими заключениями, которые бы доказали, что культура текстильной керамики в области Верхнего Поволжья возникла несколько раньше, чем в других местах.

Южным вариантом текстильной керамики является керамика с так называемыми рогожными отпечатками. Этот прием обработки поверхности глиняных сосудов возник, по-видимому, в среде тех поздняяковских племен, керамика которых была особенно близка срубной. В археологической литературе поселения этих поздняяковских племен, вследствие их малой изученности, обычно не отличаются от поселений племен степной срубной культуры. Разница между теми и другими наглядно обнаруживается лишь в материалах последующего периода, в раннем «железном веке», к чему я еще вернусь ниже.

В целом область распространения текстильной (и рогожной) керамики полностью соответствовала установившемуся во II тыс. до н. э. ареалу финно-угорских племен в Поволжье и Восточной Прибалтике, обрисовываемому данными топонимики (гидронимии), истории, археологии и этнографии. На территории Латвии и Литвы текстильная керамика уже не известна, за исключением отдельных фрагментов. Нет ее в нижнем течении Западной Двины, на Немане и в бассейне Верхнего Днепра. Она не характерна также и для Верхней Оки, куда в предыдущий период не проникли камско-уральские племена. То, что культура текстильной керамики принадлежала поволжским и прибалтийским финно-уграм, является бесспорным; этот факт никем и никогда не оспаривался.

4

Но если текстильная керамика действительно являлась одним из характерных признаков финно-угорской культуры раннего «железного века», то неизбежно встает вопрос — почему ее нет в тех местах, которые можно рассматривать в качестве материнской финно-угорской территории, т. е. в Прикамье, на Урале и в Зауралье? Не следует ли думать, что ареал текстильной керамики нужно сопоставлять не столько с этногеографической картиной конца II тыс. до н. э., сложившейся в результате расселения камско-уральских племен в западном направлении и племен шнуровой керамики в области Поднепровья и Прибалтики, сколько с картой размещения волго-окских неолитических племен III тыс. до н. э., распространившихся, как известно, и в Восточной Прибалтике? При расселении уральско-камских протофинно-угорских племен местное волго-окское население сыграло, очевидно, роль субстрата. И, быть может, именно его наследием следует объяснить то, что текстильная керамика имеется в Поволжье и Прибалтике и отсутствует в Камско-Уральской области?

Возможно, что это обстоятельство действительно сыграло определенную роль в культурно-этническом размежевании древних камско-уральских и поволжских финно-угорских племен. Но вместе с тем нельзя не отметить, что в конце II—начале I тыс. до н. э. в составе населения восточных областей лесной полосы Восточной Европы произошли некоторые

³² Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье, стр. 200—203; Х. А. Мора. Вопросы сложения эстонского народа. . . , стр. 77.

изменения, повлиявшие на характер культуры и, в частности, определившие некоторые специфические особенности прикамской культуры раннего «железного века». П. П. Ефименко, О. Н. Бадер и другие исследователи справедливо указывали, что в этой культуре, называемой ананьинской по имени известного Ананьинского могильника на Нижней Каме, открытого в 1855 г. И. В. Шишкиным, имеется ряд ярких особенностей восточного, зауральского происхождения.

В настоящее время собран значительный антропологический материал, свидетельствующий, по словам М. С. Акимовой, о том, что «в Прикамье в переходный период от эпохи бронзы к железу наблюдается проникнове-

ние монголоидных элементов с востока» (рис. 42). Т. А. Трофимова сравнивала эти монголоидные элементы с бурятским типом, представители которого, по ее мысли, когда-то проникли на территорию Северо-Западной Сибири, откуда их отдельные группы попадали в Прикамье.³³

Это было, по-видимому, отнюдь не единовременное переселение, а медленный, веками длившийся процесс. Еще во второй половине II тыс. до н. э. в Прикамье распространялись сейминско-турбинские формы бронзовых орудий, зауральское происхождение которых не подлежит никакому сомнению. Вместе с ними в Прикамье попадала бронза, выплавленная из уральских и зауральских сульфатных руд. Это было результатом прежде всего торговых связей. Им сопутствовали, однако, и другие связи, более тесные. Только этим можно объяснить, скажем, появление в Прикамье обломков шигирской (горбуновской) керамики с примесью талька, которая, конечно, не была предметом торговли, не перевозилась за сотни километров, а выделывалась на месте выходцами из-за Урала. В последующее

Рис 42. Ананьинец из Луговского могильника. Реконструкция М. М. Герасимова.

время, уже в ананьинской культуре, зауральские элементы угадываются в погребальной обрядности, в частности в каменных надгробиях и каменных кладках вокруг могил. Среди предметов вооружения в ананьинских погребениях имеются такие характерные сибирские предметы, как бронзовые клевцы.

Появление монголоидов отнюдь не привело к смене населения на берегах Камы. Они сыграли роль мощного суперстрата, который внес в культуру известные особенности, но вместе с тем не затронул ее местной основы. В некоторых районах Прикамья пришельцы-монголоиды выступали, вероятно, как завоеватели, как политически господствующие группы.

³³ П. П. Ефименко. До питання про джерела культури пізньої бронзи на території Волго-Кам'я. Археологія, II, 1948; О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции УЗМГУ, т. IX, в. 3, 1953, стр. 54—55; Т. А. Трофимова. Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья. МИА, № 22, 1951, стр. 100—101; М. С. Акимова. Палеоантропологические материалы из погребений эпохи бронзы и раннего железа с территории Среднего Поволжья. ТрМарАЭ, т. II, 1962, стр. 240 и сл.

Одним из результатов их проникновения в Прикамье было то, что в период формирования скотоводческо-земледельческого быта и соответствующих ему форм культуры они способствовали изоляции Волго-Камья от более западных областей. Если поздняя культура в бассейне Оки исчезла в процессе общей культурной нивелировки, о чем речь шла выше, то развитие приказанской и синхроничной ей так называемой эрзовской культуры пошло другим путем. Вместо текстильной керамики здесь распространилась совсем другая посуда. Это были невысокие котлообразные сосуды с округлым дном, «воротничком» на шейке и зональной орнаментацией в верхней части, состоящей из отпечатков гребенчатого штампа и отисков тонкого шнура, — тип посуды, доживший в некоторых местах в Прикамье и на Урале вплоть до средневековья.

Вопрос этот представляется чрезвычайно интересным. Речь идет о разделении древнего массива финно-угорских племен волго-камского бассейна на две большие группы: восточную — волго-камскую и западную — волго-окскую. Граница между ними в раннем «железном веке» проходила вблизи устья Камы и, по-видимому, не была строго постоянной. Текстильная керамика известна на городище Грохань, расположенном в устье р. Вятки. В этих же местах и в смежных районах Поволжья известны многочисленные прикамские ананьинские древности. Уже в середине I тыс. до н. э. Нижнее Прикамье и смежный участок Поволжья с р. Ветлугой оказались в ареале камской ананьинской культуры. Очевидно, здесь имело место некоторое продвижение камских племен к Волге. Этот факт убедительно документирован материалами поселения Малахай, находящегося на берегу Волги в северо-западной части Чувашской АССР, и данными о городищах Поволжья: Поселение Малахай, исследованное в 1928 г. П. П. Ефименко, принадлежало к культуре текстильной керамики, а затем на этом месте и рядом с ним возникло ананьинское поселение. На Ветлуге наиболее ранним памятником «железного века» является Паново «городище» с текстильной керамикой, позднее же все течение этой реки было занято ананьинскими племенами, оставившими после себя несколько городищ.³⁴

Вопрос о происхождении ананьинской культуры в течение последнего времени является предметом оживленной дискуссии. Большинство исследователей не сомневается, что эта культура была создана коренным населением Прикамья — турбинскими и приказанскими племенами при участии пришлых из Зауралья этнических элементов. Имеется, однако, поддержанное А. П. Смирновым мнение о происхождении ананьинской культуры из абашевской, с чем, на мой взгляд, не согласуются ни археологические, ни антропологические данные. Нельзя не согласиться с критическими замечаниями по этому поводу, высказанными А. Х. Халиковым. В частности, он справедливо указал, что, по всем данным, абашевские племена были индоевропейцами, тогда как ананьинские племена были финно-уграми и их культура легла в основу древней культуры всех финно-угорских народов Среднего Поволжья и Прикамья.³⁵ Если абашевская культура и являлась одним из компонентов ананьинской, то ее роль была не более чем третестепенной.

Спор разгорелся о том, какие из местных племен Прикамья сыграли главную роль в формировании ананьинской культуры. По мнению

³⁴ А. В. З б р у е в а. Городище Грохань. КС, в. XVI, 1947; П. Н. Т р е т ь я к о в. Памятники древней истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 50; О. Н. Б а д е р. Городища Ветлуги и Унки. МИА, № 22, 1951.

³⁵ К. В. С а л ь н и к о в. К вопросу о происхождении ананьинской культуры. СЭ, 1954, № 4, стр. 12; А. П. С м и р н о в. Железный век Чувашского Поволжья, стр. 95; А. Х. Х а л и к о в. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. ТрМарАЭ, т. II, 1962, стр. 9.

О. Н. Бадера, центром или главной областью образования этой культуры было Среднее Прикамье, тогда как его противники — А. В. Збруева и А. Х. Халиков — помещают этот центр на Нижней Каме, в области приказанской культуры, носители которой являлись более передовыми в хозяйственном и культурном отношениях. «Ананьинское единство, — пишет А. В. Збруева, — сложилось в результате объединения нескольких групп родственных племен, своеобразии которых нашло отражение в различных частях ананьинской территории. Наиболее крупными были северная (турбинская) группа и южная, игравшая ведущую роль».

А. В. Збруева называет область приказанской культуры «местом соприкосновения племен». «С севера его населяют местные „луговские“ племена; с юга подвигались „срубные“ племена; соседями с востока, правда отдаленными, были „андроновские“ племена; на западе жили племена, создавшие позже так называемую дьяковскую культуру. Области расселения этих племен не имели постоянных границ, и в различные отрезки времени они или отодвигались в глубь своей территории, или выдвигались в район расселения соседних племен». Мне представляется сомнительным, чтобы «место соприкосновения племен» могло послужить главным этнокультурным центром прикамских финно-угров в предананьинское и ананьинское время.

Более основательной представляется позиция А. Х. Халикова, вытекающая из его анализа развития приказанской культуры — ее погребальной обрядности, формы жилищ, керамики. Он считает, что приказанская культура является генетическим предшественником ананьинской культуры.³⁶ Но им явно недооценивается роль упомянутого выше восточного суперстрата в формировании этой культуры. Тот факт, что плоскодонная приказанская керамика отнюдь не закономерно, вопреки всему, сменилась круглодонной ананьинской, распространённой на широких пространствах Приуралья и Зауралья, говорит о том, что население Нижнего Прикамья усвоило посторонние элементы культуры. Они пришли с востока и проникли на Нижнюю Каму при посредничестве среднекамских племен.

Интересные мысли по вопросу о происхождении ананьинской культуры были высказаны недавно В. П. Шиловым, также полагающим, что эта культура складывалась при наличии в Прикамье «каких-то этнических групп из Западной Сибири».³⁷

Проникновение культуры зауральских племен на запад в конце II — начале I тыс. до н. э. имело место не только в бассейне Камы, но и значительно севернее. Элементы культуры зауральского характера распространились в это время по бассейну р. Печоры, по Беломорью, по Северной Двине и в области так называемой каргопольской культуры — на озерах Лача, Вожа, Кубенском и Белом, откуда по р. Шексне они достигли северных пределов Верхнего Поволжья. Повсюду в этих местах известна керамика «ананьинского типа». М. Е. Фосс, исследовавшая северные области лесной полосы Восточной Европы, не сомневалась, что позднекаргопольская и подобная ей керамика близка к ананьинской и западносибирской.³⁸ Какие именно процессы отражают эти явления,

³⁶ О. Н. Б а д е р. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции, стр. 58—64; А. В. З б р у е в а. Культуры поздней бронзы в Прикамье. СА, 1957, № 2, стр. 33, 37 и сл.; А. Х. Х а л и к о в. 1) Материалы к изучению истории. . . , стр. 164—167; 2) Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа, стр. 8—18.

³⁷ В. П. Ш и л о в. К вопросу о происхождении ананьинской культуры. В сб.: Исследования по археологии СССР, Л., 1961.

³⁸ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 95, 131, 135—136, 142, 145, 205; В. И. М о ш и н с к а я и В. Н. Ч е р-

были ли они связаны с продвижением зауральских племен по северной зоне лесной полосы или должны получить другое объяснение — остается пока не ясным. Бесспорно лишь, что Урал отнюдь не являлся в то время преградой, разделявшей население, жившее по ту и другую сторону от него.

Очень мало определенного можно сказать и о быте обитателей северных лесов. В начале I тыс. до н. э. он претерпел несомненно некоторое изменение, вероятно за счет распространения оленеводства. Но охота и рыболовство отнюдь не утратили при этом своего господствующего положения в экономике.

Западнее территории каргопольской культуры и вплоть до побережья Ботнического залива, где не было текстильной керамики и куда зауральские культурные элементы не проникали, культура населения северной зоны лесной полосы в конце II—начале I тыс. до н. э. сохраняла древний местный охотничье-рыболовческий облик, несмотря на знакомство населения и с бронзой, и с железом. В то время здесь была распространена так называемая культура асбестовой керамики, известная преимущественно по работам Н. Н. Гуриной.³⁹

Дьяковские и городецкие племена

1

Сведения о городищах древних угро-финских племен Верхнего и Среднего Поволжья, называемых дьяковскими и городецкими, впервые были обобщены на рубеже XIX и XX вв. А. А. Спицыным и В. А. Городцовым.

Первоначально по названию городища у с. Дьякова под Москвой А. А. Спицын предложил называть дьяковскими все древние городища «железного века» в лесной полосе Европейской России, за исключением прикамских, которые объединялись тогда в особую группу под наименованием «костеносных» городищ. «Область распространения дьяковских городищ, — писал А. А. Спицын, — охватывает Волго-Окское междуречье, верховья Волги, бассейн Мсты и верховья Днепра и, быть может, поречье Западной Двины. Есть надежда, что не мало городищ этого типа окажется также на Десне и по Союзу». Время дьяковских городищ А. А. Спицын первоначально определил как VI—VIII вв. н. э., что было большой ошибкой. Городища Волго-Окской области были отнесены им, как уже указывалось, к памятникам финно-угорской культуры; более западные предположительно связаны с древними балтами (литвой). В статье «Новые сведения о городищах дьякова типа» А. А. Спицын указал, что в результате дальнейших исследований дьяковские городища несомненно распадутся на ряд локальных групп. Предположительно он назвал владимирско-московскую, смоленско-тверскую и верхнеокскую группы, полагая, что действительное число их было значительно большим.⁴⁰

В те же годы исследования древних городищ в поречье Средней Оки производил В. А. Городцов. Им было раскопано городище у с. Городец,

нецов. Городище Андрушин Городок. КС, в. 51, 1953; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 63—68.

³⁹ Н. Н. Гурина. 1) Поселения эпохи неолита на Онежском озере. МИА, № 20, 1951, стр. 128—136, 142; 2) Древняя история Северо-Запада. . . , стр. 81 и сл.

⁴⁰ А. А. Спицын. 1) Городища дьякова типа, стр. 111—142; 2) Новые сведения о городищах дьякова типа, стр. 83—93.

имевшее свои особенности по сравнению с дьяковскими.⁴¹ По имени этого городища все другие аналогичные памятники среднего течения р. Оки стали называться городецкими. Время этих памятников было определено в рамках III в. до н. э.—III в. н. э., что также неверно, но значительно ближе к истине, чем дата, предложенная для древних городищ А. А. Спицыным.

Сведения о древних городищах, полученные в результате последующего изучения этих памятников, позволили пересмотреть ошибочную хронологию городищ, данную первыми исследователями, и предоставили в распоряжение науки обширные новые материалы об их локальных группах. Оказалось, что под именем городищ дьяковского типа А. А. Спицыным были объединены археологические памятники, относящиеся к чрезвычайно длительному хронологическому периоду и нескольким различным угро-финским и балтийским культурам.

В настоящее время дьяковскими городищами называют древние городища лишь Волго-Окского междуречья, Верхнего Поволжья и области Валдайской возвышенности, нижние культурные наслоения которых характеризуются текстильной (сетчатой) керамикой. Древнейшие из них появились на рубеже первой и второй четверти I тыс. до н. э., а может быть в отдельных случаях и раньше. Наиболее поздние городища с текстильной керамикой датируются первыми веками нашей эры. На большинстве дьяковских городищ имеются культурные наслоения и более молодого возраста, относящиеся ко второй и третьей четверти I тыс. н. э., когда облик культуры значительно изменился. Памятники этого времени в дальнейшем я буду называть позднедьяковскими.

Городища Верхнего Поднепровья, справедливо связанные А. А. Спицыным с древними балтами, дьяковскими теперь не называются. Как выяснилось, специфические особенности культуры их обитателей были иными, чем у древних угро-финнов Поволжья. К этой же группе городищ, т. е. к памятникам «железного века» древних балтов, принадлежат верхнеокские городища. Выше уже не раз шла речь о том, что бассейн Верхней Оки с глубокой древности, со II тыс. до н. э., не принадлежал поволжским угро-финнам, с чем согласуются и данные топонимики.

Если территория дьяковских городищ после исключения из их состава памятников культуры древних балтов значительно сузилась, то территория городищ городецкой группы в процессе новых исследований, наоборот, во много раз расширилась. Оказалось, что городища, подобные среднеокским, имеются по берегам притоков р. Оки — Цны и Мокши, по р. Суре и по берегам Волги ниже устья р. Оки, вплоть до района г. Саратова. Более того, выяснилось, что наиболее характерные памятники городецкой культуры расположены в более южных областях ее ареала, а поречье Оки представляло собой область пограничья городецких и дьяковских племен, близко родственных друг другу. Хронологические рамки городецкой культуры оказались такими же, что и у дьяковской культуры.

В настоящее время дьяковские городища полнее всего исследованы в области Верхнего Поволжья, хотя и здесь ни одно из городищ I тыс. до н. э. и начала нашей эры не было изучено полностью. Наиболее древними на Верхней Волге являются четыре городища: Скнятинское II в низовьях р. Нерли Волжской, Городищенское вблизи г. Калязина (нижний слой), Городок недалеко от железнодорожной станции Волга и городище у Медведицкого оврага в г. Ярославле. Все они, к сожалению, относительно плохо сохранились, особенно Скнятинское II и Городок,

⁴¹ В. А. Городцов. 1) Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г.; 2) Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г.; 3) Результаты археологических исследований 1898 г.

почти полностью разрушенные Волгой, размывающей свои берега во время половодий.⁴²

При раскопках этих городищ не было сделано никаких определенных наблюдений, позволяющих судить о характере застройки городищ и типе жилищ. Бесспорно лишь, что жилища были наземными, столбовой конструкции. На городище Городок удалось изучить остатки древних укреплений, расположенных у основания мыса коренного берега, занятого городищем. Укрепления состояли не из вала, а из деревянного тына и двух неглубоких рвов. То, что городища наиболее древней группы зачастую не имели земляных валов, уже не раз было отмечено в археологической литературе.

Ни на одном из верхневолжских древнейших городищ при раскопках не было встречено никаких следов железа. Найдены предметы из бронзы, в частности булавки со спиральными головками. Глиняный льячек и медные шлаки свидетельствуют о местном изготовлении бронзовых предметов. Немногочисленные изделия из кремня представлены небольшими скребками, такими же, какие встречаются на верхневолжских поселениях с текстильной керамикой. Больше всего найдено орудий, сделанных из кости и рога. Это гарпуны и наконечники стрел, острога, состоящая из трех частей, разнообразные острия. Крупные глиняные пряслица свидетельствуют о прядении шерсти.

Керамика всех четырех верхневолжских городищ оказалась чрезвычайно архаичной. Здесь налицо формы сосудов и орнаменты, восходящие к керамическому комплексу Дикарихи, Говядиновского селища и Воросы. Богато представлены позднекаргопольские элементы (рис. 43). Обычный для дьяковских городищ тип сосуда баночной формы, сплошь покрытый текстильными отпечатками, в то время, по-видимому, еще не выработался.

Никаких находок, позволяющих точно датировать эти городища, сделано не было. Первоначально я относил их к середине и в какой-то мере к первой половине I тыс. до н. э. В настоящее время возможно сделать более определенные заключения. Судя по керамике, эти городища синхроничны поселению Ватажка на Борисовом озере вблизи г. Костромы, датируемому по литейной форме для бронзового кельта первой четвертью I тыс. до н. э. (рис. 44).⁴³

Городища более позднего времени — середины и второй половины I тыс. до н. э. и первых веков нашей эры — известны в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье в числе более 100. Здесь имеются в виду такие уже давно известные верхневолжские городища, как Лихачевское, Черная Гора, Топорок, Корчевское, Санниковское, Иваньковское, Пекуновское, Прислон, Скнятинское I, Грехорученское, Черная Заводь и мн. др. Городища имеются не только по берегам Волги, но и по ее многочисленным притокам — Вазузе, Медведице и Мологе, по Нерли Волжской, Дубне и др. В бассейне р. Сестры находятся известные Попелковские городища I и II, Таракановское и Синьковское. На Плещеевом озере слой с находками дьяковской культуры имеется на Александровой Горе. Около оз. Неро на р. Устье расположено Акуловское городище. На р. Которосли мной исследованы городища Кундринское и Огарев Холм. Много дьяковских городищ имеется на р. Клязьме и по ее притокам, но они остаются почти не изученными, если не принимать во внимание раскопки, осуществленные на нескольких городищах в XIX в. А. С. Уваровым и П. С. Савельевым. Несколько городищ было исследо-

⁴² П. Н. Третьяков. Древнейшие городища Верхнего Поволжья; Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1949, стр. 188—190.

⁴³ Н. Н. Гурин. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье, стр. 163—164.

вано на Москва-реке в пределах г. Москвы и ее окрестностей. Здесь находятся Барвихинское, Дьяковское, Кунцевское, Мамоново городища и мн. др.⁴⁴

В действительности численность городищ была еще большей. Но многие из них уже давно застроены или спланированы при земляных работах. Другие разрушены реками, подмывающими свои берега. На участках, где естественное разрушение речных берегов протекало особенно

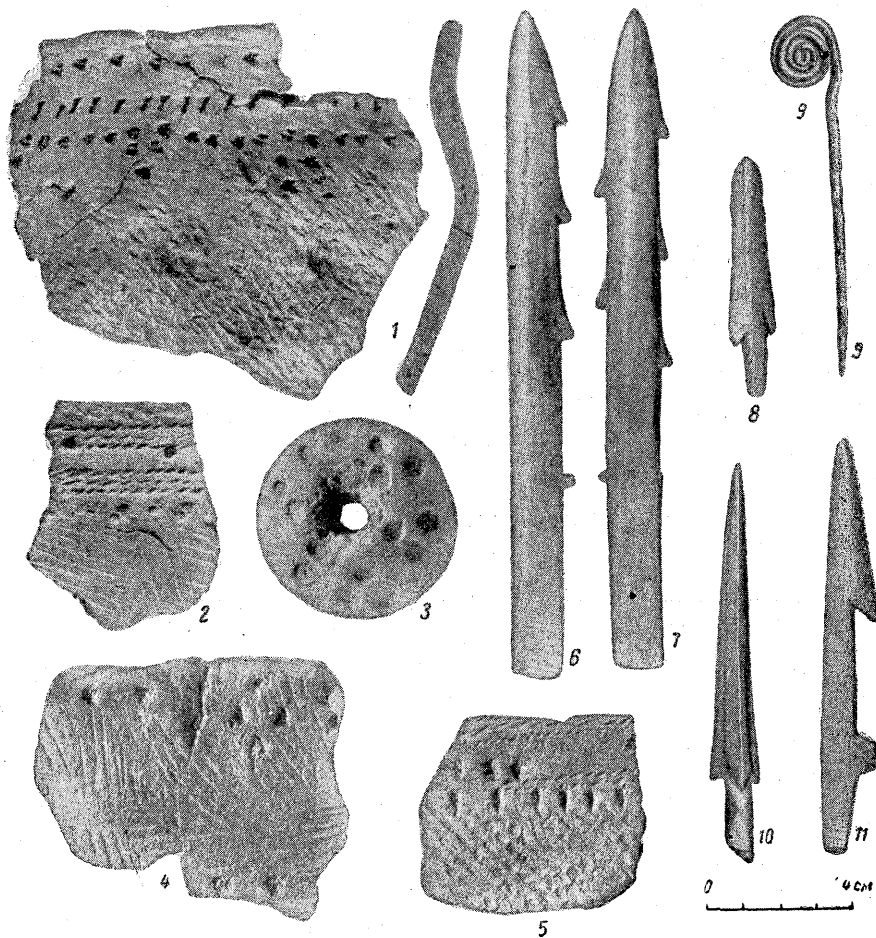

Рис. 43. Находки, сделанные на древнейших верхневолжских городищах. Раскопки автора в 30-х годах.

1, 2 — Городок, 3, 9 — Скнятинское II, 4—8, 10, 11 — Городищенское.

энергично, например на Волге между Костромой и Горьким, сохранились лишь отдельные городища — Городищенское, Минское, Юрьевецкое (нижний слой с текстильной керамикой), городище в г. Плес, Серюпитин-

⁴⁴ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э., стр. 22—30; О. Н. Бадер. 1) Древние городища на Верхней Волге: 2) Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей. МИА, № 7, 1947; Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. Обследования памятников дьяковской культуры в долине Москва-реки. СА, 1963, № 1; К. А. Смирнов. Новые городища дьякова типа в бассейне реки Москвы. КС, в. 102, 1964; Ю. А. Краснов. Раскопки на Успенском городище в 1961—1962 гг. КС, в. 102, 1964; Р. Л. Розенфельдт. Разведки и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960—1963 гг. КС, в. 102, 1964.

ское.⁴⁵ Есть сведения о городищах, расположенных в этой части Поволжья по мелким речкам. Но они остались не проверенными.

Кроме городищ в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье, имеется большое число неукрепленных поселений — селищ, обычно расположенных вблизи городищ. За редкими исключениями, они еще никем не исследовались. В тех же случаях, когда на селищах производились раскопки, они обычно не давали находок, кроме обломков керамики.

На основании имеющихся данных область дьяковских городищ ограничивается весьма точно, и дальнейшие исследования вряд ли внесут здесь что-либо новое (рис. 31).

К северу от излучины Волги, там, где ныне находится Рыбинское море, городища дьяковского типа не известны. В районе Белого озера имеются неукрепленные поселения с текстильной и позднекаргопольской керамикой, относящиеся к тому же времени, что и городища. Там лежала, очевидно, полоса пограничья дьяковских племен и их северных соседей. Нет дьяковских городищ и по р. Костроме, за исключением одного небольшого и маловыразительного городища около г. Буя. Крайним северо-восточным пунктом, где отмечено дьяковское поселение, является д. Брюхово на р. Вексе, соединяющей Галичское озеро с р. Костромой. В керамическом материале там очень сильны ананьинско-каргопольские элементы — веревочный орнамент и валик под венчиком.⁴⁶ То же самое, хотя и в меньшей степени, свойственно городищам Костромского Поволжья — Минскому и Городищенскому (Каримовскому). Кроме особенностей в керамике, костромские городища, судя по некоторым данным, выделяются своими прямоугольными жилищами-полужемлянками.⁴⁷ Во всех других частях Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья на городищах до сих пор обнаруживались лишь следы наземных построек столбовой конструкции.

Костромские городища расположены на восточной границе дьяковских племен по соседству с ананьинскими племенами. На р. Унже — левом притоке Волги — дьяковские городища не найдены; еще дальше на восток, на р. Ветлуге, лежала область ананьинских племен. Там известна большая группа городищ ананьинской культуры.⁴⁸ Крайним юго-восточным городищем с текстильной керамикой является упомянутое выше городище Малахай, расположенное на правом берегу Волги несколько ниже устья р. Ветлуги. Судя по характеру керамики, Малахай, как и ветлужское селище с текстильной керамикой («Паново городище»), относится к раннему времени, предшествующему сплошному расселению на этом участке берегов р. Волги камских ананьинских племен (рис. 44).

На северо-запад от верховьев Волги городища дьяковского типа известны на озерах и реках Валдайской возвышенности. Это Кафтинское городище, исследованное Н. К. Рерихом, Бологовское городище, городище на оз. Пудоро («в Узях») и мн. др. Керамика Бологовского городища оказалась несколько своеобразной за счет элементов западного происхождения, прежде всего штриховки поверхности некоторых сосудов.⁴⁹ Еще в большей степени эти элементы свойственны городищам верхнего течения Западной Двины, исследованным Я. В. Станкевич (Подгай,

⁴⁵ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье, стр. 164 и сл.; А. Д. Столяр и Л. П. Хлобыстин. Городище у д. Серюпитино. МИА, № 110, 1963, стр. 227; Л. А. Евтухова. Описание раскопок Юрьевоцкого городища. Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского научного общества краеведения за 1928 г., Иваново, 1929.

⁴⁶ Исследования В. Н. Глазова в 1910 г. Архив ЛОИА, д. 68, 1910.

⁴⁷ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э., стр. 30, 42.

⁴⁸ О. Н. Бадер. Городища Ветлуги и Унжи.

⁴⁹ П. Н. Третьяков. Бологовское городище. КС, в. 87, 1962.

Городок, городище у д. Ахромово и др.).⁵⁰ Здесь начиналось пограничье между дяковскими племенами и одной из групп балтийских племен раннего «железного века», керамика которой была покрыта орнаментальной штриховкой. В пределы территории этих племен входили земли по среднему и нижнему течению Западной Двины. К северу от поречья Западной Двины культура текстильной керамики шла дальше на запад, на территорию Эстонии и Южной Финляндии, где обитали прибалтийско-финские племена раннего «железного века», близкие поволжским (дяковским). Провести между ними какую-либо границу или наметить пограничную полосу в настоящее время не представляется возможным.

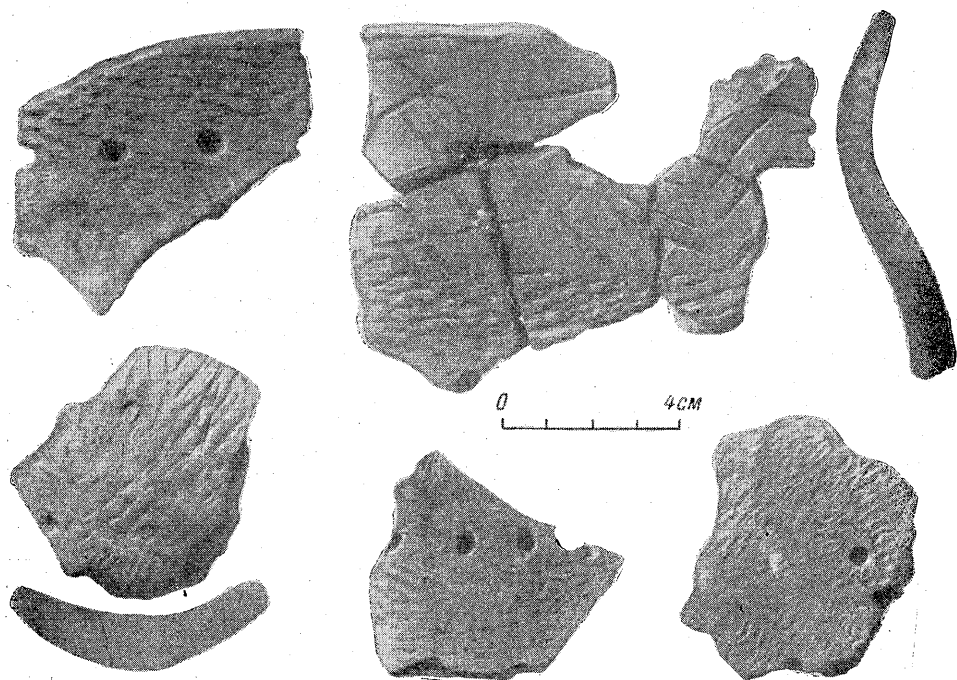

Рис. 44. Обломки керамики с городища Малахай. Чувашская АССР. Раскопки П. П. Ефименко, 1927 г.

Западное пограничье дяковских племен в области Волго-Окского междуречья лежало по верховьям рек Вазузы, Москвы и Угры. Известное Троицкое городище на Москва-реке около Можайска, исследованное А. Ф. Дубыниным, уже не является дяковским, а относится к памятникам пограничья дяковских и верхнеднепровских племен. Кому принадлежало это укрепленное поселение — угро-финнам или древним балтам, — сказать трудно. Но, по-видимому, элементы балтийской культуры там все же преобладали, начиная с момента его возникновения в последние века до нашей эры. То же самое следует сказать об известном Барвихинском городище и о ряде других городищ в области верхнего течения Москва-реки, обследованных в последние годы.⁵¹

⁵⁰ Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, № 76, 1960, стр. 18—38.

⁵¹ А. Ф. Дубынин. Результаты работ Можайской экспедиции. КС, в. 94, 1963; И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища. СА, 1965, № 1; Г. П. Латышева, И. Г. Розенфельдт. Раскопки Барвихинского городища. КС, в. 102, 1964; К. А. Смирнов. Новые городища дякова типа в бассейне р. Москвы. Там же; Р. Л. Розенфельдт. Разведки и раскопки дяковых городищ в Подмоскovie в 1960—1963 гг.

Если вернуться к вопросу о территориальной классификации городищ, поставленному в свое время А. А. Спицыным, то не трудно заметить, что обрисованная выше территория дьяковских городищ (в современном понимании этого термина) в основном совпадает с некогда намеченной А. А. Спицыным московско-владимирской локальной группой. Оказывается, А. А. Спицын стоял на правильном пути и последующие исследования лишь уточнили его классификацию. Не раз поднимался вопрос о том, возможна ли более дробная территориальная классификация дьяковских городищ, другими словами — возможно ли по археологическим данным раннего «железного века» определить границы отдельных угро-финских племен Волго-Окского междуречья и Верхнего Поволжья? В настоящее время, когда городища еще очень мало исследованы, по этому поводу нельзя сказать ничего определенного. Некоторые особенности культуры обнаруживаются лишь в пограничных областях за счет влияния соседних племен. Что же касается культуры основной дьяковской территории, то здесь не обнаруживается никаких сколько-нибудь существенных локальных различий. Если в конце II—начале I тыс. до н. э. культурно-этническая интеграция на основе угро-финских племен делала в области Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья свои первые шаги, то в раннем «железном веке» этот процесс достиг уже весьма высокого уровня, во всяком случае в области материальной культуры.

Дьяковские городища имеют более или менее одинаковые размеры (в пределах от 1 до 2 тыс. м²). Со стороны плато коренного берега они укреплялись земляным валом и рвом, иногда двумя валами и рвами. Более сложные системы укреплений, имеющиеся на многих городищах, относятся к I тыс. н. э. Следы жилищ, открытые во время раскопок, свидетельствуют о более или менее однообразной архитектуре — преимущественно наземных постройках столбовой конструкции с каменными открытыми очагами. В отдельных случаях, особенно в восточных районах дьяковской территории, были обнаружены следы жилищ прямоугольных очертаний, несколько углубленных в землю. Выше уже были упомянуты глиняные «жертвенники», открытые на Топорке, на Барвихинском городище и в некоторых других пунктах.

Керамика дьяковских городищ второй половины I тыс. до н. э. и начала нашей эры очень однообразна. Обычно это сосуды баночной формы со слабо профилированным венчиком (рис. 45). Их корпус несколько сужается к плоскому дну, снабженному небольшим карнизиком. Сверху донизу поверхность сосуда покрывалась текстильными отпечатками, иногда заходящими на дно. Нередки случаи, когда текстильные отпечатки покрывали дно сосуда и с внутренней стороны. В верхней части, под венчиком, обычно наносился примитивный орнамент из ямочных вдавлений или отпечатков гребенчатого штампа. Реже встречаются сосуды в форме перевернутого на узкое основание усеченного конуса, с несколько суженной шейкой. В начале нашей эры в дьяковской керамике распро-

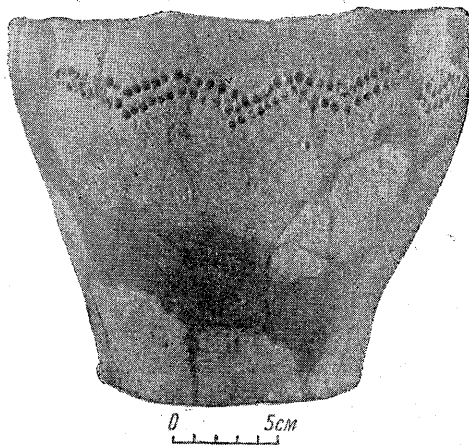

Рис. 45. Сосуд с текстильной орнаментацией. Городище Скнятинское I. Раскопки автора, 1937 г. Гос. Эрмитаж.

странилась обычная горшковидная форма, в более раннее время иногда встречающаяся среди сосудов небольших размеров.

Ассортимент железных изделий у дьяковских племен был сравнительно небольшим. У них имелись примитивные кельтовидные топоры, тесла и мотыги (?), ножи с «горбатой спинкой», разного рода острия, наконечники копий и рогатин. Среди наконечников стрел нельзя не отметить специфическую дьяковскую форму с двумя жалъцами. Все изделия отличались небольшими размерами, что было связано, вероятно, не столько с трудностями получения металла, сколько с его плохим качеством. Орудия, изготовленные из загрязненного кричного железа, не отличались большой прочностью. Длинный нож и широколезвийный топор, как известно, появились в «железном веке» сравнительно поздно.

Из железа изготавливались также и предметы убора — пряжки, булавки со спиральными головками, поясные кольца. Но чаще они делались из меди и бронзы. Так как цветной металл был привозным и часто попадал к дьяковским племенам в виде изделий, в их среде не было оригинальных форм бронзовых предметов убора и украшения, а распространялись вещи, бытовавшие у богатых цветным металлом соседей. Судя по находкам на Топорке, Черной Горе и на некоторых других городищах, в среде дьяковских племен были в ходу вещи, известные по ананьинским и раннепьяноборским могильникам Прикамья. За последнее время, после исследования древних городищ в области Верхнего Поднепровья, выяснилось, что некоторые формы вещей, считавшиеся раньше специфическими дьяковскими, в действительности являлись верхнеднепровскими. Обитавшие на Верхнем Днепре восточнобалтийские племена, получавшие металл с юга и из Средней Европы, были искусными мастерами, изготавливавшими сложные и красивые изделия. У них были широко распространены булавки со спиральными головками или сложными «дьяковскими» навершиями, большие фестончатые застёжки, гривны и другие вещи, изготовленные по восковым моделям, в частности украшения, имитирующие плетение из проволоки. До недавнего времени такие изделия считались типично угро-финскими. Теперь же стало известно, что они были распространены в Поднепровье у подгорцевских, милоградских и древних смоленских племен, о чем речь еще будет идти ниже.

В работе, посвященной древней истории Волго-Окского междуречья, Е. И. Горюнова, говоря о дьяковских городищах, обращает особое внимание на камские элементы в их культуре, сказывающиеся в формах бронзовых изделий и в керамическом материале пограничных областей. В основном Е. И. Горюнова несомненно права. Прикамье всегда было важнейшим центром угро-финской культуры в Восточной Европе. Но не следует переоценивать влияние камских племен на культуру населения Волго-Окского междуречья. В распоряжении науки нет, в частности, никаких определенных данных, свидетельствующих о проникновении в область междуречья отдельных групп ананьинского и пьяноборского населения, о чем пишет Е. И. Горюнова, не приводя никаких доказательств или ссылаясь на позднекаргопольские элементы.⁵² В целом, как теперь выясняется, с камскими элементами в дьяковской культуре успешно конкурировали элементы верхнеднепровские. Те и другие были следствием прежде всего торговых связей.

Постоянной находкой на городищах являются орудия труда и другие изделия из кости и рога, в основном те же самые, что и на древнейших верхневолжских городищах. Это гарпуны, наконечники стрел, разнообразные острия. Типичным дьяковским изделием из кости считаются

⁵² Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 25, 30—31.

рукоятки железных ножей с характерными навершиями и орнаментацией. Но, кажется, рукоятки подобных форм имелись и в Верхнем Поднепровье. Рукоятки ножей бывают украшены изображениями звериных голов, обычно кабана. Ими почти исчерпываются памятники дьяковского искусства. Найденная на Дьяковском городище костяная фигурка зверя также изображает, по-видимому, кабана.

2

Перехожу к городищам городецких племен, обитавших на р. Оке в среднем и нижнем ее течении, и в более южных областях Западного Поволжья. В целом эти городища, особенно их ранняя группа, изучены хуже, чем дьяковские. Значительных раскопок на них не производилось,

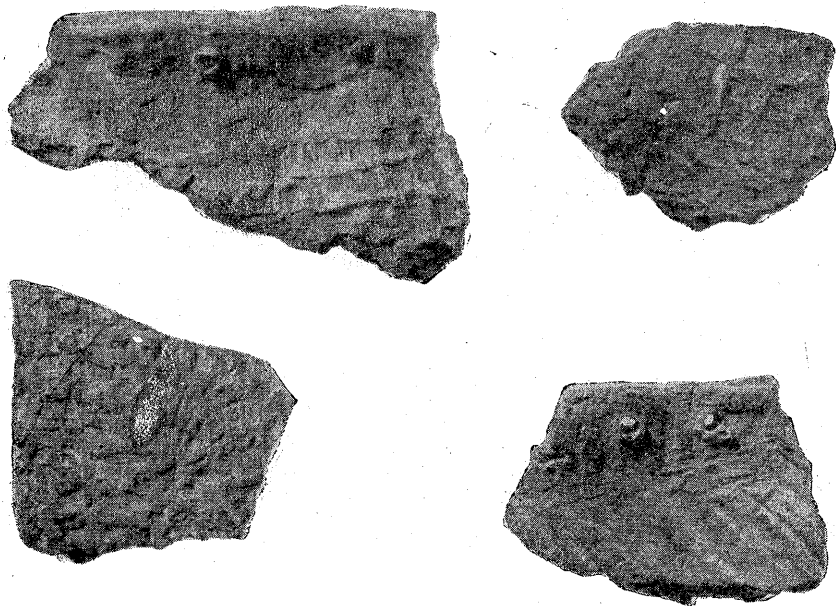

Рис. 46. Керамика с рогожным орнаментом. Городище у с. Половское Рязанской обл. Сборы П. П. Ефименко, 1923 г.

если не считать старых работ В. А. Городцова. Имеющиеся материалы обобщены в работах Н. В. Трубниковой и А. П. Смирнова.

Поречье р. Оки было охарактеризовано выше как область пограничья дьяковских и городецких племен. Культура обитавшего здесь населения имела особенно смешанный, переходный характер. Большинство окских городищ с равным основанием могут быть названы и дьяковскими, и городецкими, особенно если речь идет о памятниках раннего времени — I тыс. до н. э. и начала нашей эры. Отсутствие сколько-нибудь определенной этнокультурной границы между племенами, жившими к северу и югу от Оки, и то, что Ока не разделяла, а наоборот, как бы сближала эти племена, объясняется, очевидно, их близким родством. Древности городецких племен, относящиеся к раннему «железному веку», отличаются от дьяковских, собственно говоря, лишь одним заметным признаком, а именно рогожным орнаментом на керамике (рис. 46). На городищах поречья Оки сосудов с рогожными отпечатками было сравнительно немного. Лишь в некоторых пунктах они численно преобладали над керамикой с обычными текстильными отпечатками. В более южных областях

рогожный орнамент на керамике обычно преобладал над текстильным или же полностью господствовал. Сосуды с рогожным орнаментом нередко украшались по шейке ямочками или сквозными круглыми отверстиями — прием орнаментации, широко распространенный в лесостепных областях, начиная с эпохи поздней бронзы. Другим признаком городецкой культуры, менее определенным, являлись прямоугольные жилища-землянки, в пределах дьяковских племен почти не известные.

Обычно, когда говорят о разнице между дьяковской и городецкой культурами, имеют в виду особенности той и другой, относящиеся не к I тыс. до н. э. и началу нашей эры, а возникшие позднее, во II—III вв. н. э., когда в культуре племен угро-финского Поволжья произошли большие изменения. На раннем этапе дьяковская и городецкая культуры были очень близки. Одинаковые экономика и быт, уровень техники, близкие природные условия — все это сближало материальную культуру этих племен.

В поречье Оки одним из наиболее древних является Старшее Каширское городище, раскопанное В. А. Городцовым в 1925 г. Это памятник очень сложный. Он имеет мощную свиту напластований, охватывающую период от VII—VI вв. до н. э. и до середины I тыс. н. э. Но на основании дневников раскопок В. А. Городцова можно выделить находки, характеризующие нижние слои (4—6 слои). Здесь найдено много костяных орудий, мало железа, отсутствуют «грузики дьякова типа», относящиеся к первым векам нашей эры.

Городище расположено в такой местности, где лежало пограничье трех культур «железного века» — дьяковской, городецкой и верхнеокской (верхнеокская принадлежала одной из групп восточнобалтийских племен). Кроме своеобразной керамики, в значительной части лишенной текстильных отпечатков, украшенной несложными гребенчатыми и ямочными узорами в верхней части, древние обитатели Старшего Каширского городища получили от своих западных и юго-западных соседей ряд других специфических элементов — костяные стрелы с шипом, «рогатые кирпичи», глиняные погремушки и др. Указывая на эти вещи, В. А. Городцов был склонен говорить о связях обитателей городища непосредственно со скифами. Теперь хорошо известно, что такого рода изделия во множестве встречаются на древних городищах в бассейне верхнего течения Десны и Днепра и в области Верхней Оки.

Ряд находок — рукоятки ножей из кости, гарпуны, глиняные «бусы» — не отличаются от вещей, происходящих с типичных дьяковских городищ, например Дьяковского или Топорка. Глиняный «жертвенник», открытый на Старшем Каширском городище, одинаков с дьяковскими и верхнеднепровскими. Обычно Старшее Каширское городище причисляется к дьяковским. Но его особенностью, характерной для окских городищ и не известной в дьяковской культуре Верхнего Поволжья, являются жилища-землянки, имевшие, по мнению В. А. Городцова, круглую в плане форму. К сожалению, нельзя дать хронологическую классификацию этих землянок. Но во всяком случае бесспорно, что они разновременны. Наряду с ранними, врезающимися в материк, имеются и поздние, целиком вырытые в культурном слое.

Недалеко от Старшего Каширского городища находится близкое ему по характеру находок Кропотовское городище, также исследованное В. А. Городцовым. В этом же районе, вблизи устья Москва-реки имеются и другие древние городища. На некоторых из них были отмечены следы жилищ-землянок.⁵³

⁵³ В. А. Городцов. 1) Старшее Каширское городище; 2) Отчет об археологических исследованиях в Каширском и Коломенском уездах. Тр. Этнографо-археологического музея I МГУ, в. IV, 1928; М. В. Т а л и ц к и й. Информация об археоло-

Ниже устья Москва-реки, по правому и левому берегам Оки и ее притокам, известно множество городищ городецкой культуры с керамикой, в значительной части покрытой рогожными отпечатками. По материалам В. А. Городцова и другим данным на участке от устья Москва-реки и до г. Спасска Н. В. Трубникова и А. П. Смирнов насчитывают до 100 городищ и селищ, значительная часть которых имеет наслоения с «рогожной» керамикой. Это число можно считать близким к действительному. Имея старую, хорошо разработанную долину, р. Ока здесь сравнительно мало размывает свои коренные берега, на отрогах которых находятся городища. Последние повсюду здесь очень хорошо сохранились. Во время обследований 1928 г., участником которых я являлся, было обнаружено лишь одно разрушенное городище, расположенное в пределах г. Спасска. Поэтому намечающаяся здесь территориальная группировка городищ (сведения об этом были опубликованы мной в 1934 г.) представляет большой интерес. Особенно убедительны случаи, когда городища одного времени и типа располагались почти рядом друг с другом. Таковы два городища на р. Вобле около д. Глинково, три городища у д. Новоселки, напротив с. Солодчи, два городища у деревень Вышгород и Гавердово, группа из пяти городищ у деревень Польное и Половское и др.⁵⁴

Такого же рода городища и селища имеются по берегам правого притока р. Оки — Прони. Это известное Чертово городище, Вуколов Бугор, Денисовское селище и др. Как и на городищах поречья Средней Оки, на пронских городищах встречается как текстильная, так и рогожная керамика.⁵⁵ В области нижнего течения Оки древние городища известны в значительно меньшем числе. Н. В. Трубникова называет здесь всего лишь 10 пунктов, расположенных вблизи Мурома по Оке и ее притокам: Кондраковское городище, Ознобишин городок, Сердеченское, Якиманское селище и др. Судя по незначительным материалам, происходящим с этих городищ, особенно же по находкам, сделанным О. Н. Бадером во время раскопок в Кондракове, эти городища являются скорее дьяковскими, чем городецкими. Рогожная орнаментация на керамике почти не встречается. Среди материалов с Кондраковского городища имеются фрагменты отдельных сосудов с веревочным орнаментом, которые следует рассматривать как результат ананьинского влияния — до поречья Ветлуги здесь было не так уж далеко.

В своей работе 1953 г., посвященной городецкой культуре, Н. В. Трубникова писала о пяти группах памятников, относящихся к этой культуре. Кроме двух только что обрисованных окских групп — рязанской и муромской, — она называет саратовскую (саратовско-хвалынскую) группу, куйбышевскую, куда входят городецкие памятники Самарской Луки, и, наконец, группу городищ по рекам Цне и Мокше (пензенско-тамбовскую). Однако в работе Н. В. Трубниковой не дана характеристика особенностей культуры этих групп. Не ясно, чем отличается по культуре одна группа от другой. Фактический материал, которым располагает Н. В. Трубникова, является крайне незначительным. Создается впечатление, что данная группировка является в значительной мере искусственной: группы связаны с местностями, наиболее исследованными в археологическом отношении. По-видимому, локальные особенности городецкой культуры

логических обследований в Коломенском районе Московской области в 1936 г. В сб. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 61—67.

⁵⁴ А. П. Смирнов и Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, в. Д1-14, М., 1965, стр. 29—31; П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья, стр. 154—156.

⁵⁵ А. А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони. СА, в. IV, 1937, стр. 211—238.

в разных частях ее ареала имеют такой же характер, что и местные особенности дьяковской культуры, проявляющиеся на окраинах, в зонах, пограничных с соседними племенами. Во всяком случае, обе окские группы отличались лишь тем, что их культура занимала как бы промежуточное положение между дьяковской и городецкой. В области нижнего течения р. Оки, помимо этого, сказывалась близость племен ананьинской культуры. В Среднем Поволжье (куйбышевская и саратовская группы) дьяковские элементы отсутствовали, но имелись некоторые особенности южного, скифо-сарматского происхождения. Впрочем, собранные Н. В. Трубниковой данные о связях городецких племен со скифо-сарматским миром оказались очень ограниченными. Они говорят не столько о связях, сколько об их отсутствии или слабости. Отдельные предметы, попадавшие с юга к городецким племенам, несколько не влияли на общий облик их культуры. Совсем иначе обстояло дело в последующий исторический период, когда не только сарматские, но и отдельные провинциально-римские элементы были усвоены южными угро-финскими племенами.

В работе 1965 г. Н. В. Трубникова и А. П. Смирнов называют шесть групп городецких городищ: среднеокскую (рязанскую), нижнеокскую (муромскую), северо-восточную (на территории Чувашской АССР), восточную (куйбышевскую), юго-восточную (саратовскую) и центральную (пензенско-тамбовскую). Но и в этой работе особенности культуры отдельных групп не получили ясной характеристики.⁵⁶

Далеко не ясен характер древних городищ из бассейна р. Суры. На территории Чувашской АССР городищ с рогожной керамикой, — таких, как средневожжские, — до сих пор не найдено. Возможно, что в раннем «железном веке» здесь были местности, занятые не финно-угорскими, а другими племенами — остатками балановского или абашевского населения (городища Ножевар и Аратау на Суре),⁵⁷ позднее исчезнувшего. На Волге в северо-западной части Чувашии находится уже упомянутое городище Малахай с древней (первая половина I тыс. до н. э.) текстильной керамикой. Позднее здесь появилось ананьинское население. В свое время Н. В. Трубникова правильно намечала восточную границу городецких городищ по линии Муром—Куйбышев. И совершенно напрасно некоторые исследователи стали рассматривать древние городища Чувашской АССР в качестве городецких.

О возникновении культуры раннего «железного века» в Верхнем Поднепрорье

1

В начале II тыс. до н. э., в период распространения племен шнуровой керамики, население Верхнего Поднепрорья и прилегающей к нему части Среднего Поднепрорья не разделялось культурно-этнической границей. В той и другой области обитали близкие друг другу племена, объединенные археологией в рамках единой культуры — среднеднепровской. Совсем иная картина сложилась спустя тысячелетие, в раннем «железном веке». К этому времени племена Среднего и Верхнего Поднепрорья заметно обособились. Очевидно, в течение периода бронзы здесь

⁵⁶ Н. В. Трубникова. 1) Племена городецкой культуры. Тр. ГИМ, в. 22, 1953; 2) Городецкие племена и их связь со скифами и сарматами. КС, в. XXXIV, 1950; А. П. Смирнов и Н. В. Трубникова. Городецкая культура, стр. 19—33.

⁵⁷ В. Ф. Каховский. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1963, стр. 114—119.

произошли значительные изменения в составе населения. Сейчас важно установить, коснулись ли они обеих названных частей Поднепровья или лишь одной из них, прежде всего — коснулись ли они области Верхнего Поднепровья, древнее население которой составляет предмет настоящего исследования.

Лесостепная часть Среднего Поднепровья, ограниченная с севера крупнейшими притоками Днепра — Припятью и Десной, в I тыс. до н. э. была занята многочисленными племенами, обычно причисляемыми к скифскому миру. Иногда их культуру называют «зольничной», по «зольникам» — большому скоплениям золы, встречаемым на местах их поселений. Северная граница археологических памятников скифского, или «зольничного», типа проходила в Поднепровье примерно по границе лесостепи и леса. Они известны во множестве в верхнем течении Днестра и Южного Буга; на Днепре они достигают параллели Киева; в Левобережье охватывают бассейн притоков Днепра — рек Сулы, Псла и Ворсклы, а также часть бассейна притока Десны — р. Сейма.

Вопрос о происхождении, этнической принадлежности и составе лесостепных поднепровских племен скифской поры остается до сих пор открытым, несмотря на постоянный интерес, проявляемый к нему археологами. Дело в том, что культура этих племен, имеющая ряд черт, общих с культурой бесспорно скифского населения Нижнего Поднепровья и Северного Приазовья, имела свои специфические особенности. И если одни исследователи считают это население скифским, то большинство археологов отделяют лесостепные племена со «скифообразной» культурой от собственно скифских племен степной полосы. Они рассматриваются либо в качестве населения, близкого фракийцам (Геродот сообщает о таких племенах в области Скифии), либо предполагается, что это население имело неоднородный этнический состав и, что особенно важно, в среде его находилась одна из групп древних славян. Несколько лет тому назад исчерпывающее освещение этот спорный вопрос получил в работе Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой «Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время».⁵⁸ Авторы работы полагали, что второе из приведенных здесь предположений является наиболее вероятным.

Не останавливаясь на вопросах скифской археологии и на дискуссиях, которые ведутся по поводу увязки археологических данных с картой Геродота, укажу лишь, что этнокультурная картина Скифии, по мнению большинства исследователей, была не столько результатом автохтонного развития поднепровских племен, сколько итогом больших перемен в составе населения Северного Причерноморья. Основное население степной Скифии, по-видимому, пришло в Поднепровье с востока. Земледельческие племена, среди которых естественнее всего искать местных жителей, несут на себе следы западного влияния, перекрытые общескифской «вуалью». Все это чрезвычайно сложно, и, вероятно, археологи еще не скоро сумеют разобраться в вопросах этногенеза племен древней Скифии.

Вопрос о происхождении племен раннего «железного века» в области Верхнего Поднепровья также нельзя считать разрешенным. Он значительно усложняется тем обстоятельством, что их культура была далеко не однородной. Перечисленные выше пять верхнеднепровских культур — юхновская, смоленская, верхнеокская, милоградская и культура городищ со штрихованной керамикой — находились в разном отношении друг к другу. Первые три (юхновская, смоленская и верхнеокская) были очень близки между собой. Их взаимоотношения были примерно такими же, как взаимоотношения отдельных частей дяковской или городищской

⁵⁸ Сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954.

культур. Заметно выделялись своими многочисленными особенностями милоградские городища юго-западной части Верхнего Поднепровья. Культура городищ со штрихованной керамикой также была весьма своеобразной. В ходе дальнейших исследований она распадется, вероятно, на несколько локальных подразделений. Следовательно, вопрос о происхождении культуры раннего «железного века» предстоит решать дифференцированно.

Второе обстоятельство, которое следует иметь здесь в виду, заключается в том, что памятники позднего периода бронзы, предшествующие городищам, изучены в Верхнем Поднепровье еще далеко не достаточно. Они никогда не служили предметом специального исследования.

В последние годы в лесостепных районах левобережной Украины выявилась обширная группа археологических памятников — мест поселений конца II—начала I тыс. до н. э., отличающихся как от степных культур поздней бронзы срубного типа, так и от белогрудовских памятников Правобережья. Новая культура получила наименование бондарихинской по имени урочища Бондариха на левом берегу Северского Донца около г. Изюма. Поселения бондарихинской культуры в числе нескольких десятков известны ныне по р. Осколу, в верхнем течении Северского Донца, Ворсклы, Псла и Сулы и, кажется, по р. Сейму. Есть основание предполагать, что эта культура имеет местное происхождение. Ее предшественником является культура поселения эпохи бронзы так называемого малобудковского типа и, может быть, еще более ранних марьяновских поселений, восходящих к местному неолиту.

В более позднее время, в раннем «железном веке», на территории, занимаемой бондарихинскими памятниками, распространилась упомянутая выше «золяничная» культура скифского типа, генетически ничем не связанная с бондарихинской. Вместе с этим оказалось, что керамика бондарихинских поселений и по формам, и по орнаментам является чрезвычайно близкой керамике деснинских и сейминских городищ раннего «железного века», принадлежащих к юхновской культуре. В. А. Ильинская, занимающаяся лесостепным Левобережьем в предскифское и скифское время, сделала отсюда вывод, что в начале I тыс. до н. э. бондарихинские племена были оттеснены на север носителями «золяничной» скифской культуры. «Бондарихинские памятники поздней бронзы, — пишет она, — могут рассматриваться как прямые и непосредственные предшественники юхновской культуры».⁵⁹

На первый взгляд соображения В. А. Ильинской являются вполне убедительными. Бондарихинская и юхновская керамика действительно имеют между собой очень много общего. Но приходится иметь в виду, что в бассейне р. Десны, на юхновской территории, имелась своя своеобразная культура (или культуры) «бронзового века», несколько отличающаяся от бондарихинской, но также имеющая в своем составе элементы, вошедшие позднее в материальную культуру юхновских городищ.

Памятники этой культуры остаются почти не исследованными. Но по керамическому материалу, прежде всего по его орнаментации, ее можно рассматривать как местную, восходящую к культуре среднеднепровских племен.

В нижнем течении Десны и по Сейму было выявлено более 20 таких поселений, названных сосницкими по имени г. Сосница на р. Сейме, около которого, в урочище Боромка, сделаны наиболее интересные находки. Богато орнаментированная сосницкая керамика несет на себе явные традиции среднеднепровской культуры: зональность, горизонталь-

⁵⁹ В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1964, № 1, стр. 44—45.

ные прочерченные линии, заштрихованные треугольники, отпечатки шнура и др. В поздних керамических комплексах появляется небольшой валик, опоясывающий шейку сосуда. С. С. Березанская рассматривает сосницкие памятники как своеобразный восточный вариант тшинецкой культуры, другими словами — сближает их с культурами бронзы лесостепного Правобережья, восходящими к культурам шнуровой керамики, одной из которых является среднеднепровская.⁶⁰

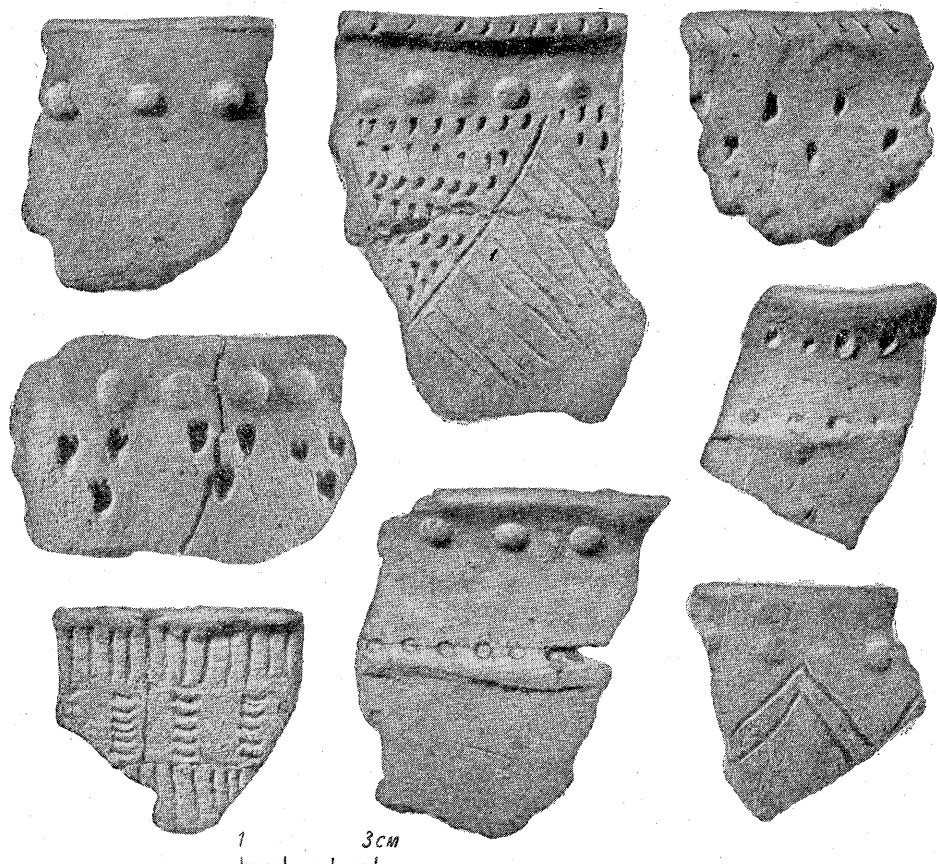

Рис. 47. Керамика эпохи поздней бронзы из области Верхнего Поднепровья. Почепское селище. Раскопки Ф. М. Заверняева.

Поселения эпохи бронзы имеются и в верхнем течении Десны. Часть из них относится к позднему времени — к концу II—началу I тыс. до н. э. Ф. М. Заверняев, впервые опубликовавший краткие сведения об этих памятниках, безусловно ошибается, сближая свои находки с материалами срубного и бондарихинского типов. Керамика поздних деснинских поселений — плоскодонная, с выпуклыми стенками, слегка суженной шейкой и отогнутым наружу венчиком — весьма своеобразна. Для нее характерны особая форма отогнутого наружу скошенного венчика, «жемчужный» орнамент по шейке сосудов, невысокий уплощенный валик, ограничивающий шейку сосуда снизу, и разнообразная орнаментация в верхней части сосудов, несколько похожая на бондарихинскую, состоящая

⁶⁰ С. С. Березанська. Пам'ятки періоду середньої бронзи на Десні та Сеймі. Археологія, XI, 1957.

из ямочных вдавлений и из небрежных прочерченных линий или отпечатков шнура, образующих несложные геометрические узоры.

Такая керамика была найдена Ф. М. Заверняевым в ряде пунктов по р. Десне и ее притоку — р. Судости (рис. 47).⁶¹

На основании этого еще сравнительно небольшого и фрагментарного материала трудно делать какие-либо заключения. Но представляется весьма вероятным, что и эта культура, выявляемая в бассейне верхней Десны, непосредственно связана со среднеднепровской. Очевидно, к такому же выводу приходит И. И. Артеменко. Во всяком случае, в рамки среднеднепровской культуры им включаются ранние поселения, обследованные Ф. М. Заверняевым.⁶²

В настоящее время хронологическая классификация материалов из городищ юхновской культуры лишь намечается. Но известно, что в нижних слоях городищ нередко встречается керамика с «жемчужным» орнаментом, а также с орнаментацией из прочерченных линий, образующих полукружия или зигзаги. Ф. М. Заверняев сообщает, что на Почепском селище в слое периода поздней бронзы найдены шарообразные глиняные изделия неизвестного назначения, характерные для культуры юхновских городищ.⁶³ Таким образом, возможно думать о преемственности между местной культурой позднего бронзового века и сменившей ее юхновской культурой.

Следовательно, вопрос о возникновении в области бассейна Десны культуры раннего «железного века» оказывается далеко не простым. И еще предстоит выяснить, какую роль в этом процессе сыграли местные племена, восходящие к среднеднепровской культуре, и их непосредственные соседи — бондарихинские племена, как будто бы ничем не связанные со среднеднепровской культурой.

В области Правобережья Среднего Днепра исследования памятников периода бронзы ограничиваются почти исключительно «предскифской» группой. Она охватывает связанные между собой древности разного времени — более ранние, близкие комаровско-тшинецким, затем обширную группу белогрудовских поселений позднего периода бронзы и, наконец, собственно предскифские чернолесские памятники.⁶⁴ Северная граница распространения этих древностей проходит приблизительно по параллели Киева. В более северных областях, там, где в раннем «железном веке» лежала территория милоградской (подгорцевской) группы племен, древности периода бронзы связываются, по-видимому, с упомянутой выше сосной культурой. Курганы с трупосожжением, содержащие круглодонную керамику, известные на Житомирщине по раскопкам Е. В. Махно и исследованиям С. С. Гамченко и И. Ф. Левицкого, являются скорее всего раннемилоградскими и относятся к началу I тыс. до н. э. О. Н. Мельниковская полагает, что эти древности являются генетическим предшественником милоградской культуры и что именно в этих местах — на территории

⁶¹ Ф. М. Заверняев. Памятники эпохи поздней бронзы в бассейне Верхней Десны. СА, 1964, № 1.

⁶² И. И. Артеменко. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья. КС, в. 88, 1962, стр. 73.

⁶³ В. П. Левенко. Городища юхновской культуры. КСИАУ, в. 7, 1957, стр. 52, рис. 2 (*вверху*); Ф. М. Заверняев. Памятники эпохи поздней бронзы. . ., стр. 69; А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посемья. МИА, № 113, 1962, стр. 118; рис. 18, 1.

⁶⁴ С. С. Березанська і І. Т. Тітенко. Нові розкопки пам'яток Белогрудівського типу. Археологія, IX, 1954; В. Д. Рыбалова. К вопросу о хронологии некоторых групп памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине. АС, в. 2, 1961, стр. 9—25; А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961.

Волыни — находилась ее «родина».⁶⁵ Однако с решением этого вопроса отнюдь не следует торопиться, пока не будут исследованы памятники эпохи бронзы на всей милоградской территории — в среднем и нижнем течении Припяти, в Гомельском Поднепровье и в поречье Нижнего Сожа.

Отдельные находки керамики, происходящие с Припяти, свидетельствуют, что там была распространена «предмилоградская» культура. Я имею в виду, например, находки А. З. Ковалени и С. С. Шутова, сделанные на урочищах Казаргац и Пристань под Туровым. Происходящие оттуда сосуды, судя по их обломкам, имели шаровидную или яйцевидную форму; их прямые, слегка отогнутые наружу шейки были украшены рядом ямок, сквозных отверстий или «жемчужин»; снизу шейка ограничивалась невысоким валиком.⁶⁶ Такая керамика, но без валика, не раз встречалась в основании культурного слоя милоградских городищ. Она была непосредственным предшественником милоградской круглодонной посуды. Более ранняя керамика периода бронзы, происходящая с берегов Припяти, принадлежит к культуре шнуровой керамики.

Следовательно, возможно предполагать, что милоградская культура раннего «железного века» имела местное происхождение, являясь одной из древних культур, возникших в Поднепровье в среде потомков пастушеских племен шнуровой керамики. Здесь, в лесах и болотах Полесья, эти племена, в отличие от всех своих соседей, сохранили в быту древний элемент культуры шнуровой керамики — посуду шаровидной или яйцевидной формы с круглым дном.

2

Совсем в ином плане намечается решение вопроса о происхождении культуры городищ со штрихованной керамикой. Теперь уже окончательно выяснилось, что по всему ее обширному ареалу городищам предшествовали неукрепленные поселения с такой же точно керамикой, древнейшие из которых относятся ко II тыс. до н. э. Штрихованной керамике на этих поселениях сопутствуют многочисленные изделия из кремня. Их формы и «микролитовидная» техника сохраняют традиции местного неолита. В последнее время поселения этого типа изучались Р. Яблонските-Римантене в Литовской ССР и А. Г. Митрофановым, Ф. Д. Гуревич и другими в Белоруссии.⁶⁷ По общему мнению, племена раннего «железного века», оставившие городища со штрихованной керамикой, — это потомки древнего местного населения, жившего между Верхним Поднепровьем и Юго-Восточной Прибалтикой еще до появления племен шнуровой керамики.

Выше шла речь о том, что пастушеские племена шнуровой керамики, проившие в лесные области Восточной Европы в конце III—начале II тыс. до н. э., расселились в их пределах далеко не равномерно и не повсеместно. В Южной и Юго-Восточной Прибалтике они прочно овладели лишь прибрежными областями, а в Верхнем Поднепровье — преимущественно его центральной и восточной частями. Между Прибалтикой и

⁶⁵ Е. Махно. Дві пам'яткі бронзової доби в басейні р. Тетерева. АП, т. II, 1949, стр. 205—211; О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии. СА, 1962, № 1, стр. 171—172.

⁶⁶ А. З. Ковалени і С. С. Шутова. Матар'ялы з дагісторыі Тураушчыны. Працы, т. II, 1930, стр. 345, 348, 359—361.

⁶⁷ Р. Яблонските-Римантене. 1) Стоянки каменного века Эйгуляй. ВЭИП, т. 1, 1959, стр. 20—22; 2) О древнейших культурных областях на территории Литвы. СЭ, 1954, № 3, стр. 4; R. Jablonskytė-Rimantienė. Ankstyvojo geležies amžiaus Lapainios puodžiai. ILKI, III, 1961. — Материалы А. Г. Митрофанова остаются неопубликованными. Упоминания о них имеются: К. М. Поликарпович. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг. МАБ, т. 1, 1957, стр. 13—15; Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Поманья. Л., 1962, стр. 18 и сл.

Поднепровьем оставались обширные пространства, куда племена шнуровой керамики не проникли — во всяком случае в таком числе, чтобы заметно повлиять на состав населения. В этих местностях почти не известны следы поселений и могильников среднеднепровской культуры. Единственным известным ныне археологическим памятником, который можно связать с пришлыми племенами, является здесь могильник у пос. Нача в бассейне Верхнего Немана, исследованный в начале нашего века В. Шукевичем. По деталям погребального обряда (трупосожжение, сооружения из камня) и инвентарю могил он примыкает к древностям Волыни и территории Польши.⁶⁸

Таким образом, между Юго-Восточной Прибалтикой и Верхним Поднепровьем должны были сохраниться компактные группы древнего местного населения. Это и были племена, украшавшие свою глиняную посуду орнаментальной штриховкой.

При изучении археологических памятников в бассейне Немана Ф. Д. Гуревич обратила внимание на то, что после периода городищ со штрихованной керамикой, т. е. начиная с середины I тыс. н. э., развитие культуры происходило в этой области не столько на основе местных традиций, сколько на базе культуры балтов из передовых приморских областей. В археологии это нашло выражение прежде всего в распространении соответствующих типов керамики и разного рода погребальных памятников, местным племенам неизвестных. Отсюда Ф. Д. Гуревич сделала вывод, что племена штрихованной керамики балтами не являлись, во всяком случае по своему происхождению. Она писала, что «население, оставившее городища со штрихованной керамикой, принадлежало бесспорно к аборигенам Юго-Восточной Прибалтики и прилегающих к ней земель».⁶⁹

Такое представление о племенах штрихованной керамики находится в противоречии с широко распространенным в археологической литературе мнением об этих племенах как о древних балтах. Более того, до недавнего времени археологические памятники этих племен, относящиеся к раннему «железному веку», сплошь да рядом рассматривались в качестве наиболее бесспорной группы древностей восточных балтов. Такой вывод подсказывался прежде всего совпадением территории культуры штрихованной керамики с коренными историческими землями литовцев и родственных им восточнобалтийских племен.

В свете всего сказанного выше данная традиционная точка зрения подлежит, очевидно, значительному уточнению. В племенах штрихованной керамики следует видеть древнее, местное по происхождению население, оказавшееся со II тыс. до н. э. в окружении балтийских племен и, очевидно, мало-помалу ими ассимилированное. Трудно сказать, в какие сроки и как протекал этот процесс. В области культуры он завершился, по-видимому, к середине I тыс. н. э., а начался значительно раньше, — возможно, еще в «догородищенское время». Поэтому городища со штрихованной керамикой, относящиеся к раннему «железному веку», по моему мнению, отнюдь не следует исключать из числа древностей балтов.

Таким образом, на основании имеющихся сейчас данных можно думать, что этнокультурная неоднородность населения Верхнего Поднепровья в раннем «железном веке» в значительной степени была унаследована от предыдущего исторического периода. В южных частях этой области известное влияние на характер культуры могли оказать племена позднего периода бронзы, обитавшие в лесостепной зоне Среднего Поднепровья.

⁶⁸ W. S z u k i e w i c z. Cmentarzysko szkieletowe w Łankiskach. PA, II, 1921, стр. 52—63.

⁶⁹ Ф. Д. Г у р е в и ч. Древности Белорусского Понеманья, стр. 35.

К этому вопросу я возвращусь еще раз, когда речь пойдет о сопоставлении археологических данных с материалами верхнеднепровской гидронимии.

Юхновские, смоленские и верхнеокские племена

1

Краткую характеристику верхнеднепровских культур раннего «железного века» я начну с левобережной группы, объединяющей племена, жившие по соседству с древними поволожскими угро-финнами (дьяковская и городецкая культуры). Раньше всего здесь была определена археологами культура юхновских городищ раннего «железного века», известная по Десне и ее притокам от Брянска на севере и до Чернигова на юге. Городищ юхновской культуры известно очень много. По данным В. П. Левенка, в области бассейна Верхней и Средней Десны городища и селища этой культуры зарегистрированы в 262 пунктах. На р. Сейме только лишь в пределах Курской области известно 47 городищ.⁷⁰ На прилагаемой карте (рис. 31) помещена не более чем десятая часть этих памятников — только наиболее известные и упомянутые в тексте.

Культура юхновских городищ, названная по имени второго городища у с. Юхново в среднем течении р. Десны, исследованного Д. Я. Самоквасовым в 70-х годах XIX в., заметно отличается как от дьяковской, так и от городецкой. Общим у них является, пожалуй, лишь внешний облик городищ и отчасти характер домостроительства. Городища юхновской культуры также очень невелики; часто они располагаются группами по 2, 3 или 4; постройки на них имели столбовую конструкцию. Лишь в области южного пограничья юхновских племен — на Сейме — некоторые городища имели несколько большие размеры и мощные укрепления. Здесь сказывалось соседство с племенами степи.

Во всем остальном юхновская культура заметно отличалась от поволожской угро-финской. Даже характер культурного слоя на юхновских городищах совсем другой, чем на дьяковских и городецких памятниках. Его особенностью является большая мощность наслоений за счет скоплений золы. Такие «зольники», находящиеся обычно по краям городищ, получились, вероятно, как и скифские «зольники», благодаря широкому использованию соломы в качестве топлива. Если это предположение справедливо, оно может рассматриваться как косвенное указание на сравнительно значительную роль земледелия в хозяйстве обитателей юхновских городищ. Среди слоев золы иногда лежат скопления рыбьей чешуи и костей рыб. Очевидно, рыбные богатства Десны широко использовались древними юхновцами. Судя по костям животных, происходящим из кухонных отбросов, соотношение скотоводства и охоты в хозяйстве юхновских племен было примерно таким же, как и в других южных областях лесной полосы, — остатки домашнего скота составляли более 70% всего костного материала.⁷¹ Чтобы не возвращаться еще раз к хозяйству юхновских племен, укажу на постоянные находки на городищах каменных зернотерок и железных серпов. На Кузиной Горе в верхнем течении р. Сейма был найден отпечаток зерна ячменя на поверхности глиняного «рогатого кирпича».

⁷⁰ Н. В. Трубинова. К вопросу о Юхновском городище. ТрГИМ, в. VIII, 1938, стр. 123—128; В. П. Левенок. 1) Городища юхновской культуры, стр. 49; 2) Юхновская культура. СА, 1963, № 3; Ю. А. Липкин. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посемье. МИА, № 113, 1962, стр. 134 и сл.

⁷¹ В. Н. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе, стр. 62 и сл.; А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посемья, стр. 96.

М. В. Воеводский, обследовавший в 40-х годах большое число юхновских городищ, суммировал данные о сооруженных некогда на городищах постройках, хотя остатки ни одной из них не были изучены им полностью. Оказалось, что постройки повсюду были наземными, столбовой конструкции, прямоугольной формы. На городище Песочный Ров в среднем течении Десны сохранились ямы от столбов, составлявших основу постройки; их стены и пол обмазывались глиной. В. П. Левенок утверждает, что ранние и поздние юхновские городища имели различные постройки. В раннее время дома сооружались якобы из плетня, обмазанного глиной, а в позднее — из бревен. Но фактический материал не допускает такой четкой хронологической классификации. Те и другие жилища существовали и одновременно.⁷²

На юхновском городище Торфель в г. Брянске в 1937 г. Е. Н. Калитиной были исследованы остатки прямоугольного наземного жилища, длиной 13 м и шириной 6 м, разделенного на отдельные секции, с открытым очагом в каждой из них. Под очагов был выложен мелкими камнями. Судя по обломкам обожженной глиняной обмазки, стены постройки были сооружены из тонких бревен, а внутренние переборки — из жердей и хвороста. Вблизи очагов на глинобитном полу встречены скопления рыбьей чешуи. На этом же городище были открыты три полуземлянки: одна круглая и две удлиненно-овальных очертаний.⁷³ На других юхновских городищах следы жилищ-землянок ни разу не были отмечены. Может быть, их присутствие на Торфеле следует объяснить окраинным положением этого городища, находящегося в северной части ареала юхновской культуры, недалеко от области верхнеокских городищ, на которых известны остатки жилищ-землянок.

В области верхнего течения Десны имеется еще одно городище, на котором были открыты остатки построек, по-видимому, юхновского или несколько более позднего времени. Это Благовещенская Гора у с. Вщиж, исследованная Б. А. Рыбаковым. На площадке городища, сохранившейся лишь частично, вдоль вала, были открыты остатки длинного, дугообразного в плане дома, как бы огибавшего площадку городища. Ширина дома составляла 6 м. Его сохранившаяся часть имела в длину 26 м. Основой дома являлось небольшое углубление шириной 4 м, с плоским полом; борта углубления, идущие вдоль стен постройки, образовывали своего рода земляные скамьи или нары. Постройка имела столбовую конструкцию; задняя стена, примыкавшая к валу, состояла из плетня, передняя — из вертикально поставленных вплотную друг к другу тонких бревен. На полу постройки было обнаружено несколько скоплений углей, лежащих друг от друга на равном расстоянии — 6 м. Возможно, это свидетельствует о том, что дом был разделен на отдельные секции.

На площадке городища Благовещенская Гора, свободной от построек, были открыты следы стоявших по кругу столбов и обширного кострища в центре, расшифрованные Б. А. Рыбаковым в качестве языческого святилища.⁷⁴ В свете археологических открытий, сделанных в Верхнем Поднепровье в последующие годы, эта мысль представляется вполне вероятной.

С Б. А. Рыбаковым нельзя согласиться лишь в одном. Длинный дом Благовещенской Горы, огибающий по периметру площадку городища, им рассматривался как специфическая особенность, сопутствующая языческому святилищу. Дальнейшие исследования показали, что такой тип

⁷² М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны, стр. 69; В. П. Левенок. Городища юхновской культуры, стр. 51.

⁷³ Архив ЛОИА, д. 209, 1937; Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КС, в. XXXI, 1950.

⁷⁴ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. В сб.: По следам древних культур. Древняя Русь, М., 1953, стр. 108—111.

застройки, при котором длинные дома, разделенные на секции, располагались вокруг внутреннего двора, был широко распространен у древних балтов, — и не только в поречье Десны или Верхнем Поднепровье, а на всей их территории, и не только в раннем «железном веке», но и позднее, вплоть до средневековья.

Недавно А. Е. Алиховой были опубликованы материалы ее раскопок, произведенных за последние годы на юхновских городищах в бассейне р. Сейма.⁷⁵ На одном из городищ — Кузиной Горе, — план раскопок ко-

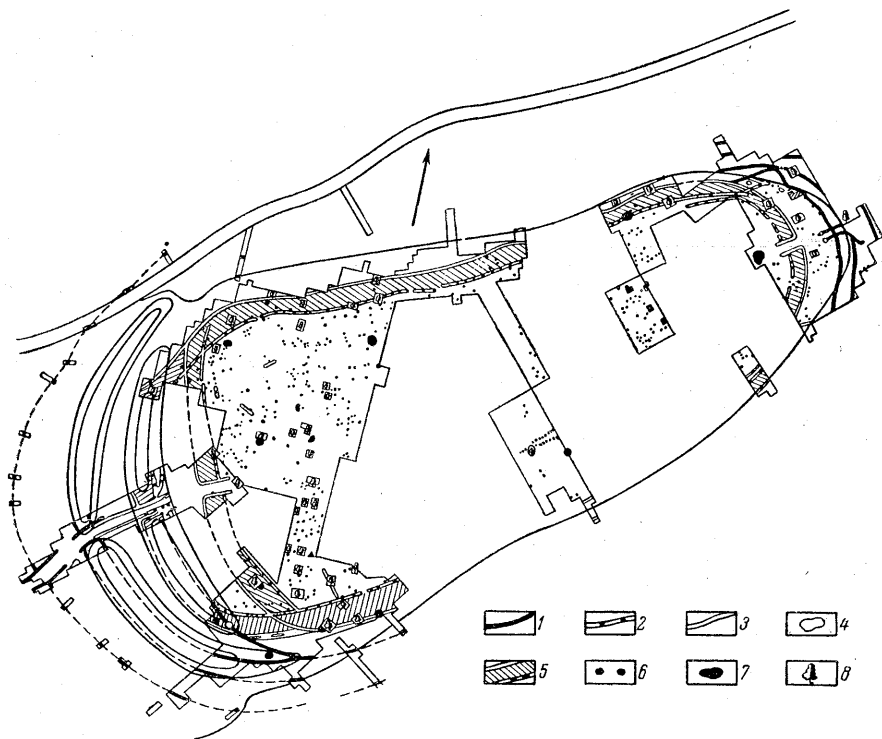

Рис. 48. План юхновского городища Кузина Гора (по А. Е. Алиховой).

1 — канавы оборонительных стен; 2 — канавы внутренней стены дома; 3 — канавы внешней стены дома; 4 — канавки на площадке городища; 5 — дом; 6 — столбовые ямы; 7 — ямы; 8 — не вскрытые участки с деревьями.

торого здесь приводится (рис. 48), были открыты хорошо сохранившиеся остатки длинного дома, огибающего площадку по всему ее периметру. Постройка была наземной, столбовой конструкции. Ее ширина составляла 4—5 м, а общая длина — около 250 м, из них около 150 м было исследовано. Внешние стены постройки были устроены из бревен, поставленных вертикально, вплотную друг к другу. Внутренние стены были более легкими, — по мнению А. Е. Алиховой, они состояли из тонких бревен или кольев; их основу составляли вертикально вкопанные в землю столбы, отстоявшие друг от друга на 2 м. Здесь имелось несколько дверей, что указывает, возможно, на наличие внутренних перегородок. Специально сооруженных очагов внутри постройки не обнаружено. Очевидно, на полу разжигались костры, от которых внутри жилищ сохранился слой золы и пепла. Здесь же было встречено огромное количество обломков керамики и сделаны основные находки вещей.

⁷⁵ А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посемья, стр. 88—89, 93—97.

На площадке Кузиной Горы были обнаружены следы каких-то легких построек, вероятно хозяйственных.

Открытые очаги или простые костры в жилищах могут рассматриваться в качестве характерной черты юхновской культуры. Принадлежностью

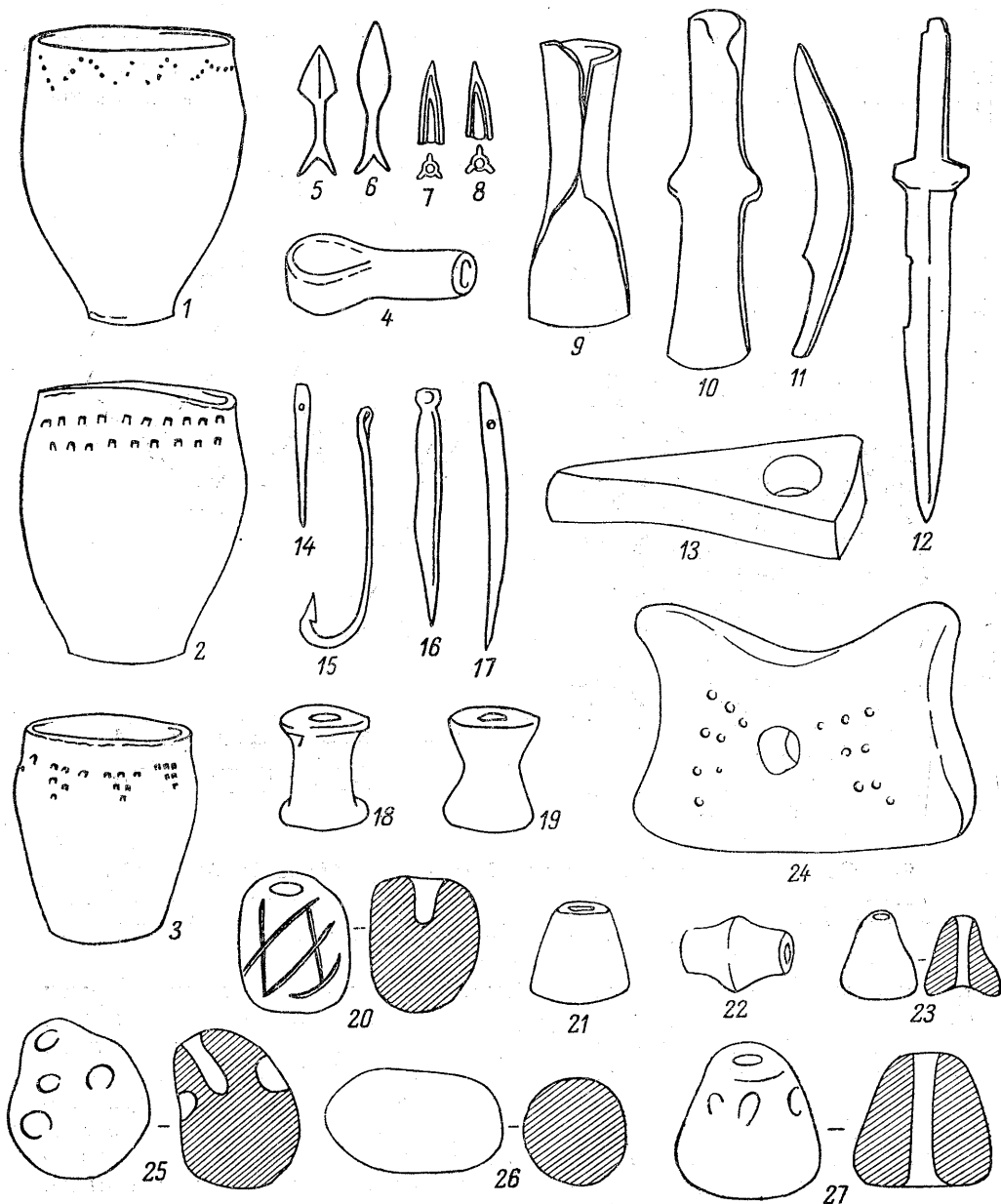

Рис. 49. Находки с городищ юхновской культуры.

1—3, 14—23, 25—27 — предметы, обычные для юхновских городищ, 5—10, 12 — Кузина Гора, 11 — Моисеевское, 13 — Александровское, 24 — Теменское.

очагов являлись так называемые рогатые кирпичи, нередко орнаментированные. Их справедливо рассматривают как подставки для вертела. Юхновские «рогатые кирпичи» и по размеру, и по форме в основных чертах не отличаются от таких же предметов, находимых на поселениях восточнее-

ропейского юга, а в лесной полосе — на городецких, верхнеокских и милоградских городищах (рис. 49). М. В. Воеводский считал, что у юхновцев имелись глинобитные печи. Но это было ошибкой. Печь Липинского городища, которую имел в виду М. В. Воеводский, относится не к юхновскому, а к более позднему времени.

Характерным элементом юхновской культуры является ее керамика. Это горшки удлиненных пропорций с широким горлом, слабо профилированным венчиком, слегка выпуклыми стенками и сравнительно узким плоским дном. Поверхность сосудов нередко носит следы сглаживания в виде легкой неправильной штриховки. Орнамент иногда совсем отсутствует; чаще же сосуды украшались по шейке или плечикам одним-двумя рядами ямочных вдавлений — округлых, неправильных, сделанных концом палочки, поставленной наискось. Иногда ряды ямок заменялись несложным геометрическим узором из таких же вдавлений. По справедливому заключению М. В. Воеводского, «посуда эта резко отличается как от южной скифской, так и от северной дьяковской».⁷⁶

Наиболее ранняя юхновская керамика имеет уплощенное дно с закругленным переходом от дна к стенкам. Эти сосуды нередко липены шейки; их венчик несколько сужен. В более позднее время сосуды приобретали форму горшков с плоским дном и профилированной шейкой; венчик у них отогнут наружу.

Еще более специфическим «этнографическим» признаком юхновской культуры является постоянно находимые на городищах загадочные глиняные изделия шарообразной, яйцевидной, округло-цилиндрической и других форм, иногда снабженные глубокими отпечатками пальцев или орнаментацией в виде линий, грубо нанесенных по сырой глине до обжига. Иногда на таком глиняном блоке делалось глубокое, но несквозное отверстие. Размеры этих предметов 6—10 см в поперечнике. Они встречаются обычно не по одному, а целыми скоплениями по несколько десятков штук. Замечено, что округло-цилиндрические «шары» являются более поздними (рубеж и начало нашей эры).

На городище Торфель большие скопления глиняных «шаров» были найдены: одно за южной стеной длинного дома, другое вдоль края площадки городища. Е. И. Горюнова и В. П. Левенок предполагают, что шары служили «метательным оружием», были «снарядами» для пращи.⁷⁷ Это очень вероятно, особенно если принять во внимание, что шары делались из тяжелой и плотной глины, а находят их преимущественно у края городища. Грузила для сетей «шары» не могли быть — их нельзя было привязать, и они слишком тяжелы и велики для этой цели. Кроме того, на юхновских городищах постоянно встречаются характерные грузила — пирамидальные или овальные, со сквозными отверстиями для привязывания. Еще менее удачной, по моему мнению, является попытка рассматривать юхновские «шары» как «предметы, связанные с культом». На эту роль могут претендовать другие изделия из глины: фигурки животных и разнообразные грузики, напоминающие по форме конусы или катушки, аналогичные таким же предметам, происходящим из скифских «зольников». Это не правда, они не надевались на веретено. Пряслица имели обычную форму. В области Верхнего Поднепровья из этих грузиков впоследствии, уже в первые века н. э., развились так называемые грузики дьякова типа, составлявшие характерный, хотя и загадочный элемент культуры восточных балтов вплоть до третьей четверти I тыс. н. э.

Немногочисленные орудия труда и предметы вооружения из кости, бронзы и железа, найденные на юхновских городищах, представлены фор-

⁷⁶ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны, стр. 73.

⁷⁷ Е. И. Горюнова. Городище Торфель, стр. 149—150; В. П. Левенок. Городище юхновской культуры, стр. 51.

мами, общими для всех культур Верхнего Поднепровья в раннем «железном веке». Это железные ножи с горбатой спинкой, острия, небольшие примитивные серпы и косы. Орудием, до сих пор не встреченным ни на дьяковских, ни на городецких городищах, но характерным для Верхнего Поднепровья, является узколезвийный массивный проушный топор — форма, известная по скифским древностям.⁷⁸ Такие топоры были найдены на юхновских городищах Торфель и Александровское (около Курска). В скифских древностях они датируются VI—III вв. до н. э., но в Верхнем Поднепровье бытовали и позднее, вплоть до первых веков нашей эры. Также лишь на верхнеднепровских городищах известна другая южная и западная (галльштатско-латенская) форма железного топора — пластинчатый топор с боковыми выступами. На юхновской территории такой топор найден А. Е. Алиховой на Кузиной Горе. Оттуда же происходит обычное тесло, такое же самое, как находимые на дьяковских городищах.

Наконечники стрел делались юхновскими племенами преимущественно из кости. Но были в ходу и металлические — бронзовые и железные, преимущественно скифских типов. Особенно часто они встречаются на городищах южной части юхновского ареала, примыкающей к области лесостепи и степи. На Юхновском городище были найдены три скифских бронзовых трехгранных наконечника; на городищах Посемья — целая серия разнообразных бронзовых и железных наконечников скифских типов VI—IV вв. до н. э. Большинство из них изготовлялось, вероятно, на месте. Но были и привозные вещи. На Кузиной Горе найдены железный скифский кинжал и две пластинки от железного чешуйчатого панциря скифского типа. Здесь же обнаружены и другие свидетельства сношений с югом: обломки ионийских амфор VI—V вв. до н. э., фрагменты чернофигурного килика (рис. 50, 1—4), относящегося к этому же времени, а также бусы из стекла и янтара, известные по ранним скифским древностям.⁷⁹ Очевидно, связи южных юхновских племен со скифским миром были весьма значительными и их положительный вклад в развитие культуры заметно перевешивал отрицательные стороны соседства с беспокойным населением степей.

Интересно, что, несмотря на связи юхновских племен со скифским миром, бронзовые украшения, составлявшие принадлежность женского костюма юхновских и других верхнеднепровских племен, оказались совсем не похожими на скифские. Украшениями, одинаково распространенными и на юге, и на Верхнем Днепре, были лишь серьги в виде конуса, булавки с навершиями в виде широкой шляпки гвоздя, а также некоторые формы бляшек. Ряд типов украшений находит отдаленные аналогии в Средней Европе, в галльштатско-латенских древностях. К ним относятся бронзовые и железные браслеты с рубчатым орнаментом или бронзовые с крупной ложной зернью. Один такой браслет был найден на Средней Десне, на городище Песочный Ров. Наиболее интересными являются украшения специфических верхнеднепровских типов. К ним относятся булавки в виде пастьшеского посоха, булавки со сложными навершиями, неправильно называемые «дьяковскими», бронзовые браслеты, имеющие на концах по две ложных конических спирали, и другие украшения, речь о которых пойдет ниже, при описании находок, сделанных на смоленских и милоградских городищах. В целом, можно говорить о весьма специфическом комплексе бронзовых украшений, принадлежащих поднепровским восточнобалтийским племенам раннего «железного века» (рис. 50).

Бронзовые украшения и другие предметы иноземного происхождения, найденные на юхновских городищах, датируются преимущественно VI—

⁷⁸ В. А. Іллінська. Скифські сокири. Археологія, XII, 1961, стр. 29—30.

⁷⁹ А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посемья, стр. 92, 97—106, 112.

IV вв. до н. э. Но несомненно период существования городищ не укладывался в рамки этого трехсотлетия. Можно думать, что начиная с III в. до н. э. контакты юхновского населения с югом значительно ослабли вслед-

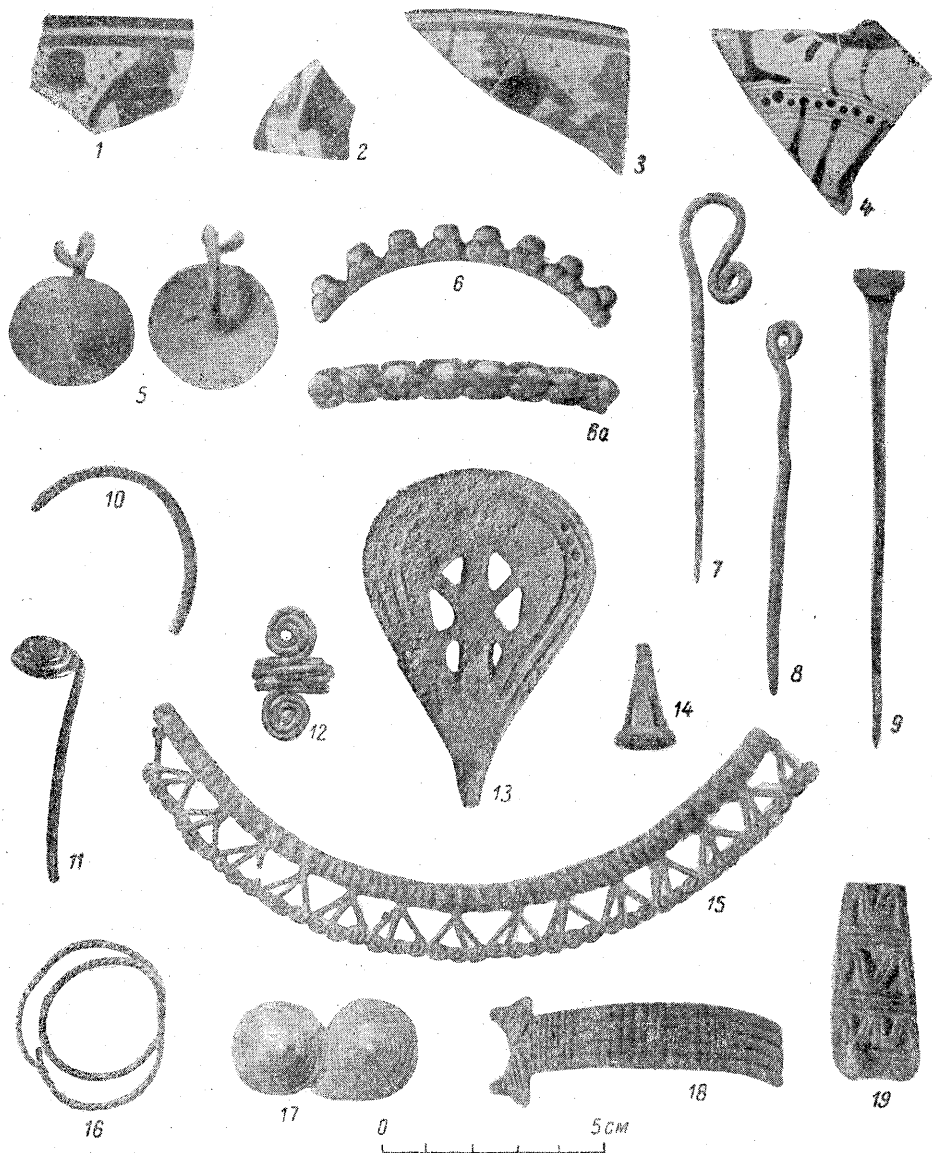

Рис. 50. Обломки античной чернофигурной керамики с городища Кузина Гора (1—4). Раскопки А. Е. Алиховой. Украшения из бронзы, найденные на городищах Верхнего Поднепровья (5—19).

5, 9, 14—17 — Мокрядинское; 6, 10, 11, 19 — Тушемля (нижний слой); 7, 8, 12, 13, 18 — Новые Батки.

ствии движения сарматских племен. В результате этого в распоряжении археологов нет бесспорных датированных предметов данного времени. М. В. Воеводский был совершенно прав, полагая, что юхновская культура просуществовала вплоть до начала нашей эры,⁸⁰ как теперь выяснилось —

⁸⁰ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны, стр. 67.

до появления на Десне племен с культурой зарубинецкого характера. Раннюю дату юхновской культуры следует отодвинуть к началу I тыс. до н. э. Прямых доказательств этого не имеется, но трудно допустить, чтобы «культура городищ» возникла на Десне позже, чем более северные культуры раннего «железного века» — дьяковская в Поволжье и близкая юхновской смоленская культура в Верхнем Поднепровье. Наиболее ранние памятники той и другой датируются началом I тыс. до н. э. на основании находок бронзовых кельтов.

Но есть и другие данные, позволяющие датировать этим временем древнейшие юхновские городища. На некоторых из них была найдена керамика, несколько отличающаяся от характерной юхновской и напоминающая посуду деснинских поселений конца II—начала I тыс. до н. э. Такие находки, по сообщению Ф. М. Заверняева, были сделаны на городищах у Залужья на р. Нерусе и около Сопачей и Гущина в среднем течении р. Судости.⁸¹

2

Культура смоленских городищ раннего «железного века» окончательно «выделилась» совсем недавно, в результате исследований последних лет. Но и раньше, еще на основании материалов А. Н. Лявданского, можно было предполагать, что городища верховьев Днепра образуют своеобразную группу. Предметы, характеризующие расположенную южнее юхновскую культуру, на Смоленщине не обнаружены. Было замечено также, что на городищах Смоленщины не встречается штрихованная керамика, характерная для городищ Белоруссии и Литвы.

А. Н. Лявданским были произведены небольшие раскопки на городище у д. Лукесы на левом берегу р. Каспли, притока Западной Двины. Там была найдена слабо профилированная плоскодонная керамика без орнамента (иногда с примитивным ямочным орнаментом), а также обломок бронзовой булавки со сложным навершием. Такая же точно керамика вместе с костяными орудиями встречена в нижнем слое городища у д. Лахтеева в бассейне Верхнего Сожа и на многих других смоленских городищах. На основании своих находок А. Н. Лявданский установил, что материальная культура древнейших городищ Смоленщины имеет другой облик, чем культура городищ Белоруссии и Литвы, характеризующихся посудой с орнаментальной штриховкой.⁸²

В 50-х годах в бассейне Верхнего Сожа мной было раскопано городище Тушемля, нижний слой которого, очень плохо сохранившийся, дал значительное количество разнообразных находок, позволивших впервые обстоятельно обрисовать облик материальной культуры обитателей древних смоленских городищ.⁸³ На расположенном рядом с Тушемлей Мокрядинском городище, имеющем лишь древние наслоения, были открыты остатки двух жилищ, два «жертвенника», остатки оборонительных стен и сделано множество находок. Е. А. Шмидтом в эти же годы полностью исследовано древнее городище у д. Новые Батеки в низовьях р. Ольши, впадающей в Днепр справа, несколько ниже Смоленска,⁸⁴ и городище на Акатовском озере в бассейне р. Каспли. Частично раскопано Демидовское городище на левом берегу Днепра ниже Смоленска

⁸¹ Ф. М. Заверняев. Поселения эпохи бронзы на Десне. КСИАУ, в. 10, 1960, стр. 69.

⁸² А. Н. Лявданскі. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрніі. Працы, т. II, 1930, стр. 326, 331—335.

⁸³ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины.

⁸⁴ Там же, стр. 47—54, 71—93, 141—176.

и обследовано до 40 других памятников смоленской культуры раннего «железного века». В итоге выяснилось, что городища этой культуры имеются на обоих берегах Днепра и по его притокам выше и ниже Смоленска, в бассейне р. Каспли, левого притока Западной Двины, и в области Верхнего Сожа.

Обследования, произведенные по берегам р. Десны, показали, что верхнее течение этой реки также принадлежало не юхновским, а смоленским племенам. Граница или пограничная полоса, их разделяющая, проходила приблизительно в 25—40 км выше г. Брянска. Нижний слой известного Владимирского городища относится к смоленской культуре.⁸⁵ Материалы такого же типа были найдены мной при обследовании двух древних городищ у с. Хотылево (в 12 км выше Брянска), хотя городище Городец, расположенное в 10 км выше по Десне, оказалось типично юхновским. Городища смоленской культуры обнаружены и на Верхней Угре, близко подходящей к верховьям р. Десны.

Судя по материалам Л. В. Алексеева, смоленская культура местами выходила и на Западную Двину в ее среднем течении. Очень близки смоленским и особенно юхновским городища в районе г. Себеж, обследованные Ф. Д. Гуревич и С. А. Таракановой. Но они принадлежат, кажется, к началу нашей эры и на их основании еще нельзя утверждать, что основная территория древних смоленских городищ простиралась так далеко на север.⁸⁶

По своим формам, размерам и местоположению древние смоленские городища не отличаются от юхновских. При раскопках не раз были встречены остатки наземных домов столбовой конструкции — прямоугольных, размерами в среднем 6×4 м, или длинных, расположенных по краю площадки. Остатки длинного дома столбовой конструкции, примыкавшего к оборонительным сооружениям, были встречены в нижнем слое городища Новые Батеки, а в верхнем слое, относящемся к концу I тыс. до н. э. и к началу нашей эры, оказались остатки нескольких прямоугольных наземных построек. Следы длинного дома, дугообразного в плане, открыты на городище у д. Наквасино.

В жилищах на всех исследованных городищах обнаружены остатки очагов из камней, иногда находящихся в неглубоком углублении в полу. Здесь же встречены каменные зернотерки, глиняная посуда, всякого рода бытовой инвентарь и кости животных (преимущественно домашних) и рыб.

Вещественный материал, происходящий из раскопок на смоленских городищах, чрезвычайно обширен и разнообразен. Найдено множество костяных и роговых изделий: наконечники стрел, гарпуны, разнообразные острия, амулеты, украшения, рукоятки ножей. Изделия из железа и бронзы представлены формами, обычными для верхнеднепровских городищ. На всех раскопанных городищах найдены свидетельства их местного изготовления — обломки металла, крицы, шлаки и литейные формочки для изготовления бронзовых украшений (глиняные, изготовленные по восковым моделям, и вырезанные из камня). В этих формочках изготавливались сложные и нарядные украшения: разнообразные браслеты, гривны, булавки, подвески (рис. 50).

На городище у д. Наквасино (правый берег Днепра около Дорогобужа) Е. А. Шмидтом был встречен при раскопках бронзовый кельт меларского типа — находка, поставившая вопрос о появлении древней-

⁸⁵ Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КС, в. 68, 1957.

⁸⁶ Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. ВЭИП, т. 1, 1959, стр. 273—315; Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолуцкой области. КС, в. 62, 1956; С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. ВЭИП, т. 1, 1959, стр. 111—117.

ших городищ в первой четверти I тыс. до н. э. Вскоре последовала и другая аналогичная находка, еще более убедительная. В бассейне Верхней Ипути, на городище Жарынь, относящемся к смоленской культуре, в скоплении обломков литейных форм, служивших для изготовления бронзовых украшений, оказалась форма для меларского кельта. Следовательно, древнейшие из смоленских городищ относятся к весьма раннему времени — скорее всего к VIII в. до н. э. Большинство городищ датируется серединой и второй половиной I тыс. до н. э. и началом нашей эры. Об этом говорят прежде всего найденные на городищах бронзовые украшения, находящие себе аналогии в круге скифских, галыштатско-латенских и прибалтийских древностей указанного времени.

Так как памятники смоленской культуры раннего «железного века» сравнительно мало известны, я коротко остановлюсь на бронзовых изделиях, найденных при раскопках последних лет.

Браслеты представлены следующими основными типами: 1) из округлого или полукруглого бронзового прута с гладкой или (чаще) рубчатой наружной стороной — форма, обычная среди среднеевропейских древностей раннего «железного века»; 2) такие же с гроздьями крупной зерни — латенская форма; 3) пластинчатые с выпуклым узором, напоминающие чернолесскую бронзу Среднего Поднепровья VII—VI вв. до н. э.; 4) такие же с двойными ложными коническими спиралями на концах — форма, особенно характерная для смоленских городищ; 5) проволочные со спиралями на концах. Браслеты первого типа изготавливались не только из бронзы, но и из железа — путемковки.

Гривны найдены в меньшем числе и только в обломках. Особенно интересна бронзовая гривна, происходящая из Мокрядинского городища. Она состоит из массивного стержня, имитирующего спираль, и кружевного обрамления (рис. 50). Почти такая же гривна была найдена на одном из московских городищ (Мамоново городище). Другая гривна, найденная на Мокрядинском городище, состояла из трех стержней в виде ложных спиралей.

Серьги встречены лишь одного — так называемого скифского типа. На Мокрядинском городище найдена каменная литейная формочка для их изготовления. Такие точно серьги неоднократно встречались на южновских и милоградских городищах. Их датируют обычно VI—IV вв. до н. э. на основании скифских древностей. Мне думается, что в Верхнем Поднепровье они существовали и позднее.

Очень много найдено булавок — бронзовых и железных. В нижних слоях городищ встречаются обычно небольшие булавки с головками в виде плоской спирали. В конце I тыс. до н. э. и в первых веках нашей эры получили распространение булавки в виде «пастухеского посоха». Особенно большая коллекция таких булавок имеется среди находок с городища Новые Батеки. Оттуда же происходит сложное бронзовое навершие для булавки, относящееся к типу так называемых дяковских наверший. Наименование это является таким же ошибочным, как и наименование грузиков «дякова типа». Эти навершия, как теперь выяснилось, характерны отнюдь не для дяковской (финно-угорской) культуры, а для культуры древних балтов Верхнего Поднепровья.

Встречены булавки и других форм: с головкой в виде плоского треугольного щитка, иногда свернутого в трубочку, с головкой в виде петли или кольца. Возможно, что наряду с металлическими употреблялись также и костяные булавки в виде заостренных тонких стержней с расширенными головками (эпифиз кости), снабженными отверстиями. От острей хозяйственного назначения (игл для плетения и ремонта сетей) они отличались лишь лучшей выделкой и гладкой поверхностью.

В число женских украшений входили также ожерелья из бус и бронзовых пронизок — спиральных или свернутых в виде трубочки из тонкой пластинки. Возможно, что в состав ожерелий входили бронзовые подвески: изображение коня из городища Новые Батеки и конические подвески, иногда снабженные треугольными прорезями. На Мокрядинском городище было прослежено, что конические подвески были встречены лишь в верхнем слое, относящемся к рубежу и I—II вв. н. э. На городище Холмец была найдена фрагментированная бронзовая подвеска или бляха, напоминающая некоторые украшения из Южной Прибалтики.

Таким образом, судя по материалам смоленских городищ, женский костюм того времени изобилует металлическими украшениями. Это было характерно не только для смоленских, но и для других верхнеднепровских племен раннего «железного века».

Специфические особенности смоленской культуры раннего «железного века» сказываются прежде всего в керамическом материале. По своим формам и размеру глиняные сосуды походили на юхновские, но в отличие от них не имели никакой орнаментации. Смоленская керамика раннего «железного века» в этом смысле является самой неинтересной не только в Верхнем Поднепровье, но и во всей лесной полосе европейской части СССР. Изредка в минимальном количестве на городищах встречается штрихованная, текстильная или юхновская орнаментированная керамика. Такое явление — незначительная примесь керамики других культур — наблюдается повсеместно, во всех культурах. Вероятно, это результат каких-либо межплеменных связей.

Полностью отсутствуют в смоленской культуре глиняные «шары», охарактеризованные выше в качестве устойчивого и постоянного «этнографического» признака юхновских городищ. Не найдены и глиняные фигурки, постоянно встречающиеся на других верхнеднепровских городищах. Исключение составляют лишь небольшие глиняные конусы с продольным отверстием, находимые в нижних слоях смоленских городищ, и грузики «дьякова типа», постоянно встречаемые в слоях рубежа и начала нашей эры. Эти загадочные грузики известны в это время почти по всей северной территории восточных балтов от Верхнего Днепра на востоке и до юго-восточных районов Прибалтики на западе. Давно бы следовало изменить наименование этих предметов, вероятно связанных с культом, и называть их грузиками не «дьякова», а балтийского типа.

Интересное явление представляют собой древние городища в области бассейна Верхней Оки. Насколько можно судить по имеющимся публикациям последнего времени, принадлежащим Т. Н. Никольской, культурные наслоения этих городищ распадаются на два слоя: первый — древнейший, с неорнаментированной керамикой смоленского типа, и второй — относящийся к рубежу и первым векам I тыс. н. э., содержащий керамику, характерную для позднеюхновской культуры, а также типичные юхновские глиняные грузики в виде «катушек», цилиндров, конусов и др. Верхних слоев городищ, относящихся ко второй четверти I тыс. н. э. и к последующему времени, я здесь пока не касаюсь.

Лучше всего древний слой прослежен на городище у д. Никола Ленивец в среднем течении р. Угры. В основании культурного слоя там была найдена глиняная посуда характерного смоленского типа, слабо профилированная, тонкостенная, без орнамента. Оттуда же происходят костяные орудия, «рогатые кирпичи», железный нож с горбатой спинкой, обломки браслетов латенского типа и др. С древнейшим слоем связываются остатки прямоугольных наземных построек столбовой конструкции, в том числе длинного сооружения, огибающего площадку городища. Длина его исследованной части составила 80 м, ширина колеба-

лась в пределах от 2.5 до 3.5 м. Сооружение, судя по публикации, было разделено на секции; каждая из них имела свой очаг.⁸⁷ Второй слой городища у д. Никола Ленивец относится автором раскопок к III—V вв. н. э. Он принадлежит к мощинской культуре.

Находки, аналогичные материалу из нижнего слоя городища у д. Никола Ленивец, найдены в нижнем слое городища Надежда на притоке Оки — р. Орлике. Там встречена такая же неорнаментированная керамика, обломок бронзового браслета с двойными ложными спиральями на концах, нож с горбатой спинкой и др. В небольшом количестве на городище имеется орнаментированная посуда, украшенная треугольниками из ямочных вдавлений, известными на юхновской керамике. Судя по тому, что у этой керамики край венчика иногда орнаментировался насечками, она является более поздней. На этом же городище в пределах остатков длинного наземного дома было найдено скопление глиняных юхновских «шаров». Следы тех же двух слоев — смоленского и юхновского — прослеживаются в материалах городища у д. Жилино на р. Зуше и, кажется, на городище у д. Свиногово на р. Угре.⁸⁸

Из городищ бассейна Верхней Оки, на которых особенно отчетливо представлен позднеюхновский материал, назову известные Гремячевское и Мужитинское городища, исследованные Н. И. Бульчевым. Кроме характерной керамики с орнаментами, там найдены юхновские «шары» и другие глиняные изделия: «катушки», разных форм пряслица, а также костяные орудия, литейные формочки, великолепный бронзовый браслет позднелатенского типа, два бронзовых «дьяковских» навершия для булавок и мн. др. Среди керамики Гремячевского городища имеется несколько черепков с текстильным орнаментом.⁸⁹ Их присутствие совершенно понятно — городище расположено в восточной части верхнеокского бассейна, недалеко от пограничья с дьяковской культурой.

Двуслойность древних верхнеокских городищ свидетельствует о том, что на рубеже или в начале нашей эры юхновские племена продвинулись на Верхнюю Оку. К этому вопросу я еще вернусь ниже, когда речь пойдет о появлении в поречье Десны племен зарубинецкой культуры.

Племена городищ со штрихованной керамикой

Городища со штрихованной керамикой впервые получили освещение в археологической литературе еще в начале нашего века, особенно после работ Ф. В. Покровского и Л. Крживицкого в восточных районах Литвы. В озерной области, примыкающей к верхнему течению р. Нерис (Вилии), были исследованы городища Якубишское замчишко, Богудимский пилькальнис и др. В 1907 г. В. А. Каширским произведены раскопки известного пилькальниса у с. Межуляны на р. Нерис, материалы которых хранятся в Государственном Эрмитаже. В нижних слоях всех названных городищ была встречена грубая толстостенная лепная керамика с поверхностью, покрытой орнаментальной штриховкой. Найдены костяные орудия: наконечники стрел, гарпуны, острия. Л. Крживицкий нашел

⁸⁷ Т. Н. Никольская. Городище у д. Никола Ленивец. СА, 1962, № 1, стр. 225—231.

⁸⁸ Т. Н. Никольская. 1) Археологические исследования в Орловской области. КС, в. 53, 1954, стр. 94—98; 2) Городище у д. Свиногово. КС, в. XLIX, 1953, стр. 93—94.

⁸⁹ Н. И. Бульчев. 1) Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, стр. 18—23, табл. I, III—VII; 2) Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги в 1903 г. М., 1903, стр. 70—73, табл. XIV—XV.

на городищах римские монеты времени Марка Аврелия (161—180 гг. н. э.).⁹⁰

В 20—30-х годах городища этого типа изучались на территории Белоруссии А. Н. Лявданским и его сотрудниками. Они были зарегистрированы в числе многих десятков. На Банцеровском городище около Минска, на Черкасовском и Германовском городищах под Оршей и в некоторых других пунктах производились небольшие раскопки. В 40—50-х годах изучением белорусских городищ со штрихованной керамикой специально занимался А. Г. Митрофанов, осуществивший раскопки в нескольких пунктах в пределах Минской и Витебской областей и впервые обобщивший материалы по этой культуре, относящиеся к территории Белорусской ССР. Изложенное ниже в значительной части основывается на результатах работ А. Г. Митрофанова, полностью еще не опубликованных.⁹¹

Значительные исследования на городищах со штрихованной керамикой произведены за последние десятилетия на территории Литовской ССР и Латвийской ССР, в бассейне Немана и Западной Двины. Их результаты будут затронуты ниже лишь в связи с белорусскими материалами, так как вопросы истории культуры раннего «железного века» на территории Прибалтики составляют особую большую тему, выходящую за рамки настоящей работы.

Область распространения городищ со штрихованной керамикой очень обширна. На севере она охватывает нижнее и отчасти среднее течение Западной Двины. Ее восточная граница идет по поречью левого притока Западной Двины — р. Усяж-Бук и далее по верхнему течению р. Друти. Отдельные городища со штрихованной керамикой выходят на Днепр на участке г. Орша—устье р. Березины. От среднего течения р. Друти граница круто поворачивает на запад, приблизительно по 53 параллели. Она пересекает р. Березину в ее нижнем течении, несколько южнее устья р. Свислочи, захватывает верхнее течение р. Птичь и проходит далее на северо-запад по водоразделу Немана и левых притоков Верхней Припяти. Бассейны рек Немана (за исключением низовьев) и Нерис с их многочисленными озерами составляют центральную часть ареала городищ со штрихованной керамикой. В прибрежной части Литовской ССР и Латвийской ССР эти городища почти не известны. Вдоль морского побережья была распространена другая культура, во многом напоминающая культуру раннего «железного века» земли древних пруссов.

Обрисованный ареал культуры штрихованной керамики оконтуривался широкой полосой пограничья, где на городищах встречается смешанный материал. В небольшом количестве штрихованная керамика встречается среди материалов городищ Эстонии, области верхнего течения Западной Двины, Валдайской возвышенности (Бологовское городище) и верховьев Волги.

В результате исследований А. Г. Митрофанова было установлено, что на городищах со штрихованной керамикой, имевших в целом обычные для городищ лесной полосы размеры и форму, жилищами являлись длинные наземные столбовые дома, разделенные на однотипные секции. Постройки такого типа уже были охарактеризованы выше как постоянная особенность культуры древних балтов.

⁹⁰ Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении. Тр. Х АС, т. 1, 1899; Л. К р ж и в и ц к и й. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сборник в честь семидесятилетия Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 301—317.

⁹¹ А. Г. Митрофанов. 1) К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа; 2) Городище в Вязьинке. МАБ. т. 1, 1957; К. М. П о л и к а р п о в и ч. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг., стр. 15—18.

На Збаровичском городище в бассейне Верхнего Немана были открыты остатки двух домов длиной 18 и шириной 5—6 м, разделенных каждый на пять помещений. На городище в Вязынке встречено длинное жилище, разделенное на три части, бревенчатые стены которого были оштукатурены глиной. Внутри жилищ располагались очаги овальной формы, обложенные по краю камнями. Очаги найдены на многих других городищах, где контуры жилищ в культурном слое проследить не удалось.

Внутри остатков жилищ и около них встречены каменные зернотерки, железные серпы, ножи, шилья, многочисленные обломки глиняной посуды и др. Особенно много найдено глиняных пряслиц. Имеются грузики балтийского («дьякова») типа. Найдены льячки, свидетельствующие об изготовлении бронзовых изделий.

По сравнению с материалами, известными ныне из раскопок южновских, смоленских или милоградских городищ, материалы городищ со штрихованной керамикой являются наиболее «бедными». В их составе очень мало бронзовых украшений, почти отсутствуют костяные и роговые орудия. По моему мнению, это объясняется случайными причинами. «Богатые» городища и в других местах встречаются не так уж часто. Что касается малого числа костяных орудий, то здесь следует иметь в виду, что все городища, исследованные на территории Белоруссии, являются относительно поздними. Они принадлежат к последним векам до н. э. и первой половине I тыс. н. э. (речь идет лишь о слоях со штрихованной керамикой), когда костяные орудия повсеместно выходили из употребления (за исключением некоторых категорий вещей, доживших до средневековья).

Мне представляется, что А. Г. Митрофанов не прав, полагая, что городища со штрихованной керамикой на территории Белоруссии появились лишь в конце III в. до н. э., сменяя неукрепленные поселения с такой же керамикой, восходящие еще к эпохе бронзы. Можно допустить, что в относительно глухом крае, между Прибалтикой и Поднепровьем, исторический процесс действительно несколько запаздывал и укрепленные поселения, отражающие определенный этап общественно-политического развития, появились здесь позже, чем в других местностях. Но половина тысячелетия, отделяющая время возникновения древнейших городищ в других местностях лесной полосы европейской части СССР от указанной А. Г. Митрофановым даты, — это очень большой срок. Следует думать, что на территории Белоруссии еще будут найдены городища со штрихованной керамикой, относящиеся к более раннему времени. Они известны на территории Литвы и Латвии. На них, в частности, в изобилии встречаются костяные и роговые орудия.⁹² На городище Кентескальнс в Латвийской ССР был найден бронзовый кельт меларского типа и другие предметы начала I тыс. до н. э.

Верхняя дата штрихованной керамики определяется серединой I тыс. н. э. На этих городищах в Белоруссии встречены фибулы с подвязанной ножкой и другие вещи позднего периода. В это время орнаментальная штриховка «выходит из моды» — в южных областях несколько раньше, в северных позже.

По наблюдениям А. Г. Митрофанова, в разных частях ареала культуры штрихованной керамики форма сосудов была различной. В восточных частях преобладали горшковидные плоскодонные сосуды (рис. 51), в западной — острореберные, украшенные защипами, насечками, на-

⁹² P. Kaulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai, стр. 113 и сл.; Я. Я. Граудонис. Поздний бронзовый и ранний железный века на территории Латвийской ССР; Э. Шноре. Городища древних латгалов. ВЭИП, т. 1, 1959, стр. 223.

резными линиями. Такие же сосуды характерны для городищ Восточной Литвы. Эта же форма, но без штриховки, известна у древних пруссов.

Можно добавить, что в южных и юго-западных районах имеются шарообразные или яйцевидные штрихованные сосуды с округлым дном,

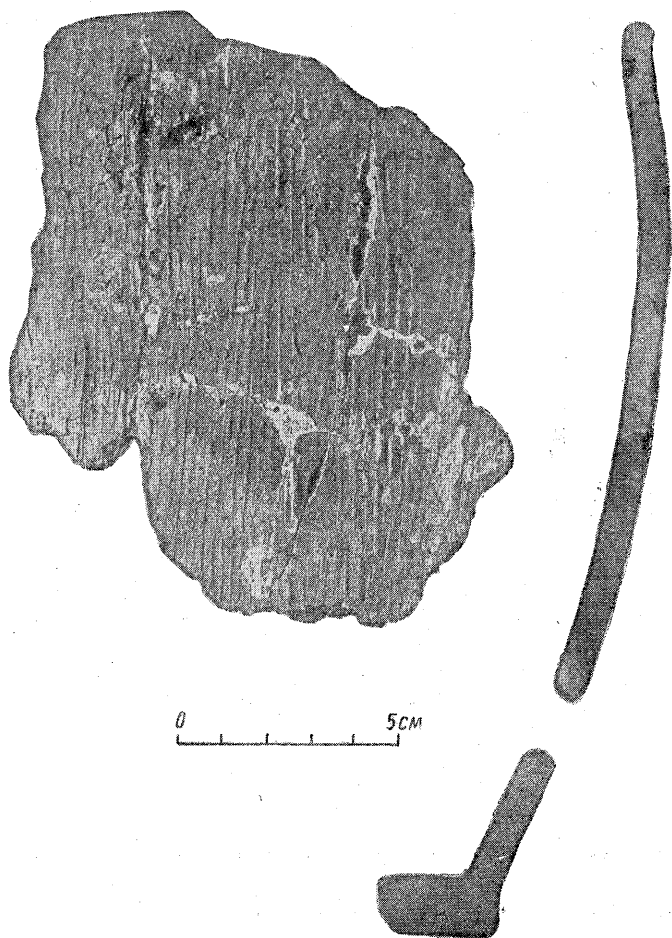

Рис. 51. Керамика, покрытая орнаментальной штриховкой. Городище Подгай. Раскопки Я. В. Станкевич.

повторяющие формы милоградской керамики, а на севере, на территории Латвийской ССР, имеется свой, несколько особый тип штрихованной керамики. В настоящее время трудно сказать, следует ли придавать этим различиям в керамике большое значение. Но не исключено, что в будущем, после накопления большого нового материала и решения хронологических вопросов, культура шнуровой керамики распадется на несколько локальных подразделений, которые будут относиться друг к другу примерно так же, как культура смоленских или верхнеокских городищ к юхновской культуре.

Милоградские племена

Наиболее своеобразной группой верхнеднепровских древностей раннего «железного века» являются городища милоградской культуры, распространенные на Нижней Припяти, в Гомельском Поднепровье

и в нижнем течении рек Сожа и Ипути. Они стали известны лишь в последние годы, главным образом благодаря раскопкам О. Н. Мельниковской на Горошковском, Асаревическом, Колочинском и других городищах. К милоградской культуре относятся нижние слои Чаплинского и Моховского II городищ. Свое наименование эта культура получила от большого городища у д. Милограды, находящегося на правом берегу Днепра, несколько ниже устья р. Березины, на котором также были произведены значительные раскопки.⁹³

Южным вариантом милоградской культуры являются поселения так называемых подгорцевского и бобрицкого типов, известные в правобережных областях украинского Полесья по работам В. Н. Даниленко.⁹⁴

Городища милоградских племен отличаются от городищ других частей Верхнего Поднепровья. Как правило, они имеют значительно боль-

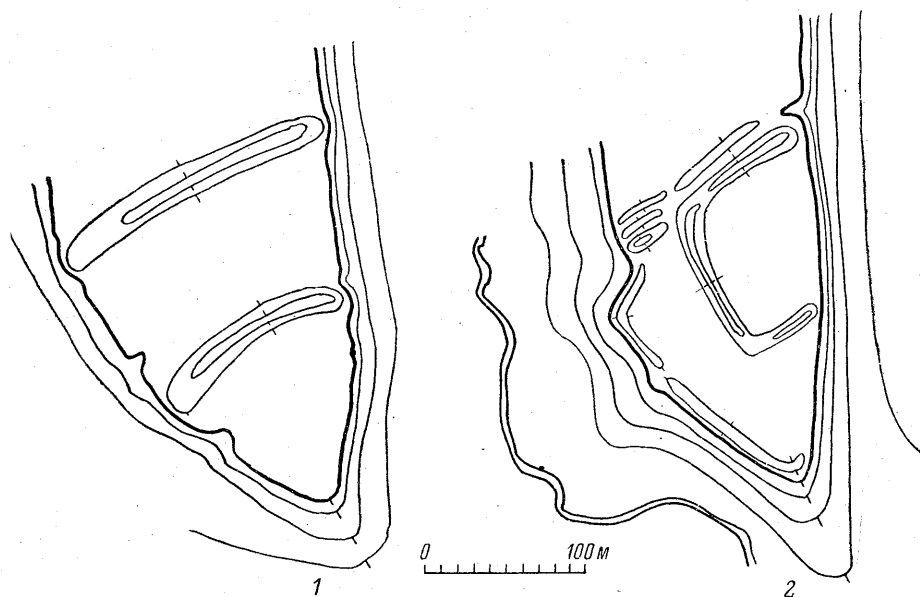

Рис. 52. План милоградских городищ у деревень Горошков (1) и Милограды (2).

шие размеры. Особенно характерными являются городища площадью до 15—20 тыс. м², разделенные валами на две неравные части: меньшую — основную, густо застроенную, — и дополнительную, обычно превышающую по площади первую, с остатками сравнительно небольшого числа построек, но также окруженную валом и рвом. Городища этого типа несколько напоминают большие укрепленные поселения Северной Скифии. Обведенная валом дополнительная площадь являлась, вероятно, местом загона для скота. Здесь приведены планы двух таких городищ: Горошковского, основная площадка которого размером более 6000 м², а дополнительная превышает 8500 м², и Милоградского, такого же по размерам, интересного тем, что основная площадка расположена здесь не в мысовой части, как у большинства городищ, а на участке берега, окруженном валом с трех сторон (рис. 52).

⁹³ О. Н. Мельниковская. 1) Древнейшие городища Южной Белоруссии. КС, в. 70, 1957; 2) Памятники раннего железного века юго-восточной Белоруссии; П. Н. Третьяков. 1) Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 131—138; 2) Моховское II городище. КС, в. 81, 1960.

⁹⁴ В. Н. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р. АП, т. VI, 1956.

Можно предполагать, что в тех случаях, когда городища имели лишь одну обведенную валом площадку, напоминая укрепления других частей Верхнего Поднепровья, у них также имелась дополнительная площадка, укрепленная, однако, не валом, а деревянной изгородью. Об этом говорят пятна культурного слоя за валами городищ с одной площадкой.

Кроме городищ, сооруженных на отрогах высоких речных берегов, имеются милоградские городища «болотного» типа, возведенные на возвышенности среди заболоченной местности. Они имеют овальную или прямоугольную форму и бывают окружены валом по всему периметру.

Жилища, остатки которых встречены на всех милоградских городищах, представляли собой постройки столбовой конструкции, иногда наземные, иногда несколько углубленные в землю. Они были однокамерными, обычно прямоугольной формы, размером в среднем 4×4 м. Следы стен являются ямы от столбов небольшого диаметра, стоящих вертикально по углам и по линии стен. Последние были, по-видимому, сравнительно легкими — из плетня или соломы. Следов глиняной обмазки при раскопках обнаружено не было.

Специфической особенностью многих милоградских жилищ являются ниши или выступы, расположенные у стен или в углах. Иногда в таких нишах размещались очаги, которые приобретали в этом случае облик камина. Основание одного такого жилища было исследовано мной на Моховском II городище (рис. 53). В других случаях остатки очагов располагались на полу внутри жилищ. Это были пятна золы с углем; иногда в очагах лежали камни; в отдельных случаях для очага в полу устраивалось незначительное углубление. Выступы или ниши, нарушающие прямоугольные очертания жилищ, следует считать существенной культурно-этнической особенностью милоградских племен, нигде больше в Верхнем Поднепровье не отмеченной. В жилищах и около них постоянно встречаются ямы-хранилища, овальные или округлые в плане, иногда колоколовидной формы. К жилищам примыкали легкие постройки в виде навесов. Длинные многокамерные сооружения, характерные для городищ других частей Верхнего Поднепровья, на милоградских городищах не встречаются. Следовательно, и в области домостроительства милоградская культура выделялась среди других, соседних с ней днепровских культур раннего «железного века».

Своеобразие племен милоградских поселений и жилищ говорит не только об особых культурно-бытовых традициях, но и о том, что их общественное устройство отличалось от того строя жизни, который был распространен в раннем «железном веке» среди населения лесной полосы европейской части СССР. Там люди повсюду жили небольшими коллективами, на маленьких городищах, в больших общих домах. Здесь дома были преимущественно маленькими, а поселения — большими. В их пределах размещались сотни людей. Одно такое поселение соответствовало, вероятно, целой группе поселков других племен. При настоящем

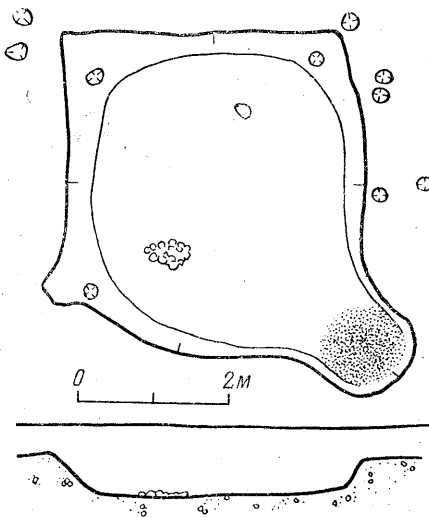

Рис. 53. Основание жилища милоградской культуры. Городище Моховское II Гомельской обл. Раскопки автора, 1952—1953 гг.

состоянии знаний нельзя решить, говорит ли это о более высокой ступени общественно-политического развития милоградских племен. Возможно, что особенности строя их жизни прежде всего были следствием конкретных исторических условий, а именно — соседства со скифским миром, в пределах которого большие, хорошо защищенные поселения были обычным явлением. Очевидно, только расселяясь таким образом, оседлое население могло противостоять набегам кочевников. В пользу этого предположения говорит то, что в отдалении от Скифии, в северных частях милоградской территории, на Среднем Соже и по Ипути, большие городища не обнаружены. Милоградские городища имеют там такой же облик, что и городища других культур. Вместе с тем напомним, что на южных окраинах юхновской территории, в бассейне р. Сейма, также встречаются городища значительных размеров.

Вопрос о сравнительно высоком уровне развития милоградских племен этим, однако, полностью не снимается. Находки, сделанные на городищах, свидетельствуют о том, что культура их обитателей была несколько богаче культуры других верхнеднепровских племен. Бросается в глаза почти полное отсутствие орудий из кости и рога и наряду с этим лучшая обеспеченность металлом — железом и бронзой. Глиняные изделия отличаются разнообразием. Обнаружены многочисленные данные, говорящие о связях милоградских племен со Скифией и латенской Европой.

О. Н. Мельниковская полагает, что основой хозяйства милоградских племен было земледелие, а скотоводство занимало второе место.⁹⁵ Но доказать это не представляется возможным. О земледелии говорят небольшие железные серпы, зернотерки и отпечатки зерен на глиняных сосудах; о скотоводстве — кости домашних животных в составе кухонных отбросов. Данные эти несоизмеримы. Бесспорно лишь, что скотоводство как источник мясной пищи абсолютно преобладало над охотой на диких зверей. На Горошковском городище кости домашних животных среди всего костного материала составили до 90%, тогда как на юхновских городищах их количество в среднем составляет 70%, а на верхнеокских еще меньше.⁹⁶ Широкая многокилометровая пойма Днепра являлась, очевидно, обильным пастбищем. Среди домашних животных, идущих в пищу у обитателей Горошковского городища, на первом месте стояли крупный рогатый скот и лошади.

О рыболовстве у обитателей милоградских поселений говорят находки костей рыб, а также круглые уплощенные грузила для сетей со сквозным отверстием посередине.

Состав и формы железных орудий, происходящих из милоградских городищ, в основных чертах те же самые, что и в других верхнеднепровских культурах. Это топоры двух типов — пластинчатые с боковыми выступами и проушны скифского типа, — небольшие серпы, ножи с горбатой спинкой, всякого рода острия, наконечники стрел и копий. Об обеспеченности населения железом, о местной его выплавке и кузнечном деле свидетельствуют находимые на городищах многочисленные шлаки, обломки криц, куски железа, сломанные железные изделия. Из железа изготовлялись и некоторые виды украшений, в частности браслеты.

О том, что металлические изделия раннего «железного века», встречающиеся на городищах Верхнего Поднепровья, несут на себе следы влияния скифской и латенской культур, речь уже шла выше. В милоградском металле это проявляется особенно отчетливо. Наконечник копья с длин-

⁹⁵ О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии, стр. 36.

⁹⁶ В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе, стр. 63 и 77.

ной втулкой и небольшим пером, происходящий из Горошковского городища, близко напоминает латенские наконечники. Интересной находкой являются обломки латенских железных поясов в виде плоских цепей. Вероятнее всего, их следует считать импортными, происходящими откуда-то из Средней Европы. Как и на других верхнеднепровских городищах, на памятниках милоградской культуры найдено много бронзовых браслетов латенского типа, а также литейных форм для их изготовления. На Горошковском городище был найден клад, состоящий из одиннадцати таких браслетов из бронзы и серебра, относящихся к V—III вв. до н. э.⁹⁷

К вещам скифских типов, помимо железных топоров, относятся многочисленные наконечники стрел — бронзовые трехгранные и железные с ромбическим пером и черешком в виде хвоста ласточки, — а также бронзовые серьги с округло-коническим щитком и бронзовые булавки с головками в виде широкой шляпки гвоздя. Если серьги такого типа известны и на других верхнеднепровских городищах, как и литейные формы для их изготовления, то скифские гвоздевидные булавки имеются лишь в милоградской культуре.

То же самое следует сказать о некоторых украшениях местного характера. Лишь на милоградских городищах встречены треугольные и иные подвески с ушком, состоящие из нескольких ложных плоских спиралей. И напротив, на городищах милоградской культуры пока что не найдены некоторые типы бронзовых изделий, характерные для южновосточной, смоленской и верхнеокской культур: ажурные навершия для булавок, браслеты с парными спиралями на концах, сложные ажурные гривны.

Таким образом, милоградский металл отличается известным своеобразием. И вряд ли это следует рассматривать как случайность, связанную с относительно небольшим числом находок.

Совершенно необычной, более того — неожиданной для «железного века», является милоградская керамика (рис. 54). Это вылепленные от руки круглодонные сосуды с шаровидным или яйцевидным туловом и невысокой, прямой или несколько отогнутой наружу шейкой. На первый взгляд по форме они напоминают керамику эпохи бронзы. Сосуды обычно орнаментированы по основанию шейки редко расположенными ямочными вдавлениями, часто сгруппированными по три. Маленькие сосуды имеют иногда цилиндрическое тулово, но дно у них также округлое. Наблюдения над стратиграфией городищ позволили сделать вывод, что на наиболее ранней милоградской посуде у основания шейки нередко встречался «жемчужный» орнамент, т. е. с внутренней стороны сосуда наносились глубокие округлые вдавления, благодаря чему на наружной стороне получались выпуклые полусферы. Такой способ украшения сосудов был широко распространен в эпоху бронзы, о чем речь уже шла выше.

Мне представляется, что особенности милоградской керамики являются весьма существенными. Круглодонные сосуды нельзя было ставить ни на полу, ни на какой-либо плоской подставке (на столе). Обычно считается, что такая посуда подвешивалась; но были случаи, когда для нее делали углубления в полу или изготовляли особые подставки, а в очаге под сосуды подкладывали камни. Как правило, круглодонная керамика соответствовала примитивному быту и весьма неразвитым формам жилища. Она была характерна для большинства неолитических культур Европы и для всего обширного круга культур шнуровой кера-

⁹⁷ О. Н. Мельниковская. Клад латенского времени из юго-восточной Белоруссии. МАБ, т. 1, 1957, стр. 149—154.

мики. В последних, однако, крупные, особенно кухонные сосуды были часто плоскодонными. Начиная с эпохи бронзы, повсюду в Европе господствовала плоскодонная керамика. Сосуды с округло-уплощенным дном

Рис. 54. Находки с милоградских городищ.

1, 4—6, 12, 14, 16, 19—21, 23, 29—32 — Горшковское, 2, 7—11, 13, 18, 26—28, 33 — Чаплинское (нижний слой), 3, 22 — Милоградское, 15, 17, 25 — Моховское II, 24 — Моховское I.

долго сохранились лишь в среде некоторых финно-угорских племен в Приуралье и на севере. С ними, вероятно, связана круглодонная сарматская посуда, сохранившаяся, как полагают, в специфических условиях кочевого быта.

Милоградские племена не были бродячими пастухами, и их бытовой уклад для своего времени отнюдь не являлся примитивным, чем-либо отличающимся от быта соседних племен. Напротив, можно думать, что в более северных районах Верхнего Поднепровья и его периферии общий уровень культуры и быта был ниже, чем в милоградской среде. Следовательно, специфические черты милоградской керамики могут объясняться лишь какой-то особой культурно-этнической традицией.

Как и на городищах других верхнеднепровских культур, на милоградских городищах в большом числе встречаются «загадочные» глиняные изделия. Здесь они особенно разнообразны. Это различные крестообразные фигуры, «рогульки», всякого рода грузики, «шары», но не большие и тяжелые, как в юхновской культуре, а миниатюрные и обычно уплощенные, «катушки», усеченные конусы и др. Все они изготовлены довольно небрежно и слабо обожжены. Большой серией представлены глиняные изделия, напоминающие пряслица, но имеющие форму маленьких сосудов. Некоторые из них украшены несложным орнаментом, похожим на украшение керамики, причем не только милоградской, но и более древней — среднеднепровской. Случайное ли это совпадение или нет — сказать трудно. Имеются и обычные глиняные пряслица, сделанные более тщательно и лучше обожженные. Их форма чаще всего биконическая или приближающаяся к ней, с вогнутой верхней частью и выпуклой нижней.

Редко встречаются на милоградских городищах небольшие глиняные фигурки животных, главным образом лошади и свиньи, выполненные весьма реалистично, хотя и без деталей. Возможно, что они также принадлежали к серии «загадочных» изделий, скорее всего связанных с культом. Существует, впрочем, мнение, что это были детские игрушки.

Последней специфической особенностью милоградской культуры, заметно отличающей ее от других верхнеднепровских культур раннего «железного века», является наличие могильников. Это были бескурганые могильники с трупосожжением, располагавшиеся вблизи поселений (городищ), иногда в пределах площади, обнесенной валом. Результаты кремации ссыпались в ямы вместе с обломками сосудов и некоторыми предметами, побывавшими на погребальном костре. Такие могильники открыты уже в нескольких пунктах. В пределах дополнительной площадки Горошковского городища и на соседних участках за валами было найдено и исследовано не менее 70 захоронений, хотя здесь была вскрыта сравнительно небольшая площадь. Ямы захоронений были углублены в среднем на 0.6 м. В плане они были круглые, диаметром от 0.5 до 1.5 м, или овальные, длиной в рост человека (рис. 55). На дне их и в заполнении встречаются остатки пережженных человеческих костей, разбитые сосуды или отдельные их обломки, в некоторых ямах — отдельные предметы: наконечник стрелы, булавка, колечки и др. Такого же рода погребения встречены около Чаплинского и Моховского I городищ, в Асаревичах, около Милоградского городища и в других местах.⁹⁸

К югу от поречья Припяти такие же погребения встречены около поселений с находками подгорцевского типа, названными выше вариантом милоградской культуры.⁹⁹ Есть предположение, что над милоградскими и подгорцевскими погребениями или непосредственно рядом с ними ставились вертикальные столбы. Наличие столбовых ям неоднократно отмечалось на многих могильниках.

⁹⁸ О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии.

⁹⁹ В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобриського типів на Київщині, стр. 12.

Таким образом, памятники милоградской культуры во многом существенно отличаются от древностей раннего «железного века» других областей Верхнего Поднепровья. Если большие размеры и форма городищ, а также наличие скифских изделий могут быть объяснены условиями скифского пограничья, если их окраинным юго-западным положением объясняется сравнительно большое число латенских элементов, то такие яркие особенности, как глиняные скульптурные фигурки, несколько особый состав

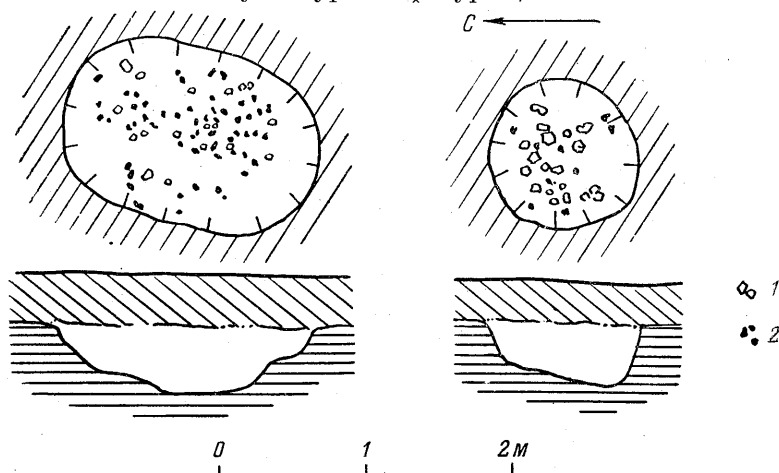

Рис. 55. Милоградские погребения с сожжениями. Могильник около Горошковского городища. Раскопки О. Н. Мельниковской.

1 — обломки керамики, 2 — пережженные кости.

бронзовых украшений, особая форма жилищ, круглодонная керамика и наличие могильников с трупосожжением настойчиво ставят вопрос об этническом своеобразии милоградских племен.

Юхновские и смоленские (а также верхнеокские) племена были несомненно очень близки друг другу по культуре. Много общего они имели, по-видимому, и со своими западными соседями. Орнаментальная штриховка на керамике является, по сути дела, единственным существенным признаком, отличающим верхнеднепровские правобережные племена от левобережных. Отличительные особенности милоградских племен были несравненно более глубокими.

Археологические данные и гидронимия Верхнего Поднепровья

Вопрос о балтийских племенах в области Верхнего Поднепровья был поставлен и получил положительное решение преимущественно на основании данных гидронимии. После работ А. Л. Погодина, А. И. Соболевского, М. Фасмера и других стало очевидным, что по всему бассейну Верхнего Днепра и его периферии лежит плотный слой балтийских наименований рек и озер, не оставляющий никаких сомнений в том, что славяно-русское население непосредственно наслонилось здесь на балтийский субстрат.¹⁰⁰ Исследования последних лет целиком подтвердили эту точку зре-

¹⁰⁰ А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. Варшава, 1904; И. А. Соболевский. 1) Где жила литва? ИАН, VI серия, 1911, №№ 11—12; 2) Древнейшее население Верхнего Поволжья. Тверь, 1912; М. V a s m e r. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme. In: Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, Berlin, 1932, — и другие исследования.

ния. Следовательно, исходя из данных гидронимии, с балтами должны быть связаны археологические памятники, по времени предшествующие славянским древностям.

Балтийская гидронимия Верхнего Поднепровья складывалась, очевидно, в течение продолжительного времени. Нет никаких оснований для предположения, что балтийские племена были здесь гастролерами, появившимися лишь незадолго до расселения славян. Гидронимия такой плотности могла сложиться лишь в ходе многовековой истории восточно-балтийского населения в бассейне Днепра. Какого-либо более древнего слоя гидронимов, предшествующего балтийскому, здесь как будто бы не обнаруживается. Попытки Т. Лер-Сплавинского отнести к добалтийскому периоду некоторые верхнеднепровские гидронимы, определяемые им в качестве протоиндоевропейских, праугро-финских, венедских и др., являются в большинстве случаев весьма спорными. Кроме того, их наличие ничего не доказывает, так как речь идет об отдельных единичных наименованиях.¹⁰¹ В этом отношении область Верхнего Поднепровья отличается от Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья, где, кроме дорусской финно-угорской гидронимии, соответствующей балтийской гидронимии на Днепре, прослеживается значительное количество каких-то более древних наименований, не объясняемых из финно-угорских языков.¹⁰²

Следовательно, ничто не препятствует мысли, что балты в Верхнем Поднепровье не только предшествовали славянам, но и являлись здесь весьма древним населением. Только лишь в этом свете и с учетом других лингвистических данных могла получить права гражданства обрисованная выше археологическая гипотеза о возникновении балтийской группы племен на основе пастушеских племен шнуровой керамики. Данные гидронимии сыграли решающую роль также и при определении этнического лица верхнеднепровских древностей раннего «железного века» — городищ I тыс. до н. э. и первых веков нашей эры, локальные группы которых были только что рассмотрены. Сопоставление гидронимических данных с археологическими свидетельствует, что именно в течение этого периода — в раннем «железном веке» — мог сложиться основной пласт верхнеднепровской балтийской гидронимии.

Выше уже не раз шла речь о том, что I тыс. до н. э. и начало нашей эры в лесной полосе Восточной Европы не знали никаких существенных перемещений населения и вторжений извне. В этот период окрепшее скотоводческо-земледельческое хозяйство прочно привязало людей к своим территориям; границы этнокультурных групп стабилизировались; культура и быт не претерпевали резких изменений. Все это не могло не послужить условием, в высшей степени благоприятным для возникновения и упрочения гидронимической номенклатуры. И не является случайным, что между верхнеднепровской гидронимией и древностями раннего «железного века» намечается ряд убедительных соответствий, чего нельзя сказать об археологических материалах как более раннего времени, так и последующих столетий.

Первым, наиболее ярким и убедительным соответствием, уже не раз упомянутым выше, является совпадение гидронимических и археологических данных о границе, некогда разделявшей поселения восточных балтов от финно-угорского мира. Вопрос об этой границе интересовал всех исследова-

¹⁰¹ Т. Lehr-Splawinski. O pochodzeniu i praojczyźnie slowiań. Poznań, 1946, стр. 54—59, 68—72, 81—86.

¹⁰² Б. А. Серебряников. 1) Волго-окская топонимика на территории европейской части СССР. ВЯ, 1955, № 6; 2) О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР, близкого к балтийским языкам. Тр. АН Литовской ССР, серия А, I, 1957; В. А. Никонов. Исчезнувшие языки Пooчья. ВЯ, 1960, № 5.

дователей балтийской гидронимии. Им много занимались А. Л. Погодин и А. И. Соболевский, впервые показавшие, что область балтов простиралась далеко на восток от Днепра, захватывая часть волго-окского бассейна. Более определенные контуры получила балто-финно-угорская граница в работах М. Фасмера. По его наблюдениям, она шла от Рижского залива на восток мимо южной оконечности Псковского озера, пересекала верховья Западной Двины и выходила на Верхнюю Волгу. Отсюда восточная часть границы балтов круто поворачивала на юг, захватывала верховья Москва-реки и пересекала р. Оку где-то между устьями Москва-реки и р. Угры. Исследования А. И. Попова и В. А. Никонова, посвященные мордовской топонимике, позволяют внести дальнейшее уточнение в определение границы между балтами и финно-уграми в пределах бассейна р. Оки. Эта граница пересекала р. Оку возле г. Капиры и шла далее на юг по линии Венев—Тула—Ливны, т. е. по водоразделу Верхней Оки и Дона.¹⁰³

Достаточно взглянуть на карты — гидронимическую и археологическую раннего «железного века», — чтобы убедиться в их тождестве. По одну сторону границы балтийской гидронимии, на север и восток от нее, лежали территории дьяковских и близких им племен с текстильной керамикой. По другую сторону обитали племена с культурой верхнеднепровского характера — юхновские, смоленские, верхнеокские и племена штрихованной керамики. Это чрезвычайно убедительное соответствие, не вызывающее никаких сомнений или недоумений.

В опубликованном недавно исследовании В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева обстоятельно и в значительной степени по-новому освещен вопрос о южной границе балтийской гидронимии в бассейне Днепра.

В отличие от М. Фасмера, который полагал, что в области днепровского Левобережья балтам принадлежала лишь северная часть поречья р. Десны, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев, мобилизовавшие значительно больший фактический материал, убедительно показали, что область балтийской гидронимии охватывает весь бассейн этой реки и правобережье ее левого притока — р. Сейма. Низовье Десны и поречье Сейма они рассматривают как область балто-иранского пограничья, указывая, что именно здесь мог иметь место тот балто-иранский контакт, следы которого обнаружили в последнее время языковеды.¹⁰⁴

Отсюда следует, что балтийская гидронимия охватывает всю территорию юхновской культуры; южная граница является у них общей. Нескольким отдельным иранским гидронимам, оказавшимся в пределах южной части бассейна Десны и по Сейму, соответствуют отмеченные выше южные (скифские) элементы в материальной культуре юхновцев. Тем самым решается вопрос о носителях юхновской культуры как об одной из групп восточных балтов.

Исходя из старых представлений о гидронимии бассейна р. Десны, мной раньше высказывалось предположение, что юхновские племена не были балтами, а представляли собой древних «балто-славян», а возможно — и славян. Теперь в результате новых исследований вопрос разрешился в пользу балтов — и, можно надеяться, окончательно. Ранние следы пребывания в поречье Десны славянского элемента также получили ныне и лингвистическое и археологическое объяснение. Они отражают этническую картину не I тыс. до н. э., а первых веков нашей эры, которая будет рассмотрена в следующем очерке.

¹⁰³ А. И. Попов. К вопросу о мордовской топонимике. Советское финно-угроведение, т. 2, Саранск, 1948; В. А. Никонов. Этногенез мордовского народа и топонимика. Научная сессия по этногенезу мордовского народа, Саранск, 1964.

¹⁰⁴ В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 230—232.

Представление о юхновских племенах как о группе восточных балтов, основанное на гидронимии, полностью соответствует археологическим данным, указывающим, что эти племена были близки своим современникам, жившим на территории Смоленского Поднепровья и верховьев Оки, где балтийская гидронимия отличается особой яркостью и где балты местами сохранялись до средневековья (голядь).

В области днепровского Правобережья южная граница балтийской гидронимии до сих пор проводилась по Припяти, чаще несколько севернее — через устье р. Березины, по 53 параллели. Так ее обрисовывали в своих исследованиях Е. Ф. Карский, К. Буга и М. Фасмер. По этой же линии проходит южная граница культуры штрихованной керамики, балтийский характер которой в более позднее время — в начале нашей эры — не вызывает особых сомнений. Отсюда делалось предположение, что население, жившее по Припяти и Днепру южнее 53 параллели, относящееся к милоградской культуре, следует исключить из числа восточнобалтийских племен. Яркое своеобразие этой культуры и ее юго-западные связи служили дополнительным аргументом в его пользу.

В работе В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева вопрос о южной границе балтийской гидронимии в области Правобережья подвергся некоторому пересмотру.¹⁰⁵ Они указали на несколько десятков балтийских гидронимов не только по Припяти, но и по ее правым, южным притокам, особенно в восточной части бассейна Припяти (по рекам Уборти, Славечне и Ушу), а также обратили внимание на повторяемость ряда гидронимов к югу и северу от Припяти. Все это, по их мнению, заставляет «усумниться в изолирующей роли Припяти». Таким образом, на основании наблюдений названных исследователей, область балтийской гидронимии следует распространить и на территорию милоградской (и подгорцевской) культуры.

Здесь следует, однако, сделать несколько существенных примечаний. Ставить знак равенства между балтийской гидронимией юхновской и милоградской территорий никак нельзя. Во-первых, балтийские названия в пределах милоградской территории, особенно на юг от Припяти, господствующими все же не являются. В этом отношении область днепровского Правобережья, лежащая южнее 53 параллели, заметно отличается от более северных и восточных частей Верхнего Поднепровья. Во-вторых, гидронимия этой области, как сообщают В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев, отличается рядом существенных «диалектных» особенностей. «Пожалуй, на нашей (верхнеднепровской, — *П. Т.*) территории нет другого столь четко ограниченного ареала балтийских названий, в диалектной принадлежности которого не приходится сомневаться».¹⁰⁶ Все это вместе взятое, а также своеобразие милоградской культуры, о котором уже много раз шла речь, заставляет пока воздержаться от окончательных выводов по поводу этнической характеристики милоградских племен. По-видимому, это были племена индоевропейские, родственные балтам, но, возможно, родственные и славянам. Необходимы, очевидно, дальнейшие исследования, посвященные балтийской и древней славянской гидронимии Среднего Поднепровья, увязанные с археологическими разысканиями.

То, что граница между «милоградцами» и «штриховиками», проходящая по 53 параллели, целиком совпадает с «диалектной» гидронимической границей, на мой взгляд, является очень важным фактом. Он подтверждает правомерность сопоставления данных гидронимии с древностями раннего «железного века» не менее убедительно, чем совпадение внешних границ балтийской гидронимии с соответствующими археологическими данными.

¹⁰⁵ Там же, стр. 232—233.

¹⁰⁶ Там же, стр. 238—239.

В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев не сомневаются, что речь балтийского населения в разных частях Верхнего Поднепровья не была одинаковой, а распадалась на несколько диалектов. Кроме области, лежащей южнее 53 параллели, намечаются и другие диалектные районы, по-видимому, соответствующие обрисованным выше археологическим культурам. Так, судя по картам, приложенным к работе указанных исследователей, состав гидронимии из области «штриховиков» несколько отличается от гидронимии, распространенной на территориях смоленской и юхновской культур. Обе последние территории также не вполне одинаковы в гидронимическом отношении.¹⁰⁷ Следует отметить, что граница между смоленской и юхновской культурами, пересекающая поречье Десны несколько севернее Брянска, оказалась и в дальнейшем очень устойчивой. В конце I—начале II тыс. н. э. здесь проходило пограничье вятичей, радимичей и северян; здесь же отмечен плотный пучок современных диалектологических изоглосс, отделяющий Верхнее Подесенье от областей, лежащих южнее.

Трудно сказать, удастся ли в дальнейшем получить более определенную характеристику отдельных диалектов верхнеднепровских балтов и уточнить их границы по данным гидронимии. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев указывают на то, что здесь имеются большие трудности, в том числе, по их мнению, неустранимые. Они проистекают прежде всего оттого, что балтийская гидронимия была усвоена славянским населением отнюдь не одновременно, а в разные хронологические периоды и, таким образом, проделала различные пути фонетической эволюции в балтийской и славянской среде. Отделить особенности этого порядка от диалектных возможно далеко не всегда. Другие трудности являются следствием неразработанности балтийской гидронимии в областях, примыкающих к Прибалтике, и в том, что состав древних диалектов далеко не соответствовал исторически засвидетельствованному и лингвистически определенному более позднему составу балтийских племен.

Все эти трудности являются, конечно, очень значительными. Но мне представляется, что вопрос о диалектных границах в работе В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева оказался особенно трудным еще и потому, что они искусственно ограничили свой материал рамками бассейна Днепра, тогда как поселения восточных балтов в эти рамки никогда не укладывались. В работе осталась не учтенной гидронимия широкой окраинной полосы: бассейна Верхней Оки, верховьев Москва-реки, верхнего течения Волги и Западной Двины с их многочисленными притоками, верховья которых переплетаются с реками днепровского бассейна. А известно, что диалектные различия ярче всего сказываются именно на окраинах. Поэтому непременным условием дальнейших исследований в области гидронимии восточных балтов является полный учет материала из периферийных областей. При попытках определения диалектных особенностей следует учитывать границы археологических культур, уже достаточно хорошо известные в настоящее время.

Таким образом, имеется ряд бесспорных соответствий между гидронимическими данными и археологической картой Верхнего Поднепровья в раннем «железном веке». Есть надежда, что в ходе дальнейших исследований число таких соответствий еще более возрастет. Все это увеличивает уверенность в том, что поднепровские культуры раннего «железного века» действительно принадлежали восточным племенам балтийской группы.

Обрисованная выше картина их жизни и культуры, соответствующая некоторым гидронимическим данным, оказалась очень устойчивой. Она просуществовала, заметно не изменяясь, в течение многих веков, почти

¹⁰⁷ Там же, стр. 236—238.

тысячу лет — вплоть до начала нашей эры. Поколение за поколением люди обитали в одних и тех же местностях, на тех же городищах, окруженных лесами. Свято хранились дедовские традиции в области производства и быта. Требовались века, чтобы в культуре появилось что-то новое, не известное раньше. Трудно назвать в Европе какие-либо другие культуры раннего «железного века», которые обнаружили бы такое «долголетие», как культуры лесной полосы европейской части СССР, развивавшиеся в отдалении от важнейших исторических и культурных центров того времени.

Такая обстановка сохранялась вплоть до рубежа нашей эры, когда на территорию Верхнего Поднепровья из более южных областей проникло многочисленное новое население — племена с культурой зарубинецкого типа, являвшиеся, судя по всем данным, древними славянами. Их расселение в то время не вышло за рамки Верхнего Поднепровья, — более того, оно охватило лишь некоторые части этой обширной области. Тем не менее значение расселения зарубинецких племен было огромным. Оно привело к нарушению границ обрисованных выше локальных групп местного населения, к исчезновению некоторых из этих групп, к передвижениям в среде местного населения, охватившим не только Верхнее Поднепровье, но и западные части Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья, и наконец — к распространению в среде балтийских и финно-угорских племен новых элементов культуры. Словом, в жизни населения, обитавшего в области верхнего течения Днепра и Волги на рубеже нашей эры, начался новый исторический период.

СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В ПОДНЕПРОВЬЕ НА РУБЕЖЕ И В НАЧАЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ

О происхождении славянских племен

1

В центральных областях древней Европы ход этногенического процесса был более сложным, чем в северо-восточной зоне, где лежали земли древних балтийских и финно-угорских племен. В Средней Европе относительно рано распространились прогрессивные для первобытной эпохи формы хозяйства и общественных отношений; здесь не прекращались всякого рода передвижения племен, нарушавшие и усложнявшие течение этногенической жизни; развитие культуры происходило под заметным влиянием передовых цивилизаций Средиземноморья и Причерноморья. В результате археологическая картина Средней Европы является весьма пестрой. К исходу III тыс. до н. э. она была представлена большим числом разнообразных древних культур, хронологические и генетические отношения которых между собой еще во многом составляют загадку. Археологические материалы «железного века» далеко не всегда могут быть увязаны здесь со свидетельствами древних авторов и сопоставлены с результатами лингвистических разысканий. Вследствие этого археологические исследования пока что не дают определенного и убедительного ответа на один из важнейших вопросов европейской этногении — на вопрос о происхождении и древнейшей истории славянских племен.

В настоящее время наиболее ранней группой древностей, принадлежность которой к славянской культуре не вызывает абсолютно никаких сомнений, являются места поселений и могильники VI—VII вв. н. э. Они имеются во многих областях Средней, Восточной и Южной Европы, там, где славяне были известны в это время византийским и западноевропейским авторам. Между этими древностями и памятниками славянской культуры последующих столетий существует бесспорная преемственность, проявляющаяся в формах жилища, в облике глиняной посуды и прочего бытового инвентаря, в погребальной обрядности и т. д.

Более ранний период — середина I тыс. н. э. с ее «великим переселением народов» и крушением Римской империи — был временем, когда повсюду в Европе, за исключением отдаленных северных областей, в развитии культуры совершился резкий перелом, нарушивший старые традиции и преемственность. Поэтому до сих пор окончательно не установлено, какие древности этого периода, — а следовательно, и всех предшествовавших столетий — должны быть связаны со славянами. Вопрос о славянах до VI—VII вв. н. э. — это область гипотез и споров, в которых архе-

ологические источники обычно отступают на второй план по сравнению с более богатыми и разнообразными данными, выявленными лингвистикой.

Как известно, славянские языки принадлежат к обширной индоевропейской семье. Сравнительное языковедение утверждает, что некогда существовала компактная группа индоевропейских племен — носителей близких, связанных между собой и переживавших общие процессы языков и диалектов. Из этой «индоевропейской общности» впоследствии развились все племена и народы с языками индоевропейского строя. Выше уже шла речь о том, что областью «индоевропейской общности» являлась, по-видимому, Юго-Восточная Европа, где рано возникла развитая неолитическая культура. Хронологические рамки этой «общности» не могут быть точно определены. Но лингвисты пришли к выводу, что древние индоевропейские племена в этот период были скотоводами, еще не знакомыми с употреблением металлов. По археологическим данным, скотоводство распространилось на Балканском полуострове и в прилегающих к нему областях в VI—IV тыс. до н. э.; бронзовый (медный) век начался там в III тыс. до н. э.; широкое распространение металла падает на последующее тысячелетие. В это время, в III—II тыс., «индоевропейская общность» уже распадалась и племена с языками индоевропейского строя, известные науке, распространялись по широким пространствам Юго-Западной Азии и, вероятно, по Европе. Очевидно, где-то здесь, в рамках этих тысячелетий, следует искать истоки и славянских племен.

Чрезвычайно важными являются наблюдения лингвистов, свидетельствующие об исконной близости славянского, балтийского и германского языков. По мнению ряда исследователей, в рамках «индоевропейской общности» в период ее распада существовала североиндоевропейская (славяно-балто-германская) группа языков, «которая в III тыс. распалась на балто-славянский и германский».¹ Но многие лингвисты изображают распадение славяно-балто-германской группы по-другому, без промежуточной балто-славянской языковой общности. Имеются и иные представления об образовании славян, балтов и германцев, по-разному определяющие их место среди древних индоевропейских группировок, существующих поныне или исчезнувших еще в древности. Но так или иначе — близость славян, балтов и германцев является, по-видимому, бесспорной. И в археологии уже давно возникло предположение, что начала славянского этногенеза, подобно истокам балтов и германцев, восходят к племенам культуры шнуровой керамики, появившимся в Центральной, Северной и Восточной Европе в конце III—начале II тыс. до н. э.

Выше уже шла речь о том, что эти древние племена распространились с юга, с окраины тех европейских областей, которые рассматриваются большинством исследователей в качестве наиболее вероятной «родины» индоевропейцев. Племена шнуровой керамики появились накануне широкого распространения металлов, еще в условиях неолита, но уже при наличии у них пастушеского хозяйства. Археология не может указать какую-либо другую поздненеолитическую общность, которая соответствовала бы данным языковедения о праславянах, прабалтах и прагерманцах в такой же мере, как группа племен шнуровой керамики. Именно их культура составила главную основу для последующего культурно-исторического процесса, протекавшего в древности в пределах будущих славянских, балтийских и германских земель. Каких-либо вторжений извне,

¹ В. Георгиев. Балто-славянский, германский и индо-иранский. СФ, I, 1958, стр. 25; T. Leht-Splawinski. 1) O pochodzeniu i praoczyźnie słowian. Poznań, 1946; 2) Konspekt zarysu etnogenazy słowian. In: Z polskich studiów slawistycznych, Warszawa, 1963.

повлекших за собой коренное изменение состава населения в Средней Европе, в последующее время как будто бы не наблюдалось.

Данное предположение является, однако, еще далеко не полностью обоснованным археологическими материалами. Оно отнюдь не свидетельствует, что вопрос о происхождении славян на основании археологических данных близок к своему разрешению. Если можно говорить о том, что в Средней Европе, — там, где утвердились племена шнуровой керамики, — в последующее время не было коренных перемен в составе населения в результате вторжения извне, то внутри самих среднеевропейских племен было множество переселений. За время, отделявшее славян VI—VII вв. н. э. от племен шнуровой керамики, археологическая картина Средней Европы неоднократно существенно изменялась. Судьба ее отдельных составляемых и их отношение к славянскому этногенезу остаются не выясненными. Следует думать при этом, что во II тыс. до н. э., кроме праславян, прабалтов и прагерманцев, в Средней Европе имелись и другие — родственные им, а может быть и совсем чуждые — племена, позднее исчезнувшие бесследно.

Тем не менее, ориентировочная схема смены древних среднеевропейских культур, которую может обрисовать сейчас археология, является заслуживающей внимания и, я бы сказал, перспективной с точки зрения вопросов славянского этногенеза. Постараюсь коротко обрисовать ее в самых обобщенных чертах.

Предполагаемые предки балтов — племена шнуровой керамики, проникшие в Юго-Восточную Прибалтику и Верхнее Поднепровье, — заняли области, принадлежавшие ранее охотничье-рыболовецкому населению, более или менее однородному по культуре. По уровню своего экономического и культурного развития прабалты были значительно выше местного населения. Роль последнего в качестве субстрата в ходе дальнейшего этногенетического процесса вряд ли была особенно заметной. Последующее развитие культуры происходило здесь при явном господстве элементов, восходящих к племенам шнуровой керамики. Наиболее устойчивым оказался древний субстрат, представленный культурой штрихованной керамики, локализовавшийся преимущественно в бассейне Немана и по его периферии, где племена шнуровой керамики составляли явное меньшинство. Здесь процессы этнической интеграции затянулись на многие столетия. Балтийский элемент здесь восторжествовал, по-видимому, лишь в I тыс. н. э.

Совсем иначе выглядела обстановка в тех областях Средней Европы, где следует искать истоки славянских или праславянских племен. Если в период раннего неолита Средняя Европа была занята сравнительно однородной группой неолитического населения с линейно-ленточной керамикой, имевшей, по-видимому, дунайское происхождение, то к исходу III тыс. до н. э., накануне появления племен шнуровой керамики, картина существенно изменилась. Поздний неолит, как я уже указывал, представлен здесь несколькими различными культурами, которые далеко не всегда строго локализовались в определенных местностях. Такая культурная чересполосица могла появиться лишь в результате передвижений древних племен. Одни из поздненеолитических культур возникли, очевидно, в ходе культурно-этнической дифференциации местного населения. Таковы поздние варианты культуры линейно-ленточной керамики, лендельская культура, вероятно, культура воронковидных кубков. Другие группы племен были пришлыми. С юга, из балканских областей в Северное Прикарпатье и бассейн Верхней Вислы продвинулось население с расписной керамикой, родственное трипольскому. Во многих областях Средней Европы вплоть до балтийского побережья спорадически встречаются остатки культуры племен шаровидных амфор — по-видимому, одного из генетических пред-

шествеников племен шнуговой керамики. Их происхождение остается далеко не выясненным, хотя большинство исследователей ведет их из южной зоны Восточной и Средней Европы, рассматривая в качестве первой волны двигавшихся с юга на север пастушеских племен.

Особенно существенным было то, что все эти племена, и местные и пришлые, были знакомы с прогрессивными для того времени формами хозяйства — скотоводством и земледелием. По уровню своего развития они мало отличались от племен шнуговой керамики. Поэтому при распространении последних их отношения с предшественниками складывались здесь совсем иначе, чем в Юго-Восточной Прибалтике и Верхнем Поднепровье. В ходе дальнейшего этногенетического процесса местные племена и их культура сыграли здесь значительную роль. Наследием этого сильного и пестрого по своему составу субстрата явилось прежде всего то, что после расселения племен шнуговой керамики, в раннем «бронзовом веке», в Средней Европе продолжала сохраняться значительная культурно-этническая неоднородность. Такие культуры, определенные польскими и немецкими археологами, — прежде всего Ю. Коспевским, — как гробская между нижним течением Вислы и Одера, ивенская и томашовская на Средней и Верхней Висле, культура типа Злота в Южной Польше, почарская в Верхнем Поднепровье и др., несут в своем материале — в керамике, в погребальной обрядности, в предметах убора — следы как старых местных традиций, так и культурных особенностей, свойственных племенам шнуговой керамики. Наиболее отчетливо последние были представлены в томашовской культуре и в культуре типа Злота. Каждая из культур раннего «бронзового века» имела, очевидно, свою судьбу, пока что далеко не изученную археологией. Где следует здесь искать предков славян, в носителях какой культуры, — остается пока не выясненным.

Перехожу снова к результатам лингвистических разысканий. Если время обособления первобытного славянского языка — группы диалектов, выделившихся из других индоевропейских языковых общностей, — определяется весьма приблизительно, где-то в рамках конца III и начала II тыс. до н. э., то конец «общеславянского» состояния может быть датирован более определенно. Дифференциация славянских языков связывается с широким расселением славянских племен, исторически засвидетельствованным для VI—VII вв. н. э., но начавшимся, как полагают, много раньше, еще на рубеже и в первой половине I тыс. н. э.

На основании следов древних языковых контактов сравнительная лингвистика наметила в общих чертах картину размещения индоевропейских и других племен в Средней и Восточной Европе в период «общеславянского» состояния. Наиболее родственной славянам языковой группой, судя по лингвистическим данным, является балтийская. Характер ее близких взаимоотношений со славянским миром еще не вполне исследован и составляет ныне предмет дискуссии. Выше уже указывалось, что одни исследователи продолжают отстаивать мысль о существовании в далеком прошлом единой балто-славянской группировки, которая якобы лишь позднее распалась на две части — на славян и балтов, — другие же лингвисты, в частности большинство советских исследователей, рассматривают славян и балтов в качестве издавна самостоятельных, тесно связанных между собой индоевропейских групп. Выдвигается мысль о «балто-славянском языковом союзе» или о «балто-славянской языковой общности».² Такие отвлеченные, далекие от реальной истории формулировки,

² И. А. Бодуэн де Куртене. Лингвистические заметки и афоризмы. ЖМНП, 1903, № IV, стр. 246; В. К. Мэтьюс. О взаимоотношении славянских и балтийских языков. СФ, I, 1958, стр. 27—44; В. В. Иванов и В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958; С. Б. Берн-

возможно, в какой-то мере удовлетворяют лингвистов, историки же и археологи с ними примириться не могут. Но как бы в дальнейшем ни разъяснился вопрос об отношениях славян и балтов, бесспорная близость славянских и балтийских языков, сохранившаяся вплоть до настоящего времени, позволяет говорить о непосредственном территориальном соседстве славян и балтов в течение длительного времени. И этот факт является, несомненно, чрезвычайно важным.

Установлено также, что те и другие языки — славянские и балтийские — развивались в условиях достаточно тесных контактов с германскими языками. При этом балто-германские связи большинством лингвистов признаются более старыми и более прочными, чем связи славяно-германские. Предполагается, что балты с глубокой древности были восточными соседями германцев в районе Прибалтики, где, по историческим и гидронимическим данным, находилась древнейшая территория германских племен. Контакты между славянами и германцами возникли в начале нашей эры, когда германские племена начали свое движение из Прибалтики на юг. Отсюда следует, что славянские племена скорее всего жили южнее балтов, были их южными соседями.

Последующее уточнение в наши знания о размещении древних племен вносит изучение следов древних балто-финно-угорских и славяно-финно-угорских языковых контактов. Первые восходят к глубокой древности. Полагают, что их начала могут быть датированы временем распространения в Юго-Восточной Прибалтике скотоводческого хозяйства, т. е. первыми веками II тыс. до н. э., о чем речь уже шла выше. Славяно-финно-угорские контакты, напротив, лингвисты признают относительно поздним явлением. Как убедительно показал В. Кипарский, в финно-угорских языках среди многочисленных славянских заимствований не обнаруживаются праславянские, а в славянских языках нет следов старофинских форм.³ Очевидно, славяне первоначально не соприкасались с финно-угорским миром, отделенным от них широким балтийским заслоном. Контакт между славянами и финно-уграми возник позднее, лишь после того, как славянские племена продвинулись в глубину восточнобалтийских земель, в поречье Днепра и Оки, войдя в непосредственное соприкосновение с финно-уграми. Это также говорит о том, что славяне первоначально жили южнее балтов.

Очень важными представляются наблюдения, свидетельствующие о существовании в далеком прошлом славяно-иранских языковых связей, которые были возможны лишь в скифское или скифо-сарматское время, т. е. в I тыс. до н. э. и в начале нашей эры. В более позднее время, как известно, область ираноязычного населения на юге Восточной Европы была занята тюркскими и другими племенами. В балтийских языках следы соприкосновения с иранским миром не обнаруживаются — за некоторыми незначительными исключениями. Очевидно, славяне составляли приблизительно такую же преграду для балто-иранских контактов, как древние балты для контактов славяно-финно-угорских.

Можно упомянуть еще о мало отчетливых данных, свидетельствующих, по-видимому, о славяно-кельтских контактах. Было бы крайне важным иметь сведения о наличии или отсутствии языковых связей славянских племен с другими древними племенами южной зоны Средней Европы — даками, фракийцами, иллирийцами. К сожалению, из-за недостатка фактических данных о языках этих племен таких сведений в распоряжении лингвистики почти не имеется. Но границы расселения этих племен, оби-

штейн. Балто-славянская языковая общность. СФ, I, 1958, стр. 43—67; Chr. Stan g. Die slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942, — и многие другие работы.

³ В. К и п а р с к и й. О хронологии славяно-финских лексических отношений. Scando-Slavica, IV, Copenhagen, 1958.

тавших по периферии Римской империи, относительно хорошо известны по сообщениям современников. Это помогает определить пределы славянской территории на рубеже, в первых веках и в середине I тыс. н. э.

Если граница балтов, судя по данным гидронимии, проходила на юге приблизительно по Припяти, поднимаясь на западе к Гданской бухте, где соседями балтов были германские племена; если области славяно-иранского пограничья лежали на северо-западных рубежах Скифии — в Среднем Поднепровье, на Южном Буге и на Днестре; если Карпаты при-

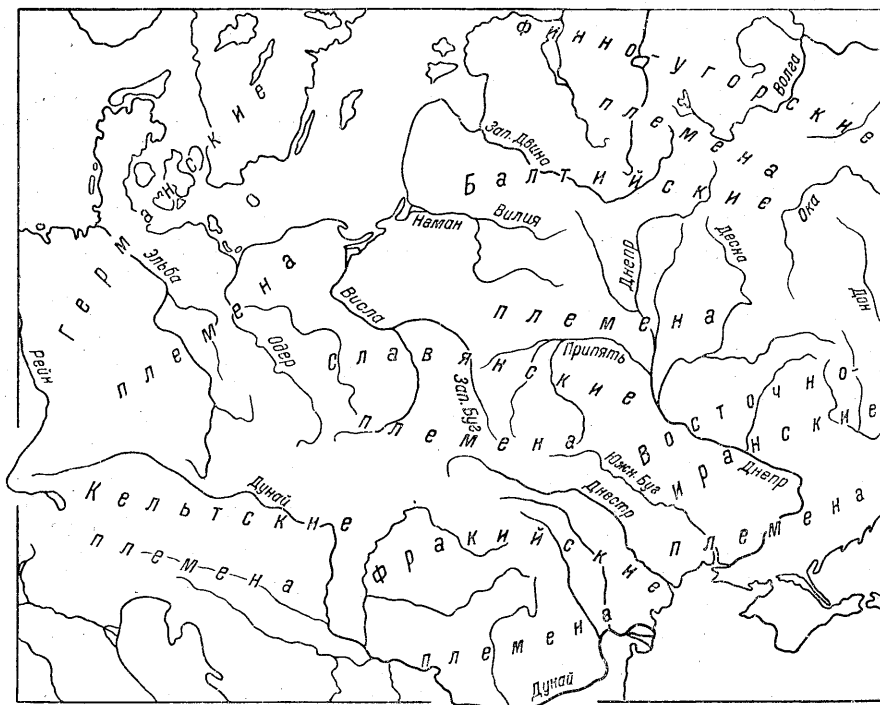

Рис. 56. Схема размещения средневропейских и восточноевропейских племен в последние века I тыс. до н. э.

надлежали дакам и фракийцам, а земли по Верхнему Дунаю и далее на запад кельтам, — то нетрудно определить область, в пределах которой обитали в то время древние славяне (рис. 56). Это была широкая полоса в Средней Европе, лежащая между Средним Днепром и Верхним Днестром, по Северному Прикарпатыю и в бассейне Вислы. Возможно, что на западе она включала в свои пределы также и земли по верхнему течению Одера и Эльбы.

Особенно существенным и убедительным является то, что обрисованная область характеризуется древнейшей славянской топонимикой (гидронимией). Именно здесь сосредоточены наименования рек, озер и старых урочищ, которые, по мнению лингвистов, относятся к «общеславянской эпохе». Правда, древняя славянская топонимика (гидронимия) является менее отчетливой и не такой плотной, как гидронимия балтийская. Здесь сказались, очевидно, сложность исторических судеб Средней Европы в I тыс. до н. э. и особенно в начале и середине I тыс. н. э. Границы славянских земель в это время не раз нарушались. Сначала в их пределы вторгались на западе кельты, а на востоке скифы и сарматы. Через славянские области в начале нашей эры двигались на юг многочисленные гер-

манские племена, позднее — гунны, авары и др. Все это не могло не сказаться на чистоте гидронимии. Тем не менее исследователями уже давно признается, что область древней славянской гидронимии в Средней Европе должна рассматриваться как коренная славянская территория. Такого мнения придерживались и придерживаются многие исследователи-слависты: А. Л. Погодин, А. И. Соболевский, Л. Нидерле, позднее М. Фасмер, Т. Лер-Сплавинский, Ф. П. Филин и мн. др.⁴

В числе данных, позволяющих обрисовать древнюю славянскую территорию, приводятся обычно известия о венедах, принадлежащие греческим и римским авторам. Венедам посвящена обширнейшая литература, где рассматривается вопрос о локализации их на карте древней Европы, вопрос о том, подразумевались ли под этим наименованием славяне — и только ли славяне; или же так называли всех восточных соседей германцев: не только славян, но и балтов, а может быть, и другие племена, позднее не сохранившиеся?

Крайняя отрывочность и случайность сведений о венедах не позволяет, однако, дать на эти вопросы вполне определенный ответ. Территория поселений венедев не может быть точно локализована: они жили в лесах между Карпатами и Балтийским морем, по-видимому, по обе стороны Вислы, главным образом на восток от нее. Этноним «венеды» имеет, вероятно, кельтское происхождение, и не исключено, что он являлся собирательным наименованием всех восточных соседей германцев. Бесспорно лишь, что древние славяне входили в состав венедев. Это следует не только из сообщения Иордана о том, что склавины и анты в древности назывались венедами, но и из того, что в германских языках этот этноним сохранялся для обозначения славян в течение многих веков, вплоть до позднего средневековья. Таким образом, к данным сравнительного языкознания и гидронимии, обрисовывающим древнюю славянскую территорию, известия о венедах, по сути дела, не прибавляют ничего нового, но и не противоречат им, что, конечно, очень существенно.

2

В настоящее время среди исследователей, разделяющих обрисованные выше представления о древней славянской территории, спорными считаются лишь частные вопросы, связанные с уточнением границ славянских земель в разное время. Ведется оживленная дискуссия по вопросу о том, являлась ли вся указанная выше территория искони славянской (праславянской), или же в ее пределах следует выделить древнейшую часть — и какую именно?

По мнению ряда польских славистов — Т. Лер-Сплавинского, М. Рудницкого и др., — древнейшую родину славян следует искать на западе: на Одере и Висле.⁵ Крупнейшую роль в формировании «висло-одерской» концепции сыграли археологические гипотезы, созданные крупнейшим польским археологом Ю. Косцевским. По его мнению, древнейшей славянской культурой являлась лужицкая — одна из наиболее ярких европейских культур эпохи бронзы и раннего железного века, основная область которой охватывала бассейн двух рек — Одера и Вислы.⁶

⁴ А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. Варшава, 1901; L. Niederle. Slovanské starožitnosti, I, Praha, 1902; Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 49—35. Т. Lehr-Splawinski. O pochodzeniu i praojczyźnie słowiań, стр. 53—91.

⁵ Т. Lehr-Splawinski. O pochodzeniu i praojczyźnie słowiań, стр. 87—91, 137—143 и сл.; М. Rudnicki. Praszłowiańszczyzna, I—II. Poznań, 1959, 1961.

⁶ J. Kostrzewski. 1) Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Prehistoria ziem polskich. Encyklopedia Polska, IV, Kraków, 1939—1948; 2) Wielkopolska w pradziejach. Warszawa—Wrocław, 1955, — и другие работы.

Лужицкая культура сложилась в начале последней четверти II тыс. до н. э., в обстановке развитого «бронзового века», когда повсюду в Европе широко распространился металл, окрепло скотоводческо-земледельческое хозяйство, значительный размах приобрели экономические и культурные связи. Свои специфические черты — формы керамики, особенности погребального обряда с трупосожжением и др. — лужицкие племена сохраняли в течение 700—800 лет, вплоть до V—IV вв. до н. э. В течение этого времени в их жизнь и быт много нового внес «железный век». В частности, в I тыс. до н. э. в среде лужицких племен распространились укрепленные поселения — городища, свидетельствующие о серьезных социально-политических сдвигах, речь о которых шла выше в очерке, посвященном «железному веку» древних балтов и финно-угров.

Территория лужицких племен была весьма обширной. Кроме бассейна Одера и Вислы, она охватывала большой участок балтийского побережья, на востоке достигала водораздела Вислы, Припяти и Днестра, на юге опускалась почти до Дуная, на западе захватывала верховья Эльбы. В предшествующее время на этой территории обитали «предлужицкие», тшинецкие, унетичские и частично некоторые другие племена. По мнению Ю. Косшевского, главные центры формирования лужицкой культуры лежали между Одером и Вислой, в среде унетичских и «предлужицких» племен. Оттуда ее элементы распространились в восточном направлении в бассейн Вислы, где к этому времени на месте многочисленных культур раннего «бронзового века» сложилась более или менее однородная культурная общность, получившая наименование тшинецкой культуры. Для нее была характерна керамика с «пасмовой» орнаментацией (состоящей из параллельных горизонтальных линий), восходящей к культурам предшествующего периода, а в конечном счете — к зональной орнаментации шнуровой керамики.

В последующий период, по мысли Ю. Косшевского, центр культуры переместился на север, в область Поморья. Особенности культуры, характерные для этой области, в частности так называемые лицевые урны, стали распространяться в южном и юго-восточном направлениях, охватив в конце I тыс. до н. э. основные лужицкие области по верхнему течению Одера и по Висле. В итоге, на всей этой обширной территории во II—I вв. до н. э. сложилась новая культура — пшеворская, получившая свое наименование от могильника около г. Пшеворска, в бассейне р. Сана, правого притока Вислы. Иногда эту культуру называют венедской, т. е. непосредственно связывают с историческими венетами, чему как будто бы не противоречат ни территория пшеворской культуры, ни ее время.

Очень вероятно, что распространение элементов поморской культуры (а возможно, и поморских племен) в южном и юго-восточном направлениях явилось следствием вторжения в Поморье, в пределы области, лежащей к западу от нижнего течения Вислы, большой группы чужих племен с запада и севера, из-за моря. Этими племенами могли быть, очевидно, только германцы. Во всяком случае, в последующее время северные пределы пшеворской культуры не достигали балтийского побережья.

Пшеворская культура несла на себе все характерные черты развитого «железного века» и «высшей ступени варварства». В ее разнообразном вооружении, в предметах убора и проч. отразились признаки той эпохи, когда европейские племена вступали в борьбу с Римской империей. Особенно тесными были контакты пшеворских племен (экономические, культурные, а, возможно, и политические) с кельтским (латенским) миром — наиболее передовыми среднеевропейскими племенами того времени, стоящими на пороге классового общества и государственности. Свои основные особенности пшеворская культура сохранила вплоть до IV в. н. э., до того времени, когда повсюду в Европе, в результате событий

эпохи «великого переселения народов» и последующего крушения Римской империи, облик культуры претерпел коренные изменения.

Дальше на восток поселения пшеворских племен достигали верховьев Припяти и Днестра. В междуречье Днестра и Среднего Днепра, одновременно с пшеворской и на основе тех же элементов (позднелужицких и поморских) возникла зарубинецкая культура, во многом близкая пшеворской и значительно отличающаяся от других синхроничных восточно-европейских культур «железного века»: северных, принадлежащих древним балтам и финно-уграм, и юго-восточных — скифо-сарматских.

С возникновением зарубинецкой культуры, по мысли последователей «висло-одерской» гипотезы, началось широкое освоение славянами земель в бассейне Среднего Поднепровья. До того времени, в раннем «железном веке», в междуречье Днестра и Среднего Днепра, возможно, попадали лишь отдельные праславянские племена.

В конце 40-х — начале 50-х годов гипотеза Ю. Косшевского пользовалась значительной популярностью. Чехословацкий археолог Я. Филип в книге «Начала славянского населения в Чехословакии» привел 38 доказательств славянства лужицких племен.⁷ Интересная попытка графического выражения археологического обоснования «висло-одерской» гипотезы была предпринята К. Яджевским в опубликованном им в 1949 г. «Атласе происхождения славян».⁸ На основании трудов Ю. Косшевского была построена археологическая часть известного труда польского слависта Т. Лер-Сплавинского «О происхождении и прародине славян». По его мнению, лужицкая культура не была славянской; она принадлежала своеобразной индоевропейской группе племен, позднее не сохранившейся. Но, распространяясь от Одера на восток, лужицкие племена легли суперстратом на часть потомков племен шнуговой керамики, в которых Т. Лер-Сплавинский видит балто-славян. В результате произошло отделение славян от балтов.

В последующее время «висло-одерская» гипотеза во всех ее вариантах подверглась, однако, серьезной критике. Польские слависты К. Мошинский и Г. Улашин, немецкий исследователь М. Фасмер и другие ученые указали, что области, лежащие на восток от Вислы вплоть до поречья Среднего Днепра, являются более старыми славянскими землями — как по гидронимическим данным, так и по данным так называемой лингвистической географии.⁹

Эта оригинальная отрасль лингвистики рассматривает представленные в славянских языках и реконструированном «общеславянском» (пра-славянском) языке названия деревьев, животных и характерных особенностей ландшафта и на их основании делает исторические выводы. Так, например, известно, что наименование бука славяне заимствовали у германцев. Следовательно, полагает «лингвистическая география», славяне жили первоначально вне пределов ареала этого дерева, распространенного повсюду в Средней Европе, но не известного в лесостепной зоне междуречья Днепра и Днестра. По последним палеоботаническим данным, бук произрастал в древности лишь за Одером. В общеславянском языке не было слова для обозначения лиственницы. Это дерево, известное на Карпатах, по-видимому также не росло в пределах славянской родины. К. Мошинский указал, что и другие деревья Средней Европы не имели у древних славян своих наименований, чего нельзя сказать о деревьях полосы лесостепи в пределах Днепро-Днестровского междуречья.

⁷ J. Filip. Počátky slovanského osídlení v Československu. Praha, 1946.

⁸ K. Jażdżewski. Atlas do pradziejów słowian. Łódź, 1949.

⁹ K. Moszynski. Pierwothy zasięg jezika prasłowiańskiego. Wrocław—Kraków, 1957; H. Ułaszyn. Prąjczyzna słowian. Łódź, 1959.

Рассмотрим другие примеры. В древнем славянском языке не обнаруживается данных, свидетельствующих о жизни на морском побережье. Древним славянам была чужда природа степей, их растительность и животный мир. Терминология, связанная с горным ландшафтом, также оказалась не свойственной древней общеславянской лексике. «Прародина славян, по крайней мере в последние столетия их истории как единой этнической единицы, — пишет Ф. П. Филин, — находилась в стороне от морей, гор и степей, в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами и болотами».¹⁰ В своей недавно появившейся книге, откуда взята эта фраза, Ф. П. Филин заново проанализировал лингвистические данные о древних славянах и пришел к выводу об ошибочности «висло-одерской» гипотезы, полагая, что главные центры древнего неразделенного славянства лежали не на Висле и Одере, а в полосе лесостепи и леса, восточнее Вислы, на Волини и в области украинского Полесья.

В археологических кругах «висло-одерская» гипотеза, особенно в ее отдельных звеньях, также вызвала ряд существенных возражений. Польский археолог С. Носек, обобщивший материалы тшинецкой культуры племен эпохи бронзы (третья четверть II тыс. до н. э.), распространенных в бассейне Верхней и отчасти Средней Вислы, высказал предположение, что эта обширная группа древнего населения — потомков племен шнуровой керамики и крупнейшего предшественника лужицких племен — должна рассматриваться в качестве важнейшей основы славянства. Мысли С. Носека в настоящее время развиваются многими польскими исследователями, особенно А. Гардавским. По его мнению, под общей шапкой лужицкой культуры до сих пор ошибочно объединялись две различные по происхождению группы древних племен: на запад от Вислы — потомки южных (подунайских) по происхождению племен унетицкой и предлужицкой культур и потомки тшинецких племен бассейна Верхней и Средней Вислы.¹¹ Мысль о племенах тшинецкой культуры как древней основе славянства была встречена с интересом в нашей стране, так как культура тшинецкого характера распространялась на востоке вплоть до поречья Днепра. Она еще очень плохо изучена. К ней относятся ряд поселений по Припяти, поселения и могильники типа Народичи и Войцеховки на Волини и др.¹² Древние племена, оставившие эти археологические памятники, сохранили в своей культуре некоторые черты, свойственные племенам шнуровой керамики. Они подверглись в различной степени влиянию со стороны южных и восточных соседей — позднетрипольских и степных восточноевропейских племен. В последующее время, в эпоху поздней бронзы, на их основе возникли «предскифские» культуры днепровского лесостепного Правобережья — белогрудовская и чернолесская,

¹⁰ Ф. П. Ф и л и н. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 122.

¹¹ S. N o s e k. 1) Zagadnienie prasłowiańszczyzny w świetle prehistorii. Światowit, XIX, Warszawa, 1947; 2) Materiały do badań nad historią starożytną i wczesnośredniowieczną na międzyrzeczu Wisły i Bugu. Annales Universitatis M. Curie-Skłodowska, VI, Lublin, 1957, стр. 104; А. G a r d a w s k i. 1) Plemiona kultury trzcinieckiej w Polsce. Materiały starożytne, V, Warszawa, 1959, стр. 160; 2) Problem ciągłości osadniczej, kulturowej i etnicznej w dorzeczu Odry i Wisły od II okresu epoki, sążu do okresu wędrówki ludów. Доклад на I Международном Конгрессе славянской археологии в Варшаве в сентябре 1965 г.

¹² О. Л а г о д о в с к а. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. Археологія, II, Київ, 1948, стр. 62; В. Д. Р ы б а л о в а. 1) К вопросу о сложении культур эпохи бронзы в лесостепной полосе Правобережной Украины. Доклады VI научной конференции Института археологии, Киев, 1953, стр. 209—226; 2) К вопросу о хронологии некоторых групп памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине. АС, в. 2, 1961, стр. 9—25; С. С. Б е р е з а н с к а я. Культура тшинецко-комаровского типа в северных районах Украины. Доклад на I Международном Конгрессе по славянской археологии в Варшаве в сентябре 1965 г. См. Тезисы докладов советской делегации на I Международном Конгрессе славянской археологии. М., 1965, стр. 31—33.

носители которых позднее оказались в границах северной и северо-западной Скифии.

Вместе с тем существенно, что культура лужицкого типа в область Днестро-Днепровского междуречья не распространялась. Ее продвижение на восток не пошло дальше поречья Горыни.

Мысль о том, что в составе геродотовой Скифии имелись славянские (праславянские) племена, является очень старой, ведущей свое начало от историков XIX в. Но она никогда не была заброшена; ее разделяли В. В. Хвойка, Л. Нидерле, А. И. Соболевский, несколько лет тому назад — М. И. Артамонов, автор этих строк и мн. др. Ныне, с привлечением новых археологических данных, эту мысль пытаются обосновать украинские археологи, в частности А. И. Тереножкин,¹³ на взглядах которого я остаюсь ниже, когда речь пойдет о происхождении зарубинецкой культуры. Укажу лишь, что гипотеза А. И. Тереножкина и его единомышленников также является еще очень несовершенной. Она плохо объясняет генезис западных славян; вопрос о местном происхождении зарубинецкой культуры в ее свете остается серьезно не аргументированным.

Я отнюдь не ставил перед собой задачи отразить все многообразие мыслей и предположений, высказанных по вопросу о происхождении славян, а лишь хотел показать, что здесь предстоит еще очень большая и сложная работа. Лингвистика (сравнительное языкознание, изучение гидронимии, «лингвистическая география») еще далеко не исчерпала в этой области своих богатых возможностей. Особенно же большие задачи стоят перед археологией, которая по сути дела только лишь начинает выявлять и исследовать свои источники.

Бесспорным является, очевидно, лишь то, что древние славяне возникли и обитали в Европе вплоть до своего расселения в I тыс. н. э. в пределах обширной области, ограниченной на востоке скифо-сарматскими землями в Среднем Поднепровье, на юге дако-фракийским Прикарпатьем, поречьем Вислы или Одера на западе и землями балтов на севере, граница которых лежала примерно по параллели Припяти. Но в древности в этой области, кроме славян, жили и другие племена: индоевропейские, вероятно близкие славянам, балтам, германцам, фракийцам, иллирийцам и др., и, возможно, неиндоевропейские, представлявшие собой реликт древнейшего местного населения. Как складывались судьбы всех этих племен, где лежали главные центры славян, почему и при каких обстоятельствах в течение «бронзового» и раннего «железного века» они одержали здесь этническую победу над всеми другими племенами — все это еще предстоит выяснить.

Зарубинецкие племена в Среднем Поднепровье

1

Памятники зарубинецкой культуры впервые были обнаружены известным украинским археологом В. В. Хвойкой в 1899 г., когда в его руки попало несколько глиняных сосудов, найденных вместе с пережженными человеческими костями и металлическими предметами при добыче камня на высоких отрогах правого берега Днепра около с. Зарубинцы бывш. Каневского уезда Киевской губернии, ныне Кагарлыкского района Киевской области. В. В. Хвойка произвел на этом месте небольшие раскопки и обнаружил три ненарушенных погребения с трупосожжениями. Кроме

¹³ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961.

характерной керамики, изготовленной без гончарного круга, — черной и бурой с лощеной поверхностью и серой грубой выделки — погребения из Зарубинцов содержали бронзовые булавки и фибулы среднелатенской и позднелатенской схемы, а также одну «очковую» фибулу. В этом же и последующих годах В. В. Хвойка нашел в Киевском Поднепровье еще несколько подобных же могильников или, как тогда говорили, «погребальных полей» — в Пуховке, Ржищеве, у Вишенек, Койлова и др. Несколько аналогичных открытий были сделаны и другими лицами. В. В. Хвойкой были найдены также и места зарубинецких поселений. В своих работах, посвященных культуре «полей погребения», В. В. Хвойка отнес открытые им памятники к II—I вв. до н. э. и к началу нашей эры, указал на те черты, которые сближают зарубинецкую культуру с латенской культурой Средней Европы, и решительно высказался за то, что поселения и «поля погребений» с находками зарубинецкого типа были оставлены древними славянами.

В эти же годы в области Киевского Поднепровья В. В. Хвойкой была открыта черняховская культура II—IV вв. н. э., получившая свое название от исследованного им обширного «погребального поля», расположенного у с. Черняхов Кагарлыкского района Киевской области. Черняховскую культуру В. В. Хвойка рассматривал в качестве следующей за зарубинецкой ступени в развитии древней славянской культуры Среднего Поднепровья. Вместе с тем в зарубинецкой культуре он отмечал такие элементы, которые, по его мнению, восходят к местным традициям предшествующего скифского времени. Исходя из всего этого, В. В. Хвойка пришел к мысли, что славяне непрерывно обитали в Поднепровье начиная с глубокой древности.¹⁴

Своими соображениями В. В. Хвойка поделился с одним из крупнейших в то время знатоков славяно-русских древностей — А. А. Спицыным — и встретил с его стороны полную поддержку. А. А. Спицын охарактеризовал «поля погребений», открытые В. В. Хвойкой на Киевщине, в качестве памятников древней восточнославянской культуры, указав, что подобные им древности известны во всех старославянских землях. Им было высказано также предположение, что в дальнейшем, когда будет накоплен достаточный материал, древнерусские курганы с трупосожжением генетически увяжутся с культурой «полей погребения».¹⁵ Мнение В. В. Хвойки о «полях погребения» Среднего Поднепровья как памятниках древней славянской жизни поддерживали и некоторые другие, главным образом украинские археологи.

Нарисованная В. В. Хвойкой картина представляла собой, однако, не более чем предположение. Очень скоро стало выясняться, что отдельные ее звенья не увязываются друг с другом. Оставались неясными скифо-зарубинецкие связи. Преемственность между зарубинецкой и черняховской культурами подвергались сомнению. Между культурой «полей погребений» позднеримского времени (черняховская культура) и заведомо славяно-русскими памятниками IX—X вв. зияла хронологическая лакуна протяженностью не менее четырех-пяти столетий. Все это позволило некоторым исследователям высказаться против соображений В. В. Хвойки о принадлежности среднеднепровских «полей погребения» к памятникам славянской культуры.

Главным основанием, на которое опирались противники В. В. Хвойки, являлась распространенная в конце XIX и начале XX в. этногенетическая

¹⁴ В. В. Хвойка. 1) Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII (новая серия), 1904; 2) Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913; В. П. Петров. Зарубинецкий могильник. МИА, № 70, 1959.

¹⁵ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, № VIII.

гипотеза немецких археологов, одним из первых создателей которой был известный археолог Р. Вирхов.¹⁶ В соответствии с его взглядами, бескурганые могильники с трупосожжениями римского времени в Центральной Европе рассматривались в качестве германских. Исходя из этого, черняховская культура приписывалась готам, а более древняя зарубинецкая культура, восходящая к последним векам I тыс. до н. э., — т. е. ко времени, намного предшествующему появлению готов на Черном море, — рассматривалась в качестве германской на основании черт сходства, сближающих эту культуру с синхроничными культурами Повисленья и бассейна Одера.

В 1906 г. была опубликована статья немецкого археолога П. Рейнеке, пытавшегося утверждать, что Зарубинецкий могильник принадлежал какому-то германскому племени, якобы переселившемуся на Днепр.¹⁷ Позднее с подобными же попытками выступали и другие немецкие, а также отдельные польские археологи.

Но гипотеза единомышленников Р. Вирхова также отнюдь не пользовалась общим признанием. Против нее решительно выступали, в частности, многие польские археологи. Поэтому в течение длительного времени вопрос об этнической принадлежности «полей погребения» в Среднем Поднепровье оставался спорным. «Вопрос открыт, в нем много загадочного, и при теперешнем состоянии наших знаний он не может быть разрешен в утвердительном смысле», — писал по этому поводу в 1930 г. академик Ю. В. Готье.¹⁸ Еще раньше в таком же роде высказывался в отношении «полей погребений» Среднего Поднепровья крупнейший чешский археолог-славяновед Л. Нидерле.¹⁹ А. А. Спицын в работе 1930 г. высказал предположение, что зарубинецкая культура принадлежит тому же населению, что и среднеднепровские курганы с трупосожжениями и вещами скифского типа, но уклонился от прямого ответа на вопрос, что же это было за население. В этой же работе А. А. Спицын решительно разделил зарубинецкую и черняховскую культуры. Он высказался за западное происхождение черняховской культуры, указав, однако, что распространение ее памятников на широких пространствах от Днестра до Северского Донца исключает мысль о принадлежности ее готам. «Естественнее всего предполагать, — писал он, — что это были славяне».²⁰

Таким образом, А. А. Спицын отошел от разделявшихся им ранее представлений В. В. Хвойки, считавшего, что зарубинецкая и черняховская культуры представляли собой два этапа в развитии одного и того же населения. Славянской А. А. Спицын считал лишь черняховскую культуру.

Я не буду приводить здесь других многочисленных мнений, высказанных относительно зарубинецкой культуры в первой четверти XX в. Укажу лишь, что после того, как соображения В. В. Хвойки подверглись критике с позиций немецкой археологии, интерес к этой культуре в среде русских и украинских исследователей заметно снизился. В течение длительного времени в области зарубинецкой культуры не было сделано никаких существенных новых открытий. В упомянутой выше работе 1930 г. А. А. Спицын, говоря о зарубинецкой культуре, посвятил ей всего

¹⁶ R. Virchow. Über Gräberfelder und Burgwälle der Niederlausitz und des überoderischen Gebietes. Berlin, 1872.

¹⁷ P. Reinecke. Aus der russischen archäologischen Litteratur. Mainzer Zeitschrift, 1906, I, стр. 42—50.

¹⁸ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 16.

¹⁹ L. Niederle. Původ a počátky Slovanů východních. Slovanské starožitnosti, I, IV, Praha, 1924, стр. 231—240.

²⁰ А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, в. X, 1948, стр. 53—70. — А. А. Спицын неправильно называл зарубинецкую культуру зарубинской.

лишь несколько скудных строк, не назвав при этом ни одного памятника, кроме уже известных по работам В. В. Хвойки и его современников.

Положение с изучением зарубинецкой культуры коренным образом изменилось лишь в конце 30-х годов, а особенно после Великой Отечественной войны, когда были выявлены значительные новые материалы, расширившие и углубившие представления о населении Среднего Поднепровья в последние века до нашей эры и в начале нашей эры. Новые материалы, речь о которых пойдет ниже, подтвердили правильность ряда соображений В. В. Хвойки, высказанных им по поводу зарубинецкой культуры. Вместе с тем они показали, что В. В. Хвойка во многом ошибался. То, что зарубинецкая и черняховская культуры генетически не связаны одна с другой, в настоящее время уже не подлежит никакому сомнению, хотя полностью отрицать наличие точек соприкосновения между ними все же нельзя. Выясняется, далее, что черняховская культура представляла собой очень сложное явление, не имевшее прямого отношения к восточнославянскому этногенезу. И напротив, зарубинецкая культура, по мнению многих исследователей-археологов, являлась славянской.

Но обратимся к фактическим данным. В 1937 г. у юго-восточной окраины Киева, вблизи с. Корчеватого, на высотах правого коренного берега Днепра было обнаружено большое «погребальное поле» зарубинецкого типа, исследованное в последующие годы И. М. Самойловским.²¹ За несколько лет раскопок (1937—1941 и 1944 гг.) на Корчеватовском могильнике было открыто более 100 погребений, преимущественно с трупосожжением, представленных двумя вариантами. В одних случаях результаты кремации помещались в урну — обычно большой глиняный сосуд грубой работы, в других пережженные кости ссыпались непосредственно в яму (небольшую круглую или овальную, размером в рост человека) и рядом с ними ставились сосуды с пищей и клались кое-какие вещи, главным образом украшения, побывавшие на огне. На окраине могильника было открыто несколько могил с обычными захоронениями, относящимися к той же культуре.

В обширных материалах Корчеватовского могильника имеется все то, что было известно для зарубинецкой культуры В. В. Хвойке. Бронзовые украшения представлены спиральными браслетами и фибулами средне-латенской схемы двух типов: проволочными и специфическими зарубинецкими со спинкой в виде удлиненного треугольника. Имеется несколько железных фибул того же типа. Позднелатенские фибулы, известные в Зарубинцах, в Корчеватовском могильнике найдены не были. Отсюда можно сделать вывод, что Корчеватовский могильник охватывает лишь первую половину того периода, в течение которого в Среднем Поднепровье существовала зарубинецкая культура.

Керамика Корчеватовского могильника вся без исключения выполнена от руки, без помощи гончарного круга. Здесь имеется, во-первых, посуда хорошей выделки с темно-бурой или черной вылощенной поверхностью — кувшины, высокие горшки, широкие миски и небольшие сосуды, нередко имеющие ушко. Некоторые сосуды этих типов близко напоминают латенскую посуду. Такие сосуды имеются и в Зарубинецком могильнике, в Пуховке и в некоторых других могильниках. Во-вторых, в коллекции керамики из Корчеватовского могильника, как и из других могильников, имеется значительное количество сосудов грубой выделки (рис. 57). В этой керамике оказались особенно заметными архаические элементы, восходящие к культуре как местных, так и среднеевропейских племен

²¹ И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник. Археология, I, 1947, стр. 101—109; И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник. МИА, № 70, 1959.

предшествующего времени. Сюда относится опоясывающий сосуды на-
 лепной валик, характерный для керамики конца эпохи бронзы и раннего
 железа. Имеются сосуды с валиком, верхняя часть которых вылощена,

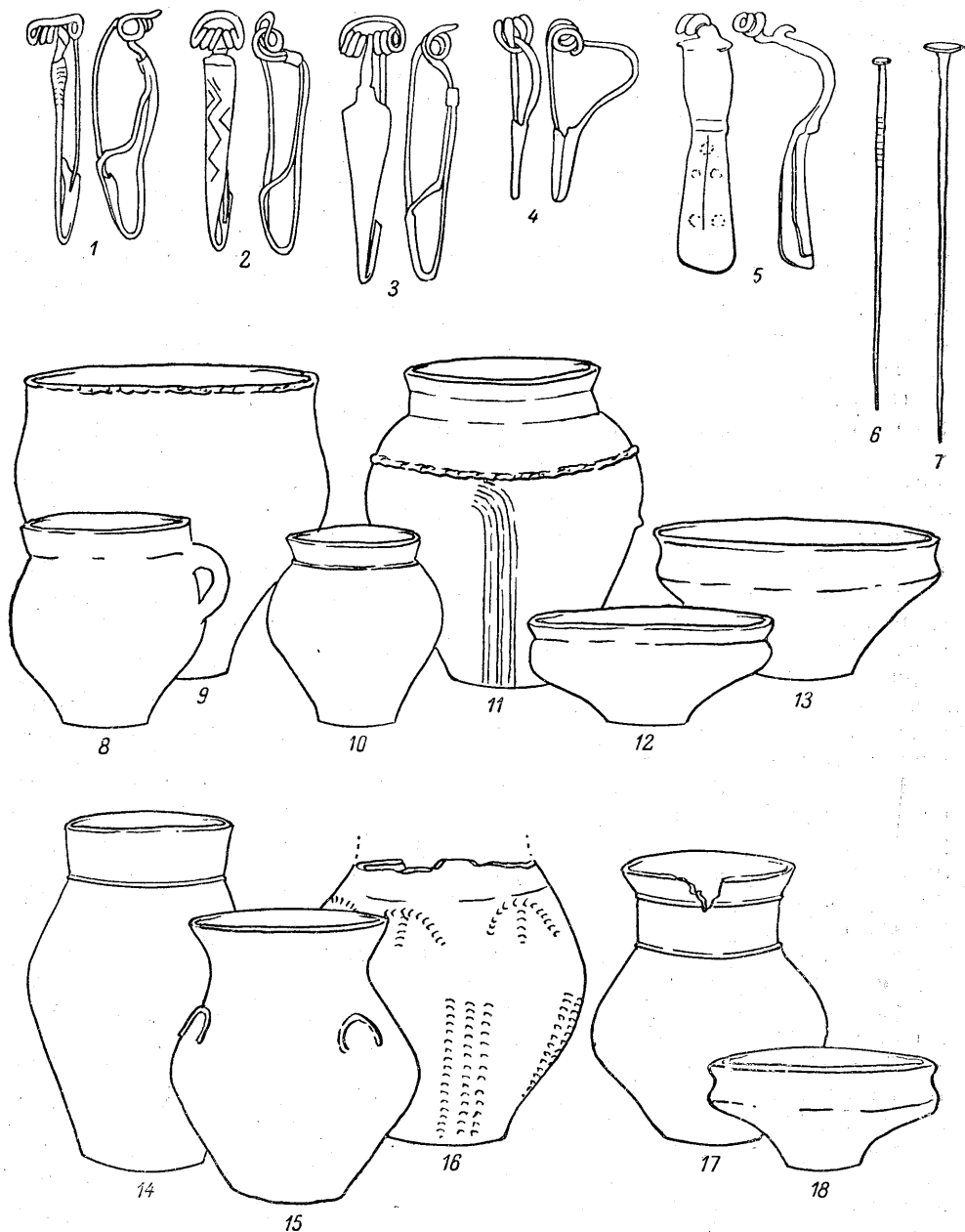

Рис. 57. Находки из зарубинецких могильников Среднего Поднепровья.

1, 2 — Вишеньки, 3—8, 12, 15, 17 — Зарубинцы, 9—11 — Корчеватое, 13 — Вита, 14, 16, 18 —
 Пуховка.

а нижняя, под валиком, сделана нарочито грубо — облеплена глиной
 с песком. Украинские археологи называют такую керамику «храповатой».
 Подобная обработка поверхности глиняной посуды известна в Средней
 Европе, начиная с неолитического времени. В Среднем Поднепровье она
 была характерна для культур поздней бронзы (белогрудовская) и раннего

железа (чернолесская). Не менее архаичны сосуды с «жемчужным» орнаментом и с насечками по венчику, напоминающие «скифские» (зольничные). Один из корчеватовских сосудов имел, по-видимому, округлое дно. Его можно рассматривать в качестве милоградского. К эпохе бронзы восходят в Поднепровье и дакийском Прикарпатье налепленные на стенки сосудов подковообразные выпуклости, представленные на нескольких лощеных сосудах Корчеватовского могильника. Многие миски Корчеватовского могильника близко напоминают посуду местных курганов скифской поры. Наконец, отмечу небольшой двугорлый лощеный сосудик. Такие сосуды известны в висоцкой, комаровской и позднетрипольской культурах.

Самым интересным является то, что архаические местные элементы в керамике Корчеватовского могильника ближе всего напоминают не столько посуду среднеднепровского населения непосредственно предшествующего скифского времени, сколько более раннюю — белогрудовскую и чернолесскую, известную в настоящее время в Среднем Поднепровье, главным образом по работам А. И. Тереножкина.²²

Открытие Корчеватовского могильника с бросающимися в глаза архаическими элементами в керамике, восходящими к древним традициям, вновь пробудило живейший интерес к культуре зарубинецких «полей погребений», особенно в среде украинских археологов. В течение нескольких лет, накануне Великой Отечественной войны и главным образом после ее окончания, в Киевской и Черниговской областях и в других частях Украины В. П. Петровым, И. М. Самойловским, Е. В. Махно, В. А. Богусевичем, Т. Д. Березовцом и другими было выявлено несколько десятков зарубинецких или, как их стали нередко называть на Украине, корчеватовских мест обитания.

Особенно много зарубинецких памятников выявлено на участке поречья Днепра, лежащем между устьями рек Десны и Роси. Этот район является на Украине одним из наиболее исследованных в археологическом отношении. Поэтому скопление здесь мест поселений и могильников зарубинецкой культуры вряд ли следует рассматривать как какое-то особое явление. Их много потому, что здесь их постоянно искали и исследовали. В настоящее время в этом районе — по обоим берегам Днепра, на р. Ирпень, в низовьях рек Роси и Тясмина — известно более 20 могильников, свыше 30 мест поселения и ряд пунктов, где сделаны отдельные находки зарубинецких предметов: среднелатенских фибул или глиняных сосудов.

Некоторые из зарубинецких поселений Киевского Поднепровья — такие, как Пироговское и Ходосовское городища, поселение Великие Дмитровичи, Пилипенкова Гора у Канева, Сахновка в низовьях р. Роси и др., — подверглись раскопкам. Несмотря на то, что их масштабы были относительно небольшими, раскопки дали много нового для характеристики зарубинецкой культуры, известной до этого лишь по материалам могильников.

Во-первых, стало известно, что зарубинецкое население избирало для своего обитания преимущественно возвышенные места, нередко отроги крутых речных берегов, удобные для защиты. Поэтому очень часто места зарубинецких поселений совпадают с местами укреплений другого времени — более ранних или более поздних, в частности укреплений, сооруженных в период Киевской Руси. Жилища зарубинецкой культуры представляли собой наземные или слегка углубленные в землю небольшие

²² А. И. Тереножкин. 1) К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, в. XXIV, 1955, стр. 7—28; 2) Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954, стр. 94—111; 3) Предскифский период на днепровском Правобережье.

прямоугольные постройки столбовой конструкции, следами которых являются утрамбованные полы и ямы от столбов, составлявших основу стен и поддерживавших крышу. Внутри помещений встречаются остатки печей или очагов из камня и глины. Около жилищ располагались хозяйственные постройки, в частности ямы колоколовидной формы, служившие для хранения зерна и других продуктов.

Во-вторых, в результате изучения зарубинецких поселений Среднего Поднепровья стал известен некоторый бытовой инвентарь их обитателей, который в целом оказался несколько отличающимся от того, что находится обычно в могильниках. Так, если в могильниках численно преобладает лощеная посуда, то на поселениях она составляет сравнительно небольшой процент керамического материала (15%). Здесь преобладает грубая лепная посуда, такая же, как серая грубая керамика, известная по материалам Корчеватовского могильника. Из вещей, которые в могильниках совсем не встречаются, найдены глиняные пряслица, кое-какие железные изделия, предметы из кости в виде острий и др. Кости животных, найденных при раскопках, принадлежат главным образом домашнему скоту — лошадям, коровам, свиньям и овцам.²³

Предметы, найденные на зарубинецких могильниках и поселениях Киевского Поднепровья, оказались очень однообразными (рис. 57). Нет никакого сомнения в том, что оставившее их население составляло единую этнокультурную группу. Она занимала оба берега Днепра и поречье его притоков от устья Десны на севере приблизительно до устья Роси или Ольшанки на юге (рис. 58).

Памятники того же времени, расположенные южнее, по р. Тясмину и его притокам, имеют особый характер. Субботовский могильник с трупосожжением наряду с керамикой зарубинецкого облика содержал такие чуждые зарубинецкой культуре вещи, как бронзовый сосуд, египетский скарабей, особой формы сосуд с тремя ручками. Здесь чувствуется близкое соседство со скифо-сарматским населением более южных областей. Еще в большей степени южные элементы представлены в могильнике у с. Прусы (ныне Михайловка), который В. В. Хвойка считал весьма ранним, предзарубинецким.²⁴

По левую сторону Днепра зарубинецкие поселения киевской группы располагались лишь в прибрежной полосе, не уходя в степные районы Левобережья. Здесь находятся многие из могильников, обнаруженных еще В. В. Хвойкой, — Бортнички, Вишеньки, Койлов и др. Два могильника расположены в нижнем течении р. Десны, на ее левом берегу, — Пуховка и Погребы.

Около г. Лубны на р. Суле в кургане было открыто впускное погребение с глиняными сосудами зарубинецкого облика. На р. Псле, около с. Верхняя Мануйловка, в кургане найдено впускное трупосожжение с керамикой, похожей на зарубинецкую, среднелатенской фибулой, наконечником копья и бусами. Другое впускное сожжение на р. Псле встречено в кургане у с. Дьяченки.²⁵ Все эти памятники принадлежат, очевидно, к сарматской культуре, но свидетельствуют о контактах с зарубинецким населением. Лишь в более северных лесостепных частях Ливо-

²³ Е. В. Махно. Раскопки зарубинецких поселений в Киевском Приднепровье. МИА, № 70, 1959; В. И. Довженок и Н. В. Линка. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось. МИА, № 70, 1959; В. А. Богусевич и Н. В. Линка. Зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе близ г. Канева. МИА, № 70, 1959.

²⁴ И. М. Самойловский. Субботовский могильник. КСИАУ, в. 9, 1960; Е. В. Махно и И. М. Самойловский. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье. МИА, № 70, 1959, стр. 17.

²⁵ Е. В. Махно и И. М. Самойловский. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье, стр. 24.

бережья, в верховьях рек Сулы и Ворксы, имеются места поселений, принадлежащие, по-видимому, к зарубинецкой культуре. Если это так, то их нужно отнести не к среднеднепровской (киевской), а к деснинско-сейминской группе этой культуры, речь о которой пойдет ниже.

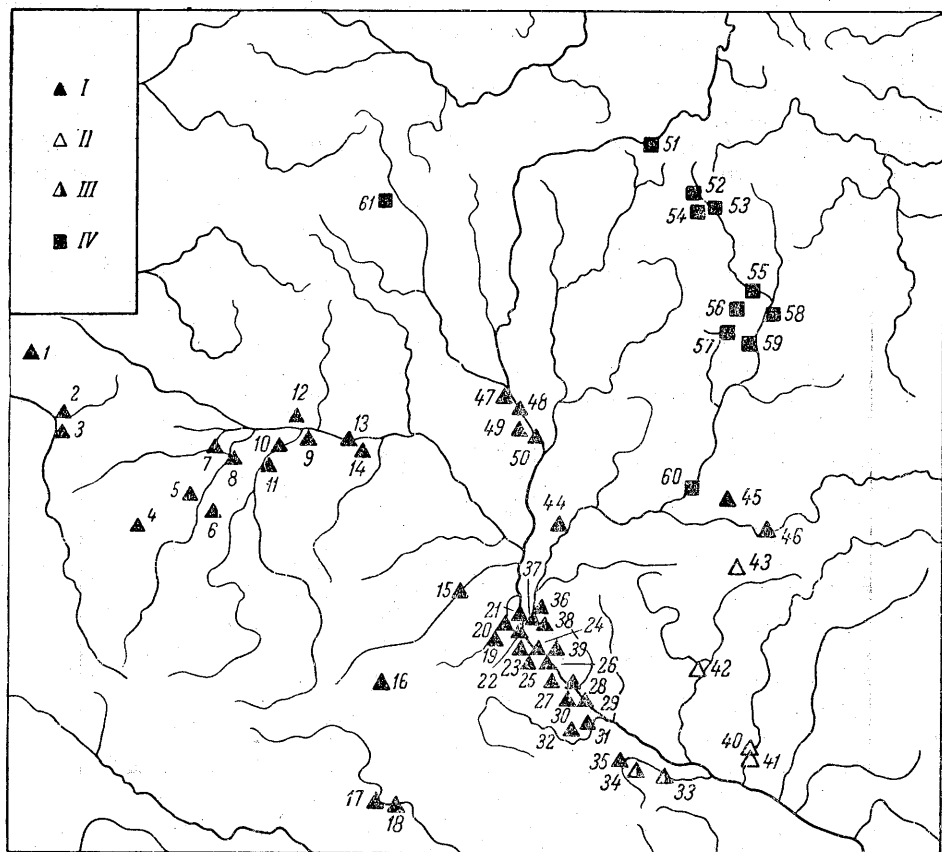

Рис. 58. Схема размещения зарубинецких поселений и могильников.

I — зарубинецкие могильники и поселения, II — впускные сожжения с зарубинецкими вещами в древних курганах, III — зарубинецко-«позднескифские» могильники, IV — позднезарубинецкие поселения и могильники (указаны наиболее известные пункты): 1 — Гривевичи Великие, могильник, 2 — Клейшики, могильник, 3 — Страдеч, могильник, 4 — Черек, могильник, 5 — Мульчицы, поселение, 6 — Зеленица, могильник, 7 — Пара, поселение, 8 — Иванчицы, могильник, 9 — Велемичи, 2 могильника и поселение, 10 — Рубель, могильник и поселение, 11 — Отвержики, могильник, 12 — Номороково, поселение, 13 — Воронино, могильник, 14 — Казаргац, 15 — Ораное, поселение, 16 — Райки, поселение, 17 — Ровец, поселение, 18 — Останковцы, поселение, 19 — Белгородка, могильник (?), 20 — Ирпень, поселение, 21 — Киселевка в Киеве, поселение, 22 — Корчеватое, могильник, 23 — Пыровское городище, поселение, 24 — Вита Литовская I—II, поселение, 25 — Ходосовское городище, поселение, 26 — Великие Дмитриевичи, поселение, 27 — Ржищев, могильник, 28 — Зарубинцы, могильник и поселение, 29 — Филипенкова Гора, поселение, 30 — Пицальники, могильник, 31 — Межирич, поселение, 32 — Сахновка, поселение, 33 — Субботов, могильник, 34 — Михайловка (Пруссы), могильник, 35 — Залевки, поселение, 36 — Пуховка, могильник, 37 — Погребы, могильник, 38 — Вишеньки, могильник, 39 — Койлов, могильник, 40 — Верхняя Мануйловка, впускное погребение в кургане эпохи бронзы, 41 — Дьяченки, то же, 42 — Лубны, то же, 43 — Басовка, зарубинецкие сосуды в кургане, 44 — селища в районе Чернигова (Табасвка, Шастовицы и др.), 45 — Червоный Ранок, поселение, 46 — Харивека и другие поселения (9 пунктов) в излучине Сейма, 47 — Милоградское городище, поселение, 48 — Горшкотовское городище, поселение, 49 — Чаплинское городище, поселение и могильник, 50 — Моховское II городище, поселение, 51 — Козичина, могильник, 52 — Спартак, поселение, 53 — Высокое, поселение, 54 — Чарней, поселение, 55 — Хотылево. 4 поселения, 56 — Синьково, поселение, 57 — Почеп, поселение, 58 — Красное городище, поселение, 59 — Мансурово, поселение, 60 — Разлеты, могильник (?), 61 — Слободка, могильник (?).

Важную роль в изучении зарубинецкой культуры сыграли археологические исследования 50-х—начала 60-х годов, в результате которых было установлено, что зарубинецкая культура распространилась не только в области Среднего Поднепровья, где она была открыта В. В. Хвойкой,

но и повсюду на Припяти, по ее южным притокам, и на Днестре выше устья Припяти, т. е. в области украинского Полесья и на Северной Волыни. В область среднего течения Днестра зарубинецкие племена не распространялись. Там лежали земли дако-гетских племен, а в последние века до нашей эры распространилось население с культурой типа Поянешти — Лукашевка, пришедшее, по-видимому, из Средней Европы.²⁶

Первые находки памятников зарубинецкого характера в бассейне Припяти были сделаны уже давно — в первые десятилетия XX в. Наиболее важной среди них было «погребальное поле» в урочище Казаргац на правом берегу Припяти, в районе Турова, обнаруженное в 1927 г. Там было открыто несколько развееваемых ветром трупосожжений, сопро-

Рис. 59. Чаплинское городище. Южная часть раскопа. Видны ямы от столбов построек и ямы-погребки зарубинецкого времени. Раскопки автора, 1951—1953 гг.

вождавшихся глиняными сосудами.²⁷ Но эти находки, относящиеся к случайным и давшие очень небольшой вещественный материал, не были поставлены в связь с зарубинецкой культурой. Они получили правильную интерпретацию лишь после того, как были обнаружены и исследованы такие зарубинецкие памятники, как Чаплинское городище и «погребальное поле» на правом берегу Днестра в Гомельской области (раскопки автора и Ю. В. Кухаренко) и ряд могильников и мест поселений в районе Турова (раскопки Ю. В. Кухаренко).²⁸

Наиболее значительные исследования были произведены на городище и «поле погребений» у с. Чаплин Речицкого района Гомельской области. Городище находится на отроге правого коренного берега Днестра, окруженном крутыми склонами. Со стороны плато площадь городища ограничена высоким валом. Размеры площадки составляют около 4 тыс. м².

²⁶ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА, № 89, 1960, стр. 15—56.

²⁷ А. З. Каваленя і С. С. Шутаў. Матар'ялы з дагісторыі Тураўшчыны. Працы, т. II, 1930, стр. 351.

²⁸ Сб.: Зарубинецкая культура в Поднепровье. МИА, № 70, 1959; Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, в. Д1-29, 1961.

По общему своему облику городище не отличается от многочисленных городищ I тыс. до н. э. и начала нашей эры, имеющих в лесной полосе европейской части СССР. При раскопках были обнаружены остатки столбовых наземных жилищ — таких же, какие известны на зарубинецких поселениях Среднего Поднепровья, — а также большое число хозяйственных ям (рис. 59). Новым является многочисленный и разнообразный инвентарь — орудия из железа и кости, предметы обихода, украшения и др. Коллекция находок из Чаплинского городища значительно превосходит по количеству и разнообразию те материалы, которые происходят из всех исследованных до этого времени зарубинецких поселений вместе взятых.

В свете раскопок на Чаплинском городище зарубинецкая культура предстает перед нами как культура развитого «железного века», своего рода «днепровский латен». На городище найдены разнообразные орудия, предметы вооружения и украшения из железа: топоры-кельты с квадратными втулками, несколько серпов разных форм, наконечники копий, втульчатый наконечник стрелы, ножи с «горбатой спинкой», рыболовный крючок, острога, разнообразные шилья, острия. Найдены железные булавки, фибула, подвески и разнообразные кольца, которые могли иметь отношение и к предметам убора, и к принадлежностям конской упряжки (рис. 60).

Изделия из бронзы представлены булавками, браслетами, подвесками и височными кольцами. Бронзовых фибул, обычных в могильниках, в частности в Чаплинском могильнике, на городище найдено не было. Особенно характерны булавки (бронзовые и железные) в виде «пастушеского посоха», известные до сих пор главным образом среди древностей Прибалтики.

Обычной находкой являются глиняные пряслица для веретен, нередко орнаментированные; найдены зернотерки, костяные иглы для изготовления рыболовных сетей, гребень, поясная пряжка из кости сарматской схемы и др. В большом количестве встречена глиняная посуда — грубая кухонная в виде горшков и мисок и столовая, хорошо изготовленная, покрытая лощением, в виде высоких горшков, мисок и кружек с ушком.²⁹

Рядом с городищем на краю берега находится обширное «погребальное поле», на котором Ю. В. Кухаренко, а позднее Л. Д. Побалем исследовано около 300 могил с трупосожжением. Кроме керамики, в могилах найдены фибулы, спиральные браслеты и некоторые другие вещи, в частности ножи и большие железные наконечники копий.³⁰

Время зарубинецких памятников у с. Чаплин определяется I в. до н. э. и I—III вв. н. э. Нижняя хронологическая граница устанавливается по фибулам среднелатенской схемы, верхняя — по фибулам римского времени (с обернутой ножкой — I—II вв.) и по обломку черняховского кувшина, найденному на городище в очаге одного из жилищ. Другие находки отнюдь не противоречат этим датам.

По Припяти и в нижнем течении ее правых (южных) притоков — рек Случи, Стыри, Ствиги — в настоящее время известно не менее 40 пунктов, где были обнаружены зарубинецкие могильники и места поселений, причем несомненно, что в ближайшие годы эта цифра удвоится и утроится, так как еще далеко не вся территория подверглась здесь обследованию. В течение ряда лет (в 50-х годах) археологические работы вел здесь

²⁹ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959.

³⁰ Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник. МИА, № 70, 1959; Л. Д. Побалем. Поселения и могильник зарубинецкой культуры у Чаплине. Вестн. Акад. наук БССР, № 3, 1959, серия громадских наук, стр. 75—79.

Ю. В. Кухаренко, опубликовавший свои материалы.³¹ Особенно большие раскопки были произведены им в среднем течении Припяти, на могильниках у д. Велемичи (Велемичи I — 125 зарубинецких погребений с сож-

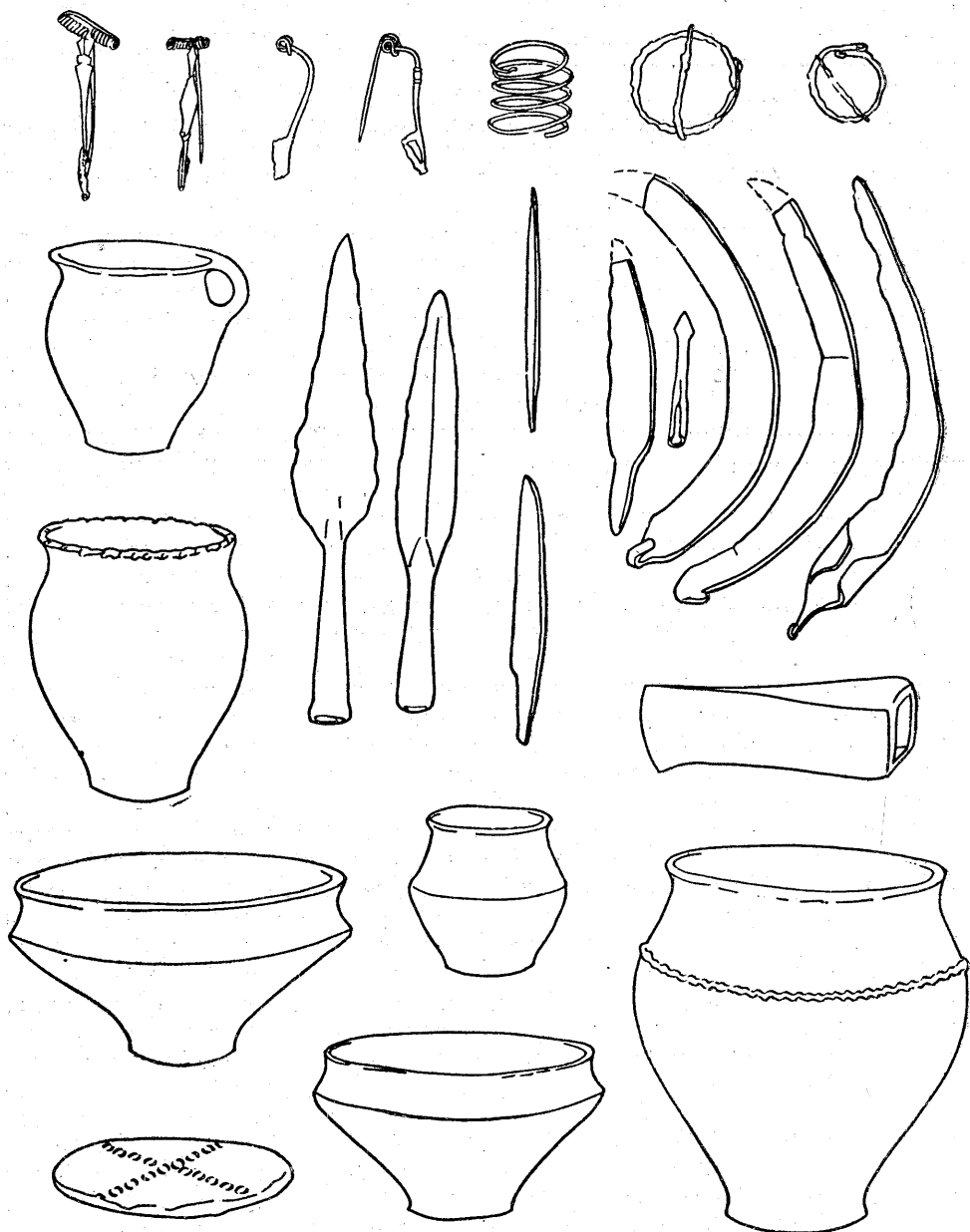

Рис. 60. Предметы из раскопок на Чаплинском городище и могильнике. Раскопки автора и Ю. В. Кухаренко, 1951—1953 гг.

жениями; Велемичи II — 33 погребения), у д. Воронино (52 погребения) и др. Рядом с могильниками находятся места неукрепленных поселений, также подвергшихся раскопкам.

³¹ Ю. В. Кухаренко. 1) Памятники железного века на территории Полесья; 2) Зарубинецкая культура. САИ, в. Д1-29, 1965.

Материалы, происходящие из могильников и поселений поречья Средней Припяти, оказались идентичными находкам из Чаплинского городища и могильника. Вместе с тем надо указать, что те и другие — чаплинские и припятские — несколько отличаются от зарубинецких материалов, происходящих из Киевского Поднепровья. Они составляют, очевидно, особую локальную группу зарубинецкой культуры — припятскую, или точнее сказать, полесскую. На это уже обращали внимание Ю. В. Кухаренко и В. П. Петров. Различия между среднеднепровскими и полесскими древностями касаются отнюдь не основных особенностей культуры, одинаковых в обеих областях, а отдельных деталей в погребальном обряде, в составе инвентаря могил, в характере керамики. В своей последней работе Ю. В. Кухаренко предлагает выделить еще и третью локальную группу зарубинецких древностей — верхднепровскую, включив в нее Чаплинские городища и могильник, а также другие пункты на правом берегу Днепра между устьями Березины и Припяти. Для такого выделения имеется, однако, слишком мало данных.³²

Обряд погребения в зарубинецких могильниках представлен двумя основными вариантами. В одних случаях результаты кремации ссыпались в яму — округлую, диаметром 0.5—1.0 м и глубиной до 1 м, или удлиненную, размером в рост человека. Сюда же клались вещи — фибулы, застежки, бусы и т. д. — и ставились глиняные сосуды, вероятно с питьем и пищей. Особенно характерным является сочетание трех сосудов: горшка, широкой миски и кружки. Последняя нередко клалась внутрь миски. Другой вариант — урновые погребения, когда сожженные кости ссыпались в глиняный сосуд. В пределах Корчеватовского могильника погребения того и другого типа располагались обособленно; погребения в урнах составили три более или менее компактных скопления. Это свидетельствует об устойчивости погребального обряда, о том, что отдельные общины или семьи строго придерживались либо того, либо другого варианта погребального обряда. Судя по расположению погребений и формам сосудов, урновые погребения принадлежат к ранним периодам существования Корчеватовского могильника.

Поэтому заслуживает внимания то обстоятельство, что в Среднем Поднепровье встречено значительно больше урновых погребений, чем в Полесье. В Корчеватовском могильнике они составили $\frac{1}{3}$ общего числа погребений; в Зарубинцах из трех документированных погребений одно оказалось урновым. Что же касается могильников полесской группы, то в Велемичах I, Велемичах II и в Воронине урновые погребения составили менее 4% от общего количества, а в огромном Чаплинском могильнике и на урочище Казаргац не найдено ни одного погребения в урнах. Таким образом, различие в погребальном обряде племен Среднего Поднепровья и Полесья несомненно имело место.

В состав инвентаря зарубинецких погребений Среднего Поднепровья и Полесья входят бронзовые и железные фибулы, кольцевые застежки, браслеты, булавки, ожерелья из бус, бронзовых спиралек и подвесок и др. Изредка в погребениях встречаются железные ножи, наконечники копий, глиняные биконические пряслица, бронзовые или железные пряжки. Вещи сопровождают далеко не все погребения. Чаще всего встречаются фибулы — по одной или по две. Если не говорить об отдельных уникальных экземплярах, то основные формы фибул — среднелатенских провололочных, «зарубинецких» с треугольным щитком и позднелатенских — совершенно одинаковы в Среднем Поднепровье и Полесье. То же самое

³² В. П. Петров. Зарубинецько-корчуватівська культура Середнього Подніпров'я і синхронні культури суміжних територій. Археологія, XII, 1964; Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура.

следует сказать о проволочных браслетах в один или несколько оборотов. Различными оказались булавки. Из Зарубинецкого могильника происходят 8 бронзовых булавок. Две из них имеют головки в форме «пастушеского посоха»; такие же есть и в Полесье. Остальные снабжены плоскими круглыми шляпками разного диаметра; булавки этого типа были широко распространены в Среднем Поднепровье в скифское время. В Корчеватовском могильнике булавок не найдено. В полесских могильниках в большом количестве встречаются крупные булавки с головками в виде округлых петель или плоских спиралей, напоминающие аналогичные украшения эпохи бронзы. Булавок с круглыми плоскими шляпками в Полесье не найдено. Лишь одно такое украшение встречено на Чаплинском городище, но оно относится, кажется, к милоградскому слою.

Наконец, среднеднепровскую и полесскую группы зарубинецкой культуры несколько отличает их керамический материал. В целом керамика из Полесья (и Чаплинских городища и могильника) является менее совершенной, так сказать провинциальной. Здесь почти нет нарядных, хорошо лощеных, орнаментированных выпуклой полосой или желобками и четких по форме сосудов, какие имеются в Корчеватовском и Зарубинецком могильниках, среди находок с селища у Сахновки и др. В Полесье нет «граненых» венчиков, нередко встречающихся в днепровской группе. На посуде в Поднепровье постоянно встречаются редкие в Полесье «скифские» и «дако-гетские» элементы: налепной валик с защипами, венчики, украшенные насечкой или отпечатками пальца, «шишечки» и выпуклые «подковки» на стенках сосудов и др. В Полесье же встречаются отдельные сосуды, характерные для поморской культуры бассейна Вислы. Впрочем, в небольшом числе они имеются и в Среднем Поднепровье (рис. 57, 9, 16).

Можно упомянуть еще о том, что в Среднем Поднепровье на зарубинецких поселениях нередко находят обломки импортной керамики — амфор, происходящих из Причерноморья и Нижнего Поднепровья, — а в Полесье известны обломки латенских сосудов и сосудов, орнаментированных «прочесами», характерных для кельтской периферии. Это говорит о различных направлениях экономических связей.

То, что в Среднем Поднепровье зарубинецкие поселения располагались обычно на высоких, труднодоступных местах, а для Полесья были характерны открытые селища на невысоких речных берегах, вероятно, не следует рассматривать в качестве локального культурного различия. Укрепленные поселения в Поднепровье были вызваны к жизни опасным соседством с миром степей, а полесские племена жили в глубине дремучих лесов, служивших им надежной защитой.

В настоящее время нельзя точно определить, где проходила граница, разделяющая среднеднепровскую и полесскую группы зарубинецкого населения. В 1940 г., во время обследований, произведенных в среднем течении р. Тетерева, на дюнах у с. Ораное мной была обнаружена зарубинецкая керамика, относящаяся скорее к полесской, чем к среднеднепровской разновидности.³³ Очевидно, граница между полесской и среднеднепровской группами проходила где-то между реками Тетерев и Ирпень. Южная граница зарубинецких поселений шла по верховьям рек Случи и Горыни. На северо-западе зарубинецкие поселения, по-видимому, в основном не выходили за пределы припятского бассейна. Но наиболее западный зарубинецкий могильник, находящийся около с. Великие Гриневичи к северу от г. Бреста, расположен уже в бассейне Западного Буга. В области Поднепровья зарубинецкие древности не известны. На Верхнем Днестре в этот период, как уже указывалось, была распространена

³³ Государственный Эрмитаж, Отдел истории первобытной культуры, опись хранения № 1.

культура, близкая пшеворской, а по среднему и нижнему течению этой реки — древности типа Лукашевка—Поянешти.³⁴

Несколько пунктов с находками керамики якобы зарубинецкого характера известны в верхнем течении р. Южного Буга.³⁵ Но они остаются пока не исследованными.

Северная граница зарубинецких древностей в Полесье проходила недалеко от Припяти. На ее северном берегу Ю. В. Кухаренко зарегистрированы лишь два пункта, где находятся зарубинецкие могильники. Далее, в пределы территории полесской группы входило поречье Днестра между устьями Березины и Припяти, где расположены Чаплинские городище и могильник, Моховское II городище и другие зарубинецкие памятники. Очень может быть, что памятники полесского типа распространялись и далее на восток, по поречью р. Сожа. При обследовании, произведенных О. Н. Мельниковской в нижнем течении р. Сожа на местах древних поселений, не раз была находима керамика зарубинецкого характера; имеются также сведения о могильниках с трупосожжением.³⁶ Но эти памятники остаются пока не изученными.

В последние годы большое количество мест поселений с остатками культуры зарубинецкого характера обнаружено в бассейне р. Десны — по всему течению этой реки и по ее притоку р. Сейму. Известные сейчас деснинские памятники, исследованные Д. Т. Березовцом, Ф. М. Заверняевым, А. К. Амброзом и автором этих строк, относятся в большинстве случаев к сравнительно позднему времени. Они датируются позднелатенскими и прибалтийскими фибулами первых веков нашей эры. Речь о них будет идти в следующем разделе этого очерка.

2

В конце II—I в. до н. э. и I в. н. э. зарубинецкая культура была распространена на территории, принадлежащей в предыдущий период трем группам племен с культурами различного облика. На западе, там, где верховья Припяти близко подходят к поречью Западного Буга, в I тыс. до н. э. обитали племена с культурой лужицкого, а затем и поморского типа, близкие населению бассейна р. Вислы. Среднее и нижнее течение Припяти с ее притоками и участок Приднепровья, лежащий выше устья Припяти до устья Березины, принадлежал милоградским (и подгорцевским) племенам. Лесостепное Среднее Поднепровье являлось одной из крайних провинций культур скифского типа. В соответствии с этим, в археологической литературе представлены три точки зрения на происхождение зарубинецкой культуры: западная, «скифская» и милоградская (подгорцевская).

Последняя из них, самая молодая, высказанная впервые В. Н. Даниленко, оказалась наиболее недолговечной. Обширные археологические данные, относящиеся к милоградской культуре, полученные за последние годы, убедительно показали, что милоградская и зарубинецкая культуры не имели между собой прямой генетической связи. Весь облик материальной культуры у них совершенно различен; между той и другой культурой нет никаких связующих звеньев.

³⁴ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА, № 89, 1960, стр. 15—56.

³⁵ Е. В. Махно и И. М. Самойловский. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье, стр. 12.

³⁶ Древности железного века в междуречье Десны и Днестра. САИ, в. Д1-12, 1962, археологическая карта, стр. 21—22, 25—26.

Но очень рано, еще в конце I тыс. до н. э., зарубинецкие племена полесской группы продвинулись на милоградскую территорию, в область среднего и нижнего течения Припяти и на прилегающий участок Поднепровья. В этих местах культурные наслоения милоградских городищ оказались перекрыты остатками зарубинецкой культуры. Такая картина наблюдается на Чаплинском, Моховском II, Горошковском и на других городищах Гомельского Поднепровья. По-видимому, в это же время зарубинецкие племена начали расселяться и по долине р. Десны, в ее нижнем течении, где известно несколько мест зарубинецких поселений, оставшихся, к сожалению, почти не исследованными.

Расселение зарубинецких племен в пределах милоградской территории не было одновременным актом, а происходило постепенно в течение двух-трех столетий. Это доказывается на основании ряда данных, особенно же по материалам, полученным при раскопках на двух городищах — Чаплинском и Милоградском, расположенных в 35 км друг от друга на правом берегу Днепра. На первом из них зарубинецкое население сменило милоградцев не позже рубежа II и I вв. до н. э., а на втором верхние горизонты милоградского слоя относятся к I—II вв. н. э. К этому времени на Милоградском городище принадлежат остатки жилищ, в пределах которых вместе с характерными милоградскими предметами найдены зарубинецкие вещи, в частности позднелатенские фибулы. Следовательно, зарубинецкое и милоградское население жило рядом, их близкое соседство не было кратковременным; оно продолжалось здесь не менее двух веков. В этих условиях, в результате неизбежных контактов (мирных или враждебных), отдельные элементы местной культуры попадали в среду пришельцев, а элементы зарубинецкой культуры усваивались милоградцами.

Так, например, при раскопках на Чаплинском и Моховском II городищах оказалось, что характерные для милоградской культуры орнаментированные глиняные пряслица были широко распространены здесь также и в зарубинецкое время. На Чаплинском городище в зарубинецкое время сохранилась та же самая планировка поселения, какая была у милоградцев: в тот и другой период жилища занимали северо-западную часть площадки, а его восточный участок был занят тесно расположенными одна к другой хозяйственными ямами. В одном месте располагались и могильники. Очевидно, зарубинецкое население заняло это укрепленное поселение непосредственно после ухода милоградцев.³⁷

Все эти и другие подобные им частные факты послужили в свое время основанием для предположения, что зарубинецкое население генетически может быть связано с милоградским. На этих позициях до сих пор стоит белорусский археолог Л. Д. Побаль.³⁸ Он полагает, что зарубинецкая культура сложилась на основе милоградской.

Главным защитником «западной» теории происхождения зарубинецкой культуры, восходящей к представлениям польской археологии, является ныне Ю. В. Кухаренко. По его мнению, зарубинецкая культура была одним из ответвлений лужицко-поморской культуры; она распространилась в Среднее Поднепровье из области восточной периферии Повисленья. Помимо общих соображений о средневропейском облике зарубинецкой культуры, особенно ее погребального обряда, о ее близости с пшеворской культурой, Ю. В. Кухаренко основывается на материалах исследованной им полесской группы зарубинецких памятников, в культуре которых представлены лужицко-поморские элементы, унаследованные от предыдущего времени. Он полагает, что исследованные им памятники

³⁷ П. Н. Третьяков. 1) Чаплинское городище, стр. 151—152; 2) Моховское II городище. КС, в. 81, 1960; О. Н. Мельниковская. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии. СА, 1963, № 1.

³⁸ Л. Д. Побаль. Пасяленні і могільнік зарубінецкай культуры ў Чапліне.

восходят к более раннему времени, чем зарубинецкие могильники и поселения Среднего Поднепровья, не имеющие поморских черт. Отсюда делается вывод, что зарубинецкая культура постепенно распространилась с запада на восток.³⁹

Хронология зарубинецких древностей, принятая Ю. В. Кухаренко, полагающим, что верхнеприпятская группа зарубинецких памятников старше приднепровской приблизительно на одно столетие, не является, однако, бесспорной. В зарубинецкой культуре более или менее точно могут быть датированы лишь фибулы латенских типов. Из них наиболее ранние, среднелатенской схемы, относятся к концу II—I в. до н. э. Они представлены одинаково как на Верхней Припяти, так и на Среднем Днепре. Найденный в Полесье обломок раннелатенской фибулы из Черска, происходящий из разрушенного сожжения, не является серьезным аргументом, позволяющим отнести к более раннему времени возникновение всей полесской группы. Что касается керамики, то она не может служить твердой вехой для хронологии. Во всяком случае нельзя безоговорочно утверждать, что менее отчетливые поморские элементы в среднеднепровской зарубинецкой керамике (по сравнению с полесскими) свидетельствуют о ее более позднем возрасте. В керамике, происходящей из наиболее старых поселений и могильников Поднепровья — Сахновки, Пилипенковой Горы, ранних погребений Корчеватовского могильника и др., — также налицо весьма архаичные особенности, восходящие, однако, не столько к поморским традициям, сколько к традициям латенского, дакийского, предскифского и скифского времени. Местные традиции прослеживаются здесь не только в керамике, но и в формах жилищ, в облике хозяйственных ям-хранилищ, в некоторых формах металлических изделий. Здесь имеются в виду прежде всего булавки «скифского» типа. Все это, как и другие особенности среднеднепровской группы, говорит о том, что она не была ответвлением полесской группы, а сложилась рядом с ней в более южных районах, где был более прочный контакт с латенским миром, с даками и другими южными племенами. Берега Днепра, по-видимому, не были местом сложения зарубинецких племен. Сюда они пришли. Судя по данным Е. В. Максимова, исследовавшего обломки античных амфор, встречающиеся на зарубинецких поселениях Среднего Поднепровья, эти поселения возникли в рамках II в. до н. э., а не в I в. до н. э.

Если встать на точку зрения Ю. В. Кухаренко и рассматривать поморские племена в качестве основных предков зарубинецких племен, остается совсем неясным, почему на основе лужицкой и поморской культур в бассейне Вислы сложилась пшеворская культура, а в верховьях Припяти, где также известны и лужицкие, и поморские памятники, — зарубинецкая, по ряду признаков отличавшаяся от пшеворской?

Раньше, когда пшеворские и зарубинецкие древности на территории Западной Волыни были известны лишь в общих чертах, казалось, что эти две культуры не только очень близки между собой, но и не имеют четкой разделяющей их границы. Сейчас, с накоплением новых данных, эта точка зрения, не раз поддержанная автором этих строк, должна быть, по-видимому, пересмотрена. Несмотря на значительные черты сходства, зарубинецкая и пшеворская культуры и их территории, как выяснилось, довольно определенно отделялись одна от другой, хотя граница между ними и не была постоянной.

Представления о происхождении зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье, восходящие к соображениям В. В. Хвойки, также являются

³⁹ Ю. В. Кухаренко. 1) К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, № 1, 1960; 2) Памятники железного века на территории Полесья, стр. 12.

весьма уязвимыми. В соответствии с ними, предками зарубинецких племен считаются многочисленные племена, обитавшие между Днестром и Средним Днепром еще в конце II и начале I тыс. до н. э. (белогрудовская и чернолесская культуры), позднее оказавшиеся на северо-западных границах скифского мира, под «вуалью» скифской культуры. В настоящее время эту концепцию особенно энергично отстаивают в своих работах А. И. Тереножкин и другие украинские археологи. По мнению А. И. Тереножкина, «зарубинецкая культура праславян-венедов западной части Европейской Сарматии» ведет свое происхождение «от скифообразной культуры Среднего Поднепровья». Впоследствии, по его мнению, она распространилась и на бассейн Вислы.⁴⁰

Недавно появилась работа В. Г. Петренко, где обобщены среднеднепровские археологические материалы культуры позднескифского времени и сделана попытка показать, что эта культура непосредственно переросла на Правобережье в зарубинецкую.⁴¹ Автор разделяет мнение многих археологов — А. А. Спицына, М. И. Ростовцева, Б. Н. Гракова, М. И. Артамонова, А. И. Тереножкина и др., — отделявших население лесостепного Поднепровья от собственно скифских племен, обитавших в более южных районах.⁴² Памятники позднескифского времени на Правобережье она делит на две группы — тясминскую и поросскую, указывая что скифская (и античная) «вуаль» на Тясмине была представлена значительно сильнее, чем в бассейне р. Роси. Особое внимание уделяет В. Г. Петренко керамическому материалу. Выделенный ею комплекс лепной грубой и лощеной керамики V—III вв. до н. э., происходящий из городищ и селищ бассейна Тясмина и Роси, действительно во многом напоминает зарубинецкие материалы и по формам и по манере ornamentации венчика. В этом отношении В. Г. Петренко убедительно подтвердила взгляды В. В. Хвойки, А. А. Спицына и других археологов, сравнивающих местную скифскую и зарубинецкую керамику.

О том, что зарубинецкая керамика Поднепровья по ряду признаков связана с местной культурной средой предыдущего периода, как нельзя лучше свидетельствует и тот факт, что такая же в основных чертах керамика была распространена не только среди зарубинецкого населения, но и южнее, на позднескифских городищах Нижнего Поднепровья: Каменском, Золотой Балке, Гавриловском, Знаменском и др.⁴³ Там она составляла значительную часть керамического материала, не связанного с ремесленным производством и импортом, а бывшего продукцией местного домашнего ремесла.

Но если у обитателей зарубинецких поселений правобережного Среднего Поднепровья «встречается почти такая же глиняная посуда, какая была здесь в употреблении во времена Геродота»,⁴⁴ если можно говорить о возможной «скифско-зарубинецкой преемственности в формах жилищ и хозяйственных ям-погребов, а также в формах некоторых украшений, то совсем иначе обстоит дело с поселениями в целом и погребальным

⁴⁰ А. И. Тереножкин. 1) К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время; 2) Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 244 и сл.

⁴¹ В. Г. Петренко. Культура племен правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. МИА, № 96, 1961.

⁴² Я не касаюсь здесь полемики по поводу уязки археологических данных с картой Геродота, — не касаюсь того, обитали ли в Среднем Поднепровье скифы-пахари или будины, а также не касаюсь роли фракийского элемента в составе Скифии.

⁴³ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954, стр. 68—81, 174; Н. Н. Пограбова. Позднескифские городища на Нижнем Днестре. МИА, № 64, 1958, стр. 123, 131—141, 171, 180—181, 204—213; М. Г. Вязьмитина. Золота Балка. Київ, 1962, стр. 121—145.

⁴⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 111—112.

обрядом, являющимся очень важным и устойчивым элементом древней культуры.

Между «скифскими» и зарубинецкими поселениями Среднего Поднепровья не наблюдается какой-либо преемственности. Основой оседлости скифского времени были здесь огромные городища с земляными валами, а также открытые селища, расположенные по речным берегам. Зарубинецкие общины селились на других местах, обычно на небольших отрогах возвышенностей. Их поселения, вероятно, укреплялись, но они походили отнюдь не на городища скифской поры, а скорее на укрепленные поселения северных лесных племен. Разница в характере и топографии поселений «скифских» и зарубинецких племен не может быть объяснена тем, что оседлость скифского времени была разрушена сарматами, что эта крупнейшая катастрофа заставила уцелевшее население начать новую жизнь. При любых условиях хотя бы часть людей должна была возвратиться на места своих поселений или построить новые, сохранявшие в своем облике старые традиции. Конечно, в Среднем Поднепровье имеются места, где «скифский» слой перекрывается зарубинецким. Но таких пунктов немного; они не могут служить доказательством преемственности местной оседлости.

В скифское время в Поднепровье возводились курганы и был распространен преимущественно обряд трупоположения, а в зарубинецкое были распространены бескурганные могильники, такие же в общих чертах, как в Средней Европе, и нераздельно господствовал обряд сожжения. Отдельные трупоположения, встреченные в некоторых могильниках, например на окраине Корчеватовского «погребального поля», в расчет приниматься не должны. Так хоронили, вероятно, иноплеменников.

Наконец, говоря о слабых звеньях «скифской» концепции происхождения зарубинецкой культуры, необходимо отметить следующее. Элементы «скифского» происхождения могут быть указаны по сути дела лишь в среднеднепровской группе зарубинецкой культуры. В полесской же группе их нет. Нет также никаких данных, чтобы рассматривать полесскую группу как позднее ответвление среднеднепровской. Отсутствуют и данные, которые подтвердили бы утверждение А. И. Тереножкина, что носители зарубинецкой культуры позднее распространились на бассейн Вислы и положили, таким образом, начало не только восточному, но и западному славянству.

Как же в таком случае следует решать вопрос о происхождении зарубинецкой культуры? Следует ли отдать предпочтение одной из охарактеризованных выше гипотез или нужно искать какое-то новое решение вопроса? Может быть, для того чтобы разрешить противоречие между западной и «скифской» гипотезами, следует «уничтожить» зарубинецкую культуру как единое целое, разделив ее на два самостоятельные явления? С таким решением вопроса, конечно, согласиться нельзя. Локальные особенности в зарубинецкой культуре, очень важные для решения вопроса о ее происхождении, занимали явно второстепенное место по сравнению с основными общими элементами, объединяющими население Полесья и Поднепровья.

Зарубинецкая культура — это вполне реальная общность, но общность не далекой первобытной эпохи, а развитого «железного века», возникшая в сложных исторических условиях. Не раз М. И. Артамонов, автор этих строк и другие исследователи высказывали мысль, что зарубинецкую культуру следует рассматривать как своего рода синтез местных среднеднепровских и западных элементов, как результат культурно-этнической интеграции — процесса, весьма характерного для данной эпохи.

Мне представляется, что в настоящее время эту мысль можно конкретизировать и тем самым наметить возможные пути решения сложного вопроса о происхождении зарубинецкой культуры.

Выше я уже обращал внимание на одно интересное явление, которое, как мне представляется, может служить ключом к пониманию действительных отношений зарубинецкой культуры и местных культур лесостепного Приднепровья. Речь идет о том, что в зарубинецкой среднеднепровской керамике прослеживаются не столько скифские, сколько доскифские черты — чернолесские и белогрудовские. Они сказываются в тьяпановидных формах некоторых сосудов, в обычае украшать сосуды валиком, разделяющим верхнюю, лощеную часть сосуда от нижней — «храповатой». Сюда же относятся налешные «сосковидные шишечки» и «подковки» в верхней части отдельных сосудов и др. Некоторые из этих элементов были известны и в раннескифское время, например налешной валик на сосудах. Он был обычен для керамики VI в., позже не встречался и вновь появился на зарубинецкой керамике. Говоря об этих архаичных элементах в зарубинецкой керамике, В. Г. Петренко предполагает, что «в погребальном материале зарубинецких могильников мы имеем возрождение древних традиций, но в измененной форме».⁴⁵

Однако, что это значит — «возрождение древних традиций»? Как можно объяснить, что особенности в керамике, распространенные в предскифское и раннескифское время, «возродились» через три-четыре столетия, когда культурно-исторические условия стали совсем иными? Очевидно, такого явления не могло быть. Предскифские и раннескифские элементы в зарубинецкой керамике могут быть объяснены лишь тем, что в междуречье Днепра и Днестра имелось население, непрерывно сохранявшее эти старые элементы от «доскифского» и вплоть до зарубинецкого времени.

«Скифское» население правобережного Среднего Поднепровья было несомненно неоднородным в культурно-этническом отношении. Объединяющая его скифская «вуаль» была результатом не только скифского культурного влияния, основанного на развитых экономических связях Среднего Поднепровья с югом, но и политических связей и массового проникновения в местную среду пришельцев с юга. А. И. Тереножкин правильно указывает, что этот процесс начался еще в чернолесское время. При скифах он во много раз усилился. Об этом свидетельствует крайнее разнообразие погребальных обрядов в Среднем Поднепровье. Здесь встречаются в курганах и сожжения и захоронения, типичные скифские катакомбы и деревянные срубы под курганами, погребения в ямах и на горизонте. Население здесь было очень пестрым, его состав, вероятно, менялся. Его связывали воедино не древние родо-племенные отношения, а прежде всего политические отношения, свойственные раннеклассовой Скифии. Украинские археологи, по моему мнению, напрасно стремятся показать, что среднеднепровское население, защищенное большими городищами, было независимым от собственно скифов. Думаю, что М. И. Ростовцев, стоящий на противоположных позициях, был ближе к истине.⁴⁶

Но «скифская вуаль» (во всех ее проявлениях) в разных районах Среднего Поднепровья была неодинаковой. Наибольшую плотность она имела в бассейне р. Тясмина и по его периферии; значительно слабее она ощущалась севернее — в поречье р. Роси и ее притоков, где не было больших городищ. Здесь, на севере, в курганах встречается больше трупосожжений, чем на юге. На керамике имеются отдельные архаические черты в виде орнаментов под венчиком и др. «Бассейн р. Роси, — справедливо

⁴⁵ В. Г. Петренко. Культура племен правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э., стр. 100, примеч.

⁴⁶ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 468.

пишет В. Г. Петренко, — подвергся гораздо меньшему влиянию собственно скифской культуры. В противоположность Тясмину, где существенно различные формы погребальных сооружений, здесь последовательно продолжают развиваться местные формы погребальных сооружений (деревянный сруб в грунтовой яме) и погребального обряда (от трупоположения в могиле к трупосожжению на стороне наряду с трупоположением)». ⁴⁷ Хотя попытку В. Г. Петренко показать, что зарубинецкий погребальный обряд развился в местной среде, никак нельзя признать удачной, она несомненно права, говоря, что в целом поросские материалы скифской поры ближе к зарубинецким, чем тясминские. Это ясно, несмотря на то, что поросские памятники скифского времени изучены еще далеко не достаточно и почти исключительно в низовьях этой реки, примыкающих к наиболее северному из больших городищ скифской поры, находящемуся на правом берегу Днепра вблизи устья Роси.

Но места поселений и курганы «скифского» типа имеются и в других, более глухих местах Поросья. Они встречены и севернее — на Стугне, Ирпене и по притокам Тетерева, и западнее — в Подолье. В северных районах «скифские» поселения перемежались с милоградскими (подгорцевскими), а западнее лежала широкая полоса тесного этнического контакта местных племен с родственными им лужицко-поморскими племенами, проникавшими сюда с запада. Сильны были так же контакты с латенской и дакийской культурами. Я думаю, что именно в этих местах обитали племена, менее всего затронутые «скифской вуалью» и долго хранившие в своей культуре старые традиции. Они были потомками населения, восходящего к тпинецко-комаровским племенам «бронзового века», близкородственным населению Повисленья, и составляли вместе с ними обширный массив праславянских племен.

После того, как «скифская» оседлость в правобережной части Среднего Поднепровья рухнула под ударами сарматов, причем пострадало главным образом население больших городищ и их окрестностей, остатки собственно скифских элементов отошли к югу, на Нижний Днепр, где жизнь на больших городищах вскоре возродилась. Племена, занимавшие более северные и северо-западные области, менее пострадавшие от сарматов, оказались в этих условиях наиболее сильной и многочисленной группой населения между Средним Днепром и Верхним Днестром. Здесь и возникла зарубинецкая культура, носители которой к исходу II в. до н. э. продвинулись к Днепру и за Днепр. Припятское Полесье было окраиной территории этих племен, скорее всего — глухой окраиной, где культура имела более примитивный облик.

Такова та рабочая схема, которая, как мне представляется, согласуется как с археологическими данными, так и с теми представлениями о древней славянской территории, которые имеются в лингвистической литературе. Правда, это лишь гипотеза, которую еще предстоит разрешить в ходе дальнейших исследований. Нельзя сейчас привести исчерпывающие археологические обоснования и того, что зарубинецкие племена были славянами. Но кем другим они могли быть? Они обитали в лесостепи правобережного Поднепровья, по всему течению Припяти, позднее они распространялись в поречье Десны и Сожа. Другими словами, в пределах Восточно-Европейской равнины это население занимало область, которая в последующее время являлась основной частью восточнославянских, древнерусских земель.

---

⁴⁷ В. Г. Петренко. Культура племен правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э., стр. 97.

Это была та самая область, в пределах которой на территории нашей страны сосредоточена древнейшая славянская гидронимия. Именно здесь должны были обитать славяне и по данным «лингвистической географии».

Зарубинецкие поселения и могильники не могли принадлежать древним балтам (лето-литовцам), которые обитали в свое время в значительной части Верхнего Поднепровья, но никогда не жили в Среднем Поднепровье и археологические памятники которых в более северных областях хорошо известны в виде многочисленных городищ. Очень существенным при этом является то, что граница зарубинецких памятников и городищ древних балтов, проходящая в днепровском Правобережье севернее Припяти, в основных чертах совпадает с границей, разделяющей славянскую и балтийскую гидронимию.

Зарубинецкая культура не могла принадлежать также и финно-угорским племенам, древности которых, хорошо известные в бассейне Волги и Оки, а также в Восточной Прибалтике, имеют совсем иной характер, чем зарубинецкие. Граница между памятниками позднезарубинецкой культуры, речь о которой пойдет ниже, и так называемой дьяковской культуры проходит к востоку от Смоленска, по водоразделу Днепра и Волги.

Наконец, в свете новых данных окончательно отпадает также и старое предположение немецких археологов, пытавшихся рассматривать зарубинецкую культуру в качестве германской. Это предположение, продолжающее существовать в немецкой археологии до последнего времени, могло претендовать на место в науке лишь тогда, когда зарубинецкая культура выглядела как узко локальное явление. В настоящее время возможность дискуссии исключается. Нельзя же, действительно, предполагать, что германские племена в конце I тыс. до н. э. и в начале нашей эры обитали по всему Среднему Поднепровью, по Припяти, Сожу, Десне и Сейму? Такую мысль не будут защищать, несомненно, даже наиболее тенденциозно настроенные немецкие археологи.

Тем исследователям, которые возражают против «славянства» зарубинецкой культуры, остается, очевидно, предположить, что она принадлежала каким-то совсем неизвестным племенам, не сохранившимся до средневековья. Такая мысль представляется, однако, невероятной. Ведь речь идет о I тыс. н. э., о времени, когда сформировались все основные этнические группы индоевропейской семьи, вошедшие в европейское средневековье.

Вопрос о позднезарубинецкой культуре. Расселение зарубинецких племен в Верхнем Поднепровье

1

Если вопрос о происхождении зарубинецких племен и их культуры отнюдь нельзя считать окончательно решенным, то несколько лучше разъяснена их дальнейшая судьба и роль в последующем этногенетическом процессе. В настоящее время это один из коренных вопросов восточнославянской и восточноевропейской археологии.

Когда-то В. В. Хвойка полагал, что во II в. н. э. зарубинецкая культура в Среднем Поднепровье преемственно сменилась черняховской. Эти две культуры, по его мнению, были не чем иным, как последовательными ступенями в развитии одного и того же населения, которое он считал славянским. В начале нашего века это мнение пользовалось широкой популярностью, хотя оно и не основывалось на сколько-нибудь бесспорных фактах. Первым, кто решительно отказался от этого мнения, был, кажется,

А. А. Спицын. В своей работе 1930 г. он высказался против представлений о существовании генетических связей между зарубинецкой и черняховской культурами. А. А. Спицын считал славянской лишь вторую из них, а первую связывал со скифским миром.⁴⁸ В дальнейшем вопрос о соотношении зарубинецкой и черняховской культур и об их этнической атрибуции послужил предметом длительной дискуссии среди археологов, не законченной и по настоящее время.

С моей точки зрения, накопленный ныне обширный материал убедительно подтверждает соображения А. А. Спицына о том, что зарубинецкая и черняховская культуры не были связаны между собой. Но А. А. Спицын бесспорно ошибался в определении этнического лица этих культур. Особенно ясно это в отношении черняховской культуры.

В свете имеющихся сейчас данных — археологических и исторических — эта культура представляется в качестве весьма своеобразного явления, возникшего на северо-восточных рубежах римских провинций в начале нашей эры, после завоевания Дакии Траяном.⁴⁹ Генетически она непосредственно не была связана с культурными традициями какой-либо одной группы населения юго-запада Восточной Европы. Во всех своих проявлениях — развитое плужное земледелие, ремесло и торговля, серолощенная и иная кружальная керамика, римские монеты и стекло, украшения, распространённые в римских провинциях, и др. — черняховская культура принадлежала не какому-либо одному племени или группе родственных племён, а была культурой межплеменной, распространившейся в разноплеменной среде в специфических условиях того времени. Культуры подобного же характера, с серой керамикой, были распространены в начале нашей эры и в Средней Европе вдоль северных границ римского мира. И там их нельзя связать с каким-либо определённым этносом.

Первоначальные центры всех этих культур, являющихся продуктом развитых ремесла и торговли, лежали на юге, по гето-дакийской и кельтской периферии. Именно там возможно найти истоки большинства их характерных элементов. Черняховская культура зародилась в Северо-Западном Причерноморье. Ее элементы широко представлены в послегетской Ольвии. Отсюда черняховская культура распространилась на север по лесостепным областям. Во II—IV вв. н. э. она занимала огромные области — от верховьев Днестра и Стыри на западе до бассейна Северского Донца на востоке. По течению Днепра и Южного Буга она доходила почти до моря. Ее северная граница проходила по границе леса и степи.

Если обратиться к данным письменных источников, станет ясным, что территория, занятая поселениями черняховской культуры, не могла принадлежать этнически однородной группировке. В начале нашей эры в обрисованной области обитали остатки старого скифского населения, они перемешивались с сарматами; на юго-западе жили гето-дакийские племена, сюда же проникли готы. Древние авторы неоднократно указывали, что люди разных племён нередко жили здесь в одних и тех же местностях, вперемешку друг с другом. Еще во времена Страбона были области, где «бастарны, скифы и сарматы жили смешанно с фракийцами». С появлением в Причерноморье готов этническая инфильтрация могла лишь усилиться. Другими словами, в начале нашей эры здесь начался энергичный процесс культурно-этнической консолидации, впоследствии нарушенный гуннской экспансией. В этих условиях черняховская культура уже в своих первоначальных центрах могла сложиться вне связи с какой-либо одной этнической группой.

⁴⁸ А. А. Спицын. Поля погребальных урн, стр. 53—70.

⁴⁹ Сб.: Черняховская культура. МИА, № 82, 1960.

В черняховских древностях можно выделить кое-какие местные элементы, отражающие этническое своеобразие отдельных групп населения. На поселениях и в могильниках в небольшом числе встречается, например, грубая лепная керамика, различная в разных местностях. Но ее формы настолько мало выразительны, что на их основании пока что нельзя сделать никаких ответственных выводов. Высказанные недавно Г. Ф. Никитиной соображения о близости лепной черняховской керамики к керамике пшеворской очень интересны, но нуждаются в серьезной проверке по материалам различных областей, занятых черняховским населением. То же самое следует сказать о некоторых деталях погребального обряда и формах домостроительства. Здесь также имеется локальное своеобразие, хотя да-

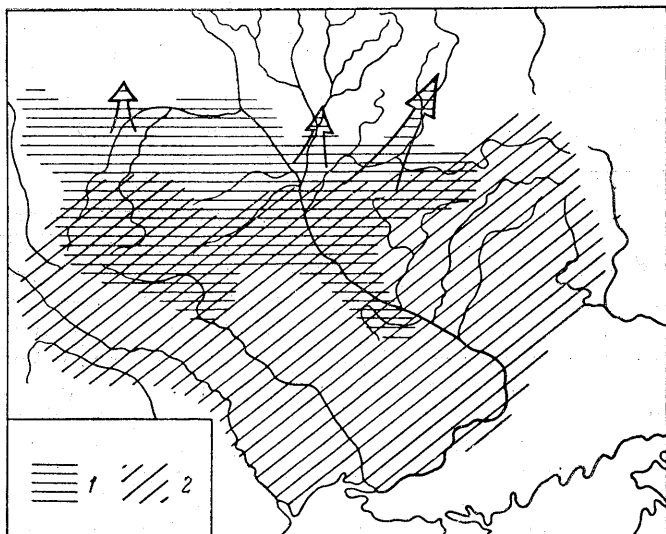

Рис. 61. Ареалы зарубинецких (1) и черняховских (2) древностей.

леко не всегда отчетливое. Очевидно, местные этнические элементы культуры оказались здесь стертыми весьма основательно.

Несколько лет тому назад М. А. Тихановой была предпринята попытка определить локальные варианты черняховских древностей, оставшаяся, к сожалению, незавершенной. На первом своем этапе она не привела к созданию строго определенной картины, но, на мой взгляд, в целом должна быть оценена весьма положительно, и исследования в этом направлении необходимо продолжить.⁵⁰

При этом следует иметь в виду, что прочная оседлость, характерная для черняховского времени, отнюдь не исключала значительных передвижений населения в полосе лесостепи. Напротив, можно думать, что черняховская культура распространялась на широких пространствах не только в результате возросших в то время экономических связей. Новая культура разносилась земледельческим населением, продвигавшимся из южных областей на север и как бы восстанавливающим ту картину оседлости, которая была характерна здесь для скифского времени. В этих более северных частях лесостепи черняховская культура и ее носители должны были встретиться с зарубинецкими племенами.

Если обратиться к карте (рис. 61), то станет ясно, что ареал черняхов-

⁵⁰ Г. Ф. Никитина. Население лесостепной полосы Восточной Европы в первой половине I тыс. н. э. Автореф. дисс., М., 1965; М. А. Тиханова. Локальные варианты черняховской культуры. СА, 1957, № 4.

ской культуры перекрывал область зарубинецких поселений сравнительно на небольшой территории — по верховьям южных (левых) притоков Припяти, по верхнему течению Тетерева и в бассейне Роси. В этих местах, к югу от линии Киев—Житомир, с появлением черняховского населения прервалась жизнь на зарубинецких городищах. Зарубинецкие древности позже I—II вв. н. э. здесь не известны. Никаких данных, указывающих на преемственность зарубинецкой и черняховской культур, не имеется.

В свое время В. В. Хвойка указывал на сходство зарубинецкого и черняховского погребального обрядов и на близкий в обеих культурах ассортимент глиняной посуды (кувшин, широкая миска, кружка). В некоторых могильниках, по мнению В. В. Хвойки, были найдены как зарубинецкие, так и черняховские погребения. Это послужило для него основанием, чтобы рассматривать зарубинецкую и черняховскую культуры как звенья единой генетической цепи.

Исследования последних десятилетий не подтвердили мнение В. В. Хвойки. На многочисленных зарубинецких и черняховских поселениях ни разу не был отмечен убедительным образом факт перерастания одной культуры в другую или какой-либо связи между ними. Поселения черняховской культуры — нередко огромные по площади — располагаются здесь совсем в иных местах и условиях, чем зарубинецкие, — не на возвышенных местах, удобных для обороны, а на ровных участках невысоких речных берегов. Различный характер имело зарубинецкое и черняховское домостроительство. У зарубинецких племен были небольшие прямоугольные дома, нередко углубленные в почву, у черняховцев — обычно значительные по размерам, часто двухкамерные постройки с глинобитными стенами. Не найдены также и «смешанные» зарубинецко-черняховские могильники. Стало ясно, что обряды захоронения в зарубинецких и черняховских «полях» погребений далеко не идентичны. Для первых было характерно трупосожжение, для вторых — биритуальность с явным преобладанием обычных погребений (ингумации) над сожжениями.

Но если черняховская культура распространялась среди этнически различных племен, естественно поставить вопрос: не затронула ли она все же и какую-то часть зарубинецкого населения? Не следует ли думать, что наряду с такими местностями, где зарубинецкое население было вытеснено черняховским, есть территории длительного контакта, где элементы черняховской культуры распространялись в зарубинецкой среде? Мне представляется, что на этот вопрос следует ответить положительно. К северу от линии Киев—Житомир отношения зарубинецкой и черняховской культур складывались иначе, чем к югу от этой линии.

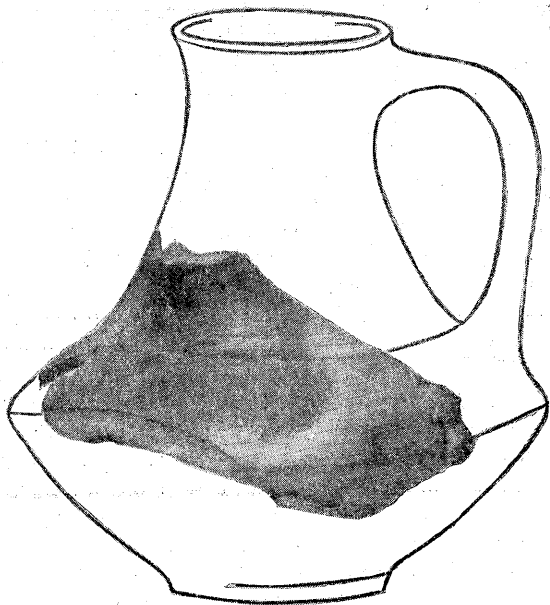

Рис. 62. Фрагмент черняховского кувшина, найденный в очаге одного из жилищ на Чаплинском городище. Раскопки автора.

В настоящее время выявлены отдельные факты, указывающие на то, что в более северных областях жизнь на зарубинецких поселениях продолжалась и в черняховское время. В этих местах имеются не только ранние зарубинецкие древности, такие же, как на юг от Киева, но и более поздние, синхроничные черняховским. На зарубинецких селищах по Припяти были найдены отдельные обломки черняховской керамики. Они встречены, в частности, на поселении около Велемичей. На Чаплинском городище, расположенном на Днепре выше устья Припяти, в пределах одного из жилищ, в очаге, вместе с зарубинецкой керамикой сравнительно позднего облика были найдены два обломка от одного и того же серолощеного черняховского сосуда (рис. 62), относящегося скорее всего к началу III в. н. э.

В районе Киева на Днепре известно несколько позднезарубинецких поселений. Одно из них — поселение у с. Лютеж около устья р. Ирпеня — в последние годы подвергалось археологическим исследованиям.⁵¹

Большого внимания заслуживает так называемая волинская группа черняховских древностей, в которой настолько сильны пшеворско-зарубинецкие элементы, что она может быть отнесена к черняховской культуре лишь условно. На селище у с. Пряжев, относящемся к этой культуре, были открыты жилища, углубленные в землю, похожие на зарубинецкие и отличающиеся от обычных для черняховских древностей наземных жилищ. Общечерняховские элементы культуры здесь явно наслонены, привнесены. В области распространения волинской группы древностей черняховская керамика, по подсчетам И. С. Винокура, составляет лишь 45% керамического материала — в одних пунктах меньше, в других больше. Основную часть керамики составляет лепная, грубая и лощеная.⁵² Следует допустить, что еще южнее могут располагаться такие зарубинецкие по происхождению поселения, на которых процент черняховской керамики и других вещей будет еще выше, вследствие чего общий облик культурных остатков окажется в основном черняховским. Таким образом, есть все основания думать, что какая-то часть зарубинецкого населения в лесных областях между Днестром и Днепром оказались под «вуалью» черняховской культуры.

Картина, открывающаяся при рассмотрении волинской группы древностей, усложнена, однако, тем, что, кроме зарубинецких и черняховских элементов, в ней ярко представлены элементы западные: пшеворские и, возможно, более поздние — готские. В последние годы, в связи с исследованием нескольких могильников с готским инвентарем на Днестре и в верховьях Припяти,⁵³ появилась тенденция рассматривать волинскую группу древностей в качестве чуть ли не целиком готской или всячески подчеркивать в ней готские элементы.⁵⁴ Думаю, что эта тенденция является лишь плодом излишнего увлечения новыми открытиями в области готских

⁵¹ Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья, стр. 44; П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 151. — О позднезарубинецких древностях в северных областях УССР и их связях со славянской ранне-средневековой культурой писал в 1955 г. В. Н. Даниленко (см.: Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИАУ, в. 4, 1955). Раскопки около с. Лютеж производил в последние годы В. И. Бидзиля. Материалы хранятся в Институте археологии Украинской АН.

⁵² Ю. В. Кухаренко. Волинская группа полей погребений. СА, 1958, № 4; И. С. Винокур. Старожитності східної Волині першої половини I тисячоліття н. е. Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету, т. VIII, в. 1, 1960, стр. 24—61.

⁵³ Ю. В. Кухаренко. 1) Памятники железного века на территории Полесья, стр. 18—19; 2) Могильник Брест-Тришин. КС, в. 100, 1965.

⁵⁴ По материалам Объединенного пленума ИА АН СССР и Сектора археологии Института истории АН БССР, посвященного итогам полевых исследований 1962 г., состоявшегося в г. Минске в 1963 г.

древностей, а не результатом объективного изучения волыньских материалов. Ю. В. Кухаренко — ныне один из проводников этой тенденции — стоял несомненно ближе к истине несколько лет тому назад, когда им было написано, что «в особенностях погребального обряда и общем характере поселений у памятников волыньской группы преобладают местные, старые традиции, точнее — традиции зарубинецкой (и, добавлю, пшеворской, — *И. Т.*) культуры». ⁵⁵

Но так или иначе, влияние западных культур затрудняет дешифровку археологических памятников Полесья, относящихся к первым векам нашей эры. Вероятно, здесь были значительные передвижения племен, связанные с появлением готов. Отдельные позднезарубинецкие племена под их давлением могли отойти на север от Припяти по ее левым притокам или на восток за Днепр. Наконец, необходимо отметить, что волыньские древности изучены еще далеко не достаточно, а синхроничные им памятники в области среднего и нижнего течения Припяти и в Гомельском Поднепровье совсем не исследованы.

2

Пределами указанных выше областей — правобережьем Среднего Днепра и поречьем Припяти — расселение зарубинецких племен, однако, не ограничилось. Они продвинулись и дальше на север и северо-восток. Главным путем их распространения послужило при этом не течение Днепра, как можно было думать, глядя на карту, а поречье Десны и Сожа.

В поречье Нижней Десны зарубинецкие племена проникли еще до начала нашей эры. В низовьях этой реки расположены известные зарубинецкие могильники: Пуховка и Погребы. Группа зарубинецких поселений имеется на Десне в районе Чернигова. Большая их группа обнаружена Д. Т. Березовцом в нижнем течении р. Сейма. Здесь, на селище у с. Хариевка, вместе с зарубинецкой керамикой были встречены обломки эллинистических амфор II—I вв. до н. э. Но на этом же поселении — единственном в этом районе, подвергшемся небольшим раскопкам, — найдена в небольшом числе и керамика, близкая черняховской, относящаяся, по-видимому, ко II—III вв. н. э. ⁵⁶ Другим поселением, известным на Нижнем Сейме, является Авдеевское селище (нижний слой), исследованное А. Е. Алиховой. Оно относится к более позднему времени, вероятно к III—IV вв. н. э. Его керамический материал состоит из позднезарубинецких и черняховских сосудов. Недалеко от селища имеется могильник с трупосожжениями, время которого, к сожалению, точно не установлено. Попытки Ю. В. Кухаренко исключить деснинские древности, в частности Хариевку, из числа зарубинецких ни на чем не основаны. По всем признакам Хариевка примыкает к зарубинецким поселениям среднеднепровской группы. ⁵⁷

В верхнем и среднем течении Десны зарубинецкими памятниками являются преимущественно селища, расположенные на невысоких участках речных берегов. Они хорошо датируются благодаря неоднократным находкам позднелатенских и прибалтийских фибул. Ни одной среднелатенской фибулы на селищах в поречье Верхней и Средней Десны пока что найдено не было. Но на некоторых позднехунновских городищах были встречены отдельные обломки лощеной керамики, очень похожей на раннюю заруби-

⁵⁵ Ю. В. Кухаренко. Волыньская группа полей погребений, стр. 226.

⁵⁶ В. В. Махно и И. М. Самойловский. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье, стр. 18—19; Д. Т. Березовец, Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП, т. V, 1955.

⁵⁷ А. Е. Алихова. Авдеевское селище и могильник. МИА, № 108, 1963; Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья.

нецкую. Очевидно, первое знакомство юхновцев с зарубинецкой культурой произошло еще накануне нашей эры. В I и II вв. н. э. в поречье Средней и Верхней Десны зарубинецкие селища — уже массовое явление.

Эти селища были обнаружены совсем недавно — в конце 40-х — начале 50-х годов — брянским археологом-краеведом Ф. М. Заверняевым. С 1952 г. им ведутся раскопки на зарубинецком селище первых веков нашей эры у г. Почеп на р. Судости, правом притоке Десны. Там открыты многочисленные остатки прямоугольных жилищ, углубленных в землю, и богатый вещественный материал: разнообразная керамика, железные и бронзовые изделия. Раскопки второго такого же селища на р. Судости около д. Синьково произвел А. К. Амброс. Выше г. Брянска, на правом берегу Десны, на двух зарубинецких селищах — у с. Хотылева и около д. Спартак — прямоугольные полуземлянки были исследованы автором

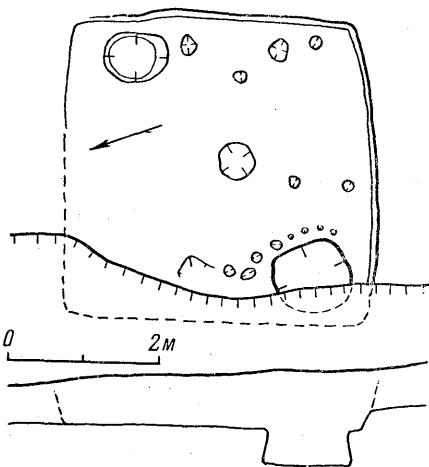

Рис. 63. Основание зарубинецкого жилища. Хотылевское поселение на р. Десне. Раскопки автора, 1962 г.

этих строк (рис. 63).⁵⁸ Селище у д. Спартак, расположенное на правом берегу Десны в пределах Смоленской области, является одним из наиболее северных пунктов распространения зарубинецкой культуры в поречье р. Десны в начале нашей эры.

Свыше 10 зарубинецких поселений найдено в районе г. Трубчевска и по правому притоку Десны — р. Судости. На правом и левом берегах Десны выше г. Брянска известно также свыше 10 поселений. В других частях Среднего Подесенья, где не производилось соответствующих исследований, выявлены лишь отдельные пункты с находками зарубинецкого времени и характера.⁵⁹

Судя по материалам О. Н. Мельниковской, производившей в последние годы археологические обследования в области среднего и нижнего течения

Сожа, а также по другим данным, аналогичные древности имеются на Соже, Ипути и по их притокам. Они остаются пока не исследованными.

Сохраняя все основные черты среднеднепровской зарубинецкой культуры, материальная культура деснинских поселений, относящихся к первым векам нашей эры, имела ряд особенностей (рис. 64). В керамике наряду со старыми формами появились в это время новые: реберчатые миски с высокой, прямой или расширяющейся кверху горловиной, отдаленно напоминающие «римские» миски этого времени. Качество глиняной посуды ухудшилось; это особенно заметно на лощеной керамике. Встречаются сосуды (миски и кувшины), сделанные от руки, но напоминающие по формам среднеднепровскую кружальную посуду II—V вв., относящуюся к черняховской культуре. Встречаются отдельные черняховские кружальные сосуды. Украшения изготовлялись главным образом из местного материала — железа. Кроме фибул и черняховской керамики, да-

⁵⁸ Ф. М. Заверняев. 1) Археологические находки возле города Почеп. КС, в. 53, 1954; 2) Почепское селище первых веков н. э. СА, 1960, № 4; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 136—140.

⁵⁹ Ф. М. Заверняев. Селища бассейна р. Судости. СА, 1960, № 3; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 136. — Сведения, имеющиеся в указанных выше публикациях Ф. М. Заверняева, П. Н. Третьякова и Е. А. Шмидта, относятся к 1960—1961 гг. В последующие годы были сделаны новые находки.

тирующим материалом на деснинских позднезарубинецких поселениях служат отдельные обломки красной «римской» керамики, происходящей из Северного Причерноморья.

Своими верховьями Десна близко подходит к верховьям Днепра. Здесь, в 25—30 км выше Смоленска, на дюне около деревень Козичина

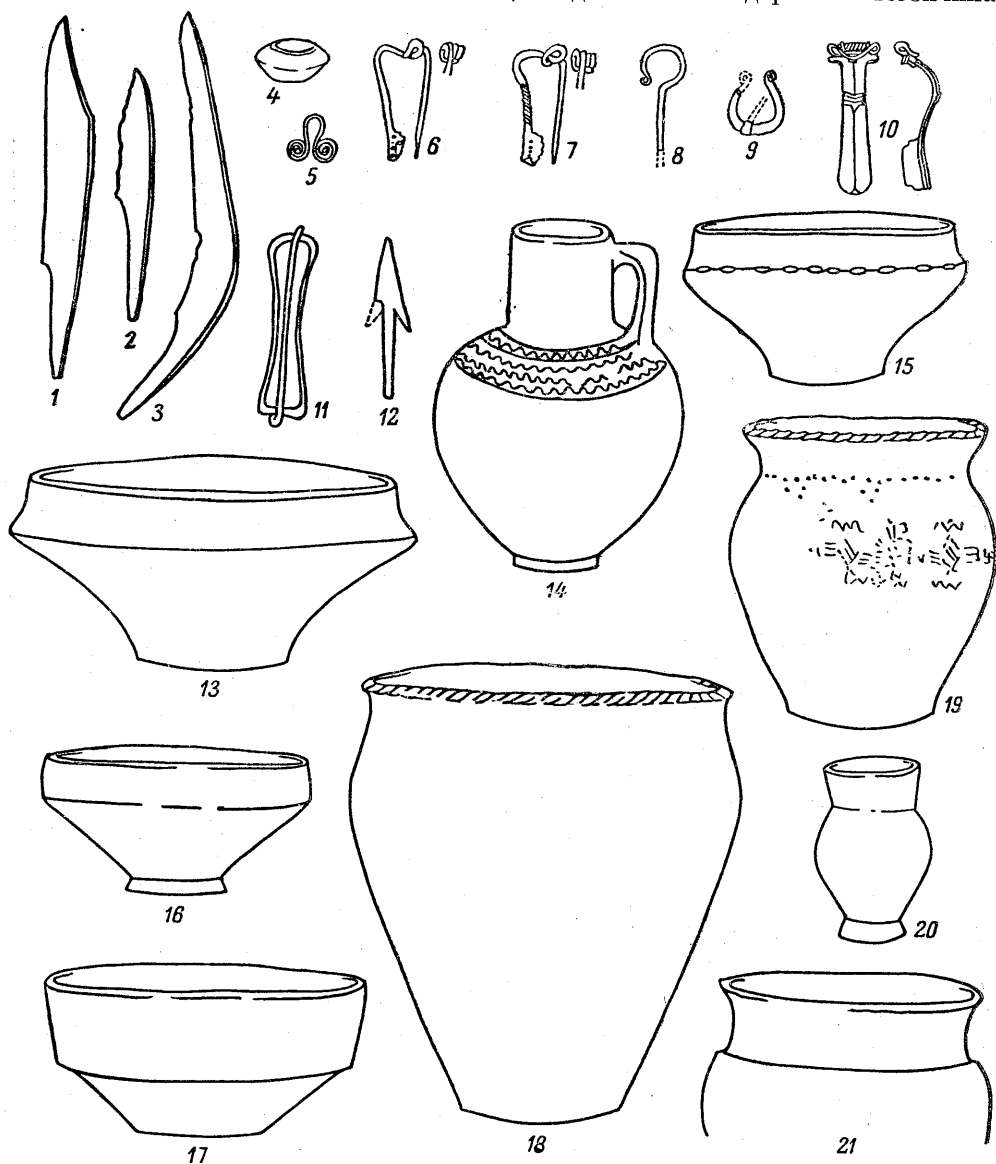

Рис. 64. Предметы из раскопок на позднезарубинецких поселениях в бассейне р. Десны.

1—3, 6, 7, 11, 12, 14—16, 18—20 — Почепское селище на р. Судости; 4, 5, 13, 17, 21 — селище Спартак на р. Десне; 8, 9 — могильник у д. Козичина, 10 — селище у д. Синьково.

и Верхние Немыкари, в 20-х годах нашего века А. Н. Лявданским были обнаружены остатки нескольких трупосожжений, развеянные ветром. При них найдены обломки позднезарубинецкой керамики и железных изделий первых веков нашей эры. Находки сожжений делались здесь и позднее, подтверждая мысль А. Н. Лявданского о наличии в этом месте могильника с трупосожжениями в урнах — зарубинецкого «поля погреб-

бений». ⁶⁰ Имеются сведения о зарубинецких могильниках, расположенных по Сожу и его притокам в районе г. Гомеля и в ряде пунктов на р. Десне. Около с. Разлеты в среднем течении Десны, на ее правом берегу, вместе с остатками сожжения (?) был найден лощеный сосуд ручной работы — по фактуре зарубинецкий, а по форме напоминающий черняховскую керамику. ⁶¹ Такого же рода находки, как уже указано, происходят из Почепского селища.

В этой связи очень интересным является вопрос о верхней хронологической границе деснинских зарубинецких поселений. Судя по фибулам, Почепское и Синьковское поселения принадлежат к I—II вв. н. э., но черняховские элементы в керамическом материале говорят и о более позднем времени. На верхнедеснинском селище вблизи Жуковки, материалы которого примыкают к позднезарубинецким древностям, была найдена железная фибула балтийского типа, относящаяся к середине I тыс. н. э. (см. рис. 77). Эта находка пока что единственная, но, как мне кажется, к ней, как к датирующему предмету для верхнего рубежа зарубинецкой культуры на Десне, следует отнестись с полным доверием.

Иногда зарубинецкие древности на Верхней Десне получают неправильное толкование. Некоторые исследователи, в частности Ю. В. Кухаренко и А. К. Амброс, рассматривают их не в качестве локальной позднезарубинецкой группы памятников, а как остатки особой культуры, восходящей якобы к юхновской. Для ее наименования стал применяться термин «почепская» культура, по имени селища у г. Почапа, исследованного Ф. М. Заверняевым. Основанием для этого послужили находки на нескольких юхновских городищах в верхних горизонтах культурного слоя керамики и отдельных вещей, напоминающих зарубинецкие. Предполагалось, что новая культура сложилась в юхновской среде на городищах. Когда городища были покинуты, люди якобы расселились по-новому, в открытых поселениях, создав «почепскую» культуру. ⁶²

В течении ряда лет, в 50-х—начале 60-х годов, я специально занимался этим вопросом, обследуя юхновские, смоленские и зарубинецкие поселения по Верхней Десне и ее притоку — р. Судости. Тогда же велись большие археологические работы на Смоленщине — на Днепре и в Верхнем Посожье. В результате выяснилось, что остатки культуры, представленные в верхних слоях юхновских и древних смоленских городищ, зарубинецкими не являются, а лишь отдаленно их напоминают. Керамика, похожая на зарубинецкую, встречается на городищах совсем в иных комплексах, чем на зарубинецких селищах. С ней находятся лишь отдельные вещи, аналогичные зарубинецким, например железные ножи. Среди находок, сделанных на городищах, вместе с этой керамикой налицо предметы, на зарубинецких селищах не встречающиеся. Особенно характерны в этом отношении «грузики балтийского (дьякова) типа», во множестве найденные на верхнедеснинских и смоленских городищах и отсутствующие на синхроничных зарубинецких селищах. Да и керамика, происходящая из городищ, лишь на первый взгляд напоминает зарубинецкую. Лепные сосуды имеют такую же профилированную шейку; венчик украшен косыми насечками и «защипами». Но формы посуды однообразны и грубы. Сосуды с лощеной поверхностью встречаются очень редко и имеют плохое качество.

⁶⁰ Е. А. Ш м и д т. Могильник у д. Козичина около Смоленска. МИА, № 70, 1959, стр. 181—183.

⁶¹ Древности железного века в междуречье Десны и Днепра, археологическая карта; Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники зарубинецкой культуры в области Верхнего Поднепровья. МИА, № 70, 1959, стр. 31.

⁶² А. К. А м б р о з. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, № 1; Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники железного века на территории Полесья, стр. 9 и сл.

Следовательно, на городищах представлены не остатки особой культуры, сменившей на Десне юхновскую, а лишь отдельные элементы культуры зарубинецкого типа. Они появились в результате влияния пришлых зарубинецких племен на местную культуру. Это предположение превратилось у меня в уверенность, когда были сопоставлены синхронные данные, полученные в итоге исследований городищ в различных частях Брянщины и Смоленщины.⁶³ При этом выяснилось, что зарубинецкие элементы на городищах представлены далеко не повсеместно, а лишь в тех местностях, где расселились зарубинецкие племена, или в смежных с ними районах. Очевидно, в среднее и верхнее течение Десны, так же как в более раннее время на Днепр севернее Припяти, зарубинецкое население проникло не в результате массового расселения, а постепенно. Местные жители — обитатели городищ — далеко не сразу покинули поречье Десны, а в течение одного-двух столетий жили бок о бок с пришельцами, постепенно отходя по мелким речкам в глубину водоразделов, особенно же в северном направлении, в области, принадлежавшие родственным им племенам.

В свою очередь, пришлое зарубинецкое население также освоило некоторые местные культурные элементы. Выше уже шла речь о северных типах фибул, проникших в зарубинецкую среду; то же самое можно сказать и о некоторых других украшениях — булавах в виде «пастушеских посохов», подвесках разного рода. На деснинской зарубинецкой посуде нередко встречаются несложные орнаменты, восходящие к позднеюхновскому гончарству. К ним относится, в частности, изредка встречающийся узор в виде зигзага, опоясывающего плечики сосуда, состоящий из отпечатков «перевитой веревочки».

Но юхновские элементы в деснинской зарубинецкой культуре были представлены очень слабо. Зарубинецкая культура во всех отношениях была значительно выше юхновской; ее носители скоро одержали верх над местным населением и мало-помалу вытесняли его из поречья Десны. К исходу первой четверти I тыс. н. э. они стали здесь основной группой населения.

Имеется, по-видимому, лишь два или три деснинских городища, на которых выше юхновского слоя лежат остатки настоящей зарубинецкой культуры. К ним относится, в частности, Красное городище, находящееся между Брянском и Трубчевском. Возможно, эти слои на городищах относятся к начальному этапу проникновения зарубинецких племен на Десну, т. е. принадлежат к более раннему времени, чем селища. Но это не более чем предположение, основанное на материалах археологических обследований.

В конце предыдущего очерка была сделана попытка сопоставить археологические данные о локальных группах верхнеднепровских древностей с материалами гидронимии. При этом выяснилось, что между ними имеется ряд убедительных соответствий, подтверждающих мысль о балтийской принадлежности верхнеднепровских племен раннего «железного века».

Расселение зарубинецких племен сломало этнокультурную картину Верхнего Поднепровья; новая археологическая картина, сложившаяся в начале нашей эры, уже не соответствовала данным балтийской гидронимии. Но она целиком отвечает соображениям лингвистов о сосредоточении древнейшей славянской гидронимии преимущественно в восточной части Верхнего Поднепровья. В своем исследовании, посвященном днепровской гидронимии, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев дали карту старой славянской гидронимии, показавшую, что славяне первоначально двигались на север не столько по Днепру, сколько по Десне и другим ре-

⁶³ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмитд. Древние городища Смоленщины, стр. 12—15, 22—24.

кам Левобережья. Авторы книги указали на «факт повторяемости речных названий славянского происхождения, с одной стороны, на правобережной Украине, в среднем течении Днестра и прилегающих к нему верховьях Западного Буга, по Стыри, Горыни и Случи, а также по среднему течению Днепра и, с другой стороны, в бассейнах Десны, Сожа и Ипути».⁶⁴ Не приходится говорить о том, что это наблюдение целиком соответствует обрисованным выше представлениям о расселении зарубинецких племен (рис. 65). В этом нельзя не видеть еще одно убедительное подтверждение

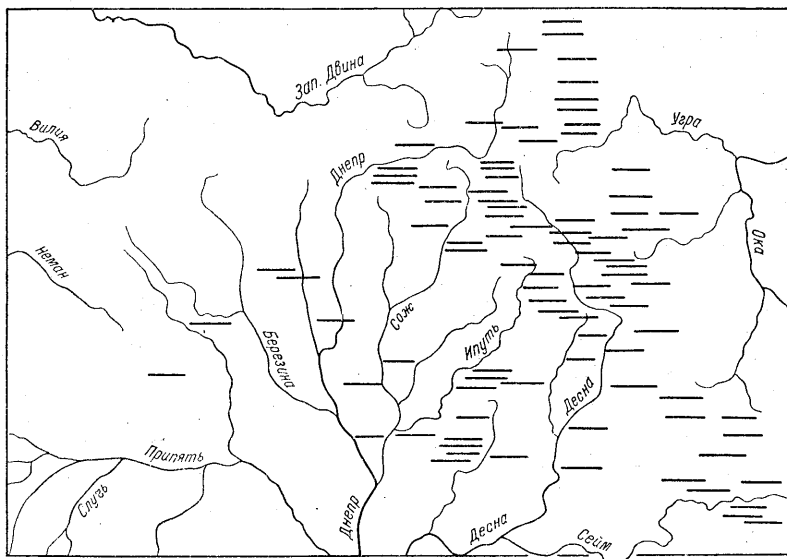

Рис. 65. Схема распространения старейших славянских гидронимов в области Верхнего Поднепровья (по В. Н. Топорову и О. Н. Трубачеву). Штрихи обозначают старейшие славянские гидронимы.

справедливости мнения о зарубинецких племенах как о племенах раннеславянских.

В конце I тыс. до н. э. эти племена занимали обширные пространства в области Среднего Поднепровья, преимущественно в лесостепном и лесном Правобережье. Отсюда, расширяя свою территорию, они двигались на северо-восток по левым притокам Днепра, глубоко проникая в земли восточных балтов. В начале нашей эры их потеснили готы в области верховьев Припяти и другие черняховские (вероятно, скифо-сарматские) племена на Среднем Днепре. В итоге территория раннеславянских (зарубинецких) племен сдвинулась на северо-восток и они оказались оторванными от родственного населения Средней Европы. Вероятно, этот факт сыграл немалую роль в обособлении восточного славянства.

Племена Верхнего Поднепровья и Волго-Окского междуречья на рубеже и в начале нашей эры

1

Распространение раннеславянских (зарубинецких) племен в области Верхнего Поднепровья было событием большого исторического значения. Оно привело к серьезным переменам в жизни и культуре на широких

⁶⁴ В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 244; см. также карту 9.

пространствах лесной полосы Восточной Европы и коснулось не только обитателей ближайших местностей, оказавшихся в сфере непосредственного влияния пришельцев, но и населения сравнительно отдаленных областей — северной части Поднепровья, западной и центральной частей Волго-Окского междуречья. Теперь, когда факт зарубинецкого расселения, по-видимому, уже не вызывает никаких сомнений, стали понятными многие явления в истории культуры верхнеднепровских и волго-окских племен «железного века», уже давно отмеченные археологией, но остававшиеся до сих пор загадкой.

Отношения между зарубинецкими племенами и местным населением той области Верхнего Поднепровья, по которой они распространялись, — милоградским и юхновским — уже обрисованы выше. На рубеже и в начале нашей эры зарубинецкие племена, шаг за шагом, продвигались к северу, дойдя по Днепру до устья Березины, заняв значительную область в Посожье и поречье Десны на всем его протяжении. С появлением пришельцев жизнь на милоградских и юхновских поселениях в течение одного-двух столетий полностью прекратилась. Такая же судьба постигла верхнедеснинскую группировку племен с древней культурой смоленского характера. В итоге, почти половина территории Верхнего Поднепровья стала принадлежать новым хозяевам.

Подробности смены населения в южных и восточных частях Верхнего Поднепровья в настоящее время еще не могут быть конкретно обрисованы. Вероятно, это был отнюдь не мирный процесс. Местные племена не могли не защищать территорию, на которой они и их предки жили почти 1000 лет. В ходе расселения какая-то часть местного населения была уничтожена, другая подчинена пришельцами и впоследствии подверглась ассимиляции. Наконец, какая-то часть местного населения отступила на север. Милоградское население отошло, по-видимому, вверх по Днепру и его притокам, в области, занятые племенами со штрихованной керамикой. В последующем здесь возникла широкая зона смешанной культуры, отмеченная в работах А. Г. Митрофанова.⁶⁵ Юхновское и смоленское население, вынужденное освободить берега Десны, двинулось на север, к верховьям Днепра и Волги, в пределы бассейна Западной Двины, а главным образом на восток, на Верхнюю Оку и в западные части Волго-Окского междуречья. В последней области, принадлежавшей дьяковским финно-угорским племенам, в начале нашей эры также возникла смешанная культура с отчетливыми западными элементами — поздnezарубинецкими и балтийскими, — называемая ниже позднедьяковской.

Остановлюсь сначала на археологических памятниках Верхнего Поднепровья — области Смоленщины и ее северо-западной периферии.

В течение ряда лет мной производились археологические исследования в левобережной части этой области, преимущественно по верхнему течению р. Сожа. Они показали, что зарубинецкие племена в эту местность не распространялись. Находящееся неподалеку, на правом берегу Днепра выше Смоленска, у деревень Козичина и Верхние Немыкари, «поле погребений» является отдельным, изолированным памятником, вокруг которого не найдено следов долговременных зарубинецких поселений. Ближайшим районом, прочно занятым в начале нашей эры зарубинецкими племенами, было верхнее течение Десны, отстоящее от Верхнего Посожья не менее чем на 80—100 км. Тем не менее в I—II вв. н. э. в развитии местной культуры в области Верхнего Посожья произошли существенные перемены, не допускающие сомнений в том, что их причиной и источником явилось влияние зарубинецкой культуры. Конечно, были и другие причины пере-

⁶⁵ А. Г. М и т р о ф а н о в. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Автореф. дисс., Л., 1955, стр. 8—9.

мен в области культуры, например дальнейшее развитие железной металлургии и широкое распространение железа в производстве и быту. Когда речь идет о зарубинецком влиянии, имеется в виду не столько общий уровень культуры, сколько ее специфические особенности, определяющие этническое лицо культуры.

Особенно ярко представлены зарубинецкие элементы в культуре второго (среднего) слоя городища Тушемля. Нижний слой этого городища, охарактеризованный выше, принадлежит смоленской культуре раннего «железного века». Средний слой отделялся от нижнего горизонтом погребенной почвы, указывающим на то, что жизнь на городище на значительный срок прерывалась. Материалы среднего слоя оказались совсем не похожими на находки, происходящие из нижнего слоя. На первых порах, в начале раскопок, они были приняты за зарубинецкие.⁶⁶

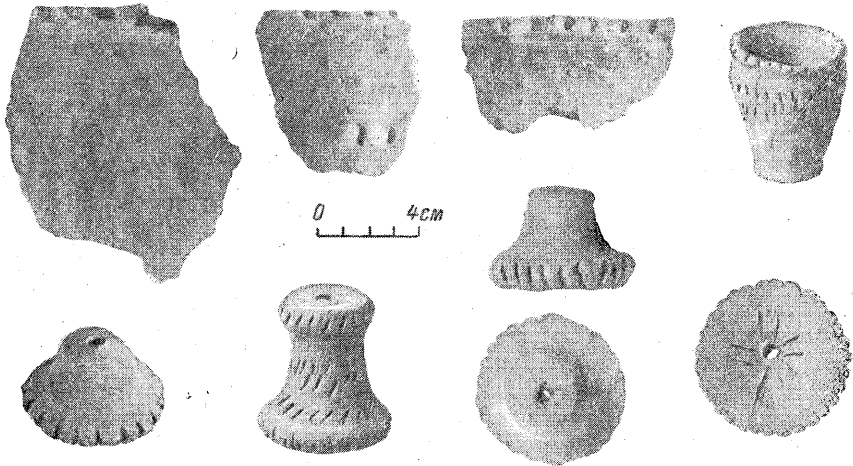

Рис. 66. Керамика и грузики балтийского типа. Городище Тушемля в верхних р. Сожа. Слой начала нашей эры. Раскопки автора, 1955—1957 гг.

Зарубинецкие элементы в материалах среднего слоя Туשמли представляются прежде всего в керамике — в формах сосудов, в орнаменте из насечек или «защипов» по венчику (рис. 66). Наряду с грубой лепной посудой в небольшом числе встречена лощеная, реберчатых позднезарубинецких типов. Такая же точно керамика найдена и на других городищах левобережной Смоленщины — на Городке, в Прудках, на Демидовском городище и др. Кроме керамики, на городищах были найдены изделия из железа, похожие на зарубинецкие, а также фибулы: среднелатенская на городище у д. Городок (рис. 67) и с обернутой ножкой на Туשמле. Среднелатенская фибула найдена Л. В. Алексеевым на городище Девичья Гора на притоке Сожа — р. Вихре, откуда происходит и керамика, напоминающая зарубинецкую.⁶⁷

Вскоре, однако, выяснилось, что в культуре среднего слоя городища Туשמля и других аналогичных городищ Верхнего Посожья имеются и такие элементы, которые на зарубинецких поселениях, как правило, не встречаются. К ним относятся наземные жилища, не похожие на зарубинецкие. Характернейшим элементом городищенской культуры являются многочисленные «грузики балтийского (дьякова) типа», совсем чуждые зарубинецкой культуре (рис. 66). Оказалось также, что даже на наиболее

⁶⁶ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 12—17, 22—24, 54—59.

⁶⁷ Л. В. Алексеев. Городище Девичья Гора в г. Мстиславле. КС, в. 94, 1963.

северных памятниках зарубинецкой культуры, таких, как поселение у д. Спартак, ассортимент керамики значительно богаче, чем на городищах Верхнего Посожья. На Тушемле не обнаружено больших сосудов, нет «расчлененных» сосудов (с гладкой шейкой и шероховатым телом). Процент лощеной керамики на зарубинецких селищах значительно выше и качество ее лучше, чем на смоленских городищах. Таким образом, выяснилось, что культура городищ левобережной Смоленщины, относящихся к началу нашей эры, зарубинецкой не является, а лишь похожа на нее в некоторых отношениях.

Дальнейшее уточнение в характеристику культуры среднего слоя Тушемли внесли раскопки на соседнем Мокрядинском городище. Оно синхронично и однотипно нижнему слою Тушемли, но в Мокрядине, в верхнем слое городища, обнаружены материалы, на городище Тушемля не представленные, относящиеся к тому времени, когда жизнь на нем временно прекратилась. Эти материалы как бы связали между собой нижний и средний слои Тушемли. Они показали, как зарубинецкие элементы постепенно проникали в местную культуру, изменяя ее облик.⁶⁸ Находки, происходящие из верхнего горизонта Мокрядинского городища, можно сравнить с находками из верхних горизонтов культурного слоя городищ Верхней Десны. Там также на рубеже и в начале нашей эры появились в культуре новые особенности, распространившиеся в результате зарубинецкого влияния.

В 1959—1960 гг. Е. А. Шмидтом было исследовано городище Новые Батеки, находящееся западнее Смоленска в низовьях правого притока Днепра — р. Ольши.⁶⁹ Городище Новые Батеки синхронично Мокрядинскому и принадлежит к той же смоленской культуре раннего «железного века». Верхний горизонт его культурного слоя, как и на Мокрядинском городище, относится к рубежу и началу нашей эры. В нем встречены многочисленные «грузики дьякова типа», железные и бронзовые изделия, в целом такие же, как в верхнем горизонте Мокрядинского городища. Среди них есть отдельные вещи зарубинецкого происхождения. Таковы, например, железные фибулы, от которых сохранились, к сожалению, лишь обломки.

Но наряду с этим в Новых Батеках не обнаружено никаких зарубинецких элементов в керамическом материале. На рубеже и в начале нашей эры здесь продолжали сосуществовать старые формы глиняной посуды. Лишь профилировка шейки сосудов и характер обработки их поверхности несколько изменился. Но это произошло без какого-либо зарубинецкого участия. Очевидно, здесь, на р. Ольше, вдалеке от зарубинецких поселений, зарубинецкое влияние сказывалось значительно слабее, чем в среде обитателей Верхнего Посожья.

Изучение материалов других городищ правобережной Смоленщины показало, что Новые Батеки не являлись каким-то исключением. Правда, на городищах в некоторых местах Правобережья была найдена керамика, напоминающая зарубинецкую (с насечками или «заципами» по венчику), но ее здесь сравнительно немного. В основном в первых веках нашей эры в смоленском Правобережье сохранились те же самые формы и характер керамики, что и в дозарубинецкое время.

И уже почти никаких следов зарубинецкого влияния не обнаруживается на керамике, происходящей из городищ, расположенных на приле-

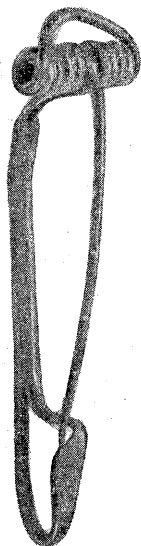

Рис. 67.
Бронзовая фибула. Городище Горюдок. Раскопки автора, 1957 г.

⁶⁸ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 18—21, 82—84.

⁶⁹ Там же, стр. 141—176.

гающем к Смоленщине с запада участке поречья Западной Двины. Зарубинецкие элементы встречаются здесь лишь как редкое исключение. Об этом убедительно свидетельствуют материалы, собранные Л. В. Алексеевым.⁷⁰

Таким образом, вырисовывается очень ясная и убедительная картина. Культура местных верхнеднепровских племен — древних балтов — в начале нашей эры оказалась под влиянием проникших на Десну зарубинецких племен с более высокой по общему уровню культурой. В местностях, расположенных ближе к зарубинецким поселениям, это влияние сказывалось особенно сильно; его пределы в западном направлении достигали течения Днепра; за Днепром, в правобережье и далее на запад — в поречье Западной Двины — зарубинецкое влияние уже не ощущалось.

Но последствия зарубинецкого расселения в жизни обитателей смоленского Поднепровья и смежных территорий этим, по-видимому, не ограничивались. Несколько лет тому назад Ф. Д. Гуревич и С. А. Таракановой были произведены небольшие раскопки на городищах начала нашей эры в районе г. Себеж, на озерах, примыкающих с севера к среднему течению Западной Двины.⁷¹ Найденная там керамика, по мнению С. А. Таракановой, напоминает юхновскую, с чем трудно не согласиться. Во всяком случае, себежская керамика стоит ближе к юхновской, чем к посуде смоленских городищ, область которых отделяет бассейн Западной Двины, в частности Себежский край, от области юхновской культуры. Не говорит ли это о том, что отдельные группы юхновского населения, отступающие перед зарубинецкими племенами, были вынуждены расселиться далеко на севере, в частности в глухих лесных областях за Западной Двиной?

2

Еще более яркая картина последствий зарубинецкого расселения выявляется в среде древнего населения бассейна Верхней Оки и области Волго-Окского междуречья. Зарубинецкое влияние ощущается здесь в полосу, значительно более широкой, чем на Смоленщине. Отсюда происходят и более определенные данные, свидетельствующие о переселении части верхнеднепровских племен на север и восток, совершившемся под зарубинецким давлением. Эти явления близко коснулись в свое время не только восточных балтов, обитавших по Верхней Оке, но и финно-угорского населения, жившего восточнее дьяковского.

Восточные пределы расселения восточных балтов в раннем «железном веке» достигали верховьев Волги, включали в свои границы верхнее течение Москва-реки и бассейн Верхней Оки приблизительно до устья р. Осетра. Выше шла речь о том, что нижние слои верхнеокских городищ, таких, как Надежда, Жилинское, Свинуховское и др., характеризуются остатками культуры, близкой смоленской и юхновской. В нижних горизонтах культурного слоя смоленские элементы, по-видимому, преобладают. Юхновские особенности, наоборот, отчетливо представлены в наслоениях начала нашей эры. На этом основании выше было сделано предположение, что в области верхнего течения р. Оки в начале нашей эры население частично обновилось за счет появления юхновцев.

Здесь следует добавить, что керамика из городищ бассейна Верхней Оки, сопоставляемая мной с позднеюхновской, несет на себе отчетливые следы зарубинецкого влияния (профилированная шейка, насечки и «за-

⁷⁰ Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. ВЭИП, т. 1, 1959.

⁷¹ Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолуцкой области. КС, в. 62, 1956; С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. ВЭИП, т. 1, 1959.

щипы» по венчику). Такая керамика имеется на Гремячевском, Мужитинском, Свиноуховском, Жилинском и многих других городищах. В небольшом числе вместе с ней встречается лощеная посуда позднерубинецких деснинских типов: высокие горшки-кувшины и миски, в том числе реберчатые.

Керамика со следами зарубинецкого влияния характеризует культурный слой начала нашей эры на Троицком городище в верховьях Москва-реки, откуда также происходило некоторое число обломков сосудов с лощеной поверхностью. Здесь найдено и множество балтийских (дьяковских) грузиков. Они отличаются материалы Троицкого городища от верхнеокских, где грузики не встречаются, и сближают их с культурой смоленских городищ. На Троицком городище при раскопках были обнаружены остатки постройки, огибающей площадку по периметру, того же типа, какие имеются на юхновских и смоленских городищах. А. Ф. Дубынин несомненно близок к истине, рассматривая материалы Троицкого городища как свидетельство движения верхнеднепровского балтийского населения с запада на восток под давлением зарубинецких племен.⁷²

В последующие столетия в бассейне Верхней Оки и прилегающих частях Волго-Окского междуречья сложилась мощинская культура, названная по имени известного Мощинского городища, исследованного Н. И. Булычевым в 1888 г.⁷³ Городище находится на р. Попальте, притоке р. Рясы, впадающей в р. Угру. Наиболее известные сейчас мощинские древности, в их числе и Мощинское городище с его кладом, относятся к сравнительно позднему времени — к середине и третьей четверти I тыс. н. э., — речь о них будет идти в следующем очерке. Но истоки этой культуры восходят к первой половине I тыс. н. э., главным образом ко II—III вв., когда в этих местах особенно заметно сказывалось зарубинецкое влияние. Керамика мощинской культуры и по формам, и по орнаментации венчика насечками и «защипами» повторяет позднерубинецкую. Особенно близки к зарубинецким лощеные мощинские сосуды. На Верхней Оке встречаются железные изделия тех же форм, что и на Десне. Найдены фибулы западных типов, в частности римские фибулы III—IV вв. Впоследствии в среде мощинских племен распространился курганный погребальный обряд с трупосожжением, такой, какой существовал в бассейне Десны. Пожалуй, ни одна из групп восточнобалтийского населения не усвоила столько черт зарубинецкой культуры, как мощинская. Повидимому, между населением верхнеокского бассейна и обитателями зарубинецких поселений в поречье Верхней Десны поддерживались тесные связи — экономические и, вероятно, этнические, бывшие следствием передвижения отдельных групп населения.

Характерным элементом мощинской культуры в середине I тыс. н. э. были украшения с эмалью, свидетельствующие о тесных связях с балтийским миром Прибалтики и Поднепровья.

Дальше на север и северо-восток в культуре древних финно-угорских племен в первой половине и середине I тыс. н. э. также заметно сказалось влияние, идущее из Верхнего Поднепровья, из среды балтов (смоленских и юхновских) и зарубинецких племен. На дьяковских городищах Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья, как известно, имеется два основных горизонта культурных наслоений: ранний, с текстильной керамикой, и более поздний, относящийся к первой половине и середине I тыс. н. э. Если материальной культуре раннего горизонта городищ, речь о которой шла выше, была свойственна самобытность, местное своеобразие, то куль-

⁷² А. Ф. Дубынин. Результаты работ Можайской экспедиции. КС, в. 94, 1963.

⁷³ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 15—21.

тура верхнего горизонта, напротив, несет на себе явные черты влияний со стороны западных соседей. Позднедьяковская культура существенно отличается от ранней прежде всего за счет верхнеднепровских, в том числе позднезарубинецких элементов. По ряду признаков она близка к мощинской и еще больше — к культуре смоленских городищ типа среднего слоя Тушемли.

Так же, как в мощинской культуре и на городищах Смоленщины, зарубинецкое влияние в дьяковских древностях сказалось прежде всего в керамическом материале. Неорнаментированная позднедьяковская посуда по формам и манере украшать венчик косыми насечками и «защитами» напоминает зарубинецкую. Вместе с ней появляется лощеная посуда верхнеднепровских типов. Такая керамика известна в верхних горизонтах культурного слоя на многих десятках дьяковских городищ. На Верхней Волге — это Топорок, Санниковское, Ивановское, Пекуновское, Прислон, Грехорученское, Березняковское и др. Такая же керамика характеризует верхние слои городищ, расположенных в бассейне верховьев р. Клязьмы, — Синьковского, Попелковского, Пирожной Горы. Хорошо выражены слои с этой керамикой на городищах в окрестностях Москвы — Дьяковском, Мамоновом, Барвихинском и мн. др.⁷⁴

Нужно отметить, что на керамике большинства дьяковских городищ зарубинецкие элементы представлены менее выразительно, чем на смоленской и мощинской. А в восточных частях Волго-Окского междуречья зарубинецкие черты почти не известны. Неорнаментированная керамика из верхнего слоя Минского городища около г. Костромы, Серюпитинского и Юрьевоцкого вблизи г. Юрьевца уже не походит на зарубинецкую.⁷⁵

Другими словами, здесь наблюдалось точно такое же явление, как и в области Верхнего Поднепровья: чем дальше от зарубинецких поселений, тем слабее ощущалось их влияние на местную материальную культуру. Следует думать при этом, что зарубинецкое влияние на дьяковскую культуру было преимущественно опосредованным. Его проводниками являлись не столько сами зарубинецкие племена, сколько восточные балты — мощинские и смоленские племена. В этих условиях зарубинецкие элементы в материальной культуре дьяковцев распространились с некоторым опозданием — не с момента расселения зарубинецких племен в бассейне р. Десны, а лишь во второй четверти и в середине I тыс. н. э. Именно к этому времени относятся находимые на дьяковских городищах вещи, происходящие из балтийской и зарубинецкой среды.

Роль верхнеднепровских балтов в сложении позднедьяковской культуры выявляется весьма отчетливо. Вместе с охарактеризованной выше керамикой на дьяковских городищах появляется характерный элемент культуры древних балтов — «грузики балтийского (дьякова) типа», такие же самые, как найденные на Тушемле или Троицком городище. В восточных частях дьяковской территории, — там, куда зарубинецкие элементы в керамике не распространялись, — грузики, как правило, не встречаются.

⁷⁴ А. А. Спицын. 1) Городища дьякова типа. ЗОРСА, т. V, в. 1, 1903; 2) Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, в. 1, 1905; Н. А. Смирнов. Раскопки в Клянинском уезде. ЗОРСА, т. V, в. 1, 1903; О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941; Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, в. III, 1937; В. И. Качанова. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. ТрМРМ, в. 5, 1954.

⁷⁵ Н. Н. Гуркина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, № 110, 1963, стр. 174, 179, 181; А. Д. Столяри и Л. П. Хлобыстин. Городища у д. Серюпитино. МИА, № 110, 1963; Л. А. Евтюхова. Описание раскопок Юрьевоцкого городища в г. Юрьевце на Волге. В сб.: Пятый год деятельности Иваново-Вознесенского общества краеведения, Иваново-Вознесенск, 1929.

То же самое можно сказать о находимых на городищах металлических изделиях, происхождение которых ведет нас в среду балтийских племен: фибулах, пирамидальных подвесках, вещах с эмалью. Отнюдь не случайно они составляют характерный элемент позднедьяковской культуры не на всей территории ее распространения, а лишь в западной и центральной ее частях. Балтийские элементы в культуре позднедьяковских городищ являются здесь бесспорными. Крупнейший знаток восточноевропейского «железного века» Х. А. Моора пришел к мысли, что в Верховьях Волги и западной части Волго-Окского междуречья «должны были обитать балты».⁷⁶

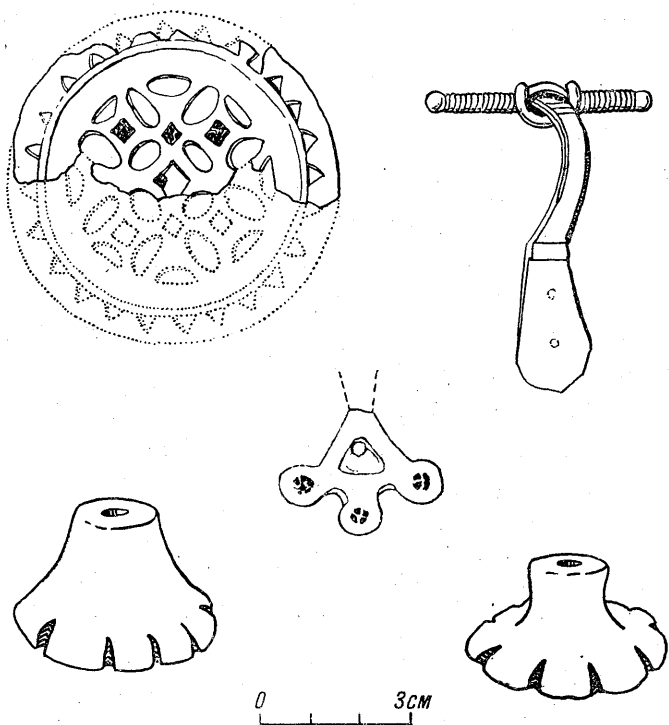

Рис. 68. Городище Березняки Ярославской обл. Вещи, характерные для культуры балтийских племен.

Я полностью присоединяюсь к мнению Х. А. Моора и полагаю, что в обстановке распространения в поречье Десны зарубинецких племен, в результате чего местные жители должны были покинуть значительные пространства, равные по площади среднему европейскому государству, какая-то часть балтов, а вместе с ними и зарубинецкий этнический элемент, неизбежно должны были проникнуть в западные и центральные части Волго-Окского междуречья, обусловив возникновение здесь этнически смешанной культуры.

Если бы в финно-угорской среде междуречья появились лишь железные орудия и бронзовые украшения, происходящие из Верхнего Поднепровья, это можно было бы объяснить торговыми связями. Но когда здесь распространяются чужие формы керамики и глиняные грузики, т. е. элементы культуры, явно не служившие в ту эпоху предметами торговли, необходимо допустить наличие этнической инфильтрации.

⁷⁶ Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1963, № 2, стр. 23.

С этой точки зрения я подхожу и к оценке материалов верхневолжского городища у д. Березняки, сравнительно хорошо сохранившегося и единственного в этой области исследованного целиком. На этом городище найдены обломки нескольких резко профилированных черных лощеных сосудов, сосуды, украшенные по венчику косой насечкой, и грузики дякова типа. Найдены две вещи с эмалью и единственная в Верхнем Поволжье арбалетовидная фибула с трапециевидным хвостом (рис. 68). Другими словами, западные элементы культуры представлены здесь весьма отчетливо, особенно если к ним присоединить знаменитый «домик мертвых» — находившуюся на площади городища маленькую постройку, служившую для хранения остатков трупосожжений. Мой оппонент Е. И. Горюнова, вероятно, права, считая этот «домик» (с его пятью-шестью захоронениями) «каким-то исключительным явлением, вероятно не соответствующим господствовавшему в этом крае погребальному обряду».⁷⁷ Но вместе с тем Е. И. Горюнова, стремящаяся отрицать западные черты в культуре Березняков, всячески пытается доказать, что «домик мертвых» является финно-угорским. Я же продолжаю настаивать, что его нужно связывать с большим кругом балто-славянских погребальных памятников — такими же точно домиками, но спрятанными под курганной насыпью. Культуру Березняков я рассматриваю как смешанную. Раньше, когда не были исследованы балтийские древности в области Верхнего Поднепровья, я особо подчеркивал в Березняках зарубинецкие (раннеславянские) черты.⁷⁸ В свете новых данных, после археологических исследований в Верхнем Поднепровье и бассейне Верхней Оки, особенно отчетливо выступает в Березняках роль восточнобалтийского элемента.

Очень интересным является вопрос о проникновении балтийских и раннеславянских (зарубинецких) элементов в среду финно-угорского, очевидно древнемордовского населения первой половины и середины I тыс. н. э. в поречье Средней Оки.

Это вопрос не новый. На днепровские и другие западные вещи, найденные в рязанских могильниках, не раз обращали внимание уже их первые исследователи. Об этом же писал А. М. Тальгрэн, увлеченный в свое время немецкими концепциями о благотворном влиянии готов на население Восточной Европы, в частности на финно-угорские племена.⁷⁹ В своей известной работе 1926 г., посвященной рязанским могильникам, П. П. Ефименко писал, что на западе от среднеокского финно-угорского населения обитали другие племена, в которых следует видеть «предков литовско-балтийской этнической группы, а может быть, и не разделенных с ними славян». Он указывал, что «рязанцы» заимствовали от этих племен вещи с эмалью, фибулы, черную полированную посуду, «напоминающую по виду посуду полей погребальных урн», и некоторые другие предметы.⁸⁰ Позднее А. П. Смирнов и А. Л. Монгайт еще раз возвращались к этому вопросу, также отвечая на него положительно.⁸¹ Они обратили внимание, в частности, на отдельные случаи погребений с трупосожжениями в рязанских могильниках, чуждые местному погребальному обычаю.

⁷⁷ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 75.

⁷⁸ П. П. Третьяков. Об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. СА, 1957, № 2.

⁷⁹ А. М. Тальгрэн. L'Orient et l'Occident dans l'âge du fer finno-ougrien. SMuA, XXXV, 3, 1924.

⁸⁰ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. МЭ, т. III, в. 1, 1926, стр. 81—82.

⁸¹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 139—155; А. Л. Монгайт. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. СА, в. XVIII, 1953, стр. 167—173.

Но точно так же, как по вопросу о Березняках, — и по тем же причинам — здесь переоценивался славянский элемент в среде окских финно-угров и одновременно недооценивалась роль восточных балтов.

Между тем, находимые в рязанских могильниках привозные вещи являются в значительной части балтийскими, происходящими как из Поднепровья, так и из Прибалтики. Непосредственные контакты у рязанских финно-угров могли быть лишь с верхнеднепровскими и верхнеокскими балтами, культура которых в это время была окрашена зарубинецким влиянием. Предметы северопричерноморские, в частности фибулы римских типов II—III вв. н. э., могли попадать на Среднюю Оку опять-таки через них. От них же была заимствована и черная лощеная керамика. Наконец, очень возможно, что отдельные могилы с трупосожжением, встречающиеся в ранних окских могильниках, также свидетельствуют о балто-финно-угорских контактах.

К этим вопросам я возвращусь ниже, когда речь пойдет об археологических данных второй половины I тыс. н. э., раскрывающих картину постепенной славянизации Волго-Окского междуречья, сначала его западной части, занятой в значительной мере восточными балтами, а затем восточной части, принадлежащей финно-уграм.

Картине инфильтрации восточнобалтийских племен в области западной части Волго-Окского междуречья, обрисованной на основании археологических данных, отнюдь не противоречат данные гидронимии. Как известно, балтийско-финно-угорская гидронимическая граница в этих местах очень неотчетлива. Отдельные балтийские гидронимы имеются в области Верхнего течения Волги, а на территории междуречья доходят на востоке до Москвы. Можно думать, что это является результатом проникновения отдельных групп балтов на финно-угорскую территорию в обстановке славянского (зарубинецкого) расселения.

ПЛЕМЕНА ПОДНЕПРОВЬЯ И ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Славяне и «великое переселение народов». Древности антов

1

Середина и третья четверть I тыс. н. э. были переломным периодом в судьбах древней Европы, рубежом двух исторических эпох — рабовладельческой и феодальной. Наряду с внутренними социально-экономическими процессами, прежде всего борьбой народных масс против рабовладельческих порядков, важнейшую роль в крушении рабовладельческих государств сыграли выступления «варварских» племен Европы и Азии, связанные с событиями «великого переселения народов». Они начались во II—III вв. н. э. с движения германских племен к северным рубежам рабовладельческого мира, одним из результатов чего было появление готов в Северном Причерноморье. В последующие столетия «великое переселение» достигло своего апогея. В конце IV в. в Европу проникли полчища гуннов, первой жертвой которых были аланские племена в Приазовье и готские «государства» в Северном и Северо-Западном Причерноморье. Вскоре гунны объединили вокруг себя огромные массы кочевников, подчинили своей власти население центральных областей Европы и повели борьбу против Римской империи. Владычество гуннов было сломлено лишь в середине V в. — вслед за неудачным для них сражением на Каталаунских полях.

После падения «державы» гуннов инициатива снова перешла к европейским племенам. В 476 г. под их ударами рухнула Западно-Римская империя, на месте которой возникли «варварские» германские государства. Спустя три-четыре десятилетия у северных пределов Балканского п-ова появились огромные массы славян — антов и склавинов. В течение последующего столетия они и пришедшие с востока авары вели широкое наступление на Восточно-Римскую империю, в ходе которого славянские племена заселили поречье Дуная и обширные области на Балканском п-ове, основав там свои первые государственные объединения. Движение аваров и расселение славян послужили заключительными этапами «великого переселения народов»; ими были нанесены последние решительные удары по рабовладельческому миру в Европе.

В сочинениях современников, посвященных балканским событиям VI—VII вв., содержатся первые вполне достоверные сведения о славянах, их расселении, жизни, быте и общественном строе. И казалось бы, что славянские древности этого времени не должны были составлять никакой загадки. В действительности же до самого последнего времени дело обстояло иначе. Как это ни удивительно, но бесспорные славянские древно-

сти третьей четверти I тыс. до н. э. — древности антов и склавинов — оставались неизвестными археологам ни в СССР, ни в других восточно-европейских странах.

Вопрос об археологических памятниках антов впервые был поставлен у нас А. А. Спицыным в 1928 г. Он обобщил многочисленные данные о предметах убора и украшения, найденных на территории Украины и относящихся к VI—VII вв. Нередко эти древности встречались в виде кладов. А. А. Спицын высказал предположение, что они принадлежали антам.¹ Оставалось, однако, неизвестным, с остатками каких поселений и с какими могильниками эти древности связываются. Вследствие этого вопрос об антах оставался в археологии открытым. Поиски их древностей — мест поселений и могильников — были главной задачей славянской археологии на протяжении трех десятилетий в 30—50-х годах. В ходе этих поисков было высказано много предположений и возникло немало споров.

В 30—40-х годах места поселений и могильники антов археологи пытались искать среди материалов славянской культуры роменского типа, распространенной в области днепровского Левобережья. Эта средневековая культура отличалась рядом архаичных черт, прежде всего своей грубой лепной керамикой. Она представлялась несравненно более примитивной, чем синхронная ей славянская культура правобережных областей Среднего Поднепровья. И предполагалось, что роменская культура относится не только к VIII—X вв., о чем говорили находки восточных монет и другой датирующий материал, но и к двум-трем предыдущим столетиям — к антскому времени. Наиболее определено по этому поводу высказывался Б. А. Рыбаков. Роменская культура рассматривалась им в качестве «периферийной, провинциальной культуры восточных окраин антской земли».²

В настоящее время совершенно очевидно, что попытки опустить нижнюю хронологическую границу известных тогда роменских городищ днепровского Левобережья до VI—VII вв. были ошибочными. Наиболее ранние городища этого типа относятся к VIII в., вероятно ко второй его половине. Но вместе с тем необходимо признать, что Б. А. Рыбаков и его единомышленники, характеризующие роменскую культуру как антскую, были чрезвычайно близки к истине. Теперь, когда славянские древности VI—VII вв. уже не составляют никакой загадки, является бесспорным, что роменская культура и культура антского времени были очень похожи и, самое главное, непосредственно друг с другом связаны. Точнее сказать, роменская культура представляла собой не что иное, как вариант антской культуры, переживший до IX—X вв. на востоке древнерусской территории.

Критика «антско-романских» взглядов Б. А. Рыбакова вследствие отсутствия необходимых фактических данных и ошибочных этногенетических концепций не пошла, однако, по нужному пути. Возглавивший ее И. И. Ляпушкин, много лет производивший исследование роменских городищ в Левобережье, правильно показал несостоятельность датировки этих древностей VI—VII вв. Но вместе с тем он сделал попытку распространить свои хронологические представления на восточнославянские древности в целом. И. И. Ляпушкин полагал, что ни на Левобережье Днепра, ни на Правобережье не имеется никаких достоверных следов славянской жизни до VIII в. Он допускал, что они найдутся лишь в западной части Правобережья, считал бесспорным наличие славянских древно-

¹ А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского, Л., 1928.

² Б. А. Рыбаков. 1) Анты и Киевская Русь. ВДИ, № 1 (6), 1939; 2) Ранняя культура восточных славян. ИЖ, 1943, № 11—12, стр. 79—80.

стей VI—VII вв. на Дунае, писал о древних славянах на территории Чехии и Польши. «Следует иметь в виду, — указывал И. И. Ляпушкин, — и еще одно весьма важное обстоятельство: все то, что говорили византийские хронисты про антское общество, относится к жизни славянского населения поречья Дуная и Балканского полуострова, а не района Среднего Поднепровья». ³ Всего этого вполне достаточно, чтобы понять концепцию автора, прямо не высказанную, но представленную все же весьма отчетливо. И. И. Ляпушкин исходил из представления, что славяне появились в Среднем Поднепровье очень поздно, не раньше VIII в. В этом состояла его коренная ошибка.

Поиски антских древностей шли не только по «роменскому», но и по другому — «черняховскому» направлению, восходящему к соображениям В. В. Хвойки о славянской природе черняховской культуры. Эту культуру, достигшую в свое время относительно высокого уровня (развитые земледелие, ремесло и торговля), исследователи пытались связывать с антами и рассматривать в качестве предшественника русской культуры киевского периода. То, что «классические» черняховские древности принадлежат к III—IV, может быть V в., нисколько не мешало этим попыткам. Ведь, по данным Иордана, анты обитали к северу от Черного моря не только в VI—VII, но и в IV в., т. е. в период наибольшего расцвета черняховской культуры (эпизод с Бозом и 70 знатными антами). Предполагалось, что в результате гуннского разорения, а в последующие века — движения антов на Дунай, облик их культуры неизбежно должен был несколько видоизмениться; их прочная оседлость в Среднем Поднепровье должна была нарушиться. Этим объяснялось отсутствие бесспорных антских древностей VI—VII вв., — точнее сказать, то, что они не были обнаружены археологами.

В течение ряда лет «черняховская теория» пользовалась широкой популярностью в советской археологии. Я не буду перечислять всех ее многочисленных последователей. Назову лишь себя, М. И. Артамонова, Б. А. Рыбакова (который допускал, что черняховская культура принадлежала группе передовых славянских племен), особенно же группу украинских археологов, возглавляемую Е. В. Махно и М. Ю. Брайчевским. Последнего можно назвать наиболее верным рыцарем «черняховской теории», не потерявшим своих привязанностей вплоть до недавнего времени. ⁴ Он по крупицам собирал археологические данные, позволяющие поставить вопрос об увязке черняховских древностей с древнерусскими.

В настоящее время можно не заниматься рассмотрением этих немногих данных, во всех случаях, как выяснилось, оказавшихся спорными, отнюдь не решающими поставленного вопроса. Благодаря многочисленным археологическим открытиям 50—60-х годов сейчас хорошо известно, что в конце IV и в V в., в период гуннских походов, жизнь на большинстве черняховских поселений оборвалась. Их население покинуло Среднее Поднепровье. Спустя столетие, а возможно и раньше, эти области были заняты новым населением, совсем не похожим на черняховское. Культура нового населения имела «предиоменский» облик; по морфологическим и стратиграфическим данным она являлась непосредственной генетической предшественницей культуры Киевской Руси. «Древности антов» — группа вещей,

³ И. И. Л я п у ш к и н. 1) О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, в. IX, 1947; 2) Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. ВЛУ, № 20, 1956, стр. 59 и сл.

⁴ Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, стр. 30—89; П. Н. Т р е т ь я к о в. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 156—179; М. Ю. Б р а й ч е в с к и й. Основные вопросы археологического изучения антов. Доклады VI научной конференции Института археологии, Киев, 1953; М. Ю. Б р а й ч е в с к и й. 1) Про етнічну приналежність черняхівської культури. Археологія, X, 1957; 2) Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964.

определенная в свое время А. А. Спицыным, — принадлежали именно к этой культуре. Теперь это наименование можно освободить от кавычек.

Обнаруженные за последнее время древности VI—VII вв. — остатки поселений с жилищами-полуземлянками и могильники с трупосожжениями — оказались во всех тех местностях, где по историческим данным должны были обитать в то время славяне: анты и склавины. Изучение этих древностей раскрывает картину сельского земледельческого быта, в основных чертах такого же самого, какой через два-три столетия будет свойствен средневековой славянской деревне. И письменные и археологические данные свидетельствуют, что в это время — в третьей четверти I тыс. н. э. — славянские племена повсюду порывали с родовым строем, в их среде возникло классовое общество раннефеодалного характера. В основе этих процессов лежали, очевидно, глубокие изменения в хозяйственной жизни, прежде всего в системе земледелия и землепользования. Именно это обстоятельство сыграло, по-видимому, определяющую роль в ходе славянского расселения на юг. К Черному морю и на Балканы в VI—VII вв. двигались отнюдь не первобытные орды, стремившиеся лишь к грабежу, а организованные массы земледельцев, возглавляемые военными дружинами и первыми славянскими князьями. Их имена в ряде случаев сохранились в сочинениях древних авторов. Древнейшая славянская государственность на Балканском полуострове была подготовлена социально-экономическим развитием славянских племен в пределах их старых областей.

Впервые на территории Украины славянские древности третьей четверти I тыс. н. э. были обнаружены еще в конце прошлого столетия. Их нашел С. С. Гамченко, производивший археологические исследования на Волыни около Житомира, в области верхнего течения рек Тетерева и Случи. Но в то время эти древности — городища, места поселения и могильники — не получили правильной оценки и не привлекли к себе должного внимания. О работах С. С. Гамченко вспомнили лишь недавно, после того как в разных частях Украины, в Румынии, Болгарии, Чехословакии и Польше стали выявляться в большом числе аналогичные древности.⁵

Главными археологическими признаками культуры древних славян в центральной и южной частях Восточной Европы являются: расположение поселений в низких местах, нередко на незначительных всхолмлениях в пределах поймы; жилища прямоугольной формы, углубленные в землю, с очагами или печами-каменками в одном из углов; грубая глиняная посуда ручной лепки и могильники с трупосожжениями, сменяемые в рамках VI—VIII вв. курганами, содержащими по несколько трупосожжений. В VII—VIII вв., накануне средневековья около поселений иногда устраивались укрепленные убежища — городища. В VIII в., в его второй половине, на смену лепной керамике постепенно приходит гончарная с линейным и волнистым орнаментом.

Таковыми признаками характеризуются славянские древности на Волыни и в Киевском Полесье, где работы С. С. Гамченко успешно продолжает в последнее время И. П. Русанова (рис. 69). Около с. Корчак вблизи Житомира она исследовала большое селище с десятками полуземлянок. Подобные же поселения открыты в пределах Киева, на горе Киселевке и в других местах, а также в нескольких пунктах по течению р. Роси. В бассейне р. Гнилопяти, притока Тетерева, группа древних славянских поселений была найдена В. К. Гончаровым в окрестностях известного средневекового Райковецкого городища. Большое поселение с многочисленными землянками и разнообразными находками последних веков I тыс. н. э. было исследовано недавно на правом берегу Днепра около г. Канева. Большая

⁵ В. П. Петров. Памятники корчакского типа. МИА, № 108, 1963.

часть глиняной посуды, происходящей из этого поселения, сделана без помощи гончарного круга.⁶

Много подобных древностей древней славянской культуры имеется по правым (южным) притокам Припяти. Поселения обычно располагаются здесь на небольших песчаных всхолмлениях в пределах поймы или по краю невысоких надпойменных террас. Иногда рядом с поселениями, насчитывающими десятки землянок прямоугольной формы, располагаются небольшие округлые городища — убежища. Два таких городища с примыкающими к ним поселениями были исследованы Ю. В. Кухаренко у с. Бабка на р. Стыри и у с. Хотомель в низовьях р. Горыни. Ю. В. Кухаренко была составлена карта археологических памятников VI—VIII вв., известных на территории украинского Полесья, насчитывающая свыше 60 пунктов — мест поселений, курганов, могильников, городищ.⁷

Еще западнее славянские древности VI—VIII вв. имеются в ряде пунктов в области верхнего течения Днестра и Западного Буга. Здесь распо-

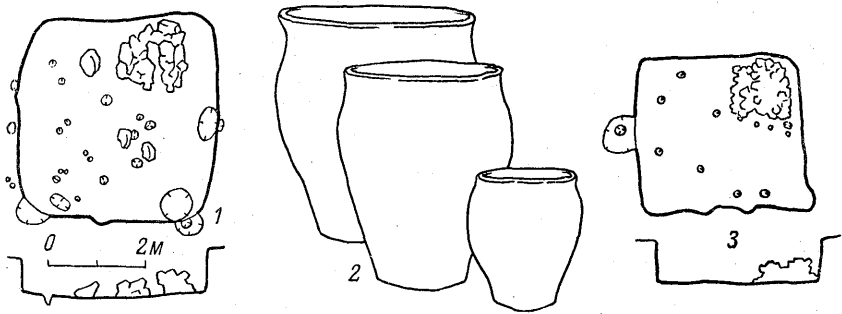

Рис. 69. Древности типа Корчак. Основание землянок, открытых на селище у с. Корчак (1, 3), и глиняные сосуды (2) (по И. П. Русановой).

ложены такие получившие широкую известность поселения, как Рипнев (I—II), Плесненск (нижний слой), Незвиско, Зимно и др. Они примыкают к аналогичным славянским древностям Прикарпатья — северного, на территории Южной Польши, и восточного, на территории Молдавии и Румынии. И там во многих местах известны остатки славянских поселений с полуземлянками и лепной керамикой, а также могильники с трупосожжением VI—VIII вв.⁸

В последние годы большая группа славянских древностей исследована в нижнем течении р. Тясмина. Особенно значительные раскопки произведены здесь Д. Т. Березовцом у с. Пеньковки и В. П. Петровым у с. Стецовки.⁹ К группе тясминских поселений следует отнести также известное Пастерское городище (верхний слой), впервые исследованное В. В. Хвойкой в начале нашего столетия, откуда происходит большое количество

⁶ И. П. Русанова. Поселение у с. Корчак на р. Тетерева. МИА, № 108, 1963, стр. 39—50; В. К. Гончаров. Лука Райковецкая. Там же, стр. 283—315; Г. Г. Мезенцева. Канівське поселення полян. Київ, 1965.

⁷ Ю. В. Кухаренко. 1) Средневековые памятники Полесья. САИ, в. Е1-57, 1961; 2) Памятники пражского типа на территории Приднепровья. СА, т. VII, 1960.

⁸ В. Д. Баран. Раннеславянское поселение у с. Рипнево (Рипнев II) на Западном Буге. МИА, № 108, 1963; В. В. Аulich. Славянское поселение у с. Рипнево (Рипнев I) Львовской области. Там же; Г. И. Смирнова. Раннеславянское поселение в с. Незвиско Станиславской области. Исследования по археологии СССР, (Сборник в честь М. И. Артамонова), Л., 1961; M. D. Matei. Contribuții arheologice la istoria orașului Suceava, București, 1963; В. А. Башилов. Раннеславянское жилище на поселении у с. Хански в Молдавии. МИА, № 108, 1963.

⁹ Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, № 108, 1963, стр. 145—208; В. П. Петров. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. Там же, стр. 209—233; Н. В. Липка и А. М. Шовкопляс. Раннеславянское поселение на р. Тясмине. Там же, стр. 234—242.

металлических украшений VII—VIII вв. Из них многие характерны для древностей антов. В последние годы М. Ю. Брайчевским на Пастерском городище исследованы остатки нескольких прямоугольных жилищ-полуземлянок.¹⁰ В своих предыдущих работах я уже не раз указывал, что поселение VII—VIII вв., расположенное на Пастерском городище, является в своей основе славянским. Но это было не рядовое сельское посе-

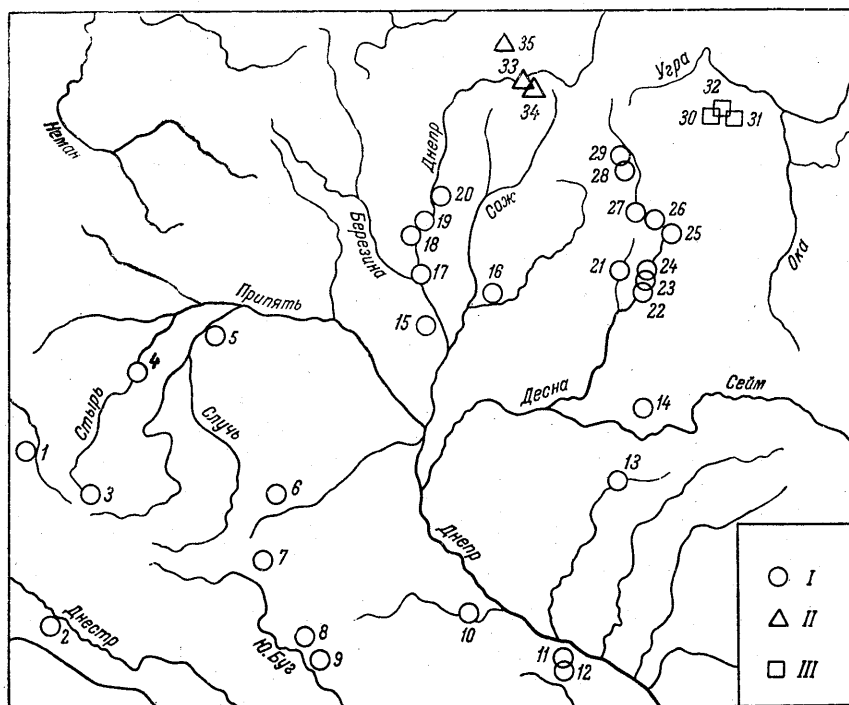

Рис. 70. Схема распространения славянских древностей VI—VIII вв. н. э. в области Среднего и Верхнего Поднепровья.

I — раннеславянские поселения и могильники (VI—VIII вв.); *II* — древности со славянскими элементами в области верховьев Днепра, *III* — балто-славянские древности в бассейне р. Угры (указаны наиболее известные пункты): 1 — Рипнев I и II, 2 — Незвиско, 3 — Плесенск, 4 — Бабка, 5 — Хотомель, 6 — Корчак, 7 — Райки, 8 — Самчицы, 9 — Семенки, 10 — Сахновка, 11 — Пеньковка, 12 — Стецовка, 13 — Артюховка, 14 — Волокитино, 15 — городище Колочин, 16 — Демьянки, 17 — Ольба, 18 — Нижняя Тошица, 19 — Новобыховский могильник, 20 — Абидня, 21 — Посудичи, 22 — Кветунь, 23 — Макча, 24 — Усох, 25 — Белокаменка, 26 — Хотьлево, 27 — Смольянь, 28 — Жуковка, 29 — Владимировское городище, 30 — Дубровка, 31 — Мощинское городище, 32 — Шаньково и Почепок, 33 — Демидовское городище, 34 — Лахтевское городище, 35 — Акатовский могильник.

ление, а крупный для своего времени центр ремесла и торговли, «эмбрион средневекового города». Керамика Пастерского городища, ставшая известной лишь после раскопок М. Ю. Брайчевского в конце 40-х годов, является весьма разнообразной. Кроме славянской лепной посуды, такой же, какая происходит из соседних земледельческих поселений, здесь встречена гончарная керамика, приближающаяся к салтовской, принадлежащая кочевническим племенам днепровского Левобережья и Подонья.

Тясминская группа, насчитывающая более 20 поселений, хорошо датируется VII—VIII вв. благодаря находкам металлических украшений из-

¹⁰ М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастерском городище в 1949 г. КС, в. XXXVI, 1951; М. Ю. Брайчевский. Нові розкопки на Пастирському городищі. АП, т. V, 1955.

вестных типов. Возможно, что наиболее ранние из поселений (Молочарня, Луг I) восходят к VI в.

Группы славянских древностей третьей четверти I тыс. н. э. — волынская (типа Корчак), тясминская и другие, речь о которых пойдет ниже (рис. 70), — отнюдь не отражают подлинной картины расселения славянских племен в Приднепровье. Эти группы появились в результате неравномерной изученности территории Украины. Волынская группа — это памятники, обнаруженные в районе работ С. С. Гамченко, Ю. В. Кухаренко и И. П. Русановой. Тясминскую группу составляют древности, открытые во время археологических работ по обследованию зоны затопления Кременчугской ГЭС. Ниже по Днепру, в районе Надпорожья, имеется еще одна группа древностей, насчитывающая около 20 памятников. Они были открыты и обследованы А. В. Бодянским — исследователем археологических памятников, находящихся в зоне Днепрогэса. В ряде пунктов А. В. Бодянским были обнаружены прямоугольные, углубленные в землю жилища с печами-каменками, керамика, близкая посуде тясминских поселений, фибулы пастерского типа и пальчатые, а также остатки нескольких могильников с трупосожжениями. Краткие сведения об этих находках опубликованы Д. Т. Березовцом в работе, посвященной тясминским поселениям.¹¹ Одно из надпорожских поселений, расположенное у Яцевой балки, было исследовано в 50-х годах А. Т. Брайчевской, открывшей остатки нескольких жилищ-полуземлянок. Остатки такого же жилища были исследованы Д. Я. Телегиным у с. Дереевки. Там была найдена весьма архаичная (VI в.?) биконическая керамика.¹²

Можно предполагать, что в это время славянские племена обитали не только по Правобережью Днепра, но и в области днепровского лесостепного Левобережья. Как уже указывалось, в течение ряда лет здесь производил археологические исследования И. И. Ляпушкин, обнаруживший и исследовавший многие десятки памятников древней культуры — скифских, черняховских, славянской (роменской) культуры VIII—X вв. и более поздних средневековых.¹³ Славянских древностей третьей четверти I тыс. н. э. он не отыскал. Но о славянском населении третьей четверти I тыс. н. э. в лесостепном Левобережье говорят многочисленные находки бронзовых предметов VI—VIII вв., которые А. А. Спицын определил в качестве древностей антов. На Правобережье эти вещи связываются с охарактеризованными выше славянскими поселениями. На Левобережье их найдено значительно больше, так как здесь они обычно встречаются в виде кладов. Широко известны такие клады, как Колосковский с верховьев р. Оскол, Новый Суджанский с р. Суджи, притока Псла, или Нижнесироватовский из тех же мест (рис. 74). Интересно, что Новый Суджанский клад был найден «на низком берегу р. Суджи на невысоком останце», т. е. в таких условиях, какие были характерны в VI—VII вв. для поселений славян.¹⁴ Очевидно, здесь, на границе со степью, обстановка была более напряженной, чем в Правобережье, и люди часто были вынуждены прятать свои ценности в землю и, вероятно, менять места своих поселений. Отсюда — отсутствие селищ с мощными культурными наслоениями. К вопросу о славянских памятниках в Левобережье я еще вернусь ниже, когда речь пойдет о соответствующих древностях в бассейне р. Десны.

¹¹ Д. Т. Березовец. Поселения улечей на р. Тясмине, стр. 194—200.

¹² А. Т. Брайчевская. Поселение у балки Яцевой в Надпорожье, МИА, № 108, 1963, стр. 251—282; Д. Я. Телегин. Археологические работы на территории Каневской ГЭС в 1960 г. КСИАУ, в. 12, 1962.

¹³ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961.

¹⁴ А. А. Спицын. Древности антов; Б. А. Рыбаков. 1) Древние русы. СА, в. XVII, 1953; 2) Новый Суджанский клад антского времени. КС, в. XXVII, 1959, стр. 75.

Новейшим открытием в области славянских древностей на территории Украины являются поселения VI—VIII вв., отысканные и исследованные П. И. Хавлюком в верхнем и среднем течении Южного Буга. Здесь также найдено много жилищ-полуземлянок и разнообразные предметы обихода, орудия труда и украшения. Поселения и здесь располагаются низко у воды, иногда на речных островах. Бронзовое изображение льва, относящееся к предметам типа известного Мартыновского клада, найден-

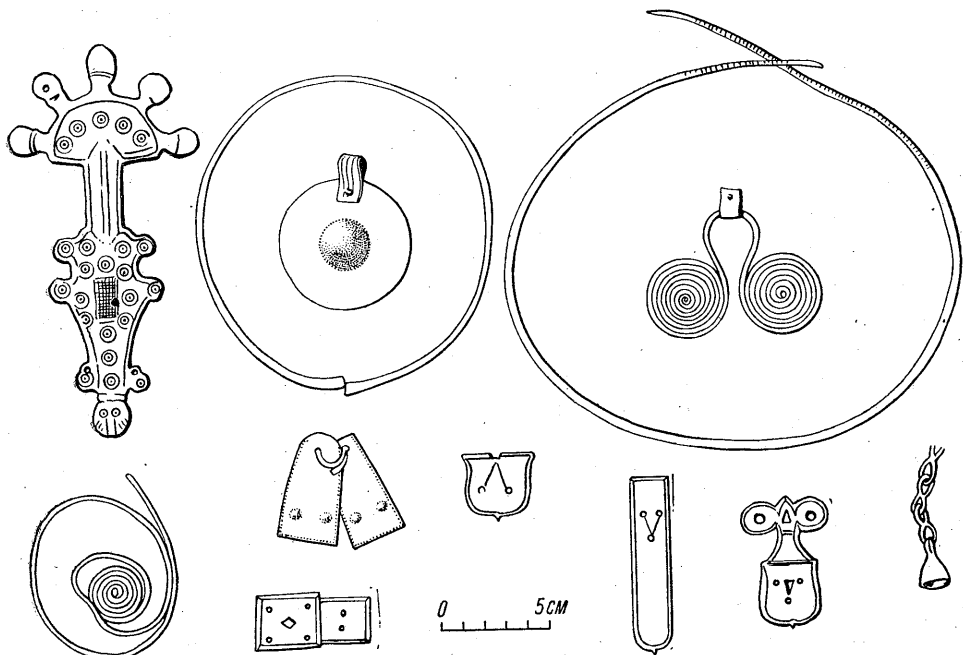

Рис. 71. Новый Суджанский клад. Образцы украшений.

ное в одной из землянок на острове Мытновском, привело П. И. Хавлюка к мысли, что наиболее древние славянские памятники в Побужье должны быть датированы ранним временем — V—VI вв. н. э. Если дата V в. является спорной, так как время Мартыновского клада точно не установлено, то VI в. представлен в побужских поселениях уже несколькими бесспорными предметами (бронзовый браслет с гранеными расширенными концами, пряжки). Автор раскопок, конечно, прав, связывая свои памятники с племенами славян-антов.¹⁵ Подобного же рода древности и так же датированные, как я уже упомянул, имеются в междуречьи Днестра и Прута, а также в ряде мест на территории Румынии, где исследованы и поселения, и обширные могильники. Все это — остатки культуры славян-антов, грозной тучей нависших тогда над северными провинциями Византийской империи. Им принадлежал исследованный И. Нестором огромный могильник у Сарата-Монтеору в Румынии — самый крупный славянский могильник этого времени. Анты принесли свою культуру и на левый берег Дуная, о чем говорят материалы раскопок Ж. Н. Выжаровой в с. Попине на территории Болгарии.¹⁶

¹⁵ П. И. Хавлюк. 1) Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья. СА, 1961, № 3; 2) Раннеславянские поселения Семенки и Самчицы в среднем течении Южного Буга. МИА, № 108, 1963.

¹⁶ I. Nestor și E. Zagaria. Săpăturile de la Sărata-Monteoru. MCA, IV, 1957, стр. 178; V, 1959, стр. 511; VI, 1959, стр. 509; VII, 1961, стр. 171; Ж. Н. Выжарова. Славянски и славянобългарски селища в Българските земи VI—XI век. София, 1965.

Выявление и изучение многочисленных славянских поселений и могильников, относящихся к третьей четверти I тыс. н. э., явилось крупнейшим завоеванием славянской археологии за последние десятилетия. В этом разделе археологического знания, охватывающем один из наиболее интересных периодов древней жизни славянских племен, раздвинулись пределы бесспорного и сузилась область гипотез и дискуссий. Вместе с тем перед наукой встали на очередь новые задачи. Центральное место среди них занимают поиски истоков этой новой для археологии культуры, современницы Иордана, Прокопия и Маврикия Стратега.

Славянская культура VI—VIII вв. отличалась простотой и вместе с тем яркой самобытностью. Она не могла сложиться ни в среде черняховских, ни в среде близких им других среднеевропейских племен, обитавших вдоль северных рубежей римских провинций. Что бы ни произошло с этим периферийно-римским населением в гуннское время и в годы падения Рима, как бы ни изменилась в этих условиях его культура, оно неизбежно должно было сохранить хотя бы некоторые свои старые черты. В славянской культуре VI—VIII вв. нет никаких следов периферийно-римского, черняховского происхождения; она развивала совершенно иные традиции, чуждые населению римской периферии. Очевидно, славянские племена во второй четверти I тыс. н. э. жили к северу от черняховского и близкого ему населения, употреблявшего серую лощеную керамику и другие изделия, характерные для окраин римского мира. Если же некоторые из них и оказались в то время в сфере влияния периферийно-римских культур, — что вероятно для обитателей северной зоны украинской лесостепи и особенно поречья Вислы, — то они составляли несомненно меньшинство и, очевидно, скоро расстались с этими наносными элементами, чуждыми родной культуре и местной экономике.

Где же лежала та северная территория, из пределов которой на последних этапах «переселения народов» славяне начали свое великое движение на юг, сыгравшее крупнейшую роль не только в их истории и этногении, но и в исторических судьбах Европы в целом? Где, в каких условиях и на каких основаниях сложилась культура, характеризующая славянские племена, распространившиеся в VI—VII вв. на огромных пространствах Северо-Западного Причерноморья и бассейна Дуная? Попытки ответить на эти вопросы, проявившиеся в последнее время в археологической литературе, выявили две основные точки зрения, два подхода, отражающих разные представления о путях этногенического процесса в Европе в I тыс. н. э.

Одна точка зрения на поставленные выше вопросы была высказана недавно И. И. Ляпушкиным в статье «К вопросу о культурном единстве славян». Им всесторонне подчеркивается тот факт, что славянские древности VI—VIII вв., обнаруженные на территории Украины, в Чехословакии, Румынии и других странах, «не только близки, но в некоторых случаях просто ничем не отличаются друг от друга». Это свидетельствует, по его мнению, об общности происхождения всех этих славянских племен. «Только общностью происхождения и длительной совместной жизнью на сравнительно небольшой территории можно объяснить сложение целого комплекса таких устойчивых черт в этой археологической культуре, как полуземляночный тип жилища с печами-каменками или печами из глины, захоронение по обряду трупосожжения, определенный набор лепных сосудов (горшки, миски, сковородки) и т. д.»

Где находится территория, из пределов которой расселились славяне в VI—VII вв., остается И. И. Ляпушкину не известным, но «можно думать, — говорит он, — что ранние этапы жизни славян (не известные

нам пока по археологическим данным) протекали где-то на территории пограничья лесостепи и леса». И. И. Ляпушкин указывает далее на то, что по соседству с лесостепной группой славян, послужившей исходным материалом для великого славянского расселения к югу, обитала их северная группа — лесная. «К сожалению, — продолжает И. И. Ляпушкин, — в северной, лесной полосе мы пока не знаем отчетливо выраженных славянских археологических комплексов второй половины I тысячелетия н. э., что позволило бы нам с такой же уверенностью ставить затронутый вопрос в отношении северной группы, как мы это делаем в отношении южной. Однако следует заметить, что памятники северной (лесной) группы восточных славян также имеют сходство с памятниками северной группы западных славян (территории Польши и Чехословакии)».

Я не знаю, какие северные восточнославянские памятники раннего времени имеет в виду И. И. Ляпушкин, они в работе не названы. Но из последнего отрывка можно понять, что искомая исходная «небольшая территория» древних славян, на которой жили в лесостепной части южные племена, а в лесной — северные, по мнению И. И. Ляпушкина, находилась скорее где-то в западной части современных славянских земель.¹⁷

С представлениями такого рода никак невозможно примириться. Они основываются на разобранных мной выше старых, до крайности примитивных взглядах на процесс славянского этногенеза, давно оставленных славяноведением. У И. И. Ляпушкина древние славяне оказываются в странном, совершенно исключительном положении, отличающемся от судьбы всех других индоевропейских групп — германской, кельтской, балтийской, иранской и т. д. Все эти группы начали свою историю очень давно, еще в глубинах II тыс. до н. э., они сумели проделать большой и сложный путь исторического и этногенического развития, обладали обширными территориями, границы которых неоднократно менялись. Каждая из этих этнических групп в результате дифференциации, неизбежной при первобытном строе, вступила в ранний «железный век» в составе нескольких родственных, но все же отличавшихся друг от друга локальных подразделений, что дало разные археологические культуры. Процессы интеграции, характерные для последующего периода истории, основным содержанием которого был распад родового строя и связанных с ним политических институтов, протекали в Европе в сложных условиях «переселения народов», которое в одних случаях стимулировало, а в других — сдерживало эти процессы.

А древние славяне — по И. И. Ляпушкину — жили, оказывается, совсем иначе. Вплоть до середины I тыс. н. э. они якобы сохранили свою древнюю общность, успешную подразделиться лишь на лесостепной и загадочный лесной варианты. Они жили на небольшой территории, были, следовательно, небольшим племением, археологические памятники которого до сих пор не обнаружены. И это говорится о славянах, которые через столетие превратились в хозяев почти половины Центральной и Восточной Европы! И как можно представить себе, что обитатели небольшой территории за короткий срок расселились по огромным пространствам, повсюду или в большинстве случаев составляя при этом большинство, определяющее этногенический процесс?

Я не буду развивать дальше эту тему, которая уже неоднократно затрагивалась выше. Мне думается, что исходная территория, с которой после середины I тыс. н. э. началось великое славянское движение на юг, была обширной. Это была область позднезарубинецкой культуры в Подне-

¹⁷ И. И. Л я п у ш к и н. К вопросу о культурном единстве славян. Исследование по археологии СССР. (Сборник в честь М. И. Артамонова), Л., 1961, стр. 208—209.

провье и пшеворской в Повисленье. Движение славян, включившихся в «переселение народов», шло на широком фронте и на западе, и на востоке. Общие черты культуры расселившихся на юг славянских племен не были чем-то исконным, а появились в результате энергично протекавшей в это время в славянской среде культурно-этнической интеграции. Распад первобытных порядков в области экономики и социального строя предопределили этот процесс еще на исходной территории. Условия расселения, историческая обстановка, с ним связанная, — в частности, столетняя война с Византией и борьба с аварами, — на первых порах лишь способствовали этому процессу. Славянские племена перемешивались, люди из разных местностей жили и переселялись вместе. Лишь впоследствии, когда расселение завершилось и отдельные группы славянства стали строить свою жизнь и свою молодую государственность в различных исторических условиях и при наличии разного этнического субстрата и окружения, процессы дифференциации снова взяли верх, результатом чего было формирование трех больших групп славянских народностей: западной, восточной и южной.

Чтобы убедиться, что дело обстоит именно так, а не иначе, следует обратиться, однако, к фактическому материалу и произвести сравнение славянских древностей VI—VIII вв., происходящих из разных частей Центральной и Восточной Европы. Это позволит решить вопрос, настолько ли велика была в то время общность славянской культуры, как это утверждает И. И. Ляпушкин. При этом археологические материалы следует сравнивать не столько в широтном направлении, — с севера на юг, — по которому двигались древние славяне, сколько в долготном, чтобы уловить вариации культуры, свойственные различным областям в пределах древней славянской территории. К сожалению, возможностей для сопоставлений имеется немного. Остатки жилищ-полуземлянок — квадратные ямы с очагами в углу — сохраняют в большинстве случаев совсем мало деталей, по которым можно было бы судить о конструктивных особенностях построек. Остаются погребальный обряд, несколько варьирующий в разных областях, немногочисленные предметы убора и украшения и, наконец, наиболее массовый материал — керамика. Ее ценность как элемента культуры, отражающего этническое своеобразие, определяется тем, что славянская керамика в VI—VIII вв. изготовлялась преимущественно ручным способом в домашних условиях. Такое гончарство из поколения в поколение передавало местные традиции.

Одним из первых исследователей, определивших характер славянских древностей третьей четверти I тыс. н. э., был чехословацкий археолог И. И. Борковский.¹⁸ Он установил, что в Чехословакии и других областях Средней Европы имеются остатки славянской культуры, предшествовавшей средневековью. Керамика, для нее характерная, вошла в литературу под наименованием посуды пражского типа (рис. 72). Теперь эта культура, восходящая к середине I тыс. н. э., хорошо известна во многих местностях Чехословакии. Она представлена остатками поселений с прямоугольными полуземлянками, расположенных на низких местах по берегам рек, могильниками с трупосожжением — бескурганными и курганными — и несколькими городищами. Особенный интерес представляет комплекс древностей у пос. Пшитлуки в Южной Моравии, исследованный в 50-х годах И. Поуликом. Он состоит из остатков поселения, расположенного на низком берегу р. Дьи, и большого могильника с трупосожжениями в урнах — курганного и бескурганного.¹⁹

¹⁸ I. B o r k o v s k ý. 1) Nejstarší slovanská keramika ze středních Čach. Památky, XLII, 1936—1938; 2) Staroslovanská keramika ve střední Evropě. Praha, 1940.

¹⁹ I. P o u l i k. Nové slovanské výzkumy na Moravě. VPS, I, 1956, стр. 241—242.

Племена Моравии накануне объединения их в «государство» Само были носителями именно этой культуры. Она была современницей Аварского каганата. В славяно-аварском могильнике Девинска Нова Вєсь на левом берегу Дуная, около Братиславы, исследованном Я. Айзнером, во множестве представлена характерная посуда пражского типа. Не подлежит никакому сомнению, что эта раннеславянская культура составила основу, на которой впоследствии, в IX—X вв., выросла культура Великоморавской державы и Древнечешского государства.

Результаты исследований чехословацких археологов привлекли к себе всеобщее внимание. Они немало способствовали изучению славянской культуры VI—VIII вв. в других странах. Нередко при этом исследователи

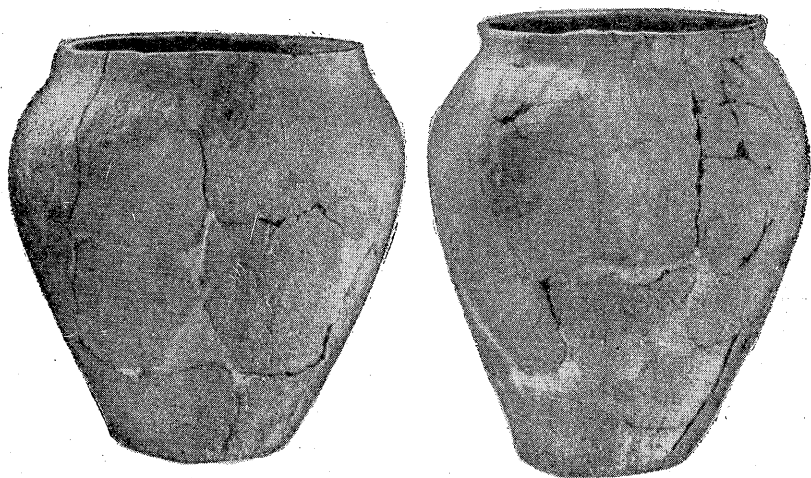

Рис. 72. Сосуды пражского типа. Велатицы около Брно, Чехословакия (по И. И. Поулику).

называли «пражским типом» любые славянские древности этого времени, характеризующиеся лепной керамикой. Так поступил, например, Ю. В. Кухаренко в отношении древностей Украинского Полесья.²⁰ Так же поступил И. И. Ляпушкин в указанной выше работе.

Такое «расширительное» понимание культуры пражского типа является, однако, совсем не правомерным. Керамика пражского типа в Чехословакии имеет весьма характерную профилировку: узкое дно, выпуклые, расширяющиеся кверху высокие стенки, округлые плечики и невысокое суженное горло с вертикальным или чуть отогнутым наружу венчиком (рис. 72, 73). Эти черты повторяются на десятках и сотнях сосудов; отклонения встречаются как исключение. От керамики ручной лепки нельзя ожидать большего морфологического однообразия.

Керамика пражского типа имеется в нескольких пунктах на территории Польши, в частности в могильнике у Миендзыборова на Висле, около Варшавы, который и по деталям погребального обряда близок чехословацким древностям. На посуду пражского типа похожи находки из Олевина, из Злоты около Сандомира в области верхнего Повисленья и др. Подобные же находки сделаны в среднем течении Эльбы.²¹

²⁰ Ю. В. Кухаренко. Памятники пражского типа на территории Приднепровья.

²¹ W. Bernat. Wczesnosredniowieczne cmentarzysko cialopalne w miejsc Miedzyborow. WA, XXII, 1, 1955, стр. 81—81; J. Marciniak. Przyczynki do zagadnienia ciagłości osadnictwa na ziemiach polskich w swietle badan wykopalickowych w Zlotey w pow. sandomierskim. WA, XVI, 1939—1948; стр. 234; W. Hoff-

В других случаях лепная керамика VI—VII вв., известная в Польше, отличается несколько иными пропорциями и формами. Такова, например, посуда из городища VI—VII вв. у Боникова, из Кленец на Одере, из славянского поселения в Бискупине, исследованного З. Раевским, и из многих других мест.²²

Сейчас собрано еще далеко не достаточно данных, чтобы решать вопрос о происхождении и времени возникновения посуды пражского типа. Но бесспорно, что в Польше эта посуда была распространена далеко не у всех, а лишь у части славянских племен VI—VII вв.

Здесь следует еще указать, что оба типа раннеславянской керамики в Польше — пражский и иной — заметно отличались от посуды германских племен того же времени, несмотря на то что во многих местностях к западу от Вислы славяне и германцы жили в то время чересполосно. Это хорошо видно хотя бы на археологической карте, составленной К. Яджевским.²³

Если же обратиться к древностям Украины, то здесь посуда, близкая к пражскому типу (но не идентичная ей), встречается лишь в Поднестровье и на Волыни. Она представлена, например, на селищах около Луки Райковецкой и кое-где в культуре типа Корчак около Житомира. В значительном числе случаев славянская керамика третьей четверти I тыс. н. э. имеет здесь иные пропорции и формы, в частности отчетливо профилированную шейку с отогнутым наружу венчиком. Посуда эта близко напоминает более древнюю зарубинецкую. Наряду с ней нередко встречаются широкогорлые тюльпановидные формы сосудов, особенно характерные для нижних слоев Ришнева.

Еще меньше общего с культурой пражского типа обнаруживают древности Приднепровья — бассейна рек Роси и Тясмина, а также области Надпорожья. Особенно отчетливо выступает здесь большая серия биконических сосудов с хорошо выраженным или сглаженным ребром. Такие формы встречаются и на Волыни, но очень редко. В Приднепровье имеются также тюльпановидные сосуды с широко раскрытой горловиной. Большинство же сосудов и здесь похоже на зарубинецкие. Точно такие же формы сосудов — биконические, тюльпановидные и близкие зарубинецким — характерны для славянской керамики VI—VIII вв. из области верхнего и среднего течения Южного Буга. На рис. 73 мной даны для сравнения характерные формы сосудов из Чехословакии, Польши и разных областей Украины. Нетрудно убедиться, что они далеко не идентичны.

Различными являются также и бронзовые изделия, происходящие из славянских поселений Средней Европы и Украины. Для первых характерны украшения так называемых кестельских (славяно-аварских) типов. Для территории Украины характерны бронзовые изделия совсем иного облика — «древности антов», речь о которых уже шла выше.

То, что славянская керамика и бронзовые изделия третьей четверти I тыс. н. э. на западе и в пределах Украины представлены различными формами, не раз отмечалось в румынской археологической литературе. Вот уже ряд лет румынские археологи широко обсуждают вопрос о колонизации славянами поречья Дуная и Трансильвании, останавливаясь,

m a n n. Die frühslawischen Brandgräberfelder im mittlern Elbgebiet. PZ, XXXVII, 1959.

²² Z. H i l c z e r ó w n a. Early Mediaeval Fort in Bonikowo, District Kościan (Great Poland). AP, V, 1962; Z. A. R a j e w s k i. Gród staropolski na półwyspie jeziora biskupińskiego. Gród prastowiański w Biskupinie w powiecie znińskim. Poznań, 1958, стр. 68, 92.

²³ K. J a ź d ź e w s k i. Wzajemny stosunek elementów słowiańskich i germańskich w Europie środkowej w czasie od najósiej honów aż do usadowienia się awarów nad środkowym Dunajem. In: Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łódzi, Seria archeol., № 5, 1960.

в частности, на роли в этом процессе славянских племен из Поднепровья и Поднепровья. Пытаясь определить восточное (днестровско-днепровское) или западное происхождение тех или иных древностей (что, конечно, очень непросто), И. Нестор, М. Комша и другие исследователи исходят из деталей погребального обряда, форм предметов убора и украшения, особенно же из форм керамики, различая пражский и житомирско-корчакский ее типы.²⁴ Сейчас еще рано подводить итоги этого обсуждения, тем более что материалы Украины, недавно опубликованные, были из-

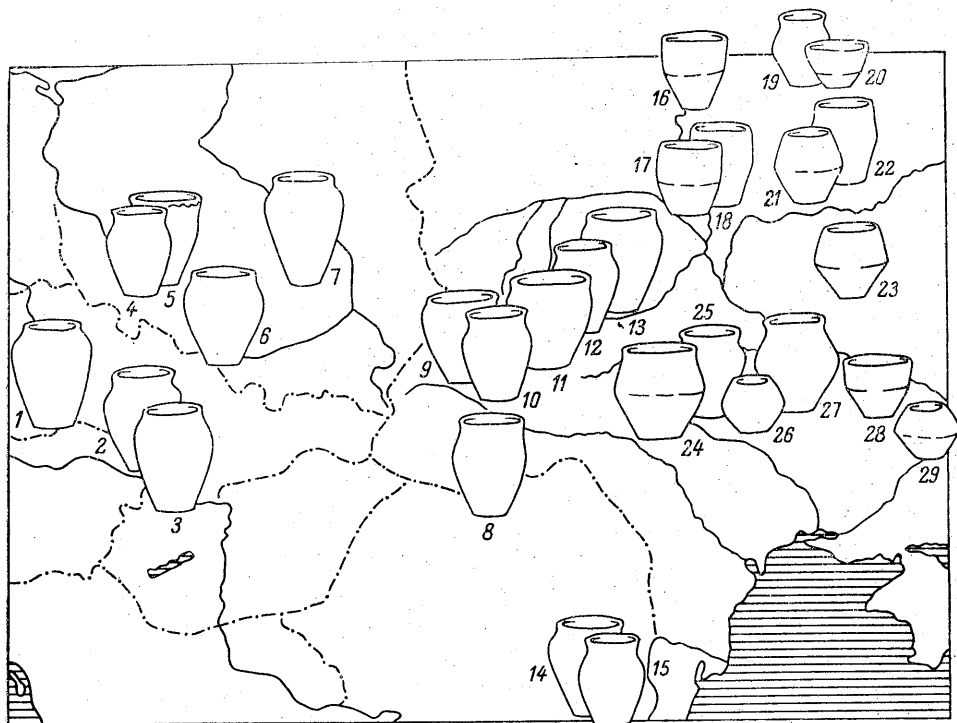

Рис. 73. Формы керамики VI—VIII вв. н. э. в различных славянских областях.

1—3 — керамика пражского типа в Чехословакии, 4, 5 — Бониково, Бискупин, 6 — Злота, 7 — Миендзыборов, 8 — Незвиско, 9, 10 — Рипнев, 11—13 — тип Корчак, 14, 15 — Сарата-Монтеору, 16 — Новобыховский могильник, 17, 18 — Колочинское городище, 19, 20 — Смольянь, 21, 22 — Посудичи, Макча, 23 — Артюховка, 24—29 — тясминские, надпорожские и побужские поселения.

вестны раньше лишь по отдельным сообщениям, а с материалами наиболее богато и интересного на территории Румынии славянского могильника VII (VI—VII ?) в., расположенного в Сарата-Монтеору, можно было познакомиться лишь по кратким информации.²⁵ Тем не менее наличие поднепровских этнических элементов в среде славянского населения, занявшего в VI—VII вв. поречье Нижнего Дуная, вряд ли может вызывать сомнения. Курганы и поселения VII—VIII вв., обнаруженные на территории Трансильвании, также имеют много общих черт с поднепровскими и восточнославянскими древностями.

²⁴ I. Nestor. Slavii pe teritorial RPR în lumina documentelor arheologice. SCIV, X, 1, 1959; M. Komşa. 1) Slavii pe teritoriul RPR în secolele VI—IX în lumina cercetărilor arheologice. Там же; 2) Discuții în legătura cu pătrunderea și așezarea slavilor pe teritoriul RPR. SCIV, XI, 1, 1960; S. Zoltan. Contribuții la cultura slavă în sec. VII—VIII în sud-estul Transilvaniei. SCIV, XIII, 1, 1962.

²⁵ I. Nestor și E. Zagaria. Săpăturile de la Sărata-Mon-teoru. MCA, IV, 1957, стр. 187; V, 1959, стр. 511; VI, 1959, стр. 509; VII, 1961, стр. 513; I. Nestor. La nécropole Slave d'époque ancienne de Sarata-Mon-teoru. Dacia, I, 1957, стр. 289.

Итак, в VI—VII вв. славянские племена, судя по археологическим данным, являлись хотя и родственной по культуре, но отнюдь не монолитной группой, как это пытался представить И. И. Ляпушкин. До этого времени они обитали в стороне от границ римской провинции и были мало связаны с событиями «переселения народов», что обусловило значительную самобытность их культуры по сравнению с культурой многих других этнических групп Европы. Но однородность славянской культуры была несомненно весьма относительной. В разных областях культура имела свои особенности, сохранившиеся в культуре славянских племен, расселявшихся в VI—VIII вв. в южном направлении. При этом важно отметить, что наиболее ярко эти особенности проявились в более раннее время — в VI—VII вв. А к VIII в., накануне распространения в славянской среде кружалной керамики, они стали едва заметны. Это хорошо видно на материалах тясминских и верхнебужских поселений.

Эти локальные особенности славянской культуры как раз и должны сыграть главную роль при решении поставленной выше задачи: при поисках археологических данных, рисующих славянскую культуру более раннего времени — середины I тыс. н. э.

Кому принадлежали древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в южных областях Верхнего Поднепровья?

1

Первоначально у исследователей культуры типа Корчак возникла мысль о ее родственных связях с зарубинецкой культурой. В таком духе не раз высказывался Ю. В. Кухаренко. Древности типа Корчак он называл «тем недостающим звеном, которое связывает культуру славянских племен рубежа и начала н. э. (т. е. зарубинецкую, — П. Т.) с культурой племен „Повести временных лет“». Е. В. Махно обратила внимание на тождество отдельных сосудов из Корчака с сосудами Корчеватовского зарубинецкого могильника. Наиболее решительно высказался по данному поводу В. Н. Даниленко. Он отнес древности типа Корчак к позднезарубинецким. Основными аргументами для него, как и для других исследователей, послужило сходство погребального обряда и форм глиняных сосудов той и другой культуры, а также встречающаяся на зарубинецкой и корчакской керамике однотипная орнаментация по венчику.²³

Позднее, когда хронология Корчака более или менее определилась в рамках VI—VIII вв., многих исследователей стал точить червь сомнений. Уж слишком велик был хронологический разрыв между известными в Правобережье зарубинецкими древностями и Корчаком! В публикации 1961 г., посвященной полесским древностям, Ю. В. Кухаренко отказался от своих прежних соображений относительно преемственных связей Корчака с зарубинецкой культурой. Его привлекли аналогии Корчака с древностями пражского типа, речь о чем уже шла выше. С других позиций оспаривал возможность зарубинецко-корчакских генетических связей В. П. Петров. В работе, посвященной культуре типа Корчак, он высказался за то, что «она сложилась не столько на зарубинецкой

²⁶ Ю. В. Кухаренко. 1) О памятниках раннеславянского времени на Полесье УССР. КСИАУ, в. 4, 1955, стр. 48; 2) Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья. КС, в. 57, 1955, стр. 37—38; Е. В. Махно. Памятники культуры полей погребений в междуречье Рось—Тетерев. Автореф. дисс., Киев, 1949; В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИАУ, в. 4, 1955.

или чаплинской основе, сколько на местной древнейшей (милоградской, — П. Т.) основе».²⁷ И. И. Ляпушкин в своих работах, касающихся славянских древностей, даже не упоминал об имеющихся в литературе соображениях относительно связей славянской культуры VI—VII вв. с зарубинецкой, считая их, очевидно, не заслуживающими никакого внимания.

Несмотря на это, мысль о генетической преемственности славянских древностей от зарубинецких (конечно, опосредованной) продолжала жить. Почти каждая новая находка то тем, то другим заставляла вспомнить о зарубинецкой культуре. За последнее время эта мысль получила новое подтверждение в материалах П. И. Хавлюка, происходящих из поречья Южного Буга. В наиболее ранних керамических комплексах, датированных VI, а может быть и V в., наряду с формами сосудов зарубинецкого профиля были обнаружены отдельные орнаментальные элементы, заставляющие вспомнить зарубинецкую керамику. Это налепы на плечиках сосудов в форме подковок и шишечек круглой или овальной формы. П. И. Хавлюк справедливо указывает, что его находка не является случайностью, которую возможно оспаривать. Такие же точно явления отмечены и в некоторых других местах, причем не только на Украине, но и на западе.²⁸

Поиски предшественника славянской культуры третьей четверти I тыс. н. э. являются ныне важнейшей задачей славянской археологии. На этом пути не следует ничем пренебрегать! Нужно не отмахиваться, в частности, и от фактов, пусть очень мелких, будто бы совсем незначительных, говорящих о связях славянской культуры VI—VIII вв. с зарубинецкой культурой, а вести исследования в этом направлении. Связи эти должны разыскиваться, однако, не по материалам Среднего Поднепровья, где зарубинецкая оседлость была прервана во II в. н. э. вследствие расселения черняховских племен и распространения их специфической культуры, а в более северной полосе, там, где известны позднерубинецкие древности. Полнее всего они изучены в бассейне Десны. В этих местах в последние годы были осуществлены археологические исследования по изучению остатков культуры середины и третьей четверти I тыс. н. э., выявившие, как мне представляется, очень важные данные.

То, что в поречье Десны, в ее среднем и нижнем течении, имеются славянские древности, предшествовавшие роменским, можно было предполагать еще на основании раскопок Д. Я. Самоквасова. Среди сотен исследованных им курганов с трупосожжениями некоторые выделялись архаичным (дороменским) обликом своей керамики. Например, на р. Клевени, левом притоке Сейма, в урочище Старый кирпичный завод около с. Волокитина в одном из курганов была найдена лепная урна своеобразной биконической формы, похожая на сосуды VI—VII вв. из тясминских и южнобужских поселений. В Среднем Посемье у хут. Сетнова в верхней части кургана были найдены три сосуда. Из них два — с пережженными костями — не опубликованы; третий — пустой — опубликован Д. Я. Самоквасовым. Он очень архаичен и по форме, и по фактуре. Из курганов у с. Марьяновки на р. Сейме происходит бронзовая трапециевидная подвеска, подобная украшениям из смоленских длинных курганов конца VII—начала IX в.²⁹ В работах Д. Я. Самоквасова даны изображения

²⁷ Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 7—11; В. Петров. Памятники корчакского типа, стр. 34—38.

²⁸ П. И. Хавлюк. 1) Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья, стр. 200; 2) Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы, стр. 325—348.

²⁹ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917, стр. 68, 70—71, 75—76.

лишь отдельных вещей. Если бы публикация была полной, число подобных примеров, без сомнения, можно было бы увеличить во много раз.

К дороменскому времени следует отнести, возможно, и некоторые курганы, раскопанные в Подесенье и Посожье Ю. С. Чоловским, М. В. Фурсовым, Е. Р. Романовым, С. А. Гатцуком и другими исследователями древнерусских древностей. К сожалению, в этих курганах, как и в курганах типа Корчак, были встречены лишь лепные глиняные сосуды, форма которых осталась неизвестной, иногда остатки оплавленных бус и других украшений, не позволяющие точно их датировать.

Спорным является датировка поселений и могильников волынцевского типа, исследованных украинскими археологами в области нижнего течения Десны. Их нередко относят к VII—VIII вв., рассматривая как своеобразную группу славянских древностей, предшествующую роменской. Волынцевские могильники — Волынцевский, Сосницкий, Малобудковский — не имеют курганных насыпей и содержат остатки трупосожжений в глиняных урнах. Эти могильники и соответствующие им поселения с прямоугольными жилищами-полуземлянками располагаются обычно на низких местах, около рек и озер. В отдельных пунктах отмечены волынцевские городища, например на горе Коровель около с. Шестовицы. Обряд погребения и топография памятников сближают волынцевские поселения и могильники с древностями третьей четверти I тыс. н. э., известными на территории Правобережья. Керамика волынцевского типа несколько отличается от роменской. Но пока что на волынцевских памятниках не было сделано таких находок, которые позволили бы точно определить их возраст. И. И. Ляпушкин относит волынцевские древности к роменским и не допускает, чтобы они предшествовали VIII в., хотя для этих утверждений также нет никаких объективных данных.³⁰

В полном смысле слова событием в археологии Подесенья явилась находка бронзовых изделий VI—VII, а может быть и V в., сделанная в 1957—1959 гг. Л. В. Артишевской в могильнике с трупосожжениями, находящемся в среднем течении Десны, несколько ниже г. Трубчевска, около д. Кветунь. Здесь, на правом высоком берегу Десны, вокруг древнерусского городища, имеется несколько курганных могильников. Могильник, в котором были сделаны упомянутые находки, расположен совсем иначе — не на коренном берегу, а у его подножия в пойме, на чуть заметном всхолмлении. Всего здесь сохранилось около 50 курганов. С севера к курганам примыкает бескурганый могильник с трупосожжениями, давший такую же точно глиняную посуду, как и курганы. Можно думать, что бескурганная часть могильника является старейшей. Непосредственно около нее, на этой же пологой возвышенности в пойме, имеется культурный слой бывшего здесь поселения (?), синхроничного могильнику. Во время раскопок 1963 г. там была найдена арбалетовидная подвязная фибула середины I тыс. н. э.

Под курганными насыпями в могильнике у д. Кветунь обнаружены небольшие округлые ямы (одна, две или три, в одном случае пять), содержащие уголь, обломки кальцинированных костей и разбитые глиняные сосуды. Реже встречались захоронения пережженных костей в урнах. В бескурганном могильнике результаты кремации находились в ямах, приблизительно таких же, как ямы под курганами, но несколько более глубоких (рис. 74).

³⁰ Д. Т. Березовець. 1) Дослідження на території Путивльського району Сумської області. АП, т. III, 1952; 2) Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП, т. V, 1955; Ю. С. Виноградский. Раннеславянские памятники в окрестностях г. Сосница. КСИАУ, в. 1, 1952; И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, в. XXIX—XXX, 1959.

Под насыпями двух курганов в материке были обнаружены узкие канавки, образующие прямоугольник. Это несомненно следы оград, подобных оградкам Боршевских, верхнеокских и некоторых деснинских курганов роменского типа, или остатки какой-то погребальной постройки. Внутри ограды в одном из курганов обнаружены три ямы с трупосожжениями, в другом — одна яма.

Кроме керамики, в сожжениях были найдены оплавленные стеклянные бусы и упомянутые бронзовые украшения. Среди них — своеобразная перекладчатая фибула, обломок другой такой же фибулы, нарядная пряжка и небольшая четырехконечная бляшка с красной эмалью (рис. 77). Фибулы и бляшку с эмалью Л. В. Артишевская датирует V—VI вв., а пряжку, происходящую из другого кургана, — VII—VIII вв., с чем, как мне кажется, следует согласиться.

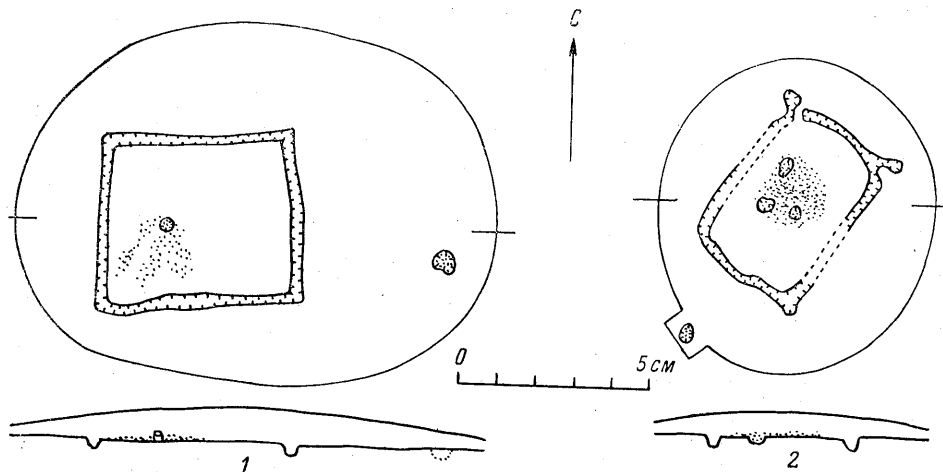

Рис. 74. Кветунский могильник. Схематические планы и профили курганов №№ 17 (1) и 21 (2) со следами деревянных сооружений. Раскопки Л. В. Артишевской, 1958—1959 гг.

Особый интерес представляет керамика из курганов и групповых погребений, заметно отличающаяся от роменской. В большинстве случаев это были грубые лешные сосуды разной величины с выпуклыми стенками и широким, лишь слегка профилированным горлом. Условно их можно назвать тюльпановидными. Вся посуда слабо обожжена, глина имеет примесь дресвы, окраска сосудов желтовато-бурая, орнамент отсутствует. Поверхность некоторых сосудов меньших размеров гладко выглажена; они сделаны из глины без крупнозернистых примесей. Имеется небольшой биконический сосудик. В насыпях курганов и в культурном слое были встречены обломки дисковидных глиняных крышек или «тарелок» с невысокимиakraинками (рис. 75).

Единственный найденный здесь сосуд, сделанный на гончарном круге, принадлежал к впускному погребению. Оно было найдено в насыпи одного из курганов.³¹

В среднем течении Десны в последние годы была сделана еще одна находка, не менее интересная. Около с. Усох, в районе г. Грубчевска, на склоне пологого правого берега Десны был обнаружен бескурганный могильник с трупосожжением, относящийся к третьей четверти I тыс. н. э. При раскопках, произведенных здесь В. А. Падиным, было вскрыто

³¹ Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, № 108, 1963.

18 захоронений. Как и в Кветуни, результаты кремации вместе с золой и углями от погребального костра помещались в небольшие округлые в плане ямы.

В некоторых случаях пережженные кости помещались в яму в глиняном сосуде. Сосуды не отличаются от кветунских. В нескольких сожжениях найдены металлические предметы, побывавшие в огне: нож, трехлопастный наконечник стрелы, обломок бронзового браслета с утолщенными концами, пластинчатая фибула, пряжки. Их время — VI—VIII вв. н. э.

В этом же районе имеются и остатки поселений, синхроничных могильнику, «расположенные, — как пишет В. А. Падин, — на пологих склонах

Рис. 75. Формы керамики V—VIII вв. из поселений и могильников поречья Средней Десны.

1 — поселение Смольянь, 2 — Кветунский могильник, 3 — поселение Посудичи, 4 — городище Макча.

коренных берегов рек, на дюнах, останцах или в пойме». Одно из поселений, находящееся вблизи могильника, занимает высокий мыс возвышенности, называемый Макча. Раньше это поселение считалось роменским. Теперь же стало известно, что там имеется мощный культурный слой — сверху роменский, а ниже более древний, синхроничный могильнику, с остатками жилищ-землянок и керамикой, точно такой же, как из могильника у с. Усох и Кветунских курганов. Среди керамики имеются реберчатые сосуды с цилиндрической верхней частью и суженной ко дну нижней (рис. 75). Под Макчей на низком берегу Десны имеется курган, к сожалению, не исследованный.³²

Более того, в последнее время стало известно, что места таких поселений имеются не только в среднем, но и в верхнем течении р. Десны. В частности, такая или очень близкая керамика была найдена Л. В. Арти-

³² В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильники в районе Трубчевска. СА, 1960, № 3. — Материалы находятся в Трубчевском музее.

шевской на известном Владимировском городище на правом берегу Десны выше Брянска. Там ее сопровождают трехлопастные наконечники стрел «аварского» типа.³³ Такие стрелы найдены и на поселениях около Трубчевска.

Таким образом, оказалось, что на Десне имеются археологические памятники третьей четверти I тыс. н. э., как будто бы близко напоминающие синхроничные им славянские древности Правобережной Украины. И состав памятников, и их топография в той и другой области одинаковы. Там и здесь поселения располагались низко у воды; там и здесь грунтовые могильники с трупосожжениями сменялись курганами; в той и другой области несколько в более позднее время появились отдельные укрепленные поселения — городища. Но для ответственных выводов материалов было явно недостаточно. Обрисованные выше данные представлялись случайными. Для того чтобы решить вопрос об отношении деснинских памятников к славянской культуре VI—VIII вв., с одной стороны, и к местной позднезарубинецкой культуре, — с другой, в 1962—1965 гг. на Десне мной были предприняты специальные обследования и раскопки, давшие в высшей степени интересные результаты.

2

Во время исследований 1962—1965 гг. были осмотрены сниженные участки надпойменных террас и всхолмления в пределах поймы в разных частях поречья Десны и по ее притоку — р. Судости. До сих пор было известно, что в таких условиях на Десне располагаются многие селища позднезарубинецкой культуры. В таких условиях находятся славянские памятники VI—VII вв. на Украине. Оказалось, что поселения середины и третьей четверти I тыс. н. э. во многих местностях по верхнему, среднему и нижнему течению Десны также располагаются в данных топографических условиях. Обычно они являются очень «бедными», имеющими незначительные культурные наслоения. Они характеризуются находками обломков глиняных сосудов, желто-бурых, ручной лепки, со слабо профилированными шейками, лишенных какой-либо орнаментации. Многие из этих пунктов, как выяснилось, были взяты на учет уже давно, но их относили до сих пор либо к позднезарубинецкой, либо же к роменской культурам. Лишь в районе г. Трубчевска после раскопок Л. В. Артишевской в д. Кветунь и В. А. Падина у с. Усох места поселений с такой керамикой, как уже указывалось, были выделены в особую группу.

В нескольких пунктах керамика, характерная для этих селищ, была встречена вместе с позднезарубинецкой. Такое сочетание, — возможно, не случайное, — оказалось на двух селищах около д. Речица на правом берегу Десны, выше г. Брянска, на селище около с. Голяшевка в среднем течении р. Судости и в других пунктах.

Раскопки, осуществленные на нескольких деснинских селищах, дали некоторое представление об их планировке, о характере жилых и хозяйственных построек, позволили собрать большой керамический материал. Наиболее значительные работы произведены на месте древнего поселения около д. Смольянь на правом берегу Десны, в 30 км выше г. Брянска. Это поселение, по данным радиоуглеродного анализа, относится к концу VI—началу VII в. (1380 ± 75). С поселения Посудичи происходит обломок бронзового украшения середины I тыс. н. э., из Жуковки — фибула этого же времени. Несмотря на то что данными работами изучение дес-

³³ Л. В. Артишевская. 1) Могильник раннеславянского времени на р. Десне, стр. 95; 2) Разведка в верховьях Десны. КС, 68, 1957, стр. 88.

нинских поселений середины и третьей четверти I тыс. н. э. только лишь начато, они позволили сделать ряд интересных выводов.

Поселение Смольянь занимало покатый отрог сниженного коренного берега, возвышающийся над поймой на 4—8 м. Его общая площадь достигала почти половины гектара. В отличие от древних укрепленных поселений, где люди жили обычно очень скученно, здесь жилища и постройки отстояли друг от друга на некотором расстоянии. При раскопках были исследованы остатки пяти жилищ. Всего в пределах поселения их имелось, вероятно, не более десяти. Это было, следовательно, очень небольшое селение. Другие деснинские поселки этого типа имели приблизительно такие же миниатюрные размеры. Но зато одно от другого они располагались обычно на небольшом расстоянии. Например, выше и ниже Смольяни, вдоль правого берега Десны, на расстоянии 15—18 км обнаружены остатки семи таких поселений. Не все они были, конечно, одновременными, но и сохранились до настоящего времени следы далеко не всех древних поселков. Интересно, что на этом же участке имеются остатки четырех зарубинецких поселений и три городища юхновской и смоленской культур. Таким образом, число поселений из периода в период увеличивалось.

Жилища, остатки которых обнаружены при раскопках в Смольяни, все без исключения оказались квадратными полуземлянками не вполне правильной формы. Они имели от 3 до 4 м в поперечнике и были углублены в землю на 0.30—0.50 м, так что их ровный утрамбованный пол лежал ниже подпочвы на плотном лёссовидном суглинке. Вдоль стен жилищ сохранились отдельные ямы от столбов; в двух жилищах обнаружены остатки плетня, обмазанного слоем глины. В каждом жилище был простой открытый очаг: в трех — в правом заднем углу, в одном — посередине пола. Обожженный под этого очага был выстлан крупными обломками глиняных сосудов (рис. 76). Пятое жилище сохранилось плохо и место очага определить не удалось.

Остатки подобного жилища-полуземлянки были обнаружены на селище у д. Мансурово на правом берегу Десны, выше г. Трубчевска. Очаг там помещался в углу (по-видимому, также в правом заднем), его под и здесь был выстлан крупными черепками. Остатки углубленного в землю прямоугольного жилища были раскопаны Ф. М. Заверняевым на упомянутом выше селище около пос. Жуковки. Часть такого же жилища обнаружена на селище у Белокаменки около Брянска.³⁴

Около жилищ в пределах поселений располагались ямы-погребка колоколовидной формы. Они встречаются в большом числе на Смольяни. Отдельные погребка раскопаны на Хотылевском, Мансуровском и Посудическом селищах. В Смольяни, кроме того, обнаружен участок с большим числом ям от вертикально стоявших столбов. Здесь располагались, очевидно, легкие постройки в виде навесов.

Если сравнить жилища и хозяйственные постройки, обнаруженные на деснинских селищах середины и третьей четверти I тыс. н. э., с позднезарубинецкими, то они, по сути дела, мало отличаются друг от друга. На зарубинецких селищах, относящихся к первым трем-четырем векам нашей эры, обнаружены подобные же квадратные неглубокие полуземлянки не с печами, а с очагами и колоколовидные ямы-погребка. Такие жилища и погребка выявлены Ф. М. Заверняевым на Почечском позднезарубинецком селище в среднем течении Судости, А. К. Амбросом — в Синькове на той же реке, мной — в Хотылеве и в Спартаке в верхнем течении Десны.

³⁴ А. К. Амброс. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, № 1, стр. 70.

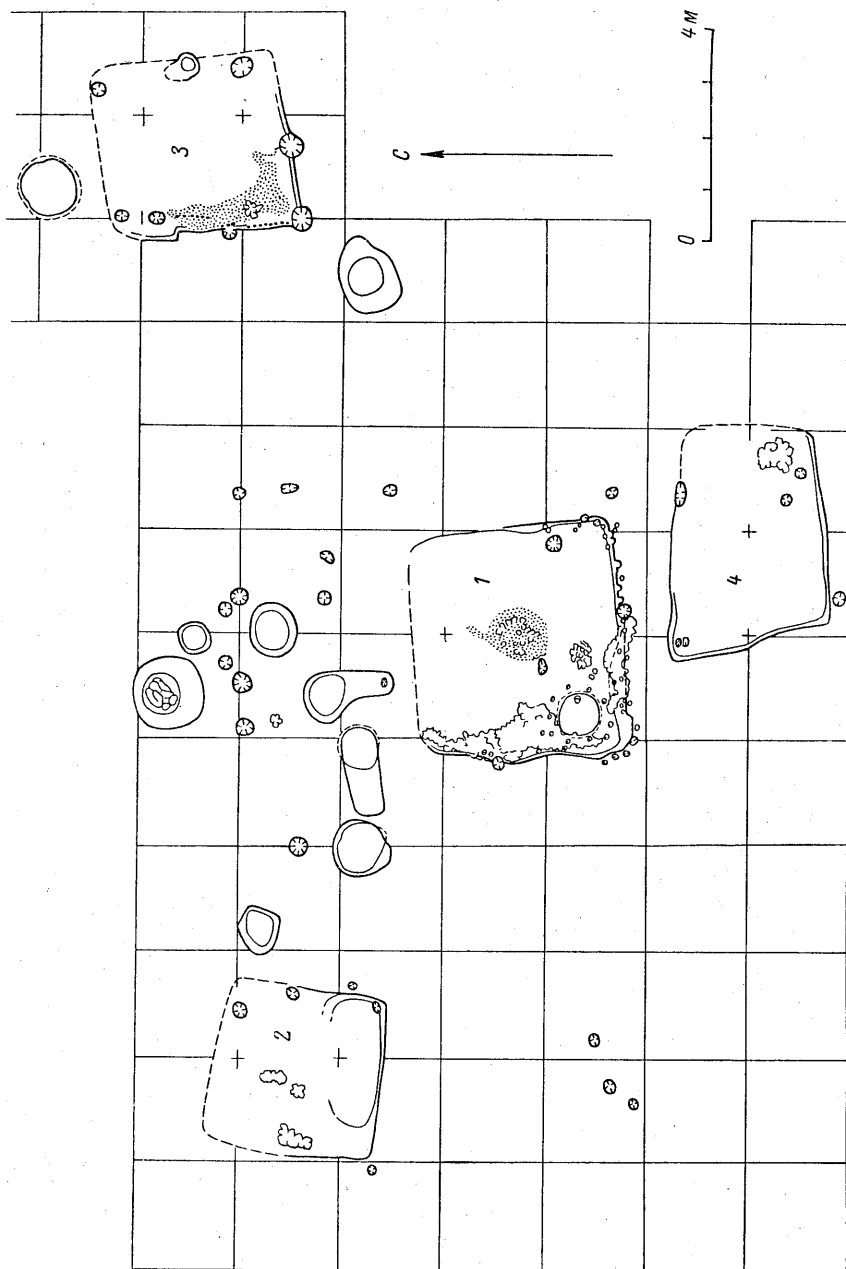

Рис. 76. Основания жилищ-землянок (1—4) и ямы-погребя в центральной части поселения Смоляны. Раскопки автора, 1962—1963 гг.

Но в то же время деснинские постройки середины и третьей четверти I тыс. н. э. очень близки постройкам среднеднепровских славянских поселений VI—VII вв. И там жилища-землянки в ряде случаев являются очень неглубокими, не всегда имеют установившуюся систему столбов, отдельные жилища снабжены очагами, а не печами. Такие жилища открыты на древнейших поселениях у с. Пеньковки в низовьях Тясмина, у Корчака на Тетереве и в других пунктах. Создается впечатление, что в Среднем Поднепровье в своем окончательном виде славянские жилища-землянки в VI—VII вв. лишь складывались. Их прообразом могли быть жилища, обнаруженные на Десне. Колоколовидные ямы-погребя, известные на среднеднепровских поселениях VI—VII вв., также не отличаются ни от обрисованных выше деснинских, ни от зарубинецких. Под очага, выстланный черепками, — что обнаружено на Десне, — заставляет вспомнить некоторые средневековые славянские жилища, в печах которых под был сложен из обломков глиняной посуды.

Еще более определенная картина генетических связей открывается при сравнении керамики деснинских поселений середины и третьей четверти I тыс. н. э. с позднезарубинецкой посудой, с одной стороны, и среднеднепровской славянской посудой VI—VII вв., с другой.

На поселении Смольянь на местах жилищ и в культурном слое было собрано большое число (до 1000) обломков керамики, на основании которых могут быть определены как формы, так и размеры сосудов (рис. 75). Большинство обломков принадлежит грубо вылепленным сосудам, форма которых варьирует от биконической (но не с резкой, а с закругленной гранью) до тюльпановидной. Это посуда с относительно узким дном, стенки ее от дна до половины высоты расширяются, верхняя часть имеет либо цилиндрические очертания (со слегка выпуклыми стенками), либо несколько суженные. Горло сосудов слабо профилировано; венчик закруглен и не имеет никакой ornamentации. На нескольких обломках венчик был украшен насечкой зарубинецкого типа. Средние размеры сосудов: высота 20—22 см; диаметр горла около 20 см, у биконических уже, у тюльпановидных несколько шире. Отдельные сосуды имели очень большие размеры — их диаметр достигал 35—38 см, высота равнялась, вероятно, 40—45 см. Чаще встречались сосуды диаметром 10—12 см и несколько большей высоты.

Вторую группу посуды, сравнительно малочисленную, составляют миски. Одни из них не отличаются по фактуре от основной массы керамики, другие имеют выглаженную или вылощенную поверхность темно-бурого или черного цвета. Они изготовлены из глины без крупнозернистых примесей. Миски были двух форм — во-первых, реберчатые биконические, во-вторых, также реберчатые, но с расширяющейся верхней частью. Диаметр мисок 20—25 см; высота 15—18 см. Третью группу посуды составляют многочисленные тарелки или крышки в виде плоских глиняных дисков с чуть намечающимся бортиком. Их диаметр 18—22 см.

Такой же точно характер имеет керамика из Мансура, с той лишь разницей, что на этом селище были найдены обломки преимущественно крупных сосудов. Горло некоторых из них было более профилировано, чем у смольянской керамики. Найдены обломки трех сосудов, венчики которых были украшены защипами. Встречен обломок лощеной реберчатой миски черного цвета.

Небольшие раскопки были произведены в 1963 г. на селище у с. Посудичей в среднем течении р. Судости. Остатки жилищ там не встречены; в пределах раскопа оказались лишь обычные округлые ямы-погребя. На дне одной из них встречена бронзовая бляшка (рис. 77), которую можно датировать V—VI вв. н. э., т. е. более ранним временем, чем селище Смольянь. Об этом же говорит керамический материал Посудичей, в ко-

тором очень сильны позднезарубинецкие элементы (рис. 75). Здесь налицо реберчатые сосуды разных форм; имеется относительно много лощеной посуды (4—5% всего керамического материала), по сути дела, не отличающейся от позднезарубинецкой; имеются отдельные сосуды с венчиками, украшенными «защипами» или насечкой; тарелки имеют очень невысокие бортики. Ближе всего керамика из Посудичей примыкает к материалам из селища у пос. Жуковка, которое первоначально было определено как зарубинецкое.

Я не сомневаюсь, что керамика из Посудичей, Жуковки и других деснинских поселений середины и третьей четверти I тыс. н. э. представляет собой не что иное, как дальнейшее развитие керамического комплекса

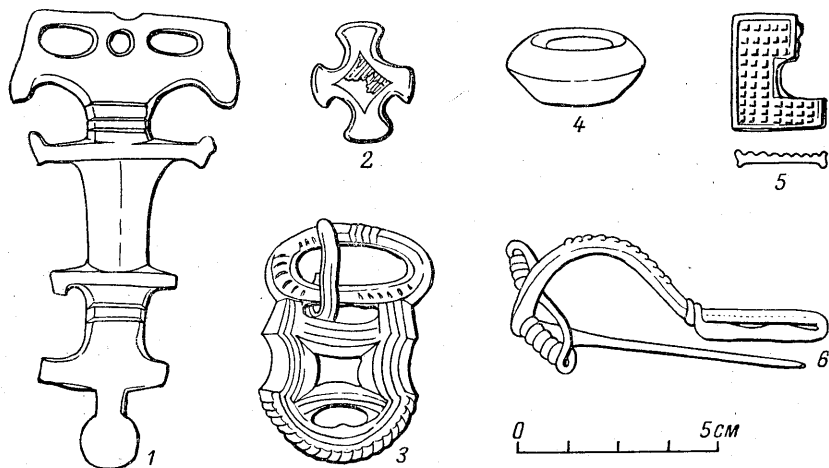

Рис. 77. Находки на селищах Посудичи (4, 5) и Жуковка (6). Бронзовые украшения из Кветунского могильника (1—3).

местной позднезарубинецкой культуры (рис. 64). Особенно ясно это видно на примере столовой посуды — мисок, реберчатых биконических древней формы и типичных для Десны позднезарубинецких с широкой верхней частью. В середине I тыс. они почти не изменились, лишь лощение стало хуже по качеству. На зарубинецких глиняных дисках-крышках появились невысокие бортики. Почти утратился орнамент по венчику кухонной посуды; лишь изредка венчик украшался традиционными зарубинецкими насечками или защипами. Формы кухонной посуды также изменились. Но прототипы новых форм можно отыскать как среди деснинской позднезарубинецкой керамики, так и среди более древней зарубинецкой посуды Среднего Поднепровья. Речь идет и о биконических, и о тюльпановидных формах. Очень вероятно, что большую роль в формировании наиболее массового вида посуды — сосудов тюльпановидной формы — сыграла местная традиция.

В итоге на основании сопоставления форм жилищ, хозяйственных построек, керамики, а также погребального обряда (захоронение остатков кремации с урнами или без урн) становится как будто бы очевидным, что зарубинецкие племена, проникшие в поречье Десны на рубеже и в начале нашей эры, в последующее время никуда отсюда не ушли. Культура середины и третьей четверти I тыс. н. э. принадлежала, очевидно, их непосредственным потомкам. Ко второй четверти I тыс. н. э. в ней появились новые особенности, но в целом культура еще сохраняла зарубинецкий облик. Через два-три столетия, вследствие дальнейших изменений в материальной культуре, зарубинецкие элементы мало-помалу оказались

на положении пережитков. Но они оставались достаточно отчетливыми, причем не только в середине I тыс., но и в последующее время.

А теперь сравним деснинскую керамику середины и третьей четверти I тыс. н. э. с посудой среднеднепровских славянских поселений VI—VIII вв. (рис. 78). Их керамика, если брать ее в целом, заметно отличается от деснинской. В ее составе много сосудов обычной горшковидной формы с выпуклыми стенками, плечиком и отогнутым наружу венчиком. Но такая форма посуды особенно характерна для более поздних поселений. Она широко представлена в Корчаке, в Хотомле и Бабке, в Незвиско и Рипневе, на всех тясминских селищах, в верховьях Южного Буга и во многих других местах. Сюда же относится Каневское поселение, датирующееся, по моему мнению, VIII—X вв. н. э.

Вместе с такой керамикой среди материалов древнейших тясминских селищ (Молочарня, Луг I, Стецовка), Волошского в Надпорожье, Семенков в верхнем течении Южного Буга отчетливо выступает и другой керамический комплекс, отражающий несомненно более старые традиции. Особенно бросается в глаза целая серия сосудов биконической формы, обычно с непрофилированной шейкой. Многие из них близко напоминают деснинские. Судя по данным С. С. Гамченко и И. П. Русановой, такие сосуды имелись и в Корчаке, например в бескурганном погребении из урочища Вилы. Наряду с биконическими формами иногда встречаются тюльпановидные, с широко раскрытым горлом. Они есть на Тясмине (Макаров остров), в Луке Райковецкой, в Рипневе II. Далее, на Тясмине имеются миски деснинских форм с ребром на половине высоты и вертикальной или широко раскрытой верхней частью (Луг I). Должны быть отмечены, наконец, многочисленные случаи, когда на венчиках сосудов имелся зарубинецкий орнамент — насечки или зацепы (Молочарня, Луг I и II, Стецовка, Макаров остров, Волошское, Семенки и др.).

В состав керамического комплекса славянских поселений VI—VII вв. с территории Украины входят и глиняные тарелки, такие же, как деснинские. Однако на Десне имеются их древнейшие формы — с еле заметным бортиком, — на Украине не представленные.

Из всего сказанного выше, подытожив данные по топографии и характеру поселений, по жилищам и хозяйственным постройкам, по погребальному обряду и керамике древних деснинских и среднеднепровских поселений, можно сделать в высшей степени важные предположения.

Очевидно, нужно признать, что деснинская культура середины и третьей четверти I тыс. н. э., возникшая на основе поздnezарубинецкой культуры, по всей совокупности признаков, доступных для археологического изучения, являлась культурой славянской. По сути дела, в основных чертах она ничем не отличалась от славянской культуры VI—VII вв., представленной на десятках известных нам поселений на территории Украины и сопредельных стран. Особенно она была близка славянской культуре поречья Среднего Днестра, известной по тясминским и надпорожским поселениям.

Отсюда следует, что зарубинецкая культура, которая в настоящих очерках с самого начала рассматривалась как раннеславянская, действительно принадлежала славянским племенам. После изучения деснинских поселений цепь генетической преемственности как будто бы замкнулась. Если раньше, когда археологи указывали на элементы зарубинецкой культуры в славянских древностях VI—VII вв., их неизменно смущал большой хронологический разрыв между этими двумя культурами, то теперь все встало на свое место. Между поздnezарубинецкой культурой, известной по материалам поречья Десны, и славянской культурой середины и третьей четверти I тыс. н. э. не было никакого разрыва, ни хронологического, ни культурно-исторического.

Таким образом, развитие славянской культуры на территории нашей страны, т. е. в восточной части славянского ареала, происходило в сложной обстановке. В зарубинецкое время главные центры культурно-исторической жизни славянских племен лежали здесь в лесостепной полосе днепровского Правобережья и в поречье Припяти. На западе зарубинецкие племена достигали Верхнего Поднепровья. В II—III вв. н. э. значительная часть этой области была занята черняховским населением, под давлением которого поднепровские славянские племена отошли на север и северо-восток в лесные пространства, куда они проникали и раньше. Там они вступили в контакт с местным восточнобалтийским населением и оттеснили его из ряда областей на север, о чем речь шла выше. В послегуннское время, в середине I тыс. н. э., поднепровские славяне приняли участие в великом славянском движении на юг, в ходе которого ими снова была занята территория днепровско-днестровской лесостепи, а также области, ранее славянам никогда не принадлежавшие, — поречье Южного Буга и другие местности на северо-западе Причерноморья и в бассейне Нижнего Дуная. Но северные области при этом отнюдь не обезлюдели. Движение славян на юг в границах Северного Причерноморья было не переселением, а расселением. В течение двух-трех веков славянская территория на востоке Европы расширилась более чем в два раза.

3

Я далек, однако, от мысли, что среднеднепровские племена, скажем, тясминская, верхнебужская или надпорожская их группы, были непосредственно связаны именно с деснинскими племенами. Прежде чем ответить на вопрос, откуда пришли на Северный Днепр тясминская, надпорожская и другие группы славянского населения, необходимо исследовать аналогичные деснинские древности в других областях Верхнего Поднепровья. Судя по отдельным сведениям, а также ряду исследованных памятников, такие древности имеются по рекам Снову, Ипути, среднему и нижнему течению Сожа. Они известны на Днестре, наконец на Припяти и по ее левым притокам. Культура населения всех этих местностей в середине и третьей четверти I тыс. н. э. была близка деснинской, но имела и некоторые свои особенности. В ходе дальнейших исследований будут отысканы, очевидно, непосредственные истоки отдельных групп среднеднепровских славян VI—VII вв. Не исключено, конечно, что во «вторичном» освоении междуречья Днестра и Среднего Днестра участвовали и более западные группы славянских племен, пришедшие из Повисленья. Их керамика не имела реберчатых очертаний.

Древности Верхнего Поднепровья, о которых идет речь, представляют собой, как и на Десне, остатки многочисленных бескурганых могильников, отдельные захоронения с трупосожжениями, курганы с трупосожжениями, остатки поселений с квадратными жилищами-полуземлянками и городища. Для этих памятников также характерна глиняная посуда с реберчатым профилем, похожая на деснинскую и среднеднепровскую. Эту форму керамических изделий следует рассматривать как отголосок позднезарубинецких традиций. Среди бесспорных древностей восточных балтов она ни разу не была встречена.

В начале нашего века могильниками с трупосожжениями без курганных насыпей, встречающимися по Днестру и в междуречье Днестра и Десны, интересовался Е. Р. Романов. Им были собраны сведения более чем о 25 пунктах со следами таких могильников, расположенных преимущественно на дюнах в прибрежной полосе. Е. Р. Романову были известны 4 пункта на р. Беседь, 6 по Сожу в его среднем и нижнем течении, 9 по

Ипуги и 8 пунктов по Днепру.³⁵ Все это были случайные находки; найденные предметы не сохранились, и их время и характер остались загадкой. Кроме того, в отдельных пунктах, указанных Е. Р. Романовым, никаких захоронений, по-видимому, и не было, так как он ошибочно рассматривал в качестве разрушенных могильников древние поселения и даже неолитические стоянки. Однако большинство пунктов никаких сомнений не вызывает. Следует лишь иметь в виду, что некоторые из них могут относиться к зарубинецкой культуре. Но среди них несомненно имеются и могильники, принадлежащие к середине и третьей четверти I тыс. н. э. Они вошли в археологические карты, опубликованные в 1959 г. Ю. В. Кухаренко и в 1962 г. в одном из выпусков «Свода археологических источников».³⁶

Лишь один из этих могильников подвергся основательным археологическим исследованиям. Он находится на правом берегу Днепра около г. Новый Быхов, в урочище Радышева Гора. Впервые могильник раскапывался в 1905 г. Е. Р. Романовым, обнаружившим остатки двух разрушенных сожжений и несколько массивных глиняных урн, обнаженных ветром. На этом же месте им была найдена свинцовая печать с греческой надписью. По определению, сделанному в Археологической комиссии, она датируется VIII в. н. э., но связана ли она с могильником, осталось не выясненным.

В 1925 г. место могильника было обследовано С. С. Шутовым, нашедшим здесь глиняную урну с пережженными костями. На месте находки произвел раскопки И. А. Сербов, обнаруживший 12 золотых пятен и шесть урн. Наконец, в начале 50-х годов здесь произвел большие исследования Ю. В. Кухаренко. На глубине 0.20—0.25 м от современной поверхности он обнаружил восемь безурновых трупосожжений. Одно из них было накрыто большим колоколовидным сосудом, в другом сожжении была нижняя часть сосуда. В двух сожжениях обнаружены маленькие бронзовые колечки.³⁷

Форма глиняного сосуда, найденного Ю. В. Кухаренко, хорошо известна по раскопкам на Десне. Это реберчатый сосуд (со сглаженным ребром) с прямой, широко раскрытой верхней частью, такой же, как сосуда из Макчи и других деснинских поселений (рис. 78). Он датируется третьей четвертью I тыс. н. э. Можно думать, что печать, найденная Е. Р. Романовым, была связана с могильником.

В 1954 г. во время археологических обследований правого берега Днепра были осмотрены дюны около д. Ольба, несколько выше устья Березины, где, по данным Е. Р. Романова, находился разрушенный могильник с трупосожжением. Несмотря на то что со времени его первых обследований прошло более 50 лет, остатки могильника в виде переветренных ветром скоплений кальцинированных костей и обломков керамики удалось отыскать. Один из сосудов — большой горшок с широко раскрытым горлом — был восстановлен. В целом, судя по керамике, могильник у д. Ольба очень близок Новобыховскому. По-видимому, такой же точно облик имели могильники у деревень Кистени и Проскурни на правом берегу Днепра, а также некоторые могильники и отдельные захоронения в междуречье Днепра и Десны и по правым притокам Днепра — Березине и Друти.

³⁵ Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда Могилевской губернии. Вильно, 1910, стр. 18—21.

³⁶ Ю. В. Кухаренко. Памятники зарубинецкой культуры в области Верхнего Поднепровья. МИА, № 70, 1959; Древности железного века в междуречье Десны и Днепра, САИ, в. Д1-12, 1962.

³⁷ Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье. КС, в. 53, 1954.

Все эти могильники содержат как урновые, так и безурновые захоронения остатков кремации. Иногда сожженные кости или урна с костями бывают накрыты большим сосудом, стоящим вверх дном. Последняя черта не является зарубинецкой традицией. Она связана, по-видимому, с какой-то западной этнической струей, проникшей в Верхнее Поднепровье. К этому вопросу я вернусь ниже, когда речь пойдет о длинных курганах.

Характерной чертой могильников является также почти полное отсутствие инвентаря. Отдельные предметы убора и украшения встречаются как редкое исключение. Это бронзовые колечки из Новобыховского могильника и оплавленные бусы из некоторых других пунктов. В этом отношении все эти могильники целиком примыкают к славянским древностям VI—VIII вв., известным на Украине (типа Корчак) и в других странах.

В этих же местах — в южной части Верхнего Поднепровья — известны и отдельные курганы с трупосожжением, предшествующие ро-

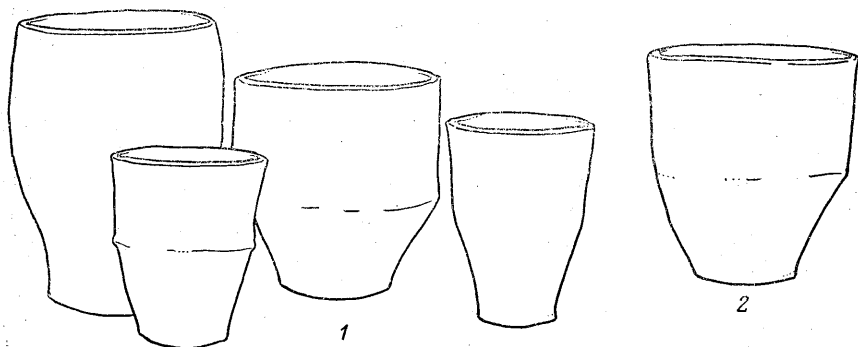

Рис. 78. Формы керамики VI—VIII вв. из Колочинского городища (1) и Новобыховского могильника (2).

менским. Я имею в виду не только курганы, раскопанные археологами прошлого века и точно не датированные, но и открытия последних лет. В 1961—1963 гг. Г. Ф. Соловьевой в урочище Низень у д. Демьянки, около Гомеля, в прибрежной части большого средневекового курганного могильника были раскопаны три кургана более раннего времени. В них найдены обломки реберчатого сосуда и фрагментированная ажурная подвеска из бронзы в форме мальтийского креста, несколько напоминающая по стилю предметы с эмалью.

Подобного же типа курганы были исследованы И. И. Артеменко на Днепре в одном случае около Нового Быхова, в другом — около Орши.³⁸

Археологические открытия последних лет, сделанные главным образом белорусскими археологами, дали новые сведения о могильниках с трупосожжениями в южных частях Верхнего Поднепровья. Наиболее ценным в этих сведениях является, во-первых, то, что в ряде случаев они позволяют связать могильники с остатками поселений, на которых сохранились основания характерных прямоугольных жилищ-полуземлянок. Во-вторых, очень важно отметить, что некоторые из этих древностей датируются более ранним временем, чем третья четверть I тыс. н. э. В соответствии с этим, в ранних памятниках, особенно в их керамическом материале, отчетливо представлены зарубинецкие элементы. Другими словами, картина культурной эволюции, выявленная на Десне, в основных чертах оказывается характерной и для других, южных областей

³⁸ Материалы Института археологии АН СССР в Москве.

Верхнего Поднепровья. Единственным пока что не представленным здесь звеном является позднерубинецкая культура. Но это объясняется, вероятно, пробелами в материале. Как я уже не раз указывал выше, позднерубинецкие древности несомненно должны быть в южных областях Верхнего Поднепровья, как в Левобережье — между Днестром и Десной, так и в Правобережье — по левым (северным) притокам Припяти.

В 1960—1965 гг. Л. Д. Побалем были произведены раскопки древнего поселения в урочище Обидня (Абидня), на берегу маленькой речки Адаменки, притока Днестра. Были открыты основания более 30 прямоугольных полуземлянок с остатками печей-каменок или открытых очагов в одном из углов. Рядом с поселением находился грунтовый могильник с трупосожжениями. Многочисленные находки, сделанные в землянках, указывают, что поселение существовало здесь в течение нескольких столетий во второй четверти I тыс. н. э. Здесь найдены провинциально-римские фибулы, обломки краснолаковой керамики римского времени, пряжки черняховских форм и мн. др. Встречена римская монета начала III в. н. э. Некоторые комплексы датируются подвесками-лунницами с эмалью. Эти украшения выделывались на месте; для изготовления инкрустации использовались привозные с юга бусы из красной пасты.

В грунтовом могильнике Обидне исследовано 11 захоронений (с трупосожжениями) преимущественно ямных.³⁹

В керамическом материале селища и могильника Обидня налицо зарубинецкие элементы — лощение поверхности некоторых сосудов, ребристый профиль мисок. Имеются биконические сосуды, такие же, как на Десне и в Новобыховском могильнике.

Обращает также на себя внимание некоторое количество глиняной посуды, украшенной гребенчатыми прочесами. Такая орнаментация имеется в отдельных случаях на посуде зарубинецких поселений на Припяти, исследованных Ю. В. Кухаренко, и на Чаплинском городище. Отдельные находки керамики с прочесами известны в междуречье Днестра и Десны, например на поселении Барсуки в среднем течении Сожа. Исследователь этого поселения О. Н. Мельниковская предположительно датирует эту керамику VIII в. н. э., полагая, что лощенные реберчатые миски, найденные здесь же, относятся к более раннему времени — к середине I тыс. н. э.⁴⁰ Думаю, что О. Н. Мельниковская ошибается. Барсуки — это однослойный памятник, относящийся либо к середине, либо ко второй четверти I тыс. н. э., синхроничный Обидне. На этом селище в 1960 г. я произвел небольшие раскопки.

Первоначально мне казалось, что керамика с прочесами, находимая в южных частях Верхнего Поднепровья, генетически связывается со штрихованной посудой древних белорусских городищ. Но это, по-видимому, не так. Эта посуда несет на себе отголоски тех традиций, которые сложились и развивались в первые века нашей эры в более западных областях. Прежде всего я имею в виду керамику так называемой пуховской культуры, распространенной в северной Словакии и в южных частях Польши, на северо-восточной окраине кельтского мира.⁴¹

Но возвращаясь к верхнеднепровским древностям. Другое селище, сопровождаемое могильником с трупосожжением, было исследовано

³⁹ Л. Д. П о б а л ь. 1) Белорусское Поднепровье в I тысячелетии н. э. Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965, стр. 19—21; 2) Римські манети на території БССР. Весці Академії наук БССР, № 2, 1964, серія громадських наук.

⁴⁰ О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Поселение у д. Барсуки на реке Соже. КС., в. 87, 1962.

⁴¹ Pravěk Československa (Red. J. Neustuphy). Praha, 1960, стр. 342—344.

Л. Д. Побалем у д. Нижняя Тощица на правом берегу Днепра, несколько южнее Нового Быхова. Там также открыты жилища-полуземлянки «стандартных» форм и размеров и вскрыты два трупосожжения. Керамика этого памятника очень близка как новобыховской, так и деснинской. Время этого селища — третья четверть I тыс. н. э. По данным Л. Д. Побалю, селища, подобные Обидне и Нижней Тощице, т. е. и более ранние и более поздние, имеются в этой части Поднепровья в количестве нескольких десятков. Они расположены преимущественно в низких местах, на дюнных и других всхолмлениях в пойме или на краю невысоких террас, — другими словами, так же, как соответствующие им по времени остатки поселений на Десне и в области Среднего Поднепровья.

Выше уже неоднократно шла речь о том, что в третьей четверти I тыс. н. э. у славянских племен, кроме открытых поселений, расположенных на низких местах, появляются укрепленные убежища-городища. Их появление было связано как с потребностями обороны, так, вероятно, и с процессом начавшейся классовой дифференциации славянского общества. Таковы городища Хотомель и Бабка в Украинском Полесье, городища Макча и Владимирское на Десне и др.

Таким же точно городищем-убежищем, относящимся к тому же времени — к третьей четверти I тыс. н. э. — является Колочинское I городище, расположенное на правом берегу Днепра, на половине расстояния между устьем Березины и устьем Сожа. Это городище, исследованное в 1955—1960 гг. Э. А. Сымоновичем, особенно интересно потому, что, по видимому, входит в состав целого комплекса одновременных памятников, частями которого, кроме городища-убежища, являются поселения с квадратными жилищами-полуземлянками и могильник с сожжением, к сожалению, полностью разрушенный распашкой(?).

Материалы исследований колочинского комплекса древностей обстоятельно опубликованы.⁴² На городище, расположенном на мысу прямоугольной формы, ограниченном двумя валами, обнаружены остатки массивной ограды из дерева и земли, окружавшей площадку по всему периметру. К ней примыкали какие-то постройки, плохо сохранившиеся и не поддающиеся реконструкции. В целом это укрепление близко напоминало, с одной стороны, городища Хотомель и Бабку, а с другой — описанные ниже городища-убежища древних балтийских племен, известных в северных областях Верхнего Поднепровья.

Жилища-землянки на Колочинском городище, как на Хотомле и Бабке, располагались за пределами укрепления, на соседнем участке берега. Здесь были исследованы две землянки. Одна из них синхронична слою городища; другая, судя по облику керамики, является более поздней, роменской. Рядом с поселением, на пашне, неоднократно находили остатки кальцинированных костей, свидетельствующие о существовании могильника с трупосожжением, вероятно полностью разрушенного многолетней распашкой.

Раскопки на колочинских памятниках дали большую коллекцию глиняной посуды (рис. 78). Она оказалась близкой деснинской и представлена тремя основными формами сосудов: тюльпановидной с широко раскрытым горлом, реберчатой с вертикальной верхней частью и горшковидной. Первые две формы имеют непрофилированный прямой венчик. У горшковидных сосудов горло чуть сужено, а гладкий венчик отогнут наружу. Реберчатые сосуды не отличаются от такого же сосуда из Новобыховского могильника; тюльпановидные находят полные аналогии среди деснинских древностей. Но нельзя не отметить здесь общие черты с керамикой верхнеднепровских балтов (Тушемля).

⁴² Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963.

Датировать Колочинское городище можно лишь приблизительно, так как найденные на нем металлические изделия — железные серпы и наконечники копий, обломки бронзовых украшений, глиняные пряслица — не могут быть точно определены во времени. Но в целом они несомненно относятся к предроманскому времени — третьей четверти I тыс. н. э.

Таким образом, древности южных областей Верхнего Поднепровья являются ближайшим аналогом деснинских древностей. Они составляют с ними единую группу, единую культуру, имеющую лишь незначительные локальные вариации. Как и деснинские древности, они принадлежат, очевидно, восточным славянским племенам, потомкам расселившегося некогда на севере зарубинецкого населения. Тенденция развития здесь также не отличается от общеславянской: грунтовые могильники с трупосожжением сменяются курганным обрядом, рядом с открытыми селищами появляются городища-убежища. Изменение форм керамики идет по пути изживания реберчатых форм, восходящих к зарубинецкому прошлому, и распространения сосудов обычного горшковидного профиля. Так шел процесс в славянской среде в Среднем Поднепровье, так же он шел и в южных областях Верхнего Поднепровья.

Разница между теми и другими состоит лишь в том, что в южных областях Верхнего Поднепровья и на Десне имеются славянские древности не только VI—VIII в., как в Среднем Поднепровье, но и более ранние, преимущественно увязывающиеся с поздnezарубинецкой культурой.

Если в первых веках нашей эры раннеславянские (зарубинецкие) племена, проникшие из Среднего Поднепровья на север и северо-восток, обосновались сначала лишь в южных областях Верхнего Поднепровья, главным же образом на Десне, в той местности, где сосредоточена древнейшая в бассейне Верхнего Днепра славянская гидронимия, то к третьей четверти I тыс. н. э., судя по приведенным выше данным, их потомки более широко расселились не только в южных, но и в центральных частях Верхнего Поднепровья. Кое-где они проникли, по-видимому, и дальше на север. Там они вступили в особенно тесный контакт с местным восточно-балтийским населением.

Наиболее северные находки реберчатых сосудов, речь о которых уже неоднократно шла выше, были сделаны в приднепровской части Смоленщины на Лахтевском и Демидовском городищах (рис. 79). Это, конечно, совсем не значит, что городища эти были славянскими. Но важно отметить, что в этих же местах обнаруживаются и другие отдельные элементы славянской культуры третьей четверти I тыс. н. э. Прежде всего к ним относится грунтовый могильник с трупосожжением, раскопанный Е. А. Шмидтом на берегу Акатовского озера западнее Смоленска. Там обнаружено более 30 сожжений, помещенных в урны или ссыпанных непосредственно в ямы. По ритуалу могильник близко напоминает Новобыховский. В некоторых случаях урны прикрыты большим сосудом. Металлические предметы, в частности браслеты с утолщенными концами, позволяют датировать могильник на Акатовском озере третьей четвертью I тыс. н. э. Попытка Е. А. Шмидта связать могильник с местной культурой вряд ли является удачной, — и не только вследствие того, что этот могильник здесь единственный, но прежде всего потому, что наряду с обычной для городищ Смоленщины грубой керамикой в могильнике найдена посуда, восходящая к биконическим формам, характерным для южных областей Верхнего Поднепровья (рис. 79).⁴³

Возвращаясь к поставленному выше вопросу об участии верхнеднепровских славян в заселении Среднего Поднепровья в послечерняховское

⁴³ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 121—122; Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. МИА, № 108, 1963.

время. До сих пор речь шла преимущественно о том, что реберчатая керамика, характерная для ранних тясминских, надпорожских и верхнебугских поселений, могла иметь лишь верхнеднепровское происхождение. Другие черты культуры — форма жилищ, расположение поселений на низких местах, погребальная обрядность и др. — не противоречили этому предположению. Теперь укажу еще на некоторые факты, связывающие происхождение среднеднепровских славян VI—VIII вв. (с реберчатой керамикой) с Верхним Поднепровьем.

Известно, что одним из наиболее характерных элементов культуры древних балтов были предметы, инкрустированные эмалью. В области Верхнего Поднепровья эти эффектные украшения были, несомненно, в ходу также и у славянского населения, тесно связанного с балтами, о чем говорят находки вещей с эмалью в Кветунских курганах на Десне и на

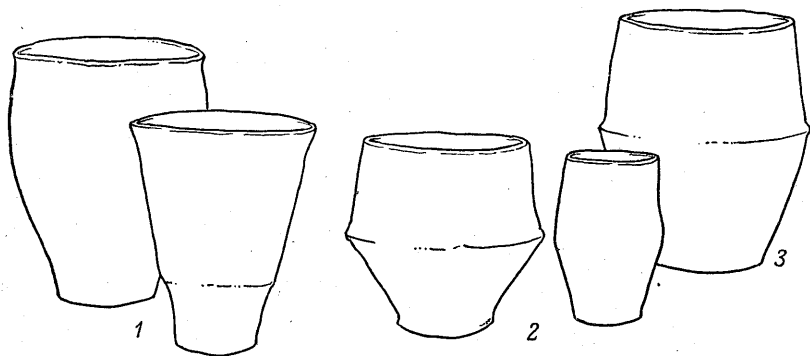

Рис. 79. Формы керамики VI—VIII вв. из Акатовского могильника (1), Демидовского (2) и Лахтеевского (3) городищ.

селище Обидня на р. Адаменке у Днестра. В последнем пункте, как выяснили раскопки, эти украшения производились на месте.

В середине I тыс. н. э. предметы с эмалью в большом числе распространились на Среднем Днестре. До сих пор оставалось, однако, неизвестным, как они туда попали, как были занесены и с какими памятниками (местами поселений, могильниками) должны быть связаны. Теперь можно высказать предположение, что эти вещи оказались на Среднем Днестре в результате проникновения туда населения из Верхнего Поднепровья, имевшего в своем составе балтийские элементы. Следует вспомнить, что не так давно Б. А. Рыбаковым была высказана мысль, что вещи с эмалью в Среднем Поднепровье принадлежали полянам.⁴⁴ Мысль эта представлялась совсем необоснованной. Но, по-видимому, Б. А. Рыбаков все же был близок к истине. Именно прежде всего полянами должны были являться среднеднепровские славяне VI—VIII вв., употреблявшие реберчатую керамику.

Яркой особенностью культуры верхнеднепровских балтов в I тыс. н. э. являлись святилища, представляющие собой круглые площадки, иногда несколько углубленные в землю. В центре такой площадки стоял, по-видимому, деревянный идол, по краям — столбы или идолы меньших размеров. Ниже речь пойдет о том, что такие святилища или их элементы во второй половине I тыс. н. э. были усвоены верхнеднепровскими славянами («ограды» курганов). И, конечно, не случайно, что почти такие же святи-

⁴⁴ Н. М о о р а. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmuckes. SMuA, XL, 1934, стр. 75 и сл.; X. А. М о о р а. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2, стр. 27; Б. А. Р ы б а к о в. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, 1947.

лица, таких же точно размеров, оказались на славянских поселениях VI—VII вв. на Тясмине. Одно из них — сооружение № 18 на селище Луг I около с. Пеньковки — не вызывает никаких сомнений. Оно почти полностью повторяет святилища верхнеднепровских балтов. Около него были обнаружены остатки другого такого же сооружения, вероятно более старого. На полу его был найден раздавленный землей биконический глиняный сосуд. По-видимому, такое же сооружение, очень плохо сохранившееся, оказалось и на другом тясминском поселении — на Стецовке. Там обнаружена такая же площадка, окруженная канавкой, очень похожей на круговые канавки верхнеднепровских святилищ. На поверхности площадки были обнаружены пятна сажи.

Конечно, сейчас имеется еще мало данных, чтобы считать мысль о распространении верхнеднепровских славян на юг в середине I тыс. н. э. совершенно бесспорной. Но такая гипотеза несомненно имеет право на существование. Во всяком случае, она во много раз убедительнее, чем высказанная недавно И. И. Ляпушкиным мысль о приходе славян на Средний Днепр в VI в. из поречья Дуная. Единственным его аргументом является летописный рассказ о Кие, которому не удалось закрепиться на Дунае, после чего он с родом своим перешел на Днепр (где до него, как думает И. И. Ляпушкин, никаких славян не было) и положил начало полянскому племени.⁴⁵

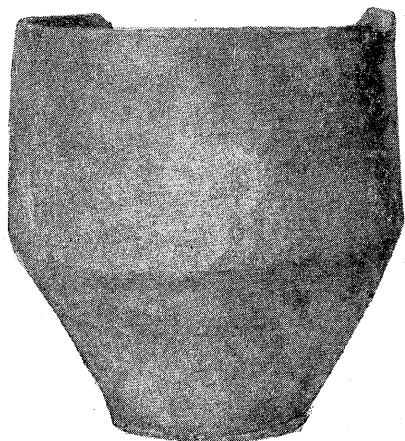

Рис. 80. Сосуд из могильника у с. Артюховка.

В заключение обращаюсь еще к одной археологической находке. Выше, при обзоре славянских древностей третьей четверти I тыс. н. э. Среднего Поднепровья, мной было высказано предположение, что такие древности, известные

повсеместно в лесостепном Правобережье, должны быть и в областях Левобережья. Эта мысль подкреплялась ссылкой на несколько кладов указанного времени, найденных на границе леса и степи в южных частях деснинского бассейна. Теперь, после рассмотрения археологических памятников южных областей Верхнего Поднепровья, можно вернуться к данному вопросу и обратиться к одной старой находке — к погребениям с трупосожжениями, найденным в 1909 г. у с. Артюховка в бассейне верхнего течения р. Сулы. По данным, собранным об этой находке Н. Е. Макаренко, там были найдены на пашне два глиняных сосуда. Один из них, разбитый на месте, не сохранился. Другой был опубликован Н. Е. Макаренко. Это ребристый лепной сосуд такой же формы, что и сосуди из поречья Десны, из Новобыховского могильника и Колочинского городища (рис. 80). Н. Е. Макаренко сравнивает артюховские сожжения с сожжениями из Константинова и Ярмолинца.⁴⁶ Константиновский (Малобудковский) могильник является, очевидно, более поздним. Его относят обычно к древностям волынцевского типа.

⁴⁵ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 14—16, 27—28, 57—58, 65, 95—99, 102; Д. Т. Березовец. Поселения улицей на р. Тясмине, стр. 166—167, 204; В. П. Петров. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э., стр. 212—215; И. И. Ляпушкин. Некоторые вопросы из преемственности восточных славян. КС, в. 100, 1965, стр. 122—123.

⁴⁶ Н. Е. Макаренко. 1) Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, в. 43, 1911, стр. 118—119; 2) Отчет об археологических исследованиях в Подтавской губернии в 1906 г. ИАК, в. 22, 1907, стр. 50—54.

Артюховская находка — это важное свидетельство в пользу того, что в третьей четверти I тыс. н. э. славянские племена, близкие деснинским, проживали в днепровском лесостепном Левобережье. Вероятно, именно им принадлежали местныеклады «древностей антов».

Балты и славяне в северных областях

Верхнего Поднепровья в середине и третьей четверти I тыс. н. э.

1

Наряду с изучением славянских древностей в поречье Десны и южных частях Верхнего Поднепровья в течение последнего десятилетия впервые в археологии проводились значительные работы по изучению древней культуры восточных балтов. Они были сосредоточены в северной части Поднепровья, преимущественно в верховьях Сожа. Зарубинецкие племена в массе сюда не проникали. Здесь отмечено плотное скопление балтийской гидронимии, свидетельствующее о жизни балтийского населения вплоть до относительно позднего времени. Обнаруженные в этой местности древности, относящиеся к середине и третьей четверти I тыс. н. э., оказались во многом непохожими на синхроничные им славянские.

Восточнобалтийские племена — обитатели северных областей Верхнего Поднепровья и его периферии — стояли на более низкой ступени развития по сравнению со славянами, а также с западными балтами, жившими в областях, примыкающих к юго-восточному побережью Балтийского моря. Вплоть до второй четверти I тыс. н. э. у восточных балтов сохранялись древние формы обжигания и культуры, характерные для раннего «железного века». До этого времени в правобережных областях переживала культура штрихованной керамики с ее патриархальными городищами. Древняя культура городищ Смоленщины, в частности поречья Верхнего Сожа, также захватила первые века нашей эры. Выше шла речь о том, что в районах, лежащих ближе к поречью Десны, местная культура подверглась в это время значительному зарубинецкому влиянию, но не утратила при этом своей специфики. К этому времени относятся средние слои городищ Тушемли, Демидовского и др.

В середине I тыс. во всех областях северной части Верхнего Поднепровья и по его периферии у восточных балтийских племен наблюдался значительный сдвиг в области социально-экономических отношений. Старая форма поселений-городищ, господствовавшая в течение тысячелетия, сменилась в это время другой формой поселений. Люди переселились на удобные для жизни невысокие и ровные берега рек и озер. Вокруг них не возводились оборонительные сооружения. Поселения значительно увеличились по размерам — и не столько за счет того, что жилища сооружались теперь менее скученно, сколько за счет увеличения числа жителей. Это был закономерный процесс смены патриархально-родового строя новой, последней формой общественно-экономических и политических отношений, свойственных первобытному обществу, — территориально-общинным устроением. В основе его лежали глубокие изменения в экономической жизни, св.занные в первую очередь с развитием сельского хозяйства и его техники. Этот процесс, протекавший почти одинаково у всех племен лесной и лесостепной полосы Восточной Европы, был неоднократно прослежен по археологическим материалам Верхнего и Среднего Поволжья, Поднепровья и Прибалтики. В разных местах, в зависимости от местных исторических условий, он протекал, однако, в различные сроки. В среде раннеславянских племен — западных и восточных, — давно имевших более высокую земледельческо-скотоводческую культуру и живших по

соседству с другими передовыми для своего времени племенами — скифами, кельтами, даками, — древние формы патриархального строя были изжиты к исходу I тыс. до н. э. У восточных балтов и поволжских финноугров, живших в глубине лесов и имевших более консервативную экономику, это произошло на два-три века позднее.⁴⁷

Судя по материалам двух селищ середины и третьей четверти I тыс. н. э., обследованных в верхнем течении Сожа около деревень Слобода Глушица и Устье, они принадлежали тому же населению, которое в предыдущие столетия сооружало укрепленные поселения — городища типа среднего слоя Тушемля и среднего слоя Демидовского городища. Об этом говорит преемственность в формах и орнаментации глиняной посуды, еще до конца не потерявшей те особенности, какие она приобрела в результате зарубинецкого влияния, но изменившейся не в том направлении, как верхнеднепровская славянская, а в направлении приближения к керамике более западных балтийских племен. Керамика последних не подверглась зарубинецкому воздействию и сохраняла древние формы. В итоге на территории Смоленщины произошло как бы возрождение древних форм керамики. Лишь ее фактура стала теперь совсем иной. На селище у д. Устье были открыты остатки жилища — наземного длинного дома столбовой конструкции с каменным очагом, совсем не похожего на славянские полуземлянки. Здесь налицо те местные традиции домостроительства, которые сложились у восточных балтов еще в раннем «железном веке». Скромный ассортимент изделий, относящийся к этому времени, — серп, коса-горбуша, ручные жернова, простые удила, кресало, пряслица от веретен и др., — свидетельствует о земледельческом сельском быте.⁴⁸

Несколько позднее, но в рамках той же третьей четверти I тыс. н. э., восточные балты стали сооружать небольшие укрепления-убежища. Их было здесь очень много; каждый поселок сооружал такое убежище, расположенное обычно на мысу высокого и крутого берега и окруженное системой валов, рвов и деревянных стен. Среди городищ северных областей Верхнего Поднепровья, — а их известно несколько сот, — самая большая группа является остатками таких убежищ. Очевидно, обстановка в Верхнем Поднепровье была в то время далеко не мирной. В области верхнего течения Сожа, где городища-убежища были исследованы в последние годы, все они были сооружены более или менее по одному и тому же плану и все они погибли от огня, по-видимому одновременно.

Раскопки были произведены на нескольких таких городищах-убежищах, причем два из них — Тушемля (верхний слой) и Слобода Глушица, расположенные возле упомянутого только что селища, — были раскопаны целиком. Это дало возможность реконструировать облик первобытных «крепостей» восточных балтов и выявить ряд интересных черт их древней культуры — домостроительства, быта и религиозных представлений (рис. 81).

Городище Тушемля, расположенное на берегу речки Тушемля, недалеко от впадения ее в Сож, занимает продолговатый мыс, ограниченный двумя оврагами. От плато коренного берега площадка городища отделена пятью линиями укреплений, каждая из которых состояла из земляного вала, стоящей на нем деревянной ограды и наружного рва. Две верхние линии укреплений окружали площадку городища со всех сторон по ее

⁴⁷ П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. СА, в. II, 1937; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941; R. Volkaitė-Kulikauskienė. Miniatiūrių piliakalnių Lietuvoje klausimu. ILLI, II, 1959.

⁴⁸ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 25—26, 112—117.

периметру: одна выше другой. Площадь, занятая укреплениями, значительно превышала защищаемую ими площадку городища, размеры которой составляли около 800 м². Такая же картина отмечена на городище Городок, на Вошкинском городище и на многих других верхнеднепровских городищах, планы которых были опубликованы в свое время А. Н. Лявданским. Многие городища имели по две линии укреплений. Городища-убежища с одним валом и рвом встречаются, как исключения.⁴⁹

Наиболее интересной и при этом постоянной особенностью городищ-убежищ являются круговые постройки, расположенные по периметру площадок городищ, у первой внутренней линии укрепления и иногда с ней непосредственно связанные. Так было на Тушемле, где земляная насыпь, окружавшая площадку, опиралась на наружную стену постройки. В других случаях (на Городке, в Слободе Глушице) между стеной постройки и линией укреплений оставался узкий проход. Центральная часть площадки

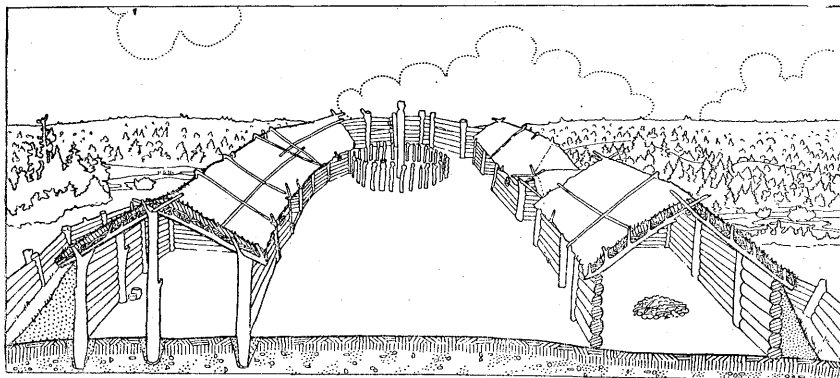

Рис. 81. Городище Туשמле. Реконструкция автора.

на Туשמле, как и на других городищах, была свободна от построек. Такой «двор» у большинства убежищ был очень небольшим. На Туשמле он имел форму вытянутого овала, длиной 20—22 м и шириной всего лишь 10 м. На городище Слобода Глушица размеры внутреннего «дворика» составляли 7×10 м.

Деревянная постройка, огибающая почти со всех сторон «двор» Туשמле, была традиционной столбовой конструкции. Основу ее стен составляли вкопанные в землю массивные деревянные столбы, поставленные на расстоянии 2.25—2.50 м друг от друга. Пространства между столбами были забраны бревнами, укрепляемыми в пазах вертикальных столбов. Такой прием сооружения построек, особенно хозяйственных, хорошо знает верхнеднепровская этнография. Ширина постройки, т. е. расстояние между внутренней и наружной стенами, равнялась 4—4.50 м. Судя по сохранившимся следам внутренних поперечных стен, постройка разделялась на отдельные секции, размером приблизительно 4×6 м. В каждой такой

⁴⁹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные изв. Смоленск. гос. унив., т. III, в. 3, 1926; А. Н. Лявданский. Археологические доследы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губерніі. Працы, т. II, 1930; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 42—71, 93—107. — На основании данных радиоуглеродного анализа (С¹⁴) дата пожара на Туשמле была определена в этой работе как середина IX в. (стр. 33 и др.), что несколько не совпадало с археологической датировкой. Теперь стало известно, что дата полураспада атомов углерода была несколько занижена и, следовательно, пожар на Туשמле и других аналогичных городищах Верхнего Посожья был на 50—60 лет раньше, т. е. в конце VIII в. н. э.

секции был очаг — площадка, выложенная камнем в 2—3 ряда. Очаг располагался обычно в середине помещения и лишь в отдельных случаях в одном из его углов.

Остатки таких же точно построек, такого же или несколько меньшего размера и с такими же очагами, были открыты на Городке, на Вошкинском городище, в Слободе Глушице, на Акатовском городище. В основных чертах эта постройка не отличалась от столбовой постройки, остатки которой были исследованы на упомянутом выше селище у д. Устье, расположенном в той же части Верхнего Посожья.

Крыша постройки на Тушемле была двускатной, но несколько асимметричной. Наружный скат крыши (обращенный к краю площадки) был более коротким и крутым. На массивных стропилах лежали толстые прутья лещины (орешника), засыпанные сверху землей. Такая земляная кровля составляла, по-видимому, одно целое с земляной насыпью, примыкавшей к наружной стене постройки. Внутренний скат крыши, более пологий и длинный, не имел земляного покрытия, или же оно было совсем незначительным по толщине и его следы не сохранились.

С западной стороны площадки в постройке был интервал. Здесь находились ворота шириной 1.25 м — узкий проход, который вел из «двора» к краю площадки городища. Отсюда дорога или тропа шла ко второму рву, по дну которого, обогнув склоны городища с севера, можно было выйти наружу.

Особенностью городища Тушемля, имевшейся далеко не во всех укреплениях-убежищах, а лишь в некоторых из них, было находящееся в его пределах языческое святилище. Оно располагалось в конце «двора», около стрелки городища, и представляло собой круглую утрамбованную площадку диаметром 6 м, по краю которой, по кругу, стояли деревянные столбы — вероятно, изображения божеств, — а в центре находился большой и массивный столб, изображавший главное божество.

Остатки такого же святилища были открыты еще на двух городищах — в Городке и Прудках, — находящихся в нескольких километрах от Тушемли. На Городке была обнаружена при этом одна в высшей степени интересная деталь, а именно — остатки головы медведя, лежащие вблизи от центрального столба. Это была именно голова, а не череп медведя. Доказательством служит то, что верхняя и нижняя челюсти сохранили свое естественное положение. По-видимому, голова медведя, занимавшего, как известно, одно из центральных мест в языческих верованиях и мифологии древних балтийских племен, увенчивала центральный столб.⁵⁰ Главное божество, вырезанное из дерева, имело здесь медвежью голову!

Наиболее древним святилищем такого рода в области верхнего течения Сожа является святилище среднего слоя Тушемли. Оно относится еще к первой половине I тыс. н. э. К этому же времени принадлежат следы святилища на Благовещенской Горе на Десне.

Ниже, когда речь пойдет о балто-славянских отношениях и связях, выявляемых по археологическим памятникам Верхнего Поднепровья и его периферии, я еще возвращусь к этим святилищам. Отмечу лишь, что их остатки, — в тех случаях, когда идолы были не деревянными, а каменными, — сохранились в некоторых пунктах в Поднепровье и других землях древних балтов вплоть до средневековья. Ближайшим аналогом таких святилищ является святилище, описанное в X в. Ибн Фадланом.

Состав находок, сделанных в развалинах городища Тушемля, оказался весьма своеобразным. Он указывает на то, что в пределах городища не было постоянного населения. Здесь могли жить все время лишь лица, обслужи-

⁵⁰ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 31—32, 96—99.

вающие святилище. Такая же картина наблюдалась и в других местах. Именно потому культурные наслоения городищ-убежищ являются очень незначительными и бедными по содержанию. На многих городищах-убежищах культурный слой по сути дела полностью отсутствует.

Но городища-убежища были подготовлены к приему значительного числа людей. На Тушемле, в пределах постройки, было найдено большое число глиняных сосудов — около 25. В одном месте был обнаружен склад посуды — 9 штук, причем меньшие сосуды для экономии места были вложены в более крупные. На Банцеровском городище около Минска, исследованном в начале 30-х годов белорусскими археологами, верхний слой которого относится к такого же рода убежищу того же времени, сосуды, найденные в остатках сгоревшей постройки, были наполнены горохом, конскими бобами, викой, просом и пшеницей.⁵¹

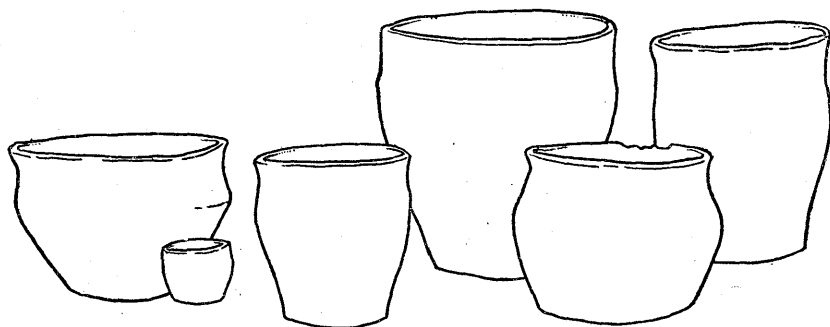

Рис. 82. Керамика из раскопок на городище Тушемле (верхний слой).

Наряду с находками многочисленных сосудов другие находки на Тушемле, как и на всех подобных городищах-убежищах, оказались более чем бедными. На Тушемле в слое, относящемся к убежищу, найдены лишь половина маленького биконического пряслица, обломок железной застегки, один серп и верхний камень небольшого круглого жернова. По моему мнению, отсутствие находок объясняется не только тем, что на Тушемле не было постоянных обитателей, но и тем, что убежище не было использовано для обороны. Если бы сюда собрались в большом числе люди, спасавшиеся от врага, они принесли бы с собой и свое имущество, от которого кое-что несомненно осталось бы и на долю археологов. Вместе с тем необходимо еще раз указать, что Тушемля и все другие синхроничные ему городища-убежища балтов Верхнего Посожья и других местностей в северной части Верхнего Поднепровья погибли от пожара. Они были сожжены. Очевидно, эти убежища, на сооружение которых верхнеднепровские балты потратили так много сил и времени, не оправдали себя. Неприятель, речью о котором пойдет ниже, без труда овладевал ими. Поэтому население Верхнего Посожья при приближении врага не заперлось в своих городках-убежищах, а скрылось в окрестных лесах. Городки же, как и селения, стали жертвой огня.

Глиняная посуда Тушемли и других однотипных городищ, изображенная на рис. 82, заметно отличается от синхроничной ей славянской керамики южных областей Верхнего Поднепровья. Это горшки простейшей баночной формы, со слегка профилированным горлом. Лишь некоторые из них приближаются по форме к деснинским, условно названным мной тюльпановидными. Сосудов биконических очертаний здесь совсем нет. Лишь

⁵¹ К. Фляксбэргер. Зерны з Банцараўскага гарадзішча над Менскам. Працы, т. III, 1932, стр. 163—166.

миски, форма которых сохраняет, как мне кажется, отголоски позднезарубищенского влияния, несколько похожи на славянские. Интересно, что ни на Тушемле, ни на других городищах не найдено ни одного обломка глиняных тарелок (сковородок), так характерных для славянских древностей этого времени.

Я уже упоминал, что материалы Тушемли (и «архитектура» и находки) оказались очень близкими материалам Банцеровского городища под Минском. Они имеют много общего и с археологическими материалами третьей четверти I тыс. н. э. из восточных районов Литвы и Латвии, где, к сожалению, больших раскопок памятников этого времени почти не производилось.⁵²

Остается пока не разъясненным вопрос о погребальных обычаях и погребальных памятниках поднепровских балтов этого времени. В области верхнего течения Сожа и в смежных областях, где количество принадлежащих им селений и городищ-убежищ середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. составляет многие десятки, не имеется бесспорных могильников, связанных с этими селениями. Могильник на Акатовском озере, как указано выше, принадлежит к славянской или смешанной балто-славянской культуре. Еще в большей степени такое определение приложимо к известным в этой области курганам с трупосожжениями, относящимся к самому концу I тысячелетия н. э., речь о которых будет идти ниже.

У балтийских племен в восточных областях Литвы и на юго-востоке Латвии до начала нашей эры были распространены курганы с трупосожжениями. В первой половине I тыс. н. э. их сменили курганные могильники, содержащие по нескольку обычных захоронений в каждом кургане. С V—VI вв. там снова совершился переход к обряду сожжения, но опять-таки с помещением результатов кремации в курганы.⁵³ Почему так произошло с погребальным обрядом — является пока что загадкой. Иногда археологи предполагают, что возврат к обряду сожжения в Восточной Литве был результатом славянского влияния. Но это предположение ничем серьезно не аргументировано.

У днепровских балтов во II тыс. до н. э. имелись курганы с сожжениями, по-видимому напоминающие западнобалтийские. Здесь имеются в виду некоторые курганы позднесреднеднепровского типа и курганы периода поздней бронзы, раскопанные на Десне Ф. М. Заверняевым у д. Дядьковичи в урочище Лунева и В. А. Падиным около г. Трубчевска.⁵⁴ Но в последующее время никаких балтийских погребальных памятников на Верхнем Днепре не известно, если не считать могильников с трупосожжениями милоградской культуры, стоящей среди верхнеднепровских древностей несколько особняком. Мне хочется, однако, думать, что у поднепровских балтов в «железном веке» также был распространен обряд сожжения. Но результаты кремации не погребались в землю, а помещались на поверхности земли в сооружениях из дерева, подобных «домику мертвых», как это было на верхневолжском городище Березняки. О связи этого памятника с культурой верхнеднепровских балтов речь шла в предыдущем очерке.

Мне представляется, что остатки поверхностных захоронений результатов кремации, принадлежащих балтам, могут быть указаны в некоторых пунктах Верхнего Поднепровья. Наиболее интересным среди них является местонахождение у д. Хотица в междуречьи Днепра и Прони около Слав-

⁵² R. Volkaitė-Kulikauskienė. Miniatiūrių piliakalnių Lietuvoje klausimu, стр. 125 и сл.

⁵³ А. З. Гаутаевичус. Восточнолитовские курганы. ВЭИП, т. 1, 1959.

⁵⁴ Ф. М. Заверняев. Памятники эпохи поздней бронзы в бассейне Верхней Десны. СА, 1964, № 1; В. А. Падин. Курганы эпохи бронзы около Трубчевска. СА, 1963, № 1.

города, обнаруженное в 1912 г. По данным И. А. Сербова, там при корчевке леса, т. е. в верхнем слое почвы, на небольшой площади были найдены вместе с пережженными костями многочисленные предметы убора и украшения, обычные для инвентаря могильника. В их числе было более 30 бусин — янтарных и стеклянных (синих и красных), 3 бронзовых витых перстня, 7 бронзовых браслетов (витых и массивных), круглых в сечении с утолщенными концами, 2 гривны с привесками, 9 фибул, 3 бляшки с украшениями в виде птичьих головок и фигуркой человека, несколько обломков посуды «гончарной работы» (?) и много пережженных костей. К сожалению, эта интересная коллекция не сохранилась. В последующие годы там было найдено еще несколько бусин из янтаря, браслеты с утолщенными концами и обломок бронзовой позолоченной пряжки, украшенной птичьей головкой (рис. 83). Вещь эта близка материалам средневропей-

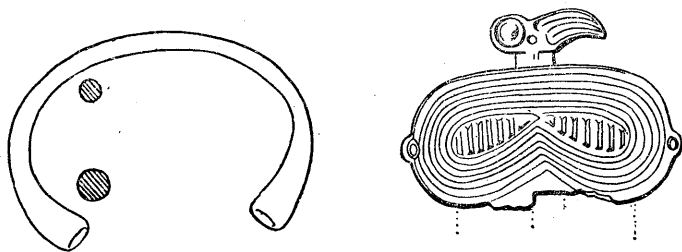

Рис. 83. Могильник (?) у д. Хотища. Некоторые находки (по А. Н. Лявданскому).

ских могильников V—VII вв., где нередко находят и браслеты с утолщенными концами. Вероятно, бляшки, найденные в 1912 г., принадлежали к этой же группе древностей. Сюда же могли относиться и фибулы. Что касается гривен с привесками, то такие украшения известны у балтов, а также у окских финно-угров. Это был, таким образом, весьма интересный комплекс отнюдь не славянских древностей. О формах керамики ни один из исследователей этого пункта не сообщает. Обследование этого места в наше время Ю. В. Кухаренко, к сожалению, не дало никаких результатов.⁵⁵

У д. Хотища располагался, вероятно, целый «поселок мертвых», состоящий из нескольких погребальных домиков.

Исследователь археологических памятников Смоленщины Е. А. Шмидт сообщил, что ему известно еще одно подобное место, где на поле в пахотном слое обнаруживается большое количество мелких обломков пережженных костей, таких же, какие оставались в древности после сожжений. Но никаких вещей там не найдено. Место это находится на левом берегу Днепра около впадения р. Уфиньи.

2

Итак, в результате археологических исследований, проведенных в Поднепровье за последние годы, были получены как бы два эталона: славянский и восточнобалтийский. Опираясь на них, оказалось возможным с большей или меньшей долей вероятности дать этнические определения большинству известных в настоящее время верхнеднепровских древностей и получить некоторое представление о продвижении славян в се-

⁵⁵ И. А. С е р б а ў. Археолёгічныя абсьледваньня ў вадазборах рэк Проні—Ухлясьці ў был. Магілеўшчыне. Працы, т. III, 1932, стр. 240; А. Л я ў д а н с к і. Розныя знаходкі. Там же, стр. 244; Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники заруби-нецкой культуры в области Верхнего Поднепровья, стр. 28.

верные области, о балто-славянских отношениях и связях, а также о процессе ассимиляции восточных балтов славянами.

Конечно, еще очень многое здесь остается далеко не ясным. Археолог уподобляется в данном случае историку ранних эпох, который, как правило, должен строить свои выводы на основе немногочисленных и нередко случайных или спорных фактических данных. Но общую тенденцию исторического и этногенетического процесса на основании археологических данных все же, как мне представляется, здесь возможно уловить.

Очевидно, славяне в середине и второй половине I тыс. н. э. отдельными ручейками все дальше и дальше проникали на север. Возможно, что наперерез их движению с запада шла другая, сравнительно незначительная волна славянского расселения, отмеченная поселениями с керамикой, открытой прочесами. В этих условиях целостность территории верхнеднепровских балтов повсеместно была нарушена. В третьей четверти I тыс. н. э. балтийское население в северных областях Верхнего Поднепровья сохранялось в виде отдельных, в большинстве случаев изолированных друг от друга «островов». Бассейн Верхнего Сожа, древности которого охарактеризованы выше, являлся одним из наиболее крупных таких «островов» в области днепровского Левобережья, долго не терявшим связей с балтийскими областями на северо-западе. Балтийские «острова» имелись и восточнее — в примыкающих к Поднепровью частях Волго-Окского междуречья. Здесь вплоть до начала II тыс. н. э. жили «люди голяды», в которых справедливо видят балтийское племя.⁵⁶ Оно сохранило до XI в. (или восстановило в это время) свою политическую самостоятельность, которую Изяслав сломил силой оружия. Другие восточнбалтийские племена утратили политическую независимость значительно раньше и только благодаря этому не попали на страницы летописи. Но их этнические следы в той или иной форме сохранились не только в IX—X вв., в период возникновения Древнерусского государства, но и в последующие столетия.

В Правобережье — по Березине и Друти — также долго сохранялись компактные массы восточнбалтийского населения. Об этом говорят не только данные археологии — верхние слои городищ типа Тушемли или Банцеровского городища, — но и плотные скопления балтийских гидронимов. М. Гимбутас сделала попытку нанести балтийские «острова» Верхнего Поднепровья на карту.⁵⁷ Но эта карта представляет собой, конечно, не более чем провизорную схему, так как строго определенных данных для ее составления, если не считать некоторых районов, пока что не имеется.

В конце третьей четверти I тыс. н. э. в истории северной части Верхнего Поднепровья произошло еще одно крупное событие, в результате которого этническая картина здесь значительно усложнилась, а балтийские «острова» еще более сузились. Речь идет о проникновении в область Верхнего Поднепровья нового славянского населения, оставившего после себя своеобразные погребальные памятники — длинные курганы. Уже давно эта группа древностей была связана с летописными кривичами, «иже седять на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра».

Длинные курганы представляют собой овальные, удлинённые или длинные валообразные насыпи, содержащие внутри остатки трупосожжений. Они являлись, по-видимому, семейными усыпальницами: число трупосожжений в кургане колеблется обычно от 2—3 до 5—6. С каждым новым захоронением курган все более и более увеличивался в длину. Известны валообразные насыпи длиной в десятки метров, но они еще никогда полностью

⁵⁶ В. Б. Вилинбахов и Н. В. Энговаров. Предварительные замечания о западных галиндах и восточной голяди. *Slavia Occidentalis*, 23, Poznań, 1963.

⁵⁷ M. Gimbutas. *The Balts*. London, 1963, стр. 151.

не раскапывались. Удлиненные курганы с одним трупосожжением являются, как правило, поздними, относящимися к VIII—IX вв.

Впервые длинными курганами заинтересовался В. И. Сизов, в конце прошлого столетия производивший их раскопки в нескольких пунктах в области Смоленского Поднепровья.⁵⁸ В начале нашего века А. А. Спицын посвятил им небольшое исследование, высказав предположение, что длинные курганы — это погребальные памятники летописных кривичей. Его смущало, однако, то обстоятельство, что предметы убора и украшения, происходящие из длинных курганов, имеют преимущественно либо прибалтийское, либо финно-угорское происхождение.⁵⁹

В 1941 г. Н. Н. Чернягинин была составлена карта длинных курганов и заново суммированы данные об их исследованиях, число которых к этому времени несколько увеличилось. Была подтверждена дата этих памятников — VI—IX вв.; уточнен их ареал в верхнем течении трех рек — Днепра, Волги и Западной Двины, — а также в южной части бассейна Чудского озера. Было выяснено, что они представляли собой в этих областях массовое явление, что других синхроничных погребальных памятников здесь не было. Следовательно, длинные курганы могли принадлежать только основной группе населения — кривичам. В последующие годы длинные курганы исследовались С. А. Таракановой в Псковской земле, Я. В. Станкевич в верховьях Западной Двины, Е. А. Шмидтом на Смоленщине и др. Эти исследования дали много нового и интересного относительно деталей погребальной обрядности и хронологии длинных курганов в разных частях их территории. Нельзя лишь согласиться с попытками С. А. Таракановой отнести начальную дату появления длинных курганов к первой половине I тыс. н. э.⁶⁰

Недавно все данные о длинных курганах — старые и новые — были обстоятельно проанализированы В. В. Седовым. Он выяснил, что в различных частях занятой ими области эти памятники имели некоторые особенности, — в частности, что более ранние группы длинных курганов, восходящие к середине I тыс. н. э., локализируются в южных частях бассейна Чудского озера и на Западной Двине, в других местах длинные курганы распространились лишь в последующие столетия. Появлению длинных курганов повсюду соответствовали заметные перемены в облике поселений. Их культура генетически не связывается с местной культурой ни у Чудского озера, ни на Двине, ни на Смоленщине, где длинные курганы появились не раньше конца VII—начала VIII в. И самое существенное: рассматривая детали погребальной обрядности, В. В. Седов убедительно показал, что длинные курганы в IX—X вв. преемственно сменились круглыми «индивидуальными» курганами с трупосожжением, принадлежность которых славянскому населению не вызывает никаких сомнений. Он обратил также внимание на то, что многочисленные вещи балтийских типов, происходящие из длинных курганов, которые в свое время смущали А. А. Спицына и до сих пор вызывают вопросы у многих исследователей, встречаются не столько в ранних, сколько в более поздних длинных кур-

⁵⁸ В. И. Сизов. Длинные курганы в Смоленской губернии. Тр. XI АС, т. II стр. 81.

⁵⁹ А. А. Спицын. Удлиненные и длинные русские курганы. ЗОРСА, т. V, в. 1, 1903; Фонд А. А. Спицына в Архиве ИА в Ленинграде, д. 61.

⁶⁰ Н. Н. Чернягинин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1944; П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. Там же; С. А. Тараканова. Длинные и удлиненные курганы. СА, в. XIX, 1954; Я. В. Станкевич. 1) Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины. КС, в. 72, 1958; 2) Курганы у д. Полибино на р. Ловати. КС, в. 87, 1962; Е. А. Шмидт. Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском районе. СА, 1958, № 3; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 177—192.

ганах. «Отсутствие каких-либо балтийских находок в ранних курганах Смоленщины и Полотчины свидетельствует о том, что первоначально славянское население здесь не смешивалось с местным (балтийским по языку) населением».⁶¹ Это очень важное и, очевидно, справедливое наблюдение.

Яркая и в высшей степени убедительная картина расселения славянских племен, насыпавших длинные курганы, была получена в ходе археологических исследований последних лет в области верхнего течения Сожа, на левобережной Смоленщине. Выше были охарактеризованы археологические памятники обитавших в этой местности восточных балтов — их поселения, городища-убежища и святилища. Было также указано, что исследованные здесь городища погибли в результате больших пожаров приблизительно в одно и то же время — где-то в середине или конце VIII в. Возвращаясь снова к этой теме, можно указать, что пожары на городищах балтов, живших по берегам Сожа, явились скорее всего делом кривичей — людей, оставивших длинные курганы. Об этом свидетельствует не только общее хронологическое соответствие пожаров с появлением в Верхнем Посожье населения с длинными курганами, но и такие факты, как расположение могильников с этими курганами на местах поселений балтов, обычно на их окраинах. Очевидно, пришельцы — кривичи — поселялись на местах старых селений, среди освоенных для земледелия районов. Их поселки были сравнительно небольшими. Поэтому могильники из длинных курганов, насыпанные рядом с ними, оказывались на площади, занятой культурными наслоениями, оставленными предшествующим местным населением.

Такие факты отмечены уже в нескольких пунктах: в д. Слобода Глушица на р. Соже, в д. Арефино в поречье Днепра выше Смоленска и др.

Керамика, происходящая из длинных курганов, совсем не похожа на посуду местных балтов. Это сосуды с отчетливо профилированной шейкой, нередко орнаментированные по плечикам гребенчатыми штампами (рис. 84). В других областях керамика из длинных курганов также заметно отличается от местной. Что касается бронзовых украшений, составивших принадлежность женского костюма, то в длинных курганах Смоленщины VIII—начала IX в. они имеют ясно выраженный латгальский, т. е. западный, прибалтийский облик. Очевидно, славянское население, пришедшее на Смоленщину, усвоило у балтов эти эффектные элементы костюма. Несомненно имели место также и случаи смешения славянского и балтийского населения.

Таким образом, группировка восточных балтов, обитавшая в Верхнем Посожье, была потеснена, а может быть, и разгромлена славянским населением, пришедшим не с юга по Днепру и не с юго-востока из поречья Десны, а с запада или с северо-запада. Если вопрос о происхождении культуры длинных курганов еще нельзя считать окончательно решенным, то ее западное происхождение вряд ли является спорным. В. В. Седов полагает, что эта культура возникла в междуречье Немана, Припяти и Вислы, где имеются ее погребальные памятники, по-видимому, раннего времени (валообразные насыпи).⁶² Но они никогда не подвергались изучению путем раскопок. Что касается небольших длинных или удлинённых курганов, исследованных в области Верхнего Понеманья, то, по данным Ф. Д. Гуревич, все они относятся к последним векам I тыс. н. э.⁶³

Места обитания славянского населения, насыпавшего длинные курганы, остаются почти не исследованными. Известно лишь, что это были не городища, а открытые поселки, расположенные на невысоких речных бе-

⁶¹ В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1, стр. 60.

⁶² Там же, стр. 56.

⁶³ Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлинённых курганах в Западной Белоруссии. КС, в. 72, 1958.

регах. Их обитатели жили не в землянках, как большинство более южных славянских племен, а в наземных жилищах — рубленых из бревен «черных» избах, от которых на долю археологов остаются обычно лишь остатки разрушенных печей-каменок. В северных областях, около Чудского озера, в бассейне Западной Двины и Верхней Волги известно несколько городищ, принадлежавших, возможно, этому же населению. Около Пскова их исследовала С. А. Тараканова.⁶⁴ Но вполне бесспорных данных о связи этих городищ с культурой длинных курганов в распоряжении археологии пока не имеется.

Таким образом, северные области Верхнего Поднепровья были заняты славянами, пришедшими из разных областей — из более южных частей Поднепровья и с запада, от западных славян. О западном происхождении кривичей не раз писали лингвисты, опираясь на данные диалектологии. Граница между западными славянами, насыпавшими длинные курганы, и их восточными соседями с самого начала была очень нечеткой. Пути их

Рис. 84. Керамика из длинных курганов Смоленщины. Слобода Глушица. Раскопки Е. А. Шмидта.

расселения во многих местах пересекались. Но в основном кривичи заняли самую северную часть Верхнего Поднепровья, примыкающую к поречью Западной Двины: берега Днепра выше г. Орши, верхнее течение Березины, самые верховья Сожа. В центре верхнеднепровской группировки кривичей возник впоследствии их «град» — Смоленск.

На восток от территории кривичей в конце I тыс. н. э. лежала земля летописных вятичей, а южнее их — земли радимичей и северян. Историками и лингвистами уже давно было отмечено, что эти три древнерусских «племяни» были близки между собой; они составляли юго-восточную группировку восточнославянского населения. Теперь, исходя из археологических данных, к этому можно добавить, что в формировании объединений вятичей, радимичей и северян основную роль сыграли потомки тех древних славян, которые пришли из Среднего Поднепровья в поречье Десны на рубеже и в начале нашей эры. В составе этих трех племенных объединений, особенно у радимичей и вятичей, в конце I тыс. н. э. были несомненно и значительные группы населения, принадлежавшего по происхождению к верхнеднепровским балтам. Их присутствие особенно отчетливо выступает в середине и третьей четверти I тыс. н. э. в древностях поречья Верхней Оки, относящихся к так называемому мощинскому типу. Позднее их особенности мало-помалу стираются. Лишь некоторые детали погребального обряда средневековых вятичей и северян, выявленные археологами, напоминают о древних языческих культах верхнеднепровских балтов.

Следует так же отметить, что лепная керамика вятичей, радимичей и

⁶⁴ С. А. Тараканова. Псковские городища. КС, в. 62, 1956, стр. 39 и сл.

северян VIII—X вв. (роменско-боршевская) по формам и орнаментации походит на керамику из смоленских длинных курганов (рис. 84). Возможно это свидетельствует о каких-то связях, которые еще предстоит исследовать. Они интересны в свете летописного предания о приходе Радима и Вятко со своими родами «от ляхов», с запада.

Остаются почти неизвестными древности конца I тыс. н. э., принадлежащие летописным дреговичам, занимавшим юго-западную часть Верхнего Поднепровья. Об их происхождении в настоящее время еще нельзя сказать ничего определенного. Хотелось бы думать, что эта группировка, подобно другим славянам южных частей Верхнего Поднепровья, ведет свое начало от племен зарубинецкой культуры. Новобыховский могильник и Колочинское городище могли принадлежать именно этим племенам. Но здесь возможно допустить также и проникновение некоторых западных элементов. Выше речь уже шла о керамике с прочесами, а также о древнем средневропейском обычае покрывать урну большим сосудом, что нередко встречается и в длинных курганах.

И, наконец, также лишь в порядке предположения, можно высказать мысль, что наиболее северная группировка летописных славян — словени новгородские — образовалась за счет выходцев из Верхнего Поднепровья, причем в освоении северных земель в VI—VIII вв. большую роль сыграли не только отдаленные потомки зарубинецких племен, но и верхнеднепровское население, относящееся по происхождению к восточным балтам и ставшее славянским (древнерусским) в результате ассимиляции его славянами.

Характерные для словен новгородских высокие курганы с трупосожжениями, сопки, нередко напоминают верхнеднепровские (смоленские) курганы. В сопках встречаются деревянные «домовины», подобные верхнеднепровским. В области Верхнего Поднепровья имеется несколько курганов, которые напоминают сопки по форме и величине. Они и расположены подобно сопкам, по одному на отрогах речных берегов. В отдельных случаях, например у д. Коцино на р. Россаже, несколько таких курганов (до 6—7 м высоты) расположены вдоль берега как бы цепочкой, в 100—200 м один от другого. В начале нашего века несколько таких курганов было раскопано на Смоленщине И. С. Абрамовым и В. Н. Глазовым, нашедшими в них остатки трупосожжений и глиняные сосуды ручной лепки, а также остатки бронзовых украшений, такие же, как происходящие из длинных курганов. К сожалению, сосуды из курганов не были опубликованы и не сохранились. В. Н. Глазов — известный знаток древностей русского Севера — в своих отчетах называл большие смоленские курганы сопками. В одном случае, у д. Ланские Шарки на р. Каспле, В. Н. Глазов обнаружил в насыпи разрушенной сопки шесть зольных прослоек, т. е. такую же ярусность, какая имеется во многих новгородских сопках.⁶⁵

Мне представляется, что большие круглые курганы Верхнего Поднепровья, относящиеся ко второй половине I тыс. н. э., дали начало погребальным памятникам словен новгородских. Но формирование последних протекало в условиях новых контактов с более западным балтийским населением, от которого сопки получили и многоярусность и свои каменные сооружения. Обилие на севере валунов способствовало усвоению этой детали погребального обряда.

Но на севере известны и бескурганные могильники с трупосожжением — также, вероятно, верхнеднепровского происхождения. Древней-

⁶⁵ А. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. В. Н. Глазовым в Смоленской губернии. ЗОРСА, т. VII, в. 2, 1907; Отчет о раскопках, произведенных И. С. Абрамовым в 1905 г. в Смоленской губернии. ЗОРСА, т. VIII, в. 1, 1906, стр. 193—199.

шая керамика городища Старая Ладога (VII—VIII вв.), по заключению Я. В. Станкевич, напоминает верхнеднепровскую.⁶⁶

Всех этих наблюдений, конечно, еще далеко не достаточно для окончательных выводов. Но во всяком случае мысль о верхнеднепровском происхождении словен новгородских является куда более вероятной, чем предположение об их западном, поморском происхождении и морском пути миграции, высказанное недавно В. Б. Вилинбаховым,⁶⁷ но встречавшееся в литературе и раньше. Одним из аргументов Вилинбахова является утверждение, что сопки «группируются вдоль водных систем, непосредственно связанных с Балтийским морем». Это неверно. Сопки группируются вокруг оз. Ильмень. Их территория непосредственно примыкает к области верхнего течения Днепра, Западной Двины и Волги, а не к Балтийскому морю. Их совсем нет на Неве, в среднем и нижнем течении Луги, на р. Нарве, на берегах Финского залива, на Ладожском озере.

Археологическая аргументация В. Б. Вилинбахова является еще более слабой. Сравнивая некоторые археологические материалы из северо-западной области с материалами балтийских славян, он обращается не к вещам VII—VIII вв., происходящим из сопок, а к более поздним вещам: древнерусским ножам, керамике, костяным гребням, которые, как известно, в X—XIII вв. имели много общего не только на славянском севере, но и на всей славянской территории.

Об этнической истории Волго-Окского междуречья в середине и второй половине I тыс. н. э.

1

Волго-Окское междуречье, ставшее в период средневековья одним из важнейших центров древнерусской культуры и государственности, всегда привлекало к себе внимание историков, археологов и этнографов, посвятивших свои труды вопросам формирования русской народности. Древняя этническая история этой области не раз вызывала горячие споры. Достаточно вспомнить хотя бы длительную дискуссию конца 20-х—начала 30-х годов, вызванную выступлением известного этнографа Д. К. Зеленина, давшего резко отрицательный ответ на вопрос, участвовали ли финны в образовании великорусской народности.⁶⁸ Большинство исследователей поддержало тогда противоположную точку зрения, указывая на обширные археологические и этнографические материалы, свидетельствующие о том, что финно-угорские племена явились одной из составных частей населения Ростово-Суздальской земли, позднее постепенно растворившейся в славяно-русской среде.

Вместе с накоплением обширного нового фактического материала шаг за шагом открывается сложная картина исторических и этногенетических взаимоотношений, складывающихся в Волго-Окском междуречье в I тыс. н. э. Сейчас уже невозможно ограничиваться повторением мнений большинства исследователей XIX—начала XX в., представляющих себе эти

⁶⁶ С. Н. Орлов. Могильник в Старой Ладоге. УЗЛГУ, № 80, 1941 (С. Н. Орлов сообщил, что в районе оз. Ильмень ему известны еще два бескурганых могильника с трупосожжением); Я. В. Станкевич. 1) Керамика нижнего слоя Старой Ладоги. СА, в. XIV, 1950; 2) Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА, в. XV, 1951.

⁶⁷ В. Б. Вилинбахов. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена. Скандинавский сборник, IV, Таллин, 1963, стр. 331.

⁶⁸ Д. К. Зеленин. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? Тр. Ленингр. общества по изучению культуры финно-угорских народностей, т. I, 1929.

этнические процессы элементарно просто, как смену одного населения другим. До последней четверти I тыс. н. э., по их мнению, здесь жили финно-угорские племена, а затем пришло русское население, и все дальнейшее представляет собой его историю. Нет, эти процессы были более сложными и — самое главное — весьма длительными. Культура местных племен послужила при этом большим и серьезным вкладом в культуру северо-восточных русских земель.

Но, как всегда бывает, старые представления оказываются весьма живучими. Об этом свидетельствует хотя бы опубликованная недавно книга Е. И. Горюновой.⁶⁹ Ее автор, имея в своем распоряжении фактические данные, происходящие преимущественно из восточной части междуречья и области нижнего течения Оки, некритически распространила свои основные выводы на всю территорию Волго-Окского междуречья. В итоге она не только не увидела всех особенностей и сторон процесса формирования в этой области северного русского населения, но и заняла как бы враждебную позицию к попыткам изучения этого процесса. Для нее он представляется в виде механической и весьма скоропалительной смены финно-угорского населения славянским в рамках последнего столетия I тыс. н. э. Словом, Е. И. Горюнова встала на защиту явно устаревших взглядов историков и археологов XIX—начала XX в.

Выше уже шла речь о том, что в первых веках нашей эры в результате расселения на Десне раннеславянских (зарубинецких) племен и вызванного им движения восточных балтов старая граница, разделяющая финно-угров и балтов, была основательно нарушена. До этого времени, в раннем «железном веке», в пределах Волго-Окского междуречья она проходила по верховьям Волги, достигала на востоке верхнего течения Москва-реки и пересекала Оку где-то между устьями Угры и Осетра. В начале нашей эры, после нарушения границы, балтийский этнический элемент спустился по течению Волги далеко на восток, вплоть до района Ярославля. В центральных областях междуречья балтийское влияние охватило среднее течение Москва-реки. Отдельные балтийские элементы ощущались в среде финно-угорского населения в поречье Средней Оки.

Трудно сказать, конечно, насколько велика была роль балтов в этнической истории этих частей Волго-Окского междуречья в последующие столетия. Пока что в распоряжении археологии нет никаких данных об их численности по отношению к местному населению. Судьба последнего также далеко не ясна. Но есть основания думать, что область «этнического приоритета» восточных балтов и их культуры во второй и третьей четверти I тыс. н. э. доходила на востоке приблизительно до линии Ярославль—Плещеево озеро—Коломна. При этом балты несли с собой в глубины междуречья усвоенные ими отдельные элементы раннеславянской (зарубинецкой) культуры. А может быть, вместе с ними в область Волго-Окского междуречья проникали и отдельные группы славян.

Мне могут указать, что обрисованная выше картина далеко не совпадает с тем, что я писал по данному вопросу в 30—40-х годах. Тогда я предполагал, что этнические перемены в Волго-Окском междуречье в первой половине I тыс. н. э. были связаны прежде всего с появлением в этой области славянских племен. Такой упрек я принимаю, но поставить это себе в вину в полной мере не могу. Что было известно по археологии «железного века» в Верхнем Поднепровье в 30—40-х годах? Почти ничего. А сейчас у меня перед глазами материалы более чем пятнадцатилетних археологических работ в этой области, проведенных мной, Ю. В. Кухаренко, О. Н. Мельниковской, Л. В. Артишевской, В. В. Седовым, Е. А. Шмидтом, А. К. Амброзом,

⁶⁹ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 91, 1961.

М. Ф. Заверняевым и другими археологами. Понятно, что в ходе этих работ многое уточнялось и переоценивалось. Прежде всего выявилась большая роль балтов в истории Верхнего Поднепровья, их древности были, наконец, отделены от раннеславянских, те и другие получили хронологическую классификацию, определились их особенности в разных частях Верхнего Поднепровья. Понятно, что это не могло не привести к пересмотру ряда точек зрения также и на древнюю историю и этногонию Волго-Окского междуречья.

Нужно сказать, однако, что вопрос о балтах в пределах Волго-Окского междуречья новым отнюдь не является. Уже давно на основании гидронимического материала его ставили лингвисты. Достаточно указать на работы А. И. Соболевского, который еще в 1912 г. помещал границу между балтами и финно-уграми в пределах Московской губернии. Подобные же соображения высказывал еще раньше А. Л. Погодин. Позднее о балтах в Верхнем Поднепровье и пределах междуречья не раз писали М. Фасмер и многие другие исследователи.⁷⁰ Но данные топонимики (гидронимии) являлись здесь очень неясными. Их исследователи искали устойчивую балто-финно-угорскую границу. Но такой границы здесь не было, точнее сказать, она существовала лишь до первых веков нашей эры. Позднее же граница сдвинулась на восток, но потеряла при этом свою отчетливость, так как в междуречье образовалась широкая зона со смешанной культурой, в пределах которой жили, очевидно, и финно-угры, и пришлое восточно-балтийское население. Но это выявилось уже на основании данных археологии.

В настоящее время наиболее темным вопросом этнической истории Волго-Окского междуречья в I тыс. н. э. являются, как мне представляется, не балты и их судьба в пределах этой области, а история коренного населения — местных финно-угорских племен. Вплоть до настоящего времени они рассматриваются в археологии как некая однообразная масса дьяковских (мерянских?) племен в более северных областях и других финно-угорских племен в бассейне Оки. До первых веков нашей эры на Оке были распространены племена городецкой культуры, позднее племена с грунтовыми могильниками — муромские и, как полагают, мордовские. Их история рассматривается обычно как строго автохтонный процесс. Сошлюсь хотя бы на статью П. П. Ефименко 1937 г., на свою работу 1941 г. по истории Верхнего Поволжья, на работы А. П. Смирнова, где даны попытки освещения истории населения поречья Средней и Нижней Оки,⁷¹ и на упомянутую уже книгу Е. И. Горюновой.

В этих работах, особенно у П. П. Ефименко, дана обстоятельная характеристика изменений социально-экономических отношений в среде древних финно-угорских племен. До первых веков нашей эры у них сохранялись древние формы жизни, свойственные периоду раннего «железного века» с его поселениями-городищами. Позднее строй жизни изменился. Как и в других местах, в лесной полосе на смену древним традициям пришли преимущественно открытые поселения, свидетельствующие о новых формах хозяйства и общественных отношений. У населения поречья Оки, по мысли П. П. Ефименко, особенно большую роль в этом процессе в период развитого «железного века» сыграло развитие скотоводческого хо-

⁷⁰ А. И. Соболевский. Древнейшее население Верхнего Поволжья. Тверь, 1912; А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. Варшава, 1901; М. V a s m e r. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme. In: Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, Berlin, 1932, стр. 637 и сл.

⁷¹ П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья. . . ; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 42—52, 111—152.

зайства, достигшего особенного расцвета в условиях широкой окской поймы. Скотоводство было развито и в других частях Волго-Окской области. О том, что оно занимало важнейшее место в экономике муромских племен вплоть до конца I тыс. н. э., писала Е. И. Горюнова.⁷²

Характер экономики накладывал свой отпечаток на образ жизни и придавал определенную окраску общественным порядкам. В могильниках Волго-Окской области среди мужских погребений значительный процент составляют погребения всадников с удилами, дротиками, копьями, дорожными поясами с металлическими бляхами, иногда и с мечами. Это были вооруженные всадники, всегда готовые защитить свои стада, способные совершать дальние походы. По своему образу жизни, по материальной культуре, в частности вооружению, обитатели поречья Оки в ее среднем течении напоминали в то время не столько соседнее восточнобалтийское население, бывшее в большой степени земледельческим, сколько обитателей степных пространств — сарматов с их «военно-демократическими» порядками. Не приходится говорить о том, что политическая жизнь в среде этого населения должна была протекать очень бурно.

В конце I тыс. н. э. картина несколько переменялась, что было связано с ростом земледельческого хозяйства, развитием ремесел и торговли и энергичным процессом классообразования. В это время в среде финно-угорских племен Волго-Окской области шаг за шагом складывались предпосылки для возникновения такого рода хозяйства и быта, а также несомненно, и общественных отношений, которые были свойственны финно-уграм Поволжья уже в эпоху средневековья.

Все эти процессы происходили у финно-угорских племен несколько иначе, чем у восточных балтов в Верхнем Поднепровье. Той всеобщей смены форм поселений, которая имела место у балтов, здесь не наблюдалось. Известно много городищ-поселений, жизнь на которых продолжалась вплоть до конца I тыс. н. э. Исследованное В. А. Городцовым на Средней Оке Троице-Пеленицкое городище (которое он без каких-либо серьезных оснований считал священным местом) относится к первой половине и середине I тыс. н. э.⁷³ В музее г. Касимова хранятся богатые материалы из городища Земляной Струг, откуда происходит ряд вещей середины и второй половины I тыс. н. э. (рис. 85). В поречье Оки имеются и другие городища этого времени. На них была найдена керамика середины I тыс. н. э. К сожалению, все они остаются почти не исследованными. Так же точно почти не исследованы и открытые поселения этого времени. Их остатки известны в большом числе, но раскопкам они не подвергались, если не считать двух-трех пунктов. Например, в 1908 г. И. С. Абрамовым были произведены небольшие раскопки на поселении середины I тыс. н. э. около с. Борисоглеб на берегу р. Ушны, где были открыты остатки очень примитивных, частью углубленных в землю жилищ-шалашей округлых очертаний.⁷⁴

Так уж получилось, что исследователи окских финно-угорских древностей все свое внимание обращали не на изучение мест поселений, а на раскопки могильников с эффектным и богатейшим материалом. Могильники окской долины, принадлежавшие финно-угорскому населению I тыс. н. э., являются бесспорно первоклассным историческим источником. Но он приобрел бы еще большую ценность, если бы были произведены и раскопки соответствующих поселений.

⁷² П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья. . . , стр. 44 и сл.; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 168 и сл.

⁷³ В. А. Городцов. Результаты исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища. Рязань, 1930.

⁷⁴ Архив ЛОИА, д. 71, 1908.

Древние селища, известные в районе г. Мурома, в частности Тумовское селище, исследованное Е. И. Горюновой, принадлежат к самому концу I тыс. н. э. Они чрезвычайно интересны, но характеризуют уже новый этап жизни окского финно-угорского населения. Это непосредственные предшественники города Мурома, обитатели их занимались не только сельским хозяйством, но и ремеслами и торговлей. Люди добывали здесь железо, занимались кузнечным делом, изготавливали разнообразные бронзовые украшения и т. д.⁷⁵

Подобная картина характерна и для восточной части Волго-Окского междуречья. Основным материалом для изучения культуры финно-угор-

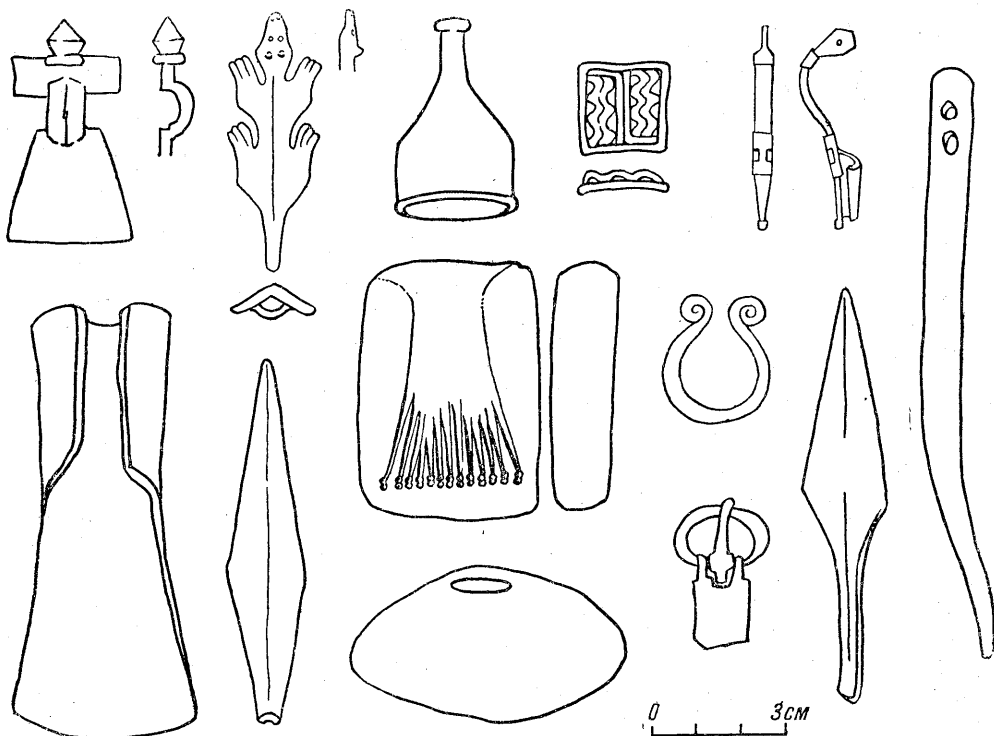

Рис. 85. Находки с городища Земляной Струг на р. Оке около г. Касимова. Раскопки И. А. Китайцева, 1926 г.

ских племен I тыс. н. э. являются и там могильники, число которых сравнительно невелико. Но они раскрывают такую же картину жизни, что и могильники окской долины. И здесь перед нами вооруженные всадники-пастухи. И здесь женщины, костюм которых изобилует варварской роскошью — «шумящими» металлическими украшениями. И здесь прослеживается рост ремесла и земледелия.

В своей работе Е. И. Горюнова для характеристики культуры северо-восточной части Волго-Окского междуречья привлекает материалы Березняковского городища и Понадынского селища середины и третьей четверти I тыс. н. э. В обоих пунктах при раскопках были открыты остатки наземных построек, изучена их планировка и назначение, получен большой материал для характеристики скотоводческо-земледельческого хозяйства, железообрабатывающего ремесла и др. В публикации материалов Березняковского городища я сравнил его с большесемейным удмуртским

⁷⁵ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 163—182.

двором, постройки которого, как и в Березняках, представляют собой, во-первых, жилища отдельных брачных пар и, во-вторых, общинные помещения. Думаю, что это сравнение является правильным; его никто не оспаривал.⁷⁶

Но беда в том, что материальная культура обоих поселений — городища Березняки и Попадьинского селища, находящихся на правом берегу Волги между Рыбинском и Ярославлем, — является не чисто финно-угорской. В ней отчетливо представлены восточнобалтийские элементы, речь о чем уже шла выше.

Финно-уграм (очевидно, летописной мере) принадлежали городища на р. Саре в районе оз. Неро и Дурасовское городище на Волге ниже г. Костромы. Эти поселения конца I тыс. н. э. подобны упомянутым селищам района г. Муром. Их обитатели занимались ремеслами и торговлей. Сарское городище в 1941 г. было охарактеризовано мной как зародыш средневекового города. Это такой же предшественник Ростова, как муромские селища — предшественник города Мурома. Не только эти русские города, но и другие города Ростово-Суздальской земли имели своих местных предшественников. Это убедительно доказано в работе Е. И. Горюновой.⁷⁷

Таким образом, вопросы социально-экономической истории финно-угорских племен Волго-Окской области получили некоторое освещение в археологической литературе. Конечно, еще осталось много невыясненных вопросов. Обрисованная выше картина нуждается прежде всего в детализации. Но ее основные контуры вряд ли потребуют существенных коррективов. Наряду с этим остаются, по сути дела, без внимания этнические процессы, протекавшие с I тыс. н. э. в волго-окской финно-угорской среде. Волго-окские племена в работах археологов финно-угроведов были лишены права иметь свою внутреннюю этническую историю. Это была дань времени — тому «гипертрофированному автохтонизму», который получил широкое распространение в археологии в 30-х—начале 40-х годов. Для того времени закономерный «автохтонисский» период в финно-угорской археологии затянулся, однако, слишком долго. Вследствие этого до сих пор не установлено, обитало ли на Средней и Нижней Оке и в восточных частях Волго-Окского междуречья в I тыс. н. э. одно и то же финно-угорское население или же в его составе произошли существенные изменения? Можно ли считать, что летописные племена меря, мурома и мордва были здесь автохтонами, прямыми потомками местных племен раннего «железного века», или же их образование было результатом проникновения сюда новых этнических элементов?

Перехожу на язык археологии. Выше уже шла речь о том, что в раннем «железном веке» у дьяковских и городецких племен не было никаких могильников и их обряд погребения остается до сих пор загадкой. Есть лишь предположение, основанное на некоторых фольклорных данных, что у них практиковались поверхностные погребения — в дуплах деревьев, на деревьях и т. п. Иначе обстояло дело в Прикамье. Обряд захоронения умерших в землю, возникший здесь в глубокой древности, широко практиковался как в I тыс. до н. э. у ананьинских и пьяноборских племен, так и в последующее время вплоть до средневековья и далее.

В течение I тыс. н. э. граница распространения финно-угорских могильников в Волго-Камье продвинулась, однако, далеко на запад. Если ананьинские и пьяноборские могильники в районе устья Камы лишь доходили до берегов Волги, то в первые века нашей эры рядовые могильники по-

⁷⁶ Там же, стр. 62—91; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э., стр. 51—68.

⁷⁷ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э., стр. 61; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 95—116; 198—204.

являются уже на широкой территории Западного Поволжья и поречья Средней Оки, причем более ранние из них, принадлежащие к кошибеевскому типу, обнаруживают черты преемственности с пьяноборскими. Они располагаются ближе к пьяноборской области. Это могильники Кошибеевский при слиянии Цны и Мокши, Сергаческий на р. Пьяне, левом притоке Суры, Криюшинский на Волге в пределах Чувашской республики, Селиксенский в бассейне Суры и др.⁷⁸ Время их появления — II в. н. э., может быть, самый конец I в.

На Оке могильники появляются спустя 50—100 лет. Попытка А. П. Смирнова показать, что здесь имеются и более ранние могильники, явно неудачна. В указанных им пунктах были найдены только кости, время которых вообще не может быть определено (Жабинский монастырь, Алпатьево, Богослов).⁷⁹ Наиболее ранние погребения в могильниках долины Оки относятся к середине и второй половине II и III в. н. э., наиболее поздние — к концу I тыс. н. э. Самыми западными могильниками являются Вакинский и Кузьминский, расположенные несколько ниже устья Москва-реки. Приблизительно на этой же долоте, но к северу от долины Оки, расположен более поздний (XI в.) Жабинский могильник. Ниже по течению Оки расположены Борковский, Дубровический, Гаверовский, Шатрищенский, Кулаковский, Курманский и др. Это могильники рязанской группы; ее восточная граница — устье р. Мокши.

П. П. Ефименко и другие исследователи полагают, что позднейшая дата могильников рязанской группы падает на VII в. н. э. Отсюда делается вывод, что в это время финно-угорское население покинуло долину рязанского течения Оки, вероятно, под давлением славян. С этим мнением не согласен А. Л. Монгайт. Он утверждает, что в рязанских могильниках имеются погребения X—XI вв., датируемые древнерусскими пряслицами из розового шифера и маленькими пряжками.⁸⁰

Вряд ли, однако, можно согласиться с А. Л. Монгайтом. В качестве средневекового, якобы датируемого пряслицем из шифера, он рассматривает погребение 26 Борковского могильника, одно из богатых погребений, давшее целую серию характерных украшений V—VI вв. Погребение 38 этого же могильника, на которое ссылается А. Л. Монгайт, относится по комплексу находок к еще более раннему времени. Пряслица из этих погребений А. А. Спицын определял как глиняные. То же самое можно сказать в отношении погребений 44 и 87, а в погребении 77, по А. А. Спицыну, пряслица вообще не были найдены.

Таким образом, заключение А. Л. Монгайта основано, очевидно, на каком-то недоразумении. Никаких средневековых пряжек на рязанских могильниках также не найдено. Вещи волго-окских племен IX—XI вв. очень хорошо известны по материалам как муромских, так и тамбовских могильников. Вещи эти в рязанских могильниках явно отсутствуют. Следовательно, местное население действительно ушло из рязанской области после VII в. Финно-угорские поселения сохранились здесь лишь в глухих местах, в отдалении от долины Оки (Жабинский могильник XI в.).

Ниже устья Мокши в долине Оки располагаются могильники муромской группы: Малышевский, Максимовский, Пятницкий, Подбологевский и др. Первоначально П. П. Ефименко полагал, что наиболее ранние погребения относятся к этой группе лишь к третьей четверти I тыс. н. э. —

⁷⁸ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, 1901; П. Н. Третьяков. Памятники древней истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 55, 56; М. Р. Полесских. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской обл. СА, 1959, № 4.

⁷⁹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, стр. 49, 50.

⁸⁰ П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья, стр. 50; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 7—8.

к тому же времени, когда завершается использование рязанских могильников. Отсюда возникла мысль о переходе финно-угорского населения из области рязанского течения Оки в Муромский край. Однако теперь хорошо известно, что муромские могильники восходят к середине I тыс. н. э., — другими словами, они появились здесь на 2—3 столетия позже, чем в Рязанском крае.

Наконец, к северу от поречья Оки, в восточных частях Волго-Окского междуречья могильники появились еще позднее — лишь в третьей четверти I тыс. н. э. Это Хотимльский и Холуйский могильники, расположенные в бассейне нижнего течения р. Клязьмы, могильник у Сарского городища в районе оз. Неро, Новленский могильник в бассейне левого притока Оки — р. Ушны, предполагаемый Подольский могильник на Волге, южнее г. Костромы.⁸¹

В более северных областях, в волжском Правобережье, по рекам Костроме, Шексне, Мологе никаких могильников этого времени не известно, и вряд ли можно думать, что они будут там когда-либо найдены. Но ведь в этих местах имеются такие же, как в восточной части междуречья, памятники дьяковской культуры. Если по летописи меря жила на озерах Неро и Плещеевом, то по другим историческим данным известно, что этой же группе поволжских финно-угров принадлежало и волжское Правобережье с городом Галичем Мерским. Следовательно, получается, что в одной части области древней мери могильники имелись, а в другой их не было.

Все это, и прежде всего разное время появления финно-угорских могильников в различных областях, требует объяснения. В работе 1926 г., посвященной могильникам поречья Средней Оки, П. П. Ефименко высказал предположение, что появление могильников было следствием прихода на Оку нового населения. Позднее, как уже указано, он рассматривал этот вопрос иначе. Преобразования в облике культуры и быта населения окской долины были объяснены им как результат быстро развертывающегося исторического процесса,⁸² о чем речь шла выше. А. П. Смирнов и Е. И. Горюнова в своих работах вопросом о причинах появления могильников почти не интересовались.

Но можно ли объяснить общим ходом исторического процесса такое конкретное культурно-историческое явление, не связанное непосредственно с производством и социальными отношениями, как появление нового погребального обряда, в данном случае — могильников? Ведь у камских финно-угров, экономическая и социальная история которых в основном не отличалась от истории финно-угров Волго-Окской области, могильники существовали и раньше. Да и то, что в пределах Волго-Окской области они распространились не сразу, что они не охватили всей древней городищной и дьяковской территории (свободной от влияния восточных балтов), говорит о том, что здесь играли роль не внутренние исторические закономерности, а явления конкретной истории, источником которых был прежде всего волго-камский финно-угорский мир.

Более того, мне представляется, что распространение нового для Волго-Окской области погребального обряда не может быть объяснено и экономическими связями. У населения поречья Средней Оки эти связи были очень развиты. Исследователи окских древностей не раз отмечали, что они оставлены населением, тесно связанным с Прикамьем, с сарматским миром, с Поднепровьем, с Прибалтикой. Богатый металлическими украшениями убор окских женщин — это интереснейший документ, отразивший как местные традиции, так и исключительное разнообразие экономических и культурных связей. Но украшения продавались и покупались, это легко

⁸¹ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 117—127.

⁸² П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья. . . , стр. 44.

переносимый и легко усвояемый элемент культуры. Иное дело — погребальная обрядность. Подобно тому как в области Верхнего Поднепровья инфильтрация элементов погребальной обрядности объяснялась как результат тесных этнических взаимоотношений славян и балтов, так и распространение рядовых могильников у финно-угров Волго-Окской области

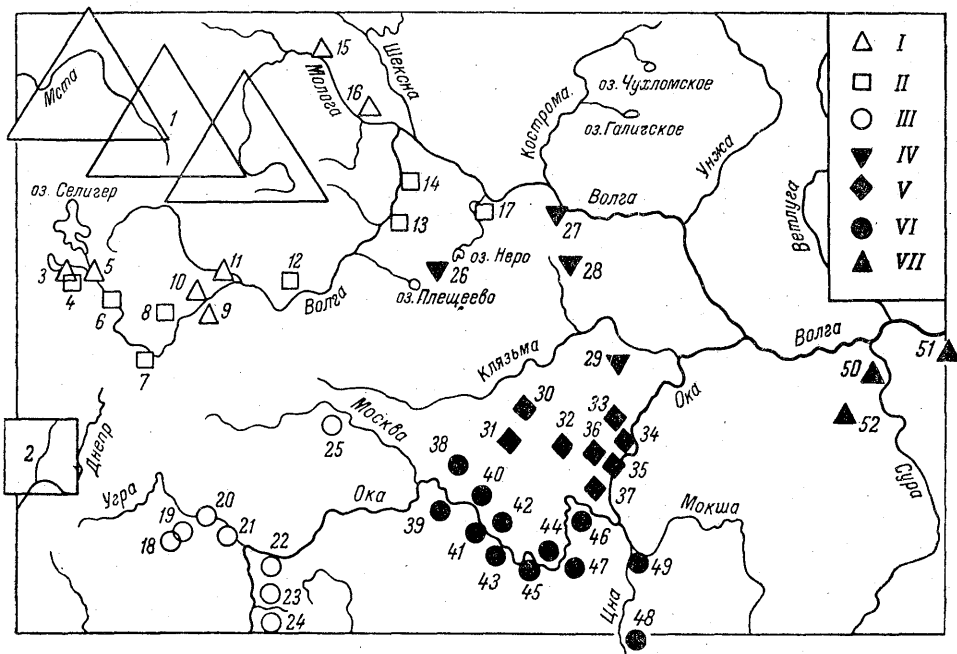

Рис. 86. Схема распространения славянских и финно-угорских древностей второй половины I тыс. н. э. в пределах Волго-Окского междуречья.

I — сопки славян новгородских, II — длинные курганы кривичей, III — курганы верхнеокского типа, IV — мерянские могильники, V — муромские могильники, VI — мордовские могильники, VII — финно-угорские могильники на реках Сура и Цивиле. 1 — сопки в бассейне рек Мсты и Мологи, 2 — длинные курганы в бассейне верховьев Днепра, 3 — Нечаево и Овселуг, 4 — Изведово, 5 — Казнаково и Сиг, 6 — Коша, 7 — Алешино близ г. Зубцова, 8 — Боровая, 9 — Никола Пустынь и Воскресенская, 10 — Урцово и Воеводино, 11 — Дуденево, 12 — Кузьминское, 13 — Курса, 14 — Охотино, 15 — Юрьевская и Прозорово, 16 — Переключная и Заречье, 17 — Заячий Холм у с. Никола Ленивец, 18 — Дубровка, 19 — Шаньково и Почепок, 20 — курганы на правом берегу р. Угры напротив с. Никола Ленивец, 21 — Горбенки, 22 — Ждамирово, 23 — Доброе, 24 — Воронеп, 25 — Беседы, 26 — Сарский могильник, 27 — Подольский, 28 — Хотимльский, 29 — Холуйский, 30 — Новленский, 31 — Пустошинский, 32 — Закопниевский, 33 — Мальшевский, 34 — Муромский, 35 — Подболотовский, 36 — Максимовский, 37 — Урванский, 38 — Жабинский, 39 — Ванинский, 40 — Кузьминский, 41 — Борковской, 42 — Дубровический, 43 — Гавердовский, 44 — Облачинский, 45 — Шатрищенский, 46 — Курманский, 47 — Кулаковский, 48 — Темниковский, 49 — Кошибевский, 50 — Ивановский, 51 — Яндашевский, 52 — Сергачский.

следует рассматривать как следствие проникновения в местную среду волго-камских этнических элементов. При этом о коренной смене населения речь идти, конечно, не может. А. П. Смирнов был совершенно прав, когда он указывал, что против коренной смены населения свидетельствует керамический материал. Керамика в период могильников развивала местные, а не камские традиции.⁸³

Исторический период, переживаемый в это время поволжскими финно-уграми, их «военно-демократические» порядки, объединения племен и т. д., — все это, по сути дела, не могло не протекать без передвижений в их среде, без подчинения одних племен другим. Летописные меря и мурома в середине и второй половине I тыс. н. э. являлись далеко не первобытными племенами. Подобно восточнославянским племенам этого вре-

⁸³ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, стр. 50.

мени, они представляли собой небольшие народы, складывающиеся исторически.

Но все сказанное — это не более чем постановка вопроса. Для его решения необходимы большие новые исследования.

Отмечу лишь, что перемены в жизни финно-угорских племен Волго-Окской области, о которых сигнализирует появление рядовых могильников, не касались тех областей, куда в начале I тыс. н. э. проник восточнобалтийский этнический элемент. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту распространения могильников. Все они располагаются восточнее линии Ярославль—Плещеево озеро—Коломна, которую я рассматривал в качестве восточной границы «приоритета» балтов и их культуры (рис. 86).

Можно сослаться еще и на другую, столь же убедительную карту, опубликованную Е. И. Горюновой. На ней показано распространение наиболее характерных для мерянской культуры X—начала XI в. бронзовых украшений: коньков, треугольных подвесок и височных колец мерянского типа. Нетрудно убедиться, что западная граница проходит как раз по линии Ярославль—Плещеево озеро—Коломна. Исключения составляют лишь две вещи этих типов, найденные на Мологе и Шексне, т. е. уже вне междуречья.⁸⁴

2

Этническая картина Волго-Окского междуречья особенно усложнилась к началу последней четверти I тыс. н. э., когда в эту область начали проникать славяне. Сначала они расселились преимущественно в западных областях междуречья, там, где господствующим элементом до этого времени были восточные балты. В конце I тыс. н. э. славянское население проникло и дальше на восток, сломав указанную выше линию Ярославль—Плещеево озеро—Коломна. Славяне двигались в область Волго-Окского междуречья несколькими путями — с юго-запада, запада и северо-запада. Об этом свидетельствуют появившиеся в этой области различные формы славянских погребальных памятников: круглые курганы с «домовинами» и оградами в бассейне Верхней Оки, длинные курганы и сопки на Верхней Волге.

Древнейшая группа круглых курганов с деревянными «домовинами» и оградками, известная главным образом по раскопкам Н. И. Булычева у деревень Шаньково, Почепок, Дубровка и др. (рис. 87),⁸⁵ должна быть охарактеризована как «балто-славянская». Более того, балтийские черты в этих погребальных сооружениях и в культуре оставившего их населения явно преобладали. Их погребальные деревянные камеры близки напоминают «погребальный домик» Березняков, а круговые «ограды» из столбов являются полной аналогией «оградок» святилищ верхнеднепровских городищ. В кургане около д. Дубровки на р. Попалте были найдены остатки медвежьих черепов, что заставляет вспомнить голову медведя из святилища на Городке в верхнем течении Сожа. К сожалению, курган у Дубровки был испорчен позднейшими захоронениями, и осталось неизвестным, была ли в нем круговая «ограда».

Курганы типа Шаньково—Почепок оставлены тем же населением, что и верхнеокские городища типа Мощинского «городца», на котором был найден знаменитый клад середины I тыс. н. э. Входящие в состав клада вещи с эмальями также принадлежат к балтийской культуре. Раскопки Н. И. Булычева и других археологов конца XIX—начала XX в., к сожалению,

⁸⁴ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 99.

⁸⁵ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899; Архив ИА в Ленинграде, д. 23, 1886.

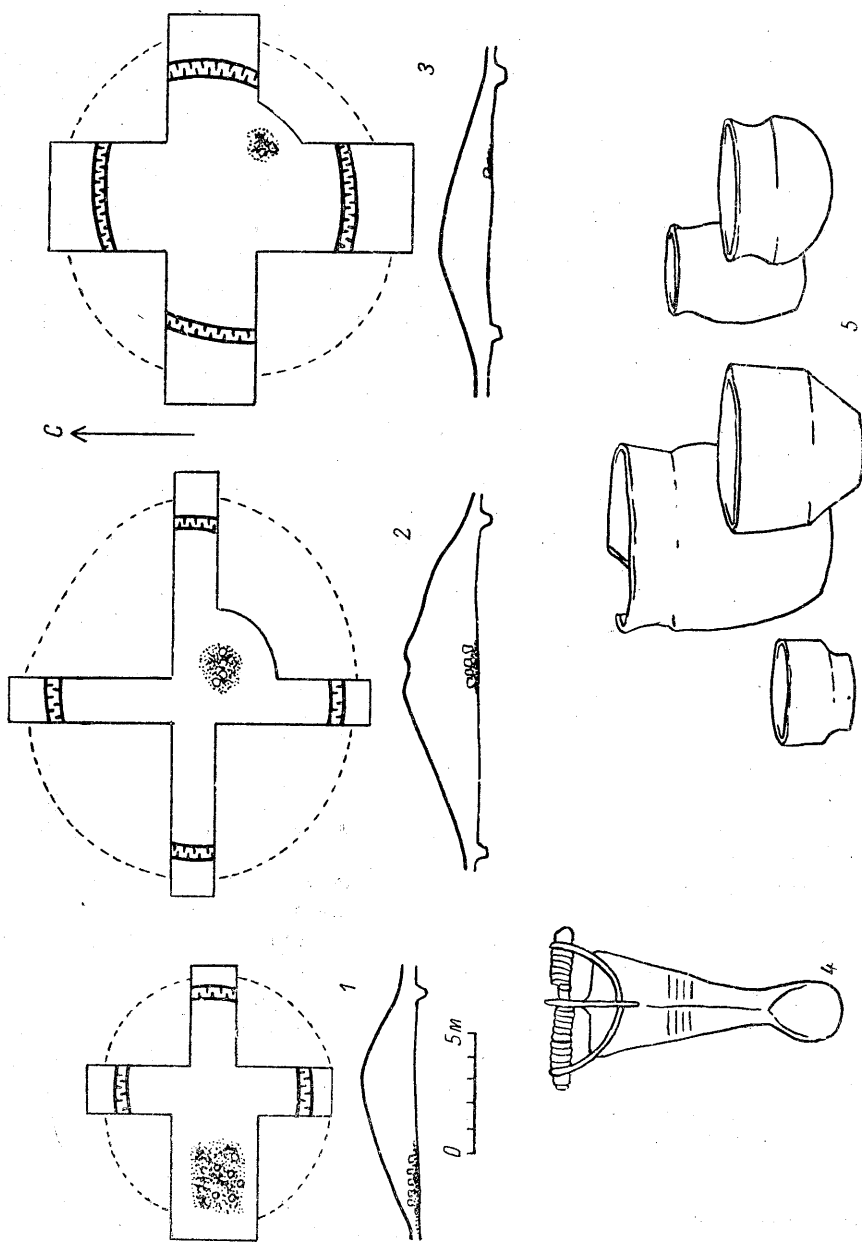

Рис. 87. Курганы у деревень Шаньково и Почепок. Раскопки Н. И. Булычева.

1 — курган 4 у д. Почепок; 2 — курган 1 у д. Шаньково; 3 — курган 2 у д. Шаньково; 4, 5 — бронзовая фибула и керамика.

не дали никаких материалов, позволяющих реконструировать городища мощинского типа, определить облик и назначение возведенных на них сооружений. Но в последнее время, в результате раскопок Т. Н. Никольской городища у с. Никола Ленивец на р. Угре, относящегося ко второй четверти I тыс. н. э.,⁸⁶ выяснилось, что верхнеокские городища мощинского типа весьма близки к городищам восточных балтов из области Верхнего Посожья. Выше шла речь о том, что более ранние городища бассейна Верхней Оки точно так же были очень близки юхновским и смоленским. На городище у с. Никола Ленивец, в его верхних наслоениях, были обнаружены круговые линии укреплений, а в средней части — овальная глиняная площадка, вероятно святилище.

Таким образом, культура верхнеокских курганов и городищ может быть названа восточнобалтийской, но вместе с тем в ней были представлены и отчетливые славянские элементы. Особенно показательна в этом отношении керамика — грубая и лощеная, почти не отличающаяся от деснинской позднезарубинецкой. Мне представляется, что верхнеокская мощинская культура оставлена местными балтами, уже испытавшими на себе длительное славянское воздействие и далеко продвинувшимися по пути ассимиляции.

На территории балто-славянских контактов в Верхнем Поднепровье и по его периферии курганы типа Шаньково—Почепок являются древнейшими погребальными памятниками этого рода. Может быть, балтийским элементом в них следует считать не только «домовины», но и сами курганные насыпи. Но в этом случае речь может идти не о местной восточнобалтийской традиции, а о влиянии со стороны культуры населения более западных областей, где курганный обряд был распространен у балтов с глубокой древности. Оттуда он мог распространиться в пределы славянского мира (западного и восточного), где первоначально повсюду были распространены грунтовые могильники — «поля погребений». В южных славянских областях, отдаленных от территории балтов, такие могильники кое-где дожили до средневековья. Так было в некоторых районах Поднепровья. У славянских волынцевских племен (на Черниговщине) грунтовые могильники сменились курганами лишь в IX—X вв. В более северных и западных областях, где у славян был постоянный контакт с балтами, грунтовые могильники сменились курганами в течение VI—VIII вв., в одних местах раньше, в других позже.

В Верхнем Поднепровье и по его периферии курганы этого и последующего времени с «домовинами» и «оградами» являются уже бесспорно славянскими. К VI—VII вв. относятся охарактеризованные выше курганы у д. Кветунь на Десне. В двух насыпях там были открыты следы прямоугольных деревянных сооружений. Курганы с «домовинами» и «оградами», датированные концом I тыс. н. э., относятся к северному варианту ранне-средневековой роменской культуры, характерной для юго-восточных славянских областей. Они были исследованы И. И. Ляпушкиным и другими археологами на Десне, В. А. Городцовым на Верхней Оке у с. Воронеж, П. С. Ткачевским и К. Я. Виноградовым в урочище Игрище у с. Лебедки и во многих других пунктах. Сюда же относятся известные курганы около Боршевского городища IX—X вв. на Верхнем Дону.⁸⁷ Словом, такого рода погребальные сооружения с элементами местного восточнобалтийского происхождения в конце I тыс. н. э. были широко распространены уже

⁸⁶ Т. Н. Никольская. Городища у д. Никола Ленивец. СА, 1962, № 1.

⁸⁷ И. И. Ляпушкин. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. КС, в. 74, 1959; В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности, т. XVII, 1900, стр. 14—20; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 79—91.

в славянской среде восточного Поднепровья. Они стали здесь характерной чертой восточнославянской культуры. Кажется, именно о таких курганах писал русский летописец, рассказывая о «столпах», куда радимичи, вятичи и северяне помещали «судину малу» с жжеными костями.

Эти «благопреобренные» на севере особенности погребального обряда — «домовины» и «ограды» в курганах — отдельные группы славян из восточного Поднепровья, проникшие в южные области Европы, донесли в VII—VIII вв. до Трансильвании и поречья Дуная.

В Волго-Окском междуречье курганы такого типа, относящиеся к последней четверти I тыс. н. э., доходят по поречью Оки почти до устья Москва-реки. Около Москвы вблизи д. Беседы такой курган был исследован в 1946 г. А. В. Арциховским. Следует указать, что в окрестностях Москвы имеется немало единичных курганов, нередко больших размеров. Было бы очень целесообразно заняться их изучением. Среди них могут оказаться и курганы (VIII—X вв.), аналогичные Беседовскому.

Погребальная обрядность принадлежит к наиболее устойчивым элементам древней культуры. И распространение балтийских черт погребального обряда в славянской среде свидетельствует о чрезвычайной тесных балто-славянских контактах и связях, установившихся в условиях ассимиляции славянами значительных масс восточнобалтийского населения.

Курганы с «домовинами» и «оградами», относящиеся к последней четверти I тыс. до н. э., распространены главным образом в восточных областях — на Десне, в бассейне Верхней Оки, на Верхнем Дону. Еще в работе 1941 г. я связал их с летописными вятичами. И, очевидно, это правильно, хотя отдельные курганы такого рода известны и вне пределов вятических земель, в частности на Средней Десне. Но жившие здесь северяне вместе с вятичами и соседними радимичами составляли родственную юго-восточную группировку восточных славян. Выше речь шла о том, что это были прямые потомки раннеславянского зарубинецкого населения, расселившегося на рубеже и в начале нашей эры в восточных частях Верхнего Поднепровья. В их состав вошли ассимилированные группы восточных балтов, вероятно особенно значительные на севере — у вятичей. Известное сообщение летописи — «радимичи бо и вятичи от ляхов» — вызвало, как известно, неоднократные попытки показать, что эти «племена» имеют западнославянское происхождение.⁸⁸ Но археологические данные не подтверждают такого толкования летописного известия о вятичах и радимичах. Их культура сложилась на основе восточнославянских зарубинецких и местных восточнобалтийских элементов.

По-видимому, более мощной была древняя славянская струя, проникавшая в Верхнее Поволжье с запада, от кривичей.

В полном соответствии с указанием летописи о том, что кривичи «сидят» не только по верховьям Днепра и Двины, но и «на верх Волги», погребальные памятники этой северо-западной славянской группировки обнаруживаются по всему верхнему течению этой реки, вплоть до района Ярославля, а может быть и дальше. Об этом было известно еще в начале нашего века А. А. Спицыну и В. А. Городцову.

В своей известной работе «Длинные и удлиненные курганы», опубликованной в 1903 г., А. А. Спицын указывал, что В. А. Городцову известны в Ярославской губернии 5 пунктов с длинными курганами, в том числе Заячий Холм около с. Великого. Он писал, что в этой области «длинных курганов, несомненно, имеется не малое количество». В статье «Владимирские курганы», увидевшей свет два года спустя, А. А. Спицын указывал, что сюда «такие курганы должны были продвигаться вместе с первыми рус-

⁸⁸ А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919, стр. 37—39.

скими поселенцами с верховьев Двины и Днепра». Он сделал попытку выделить в коллекции А. С. Уварова и П. С. Савельева ранние по времени вещи, возможно, происходящие из длинных курганов. Несколько таких вещей, относящихся к VII—VIII вв., действительно обнаружилось, но происходят ли они именно из длинных курганов, осталось не установленным.⁸⁹ В этой же работе А. А. Спицын упомянул длинные курганы, исследованные А. А. Смирновым в 1904 г. вблизи г. Муром, не решившись, однако, причислить их к длинным курганам обычного характера. «Посуда в них явно финская, а металлических вещей в них не найдено». Но это ошибка. Длинных курганов с сожжением А. А. Смирнов не копал.

В 1933 г., во время археологических исследований, проведенных в Верхнем Поволжье в связи со строительством верхневолжских электростанций, группа длинных курганов, состоящая из нескольких насыпей, была обнаружена на правом берегу Волги у д. Охотино, вблизи г. Мышкина. Курганы имеют размеры 10×4,5 м и высоту до 1—1,5 м. В центральной части могильника находятся два валообразных кургана длиной до 25—27 м. В последующие годы мною были произведены здесь раскопки одного маленького кургана. Под песчаной насыпью были открыты остатки кострища. Но никаких находок сделано не было.⁹⁰

В 1936 г. мною был раскопан длинный курган, расположенный на месте древнего поселения (неолит, бронза) на правом берегу Волги, между Угличем и Калязиным, в устье р. Куксы. Там были встречены остатки двух трупосожжений, вместе с которыми были найдены грубый лешной горшок баночной формы и желтые пастовые бусы. На основании этих находок нельзя определить время кургана. Это, вероятно, конец I тыс. н. э. Такие же бусы происходили из нижних слоев Староладожского городища.⁹¹

Выше по течению Волги число длинных курганов заметно возрастает. При обследовании зоны канала им. Москвы О. Н. Бадером было обнаружено несколько таких курганов у с. Кузьминского на левом берегу Волги, между устьями рек Тверцы и Дубны. Выше впадения Тверцы на левом берегу Волги удлиненные курганы имеются у д. Боровая и на правом берегу у д. Алешино вблизи г. Зубцова. В самых верховьях Волги длинные курганы были зарегистрированы В. А. Плетневым в конце прошлого века у погоста Коша. Они располагались здесь на обоих берегах реки.

Несколько далее на север длинные курганы известны в ряде пунктов на озерах около г. Осташкова и по верховьям р. Полю, впадающей в оз. Ильмень. Эти курганы неоднократно раскапывались (Липецки, Обрынь, Подсосенье, Дубровка и др.). Они дали вещи третьей четверти I тыс. н. э.⁹² Сюда же близко подходят верховья Западной Двины, где также имеется немало длинных курганов. Таким образом, цепочка могильников с длинными курганами, тянущаяся вдоль Волги от ее верховьев до района Ярославля, представляет собой ответвление их северо-восточной двинско-приильменской группы, относящейся, как и псковская группа, к сравнительно раннему времени — к VI—VII вв. Нет оснований, конечно, переносить эту дату на курганы, расположенные на берегах Волги. Можно думать, что волжские курганы, оставшиеся, по сути дела, совсем не исследованными, относятся к несколько более позднему времени — к концу третьей и началу последней четверти I тыс. н. э. Но во

⁸⁹ ЗОРСА, т. V, в. 1, 1903, стр. 201; ИАК, в. 15, 1905, стр. 95—96; Архив Ленингр. отд. ИА, д. 82, 1909.

⁹⁰ Археологические работы Академии на новостройках в 1932—33 гг. ИГАИМК, в. 109, 1935, стр. 162 и 164; Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 г. М.—Л., 1941, стр. 83.

⁹¹ Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 77; Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладogi. СА, в. XIV, 1950, стр. 170 и сл.

⁹² Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки, стр. 114—117, 130.

всяком случае они предшествуют неоднократно исследованным верхне-волжским круглым курганам с трупосожжениями, которые датируются IX и главным образом X в.

К последующему времени, по-видимому, уже к VIII—IX вв., относятся первые следы колонизации Верхнего Поволжья из Новгородских (славянских) земель. Она шла двумя путями: через верховья Волги из южного Приильменя и по Мологе из области Валдайской возвышенности. Обе эти области к началу последней четверти I тыс. н. э. были прочно освоены славянскими племенами. Об этом свидетельствуют имеющиеся здесь многие десятки сопок, расположенных не только по крупным рекам, которые могли служить путями сообщения, но и по маленьким речушкам и озерам.

На карте Н. Н. Черныгина сопки отмечены в самом верхнем течении Волги в 5 пунктах. Это несколько сопок у с. Никола Пустынь и у д. Воскресенская на правом притоке Волги — р. Держе, две сопки на левом берегу Волги против д. Урцово, сопки у д. Воеводино и известная группа сопок из 14 насыпей у д. Дуденево, несколько выше устья Тверцы. Самая крупная из них имеет 6 м в высоту и 80 м окружности. Сопки эти не раскапывались. Несколько сопок указано Н. Н. Черныгиным в смежном районе на озерах около г. Осташкова, в том числе на оз. Волго. Здесь у истоков Волги имеются две сопки у д. Казнаково. На оз. Пено сопки имеются в двух пунктах: у д. Овселуг и у д. Нечаево. В первом пункте сопка была раскопана В. Н. Глазовым. В ее насыпи обнаружена зольная прослойка. Найден будто бы наконечник копья. Южнее оз. Селигер одна сопка была раскопана около д. Сиг. В ней ничего не было найдено. К северу от осташковской группы озер по верховьям р. Пола сопки встречаются уже повсюду. Здесь началась область, занятая славянами новгородскими.

Восточной окраиной области славян новгородских, иными словами — восточным пределом распространения сопок, является течение левого волжского притока, р. Мологи. В верховьях этой реки, примыкающих к области Валдайской возвышенности, сопки имеются повсеместно. Свыше 50 сопок отмечено здесь на карте Н. Н. Черныгина. В действительности, как показало мое посещение этих мест, их здесь значительно больше, но учет сопок никто специально не занимался. Несколько сопок в этой местности было раскопано (Дворищи, Миронег, Любинец, Воронцово). В них найдены прослойки золы и угля, остатки трупосожжений, грубая глиняная посуда, в единичных случаях — бронзовые украшения второй половины I тыс. н. э.

В нижнем течении Мологи, недалеко от Волги, также имеется несколько сопок. Две из них, когда-то кем-то раскопанные, находятся на р. Рене, притоке Мологи около Весьегонска. Ниже по правому берегу Мологи сопки имеются у деревень Юрьевская и Прозорово. Прозоровская сопка, разрушенная рекой, была частично раскопана в 20-х годах. В музее г. Мологи в 1933 г. мне показывали железный топор, происходящий из этой сопки. Он оказался поздним (XI—XII вв.) и относится, вероятно, к впускным погребениям, обычным в сопках. Характерная крутобокая сопка находилась на берегу р. Яны, левого притока Мологи около д. Перекладная. Недалеко от нее, на этой же реке, около д. Заречье, имелась другая сопка. Они были найдены в 1933 г. Н. Н. Черныгиным и А. В. Шмидтом.

Еще восточнее, в бассейне другого крупного притока Верхней Волги — р. Шексны, сопки известны в двух местностях: во-первых, на р. Суде, недалеко от впадения ее в Шексну у деревень Никольское и Ильинско-Преображенское (здесь Г. П. Гроздиловым были найдены три группы сопок — всего 10 насыпей); другой местностью, где известны сопки, является южное побережье Белого озера у истоков Шексны, там, где

(около д. Крохино) находится древнерусское селище, по мнению исследователей, являющееся остатками летописного города Белоозера. Здесь имелись три сопки. Две из них, Меленки и Синеусов курган, были раскопаны траншеями еще в середине XIX в. О результатах этих раскопок ничего не известно, за исключением того, что они не оправдали надежд любителей старины. Третья сопка — безымянная — разрушена. А. А. Спицыным было высказано предположение, что белозерские сопки представляют собой песчаные холмы естественного происхождения. К такому же выводу склонялся П. А. Сухов, осмотревший остатки Синеусова кургана в 1939 г. Вряд ли сейчас возможно разрешить этот вопрос в ту или другую сторону. Документация раскопок, произведенных более 100 лет тому назад, из которой исходил А. А. Спицын, является весьма несовершенной. А во время осмотра курганов П. А. Суховым их остатки были очень сильно разрушены. П. А. Сухов высказывал также серьезное сомнение относительно того, что селище у д. Крохино было местом города Белоозера.⁹³

Итак, погребальные памятники славян новгородских — сопки — как бы нависают с севера над Верхним Поволжьем. На самой Волге они имеются лишь в верховьях, выше устья Тверцы. В области Волго-Окского междуречья они пока что не найдены. Но с сопками генетически связаны, по-видимому, два обширных поволжских курганных могильника рубежа I и II тыс. н. э. — известные Михайловский и Тимеревский могильники у Ярославля. О том, что они генетически восходят к сопкам, стало вполне очевидным после раскопок Я. В. Станкевич в с. Тимереве, когда обнаружилось, что большие насыпи по своему устройству близко напоминают новгородские сопки.⁹⁴

Эти могильники, как и многочисленные курганы в районе Плещеева озера и в некоторых других местах Верхнего Поволжья, принадлежат уже к следующему историческому периоду — ко времени Древней Руси, — выходящему за рамки настоящей книги. Этому периоду соответствовал и новый этап в освоении славяно-русским населением восточных частей Волго-Окского междуречья, связанный со строительством городов Ростова, Муром, Суздаля, Владимира, Клещина на Плещеевом озере и др., с массовым притоком сюда многочисленного земледельческого населения из областей Поднепровья, с распространением здесь древнерусской феодальной государственности. В этот период в восточной части междуречья создавалась приблизительно такая же этническая обстановка, какая двумя-тремя столетиями раньше была характерна для Верхнего Поднепровья. Местное население, в данном случае мерянское, сохранялось в виде отдельных «островов», окруженных русскими переселенцами. Одно время некоторые из таких островов в области Костромского и Кинешемского Поволжья были выделены в качестве особых административных единиц: Мерский стан в междуречье Волги и р. Костромы, Мериновская волость около Кинешмы, Мерский стан около г. Нерехты (Мерехты) и др. Находки, сделанные здесь археологами в курганах XI—XIII вв., свидетельствуют о смешанном составе населения, о том, что процесс ассимиляции мерянского населения происходил в этих местах в обстановке постоянной этнической инфильтрации. Женские погребения в курганах этих мест, как правило, изобилуют бронзовыми украшениями финно-угорских типов.⁹⁵

⁹³ Там же, стр. 126—130; А. А. Спицын. Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении. ЗРАО, т. IX, в. 1—2, 1897, нов. серия, стр. 248; П. А. Сухов. Славянские городища IX—X вв. в южном Белоозерье. МИА, № 6, 1941, стр. 88—92.

⁹⁴ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА, № 6, 1941.

⁹⁵ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 190—245.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Верхнее Поднепровье вместе с поречьем двух крупнейших днепровских притоков — Припяти и Десны — было областью, в пределах которой протекали начальные этапы формирования древнерусской народности. Истоки этого процесса восходят к отдаленному времени — к рубежу и первым векам нашей эры. В те столетия экономические и социальные условия, закономерно ведущие к образованию народностей, в среде населения Поднепровья еще не сложились. Но древнее родо-племенное устройство, границы племенных областей, целостность культуры славянских, восточнобалтийских, финно-угорских и других племен, вошедших позднее в состав древнерусской народности, были поколеблены в результате конкретно-исторических явлений, прежде всего значительных передвижений славянского населения, вызванных всей той беспокойной обстановкой, которая сложилась в Европе в римское время.

На рубеже и в начале нашей эры восточнобалтийское население Верхнего Поднепровья и окрестные финно-угры, жившие бок о бок с балтами более 1000 лет, находились на ступени раннего «железного века». У них сохранялся целостный первобытный строй, как можно думать, с патриархальной основой. Люди жили небольшими, более или менее однородными по устройству общинами; их замкнутый скотоводческо-земледельческий быт и культура почти не менялись из столетия в столетие; их обособленность друг от друга, а зачастую и межобщинный антагонизм (укрепленные поселения-городища) вели к внутренней неустойчивости и слабости в политическом и военном отношении.

Несколько иную картину представляли в то время славянские племена — обитатели более южной зоны Европы и непосредственные соседи скифов, сарматов, фракийцев, даков, кельтов и других южноевропейских племен, уже порывавших с первобытным строем жизни. На рубеже и в начале нашей эры развитие славянских племен близко подошло к тому заключительному периоду в истории первобытного общества, когда распадалась древняя форма родо-племенного строя и складывалась территориальная (сельская) община. Их поселения значительно разрастались, они покидали старые поселки-городища, защищавшие ранее жизнь и имущество патриархальных общин, и широко расселялись на удобных для жизни участках речных берегов. Возможно, что этому предшествовали существенные перемены в технике земледелия и формах землепользования. Восточные балты и волжские финно-угры достигли такой ступени развития лишь через два-четыре столетия — около середины I тыс. н. э. Уже одно это обстоятельство — разница в уровне экономического и социального развития восточноевропейских племен — должно было определить направление славянского расселения. Для славян были закрыты тогда пути на юг, в земли более развитых и сильных племен и народностей, достигших порога классового общества и государствен-

ности. Славянские племена, стремясь расширить область своего обитания, могли двигаться лишь на север, в сравнительно малонаселенные области. Это было закономерное и исторически неизбежное для той эпохи явление.

В начале нашей эры в области Поднепровья были и другие причины славянского расселения в северном направлении. По историческим и археологическим данным известно, что Северо-Западное Причерноморье стало в это время ареной больших передвижений древних племен. Одним из результатов этого было распространение на широких пространствах Среднего Поднепровья, от Днестра до Донца в полосе лесостепи и к югу от нее, многочисленных племен с черняховской культурой. Многие сотни их поселений, обычно очень больших, в короткий срок заняли все пригодные для земледелия местности в указанных пределах. Кем бы ни были эти племена в различных частях их ареала — потомками скифов, аланами, даками, готами (среди них на севере могли быть и славяне), — появление черняховской оседлости начиная со II в. н. э. не могло не вызвать продвижения на север раннеславянских (зарубинецких) племен в бассейне Днестра. Появление славян в южных областях Верхнего Поднепровья, особенно на Десне, было результатом не только расселения земледельческих общин — медленного, веками протекавшего процесса, начавшегося еще накануне нашей эры, — но в какой-то мере и переселения славян из Среднего Поднепровья на север. В результате, в первой половине I тыс. н. э. главные центры исторической жизни славян на Восточно-Европейской равнине переместились из Среднего Поднепровья в северном направлении — в северные области лесостепи и лесное Поднепровье.

Первобытная раздробленность местного населения Верхнего Поднепровья — милоградских, юхновских и других племен, — их относительная политическая и военная слабость создавали несомненно благоприятные условия для славянского населения, продвигавшегося в глубь этой области. На своем пути славяне не встречали, по-видимому, серьезного сопротивления. В течение двух-трех столетий они овладели в южной части Верхнего Поднепровья большими пространствами. Главные пути их продвижения лежали в Левобережье, в поречье Сожа и Десны. По Десне славяне продвинулись особенно далеко, достигнув верхнего течения этой реки. Местное население при этом частично было оттеснено на север и северо-восток, частично продолжало жить на старых местах по мелким речкам в глубине лесных водоразделов; какая-то его часть была, вероятно, уничтожена. Ярким свидетельством приоритета, завоеванного славянами в Верхнем Поднепровье в первые века нашей эры, является то, что значительное влияние их культуры распространилось в то время на широкие области вокруг северных границ их новой оседлости, захватив не только земли балтов в верховьях Днестра и на Верхней Оке, но и большие пространства финно-угорских земель в Волго-Окском междуречье. Можно предполагать, что в это время, на рубеже и в первые века нашей эры, начался процесс ассимиляции днепровских балтов славянами. Этническая и языковая близость славян и балтов этому благоприятствовала.

С финно-угорскими племенами славяне тогда непосредственно еще не соприкасались. Расселение славян в области Верхнего Поднепровья и их влияние сказались на жизни и культуре финно-угорских племен опосредованно, через днепровских балтов. Теснимые славянами из южной части Верхнего Поднепровья, особенно из поречья Десны, балты отошли тогда не только в верховья Днестра, на Западную Двину и на Верхнюю Оку, т. е. в более северные и восточные балтийские области, но и в верхнее течение Волги, в западную и центральную части Волго-Окского междуречья — в земли, заселенные финно-угорскими племенами. Археологические данные свидетельствуют, что здесь, на финно-угорской террито-

рии, во второй и третьей четверти I тыс. н. э. лежала широкая полоса, в пределах которой элементы финно-угорской культуры смешивались с культурой балтийских племен, в которой уже имелись некоторые славянские элементы.

Жизнь на новых местах, в Верхнем Поднепровье, наличие здесь балтийского этнического субстрата и окружения не могли не отразиться и на славянских переселенцах. В их культуре появились некоторые балтийские элементы — предметы убора и украшения, погребальные обычаи и др. Существенной особенностью жизни славян в Верхнем Поднепровье было то, что они оказались в значительной мере изолированными от родственных племен, обитавших в Средней Европе. Черняховские племена создали широкий заслон, на два-три века отделивший днепровских славян от остального славянского мира. Связи с последним могли осуществляться лишь по неудобным путям в бассейне Припяти. Но здесь, в верховьях этой реки и смежных местностях, появились готы; их пути с севера на юг лежали через славянские земли. Можно думать, что все это вместе взятое сыграло в то время значительную роль в этническом обособлении восточного славянства.

В середине I тыс. н. э. Европа вступила в новый исторический период: «великое переселение народов» достигло своего апогея, вскоре рухнула Западно-Римская империя, развернулась борьба народов против последнего оплота рабовладельческого мира в Европе — Восточно-Римской (Византийской) империи. Новая глава началась и в истории славянских племен. До этого времени они оставались в стороне от главных военных и политических событий европейской жизни; теперь они приняли в них непосредственное участие.

На востоке Европы в конце IV и в V в. н. э. прекратилась жизнь на черняховских поселениях; в течение короткого срока огромные области лесостепи между Днестром и Донцом обезлюдели. Как полагают, это было следствием гуннского вторжения, в результате которого часть черняховского населения была уничтожена, а основная масса, вероятно, бежала за Дунай, на Карпаты и, может быть, на север. После того как гунны исчерпали свои силы в столетней борьбе с Римом и европейскими племенами, ничто не препятствовало славянскому движению на юг, в области, благоприятные для сельского хозяйства. Славян влекло к себе также и богатство византийских провинций. На рубеже V и VI вв. н. э. они активно включались в «великое переселение народов», впервые представ в Европе в качестве большой исторической силы.

Днепровские славяне не остались в стороне от этих событий. В V—VI вв. н. э. из Верхнего Поднепровья, с Припяти, Сожа и Десны многочисленные группы славянского населения стали продвигаться в полосу лесостепи, в области, некогда принадлежавшие (до II в. н. э.) их отдаленным предкам. Их многочисленные поселения появились на Днестре вплоть до порогов, в бассейне Роси и Тясмина, в верхнем течении Южного Буга и, по-видимому, в некоторых областях днепровского Левобережья. В первое время переселенцы сохраняли в своей культуре те специфические элементы, которые сложились в предыдущее время в Верхнем Поднепровье (реберчатые формы сосудов). Они несли с собой и такие элементы культуры, которые были характерны для днепровских балтов. Мало того, в их составе имелись, по-видимому, группировки ассимилированных балтов. Только этим можно объяснить, почему на Среднем Днестре в середине I тыс. н. э. появились в большом числе характерные для балтийской культуры вещи с эмалью, а на поселениях VI—VIII вв. известны остатки круглых святилищ, подобные верхнеднепровским. Население, перешедшее на Средний Днепр, было известно позднее под именем полян. По некоторым летописным сведениям, поляне были близки северянам;

что, как видим, вполне согласуется с археологическими данными. По тем же летописным сведениям, поляне враждовали с древлянами. Последним принадлежала культура «типа Корчак», имевшая не верхнеднепровское, а более западное происхождение. Такое же происхождение имели, по-видимому, и другие юго-западные древнерусские «племена».

В итоге Днестро-Днепровское междуречье снова стало важнейшим центром славянской исторической жизни на востоке Европы. Отсюда военные дружины славян-антов и группы переселенцев вторгались на Балканы, о чем свидетельствуют исторические и археологические данные. Условия расселения, когда люди из разных местностей неизбежно перемешивались, многократные военные походы, объединявшие тысячи воинов, борьба с новой волной кочевников — аварами, новые экономические связи — все это вместе взятое вело к культурно-этнической интеграции в славянской среде. Это был энергичный процесс, ведущий к изживанию родо-племенного устройства и образованию народностей. Этот процесс охватывал несомненно не только славян, но и разноязычные осколки неславянских племен, кое-где уцелевшие в полосе лесостепи и Прикарпатья и подвергшиеся ассимиляции. Внутренние социально-экономические предпосылки образования народностей в славянской среде в VI—VII вв. н. э. были налицо. Судя по историческим известиям и археологическим данным, первобытные отношения у славян в эти столетия повсеместно распадались: шел процесс образования классов. Вскоре в южных частях славянского ареала появились первые государственные образования.

В области Верхнего Поднепровья в середине и третьей четверти I тыс. н. э. историческая обстановка была проще и спокойнее, чем на юге. Но и здесь исторический и этногенетический процесс заметно активизировался. В последней четверти I тыс. н. э. отношения славян и иноязычного населения, а также условия ассимиляции последнего значительно изменились. Если раньше славянские общины, продвигавшиеся в новые области, были заинтересованы прежде всего в угодьях, удобных для земледелия и скотоводства, то теперь наряду с этим следует учитывать стремление появившихся в славянской среде социальных верхов подчинить себе земледельческое население с целью его эксплуатации путем взимания дани. Летопись называет северные неславянские племена «исконными даницами и конокормцами». Вероятно, именно с целью получения дани отдельные группы славян появились в это время далеко на севере — около оз. Ильмень и Чудского, на Валдайской возвышенности и в Волго-Окском междуречье — как в областях, занятых балтами, так и на финно-угорских землях.

Несмотря на значительный отлив населения в южном направлении, верхнеднепровские славяне шаг за шагом продолжали расширять свою территорию за счет земель восточнобалтийских племен. За 500 лет, прошедших со времени появления славян на Верхнем Днепре, процесс ассимиляции ими местного балтийского населения не мог не продвинуться далеко вперед, а во многих местах он, вероятно, в основном завершился. Но вплоть до конца I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье, особенно в северных районах его, еще сохранялись значительные группы восточных балтов. Они имелись в верховьях Сожа, в Днепро-Двинском междуречье, в местностях, примыкающих к верхнему течению Волги. Во второй половине I тыс. н. э. им принадлежали здесь многочисленные поселения и сильно укрепленные городки-убежища, свидетельствующие о том, что в этот период днепровские балты, значительно шагнувшие вперед в социально-экономическом отношении, упорно защищали свою землю. Их судьба была решена в результате появления в Верхнем Поднепровье новой волны славянского расселения, пришедшей, как полагают неко-

торые исследователи, не по Днепру с юга, а со стороны Западного Буга от западных славян. Заключительные этапы ассимиляции восточных балтов протекали в период Древнерусского государства, в первые века II тыс. н. э.

Пришедшие с верховьев Западного Буга (?) группы славян известны в археологии по специфическим погребальным памятникам — длинным курганам. Первоначально, в третьей четверти I тыс. н. э., ими были заняты слабо заселенные местности, примыкающие к верхнему течению Западной Двины и к р. Великой, впадающей в Чудское озеро, лежащие по балто-финно-угорскому пограничью. В самом конце VII и в VIII в. н. э. многочисленное население с длинными курганами появилось на Верхнем Днепре. Нередко эти люди устраивали свои поселки в пунктах, где до их прихода жили балты; с их появлением связаны, по-видимому, пожары на городках-убежищах, принадлежащих местному населению. В культуре людей с длинными курганами, представляющей собой один из вариантов славянской культуры того времени, появились некоторые местные элементы (женские украшения). Вскоре эти люди проникли и на Верхнюю Волгу. Есть все основания полагать, что расселение людей с длинными курганами положило начало летописным кривичам — древнему «княженью», включившему в состав своего населения как господствующую славянскую, так и ассимилируемые балтийские элементы.

Известные по летописи «племена» днепровского Левобережья — вятичи, радимичи и северяне — были потомками среднеднепровских славян, расселившихся в Верхнем Поднепровье на рубеже и в начале н. э. и в той или иной мере поглотивших балтийский субстрат. Наиболее смешанной с балтами группировкой среди них являлись, по-видимому, вятичи: ряд их характерных археологических признаков, сохранившихся до эпохи Киевской Руси, имеет балтийское происхождение (элементы погребального обряда VII—X вв., височные кольца XII—XIV вв.).

В формировании наиболее северной древнерусской группировки — славян повгородских, — возникшей в VI—VIII вв. н. э. на землях чудских (финно-угорских) племен, центральную роль сыграли, по-видимому, выходцы из левобережных частей Верхнего Поднепровья. Об этом говорит их погребальная обрядность — могильники и высокие круглые курганы с трупосожжением (сопки).

Последние века I тыс. н. э. были временем проникновения славян также и в Волго-Окское междуречье, и не только в его западные и центральные области, куда еще раньше проникло балтийское население, но и в восточные и южные области, принадлежавшие финно-угорским племенам — мере, муроме и северным мордовским группировкам. По течению Волги вплоть до района Ярославля распространились поселения кривичей (с длинными курганами). В область Средней Оки и в смежные местности в эти же столетия продвигались верхнеокские вятичи, потеснившие на Оке многочисленное мордовское население. С севера по водным путям, соединяющим Балтийский бассейн с Поволжьем, спускались группы населения из Приильменя. Мощная волна колонизации, охватившая восточные финно-угорские области Волго-Окского междуречья — будущие Ростово-Суздальскую и Муромскую земли, — относится к X—XII вв. Эта массовая колонизация, шедшая по указанным направлениям, а также с юга, из области Среднего Поднепровья, в отличие от более древних расселений, может быть названа феодальной. Она опиралась на древнерусскую государственность, на военные дружины, на возникающие города; она подготовила условия для переноса центра Руси из Среднего Поднепровья на северо-восток. В последующие столетия здесь развернулся процесс ассимиляции мерянского, муромского и другого финно-угорского населения, завершившийся лишь к XIV—XV вв. н. э.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки УРСР (Київ).
 АС — Археологический сборник (Государственный Эрмитаж, Ленинград).
 БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода (Москва—Ленинград).
 ВДИ — Вестник древней истории (Москва—Ленинград).
 ВЛУ — Вестник Ленинградского государственного университета (Ленинград).
 ВЭИП — Вопросы этнической истории народов Прибалтики (Москва—Ленинград).
 ВЭИЭН — Вопросы этнической истории эстонского народа (Таллин).
 ВЯ — Вопросы языкознания (Москва—Ленинград).
 ГИМ — Государственный исторический музей.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения (СПб.).
 ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества (СПб.).
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества (СПб.).
 ИА — Институт археологии АН СССР.
 ИАН — Известия Академии наук СССР (Москва).
 ИАК — Известия археологической комиссии (СПб.).
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры (Ленинград).
 ИЖ — Исторический журнал (Москва).
 ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР (после 1960 г.— Институт археологии АН СССР).
 КС — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (с вып. 81 — Института археологии АН СССР) (Москва—Ленинград).
 КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии Украинской АН (Киев).
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
 МАБ — Материалы по археологии Белорусской ССР (Минск).
 МАР — Материалы по археологии России (СПб.).
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР (Москва—Ленинград).
 МРМ — Музей истории и реконструкции Москвы.
 МЭ — Материалы по этнографии (Ленинград).
 ПКБВ — Памятники каменного и бронзового веков Евразии. Сборн. статей, 1964 (Москва).
 Працы — Працы Катедры археології (том I), Працы Археологічної комісії (тома II, III) Беларускай акадэміі навук (Менск).
 РАЖ — Русский антропологический журнал (Москва).
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
 СА — Советская археология (Москва—Ленинград).
 САИ — Свод археологических источников (Москва—Ленинград).
 СФ — Славянская филология, сборник статей (Москва).
 СЭ — Советская этнография (Москва—Ленинград).
 Тр. . . . АС — Труды археологических съездов.
 ТрГИМ — Труды Государственного исторического музея (Москва).
 ТрИЭ — Труды Института этнографии АН СССР (Москва—Ленинград).
 ТрМарАЭ — Труды Марийской археологической экспедиции (Йошкар-Ола).
 ТрМРМ — Труды Музея истории и реконструкции Москвы (Москва).
 УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета (Ленинград).
 УЗМарНИИ — Ученые записки Марийского научно-исследовательского института (Йошкар-Ола).

- УЗМГУ — Ученые записки Молотовского государственного университета (Харьков).
- УЗПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета (Пермь, Харьков).
- УЗЧувНИИ — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института (Чебоксары).
- AA — Acta Archaeologica (København).
- AE — Arheologija un etnografija (Riga).
- AP — Archaeologia Polona (Warszawa—Wrocław—Kraków).
- AR — Archeologické rozhledy (Praha).
- ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua (Helsinki).
- FM — Finskt Museum (Helsinki).
- ILKI — Iš Lietuvių Kultūros istorijos (Vilnius).
- MAL — Muistsed asulad ja linnused (Tallinn).
- MCA — Materiale si cercetări arheologice (București).
- Památky — Památky archeologické (Praha).
- PA — Przegląd archeologiczny (Poznań).
- PZ — Praehistorische Zeitschrift (Berlin).
- SA — Slavia Antiqua (Warszawa—Poznań).
- SCIV — Studii și cercetări de istorie veche (București).
- SM — Suomen Museo (Helsinki).
- SMыA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja (Helsinki).
- VPS — Vznik a počátky Slovanů (Praha).
- WA — Wiadomosci archeologiczne (Warszawa).
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Введение. Этнический процесс и археология	3
У истоков этнической истории финно-угорских племен	14
К постановке вопроса	14
О древнейшем населении лесной полосы Восточной Европы и Зауралья	19
Неолитические культуры лесной полосы Восточной Европы и Зауралья	28
Расселение уральско-камских племен в бассейне р. Оки, Верхнем Поволжье и северных областях европейской части СССР	41
Протоиндоевропейцы в лесной полосе Восточной Европы. О возникновении балтийской группы племен.	63
К вопросу о древних индоевропейцах	63
Среднеднепровские племена	73
Фатьяновские и балановские племена	83
Абашевские племена	94
Племена боевых топоров в Восточной Прибалтике	102
О возникновении балтов	108
Племена верхнего Поволжья и верхнего Поднепровья в раннем «железном веке»	113
«Железный век» в лесной полосе Восточной Европы	113
О возникновении культуры текстильной керамики в Поволжье	125
Дьяковские и городецкие племена	145
О возникновении культуры раннего «железного века» в Верхнем Поднепровье	156
Юхновские, смоленские и верхнеокские племена	163
Племена городищ со штрихованной керамикой	174
Милоградские племена	177
Археологические данные и гидронимия Верхнего Поднепровья	184
Славянские племена в Поднепровье на рубеже и в начале нашей эры	190
О происхождении славянских племен	190
Зарубинецкие племена в Среднем Поднепровье	200
Вопрос о позднезарубинецкой культуре. Расселение зарубинецких племен в Верхнем Поднепровье	220
Племена Верхнего Поднепровья и Волго-Окского междуречья на рубеже и в начале нашей эры	230
Племена Поднепровья и Верхнего Поволжья накануне образования древнерусской народности	240
Славяне и «великое переселение народов». Древности антов	240
Кому принадлежали древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в южных областях Верхнего Поднепровья?	254
Балты и славяне в северных областях Верхнего Поднепровья в середине и третьей четверти I тыс. н. э.	273
Об этнической истории Волго-Окского междуречья в середине и второй половине I тыс. н. э.	285
Заключение	301
Список сокращений	306

Исправления и опечатки

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
33	20 и 33 сверху	Кряжинская	Кряжская
76	3 »	Шанде	Шандре
81	18 »	древности	древностей
91	3 снизу	г. Иванова	г. Иваново
95	Подпись к рис. 25	Ахмарово	Ахмерово
257	14 сверху	групповых	грунтовых
265	25 »	Северный	Средний

П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.

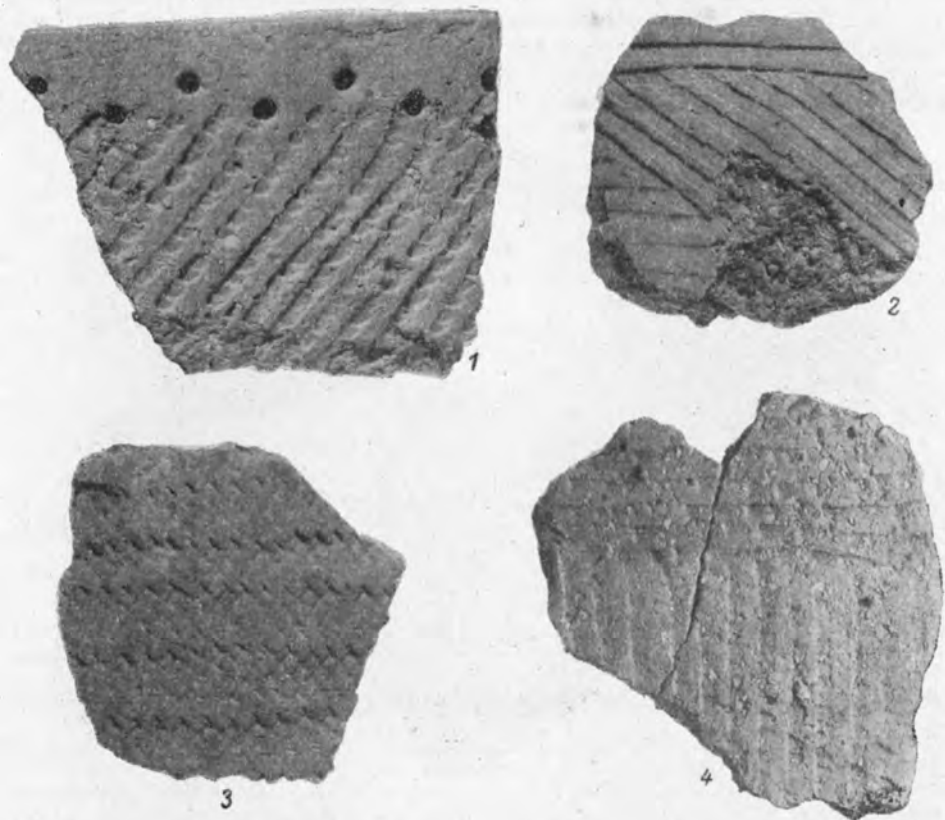

Рис. 3. Обломки керамики типа Сперрингс. Стоянки Курмойла, нижний слой (1—2, 4) и Челмужи (3). Раскопки Н. Н. Гуриной.

Рис. 4. Обломки керамики со стоянок Приобья (стоянки на Андреевском и Аятском озерах). Второй этап зауральского неолита (по В. Н. Чернецову).

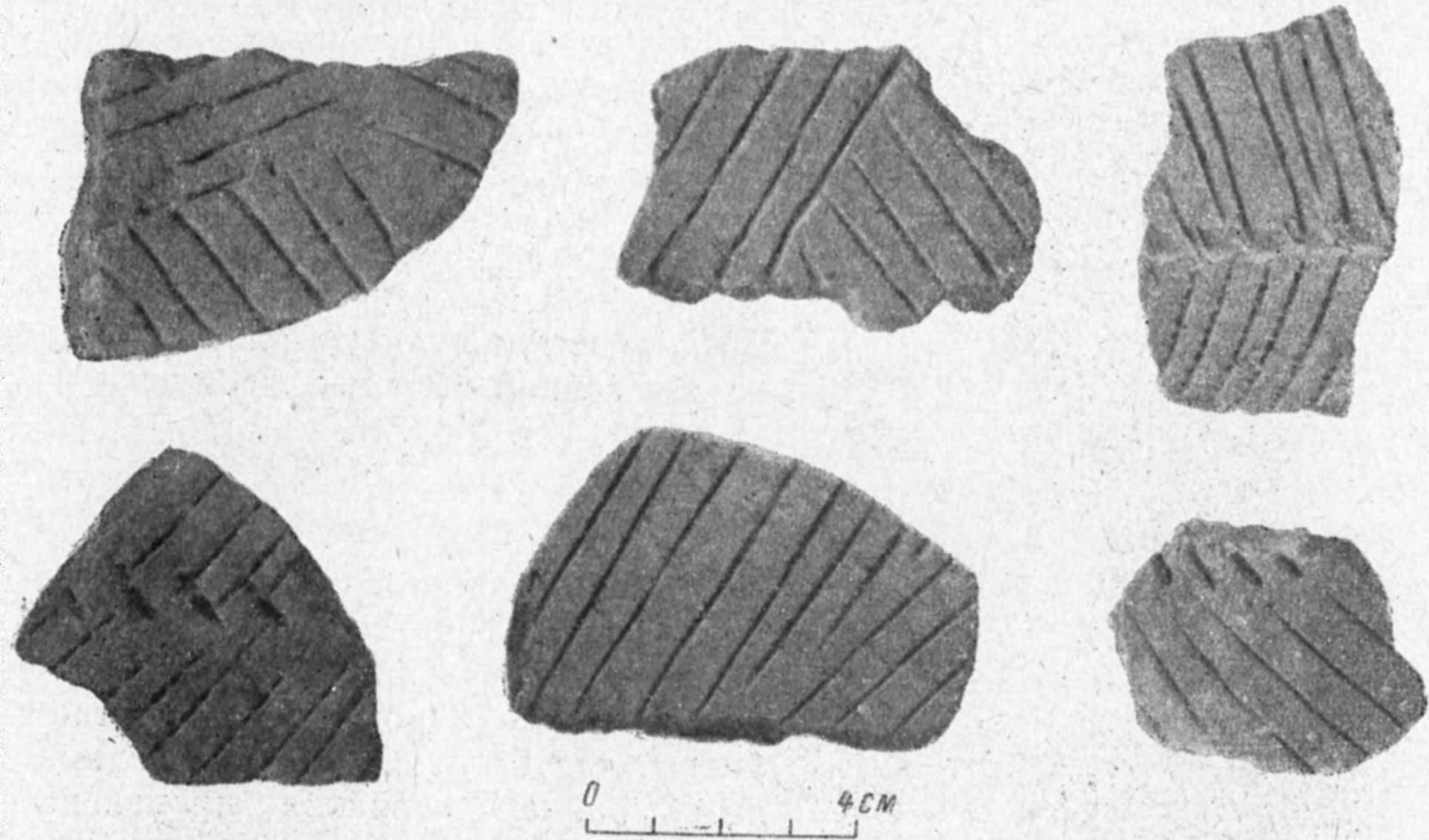

Рис. 5. Керамика с прочерченным орнаментом из нижнего слоя стоянки Никола Перевоз. Раскопки В. М. Раушенбах. ГИМ.

Рис. 6. Монголоид с Оленьего острова на Онежском озере. Реконструкция М. М. Герасимова.

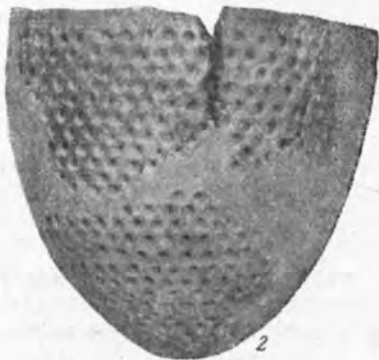

Рис. 9. Неолитические глиняные сосуды волго-окского характера со стоянок Вологодской (1) и Костромской (2) областей. Раскопки А. Я. Брюсова. ГИМ.

1 — Каравайха, 2 — Федоровское.

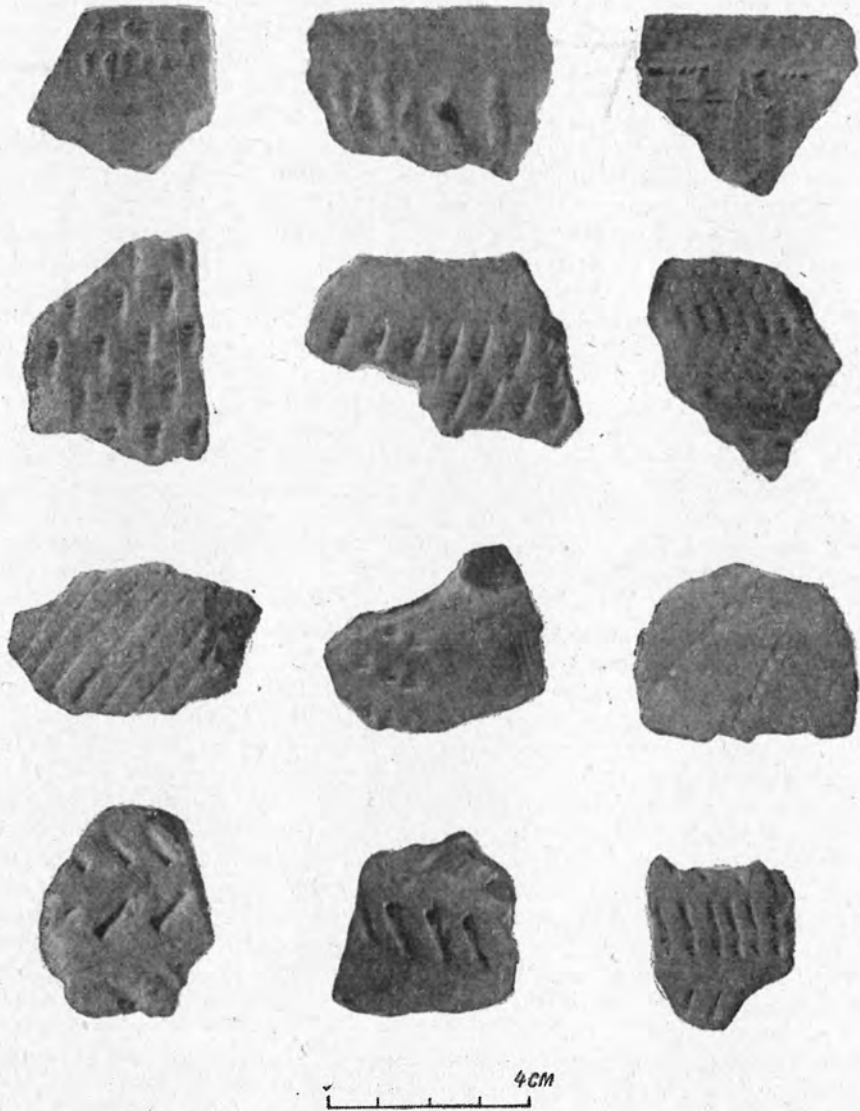

Рис. 10. Обломки глиняной посуды с Копринской стоянки в районе г. Смоленска. Сборы Е. А. Шмидта. Смоленский областной музей.

Рис. 11. Обломки керамики с Волосовской стоянки. ГИМ.

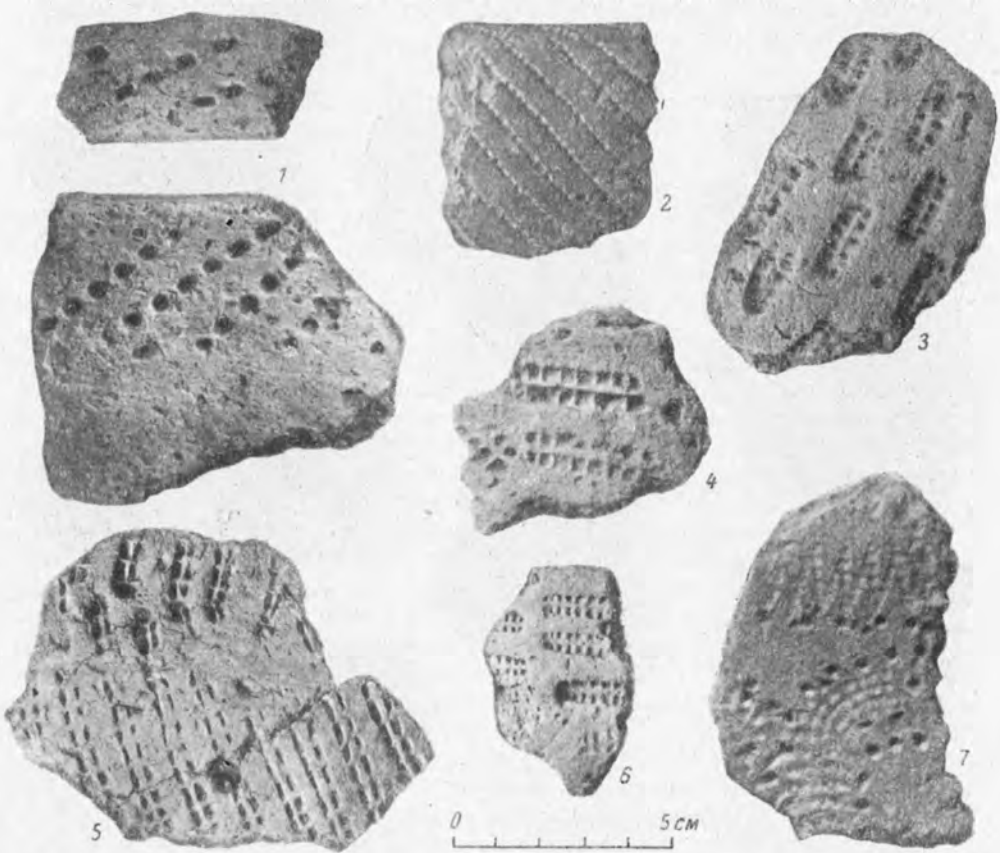

Рис. 14. Обломки глиняных сосудов волосовского типа из Костромского Поволжья.

1, 3, 5, 6 — Борань; 2, 4, 7 — Станок I.

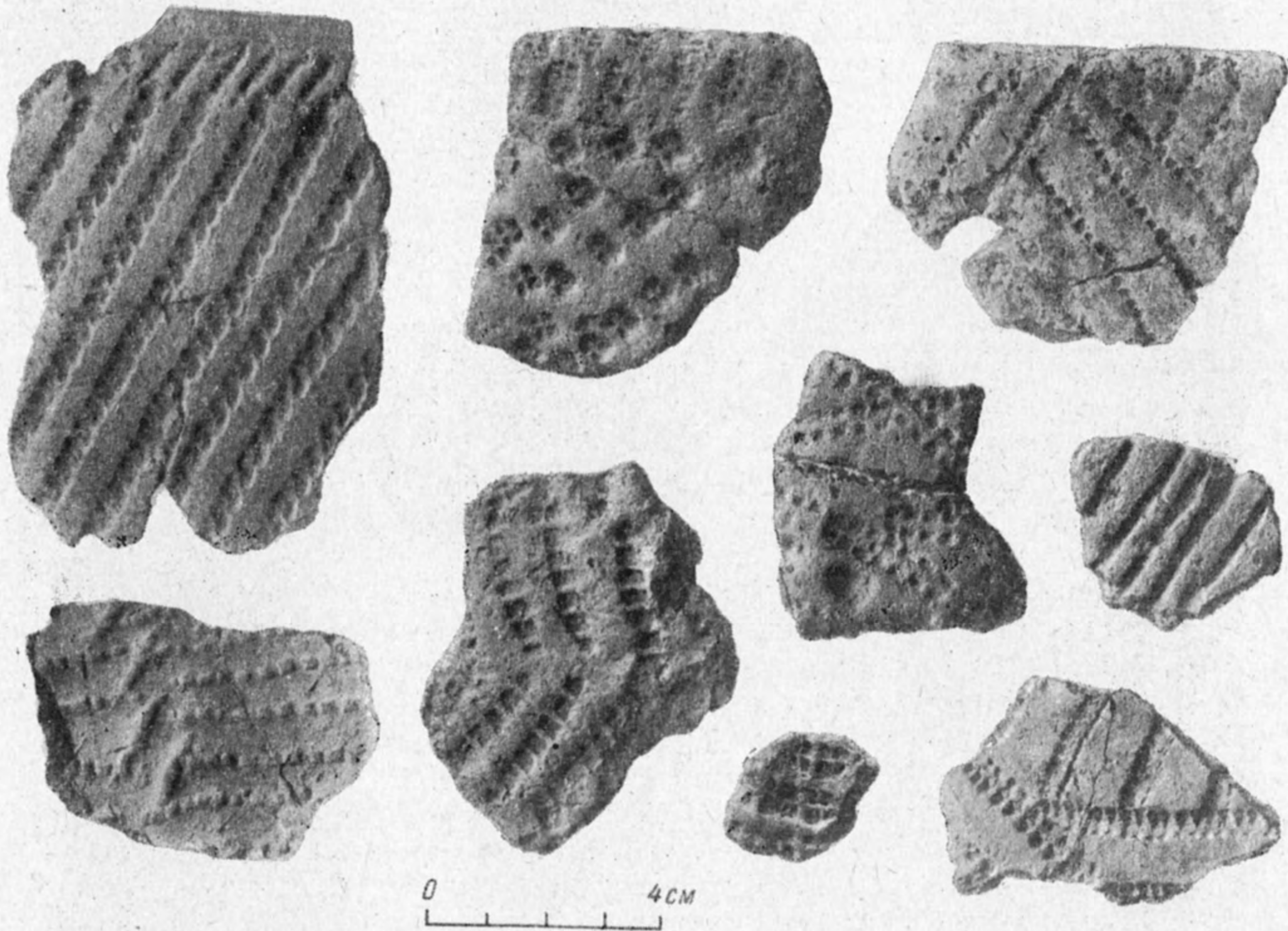

Рис. 15. Обломки глиняных сосудов из нижних слоев Бологовской стоянки.
Из коллекции П. А. Путятин.

Рис. 16. Сосуд из Михайловского поселения.
Нижний культурный слой.

Рис. 18. Фатьяновец из Кузьминского могильника. Реконструкция М. М. Герасимова.

Рис. 23. Фатьяновско-балановская керамика из селища Дикариха на Плещеевом озере. Раскопки А. Л. Никитина.

0 3CM

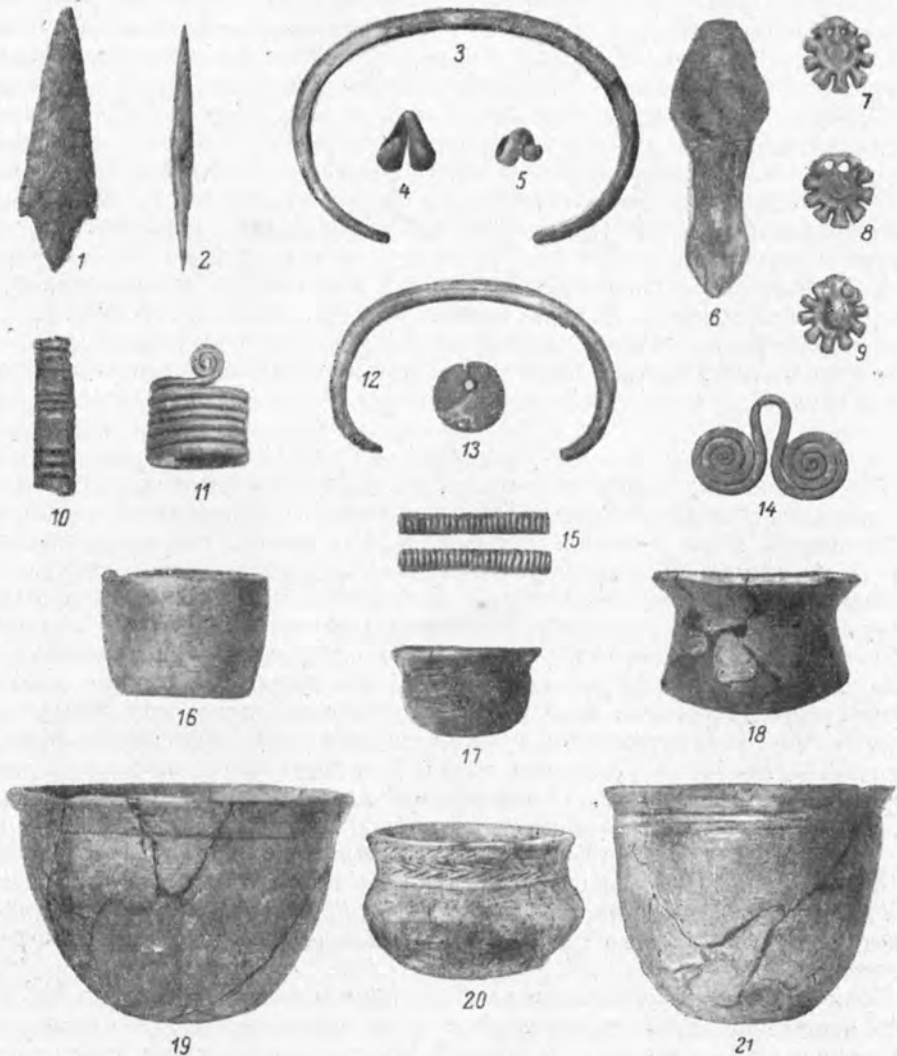

Рис. 26. Находки из могильников абашевских племен. Раскопки П. П. Ефименко 1926—1927 гг. в Чувашской АССР.

1, 2, 4, 21 — курганный могильник Тауш-Касы; 3, 5—20 — курганный могильник Алгаш.

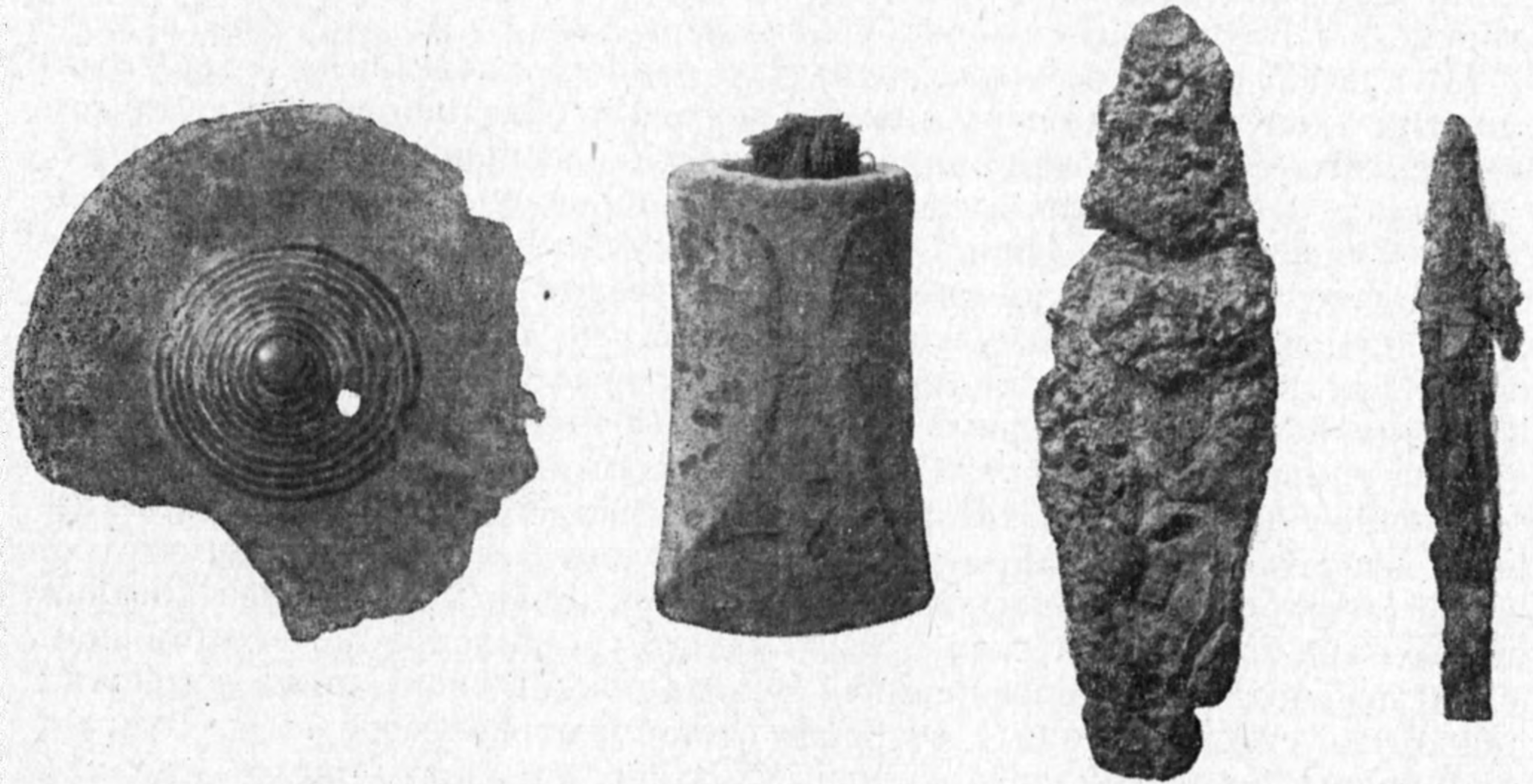

Рис. 29. Находки из Младшего Волосовского могильника (погребение 9). Раскопки В. А. Городцова. ГИМ.

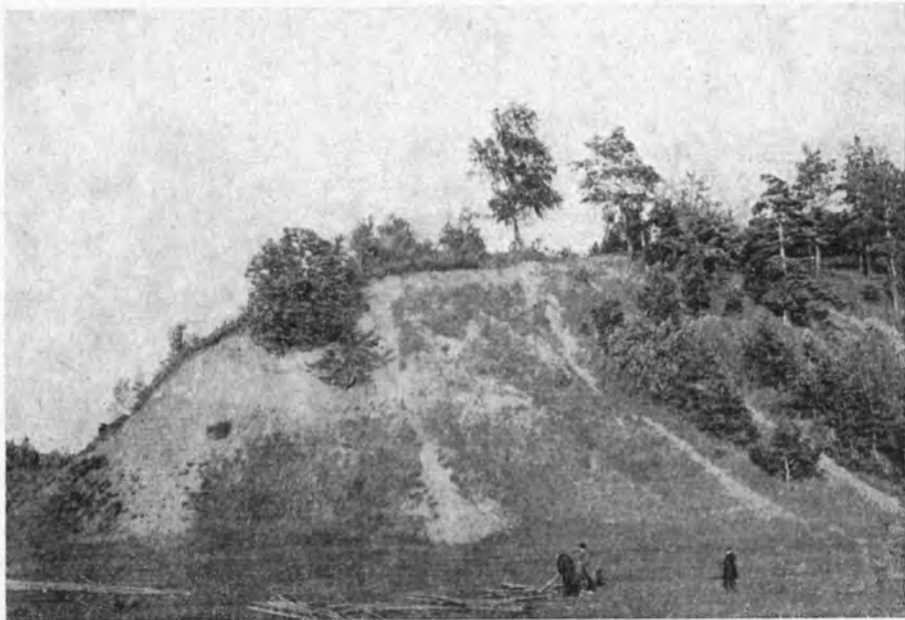

Рис. 30. Городище у с. Минского Костромской обл.

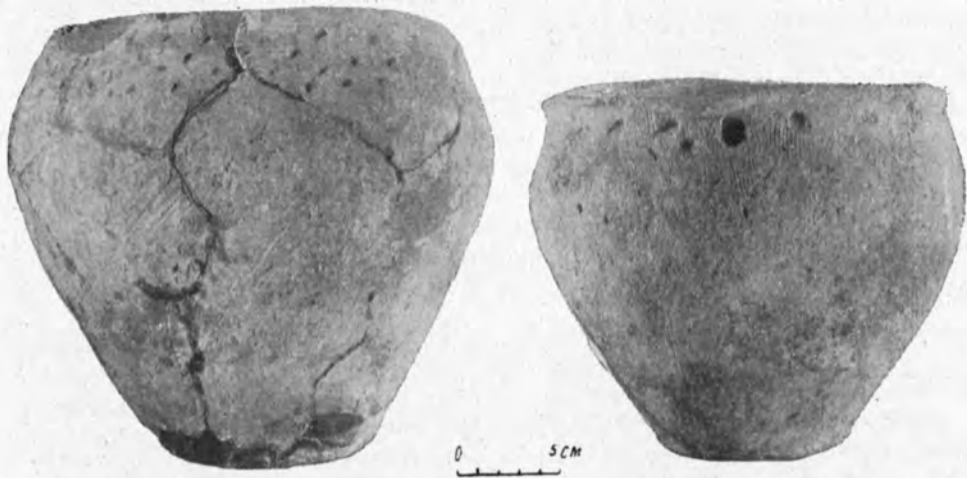

Рис. 34. Сосуды поздняковской культуры. Волосовский могильник. Раскопки И. С. Абрамова, 1908 г. Государственный Эрмитаж.

Рис. 35. Сосуды из могильника Дикариха на Плещеевом озере. Раскопки А. Л. Никитина.

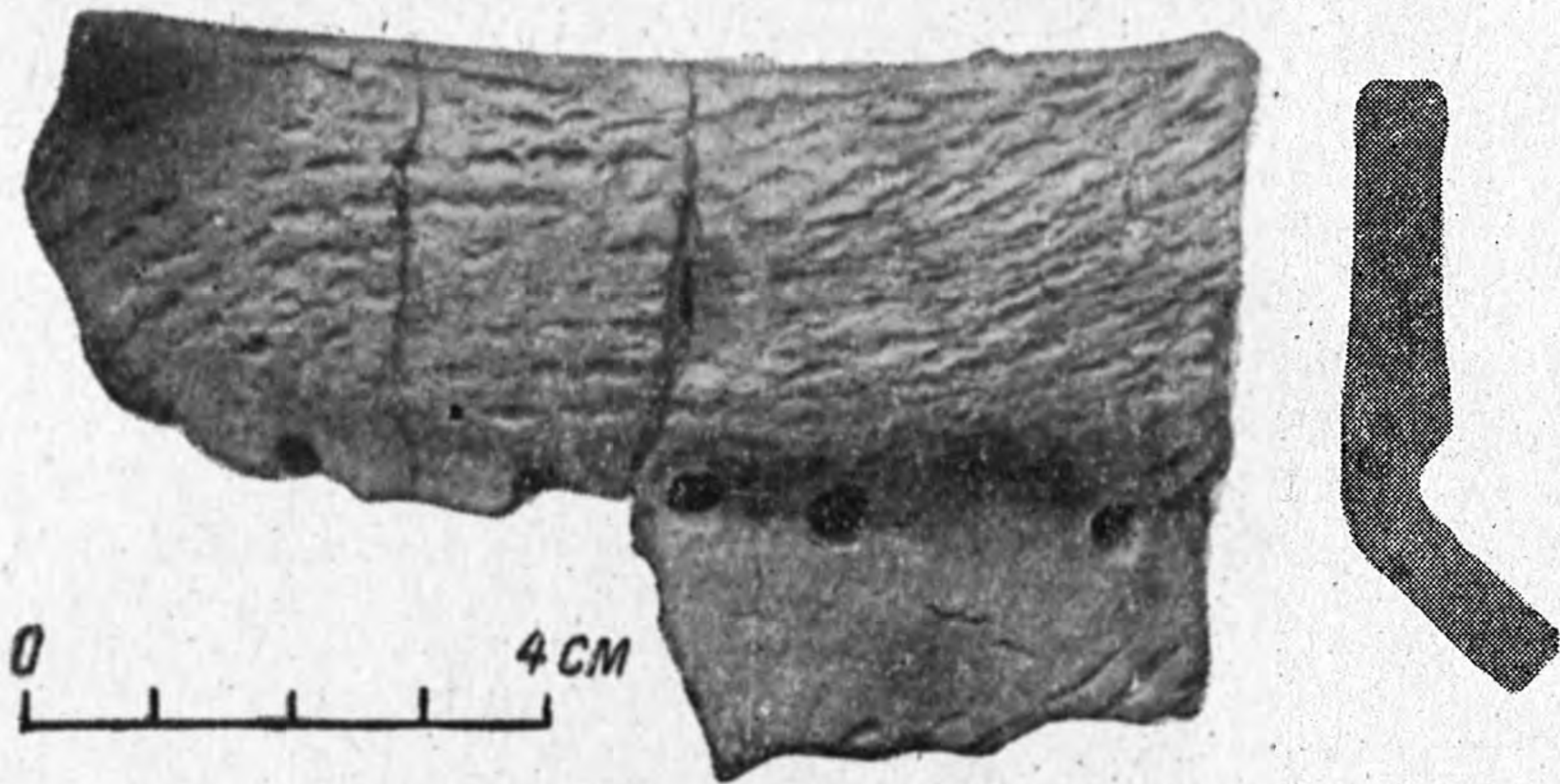

Рис. 36. Обломок шейки сосуда с текстильным орнаментом. Приказанская культура. Криуши Чувашской АССР.

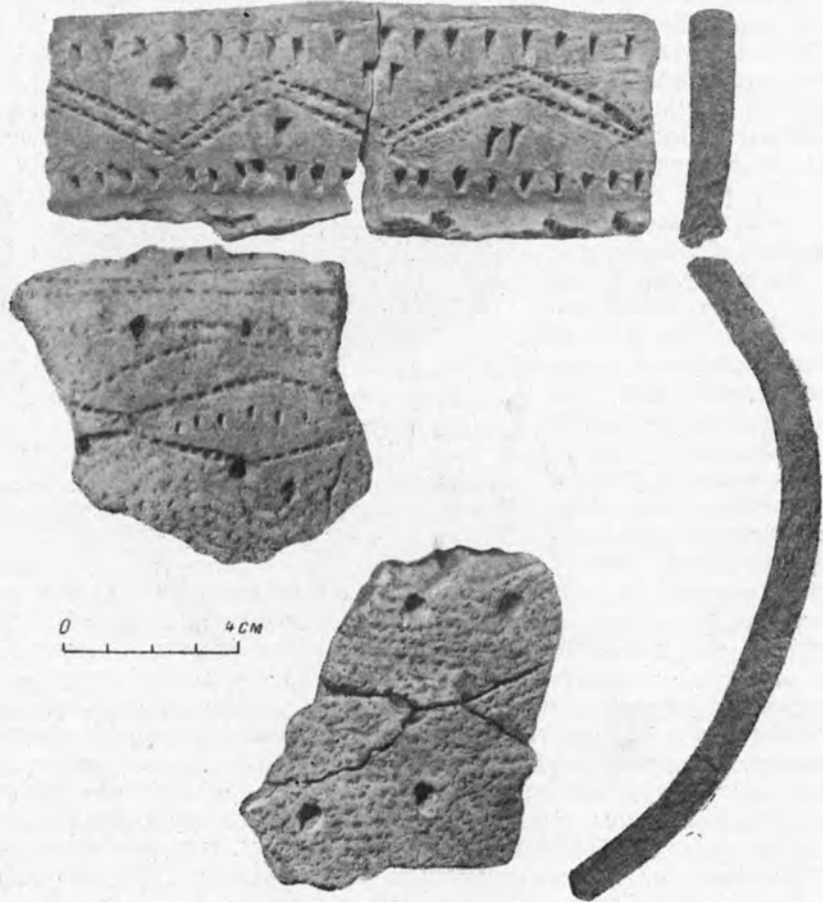

Рис. 37. Ранняя текстильная керамика. Ворокса Ярославской обл.
Сборы автора, 1937 г.

Рис. 38. Ранняя текстильная керамика. Селище на левом берегу р. Оки против с. Климентов около г. Спаска. Сборы П. П. Ефименко, 1928 г.

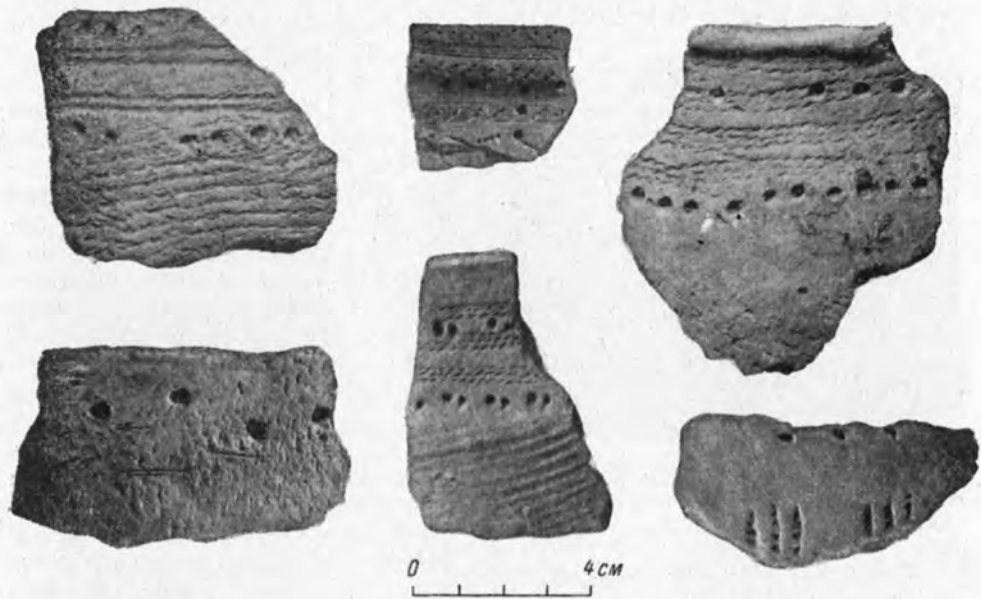

Рис. 40. Ранняя текстильная керамика с позднекаргопольскими элементами. Ватажка Костромской обл. Раскопки Н. Н. Гуриной.

Рис. 41. Литейная формочка для бронзового кельта. Ватажка Костромской обл. Раскопки Н. Н. Гуриной. Слева помещена фотография отливки, полученной в этой формочке.

Рис 42. Ананьинец из Луговского могильника. Реконструкция М. М. Герасимова.

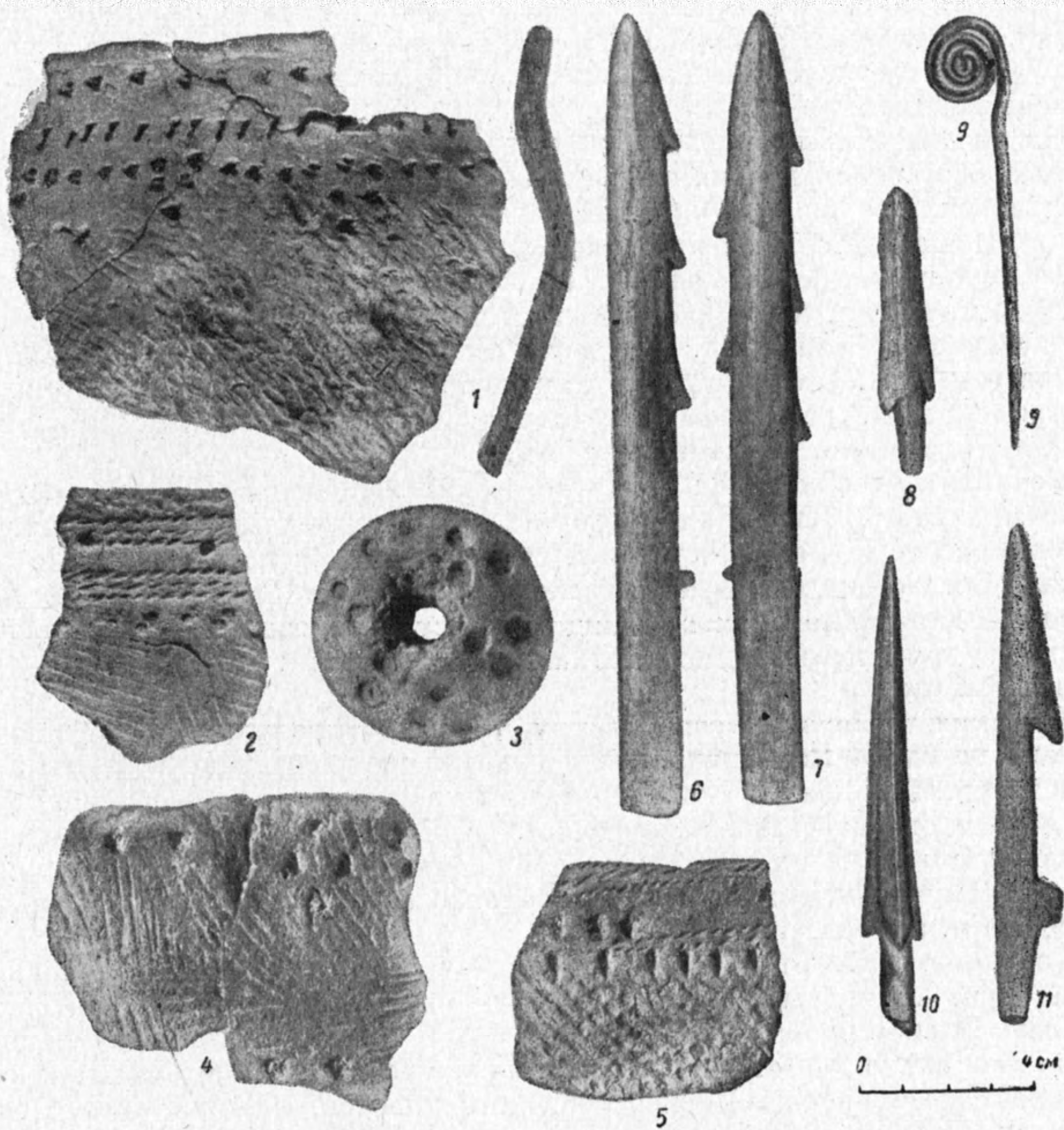

Рис. 43. Находки, сделанные на древнейших верхневолжских городищах.
Раскопки автора в 30-х годах.

1, 2 — Городок, 3, 9 — Скнятинское II, 4—8, 10, 11 — Городищенское.

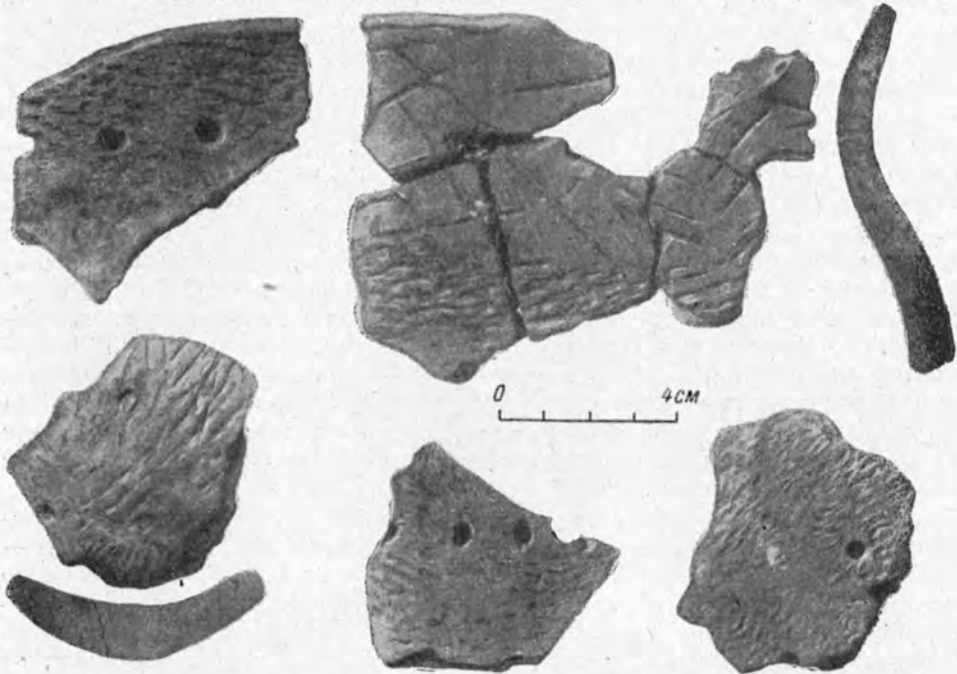

Рис. 44. Обломки керамики с городища Малахай. Чувашская АССР. Раскопки П. П. Ефименко, 1927 г.

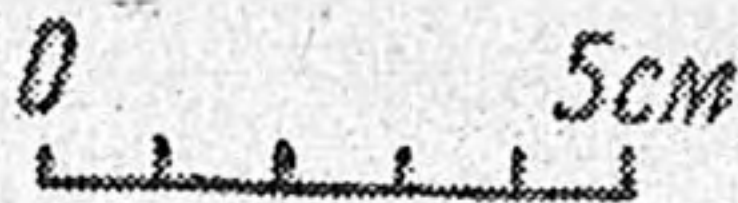
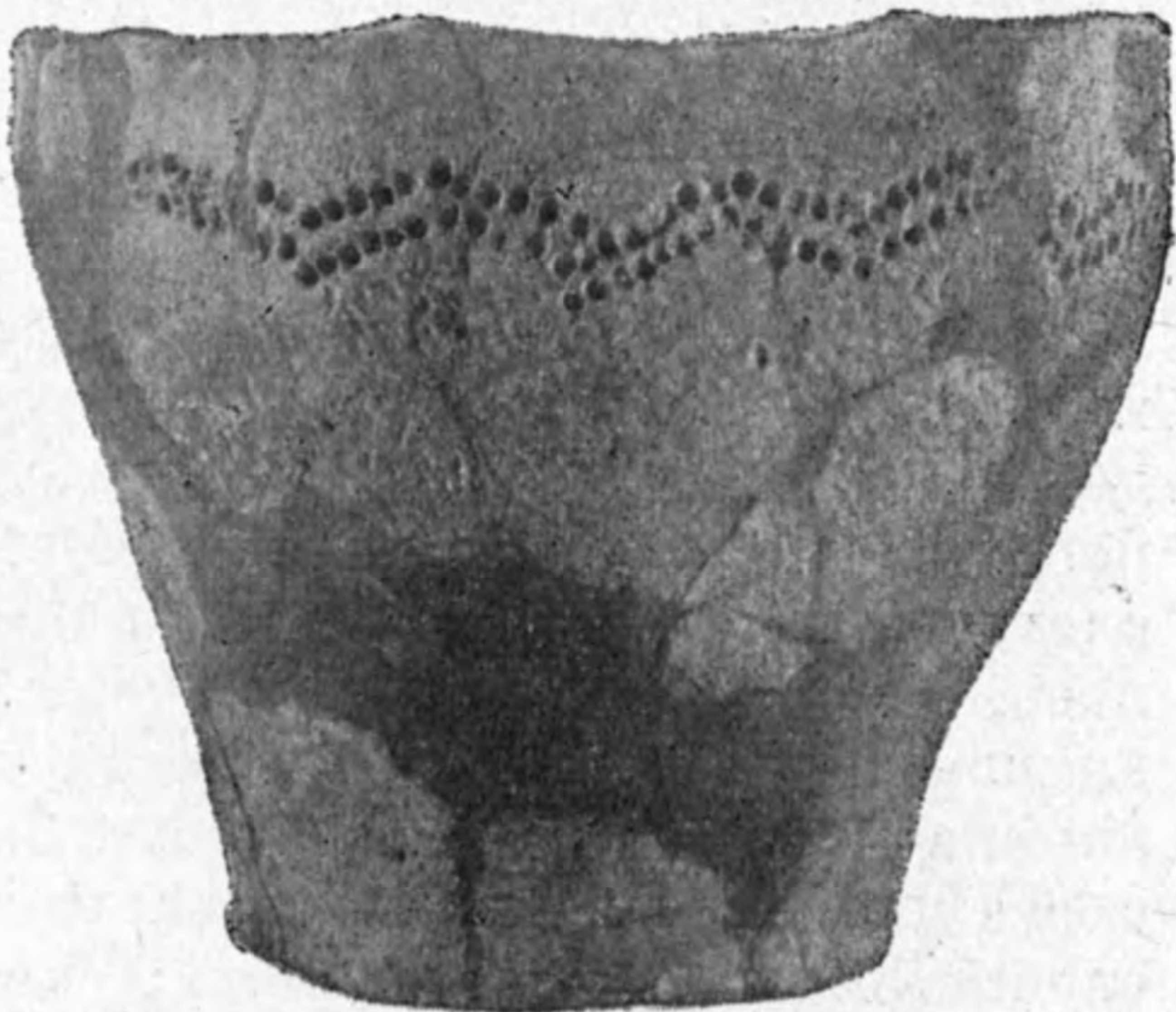

Рис. 45. Сосуд с текстильной орнаментацией. Городище Скнятинское I. Раскопки автора, 1937 г. Гос. Эрмитаж.

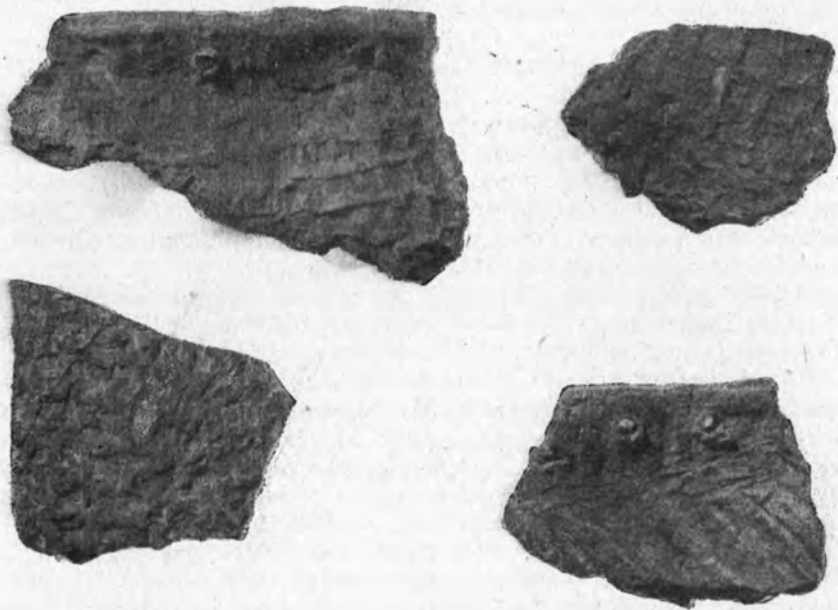

Рис. 46. Керамика с рогожным орнаментом. Городище у с. Половское Рязанской обл. Сборы П. П. Ефименко, 1928 г.

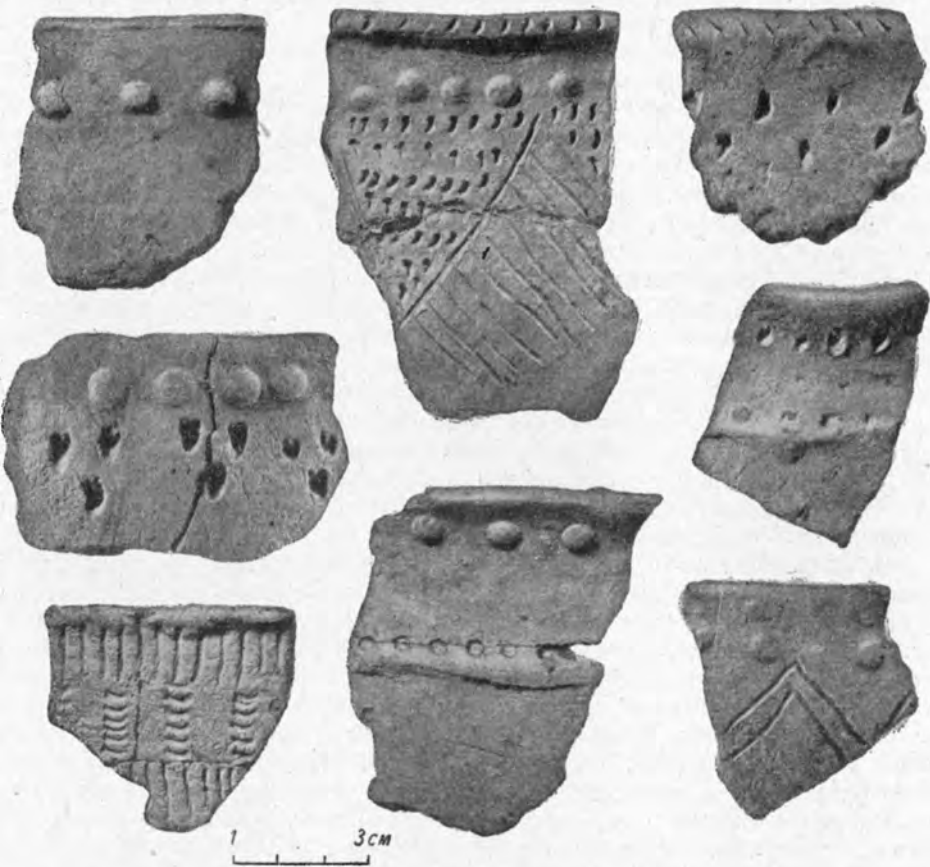

Рис. 47. Керамика эпохи поздней бронзы из области Верхнего Поднепровья. Почепское селище. Раскопки Ф. М. Заверняева.

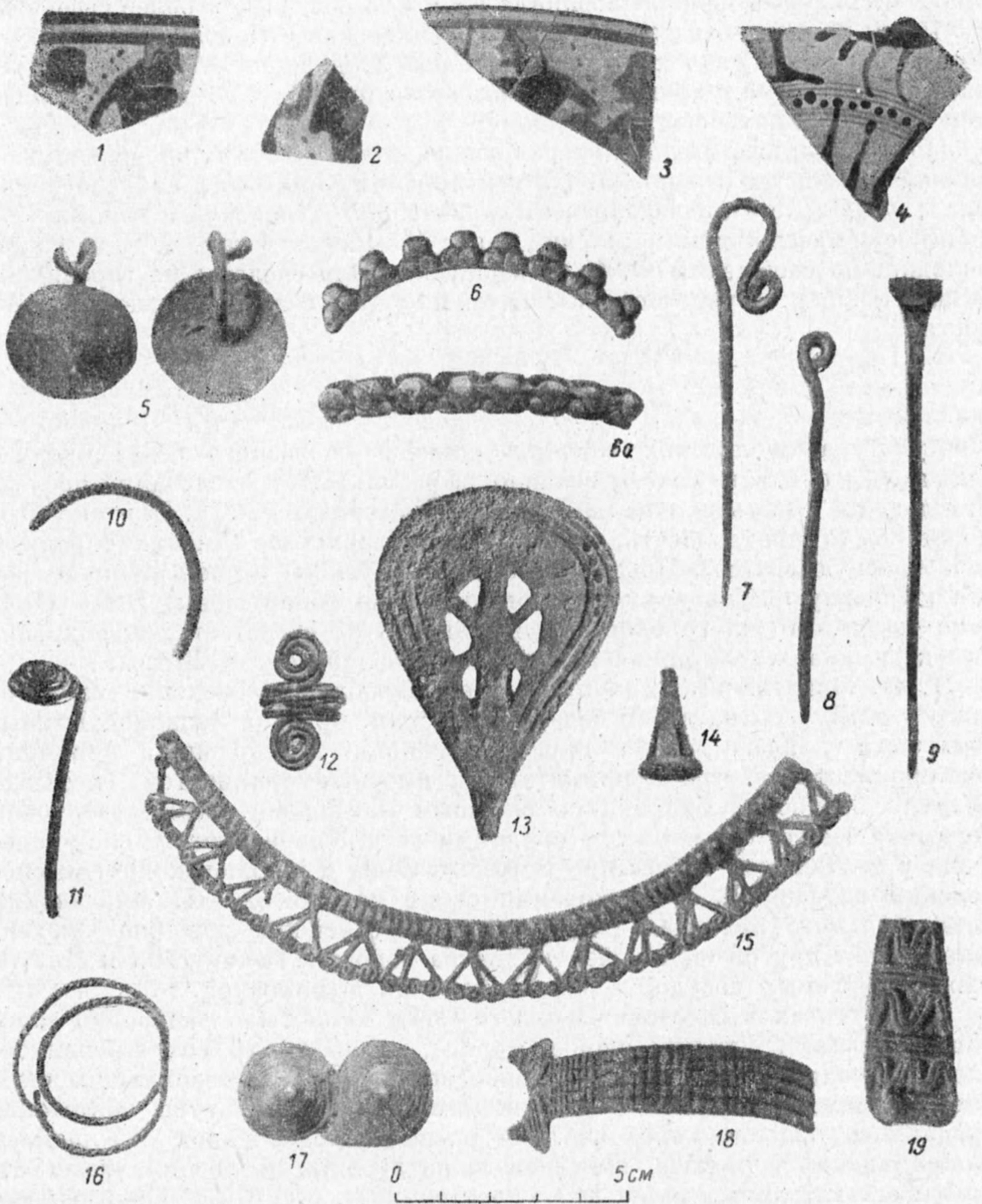

Рис. 50. Обломки античной чернофигурной керамики с городища Кузина Гора (1—4). Раскопки А. Е. Алиховой. Украшения из бронзы, найденные на городищах Верхнего Поднепровья (5—19).

5, 9, 14—17 — Мокрядинское; 6, 10, 11, 19 — Тушемля (нижний слой); 7, 8, 12, 13, 18 — Новые Батеки.

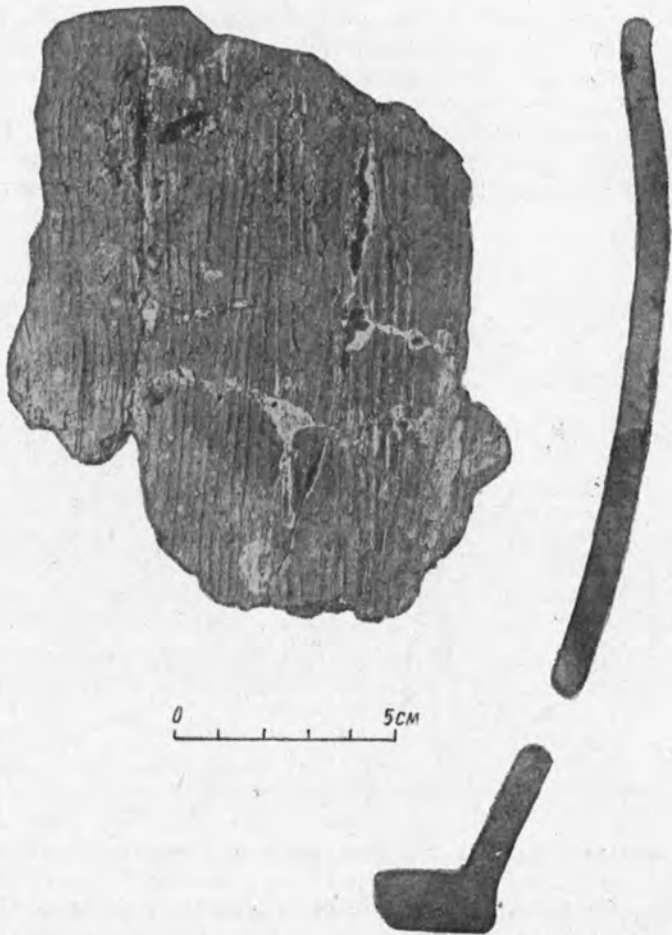

Рис. 51. Керамика, покрытая орнаментальной штриховкой. Городище Подгай. Раскопки Я. В. Станкевич.

Рис. 59. Чаплинское городище. Южная часть раскопа. Видны ямы от столбов построек и ямы-погребца зарубинецкого времени. Раскопки автора, 1951—1953 гг.

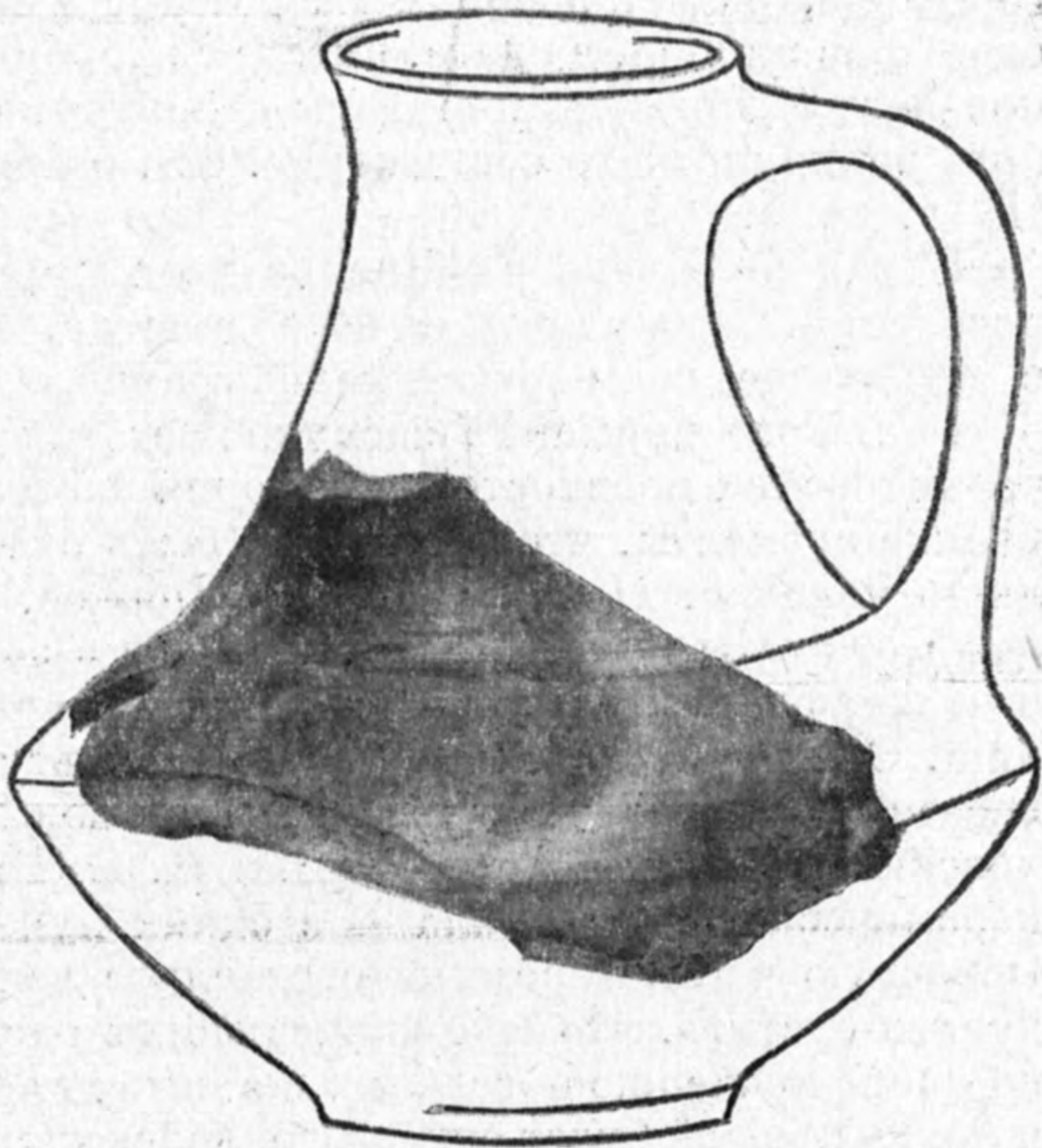

Рис. 62. Фрагмент черняховского кувшина, найденный в очаге одного из жилищ на Чаплинском городище. Раскопки автора.

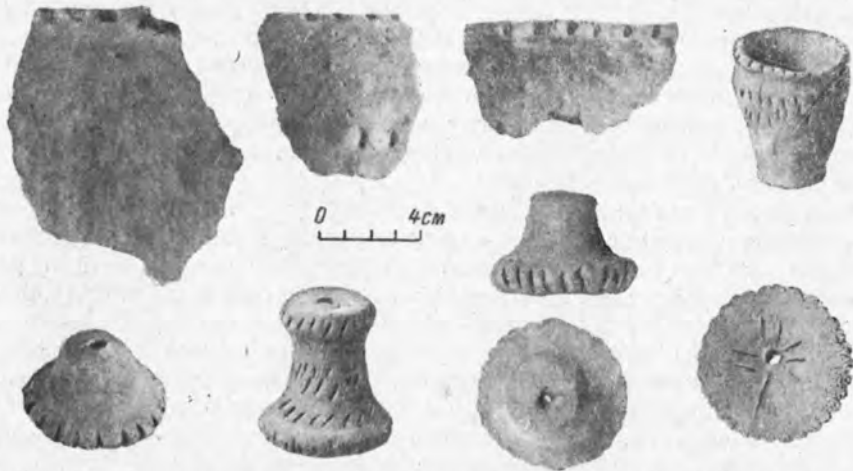

Рис. 66. Керамика и грузики балтийского типа. Городище Тушемля в верховьях р. Сожа. Слой начала нашей эры. Раскопки автора, 1955—1957 гг.

Рис. 67.
Бронзовая
фибула. Го-
родище Го-
родок. Рас-
копки авто-
ра, 1957 г.

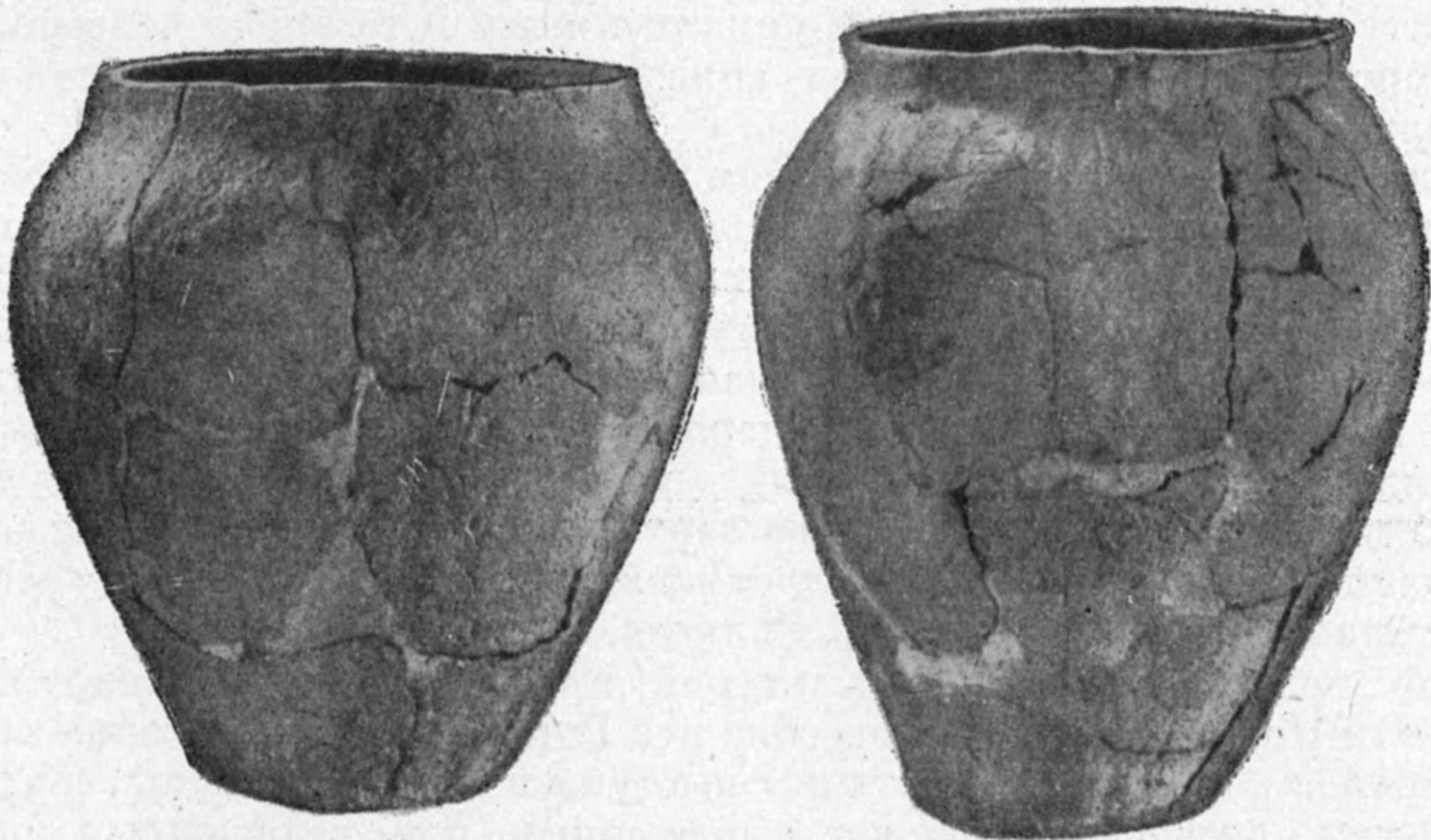

Рис. 72. Сосуды пражского типа. Велатицы около Брно, Чехословакия
(по И. И. Поулику).

Рис. 80. Сосуд из могильника у с. Артюховка.